

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Р. БОРОДИН

РАВЕННСКИЙ
ЭКЗАРХАТ
ВИЗАНТИЙЦЫ
В ИТАЛИИ

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

*Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко
(сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель),
С. С. Аверинцев, М. В. Бибииков, игумен Иларион (Алфеев),
С. П. Карпов, Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева,
Я. Н. Любарский, И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский,
Г. М. Прохоров, И. С. Чичуров,
А. А. Чекалова, И. И. Шевченко*

О. Р. БОРОДИН

**РАВЕННСКИЙ
ЭКЗАРХАТ
ВИЗАНТИЙЦЫ В ИТАЛИИ**

Ответственный редактор:
академик РАН Г. Г. Литаврин

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

ББК ТЗ(4Ит)42
УДК 945
Б 82

Б 82 О. Р. Бородин
Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — СПб.:
Алетейя, 2001. — 474 с. — (Византийская библиотека. Ис-
следования).
ISBN 5-89329-440-8

В монографии рассматривается история владений Византийской империи на Апеннинском полуострове от окончания Готской войны до падения византийского господства в Северной и Средней Италии. На основе всей совокупности источников анализируются проблемы внутривосточного и административного развития региона, взаимоотношения Византии с лангобардами, конфессиональные конфликты. Большой раздел посвящен Северо-Восточной Италии, ее социально-экономической и этнической истории.

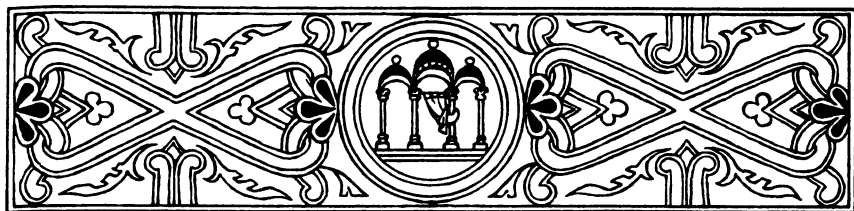
Книга предназначена специалистам по средневековью и античности, студентам-историкам, всем, кто интересуется историей Византии.

ISBN 5-89329-440-8

На форзацах: карта Италии конца VII в.

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.
© О. Р. Бородин, 2001 г.

ОТ АВТОРА

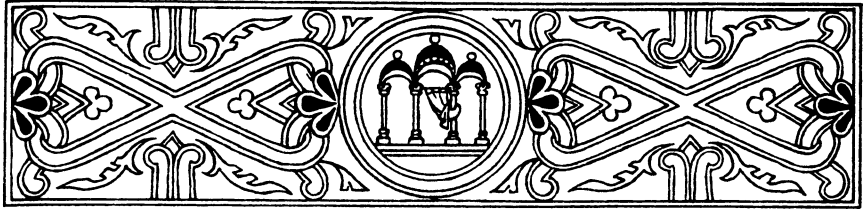
Предлагаемая вниманию читателей книга может рассматриваться как переиздание монографии «Византийская Италия в VI–VIII веках. (Равеннский экзархат и Пентаполь)», вышедшей в 1991 году. Однако в нынешнем виде она значительно отличается от первоначального варианта, что дает автору право опубликовать ее вновь под несколько измененным названием.

Для нового издания часть книги, посвященная политическим процессам, переработана и значительно расширена. Хронологически их описание доведено до коронации Карла Великого (декабрь 800 г.). Более тщательно и подробно проанализированы источники. Являвшиеся основой первого варианта монографии главы об аграрных отношениях и о городе переместились во вторую часть книги, куда вошел также новый параграф о формировании системы вассалитета на землях патримония равеннской епископии. Внесены изменения и во все прочие главы. По объему монография выросла примерно на треть и в нынешнем виде является обобщением результатов двадцатипятилетней работы автора над данной темой.

Все это время автор ощущал постоянную поддержку со стороны своих учителей и коллег — сотрудников сектора истории Византии Института всеобщей истории РАН, кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, ряда других научных учреждений. Он считает своим долгом выразить особую признательность за внимание и помощь академику Г. Г. Литаврину, академику

РАЕН, доктору исторических наук, профессору С. П. Карпову, академику РАЕН, доктору исторических наук, профессору М. В. Бибикову, докторам исторических наук, профессорам Е. П. Глушанину, И. А. Дворецкой, Г. Л. Курбатову, В. И. Уколовой, кандидатам исторических наук Н. Д. Барабанову, П. И. Жаворонкову, Д. И. Польшянному. С чувством глубокой благодарности он вспоминает безвременно ушедших от нас ученых — своего научного руководителя, члена-корреспондента АН СССР З. В. Удальцову, доктора исторических наук, профессора А. Р. Корсунского, кандидата исторических наук С. Д. Червонова.

От всего сердца автор благодарит руководство издательства «Алетейя» за лестную возможность издать эту книгу в завоевавшей широкое признание в среде специалистов серии «Византийская библиотека».

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В монографии «Равеннский экзархат. Византийцы в Италии» автор стремится решить два взаимосвязанных комплекса задач. Соответственно и сама книга состоит из двух больших разделов. Первый раздел посвящен социально-политической, церковной и административной истории Византийской Италии. В нем исследуются общественные процессы, протекавшие в эпоху владычества Византийской империи на территории всех регионов Северной и Средней Италии в VI–VIII вв. Во втором разделе работы углубленно изучается история одного из этих регионов, образованного тремя историческими областями: Равеннским экзархатом, Пентаполем Внутренним и Пентаполем Морским. Здесь особое внимание уделяется экономической и этнической истории, так как проблемы политического и административного развития в том числе и этой части Италии достаточно подробно рассматриваются в первом разделе книги.

Понятие «Равеннский экзархат» используется в научной литературе в двух смыслах: во-первых, для обозначения всего комплекса территорий, принадлежавших Византии на Апеннинском полуострове и находившихся под юрисдикцией Равеннского экзарха; во-вторых, как наименование сравнительно небольшой области на северо-востоке Италии, управлявшейся экзархом непосредственно и фигурирующей в источниках под названием «Еxarchatus»¹. В данной работе анализируется история Равеннского экзархата в обоих значениях этого термина: широко и узко. Однако в первом случае автор сознательно

исключает из рассмотрения территории Южной Италии: Апулию, Калабрию, Луканию и Сицилию. Эти области (кроме Сицилии) в административном отношении находились под юрисдикцией экзарха, однако в экономическом, политическом и, главное, демографическом плане представляли собой совершенно особый регион (в отличие от остальной Италии, преимущественно греческий по составу населения)². Поэтому введение их в единый исторический контекст с принципиально иными территориальными анклавами на основании только формально-юридических соображений было бы методически неправильным. Итак, объектом исследования в первом разделе монографии является следующий ареал: Римский дукат (в основном, соответствует исторической области Лаций), Неаполитанский Дукат (Кампания), Лигурия (до ее захвата лангобардами при короле Ротари), Венето, Истрия, Перуджа, Внутренний Пентаполь³, Морской Пентаполь⁴ и собственно экзархат⁵.

Во втором разделе речь пойдет о северо-восточном регионе Византийской Италии. В разные эпохи он включался в различные административно-политические структуры. В эпоху ранней античности земли будущего Равеннского экзархата и север Пентаполей входили в состав Цизальпинской Галлии (а именно — той ее части, которая именовалась Циспаданской, т. е. «расположенной по сю сторону По»). Срединные и южные районы Пентаполя приходились на прибрежную часть Умбрии и север Пицена. Позднее, во времена Римской империи, изучаемая зона располагалась на территории провинций Циспадана, Эмилия, Умбрия и Пицен, причем большая часть ее площади входила в состав Эмилии. В средние века регион на востоке Италии, некогда принадлежавший византийцам (ромеям), стал именоваться «Романья». В наше время данная зона соответствует территориям современных итальянских провинций Эмилия-Романья (восток) и Марке (север).

На протяжении всего рассматриваемого в монографии периода специфика социального развития любого района Италии зависела, в первую очередь, от его принадлежности к Византийской империи или к Лангобардскому королевству. Границы владений византийцев и лангобардов отличались значительной подвижностью. В данной работе история Византийской Италии изучается во всей динамике ее территориальных изменений.

Хронологические рамки работы — примерно с середины VI в. (окончание Готской войны) до середины VIII в. (падение Равенн-

ского экзархата). Таким образом, византийский период истории региона рассматривается на всем протяжении, безотносительно к тому, что в его первые годы экзархата как определенной системы управления еще не существовало. Такой подход позволяет составить более полное представление о некоторых исторических тенденциях, в развитии которых изменения в структуре администрации не являлись рубежом.

Тема, избранная для исследования, принадлежит переходному периоду от античности к Средневековью. Она представляет значительную актуальность в плане изучения общественных процессов, протекавших в ареалах взаимодействия различных раннесредневековых культур, на стыке цивилизаций, в т. н. «контактных зонах»⁶. Их осмысление позволяет судить о соотношении темпов общественного развития разных территорий, помогает более полно выявить их специфику и в то же время связать их историю с общим ходом истории человечества.

Раннесредневековая Италия — исключительная по своему значению для судеб Европы зона «встречи цивилизаций». Будучи, наряду с Грецией, колыбелью античности, она принесла в Средневековье богатейшее наследие древней культуры. Приспособление этой культуры к потребностям времени, ее трансформация в средневековую (в экономической, политической, идейной областях) представляют колоссальный интерес для медиевистики. Исторические судьбы Италии сложились таким образом, что на протяжении 300 лет она испытала четыре вражеских нашествия (готское, византийское, лангобардское, франкское), которые неизменно приводили к покорению всей страны или ее значительной части. Кроме Италии ни один регион бывшей Римской империи не становился трижды объектом завоевания германцев⁷, нигде столкновение античного и варварского миров не принимало столь острых форм. Постоянное (с 30-х гг. VI столетия) присутствие в Италии византийцев еще более усложнило социальную ситуацию в стране. При исследовании истории средневековой Италии в VI–VIII вв. необходимо иметь в виду взаимовлияние уже не двух (римской и варварской), а трех культур. В этом смысле Италия предоставляет историку редкую возможность изучения основных для раннего Средневековья социальных структур (западно-римской, варварской и ранневизантийской) в непосредственном взаимодействии.

Промежуток с конца VI до конца VIII вв. в истории Италии насыщен важнейшими событиями. Это — эпоха, в течение которой оформились, развились и исчезли с исторической сцены анклавы «византинизма» в Северной и Средней Италии, эпоха, когда Византия столкнулась в Италии с лангобардским нашествием, годы возвышения папской курии, создания светского государства пап, наконец, время франкского завоевания. Естественно, что общественные отношения в Византийской Италии претерпели в этот период ряд серьезных изменений. Их изучение и выявление тенденций социального развития византийских владений в Италии имеют большое значение как для италянистики, так и для византиноведения.

В монографии предпринимается попытка определить эти тенденции, главным образом, на основе анализа политических процессов и изучения административных структур. Итогом развития Византийской Италии в VI–VIII вв. стало ее отделение от Византии. Автор книги стремится ответить на вопрос: «Как и почему это произошло?» Предпочтение, оказанное в работе материалу из сферы политической и военно-административной истории, объясняется тем, что падение византийского господства на Апеннингах было обусловлено длинной чередой политических событий. Их комплексный анализ — обязательная предпосылка решения основной проблемы, поставленной в первой части монографии.

Изучение политической истории византийских владений на Апеннингах позволяет рассмотреть серию конкретных проблем: периодизации византийско-лангобардских отношений; причин и последствий противостояния римской и равеннской епископских кафедр; обстоятельств распространения на Италию монофелитских, а затем — иконоборческих императорских эдиктов; движущих мотивов внутренних политических переворотов в Риме и в Равенне; роли римских пап в развитии центробежных по отношению к империи политических процессов.

В связи с изучением административных структур возникают вопросы о направлении и значении эволюции административной системы экзархата; о военно-организационном и социальном содержании трансформации византийской армии в Италии; наконец, актуальный для византинистики в целом вопрос о сходстве и различии экзархатов и фем как стадийно близких форм регионального администра-

тивного устройства в Византии, соответствующих эпохе перехода от античности к средневековью. Все перечисленные проблемы исследуются в монографии.

Внутри византийских владений особый феномен представляют собой области на востоке Северной и частично Средней Италии (собственно экзархат⁸ и Пентаполи), многие социальные характеристики которых на общетальянском фоне выглядят достаточно оригинально. Во второй части книги ставится задача выявить в развитии этой зоны черты особенного и общего (с самой Византией, с другими областями Византийской Италии, с Лангобардией). Данная задача решается на основе результатов включенных в раздел исследований об аграрных отношениях в регионе, о эволюции города, об этническом развитии изучаемой зоны, в том числе — о мере влияния этносов неместного происхождения — выходцев с Востока (греков, сирийцев, армян, евреев) и т. н. варваров (германцев, протоболгар, славян) на протекавшие здесь общественные процессы.

Следует оговориться, что избранный исследовательский ракурс заставляет иногда прибегать к определенным хронологическим и (реже) территориальным смещениям по сравнению с теми рубежами, что были обозначены выше. Так, например, говоря об истории взаимоотношений Византии и лангобардов, нельзя не касаться событий, происходивших на юге Италии. Для политической истории Равеннского экзархата (в широком смысле слова) нижней гранью является лангобардское вторжение на Апеннинский полуостров; для истории этнической — массовое выселение остготов из Италии, осуществленное византийцами по окончании Готской войны; для административного развития — издание византийским правительством Прагматической санкции *per Italiam*. В одном случае допущен более значительный сдвиг: в работу включен специальный параграф, посвященный участию римской курии в восстановлении империи на Западе при Карле Великом (25 декабря 800 г.). Это сделано для того, чтобы проследить эволюцию характерного для папского Рима понимания идеи империи до того момента, когда оно нашло реальное воплощение в политической практике.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Характер любого исторического исследования зависит от состояния историографии. История Византийской Италии — одна из самых старых тем медиевистики. Ее разработка началась еще в эпоху Ренессанса.

В работах гуманистов Ф. Бьондо, кардинала Барония, Л. Альберто⁹ содержались очерки истории византийского господства в Италии, уточнялись некоторые датировки. Во второй половине XVI в. вышли в свет три исследования по истории Равенны, принадлежавшие перу местных эрудитов Д. Спрети, Т. Томаи и Г. Росси¹⁰. Работа Росси, в части, посвященной византийскому периоду истории города, сохраняет значение и до сих пор, т. к. автор использовал ряд впоследствии утраченных источников.

На протяжении XVII–XVIII вв. было опубликовано несколько работ по истории других городов экзархата и Пентаполей¹¹, появилось первое исследование о равеннской средневековой архитектуре, положившее начало искусствоведческому изучению византийских памятников Равенны¹², была написана монография по равеннской нумизматике¹³. В начале XVIII в. Даль Корно издал первый труд, непосредственно посвященный раннесредневековой истории Равенны. Эта книга, в сущности, являлась справочником по истории города¹⁴. В конце века вышла обобщающая работа И. Юнгманна, подведшая итог многолетнему изучению истории византийского господства в Северной и Средней Италии¹⁵. Период XVI–XVIII вв. был для историографии Равеннского экзархата временем накопления фактического материала, первых опытов источниковедческой критики. В эти столетия была создана событийная канва истории Византийской Италии. Византино-итальянские сюжеты вошли в обобщающие работы по европейскому средневековью (прежде всего в известный труд Э. Гиббона)¹⁶.

Новый этап изучения Византийской Италии начался во второй половине XIX столетия и был связан с обращением к ее истории ряда крупных исследователей позитивистского направления. В 80-е гг. XIX в. К. Калиссе, Л. М. Гартманн, Ш. Диль посвятили Равеннскому экзархату (в широком значении термина) специальные монографии¹⁷. Основным содержанием работы К. Калиссе стало изучение институтов власти, историко-юридический анализ общественных отношений

в стране. Л. М. Гартманн проанализировал устройство фискальной системы, поставил вопрос об организации вооруженных сил в Равеннском экзархате. Его тезис о системе пограничной стражи — *limitanei* — как основе формирования войска в Византийской Италии по территориальному принципу вызывает сомнения, так как *limitanei* ни разу не упоминаются в источниках итальянского происхождения.

Ш. Диль много сделал для выяснения полномочий отдельных представителей византийской администрации в Италии, предпринял попытку выявить социальный облик различных групп населения региона, поставил проблему взаимодействия латинской (позднеримской) и византийской культур, роли различных епископий в развитии политических процессов в стране. Благодаря Ш. Диллю, в поле зрения ученых впервые попали проблемы социально-экономической эволюции региона: развития форм собственности, формирования господствующего класса и т. д. Определяющее значение для изучения протекавших в регионе социальных процессов имела предложенная Ш. Диллем концепция постепенного слияния служившего в Италии византийского чиновничества и местной землевладельческой знати римского происхождения в единый слой земельных собственников¹⁸. Ш. Диль впервые широко использовал такой важнейший источник, как равеннские папирусы. Опираясь на них, он исследовал муниципальное устройство Византийской Италии и сделал верный вывод о его кризисном состоянии к концу VI в. Ш. Диль обоснованно заключил, что при всех политических коллизиях VII–VIII вв. в экзархате всегда «оставалась партия, верная Византии»¹⁹. Причины падения имперской власти он видел в недовольстве итальянцев византийским фискальным гнетом и вмешательством в религиозную жизнь страны. Вместе с тем, предпочитая говорить об итальянцах в целом, французский историк не вполне четко представлял себе те конкретные социальные силы, которые были особенно заинтересованы в падении византийской власти в Италии.

Отдельные аспекты истории Византийской Италии рассматривались в работах Г. Кона (статус равеннского экзарха), Г. Берти (система морских портов в экзархате), П. Лютера (взаимоотношения равеннских экзархов и римских пап)²⁰. В 1914 г. вышла большая научно-популярная монография о Византийской Италии Д. де Гульденкрон²¹.

Таким образом, к началу 20-х гг. XX в. были намечены основные направления разработки истории Византийской Италии. Дальнейший прогресс в историографии темы был возможен при условии детализации исследований, привлечения источников новых типов (данных ономастики, лексикографии, исторической географии, археологии), расширения исследовательской тематики, создания крупных комплексных монографий об отдельных регионах Византийской Италии.

Многое в этом плане было сделано в рамках следующего историографического периода, продолжающегося до сих пор. В новейшую эпоху историю Византийской Италии изучали такие крупные специалисты, как О. Бертолини, К. Христу, А. Симонини, Дж. Фазоли, Л. Руджини, П. Рази, Р. Левеллин, Т. С. Браун, А. Гийу, А. Кариле и др. Еще в 1941 г. О. Бертолини опубликовал фундаментальный труд о политических взаимоотношениях Византии, Лангобардского королевства и римских пап²², дополнив его позднее многими статьями. Этот труд в первую очередь представляет собой почти исчерпывающую сводку фактического материала. Но его автор делает также и несколько важных обобщающих заключений. Он приходит к выводу, что в Италии «к началу VIII столетия сложились основы для обеспечения антивизантийской солидарности римлян и лангобардов»²³. Чрезвычайно интересна его мысль, что в VIII в. лишь лангобардские короли продолжали защищать традиции варварского государства, противоречащие романо-итальянскому национальному чувству, и это в конечном счете привело к падению их власти. О. Бертолини датирует вторым десятилетием VIII в. начало самостоятельной светской внешней политики пап, отмечая, что прежде их участие в политической борьбе было обусловлено лишь стремлением защищать апостолические догматы²⁴. Это наблюдение можно оспорить в частности (вспомнив, например, участие римских понтификов в защите Рима от варваров в конце VI в. и т. д.), но в целом следует согласиться с итальянским исследователем в том, что с 20–30-х гг. VIII в. действия папства по отношению к внешним силам выстраиваются в виде продуманной и целенаправленной политической линии.

В более поздней монографии «Рим и лангобарды»²⁵ О. Бертолини делает важный вывод о постепенном политическом сближении лангобардов и папства, о том, что их отношения претерпели длительную эволюцию, пройдя путь от откровенно враждебных до почти

дружественных²⁶. Это весьма интересное заключение нуждается, однако, в некоторой корректировке. Следует напомнить, что папство, осуществлявшее миссионерскую деятельность среди лангобардов еще во время их пребывания в Паннонии, с первых лет лангобардского завоевания Италии искало и находило возможности компромисса с варварами. С другой стороны, после перехода лангобардской верхушки в католичество и даже в эпоху иконоборчества между варварами и римскими папами возникали серьезные конфликты, так как обе стороны преследовали свои собственные цели. О. Бертолини, будучи по преимуществу историком лангобардов, рассматривает международные отношения изучаемой эпохи, как бы наблюдая за ними из Павии, что, конечно, сужает его исследовательский обзор.

Сравнительно недавно опубликованная книга греческого византиста К. Христу²⁷ лишь частично посвящена изучаемому нами периоду (глава «Лангобарды в Италии»). В работе анализируются правовые основания византийско-лангобардских дипломатических контактов и заключавшихся договоров, поставлен вопрос о византийской трактовке лангобардского пребывания в Италии в связи с развитием имперской идеи. Следует отметить, что К. Христу отстаивает в своей монографии очень спорную точку зрения о том, что лангобарды переселились в Италию как федераты Восточной империи на основе заключенного ранее двустороннего договора. Крупнейший современный историк лангобардов Й. Ярнут в рецензии на книгу К. Христу резонно отмечает в этой связи, что по данным всех известных источников лангобардское вторжение в Италию выглядит как кровопролитная война, а не как попытка расселения на предварительно ассигнованных земельных угодьях²⁸.

А. Симонини впервые монографически исследовал историю равеннской архиепископии²⁹. Большое значение для темы, рассматриваемой в данной книге, имеет его монография об автокефалии, достигнутой архиепископом Мавром в 60-е гг. VII в. Однако отношение А. Симонини к Равеннской церкви явно апологетическое. Это побуждает его искусственно сглаживать остроту антипапских акций архиепископов Равенны, доверять подлинности несомненно фальсифицированных документов, подготовленных в окружении равеннских понтификов с конъюнктурными целями (таких, например, как «Мученичество св. Аполлинария»).

В центре внимания Дж. Фазоли оказались проблемы изменения границ между византийской и лангобардской зонами, соотношения уровней экономического развития Византийской и Лангобардской Италии, пребывания лангобардов на византийской территории и т. п.³⁰ Очень важна ее статья, в которой характеризуются владения равеннской архиепископии в византийский и поствизантийский период. Итальянской исследовательнице удалось ответить на вопрос о границах территориального влияния равеннских понтификов, причем — в двух аспектах: обозначить диоцезы, находившиеся под церковной юрисдикцией Равенны, и выявить границы равеннского церковного патримония как на северо-востоке Италии, так и в других регионах³¹.

Л. Руджини в монографии, охватывающей период с IV по VI вв., изучала характер итальянской торговли, эволюцию отношений земельной собственности, социальный состав непосредственных производителей. Она впервые провела статистическое исследование на материале равеннских папирусов, попытавшись выяснить сравнительную доходность названных в них земельных участков, а также стоимость земли в Эмилии к сер. VI в.³² Вследствие крайней спорадичности конкретных известий источников о размерах аграрных комплексов, ценах на хлеб и урожайности земли, полученные исследовательницей цифровые результаты, конечно, нельзя принимать за абсолют. Тем не менее опыт Руджини чрезвычайно интересен, т. к. свидетельствует о принципиальной возможности статистической обработки данных равеннских раннесредневековых документов.

Большой интерес вызывает монография П. Рази — единственное крупное исследование о войске в Италии в эпоху раннего средневековья³³. Стремясь проследить процесс эволюции вооруженных сил Италии начиная с V в., автор собрал огромный фактический материал, относящийся к позднеримскому и готскому периодам, а также — к византийской и лангобардской зонам Апеннинского полуострова в VI–IX вв. К сожалению, основная идея П. Рази о существовании в итальянских городах двух типов вооруженных сил — регулярной армии и ополчения свободных граждан — вызывает принципиальные возражения. Представляется, что итальянский историк принял две разные стадии развития единого итальянского войска за разные типы вооруженных сил. Полемике с этой концепцией посвящена значительная часть параграфа о войске в настоящей монографии.

В 1970 г. английский ученый П. Ллевеллин опубликовал большой труд «Рим в Темные века», охватывающий хронологический период от начала готского завоевания Италии до коронации императора Оттона I (962 г.). Работа П. Ллевеллина — самое значительное сводное исследование по истории города Рима в раннее Средневековье. Для тематики данной монографии особенно значим раздел «Рим и Византийская империя». Здесь П. Ллевеллин приходит к ряду важных выводов: об отсутствии реальной власти у *dux*'а Рима — формального главы Римского дуката — ввиду абсолютного административного влияния находящейся здесь же папской курии; о том, что установление равеннской автокефалии в 664 г., ставшее возможным благодаря стремлению императора Константа II ослабить папство, находится в прямой связи с переносом императорской резиденции в Италию; наконец, о том, что в течение всего изучаемого периода «Рим оставался столицей империи, пропитанной греческим и латинским имперским духом». Последнее заключение английский ученый подтверждает, в частности, данными о расселении в Риме этнических греков³⁴. Представляется, однако, что П. Ллевеллину свойственно несколько преувеличивать степень лояльности римлян по отношению к Византии до начала эпохи иконоборчества.

Т. Браун подготовил обобщающее исследование о господствующем классе Византийской Италии — его внутренней структуре, административном статусе его представителей, их отношении к земельной собственности, к военной службе и т. д.³⁵ Работа английского ученого отличается большой скрупулезностью и точностью. В ней проанализированы кризисные процессы, приведшие к исчезновению с исторической сцены позднеантичного господствующего класса Италии, показано, в чем выражалось влияние военных коллизий с лангобардами на социальную эволюцию страны. Т. Браун верно отмечает, что «институты, которые могли существовать только в условиях мира и процветания, такие как сенат и муниципальные курии, исчезли полностью»³⁶. Характеризуя социальные сдвиги в VII — нач. VIII вв., он формулирует важный вывод об их обусловленности «интересами индивидуумов, а не реформами, проводимыми сверху»³⁷.

Современные исследователи Византийской Италии широко применяют археологические, лингвистические, нумизматические материалы. Использование всего комплекса доступных источников и выбор принципиально новых исследовательских аспектов характерны

для творчества крупного французского византиниста А. Гийу. Ему принадлежат многочисленные работы о народонаселении Византийской Италии, об этнических миграциях, о городских и сельских поселениях, о типах жилищ, о психологическом облике жителей Равеннского экзархата, о системе образования в Византийской Италии и т. д.³⁸

А. Гийу является автором единственной специальной монографии по истории северо-восточного региона Византийской Италии — Равеннского экзархата (в узком значении термина) и Пентаполя Морского³⁹. В своем фундаментальном исследовании он стремился на примере Равеннского экзархата выявить истоки регионального сепаратизма в Византийской империи в VII–VIII вв. А. Гийу пришел к выводу, что экономическая автаркичность региона, ослабление его связей с Константинополем в конечном счете обусловили возможность его отделения от империи; в этой ситуации роль политического лидера общества взяла на себя Церковь, оппозиционно настроенная по отношению к неортодоксальной, иконоборческой Византии. В этом плане, считает французский ученый, можно сопоставить Равеннский экзархат с Карфагенским экзархатом, с Египтом, Сирией и Палестиной, где главенствующую роль играло местное монофиситское и несторианское духовенство, также находившееся в конфликте с Константинополем, что значительно облегчило арабам захват этих территорий⁴⁰. Применительно к экономике концепция А. Гийу представляется в целом верной. Что же касается ее социально-политического аспекта, то заметим, что из числа крупных итальянских Церквей именно равеннская на протяжении всей византийской эпохи сохраняла наибольшую лояльность по отношению к Константинополю. Тем не менее и Романью постигла общая судьба византийских владений в Италии. Сближение экзархата с византийскими провинциями на Востоке не вполне правомерно: мы увидим, что сам ход его истории вел к отделению от Византии, в то время как Сирия и Египет, несмотря на наличие там религиозной и светской оппозиции, выглядели вполне органично в составе империи вплоть до арабского завоевания. Но независимо от высказанных здесь соображений ценность книги А. Гийу для изучения истории Византийской Италии очень велика. В ней сделано немало заключений, принципиальных для понимания протекавших в Италии общественных процессов. Таковы положение о том, что в VI–VII вв. военные командиры становятся фактическими руководителями отдельных областей Равенн-

ского экзархата не вследствие своего официального юридического статуса, но как харизматические лидеры населения страны в эпоху борьбы с лангобардским нашествием; характеристика системы факторов, приведших к формированию в Византийской Италии новой социальной элиты (исчезновение куриальной аристократии и связанных с ней институтов; дестабилизация общества, вызванная боевыми действиями; концентрация административной власти в руках военных) и т. д.

В 1980 г. в рамках серии «История Италии» вышла большая коллективная монография П. Делогу, А. Гийу и Г. Орталли «Лангобарды и византийцы»⁴¹. В разделе «Византийская Италия от лангобардского завоевания до падения Равенны» А. Гийу детально описывает политическую, экономическую и административную историю византийской части полуострова. Данная работа, в основном, носит фактографический характер. Однако, излагая ход событий, французский ученый делает ряд ценных наблюдений. Так, он вполне основательно связывает мятеж Иоанна Компсина в Неаполе (616 г.) с внешнеполитическими трудностями, которые испытывала в это время империя⁴². Следует согласиться с его мнением о наличии в Равенне в эпоху иконоборчества двух «партий»: сепаратистской и проимперской⁴³.

А. Гийу делает интересный, хотя и спорный вывод о том, что возвращение Равеннской архиепископии под юрисдикцию Рима (680 г.) было актом чисто формальным⁴⁴. (В церковно-административном, а не в политическом смысле это было, на наш взгляд, не совсем так: Равеннская церковь с момента восстановления римской юрисдикции, в основном, соблюдала соответствующую субординацию во взаимоотношениях с папами.)

Весьма важно заключение А. Гийу о том, что в течение VII — пер. пол. VIII вв. население Равеннского экзархата (в узком смысле слова) выработало собственное «коллективное самосознание», враждебное к неиталийским обществам, что явилось одной из причин отделения региона от Византии⁴⁵. Вместе с тем, для данной работы характерно не вполне обоснованное распространение на всю Византийскую Италию выводов, сделанных А. Гийу только на основании изучения северо-восточной части полуострова.

В последние годы над проблемами истории Византийской Италии плодотворно работает итальянский медиевист А. Кариле. Его перу принадлежат исследования о возникновении Венецианского дуката,

об иконоборческой политике Византии в Италии, об эволюции господствующего класса населения экзархата, о месте северной части Адриатики в византийской политике в VII–IX вв., источниковедческая работа о равеннском церковном полиптихе, известном под названием «Баварский кодекс»⁴⁶. Представляют интерес обобщающие работы А. Кариле — глава в «Истории Эмилии-Романьи» и большой раздел монографии «Материалы по истории Византии»⁴⁷, в которых излагаются основные выводы более частных исследований автора. А. Кариле обратил внимание на тот факт, что к концу византийского господства социальный слой воинов в Равеннском экзархате стал оказывать влияние на все сферы общественной жизни; ученый пришел к важному и четко сформулированному заключению: «Византийский режим обозначил в жизни Италии границу, за которой слой военной аристократии интегрируется в историю города»⁴⁸.

Под редакцией А. Кариле были опубликованы в 1991 г. две части второго тома «Истории Равенны», посвященного византийскому периоду ее существования. В подготовке данного исследования, в первой части которого рассматриваются проблемы экономической, социальной и политической истории, во второй — истории Церкви, культуры и искусства, приняли участие крупнейшие итальянские специалисты (Дж. Фазоли, Г. Орталли, М. Монтанари, А. Кастаньетти и др), а также ведущие ученые из других стран (А. Гийу, Я. Ферлуга). По подробности и многосторонности отражения различных сфер жизни Равеннского экзархата этот труд не имеет себе равных, а многие аспекты локальной истории (производство продуктов питания, структура поселений, корабельное дело и др.) впервые представлены здесь на уровне обобщающих разделов⁴⁹.

В отечественной историографии к изучению Равеннского экзархата впервые обратился П. Н. Кудрявцев в известной книге «Судьбы Италии»⁵⁰. Труд этот посвящен, главным образом, политической истории. Общую концепцию П. Н. Кудрявцева о решающей роли национального духа итальянцев в развитии истории Италии в раннее средневековье нельзя принять безоговорочно: хотя бы потому, что основой для духовного единения Италии были социально-экономические, политические и демографические процессы, не проанализированные в его работе. Следует, однако, согласиться с русским историком в том, что именно в эти столетия начинает формироваться собственно итальянское (в отличие от римского или византий-

ского) этническое самосознание населения нелангобардской зоны Апеннинского полуострова. Это обстоятельство сыграло немалую роль в развитии центробежных по отношению к Византии процессов, в частности, в Равенском экзархате. Обращает на себя внимание приводимая П. Н. Кудрявцевым содержательная характеристика отношений папства и Византии.

Из трудов отечественных ученых XX в. для избранной темы особенно важны исследования З. В. Удальцовой: монография «Италия и Византия в VI веке» и серия статей⁵¹. З. В. Удальцова впервые рассмотрела на итало-византийском материале ряд социально-экономических проблем (связи между городом и деревней, положения непосредственных производителей и т. д.). Очень важно то, что ею были выявлены основные последствия византийского завоевания Италии в социально-экономической сфере. Она сделала вывод о реставраторском характере политики Византии в Италии и поставила вопрос о степени ее эффективности⁵². В результате была обозначена отправная точка для дальнейшего изучения экономической истории Византийской Италии. З. В. Удальцовой была предпринята первая попытка исследовать положение рабов и колонов в Византийской Италии во втор. пол. VI в. К сожалению, значение соответствующей статьи несколько снижается вследствие ошибочного привлечения к анализу ряда документов неитальянского (франкского) происхождения⁵³.

В хронологическом отношении исследования З. В. Удальцовой завершаются периодом конца VI — нач. VII вв. Истории Византийской Италии в VII—VIII вв. в российской историографии посвящены только работы автора этих строк. Они и легли в основу монографии.

Отечественные медиевисты внесли большой вклад в изучение истории лангобардского общества (А. И. Неусыхин, Л. А. Котельникова, И. А. Дворецкая, Е. А. Шервуд), истории Италии послелангобардского периода (В. И. Рутенбург, Л. А. Котельникова, Л. М. Брагина, Е. В. Бернадская, В. В. Самаркин, Т. П. Гусарова, Г. А. Ртищева и др.), истории византийских владений на юге Апеннинского полуострова (М. Л. Абрамсон), истории идеологии и культуры раннесредневековой Италии (В. И. Уколова). Нетрудно заметить, что история Византийской Италии конца VI — сер. VIII вв. оказывается как бы в обрамлении сюжетов, в большей или меньшей степени освоенных в отечественной исторической литературе, но сама сравнительно мало

в ней затронута. Поэтому состояние национальной историографии раннесредневековой Италии стало для автора одним из побудительных мотивов его обращения к рассматриваемой теме.

ИСТОЧНИКИ.

ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИТАЛИИ

В соответствии со своей тематикой данное исследование базируется преимущественно на письменных источниках. Необходимо отметить, однако, что история Византийской Италии обеспечена и источниками иных видов, среди которых, в частности, широко известны памятники архитектуры и изобразительного искусства. В последние десятилетия введен в научный оборот значительный археологический материал, хотя раскопки на территории византийских владений в Италии до сих пор проводятся, главным образом, в историко-церковных и искусствоведческих целях⁵⁴. Исключением являются осуществленные на высоком современном уровне комплексные исследования античного и раннесредневекового города Комаккьо в дельте реки По⁵⁵. В то же время, благодаря усилиям преимущественно скандинавских и немецких археологов, больших успехов в Италии добилась лангобардская археология. Обобщающие исследования Ж. де Байе, Н. Оберга, О. фон Гессена позволяют составить подробную картину быта, ремесел, искусств германского населения лангобардской Италии⁵⁶. Археологические материалы особенно полезны при решении экономических, историко-этнических, искусствоведческих проблем⁵⁷. Этнографических памятников по тематике исследования сохранилось сравнительно немного. Это — эпитафии, а также несколько надписей различного содержания на стенах и мозаиках равеннских церквей. В то же время, для истории ремесленного производства, а также этнических процессов важен античный эпиграфический материал⁵⁸. Он позволяет определить точку отсчета развития ремесел в Равеннском экзархате и Пентаполях, предоставляет исследователю хорошую базу для аналогий. Большое значение он имеет и для изучения греко-восточной диаспоры на востоке Италии.

Изучение административной структуры Византийской Италии требует от историка применения нумизматических и сигиллографических источников, а обращение к этнической проблематике может

быть успешным лишь при условии привлечения данных лингвистики (ономастики и диалектологии). Эти виды источников используются в соответствующих главах монографии.

Круг письменных памятников, связанных с Византийской Италией, весьма обширен. Подробная их характеристика, по мысли автора, должна стать своеобразной преамбулой к рассмотрению политических, социальных, административных, экономических, этнических процессов, протекавших в стране, дать читателю представление об историко-культурном фоне, на котором совершались те или иные события.

Нарративные памятники исторического содержания неизбежно играют ведущую роль при изучении социально-политической истории, так как именно они отражают событийную канву общественных процессов. История Византийской Италии обеспечена нарративными источниками достаточно полно и равномерно. Наличие в их репертуаре таких своеобразных памятников, как «Книги понтификов», позволяет поставить весьма важную источниковедческую и одновременно историографическую проблему определения места этого вида источников в типологии средневековых исторических произведений.

Следует заметить, что структура жанров европейской средневековой историографии не отличается четкостью. В числе причин этого — крайняя расплывчатость признаков, отличающих друг от друга отдельные типы исторических сочинений, компилятивность многих произведений, вследствие которых на свет появлялись историографические «монстры», не вписывающиеся ни в какие схемы. Известно, что средневековые авторы очень часто сами, уже в заглавии, определяли жанровую принадлежность создаваемого ими произведения («хроника», «анналы» и т. д.), но это далеко не всегда свидетельствовало о четком осознании ими природы той или иной историографической формы. Не случайно поэтому медиевисты, стремившиеся дать общую панораму эволюции средневековой исторической литературы, либо вовсе отказывались от систематизации, просто описывая различные памятники в хронологическом порядке один за другим⁵⁹, либо группировали их по содержанию («всемирная история», «церковная история», «биографии» и пр.)⁶⁰.

В специальных трудах устоялась традиция выделять в средневековой историографии два основных типа произведений: «истории» и «хроники». Их жанровые особенности достаточно хорошо изучены⁶¹. Однако подобная простая схема, конечно, недостаточна, так как не учитывает существования целых историографических направлений (например, историко-биографических произведений) и многочисленных промежуточных историко-литературных форм.

Для классификации средневековых историографических жанров некоторые специалисты предлагают использовать терминологию источников. Немецкий ученый Ф.-Й. Шмале выделяет таким образом следующие жанры («genera»): «*historia*», «*chronica*», «*chronicon*», «*chronographia*», «*annales*», «*gesta*», «*vita*», а также «*fundatio*», «*catalogus*», «*narratio*»⁶². Этот формальный подход представляется малопродуктивным, ибо известно, что многие из данных наименований (по крайней мере в отдельных случаях) были вполне взаимозаменяемы и, кроме того, часто не принадлежали их авторам, а возникали позднее в историографической традиции благодаря самым различным обстоятельствам. Более плодотворна методика другого германского медиевиста — Г. Грюндманна, который при составлении типологии исторических сочинений учитывает как литературную форму памятника («*annales*», «*gesta*» etc.), так и его содержание⁶³. Например, он выделяет жанр «история народов», относя к нему хроники Григория Турского, Павла Диакона, Видукинда, имеющие, как известно, разнотипные названия. Хотелось бы, тем не менее, заметить, что типологизация всего материала должна строиться на основе какого-то общего критерия. Поэтому и средневековые исторические памятники следует, на наш взгляд, классифицировать не частично по формально-литературному, частично — по содержательному признаку, как зачастую бывает у Г. Грюндманна, но на основе сочетания того и другого. В этом случае, вероятно, структура средневековой историографии будет выглядеть очень сложно — с жанрами, поджанрами, вариантами поджанров (к примеру, жанр — «хроника», поджанр — «всемирная хроника», вариант — «стихотворная всемирная хроника»). Но для создания представления о средневековой историографии как о системе такая иерархия необходима, правда, при одном условии: если критерии выделения типов относятся к главным, а не второстепенным признакам памятников, то есть позволяют группировать их не по случайным параметрам. Очень важным вспомогательным

средством для такой классификации могут служить общее происхождение или взаимозависимость произведений, включаемых в ту или иную историографическую семью. Именно такой пример дают нам средневековые «Книги понтификов».

Первым произведением этого типа стал большой труд, известный под названием «*Liber Pontificalis*» («Книга понтификов»), или «*Gesta pontificum romanorum*» («Деяния римских понтификов»), — составленный в Риме официальный свод биографий римских пап. Первоначальной его основой стали списки (*laterculi*) римских епископов с указанием продолжительности их понтификатов, которые по примеру таких же перечней правлений императоров составлялись в Риме уже со II в. н. э.⁶⁴

Примерно с начала IV в. в них стали включаться и краткие сведения о важнейших событиях, имевших место в годы понтификата каждого первосвященника. Кроме них составитель «Книги понтификов» использовал некоторые исторические сочинения (в первую очередь книгу Иеронима «О знаменитых мужах»), римские агиографические легенды, по большей части до нас не дошедшие, архивные материалы папской курии. Книга начинается обширными цитатами из писем бл. Иеронима папе Дамасию и Дамасия Иерониму, из которых следует, что именно Иероним является автором «Книги понтификов». В настоящее время доказано, что обе цитаты подложны. По поводу датировки составления «Книги понтификов» существуют разногласия между специалистами. Л. Дюшень считал, что это произошло около 30-х гг. VI в. при папе Феликсе IV (526–530 гг.). Т. Моммзен доказывал, что эта часть «*Liber Pontificalis*» не могла быть составлена ранее VII в. (но и не позднее, так как к VII столетию относится первая дошедшая до нас редакция «Книги понтификов»)⁶⁵. Этот сложный и специальный вопрос не разрешен до сих пор, но, независимо от его решения, ясно, что римская «Книга понтификов» либо возникла, либо уже существовала в эпоху византийского владычества в Италии. В дальнейшем она систематически дополнялась чиновниками папской канцелярии и была доведена до 891 г. (конец правления папы Стефана V). Позже ее вновь неоднократно пытались продолжать и довели — с разрывами — до понтификата Мартина V (1417–1431 гг.).

Биографии пап в «Книге понтификов» строятся в соответствии с постоянным и жестким планом. Сообщается имя папы, говорится,

откуда он родом, как звали родителей, сколько времени находился на престоле. Для раннего времени (до середины V в.) указывается, в царствование какого императора правил папа. Затем конспективно перечисляются основные решения догматического или организационного характера, принятые папой, упоминается о сделанных им должностных назначениях (сколько посвятил епископов, священников и диаконов), говорится об осуществленных при нем постройках храмов, его дарениях церквям и монастырям. Заканчивается каждая биография сообщением об обстоятельствах смерти папы и о том, какое время римский престол оставался вакантным. Как показал Л. Дюшень, конкретные данные, приводимые в «Liber Pontificalis», о церковных установлениях, о назначениях, о постройках часто недостоверны, особенно когда речь идет о наиболее древних понтификатах. Составитель «Книги понтификов», не имея сведений о правлениях первых римских епископов, иногда как бы опрокидывал в прошлое современную ему картину жизни папской курии: заставлял первых понтификов вопреки обычаям ранних христианских общин проводить ординации епископов; без всяких оснований приписывал папам первых трех веков приоритет во введении тех или иных административных, догматических или литургических норм, господствовавших в Церкви в его время. Муссирование в «Книге понтификов» сюжетов о мученичестве пап, далеко не всегда подтверждаемое другими источниками (согласно «Liber Pontificalis», начиная с апостола Петра, 23 папы из 31 были мучениками), имело целью возвеличить заслуги курии перед христианством.

Апологетическая папистская тенденция «Книги понтификов», конечно, не вызывает сомнений. Именно она в первую очередь обеспечила этому произведению роль важнейшего официального документа средневекового папства, придала ему канонический характер, способствовала превращению римской «Книги понтификов» в образец для подражания историков других церковных центров. По сравнению с некоторыми из этих «дочерних» «Книг понтификов» римская выглядела несколько примитивно. Ее предельно краткие, конспективные биографии, написанные сухим, лексически бедным языком, недалеко ушли от старых римских епископских каталогов. При чтении она производила впечатление скорее справочника, чем исторической хроники. Но именно она стала родоначальницей нового типа исторического повествования.

В Италии уже в VIII–IX вв. появились два произведения, зависящих от римской «Книги понтификов». Бесспорно, наиболее значительным была «Книга понтификов Равеннской церкви» Агнелла из Равенны. Она была написана в Равенне около середины IX в.⁶⁶ Автор книги аббат Агнелл использовал материалы из архива равеннской архиепископии, переписку местных епископов, хронику равеннского архиепископа Максимиана (VI в.) и был хорошо обеспечен подлинной информацией об истории равеннской архиепископии на всем ее протяжении. В своем труде Агнелл цитирует или упоминает труды пап Льва Великого и Григория Великого, сочинения Иеронима Блаженного, Григория Турского, Исидора Севильского, Беды Достопочтенного, Петра Хрисолога, «Мученичество св. Гервасия и Протасия», приписывавшееся Амвросию Медиоланскому, и др. Показательно, что круг чтения Агнелла состоит исключительно из произведений западных, латинских авторов — признак принадлежности историка не к византийско-греческой, а к местной итальянской культурной среде.

Форма равеннской «Книги понтификов» (особенно ремарки в конце каждой биографии: «...правил столько-то лет, месяцев и дней...») не оставляет сомнений в ее связи с римским прототипом. В этом убеждает и ее главная тенденция, назойливо противопоставляющая римским папам равенских епископов как самостоятельных и равноправных с ними церковных лидеров. Книга написана как бы в противовес римской «*Liber Pontificalis*». С явным намеком на римский образец труд был точно так же назван («*Liber Pontificalis*» — именует его современник автора — анонимный школяр, посвятивший ему стихотворный панегирик⁶⁷).

Однако равеннская «Книга понтификов» заметно отличается от римской. Она составляет целостное произведение, от начала до конца написанное одним автором, пронизанное на всем протяжении рядом взаимодополняющих тенденций. Это — претензия на церковную независимость равеннской архиепископии, апологетика политического альянса равенских епископов и императоров (первоначально римских, затем византийских и, наконец, франкских), окрашенный в апокалиптические тона политический пессимизм как следствие бесперспективности попыток Равенны добиться церковного суверенитета.

По сравнению с римской равеннская «Книга понтификов» опирается на значительно более прочную источниковую базу. Она разнообразнее и глубже по содержанию. Ее автор высказывает суждения о задачах исторического описания и ремесле историка, о некоторых бо-

гословских проблемах, цитирует Библию, пересказывает популярные в Равенне легенды и притчи, описывает памятники искусства, часто выражает индивидуальное, личное отношение к различным людям и событиям. Стиль Агнелла не конспективно-официозный, а легкий, свободный, скорее напоминающий о художественной, чем о научной прозе. Автор перемежает изложение воспоминаниями, риторическими восклицаниями, обращениями к слушателям. Характерно, что равеннская «Книга понтификов» предназначалась, в частности, для чтения вслух, и Агнелл действительно читал ее по главам монахам своей обители. По мастерству историка и художественному качеству труд Агнелла из Равенны, безусловно, является одним из важнейших достижений итальянской средневековой историографии⁶⁸.

На рубеже VIII и IX вв. в Неаполе было начато составление «Деяний неаполитанских епископов»⁶⁹. Неизвестный автор начальной части «Деяний...» (доведенной до 762 г.) ставил перед собой несколько более широкие задачи, чем его римские коллеги: он стремился не просто изложить в виде серии биографий историю епископии в Неаполе, но и вписать ее во всемирную историю. С этой целью он активно использовал труды Иеронима, Аммиана Марцеллина, Исидора Севильского, Беды Достопочтенного, Григория Турского, Павла Дякона, Григория Великого и др. Первая часть «Деяний...» представляет собой компиляцию, где вслед за краткой характеристикой понтификата того или иного неаполитанского епископа приводятся характеризующие тот же отрезок времени выдержки из других памятников. Иногда официальные отрывки предельно кратки, например: «Пасхалий епископ сидел 14 лет 6 дней. Было же это во времена Сабиниана и Бонифация и другого Бонифация папы и Фоки императора». В этих случаях наиболее наглядно проступает генетическая близость неаполитанской и римской «Книг понтификов».

С 763 г. «Деяния неаполитанских епископов» продолжал новый составитель — диакон церкви Св. Януария Иоанн, писавший на рубеже IX–X вв. С того времени текст становится целиком оригинальным. Последний небольшой и не полностью сохранившейся раздел «Деяний...» написан другим неаполитанским клириком — субдиаконом Петром около 910 г.

Понятно, что основная тенденция «Деяний...» на всем их протяжении — прославление неаполитанской епископии посредством возвеличивания достоинств и заслуг ее прелатов. Но «Деяния...» — па-

мятник весьма неоднородный. В их ранней, первой, части безымянный составитель достигает своей цели почти исключительно подробным описанием различных культовых зданий, построенных при том или ином епископе, их внутреннего убранства, мозаик, иконописи и т. п. Автором второй части книги описаны перипетии внутривитанской борьбы в Италии (в первую очередь в Неаполе), политическая, вероисповедная, культурная деятельность епископов. Наряду с тенденцией, общей для всего памятника, апологетической по отношению к местным епископам, для него характерны антивизантская (особенно сильная при описании иконоборчества) и папистская (постоянная). Последняя сочетается с симпатией к Империи франков.

Отметим, что Иоанн, в отличие от своего предшественника, сразу прекращает датировать понтификаты епископов Неаполя по правлениям византских императоров. Заметно критическое отношение Иоанна к светской власти — неаполитанским герцогами, которые неоднократно ссорились с епископами. Иоанну Диакону присуще желание дать подробную живую характеристику каждому епископу. Он приводит их собственные изречения, излагает связанные с ними исторические анекдоты. Стиль Иоанна Дякона отличается редкой для VIII–IX вв. правильностью и чистотой. Таким образом, вторая часть «Деяний неаполитанских епископов» — памятник достаточно сложный в идейном отношении, разностороннее и самостоятельное историческое сочинение⁷⁰.

К характеризуемому типу принадлежит и «Хроника патриархов Градо» (начало XI в.)⁷¹. Показательно, что в этом довольно позднем памятнике очень отчетливо проглядывает первоначальная основа — такой же, как и в римской «Книге понтификов», хронограф, фиксирующий имена и длительность правлений местных епископов.

Как видим, первые «Книги понтификов» появились в городах, находившихся на территории Византской Италии (хотя иногда, как в Равенне и Градо, уже после падения византской власти). Вряд ли это следует объяснять прямым влиянием Византии на развитие их культуры: строго говоря, итальянские «Книги понтификов» не имеют отношения к византской исторической школе. Но в то же время перед нами и не случайное совпадение. Дело в том, что именно в Византской Италии сложились наиболее мощные и влиятельные церковные центры на Апеннинах (кроме находящейся вне конкуренции папской курии, равеннская и неаполитанская архиепископии,

патриархия в Градо). Эти крупнейшие церковные центры и испытали первыми потребность в идейном обосновании своего духовного и политического авторитета. Они располагали для этой цели кадрами образованных клириков и монахов, хорошо подобранными архивами, соответствующими культурными традициями, не прерванными лангобардским завоеванием, т. е. не только хотели, но и могли решить названную задачу.

Очевидны общие черты всех названных «Книг понтификов». Во-первых, их создателям удалось совместить интерес к истории учреждения (в данном случае — епархии) с интересом к деятельности отдельной личности и впервые в средневековой литературе соединить в одном произведении черты исторической хроники и серии биографий. При этом биографии образуют определенную историографическую целостность. Хронисты возвеличивают свои церковные центры в глазах читателя посредством показа их истории. В этом смысле «Книги понтификов» сюжетны; сюжетны, конечно, не в большей степени, чем хроники, анналы, бревиарии, — ведь сама история имеет сюжет. Однако этим «Книги понтификов» резко отличаются от античных сборников биографий. Они имеют лишь внешнее сходство с трудами Плутарха или Светония и типологически очень от них далеки. Во-вторых, «Книги понтификов» обладают строгим тематическим единством. Каждая из них представляет в виде серии жизнеописаний не просто «историю», а историю епископии. В-третьих, все «Книги понтификов» образуют одну семью памятников, причем основанием ее генеалогического древа является римская «Книга понтификов».

Все сказанное позволяет воспринимать «Книги понтификов» как особый историографический жанр. Слово «жанр» применительно к «Книгам понтификов» используется здесь в самом общем значении — «обладающая устойчивыми типовыми признаками форма литературного произведения». Речь не идет пока о фиксации иерархического уровня данного определения (жанр, поджанр, вариант поджанра и т. д.). Заранее, однако, можно предположить, что объективно «Книги понтификов» входят в более широкую историографическую общность вместе со светскими историко-биографическими компендиями (такими, как «Хронография» Михаила Пселла)⁷².

Один из наиболее известных нарративных источников для изучения Италии VI–VIII вв. — «История лангобардов» Павла Диакона — имеет решающее значение при рассмотрении внешнеполитической и

военной истории Равеннского экзархата. Она систематически используется в данной книге, в особенности — при анализе взаимоотношений лангобардов и византийцев⁷³. Конечно, внешнеполитические коллизии рассматриваются Павлом Диаконом несколько односторонне: он пишет лангобардскую, а не итало-византийскую историю, что сказывается как на подборе фактов, так и на общей тенденции труда. Для того чтобы уравновесить эту тенденцию, необходимо поверять его сведения данными Агнелла из Равенны, римской «Книги понтификов», эпистолярными и некоторыми иными источниками. Но последовательную связную историю взаимоотношений византийцев и лангобардов в Италии дает только Павел Диакон, что делает его труд незаменимым при изучении избранной темы.

В монографии привлечены к исследованию также данные об истории или предыстории Равеннского экзархата, встречающиеся в работах других авторов: византийских — Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора, Феофилакта Симокатты, Феофана Исповедника; франкских — Григория Турского, Псевдо-Фредегара; лангобардских («Происхождение народа лангобардов»)⁷⁴ и т. д. Эти сведения часто уникальны, несмотря на то, что для всех византийских историков, кроме Прокопия, итальянские сюжеты относятся к числу периферийных и второстепенных.

В заключение следует сказать, что наиболее подробно в нарративных исторических произведениях характеризуются вопросы церковной истории Византийской Италии, а также военно-политические взаимоотношения византийцев с лангобардами.

Значительный комплекс итало-византийских письменных памятников составляют произведения богословского содержания.

Развитие итальянского богословия в VI–VIII вв. совершалось весьма неравномерно. Наиболее заметные творения теологической мысли были созданы в VI столетии.

Вскоре после окончания II Константинопольского собора (553 г.) противником его решений римским диаконом Рустиком было написано сочинение в защиту т. н. «ереси Трех Глав»⁷⁵. Автор выбрал форму диалога между сторонниками собора (Рустик именует их «еретики») и самим собою — защитником учения Феодора Мопсуэстского,

Феодорита Кирского и Ивы Эдесского. Рустик демонстрирует высокую богословскую подготовку, дар полемиста и своеобразное остроумие. Характерно, что название произведения — «*Contra acerphalos disputatio*»: «Диспут против ацефалов». Это греческое слово в данном случае переводится как «Враги Трех Глав», но одновременно означает «безголовые». Жанр диалога подчеркивает связь трактата Рустика с классической античной культурой.

Впоследствии за свое противодействие решениям собора, и не в последнюю очередь за «Диспут против ацефалов», Рустик был выслан из Рима и окончил дни в одном из монастырей Фиваиды.

Крупнейшим теологом VI в. не только в Италии, но и на всем латинском Западе, был римский папа Григорий Великий (590–604). Именно он внес в латинское богословие струю своеобразной утилитарности. Даже самые традиционные по форме труды Григория Великого — сборники гомилий на Евангелия и на Книгу Езекииля⁷⁶ — заметно разнятся с более ранними образцами. Они написаны простым, почти разговорным языком. Автор широко использует аллегории, приводит многочисленные примеры из агиографии. Его гомилии — это проповеди, рассчитанные на широкую аудиторию. Составляя их, Григорий решал конкретную пастырскую задачу — пропагандировал основы вероучения среди массы малообразованных христиан. Не случайно оба собрания гомилий были посвящены и отосланы прелатам из других городов Италии: первое — епископу Секундину Таорминскому, второе — архиепископу Мариниану Равеннскому, а в Латеранский архив, во избежание возможных искажений, были переданы на хранение их копии.

Наиболее известными и значительными теологическими сочинителями Григория Великого являются две его работы: «Диалоги» и «Пастырское правило». Четыре книги «Диалогов» написаны в 593–594 гг.⁷⁷ Они представляют собой сборник вымышленных автором бесед с его другом детства диаконом Петром, впоследствии — ректором папских патримониев в Кампании и Сицилии. Диакон Петр скорбит о судьбе родной Италии, пережившей в последние сто лет ужасные бедствия и разрушения. Он скептически оценивает состояние благочестия в стране, сетует о том, что как Господь не дарит ныне своих милостей разоренной стране и не хочет являть ей своих чудес, так и люди не выказывают более способности пойти на подвиг во имя Божие. Григорий стремится его разубедить. Он заявляет, что только

за последнее столетие готов привести множество примеров стойкости духа местных христиан в защите веры, примеров Господних милостей и чудес. Далее на протяжении всей книги автор живо и занимательно излагает различные истории об итальянских святых, мучениках и чудесах с соответствующими комментариями. И здесь, в «Диалогах», Григорий Великий преследует конкретные цели: убедить читателя в милосердии Господа, популяризировать местную агнографическую традицию. «Диалоги» рассчитаны на самого широкого читателя — и их форма, и стиль, и манера изложения материала таковы, что произведение воспринимается не как теологический трактат, а как книга для домашнего чтения. «Диалоги» Григория Великого приобрели огромную популярность, причем не только на Западе, но и на Востоке, будучи переведены в VII в. на греческий, а в VIII в. на арабский языки.

Другой важнейший труд Григория Великого — «Пастырское правило» («Regula Pastoralis») ⁷⁸. Эта книга является сборником принципов, норм, правил поведения, которые папа Григорий считает обязательными для христианского епископа. Все требования изложены в жесткой императивной форме, и текст вследствие этого напоминает должностную инструкцию. Он и адресован конкретному лицу — равеннскому епископу Иоанну. В то же время, Григорий создает общую модель епископского поведения, формирует образец для подражания, предназначенный для всех высших прелатов Запада. Очевиден утилитарный характер и данного сочинения ⁷⁹. В то же время в этой книге раскрываются некоторые общие представления Григория о христианской добродетели. Даже современные теологи подчеркивают, что неотъемлемым свойством нравственного идеала Григория Великого была его злободневность: Григорий требовал от верующего и особенно от пастыря практической деятельности в интересах веры и Церкви, призывал не к аскетизму и медитации, а к мирской активности. В остальном его представления о морали достаточно традиционны: вера как основа нравственности, достижение небесного блаженства как главная жизненная цель и т. д. ⁸⁰ Защите этих нравственных принципов посвящено крупное сочинение папы Григория «Книги моралий, или Введение в Книгу блаженного Иова» ⁸¹.

Личная жизненная позиция Григория Великого — деятельного церковного политика, дипломата, оратора, гражданского и военного администратора, миссионера — отвечала его идеалу земной активно-

сти священнослужителя и нашла отражение в обширной переписке⁸². Письма Григория I содержат многообразную информацию о его богословских взглядах, политической и хозяйственной деятельности. Для данного исследования особенно важно то обстоятельство, что переписка папы Григория является ценнейшим источником по политической и социальной истории Италии конца VI — начала VII вв.

В ряде поздних источников (с сер. IX в.) о Григории Великом говорится как о музыкальном теоретике. Делались попытки приписать ему некоторые анонимные фрагменты средневековых музыковедческих текстов, но строго доказать его авторство до сих пор никому не удавалось⁸³.

После Григория Великого богословие в Византийской Италии вступает в полосу упадка. За весь период с начала VII до середины VIII вв. нельзя назвать не только ни одного заметного теолога, но и ни одного крупного богословского произведения. Источниками для изучения итальянского богословия этого времени служат почти исключительно решения Латеранских соборов и эпистолография. Круг тем для теологического обсуждения определяется политическими обстоятельствами: с 40-х до 90-х гг. VII в. это вопрос о божественной воле (в связи с монофелитством), со второй четверти VIII в. — вопрос о почитании икон. Дошедшие до нас памятники в основном отражают позицию папской курии как защитницы ортодоксии. На сравнительно высоком богословском уровне написаны антимонофелитская энциклика и ряд писем папы Мартина I (649–655)⁸⁴ и большое послание византийским императорам папы Агафона (678–681)⁸⁵, а также письма против иконоборчества папы Григория II (715–731), отмеченные ярким полемическим талантом⁸⁶. Сохранилось одно письмо отца равеннской автокефалии архиепископа Мавра⁸⁷.

В 60-е гг. VII в., когда равеннская архиепископия настойчиво добивалась независимости от папского престола, в Равенне был создан небольшой памятник «Мученичество св. Аполлинария». В этом фальсифицированном под глубокую древность тексте доказывалось, что равеннская епископия была будто бы основана в I в. н. э. сподвижником апостола Петра Аполлинарием Антиохийским. Житие было преподнесено в Сиракузах императору Константу II и, видимо, сыграло свою роль в утверждении автокефальности Равеннской церкви (установлена в 666 г.)⁸⁸. В начале VIII в. равеннский архиепископ Феликс собрал воедино и снабдил предисловием⁸⁹ проповеди своего

знаменитого предшественника Петра Хрисолога (ум. в 450 г.). Феликсу принадлежал и не дошедший до нас комментарий к Евангелию от Матфея (будто бы уничтоженный им самим).

В самом конце византийской эпохи появляется небольшой специальный трактат папы Григория III (731–741) «Выдержки о различных преступлениях и наказаниях за них»⁹⁰. Это — работа по каноническому праву, содержащая выписки из постановлений соборов и трудов отцов Церкви о карах за преступления против веры и морали, иногда снабженные небольшими объяснениями составителя. Показательно, что характеризуя в прологе свои источники, Григорий III называет сочинения «Исидора, Августина, Григория, Беды, Геласия, Иннокентия, Теодора, Кассиана, Эгберта и других», т. е. только западных богословов, и полностью игнорирует восточную патристику.

Подводя итоги, следует сказать, что при всей несопоставимости творчества Григория Великого, одного из крупнейших латинских теологов, и его посредственных преемников итальянское богословие VI–VIII вв. отличается определенным единством. Для него характерно безразличие к тонким теологическим материям. Оно включается в теоретические дискуссии (например, о монофелитстве) только в связи с насущными политическими потребностями и вместе с тем разрабатывает конкретные практические вопросы: круг обязанностей церковных иерархов, порядок богослужения, наказания за проступки и т. д. Оно менее интеллектуально, чем восточное, но более «деловито»: принимаясь за работу, итальянский богослов чаще всего имеет в виду не отвлеченно-философскую, а реальную жизненную цель. Кроме того, бесспорно, что в идейном отношении оно опирается на фундамент главным образом латинской патристики и развивается в русле западной, а не византийской теологии.

Автор данной монографии, естественно, использует как источники произведения христианского конфессионального содержания, происходящие не из Италии. В их числе особого внимания заслуживают два агиографических памятника, являющиеся основными источниками сведений о римском папе Мартине I и, следовательно, о борьбе монофелитства и ортодоксии как в Италии, так и в самой Византии в середине VII в.

Один из них, носящий название «Воспоминание о том, что жестоко и без почтения к Богу делали противники истины со святым и апостолическим новым исповедником мучеником Мартином Римским

папой»⁹¹, представляет собою не вполне обычное явление. Дело в том, что его автор не только лично знал Мартина I и принадлежал к числу тех его сторонников, кто стремился облегчить папе его тюремное заключение в Константинополе, — он к тому же писал житие папы еще при его жизни. Об этом свидетельствует композиция заключительной части «*Commemoratio*»; текст завершается рассказом о тяготах, переживаемых папой Мартином в ссылке, и обычным для концовки произведения житийного жанра благочестивым обращением к читателям⁹², после чего, без всякой связи с предыдущим, приписано несколько фраз о смерти папы в Херсоне: очевидно, известие о ней поступило в Константинополь уже после окончания труда. «*Commemoratio*» описывает события строго и четко, в спокойном тоне; его автор использовал документальные источники; в тех случаях, когда они сохранились (письма Мартина I Ерр. XIV, XV, XVI), легко можно убедиться в совпадении содержащейся в них информации с сообщениями жития; при описании допросов папы Мартина реплики участников приводятся дословно, — следует думать, что автор имел возможность использовать протоколы. Сказанное позволяет весьма высоко оценить степень достоверности источника, что не мешает, разумеется, учитывать и его несомненную тенденциозность. Памятник был написан по-гречески, но сохранился лишь в латинском переводе. Известны два его варианта, отличающиеся друг от друга в незначительных частностях⁹³.

Другое упомянутое произведение житийного типа — так называемый «*Scholion sive Hupomnesticum*»⁹⁴ — представляет собой свод нескольких кратких маририев ортодоксальных борцов против монофелитства — Максима Исповедника; папского апокрисиария Анастасия, умершего в изгнании в Лазике; братьев Феодора и Евпрепия, находившихся в ссылке в Херсоне одновременно с Мартином I. Автор схолии побывал в Херсоне после смерти одного из братьев (Феодора) и встречался с другим (Евпрепием), рассказавшим ему о жизни папы Мартина в Херсоне, его кончине и погребении и о чудесах, которые происходили на его могиле. Евпрепий передал автору некоторые личные вещи папы Мартина I. Схолия, так же как и «*Commemoratio*», дошла до нас в латинском переводе. Однако греческий ее текст сохранился в составе т. н. «Краткой истории о сделанном против блаженного Мартина, бывшего папы Рима, а также преподобного Максима и его ученика» (компиляция рубежа VII–VIII вв.)⁹⁵. Издатель С. Л. Епифанович называет автором схолии Феодосия Гангр-

ского — одного из активных борцов за ортодоксию, в 50-е гг. VII в. отбывавшего ссылку в Лазике вместе со своим братом Феодором (об этом упоминается в тексте схолии). Однако составитель «Краткой истории» именуется автором «*Hypomnesticum*» Феодором, а не Феодосием, имея в виду, вероятно, второго из двух братьев⁹⁶. Немецкий исследователь В. Пайтц на основании ряда текстологических сопоставлений заключил, что оба памятника — «*Commemoratio*» и «*Hypomnesticum*» — написаны одним и тем же человеком. В. Пайтц идентифицировал их автора с константинопольским монахом Феодором — убежденным сторонником папы Мартина и адресатом двух его писем (Ерр. XIV, XV)⁹⁷. В любом случае не вызывает сомнений принадлежность обоих характеризуемых выше житийных текстов к одному идейно-социальному кругу.

На протяжении VI–VIII вв. в Византийской Италии был создан ряд письменных памятников, относящихся к различным областям культуры. Некоторые из них уникальны, не имеют местных аналогов и потому не позволяют судить об эволюции той или иной области знания, однако дают как бы ее моментальное изображение. Одним из таких произведений является написанная в VII в. «Космография» Равеннского Анонима.

«Космография» представляет собой большую работу, состоящую из четырех неравных частей⁹⁸. Первая, самая краткая, играет роль введения. В ней автор сообщает о причинах, побудивших его написать этот труд, и касается ряда общегеографических проблем. Аноним выдвигает здесь своеобразную систему деления земной поверхности на часы. Так как Солнце в течение дня освещает одну за другой все страны и каждый час находится над какой-либо территорией, то, по мнению Анонима, можно разделить всю землю по числу часов и описывать ее, идя за Солнцем и используя «час» как единицу измерения поверхности земли (*Cosm.*, Р. 4–9, 27–30). Аноним выделяет по двенадцать таких регионов в южных странах (он именуется их «страны дня»; *Cosm.*, Р. 4–9) и северных («страны ночи»; *Cosm.*, Р. 27–30). И те и другие рождают по 6 ветров, и таким образом, один ветер соответствует двум часам. Исходя из этой своеобразной системы, Аноним строит следующие разделы своей работы.

Вторая часть «Космографии» состоит из списков известных автору городов и рек по отдельным регионам мира. Списки отделены друг от друга предельно лаконичными повествовательными вставками, обычно содержащими характеристику местоположения данного района по отношению к его соседям и ссылку на использованные источники. Вторая часть занимает более половины объема всей «Космографии».

Третья часть сочинения Равеннского Анонима — это перечень городов, расположенных на Средиземноморском побережье. Он открывается Равенной и завершается ею же, причем разбит на разделы, в каждом из которых перечисляются населенные пункты, лежащие между наиболее крупными городами на соответствующем участке побережья. В конце раздела дается расстояние между начальным и конечным пунктами, названными в нем. Эта часть «Космографии» представляет собой краткий перипл Средиземного моря.

Наконец, четвертая часть памятника дает перечень островов: как лежащих в различных морях, так и океанских. Она составлена таким же образом, что и списки рек и городов во втором разделе «Космографии»⁹⁹.

Анонимный автор равеннской «Космографии» не был путешественником. Он сам отмечает, что «не родился в Индии, не взращен в Шотландии, не странствовал по Мавритании, не посещал Скифии и не путешествовал по четырем концам света, но, благодаря учению, объехал всю землю и посетил области разных народов, так как в их книгах, появившихся при разных императорах, описан весь мир» (Cosm., P. 2). Перед нами — ученый книжник, познававший географию в стенах своего кабинета. При характеристике какой-либо области он никогда не забывает сослаться на источник, которому следует. Житель Равенны, центра византийских владений в Италии, он мог использовать богатейшие материалы, сохранявшиеся в этом городе. По верному замечанию польского историка И. Лелевеля, Равенна предоставляла больше возможностей для космографов, чем какая-либо иная столица: «Она знала из Евангелия, что “цезарем Августом был издан эдикт, повелевавший составить описание всего света”, она должна была сохранить карты императорского времени, она имела итинерарии с указателями и иллюстрированные дорожные карты»¹⁰⁰.

Единственный известный документ, связь которого с «Космографией» несомненна, — восточноримская карта, получившая по имени последнего владельца наименование «Певтингерова таблица». До-

казательству этой связи посвящен специальный труд выдающегося немецкого историка картографии Конрада Миллера «Римские итинерарии...»¹⁰¹. После появления его исследования факт взаимозависимости двух названных памятников бесспорен. В то же время тезис Миллера о непосредственном влиянии Певтингеровой таблицы на «Космографию» нельзя считать доказанным. Миллер видит в Кастории, труды которого были главным источником для Равеннского Анонима, автора Певтингеровой таблицы. Исследователь устанавливает, что в большинстве случаев данные, почерпнутые Анонимом из Кастория, ей соответствуют. Однако идентификация Кастория и автора Певтингеровой таблицы возможна лишь в том случае, когда все без исключения сведения Кастория находят в ней подтверждение. Между тем этого не происходит. Например, описывая Индию и ссылаясь на Кастория, Аноним называет область Брахманию (*Cosm.*, Р. 45) — таблица такой области не знает. Аноним использует Кастория при описании Аравии (*Cosm.*, Р. 55, 58), а таблица практически игнорирует существование этой страны. Характерно, что Аноним постоянно называет Кастория космографом (*Cosm.*, Р. 40, 70, 91, 154 и др.), т. е. считает его своим коллегой. А ведь «Космография» Анонима не карта, а текст. Наконец, цитату Аноним часто вводит словами «ait Castorius», что вряд ли может относиться к составителю карты. Характеризовать связь между Певтингеровой таблицей, Касторием и Равеннским Анонимом сколько-нибудь определенным образом преждевременно, пока не будет разрешен вопрос о том, был ли Касторий промежуточным источником, стоявшим между таблицей и «Космографией», или, напротив, таблица, как и «Космография», испытала на себе влияние Кастория.

С какой же целью могло быть написано произведение, представляющее собой бесконечную цепь списков географических названий? Об этом определенно заявляет сам автор «Космографии». Он написал ее, чтобы «различные народы, пожелавшие из-за беспричинной гордыни чужих или лучших земель или теснимые другими племенами и покинувшие родные очаги, по варварскому обычаю не переименовывали бы города и реки страны, получившие названия в древности» (*Cosm.*, Р. 4). Следовательно, цель автора — сохранение традиционной топонимики в эпоху переселения народов. Чисто исторически такая задача могла быть поставлена эпохой раннего средневековья, в которую жил и творил Аноним. Она вполне соответствует време-

ни написания «Космографии». Для ее решения Аноним создал своеобразный географический справочник. Античная география не дала памятников такого типа. Она знала итинерарии, знала «Руководство по составлению географических карт» Птолемея, где также давались списки географических названий. Но Птоломей сообщал географические координаты каждой указанной им точки, и его работа преследовала практическую цель — дать возможность читателю самостоятельно построить карту. Топонимических справочников, индексов географической номенклатуры в древности не существовало. По-видимому, «Космография» — первое произведение этого жанра¹⁰².

В Византийской Италии был написан небольшой латинский трактат, опубликованный в начале XVIII в. Л. Муратори по единственной рукописи, хранившейся в библиотеке Луккского соборного капитула, а позднее переизданный шведским ученым Х. Хедфорсом¹⁰³. В историографии его принято называть «Трактат об окраске мозаик». Это — редчайший не только для Византии, но и для всей эпохи раннего средневековья химико-технологический труд. Он состоит из многочисленных статей, в которых подробно описывается технология ряда ремесленных производств: окраски разнообразных материалов, нанесения и снятия позолоты, златописания, изготовления стекла и т. п. Здесь же рассказано о способах приготовления соответствующих препаратов, ремесленном инструментарии, говорится о том, где и как можно найти необходимые исходные материалы и как подготовить их к использованию. Всего в книге приведено 157 различных рецептов. Работа адресована ремесленнику-практику, и это косвенно свидетельствует о наличии среди местных мастеров значительного числа грамотных людей. Стиль памятника очень строгий, сухой и деловой. Перед нами — сугубо практическое руководство по технологии ремесел. Вместе с тем в некоторых его статьях присутствует специфическая алхимическая символика: говорится о мужском и женском начале в металлах, о вымышленном металле «аурихалке», рекомендуется не начинать некоторые виды работ до наступления ночи¹⁰⁴ и т. п. Многие рекомендации «Трактата об окраске мозаик» позднее (с X в.) включаются в алхимические рецептурные книги.

По содержанию трактат обнаруживает несомненную зависимость от произведений александрийских алхимиков III–VII вв. (Зосима, Олимпиодора, Стефана). Издатель Х. Хедфорс, впрочем, отказывается видеть в нем простой перевод греческого оригинала.

Скорее, «Трактат об окраске мозаик» представляет собой собрание переводных эксцерптов из различных александрийских алхимических текстов. Он несет на себе следы авторской правки, проявившейся, в частности, в упоминаниях о местных, итальянских условиях ремесленного производства. Рецепты отбирались, конечно, сознательно — в книгу включались те из них, которые можно было применить в Италии.

Крупное произведение, основанное на использовании греческих источников, «Трактат об окраске мозаик», безусловно, составлен в Византийской Италии, и вероятнее всего, в Равенне. На это, кроме источниковедческой традиции и данных языка, указывает сам репертуар ремесел, особенно развитых в данном регионе. В первую очередь это — изготовление мозаик, достигшее в Восточной Италии исключительно высокого уровня развития. Отметим, что и стекло, в соответствии с описанными в трактате ранневизантийскими рецептами, изготавливали в Италии на северо-востоке полуострова¹⁰⁵. Наконец, имеющиеся в трактате указания на точную стоимость в деньгах (солидах, семиссах, тремиссах) многих необходимых для производства материалов косвенно свидетельствуют о его появлении в византийской зоне Италии (вероятнее всего, до начала процесса порчи монеты в самой Византии, т. е. до VIII в.).

Для развития техники делопроизводства в Средние века особое значение имела «*Liber diurnus*»¹⁰⁶. Эта книга — официальный формуляр римских пап — содержит многочисленные образцы разнообразных документов, составлявшихся в папской канцелярии (посланий к императорам, экзархам, епископам, настоятелям монастырей, обращений к разным лицам в связи с избранием на должность, получением тех или иных привилегий и т. д.). Ее основная часть была составлена в первой четверти VII в., причем в основу формулярия положено эпистолярное наследие папы Григория Великого. Затем «*Liber diurnus*» систематически дополнялось на протяжении всего VII столетия. Впрочем, В. Пайтц доказал, что ряд включенных в «*Liber diurnus*» документов имеет более древнее происхождение (до VI в.)¹⁰⁷. Как полагал издатель Т. Зиккель, первоначально «*Liber diurnus*» играла роль учебника, по которому молодые нотариусы готовились к поступлению на службу в папскую канцелярию. Но известно, что уже с VIII в. она использовалась как собрание образцов, моделей документов для чиновников папской курии. «*Liber diurnus*» выполняла эту

функцию в Риме вплоть до XI в. В жанровом отношении этот своеобразный памятник сочетает в себе черты нарративного и актового источника.

Панорама нарративных памятников культуры разных типов и жанров, происходящих из Византийской Италии, демонстрирует значительную широту интеллектуальных интересов ее жителей. Обращает на себя внимание практическое, утилитарное целевое назначение большинства произведений образованных итальянцев. Своими корнями их творчество чаще всего уходит в местные, римские традиции. В то же время очевидна зависимость от внешних, восточных, влияний некоторых значительных итало-византийских памятников (равеннская «Космография», «Трактат об окраске мозаик».).

Особую сферу литературного творчества жителей Византийской Италии составляла поэзия. В истории поэзии Северной и Средней Италии византийская эпоха распадается на два периода: 40-е — 60-е гг. VI в. и последняя треть VI — сер. VIII вв. Первый период — это время, когда продолжали творить стихотворцы старой довизантийской школы. В плане истории поэзии этот период может быть назван византийским лишь формально. По существу, он был последним этапом развития поэзии позднеимперской. Его характеристика даже хронологически несколько выходит за рамки предмета данного монографического исследования. Вместе с тем, она нужна для правильного восприятия следующего культурного периода, явно контрастирующего с описываемым. Поэты Италии середины VI в. являлись духовными наследниками Клавдиана, Авзония и Аполинария Сидония. Они учились у Эннодия и Боэция. Этой школе, этим традициям они обязаны своими достижениями.

В начале 40-х гг. VI в. римский субдиакон Аратор написал большую поэму «О деяниях апостолов» («*De actibus Apostolorum*») ¹⁰⁸, которую и преподнес 6 апреля 544 г. в дар римскому папе Вигилию (537–555). Свое единственное крупное произведение Аратор создал, будучи уже немолодым человеком (род. ок. 490 г.). Уроженец Лигурии, он еще в детстве переехал в Милан, где стал учеником выдающегося поэта Эннодия. Затем вместе во своим другом, племянником Эннодия Партением, учился в Равенне, подготавливая себя к карье-

ре адвоката. К этому времени относится увлечение Аратора классической латинской поэзией, как языческой, так и христианской (Амвросий Медиоланский, Аполлинарий Сидоний). В 20-е гг. VI в. Аратор — преуспевающий равеннский адвокат, широко известный своими ораторскими способностями. Его замечают при дворе короля Теодориха. В 526 г. он участвует в остготской дипломатической миссии в Далмацию. В правление Аталариха Аратор назначается на высокие посты — *comes domesticorum*, а затем *comes privatarum*. Решение удалиться от мира созрело у него во время Готской войны, в годы понтификата хорошо его знавшего папы Вигилия. Став субдиаконом в Риме, он занялся поэтическим творчеством, и после малоудачных попыток переложить на язык поэзии псалмы Давида и Книгу Бытия создал стихотворную версию апостольских деяний.

Поэма его состоит из двух книг по 1076 и 1250 стихов. Деяния апостолов описываются с момента Вознесения Христова до мученической кончины апостола Петра и посещения Рима Павлом (Аратор придерживается известной версии, что Петр и Павел приняли мученическую смерть в один и тот же день). Поэт предлагает аллегорическое истолкование целого ряда эпизодов из жизни апостолов. В своем пристрастии к аллегории он продолжает в христианской поэзии Италии линию Пруденция и Целия Седулия (автора популярной в раннее Средневековье «Пасхальной песни»). Стремясь подкрепить сакральным авторитетом свое право поэтически интерпретировать священные тексты, автор в посвящении поэмы высказывает убеждение, что метрика не чужда и самому Св. Писанию, и что Песнь Песней, книги Иеремии и Иова тоже будто бы написаны стихами. Поэма Аратора, не отличающаяся чисто поэтическими совершенствами, проникнута высоким пафосом и представляет собой яркий образец стихотворной риторики в античном стиле. Она вызвала к себе колоссальный интерес сразу же после появления. Достаточно сказать, что по настоянию населения Рима и с разрешения папы Вигилия Аратор читал ее вслух перед народом в церкви Св. Петра в Узилищах (*ad Vincula*) и в голодном городе в разгар войны четыре дня собирал толпы слушателей. Конечно, для патриотически настроенных римлян особое значение приобретал здесь тот факт, что центральным образом поэмы Аратора был образ патрона Вечного города апостола Петра. Поэма Аратора «О деяниях апостолов» пользовалась известностью и позднее и сохранилась во многих манускриптах (древнейшие относятся к IX–X вв.)¹⁰⁹.

Видимо, в византийское время творил в Италии другой крупный латинский поэт — Максимиан. О нем известно, что он был младшим современником и другом Бозция и свой единственный поэтический сборник составил, будучи уже человеком очень пожилым (вероятно, не раньше 40-х гг. VI в.)¹¹⁰. Максимиан предпринял уникальную попытку возродить в раннесредневековой Италии классическую римскую элегию. Его сборник состоит из шести больших стихотворений, написанных под явным влиянием Овидия. Первое представляет собой пространную ламентацию автора по поводу тягот преклонного возраста; последнее, шестое, — размышление о смерти. Эти две элегии как бы обрамляют четыре других, любовно-эротических, стихотворения, повествующих о взаимном влечении (третье), о страсти (четвертое), о любовной немощи старца (второе и пятое)¹¹¹. Все элегии написаны от лица автора, рассказывающего о своих амурных похождениях. Они очень конкретны в определении участников и места действия. Так, в третьей элегии наряду с поэтом и его возлюбленной Аквилиной действует Бозций, в пятой элегии повествуется о любовном приключении автора в Константинополе, где он находился в составе одного из посольств в годы Готской войны, и т. д. Максимиан очень точно и тонко характеризует настроения и переживания героев; его рассказы изобилуют подробностями; истории, сообщаемые поэтом, производят впечатление невыдуманных. Элегии Максимиана написаны классическим языком, в них полностью отсутствуют христианские образы и символы. Показательно, что в XVI в. их приписали Корнелию Галлу — римскому поэту I в. н. э. Сборник элегий Максимиана можно оценить как явление антикизирующей латинской лирики, свидетельствующее о силе античных традиций в культуре Италии VI в.¹¹²

В Византийской Италии провел молодость и получил образование выдающийся латинский поэт раннего Средневековья Венанций Фортунат. Фортунат родился ок. 540 г. близ г. Тревизо. В Равенне он изучал грамматику, риторику и право, здесь же написал свои первые стихи. В 565 г. Фортунат уехал из Равенны в г. Тур на поклонение мощам св. Мартина и больше не вернулся в Италию. Вряд ли следует полагать (солидаризируясь с И. Н. Голенищевым-Кутузовым)¹¹³, что причиной отъезда Фортуната было отсутствие в Равенне образованных людей, способных оценить его творчество. Напротив, несомненно, что общий уровень культуры в крупнейших городах Италии VI в. был

заметно выше, чем в сильно варваризированной Галлии и, тем более, в Германии. Вероятнее всего, отказ от возвращения на родину был связан с агрессивней лангобардов, реально грозившей в это время захватом всего полуострова, в том числе и Равенны.

Посетив Тур, Фортунат отправился в Майнц и затем через Кельн приехал в Мец. Здесь он встретил весьма теплый прием при дворе короля Сигиберта (браку которого с вестготской принцессой Брунгильдой посвятил эпиталаму). Затем в Пуатье он вошел в кружок интеллектуалов, группировавшихся вокруг королевы Радегунды, постригшейся здесь в монахини в обители Св. Креста. На склоне лет Фортунат стал священником, а вскоре (в 597 г.) и епископом г. Пуатье. Умер он в 609 г.

Венанций Фортунат — автор большой поэмы в 4-х книгах, посвященной покровителю Галлии св. Мартину (стихотворное переложение жития Мартина, написанного Сульпицием Севером), ряда духовных элегий и прозаических житий святых. Но главное детище Фортуната — это обширное собрание стихов «на случай» — писем, панегириков, поздравлений, эпиталам, эпитафий и т. д. Фортунат мастерски владел всеми перечисленными жанрами. Его стихи, написанные различными, не всегда классическими, метрами, совершенны технически и в то же время звучат очень искренне и непосредственно. Редкое для раннесредневековой поэзии умение выразить в официальных по форме и замыслу стихотворениях живые человеческие чувства принесло Фортунату славу крупнейшего лирика своего времени. Конечно, по месту жительства, по тематике и адресатам стихотворных посланий Венанция Фортуната нужно считать, в основном, галльским поэтом. Но важно, что его талант формировался на почве Италии. Таким образом, ее интеллектуальная среда еще в 60-е гг. VI в. оказалась способной произвести поэта столь крупного масштаба¹¹⁴.

Аратор, Максимиан, Фортунат, произведения которых принадлежат к числу лучших достижений раннесредневековой латинской поэзии, творили в первые годы византийского господства в Италии (Фортунат затем в Галлии). Все они восприняли традиции античной римской культуры, пережившие падение Западной Римской империи и сохранившие свою притягательность для итальянцев в эпоху остготов. Собственно византийская Италия не выдвинула ни одного заметного поэта, и со второй половины VI в. в ней не было создано ни

одного крупного поэтического произведения. Разумеется, это было связано с прогрессирующим упадком культуры и образования на Апеннинских в «темные века» итальянской истории. Но не меньшее значение имело и то, что власть в Италии была властью чужого этноса. Византийцы не подавляли искусственно творческую активность латиноязыческих итальянцев, но и не создавали стимулов для ее развития. В позднеримское и остготское время поэзия носила, в основном, публичный и официальный характер, и стихотворцы вращались при дворах императоров и королей. Экзархи — греки не нуждались в услугах латинских поэтов. Они представляли другую цивилизацию и не считали нужным поддерживать римскую поэтическую культуру. Поэзия Италии лишилась обычного социального заказа, и это стало одной из важнейших причин ее упадка.

Основной фонд поэтической продукции Византийской Италии с конца VI в. составляют стихотворения двух жанров: посвящения и эпитафии. Большая часть из них зафиксирована эпиграфически. Многие памятники дошли до наших дней. Посвятительные надписи связаны с постройкой или реставрацией зданий (чаще всего церквей), украшением их мозаиками и фресками, с жертвоприношениями в храмы и адресованы Христу, Богородице, святым. Сохранились эпитафии на саркофагах некоторых римских пап, епископов других городов, византийских экзархов и *dux*'ов и др. Много таких эпиграфических памятников известно в Риме¹¹⁵ и в Равенне¹¹⁶. Отдельные образцы дошли до нас от других городских центров Италии. Стихотворения написаны элегическими дистихами, реже ямбами. В плане метрики и строфики очевидны взаимосвязи с античной поэзией. Стихи, в основном, невысокого качества, тяжеловесные, с метрическими и ритмическими сбоями, многочисленными погрешностями стиля. Однако иногда встречаются произведения, написанные более профессионально. Среди них, например, стихотворение, посвященное покорителю Италии Нарзесу в связи с восстановлением им моста через р. Аниен¹¹⁷. Это очень грамотное, хотя и банальное посвящение явно создавалось в подражание античным поэтическим творениям (автор даже обращается к читателям: «Квириты!»). В 689 г., когда в Риме умер молодой король западных саксов Кадвалла, на его кончину составил стихотворную эпитафию миланский епископ Бенедикт Крисп, известный как автор своеобразных медицинских стихов¹¹⁸. Эта эпитафия, сохранившаяся в атриуме собора Св. Петра,

представляет собой великолепный образец посвятительной лирики (сочиненный, впрочем, поэтом, постоянно проживавшим в лангобардской части Италии)¹¹⁹.

Известно несколько греческих стихотворений, написанных в Северной и Средней Италии в византийское время. Лучшее из них — трогательная, продиктованная искренним чувством скорби эпитафия, адресованная равеннскому экзарху Исаакию его женой Сусанной. Она выбита на его саркофаге в церкви Св. Виталия в Равенне¹²⁰.

В 1882 г. в библиотеке савойского герцога Антония Пия был обнаружен документ, получивший название «Равеннский свиток» («Rotulus de Ravenna»). Это — свод литургических песнопений, содержащий 42 отдельных стихотворения, написанных в разное время (начиная с V в.) и, как показал немецкий историк-литургист П. Свитберт Бенц, объединенных в одно целое в третьей четверти VII в. в Равенне при архиепископе Мавре (644–673)¹²¹. Большинство литургических стихотворений — равеннского происхождения, некоторые ныне приписываются знаменитому епископу Петру Хрисологу (432–449), другие — архиепископу Максимиану из Пола (546–556). Часть песнопений посвящена Рождеству, часть — Воплощению Господню. Они сведены в единое собрание во многом механически. Исключительное литургическое значение «Равеннского свитка» состоит в том, что здесь зафиксирован ряд песнопений, посвященных Адвенту¹²² (по классификации П. Свитберта Бенца, стихотворения № 5, 6, 7, 9, 11, 18, 21). Ни одно из них не было известно в Риме. В этом можно видеть косвенное указание на время составления сборника: такой сборник мог появиться при архиепископе Мавре, добившемся автокефальности для Равеннской церкви, когда Равенна и Рим прекратили церковное общение. Появление в «Равеннском свитке» целой группы молитв по поводу Адвента показывает, что латинская литургия тут несколько отличалась от римской. Свиток свидетельствует, что в период достигнутой при архиепископе Мавре автокефальности Равеннская церковь пыталась утвердить свою независимость от Рима и в литургической сфере. При этом тексты «Равеннского свитка» не дают возможности усомниться в их западном, латинском происхождении. Здесь не приходится говорить о влиянии восточных Церквей. (Укажем, что первые известия об особом литургическом оформлении Адвента дошли до нас из Испании — собор в Лериде, 524 г.¹²³)

Большая часть сохранившихся итальянских раннесредневековых стихотворений анонимна. К их числу относится поэтическое произведение, по-своему замечательное. Это — инвектива «Против Рима», дошедшая до нас в трех редакциях и многих рукописях IX–XV вв. и созданная, несомненно, в Византийской Италии. Она заслуживает того, чтобы привести ее текст целиком:¹²⁴

*«Некогда ты был основан своими благородными покровителями,
А ныне ты во власти рабов: увы, Рим, ты погибаешь!
Давно уже покинули тебя твои цари,
И ко грекам перешли имя и слава твои.
Никого из благородных правителей внутри тебя не осталось,
Граждане твои возделывают поля пеласгов.
Чернь, собранная с самых отдаленных краев земли,
Рабы рабов, — ныне твои господа.
Процветающий Константинополь зовется Новым Римом,
В тебе же, Рим Древний, рушатся и нравы, и стены.
Вот что в старинном стихе предрек тебе прорицатель:
“Нежданно, Рим, однажды покинет тебя Амур!”
Когда б не хранили тебя заслуги Петра и Павла,
Уже давно бы, Рим, в ничтожество ты обратился.
Отдан под иго порочным и мерзким ублюдкам
Ты, который когда-то сиял своей доблестью славной.
Исчезла твоя империя, — лишь надменность осталась с тобою.
Жажда стяжания тобой овладела всецело.
Разве не ясно указано Господом: “Грех великий
Творит раб своей алчности, в душе поклоняясь идолам”?
Истяжавший жестоко святых при жизни,
Мертвыми членами их теперь ты привычно торгуешь.
Но доколе хищная почва поглощать будет кости живших,
Сможешь ты продавать и поддельные их останки».*

Перед нами — резкое поэтическое обвинение, направленное против византийской власти в Италии. Его автор — гордый римлянин, идеалы которого обращены в прошлое: к эпохе римских императоров. Он презирает византийцев — иноплеменных «пеласгов»¹²⁵, презирает их разноязыкое воинство — «чернь, собранную с самых отдаленных краев земли». В руках греков, всегдашних «рабов» римлян, гибнет Вечный город! Конечно, в сознании римлянина, и к тому же искренне верующего христианина (а таков автор стихотворения, упо-

вающий на покровительство Петра и Павла), политическому упадку Рима сопутствуют упадок нравов и «жажда стяжания». Особую горечь у поэта вызывает торговля священными реликвиями. Стихотворение глубоко пессимистично. Автор не видит выхода из трагической ситуации и, что показательно, не воспринимает папство как силу, способную спасти Рим. Напротив, он обыгрывает, исходя из буквального смысла, титул римского папы «*servus servorum*» («раб рабов»). Стихотворение могло быть написано, когда на папском престоле находился кто-то из верных клевретов Византии и, весьма вероятно, — в один из моментов особого унижения римского патриотизма. Можно принять гипотезу Ф. Грегоровиуса, который приурочивает написание инвективы к событиям 663–664 гг. (поход в Италию императора Константа II и разграбление им города Рима¹²⁶).

Инвектива «Против Рима» — не только стихотворный памятник большой художественной силы, но и важный политический документ. Он концентрированно выражает антивизантийские настроения патриотически настроенных римлян. По поэтическим и идейным достоинствам это — высшее достижение поэзии в Равеннском экзархате на втором этапе ее развития.

Если же оценивать состояние поэзии в Византийской Италии в целом, то придется заключить, что с конца VI в. ее тематический диапазон и художественное качество резко снижаются. Вместе с тем поэзия становится в известной мере утилитарной. Ее основной в это время жанр — эпитафия — позволяет исследователю более систематически использовать стихотворения в качестве источников по конкретной истории. Как литературные памятники они, в большинстве своем, малопримечательны. Впрочем, инвектива «Против Рима», будучи незаурядным источником по истории идеологии, одновременно обладает и бесспорными литературными достоинствами. Она является единственным сохранившимся итало-византийским сочинением такого типа.

Юридические произведения, созданные в Северной и Средней Италии, на фоне отмеченной выдающимися достижениями истории ранневизантийского права обычно не привлекают к себе внимания исследователей. В самом деле, их зависимость от имперского законо-

дательного свода *Corpus juris civilis* столь всеобъемлюща, что возникает вопрос: можно ли вообще воспринимать их как отдельные юридические памятники? Но уже потому, что данный вопрос требует ответа, репертуар юридических текстов, происходящих из Равеннского экзархата, заслуживает характеристики. Опираясь на нее, можно установить, пригодны ли эти тексты для использования в качестве источников по истории Византийской Италии или местная специфика не нашла в них никакого выражения.

Известно, что созданный при Юстиниане I *Corpus juris civilis* не только фактически явился высшим достижением и итогом развития римского права, но и рассматривался в таком качестве самим законодателем. Во избежание изменений и искажений предписанных им норм была введена государственная монополия как на правотворчество, так и на интерпретацию права. В 530 г. в конституции «*Deo auctore...*», а затем в 533 г. более подробно в конституции «*Tanta circa pos...*» были строжайшим образом регламентированы права и обязанности юристов, обращающихся к истолкованию законодательства. Обе конституции были опубликованы в связи с подготовкой Дигест, но вводимые ими нормы на деле устанавливали общие правила для интерпретации всех разделов законодательного свода.

Обратимся к конституции «*Tanta circa pos...*»: «Как Мы предполагали с самого начала, когда приказывали с Божьей помощью подготовить сей труд, так же и сейчас находим своевременным установить, чтобы никто из нынешних или будущих знатоков права не осмеливался добавлять к этим законам комментариев, — разве только кто захочет перевести их на греческий язык, в том же порядке и в той же последовательности (как выражаются греки — *κατὰ πόδας*), или если кто-то возжелает составить индексы к собраниям титулов и то, что именуют *παράτιτλα*. Другие же истолкования или, скорее, извращения законов совершать им не позволяем, чтобы их словоблудие, смешавшись с Нашими законами, таковые бы не изуродовало»¹²⁷.

Как видим, законодатель предельно сужает сферу творческой активности византийских правоведов. Признаются законными лишь два типа юридических произведений: буквальные переводы Юстинианова законодательства с латыни на греческий (грекоязычных конституций, соответственно, на латынь), а также указатели к *Corpus iugus civilis*¹²⁸.

В 554 г. византийским правительством была издана особая новелла — «Прагматическая санкция для Италии», регулировавшая правовой режим в византийских владениях на Апеннингах. Санкция — единственный памятник права, непосредственно характеризующий социальную ситуацию в Византийской Италии. Однако, как показала З. В. Удальцова, часть установлений этой правительственной программы никогда не была воплощена в жизнь¹²⁹. Это налагает определенные ограничения на использование документа в целях реконструкции реального социального положения в стране во второй половине VI в., но он незаменим при выяснении тех задач, которые ставили перед собой византийские правители в Италии.

11-й титул Прагматической санкции распространял на Италию сферу действия общеимперского законодательства, причем как законов уже обнародованных, так и тех, «которые могли быть провозглашены впоследствии»¹³⁰. С этого момента жанровая специфика юридических памятников, создававшихся или имевших хождение в Византийской Италии, как и по всей империи, определялась конституцией «*Tanta circa nos...*».

Следует иметь в виду, что к середине VI в. итальянская юриспруденция обладала собственным творческим потенциалом. На Апеннингах существовали сильные юридические школы, возникшие и развившиеся в римское время и пережившие остготскую эпоху. Об их наличии в Риме и в Равенне сохранились свидетельства Венанция Фортуната, Кассиодора и Эннодия¹³¹. Прагматическая санкция признала за преподавателями этих школ право на получение государственного жалованья, при этом отмечая, что таковое выплачивалось и ранее, при остготах¹³². Потребности преподавания диктовали необходимость создания лекционных курсов и различных пособий для обучения студентов. Практикующие итальянские юристы в свою очередь испытывали нужду в справочных материалах к законодательному своду и, будучи в большинстве своем местными уроженцами, должны были иметь на руках латинские переводы грекоязычной части юстиниановых законов. С другой стороны, в начале византийского периода в Италии имелись образованные правоведа, способные к преподавательской и комментаторской работе в сфере юриспруденции. Поэтому сравнительно скоро на Апеннингах стали появляться юридические тексты как местного происхождения, так и созданные за пределами Италии, но специально для нее предназначенные.

Одним их первых таких произведений стала Эпитома Юлиана¹³³. Это — сборник приведенных в сокращении новелл Юстиниана I. Язык эпитомы латинский, т. е. новеллы, написанные по-гречески, переведены ее составителем на латынь. Собрание содержит 122 конституции, разделено на две книги и ряд титулов. Их расположение в основном соответствует порядку публикации новелл. В ряде списков автором эпитомы назван «Julianus, vir eloquentissimus, antecessor Constantinopolitanae civitatis» — «Юлиан, красноречивейший муж, преподаватель из града Константинополя». Вероятнее всего, Юлиан преподавал в константинопольской школе права. Есть основания считать его учеником известного юриста Стефана. Будучи профессиональным правоведом, Юлиан выступал, однако, и на поэтическом поприще: сохранились грекоязычные стихотворные эпиграммы, приписываемые *Ἰουλιάνου Ἀντικλήτορος*¹³⁴.

Эпитома Юлиана составлена в правление Юстиниана I, о чем свидетельствуют упоминания о нем как о правящем государе. Данная датировка подтверждается и кодикологическим анализом ее сохранившихся рукописей, произведенным немецким историком права М. Конратом¹³⁵. Эпитома писалась в Константинополе: автор неоднократно именуется столицу империи «сим царским городом» («hanc regiam civitatem»), хотя слово «сей» отсутствует в греческом оригинале; следовательно, сам он в данный момент находится в «царском городе».

Ареал распространения Эпитомы Юлиана — латинский Запад и главным образом Италия. Первые дошедшие до нас свидетельства использования новелл Юстиниана в ее редакции относятся к VI–VII вв. В дальнейшем их число возрастает¹³⁶. Древнейшая рукопись эпитомы датируется VII в. (Cod. San-Gallensis 1395). Издатель Г. Хэнель описывает 19 сохранившихся манускриптов VII–XIV вв. и сообщает еще о 17-ти, упоминаемых в различных источниках¹³⁷. Широкая известность Эпитомы Юлиана на Западе заставляет задуматься: не была ли она официальной версией императорских новелл, предназначенной для Италии?

В Прагматической санкции 554 г. говорится: «Предписываем соблюдать юридические нормы и законы, внесенные в наши кодексы, которые в форме эдиктов (sub edictali programmate) мы уже послали недавно в Италию. И те конституции, которые мы провозгласили позднее, предписываем в форме эдиктов обнародовать, и с той поры как они будут в форме эдиктов обнародованы, также соблюдать в Италии,

дабы после того, как по воле Божией создано единое государство, власть наших законов распространилась бы столь же широко»¹³⁸. Из титула следует, что первые части Юстинианова свода — Институции, Дигесты и Кодекс — были обнародованы в Италии прежде. Об этом факте упоминает и Прокопий Кесарийский (538 г.)¹³⁹. Что же касается новелл, то до 544 г. они, по крайней мере в целостном виде, не были объявлены на Апеннингах. Как показал К. Цахариз фон Лингенталь, в Италии имело хождение лишь несколько новелл Юстиниана I, и те преимущественно в церковных кругах¹⁴⁰. Следует думать, что предписание Прагматической санкции обнародовать новеллы в Италии было выполнено: в дальнейшем здесь был известен некий свод Юстиниановых новелл, о котором Павел Диакон говорит следующее: «Новые же законы, которые он (Юстиниан I. — О. Б.) установил, собранные в один том, приказал он называть Кодексом новелл»¹⁴¹.

Могла ли быть этим кодексом Эпитома Юлиана? Так как последняя новелла, включенная в нее, датирована первым июня 555 г., было бы привлекательным счесть, что требование автора Прагматической санкции было воплощено в жизнь немедленно: в течение ближайшего года свод конституций был подготовлен и отправлен в Италию. Популярность Эпитомы Юлиана как будто также свидетельствует в пользу признания за ней официального значения. Однако нельзя забывать о том, что она предлагает не просто латинский текст, но сокращенную редакцию Юстиниановых новелл. Иными словами, она не может быть отнесена к числу «дозволенных» юридических произведений и прямо противоречит конституции «*Tanta circa nos...*». Конечно, мы имеем дело все же не с комментарием или интерпретацией текста закона (что запрещалось законодателем непосредственно); сокращение текста конституций было не столь вопиющим отклонением от буквы законодательства. Но если какой-то юрист и мог позволить себе подобную профессиональную вольность, вряд ли это сделал сам законодатель: ситуация, когда византийский император провозглашал бы в сокращении свой собственный закон, ранее объявленный целиком, не имеет прецедентов. Поэтому считать эпитому Юлиана официальным сводом новелл, предназначенных византийским императором для Италии, нельзя. Скорее можно принять мнение французского историка П. Ноайля, полагавшего, что эпитома написана как учебное пособие для итальянской юридической школы, так как слабое знание греческого не позволяло многим ее ученикам

знакомиться с новеллами в подлиннике¹⁴². В таком случае распространенность Эпитомы Юлиана в Италии объясняется тем, что значительная часть местных юристов, получая образование, использовала ее как учебник и постоянно имела в своем распоряжении. Весьма вероятно, что константинопольский правовед Юлиан получил заказ на составление эпитомы от юридической школы в Риме или Равенне. Сказанное не означает, что эпитама может использоваться как источник по истории Италии. Сопоставление ее статей с *Corpus juris civilis*, действительно, выявляет некоторые расхождения. Однако тот факт, что эпитама написана столичным юристом, и мы не знаем, учитывал ли он ситуацию, сложившуюся в Италии, не позволяет отнести эти различия за счет итальянской правовой специфики (по крайней мере до тех пор, пока не обнаружено хотя бы одно несомненное доказательство ее воздействия на Эпитуому Юлиана).

Добавлением к Эпитоме Юлиана выступают в рукописях три небольших памятника, дающих нам образцы так называемых *παράτιτλα*. Один из них содержит указания на статьи Эпитомы Юлиана с отсылками к титулам Институций, Дигест и Кодекса Юстиниана, трактующим о тех же предметах¹⁴³. Такой указатель был полезен любому практикующему юристу, имевшему дело с эпитомой.

Второй памятник, носящий название «*Dictatum de consiliariis*», представляет собой указатель несколько иного рода¹⁴⁴. Он построен в виде сборника рекомендаций, по следующей формуле: «Если возникает необходимость...» обратиться к закону о том-то и том-то (например, «о клириках или монахах», «об имуществе или об отчуждении» и т. д.), то «...прочитай в Новеллах конституцию такую-то...». Очень вероятно, что справочник подготовлен на основе конспекта лекций о новеллах в переложении эпитомы Юлиана, прочитанных в юридической школе, и тогда его своеобразное название можно истолковать как «Текст для диктовки просящим совета».

Следующий справочник именуется «*Collectio Domini Juliani Antecessoris*» (известен также как «*Collectio de tutoribus*»)¹⁴⁵. В нем кратко пересказывается содержание статей законодательного свода (не только новелл) об опеке и попечительстве, приводятся ссылки на эти статьи; текст, таким образом, сочетает в себе черты эпитомы и *παράτιτλα*. Все три указателя появились еще в VI в. и позволяют составить представление об учебных и справочных пособиях по праву, создававшихся в Византийской Италии.

Эпитома Юлиана не была единственным собранием Юстиниановых Новелл, известным на Апеннинях. Другим подобным комментарием является *Authenticum*¹⁴⁶. Он содержит 134 конституции: латинские в подлиннике, греческие в переводе на латынь. Последняя из них датируется 1 мая 566 г. В отличие от Эпитомы Юлиана *Authenticum* тесно связан с так называемым «Греческим собранием 168 новелл» — компиляцией, появившейся в Византии около 575 г. Первые 120 новелл Греческого собрания повторяют (с учетом мелких отклонений) 115 новелл из *Authenticum*. Очевидно, что *Authenticum* возник в 50-е гг. VI в., но и он, и Греческое собрание зависят от одного и того же свода новелл.

К. Цахариз фон Лингенталь предполагал, что именно *Authenticum* был официальным сводом конституций, обнародованным в Италии по распоряжению византийского правительства¹⁴⁷. В самом деле, *Authenticum* содержит полный текст новелл, причем греческие переведены буквально *κατὰ πῶδας*, т. е. в соответствии с конституцией «*Tanta circa nos...*» *Authenticum* написан на варварской латыни (переводная часть), резко отличающейся от официального юридического языка константинопольских правоведов. Однако этот факт находит объяснение, если принять предположение итальянского историка права Н. Тамассии, что *Authenticum* был подготовлен по заданию правительства не в Константинополе, а в Италии — в итальянской префектуре претория¹⁴⁸. Высказывались, впрочем, и иные точки зрения. П. Ноайль утверждал, что *Authenticum* был первоначально составлен в Константинополе на основе гипотетической *Liber Legum* — официального общевизантийского собрания Юстиниановых новелл¹⁴⁹. Но широкой популярности он, по-видимому, не имел, и его раннесредневековая рукописная традиция неизвестна.

Authenticum был обнаружен и введен в оборот европейских юристов в начале XII в. знаменитым правоведом Ирнерием, основателем Болонского университета. Ирнерий воспринимал «*Authenticum*» как официальный памятник Юстиниановой эпохи¹⁵⁰, что идентично гипотезе, которую более семи столетий спустя выдвинул К. Цахариз фон Лингенталь.

Не все специалисты согласны признать официальный характер *Authenticum*. Установлено, что Эдикт Ротари, изданный в 643 г. в Лангобардском королевстве, содержит выдержку из новеллы Юстиниана I (Nov. VII) в редакции *Authenticum*¹⁵¹. П. С. Ляйхт полагал на

этом основании, что и сам *Authenticum* появился в лангобардской зоне Италии (например, в Милане)¹⁵². Это весьма маловероятно. Лангобарды в отличие от остготов не признавали формальной юридической силы за византийским законодательством даже для римского населения. Поэтому местным правоведам не было нужды пропагандировать здесь византийский законодательный свод, тем более — в первые десятилетия после вторжения лангобардов в Италию. Сравнительно малое число свидетельств использования *Authenticum* в юридической практике, скорее, можно объяснить тем, что он был быстро вытеснен Эпитомой Юлиана: не потому ли, что эпитама в силу своей краткости была более удобна в обращении и более доступна пониманию рядовых итальянских юристов? Вместе с тем заслуживает внимания замечание П. Ноайля, считавшего, что *Authenticum* не мог быть официально предназначен для Италии, потому что в нем отсутствует главный византийский законодательный акт, относящийся к Италии, — Прагматическая санкция 554 г.¹⁵³ Это серьезный довод против гипотезы К. Цахариэ фон Лингенталя, однако следует помнить, что именно Прагматическая санкция предписала обнародовать в Италии Юстиниановы новеллы. Поэтому следовало бы скорее ожидать не включения самой санкции в свод новелл, а ссылки на нее в преамбуле к *Authenticum*. Но он дошел до нас вообще без какой-либо преамбулы; если же она когда-либо существовала и была утрачена впоследствии, то вместе с ней должна была исчезнуть и ссылка на Прагматическую санкцию.

Authenticum является наименее оригинальным юридическим произведением, известным в Византийской Италии. Если версия о его местном происхождении справедлива, то его можно использовать как итальянский исторический источник, но, видимо, главным образом в лингвистических целях.

Самыми заметными свидетельствами творческой активности юристов Византийской Италии служат два памятника: Туринская глосса и Перуджийская сумма. Туринская глосса представляет собой собрание комментариев к Институциям Юстиниана и существует в виде маргинальных заметок на полях рукописи Институций *Cod. Taurin. D. III. 13*¹⁵⁴. Рукопись датируется X в., но глосса принадлежит, несомненно, более раннему времени и перенесена на поля туринского кодекса с другого манускрипта. Так как в одном из титулов глоссы говорится о законе Юстиниана как о «*constitutio domini nostri*»

(Tit. 12), следует думать, что памятник возник еще при жизни этого императора. В туринской рукописи к глоссе в XI–XII вв. были добавлены новые схолии. Автор Туринской глоссы использовал не только Институции Юстиниана I: он ссылался также на Дигесты, Кодекс и Новеллы, т. е. имел под рукой весь имперский законодательный свод. (Новеллы, видимо, не в подлиннике, а в редакции Эпитомы Юлиана.)

Глоссатор хорошо знал некоторые труды правоведов доюстинианова времени, и в первую очередь Институции Гая. Он умел читать по-гречески и активно использовал грекоязычные статьи Кодекса и Дигест. В латинском языке памятника имеется ряд неправильностей, которым находится объяснение, если предположить, что родным языком автора был греческий. М. Конрат обратил внимание на сходство интерпретации Юстиниановых Институций в Туринской глоссе и в Парафразе Феофила¹⁵⁵. Это сходство можно, по его мнению, объяснить тем, что автор глоссы и константинопольский профессор права Феофил использовали одни и те же не дошедшие до нас схолии к Институциям Гая¹⁵⁶. Итак, вероятнее всего, автором Туринской глоссы был проживавший в Италии в последние годы правления Юстиниана I приезжий византийский правовед, по-видимому, уже пожилой человек, получивший юридическое образование до выхода *Corpus juris civilis*. Поэтому, комментируя Институции Юстиниана I, глоссатор опирался на более ранние юридические источники, хорошо ему известные. Составляя свои схолии, он грубо нарушал цитировавшуюся конституцию «*Tanta circa pos...*» и поэтому не собирался, видимо, публиковать свой труд, предназначая его для собственного употребления. Впоследствии его маргиналии вызывали интерес у юристов, переписывались, но так и не были собраны в единую книгу.

По содержанию статьи Туринской глоссы весьма разнообразны. Многие из них начинаются словом «*nota*»: «Обрати внимание, почему раб в данном случае выступает как юридическое лицо...» (Tit. 179), «Обрати внимание, почему дед по материнской линии не обязан передавать наследство внукам...» (Tit. 179) и т. д. Часто даются пояснения отдельных терминов или положений законодательства (вводимые сочетанием «*id est*» — «то есть»). Иногда автор делится сомнениями по поводу содержания статей: «Возникает вопрос: если сказано, что ему (подопечному. — *О. Б.*) можно улучшать условия своей жизни без участия опекуна, то почему нельзя (самостоятельно. — *О. Б.*) приобрести выгодное наследство?» (Tit. 18).

Не исключено, что отдельные статьи глоссы отражают итальянскую правовую практику. Это можно предполагать, например, в отношении статьи Tit. 40, где речь идет о юридических процедурах, которые совершают в Риме писцы («scribae»), в провинциях же судебное присутствие («officium iudicis»). Однако необходимо помнить, что автор глоссы чаще всего отталкивался от классической правовой традиции и, вероятно, не был итальянцем по происхождению. Поэтому применение глоссы в качестве источника для изучения социальной жизни Византийской Италии требует большой осторожности и возможно лишь после специального источниковедческого исследования.

Туринская глосса является наиболее крупным, но не единственным собранием схолий к законодательству Юстиниана, происходящим из Византийской Италии. К VI в. восходят многочисленные краткие латинские схолии к Эпитоме Юлиана в одном из ранних манускриптов (Cod. Paris. 4568 S. VIII–IX). Сохранились также грекоязычные схолии к Кодексу Юстиниана (Lib. IV–XI), образующие так называемую Веронскую глоссу и зависимые от комментария к Кодексу, написанного константинопольским юристом Фалелаем. Однако итальянское происхождение Веронской глоссы не доказано, и воспринимать ее как итало-византийский памятник было бы преждевременно¹⁵⁷.

Наиболее поздним юридическим произведением, дошедшим до нас от эпохи византийского господства в Северной и Средней Италии, является Перуджийская сумма¹⁵⁸. Это — конспект Кодекса Юстиниана, который известен в единственном списке X в. (A XVIII) из библиотеки Перуджийского соборного капитула. «Сумма» содержит резюме статей Кодекса. Сохранившийся список воспроизводит конспект первых восьми книг, вплоть до 53-го титула VIII книги. Пропуски отдельных статей или перестановки в порядке их следования очень редки и, вероятно, зависят от экземпляра Кодекса Юстиниана, находившегося в распоряжении эпитоматора. Текст написан на варварской латыни. По языковым признакам он может быть датирован VII–VIII вв. Издатель памятника Ф. Патетта предполагал, что первоначально конспект был составлен кем-то из итальянских юристов *ad usum rrgorio*, возможно, в виде маргиналий к тексту Кодекса. Он выдвинул гипотезу, что как отдельная книга «Сумма» была записана впервые во время правления франкского императора Лотаря (840–855), в погребальной надписи которого говорится, что он «восстано-

вил нерушимость римских законов»¹⁵⁹. Полагать так позволяет тот факт, что в дальнейшем (в X–XI вв.) мы имеем целый ряд свидетельств использования римскими юристами статей Кодекса Юстиниана в предлагаемом ею сокращении¹⁶⁰. Трудно сделать определенный вывод о месте составления Перуджийской суммы. Дж. Тамассия считал таковым Равенну, опираясь на специфическую терминологию памятника¹⁶¹, но его доводы не были приняты Ф. Патеттой, согласно которому «Сумма» написана в Риме. Рим неоднократно упоминается в ней, при этом однажды выражение «*in urbe Roma*» поставлено вместо имеющегося в Кодексе Юстиниана сочетания «*in hac urbe*», т. е. «*Constantinopoli*»¹⁶². Однако приведенного издателем факта недостаточно для вывода, так как речь здесь идет о совершенно конкретной ситуации. Законодатель предписывает все завещания, которые обнародовались в налоговом ведомстве («*apud officium censuale*»), впредь хранить в архиве этого ведомства. В Равенне завещания обнародовались в курии, и до нашего времени сохранились протоколы таких куриальных заседаний. В Риме роль курии играл сенат, который не занимался, конечно, слушанием многих тысяч составлявшихся в городе завещаний, а к VII в. уже фактически не существовал¹⁶³. Возможно, что здесь завещания обнародовались и хранились *apud officium censuale*, как и в Константинополе¹⁶⁴.

Во всяком случае, Перуджийская сумма, безусловно, является памятником итало-византийского происхождения, о чем, в частности, свидетельствуют встречающиеся в ее лексике грецизмы. Особый научный интерес придает «Сумме» то обстоятельство, что иногда перефразировка общеимперских законов, подмена терминов, разнообразные отклонения от буквы и духа Кодекса Юстиниана, встречающиеся в ней, отражают итальянскую правовую и социальную специфику.

Например, как отметил Ф. Патетта, Перуджийская сумма игнорирует проводимое в кодексе Юстиниана разграничение государственной и императорской собственности¹⁶⁵. Когда в Кодексе речь идет об имуществе *domus divinae*, «Сумма» вместо сочетания «*procurator noster*» употребляет «*procurator fisci*» или «*procurator publicus*», вместо «императорские колонны» («*coloni dominici*») ставит «*coloni publici*» и т. д.¹⁶⁶ В 80-х гг. прошлого века Л. М. Гартманн доказывал на основе других источников, что императорская и фискальная собственности уже в VI в. не различались в Византийской Италии¹⁶⁷. Перуджийская сумма подтверждает эту точку зрения.

Очень интересно истолкование «Суммой» титула IV, 61, 11 Кодекса Юстиниана. В русском переводе текст статьи кодекса звучит так: «Если кто в отсутствие господина, т. е. арендатора соляных копей, возьмет соль и попытается продать, то он должен отдать владельцам как саму соль, так и ее стоимость». Резюме автора «Суммы» резко расходится с самой статьей и отличается нелепой неоправданной жестокостью: «Кто возьмет соль тайком от арендатора, возвращает ее стоимость, и сам обращается в рабство». Откуда такое толкование? Выражение «отдать владельцам» в статье кодекса выражено словами «*mancipibus addicantur*». На Западе, и в частности в Италии, было очень распространено употребление термина «*mancipium*» для обозначения рабов, челяди¹⁶⁸. Видимо, это обстоятельство и загипнотизировало автора «Суммы». Он воспринял выражение «*mancipibus addicantur*» не как «отдаются хозяевам», а как «обращаются в рабство» и с чистой совестью написал «*in servitio deveniat*». Но это, по всей вероятности, значит, что в Италии VII в. слово «*mancipium*» могло означать только одно — «раб».

В другом месте, говоря о корабле, осуществляющем государственный фрахт («*navis continebat fiscum occupasse*»), «Сумма» в отличие от Кодекса добавляет «*angaria tentus est*» («несущий повинность»)¹⁶⁹. Термин «*paves angarialis*» упоминается в другом итальянском источнике — хронике «Происхождение народа лангобардов»¹⁷⁰. Перуджийская сумма содержит, таким образом, подтверждение того факта, что государственная мореходная служба обозначалась в Италии словом «*angaria*». В статье Кодекса Юстиниана говорится о любом корабле, выполняющем извозную повинность, независимо от маршрута его следования. Перуджийская сумма уточняет: «Корабль, который идет в Африку». Очевидно, памятник составлялся там, откуда государственные фрахтовые суда ходили исключительно в Африку. Перед нами — ценное свидетельство наличия постоянных морских контактов между Африкой и Византийской Италией, а возможно, и датирующее свидетельство: не следует ли считать, что «Сумма» была составлена незадолго до арабского завоевания византийских владений на южном берегу Средиземного моря, т. е. около середины VII в.?

В Перуджийской сумме немало статей, характеризующих принятую в Византийской Италии правовую практику. В одном из титулов Кодекса Юстиниана говорится об оглашении завещаний в курии в присутствии *duo viři*. В Перуджийской сумме здесь значится «*duo*

testes»¹⁷¹. Известно, что еще в VI в. в большинстве итальянских городов завещания оглашались в курии в присутствии duo viri¹⁷². К моменту составления Перуджийской суммы курии традиционного римского типа, видимо, уже не существовало на Апеннингах. Вместо ее высших магистратов (duoviri iure dicundo) в качестве гарантов законности некоторых юридических процедур могли выступать два любых свидетеля.

Приведенных примеров достаточно для вывода о том, что Перуджийская сумма может быть с успехом использована для изучения конкретной социальной истории Византийской Италии. Если провести сплошную сверку статей «Суммы» и Кодекса Юстиниана, то составленный в результате такой работы реестр разночтений будет представлять собой новый исторический источник по итальянской истории.

Фонд юридических памятников, по происхождению или по ареалу распространения связанных с Равеннским экзархатом, в сущности, невелик. При этом все они не просто зависимы от законодательства Юстиниана I, но непосредственно ориентированы на использование, объяснение, заучивание тех или иных разделов *Corpus juris civilis*¹⁷³. Однако каждый из охарактеризованных выше юридических текстов имеет собственное «лицо», отличающееся от облика его официального прототипа. Даже *Authenticum* должен быть признан своеобразным по композиции и стилистике, не лишенным оригинальности юридическим памятником. Что же касается Эпитомы Юлиана, Туринской глоссы, Перуджийской суммы, а в известной мере и сохранившихся *paratitla*, то они свидетельствуют об одном: запросы реальной правовой практики не позволили втиснуть творческую активность итальянских юристов в «прокрустово ложе» официальных, установленных законом допущений и догм. Большинство правовых памятников Византийской Италии в той или иной степени испытало влияние местных социальных условий. Для конкретных выводов по этому поводу необходим узкоспециальный источниковедческий анализ каждого памятника в отдельности. Но есть серьезные основания для предположения, что наиболее ценные результаты должно дать изучение Перуджийской суммы.

Проведенный анализ и приведенные примеры свидетельствуют о том, что юридические памятники, происходящие из Византийской Италии или для нее предназначенные, могут в ряде случаев использовать

ся как источники по ее истории. Что касается систематического, комплексного их применения, то оно станет возможным лишь после специального монографического изучения каждого памятника.

Разумеется, в настоящей монографии, как и в большинстве работ по истории ранней Византии, используются собственно византийские правовые памятники — *Corpus juris civilis*, Кодекс Феодосия, императорские новеллы, не вошедшие в эти своды¹⁷⁴. Они создают историко-правовой фон, на котором развивались социальные отношения, хотя, конечно, не могут восприниматься применительно к Италии как источники сведений конкретно-исторического характера.

Для изучения истории Византийской Италии первостепенное значение имеет актовый материал местного происхождения. Здесь, в свою очередь, главное место занимает комплекс документов, известных под названием «Равеннские папирусы». В его состав входят написанные на папирусе грамоты, в основном равеннские, но в некоторых случаях — происходящие и из других городов Италии (Римини, Фаэнцы, Риети, Сиракуз), объемлющие период с V по X вв. В их числе протоколы заседаний городских курий, дарственные, купчие и арендные грамоты, завещания, свидетельства обмена, установления опеки, раздела имущества, описи земельных владений, предписания по управлению имениями¹⁷⁵. Большая часть документов относится к начальному периоду истории Равеннского экзархата (втор. пол. VI — пер. пол. VII вв.).

Равеннские папирусы дают исключительно ценную информацию по аграрной истории изучаемого региона (о размерах и структуре земельной собственности, о положении рабов и колонов, о методах их эксплуатации, об уровне развития сельскохозяйственного производства), по истории города (о курии, о ремесле, о социальном составе городского населения, о торговле), по демографии, по административной истории, по истории права. Все это — подлинные акты официального характера, и степень их достоверности весьма высока. Если говорить о конкретных правовых сделках, то она даже абсолютна, в том смысле, что любой зафиксированный в тексте казус действительно имел место, происходил с участием названных в нем лиц именно в том году и месяце, которые обозначены в документе, и касался ука-

занного в нем имущества. В то же время необходимо иметь в виду, что юридическая практика Византийской Италии опиралась на установки классического римского и ранневизантийского права, и делопроизводство строилось по соответствующему стереотипу. Поэтому при анализе источников следует отличать конкретные фактические свидетельства от элементов общепринятого официального формуляра. Значительную помощь в этом деле могут оказать специальные исследования о порядке оформления деловых документов на рубеже античности и Средневековья (см., например, книгу Б. Хиршфельда о позднеримских *gesta municipalia*, монографию М. Гранцина о вступительных формулах — т. н. «*agengae*» — раннесредневековых официальных актов¹⁷⁶).

Равеннские папирусы впервые были собраны и опубликованы Г. Марини в 1805 г. вместе с некоторыми материалами римского и франкского происхождения¹⁷⁷. (Это было первое собрание папирусов, однако отдельные документы публиковались и раньше.) Для своего времени издание Марини очень качественно. Оно снабжено предметным указателем, подробными комментариями, точными графическими копиями нескольких папирусов. Вместе с тем Марини не дает текстологического анализа источников, не раскрывает многие конъектуры. Его комментарий в настоящее время сильно устарел. Поэтому выход в свет нового двухтомного издания папирусов, принадлежащего Я. О. Чедеру¹⁷⁸, диктовался насущными потребностями медиэвистики. Оно явилось плодом многолетних изысканий издателя в библиотеках Европы и Америки и было выполнено на исключительно высоком уровне.

Чедер опубликовал вместе с документами подробные исследования по источниковедческой традиции равеннских папирусов, по их палеографии, составил примечания к каждому памятнику. Разделам издания (таким как «Завещания», «Дарственные») предшествуют большие статьи, характеризующие соответствующий вид источников¹⁷⁹. Ученый делает попытки восстановления большинства лаун, раскрывает конъектуры, как правило, весьма убедительно. К работе приложена полная библиография равеннских папирусов, предметный и именной индексы. Тексты опубликованы с параллельным немецким переводом. Наконец, Чедеру удалось найти и напечатать восемь документов, отсутствующих в собрании Марини¹⁸⁰. К сожалению, эти вновь найденные документы очень плохо сохранились. Публикации

Я. О. Чедера и Г. Марини используется в данной монографии; ссылки даются в дальнейшем непосредственно в тексте, на фамилию издателя и номер памятника по его публикации (например, Tjäder 47, Magini 116)¹⁸¹.

Весьма своеобразный и важный источник представляет собой так называемый Баварский кодекс¹⁸². Это — свод выдержек из подлинных актов фиксации имущественных сделок Равеннской церкви за период с VII по X вв. Сам кодекс составлен в конце X вв. В нем содержатся выдержки из дарственных грамот и арендных договоров (имеется также один отрывок из свидетельства о разделе имения). Всего до нас дошло 176 эксцерптов. Сохранившиеся эксцерпты характеризуют владения Равеннской церкви в районах Римини, Синигалии, Озимо, Губбио, Иези, Чезены, Фельтре, Перуджи, Фоссомброне. В документе, фиксирующем поземельную сделку, повсеместно указываются ее контрагенты, сообщаются названия земельных участков, о которых идет речь, обозначаются их границы, определяются условия договора. Довольно часто в эксцерпты включается дополнительная информация о земельных комплексах, арендуемых или приносимых в дар: об их прежних хозяевах, о наличии в составе сельских поселений виноградников, мельниц, пустошей и пр. В большинстве эксцерптов указано, при каком равеннском архиепископе совершалась сделка, что создает основу для датировки документов. В Баварский кодекс включено несколько выписок из свидетельств о найме дома в городе (все — от Римини). В этих случаях дается характеристика дома и служб.

Для избранной темы исследования особое значение имеют, разумеется, выдержки из актов византийского времени, но и отрывки из более поздних памятников содержат обширный материал для ретроспективного анализа. Такой анализ нужен во многих случаях, когда тот или иной участок фигурирует в различных сделках, заключенных как в византийскую эпоху, так и позднее, во второй половине VIII—IX вв., и существует возможность судить о происходивших с ним переменах. Ретроспекция дает хорошие результаты на сравнительно небольших временных отрезках (в данном случае — в несколько десятилетий), охватывающих период до и после падения Равеннского экзархата, при характеристике тех сфер социальной жизни, где политические изменения не должны были повлечь за собой немедленных экономических сдвигов (скажем, в ассортименте сельскохозяй-

ственных культур, в социальном составе производителей и т. д.). Наконец, в тех случаях, когда земельные комплексы в довизантийское и поствизантийское время находились в руках представителей одного и того же общественного слоя, носителей одних и тех же званий и титулов, членов одних и тех же семейств, метод экстраполяции также, при соблюдении известной осторожности, представляется допустимым. К сказанному нужно добавить, что если сведения об одном и том же явлении встречаются в источниках византийского периода и в более поздних, то мы можем попытаться проследить на этом материале тенденции общественного развития. Баварский кодекс предоставляет для этого уникальную возможность, т. к. это — единственный документальный свод, имеющий в своем составе и ряд актов конца византийского периода (конец VII — середина VIII вв.), и большой комплекс однотипных более поздних источников.

Баварский кодекс впервые был опубликован в 1804 г. равеннским краеведом М. Фантуцци в собрании «*Monumenti Ravennati...*»¹⁸³. Даже для начала XIX в. это издание стоит на весьма низком уровне. В нем полностью отсутствует какой-либо научный аппарат, не расшифровано ни одно сокращение, введенные издателем инициалы и пунктуация очень часто не соответствуют содержанию текста и лишь затрудняют чтение. Следующее издание кодекса вышло в Мюнхене через 6 лет после первого — в 1810 г.¹⁸⁴ Оно во многом превосходит публикацию Фантуцци. Издатель Бернхардт попытался восполнить некоторые лакуны, в ряде случаев дал убедительные конъектуры, составил именной указатель. Однако ценность издания Бернхардта снижается произвольным членением текста на разделы, в которых собраны отрывки из документов, относящихся к какой либо территории (в рукописи они даны вразбивку). Тем самым нарушается целостность источника.

Современное научное издание Баварского кодекса, выполненное итальянским историком Г. Работти, появилось сравнительно недавно (1985 г.)¹⁸⁵. Его выход в свет открыл новые, более широкие возможности для изучения экономики Восточной Италии в раннее Средневековье.

К предлагаемому исследованию привлекается ряд актовых памятников из других регионов Византийской Италии. В частности, представляет интерес документ истрийского происхождения, именуемый «*Placitum de Rizano*». Это — отчет, направленный императору Кар-

лу Великому его посланцами (*missi dominici*) о поездке в Истрию в 804 г. для разбора жалоб населения императорского домена на истрийского герцога Иоанна. В тексте дан подробный перечень претензий истрийцев, которые часто сравнивают порядки, введенные герцогом, с существовавшими здесь «во времена греков», то есть при византийцах. Источник содержит информацию о социальном составе населения домена в византийскую эпоху, о вносимых им платежах и выполняемых повинностях, об организации управления императорскими землями, контактах Истрии с другими территориями в Средиземноморье и т. п. Это — единственный памятник, характеризующий систему эксплуатации императорской земельной собственности на востоке Византийской Италии. Он заслуживает внимания и в ракурсе административно-исторической проблематики.

Грамота *Placitum de Ritzano* была опубликована Кандлером в его «Кодексе истрийской дипломатики» и с тех пор неоднократно переиздавалась. Наиболее совершенное критическое издание принадлежит Ч. Манарези¹⁸⁶. На его основе А. Гийу вновь напечатал документ в приложении к своей монографии о Равеннском экзархате с введением и комментариями¹⁸⁷. Эти две публикации использовались автором предлагаемой работы.

Особой характеристики заслуживает текст договора 715 г. между лангобардским королем Лиутпрандом и купцами города Комаккьо в дельте По. Это — единственный дошедший до нас официальный документ, легализующий торговые связи между лангобардами и византийцами на востоке Италии. Договор знаменует собой этапный момент в истории византийско-лангобардских взаимоотношений. Он был впервые опубликован К. Тройей в составе «Кодекса лангобардской дипломатики»¹⁸⁸, а затем издан Л. М. Гартманном в приложении к сборнику его статей по экономической истории Италии вместе со специальным исследованием о торговле по реке По в раннее Средневековье¹⁸⁹. Это издание и используется в нашем случае.

В число источников монографии входит также ряд других актов политического и дипломатического характера (наиболее важный — «Привелегия, данная Константином Мавру»¹⁹⁰, дарующая Равеннской церкви право автокефальности).

В целом, избранная тема сравнительно хорошо для эпохи раннего Средневековья обеспечена актовыми источниками. В то же время их территориальное распределение весьма неравномерно. Большая

часть сохранившихся актов относится к итальянскому Северо-Востоку. Количество памятников римского и неаполитанского происхождения измеряется считанными единицами¹⁹¹. Последнее обстоятельство сказывается негативно, в первую очередь, на возможности исследования экономической истории, где особенно велика потребность в массовом документальном материале.

* * *

Итак, исследователь Византийской Италии имеет в своем распоряжении разнообразные источники, которые позволяют восстановить общий ход ее социально-политической истории, эволюции государственных и иных административных институтов, этнических процессов. Итальянский Северо-Восток — собственно Равеннский экзархат, два Пентаполя, Истрия — сравнительно неплохо обеспечен документальной информацией и по экономической истории.

Изобилие письменных памятников, пусть и не вполне равномерно распределенных в региональном и хронологическом планах (явление достаточно редкое для раннего средневековья), конечно, является следствием высокого уровня культурного развития Византийской Италии, обусловленного наличием мощных античных традиций и позитивной ролью Восточной империи, чья политика объективно препятствовала варваризации принадлежавших ей территории на Апеннингах.

Анализ репертуара памятников письменной культуры Византийской Италии (за исключением областей итальянского Юга) позволяет сделать ряд наблюдений.

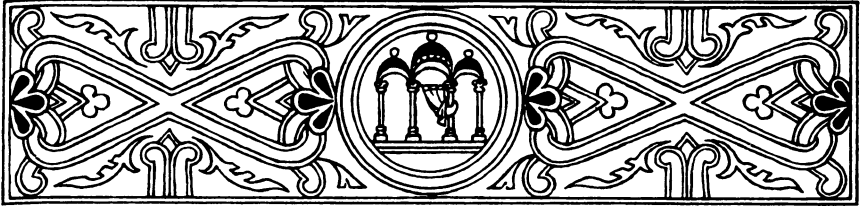
Во-первых, все значительные письменные памятники Италии, а также местные актовые документальные массивы написаны латини.

Во-вторых, большая их часть демонстрирует относительную независимость от византийских традиций и, наоборот, весьма тесную связь с местным античным культурным субстратом. Не вызывает сомнений правомерность их отнесения к западному культурному ареалу. Очевидно, однако, что на некоторые сохранившиеся произведения, возникшие в Италии, восточно-римская культура оказала значительное воздействие. К их числу следует отнести «Космографию» Равеннского Анонима, «Трактат об окраске мозаик», все без исключения юридические тексты.

В-третьих, самая значительная часть письменных памятников дошла до нас от втор. пол. VI — пер. пол. VII вв. Большинство из них, при всей своей крайней разнородности (поэтические произведения, анонимная «Космография», комплекс равеннских папирусов), по форме и содержанию несет в себе отчетливые позднеантичные черты. Тексты более поздние демонстрируют меньшую зависимость от античных традиций. При этом многие из них формируются на протяжении длительного периода и, как по времени составления, так и по отраженному в них фактическому материалу, лишь частично относятся к изучаемой эпохе (римская и неаполитанская «Книги понтификов», «Баварский кодекс»).

В-четвертых, совокупность сохранившихся письменных памятников итало-византийского происхождения свидетельствует о высокой интенсивности интеллектуальной жизни в стране на протяжении двух столетий ее истории, хотя известное снижение ее уровня с середины VII века не вызывает сомнений.

Часть I

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИТАЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Глава I

РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР

В первой главе монографии предпринимается попытка выявить социальный аспект развития административной системы Византийской Италии, определить направление ее трансформации. С этой целью здесь подробно рассматривается и анализируется состояние органов административного управления Равеннского экзархата на разных этапах его существования.

*Несколько особняком стоит в научной литературе вопрос об организации и функциях войска в Византийской Италии. Со времени выхода в свет книги Ш. Дилля продолжают острейшие споры относительно того, было ли войско сословием, о соотношении понятий «*exercitus*» и «*militia*» и др. Данный круг вопросов анализируется в специальном разделе главы.*

На основе выводов о развитии административных и военных структур в Равеннском экзархате появляется возможность рассмотреть остродискуссионный вопрос об экзархатах и фемах, к которому, благодаря усилиям Г. Острогорского¹, в последние десятилетия было привле-

чено пристальное внимание специалистов. Значение проблемы состоит в том, что она непосредственно связана с историей феодного устройства — одним из важнейших сюжетов византиноведения. В то же время ее решение может пролить свет и на историю Равеннского экзархата (в широком смысле слова) как своеобразного военно-административного; политического и социально-экономического феномена. Поэтому последний параграф данной главы посвящается проблеме отношения экзархатов и фем.

ВИЗАНТИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ИТАЛИИ

В 554 г. правительство Юстиниана I издало специальный закон, определивший административное устройство Италии, а также регламентировавший отдельные стороны социальной и экономической жизни страны — «Прагматическую санкцию для Италии»². В отечественной научной литературе была обоснована точка зрения о реставраторском содержании данного документа: византийский законодатель пытался восстановить и юридически закрепить систему общественных отношений, существовавших в Италии в позднеимперскую эпоху. Инструментом достижения этой цели стала административная политика империи на Апеннингах. Согласно Прагматической санкции, создавалась стройная система гражданского управления страной, ориентированная на античные образцы. Во главе ее стоял префект претория Италии («praefectus praetorii per Italiam», он же «препозит Италии» — «praepositus Italiae»)³. Префект имел резиденцию в Равенне, где располагалась и префектура претория. Как показал Ш. Диль⁴, у префекта был заместитель-викарий, исполнявший «вместо префекта его функции в Риме» («vices illic ante hunc praefecturae gessit»)⁵. В нем, вероятно, следует видеть прежнего римского префекта города. Гражданской администрацией провинций руководили *judices provinciae*⁶, также имевшие в подчинении особый административный аппарат. Во главе расквартированной в Италии византийской армии стоял стратиг-автократор. (Такой титул носил, например, знаменитый Нарсес⁷.) Войсками отдельных провинций руководили *duces* и *magistri militum*, а во главе гарнизонов крепостей стояли *tribuni*. Военные чиновники разных рангов также именовались *judices*, но законодатель специально подчеркивал различие функций «*judices civiles*» и «*judices*

militares». Такова была система управления Италией в краткий период территориальной целостности страны: с момента окончания Готской войны до начала лангобардского нашествия.

А ргігі можно предположить, что социально-экономическое развитие Италии от позднеантичных к средневековым реалиям должно было деформировать эту, архаичную в своей четкости, античную административную структуру. Лангобардское же нашествие явилось мощным катализатором этих процессов, т. к. разрушило византийскую систему управления в одних районах страны и создало совершенно новую военно-политическую ситуацию в других. Потребности обороны сразу выступили на первый план, и военные командиры сосредоточили в своих руках несравненно большую власть, чем предусматривалось по закону. Быстрота трансформации административной структуры Византийской Италии определялась тем, что страна оказалась в состоянии военного положения. Ранее всего, уже в 80-е гг. VI в., административная реформа изменила систему высшей власти: возникла должность экзарха — единого руководителя всей иерархии византийского управления.

Экзарх обладал исключительными прерогативами, которые историки сравнивают с царскими. Действительно, в области административной он возглавлял весь аппарат византийского управления Италией и осуществлял высшее руководство всеми сферами исполнительной власти. В области военной он являлся главнокомандующим всеми воинскими формированиями на территории Италии. В области юридической он был высшей судебной инстанцией, как непосредственно отправляющей юридические процедуры, так и апелляционной. Наконец, он же был наделен высшей церковной властью в стране. Претенденты на высокие церковные посты, в том числе епископы, утверждались экзархом. В VII в. экзарх получил право санкционировать итоги выборов римских пап⁸. (В *Liber Diurnus* мы находим образцы писем вновь избранного папы, обращенных к экзарху, с просьбой об утверждении в должности⁹.) Экзарх сам вел переговоры с иноземными государями (например, с франкским королем в 80-е гг. VI в.¹⁰), от имени императора начинал в Италии войну и заключал мир. Он чеканил монету на собственном монетном дворе, сохранившемся в Равенне еще с V в., в месте, именуемом «Зесса», недалеко от монастыря Св. Аполлинария¹¹. (Монета непрерывно чеканилась в византийской Равенне с 552/553 по 741 гг.) Непосредственно контроли-

ровал процесс ее чеканки руководитель финансового ведомства при экзархе, называвшийся «(palatinus) S(a)crarium I(argitionum) et monetarius auri», — Tjäder 35.

Двор экзарха отличался исключительной пышностью и не уступал дворам многих европейских властителей. Его постоянной резиденцией был дворец Теодориха Великого. Аудиенции у экзарха сопровождались особым церемониалом. При обращении к нему к титулу «экзарх» всегда добавляли предикат «excellentissimus». Атрибутами власти экзарха являлись высокий трон, нахдившийся во дворце Теодориха, и особая мантия, или «хламида»¹².

О положении экзархов в византийской придворной иерархии мы можем судить по тому факту, что они всегда являлись патрикиями, так что в бюрократическом обиходе итальянских канцелярий наименование «патрикий», как правило, обозначало экзарха¹³. Кроме того, некоторые экзархи носили титул «chartularius sacri palatii» (Смарагд, Элефтерий), а также «cubicularius» (Олимпий, Феофилакт, Схоластик, тот же Элефтерий)¹⁴. Таким образом, экзархи принадлежали к высшему кругу византийской служилой знати¹⁵.

Рядом с экзархом отступила на второй план фигура префекта претория. В первые годы после завоевания Италии префект претория являлся вполне самостоятельным руководителем гражданской власти в стране. Он объявлял новые императорские законы и ставил свою подпись под эдиктами, предназначенными для Италии (ср. Прагматическую санкцию), назначал на гражданские должности чиновников, руководил финансами, управлял государственными имуществами, разбирал судебные дела и утверждал по ним приговоры¹⁶, наконец, в первые годы византийского владычества брал на себя некоторые внешнеполитические и даже военные функции¹⁷.

С появлением должности экзарха префекты лишились своих законодательных и внешнеполитических полномочий. Прочие же сохранили, однако осуществляли их впредь согласно указаниям и под контролем экзархов. Префекты непосредственно руководили высшим гражданским управлением страны — префектурой претория, где работали чиновники — praefectiani (Tjäder 6). Известны названия многих чиновничьих должностей, особенно многочисленных в главном финансовом ведомстве (scrinium gloriosae sedis): collectarii, apodectae, numerarii, apparitores, exseptores, cursores, nomenclatores, etc.¹⁸. Работа префектуры претория была поставлена под строгий контроль эк-

зархов, которые в ряде случаев давали чиновникам непосредственные предписания через головы префектов¹⁹. Деловая активность префектов в такой ситуации систематически снижалась. Все реже о них упоминают источники, в последний раз — в 639 г. (Tjäder 22)²⁰. К середине VII в. должность префекта претория в Италии исчезает, и в дальнейшем все его функции осуществляет экзарх. Это — этапный момент в эволюции византийской системы власти на Апеннинах: переворот, начавшийся, как мы помним, на вершине административной пирамиды, но совершившийся к этому времени во всей системе управления, нашел полное выражение на высшей иерархической ступени, где гражданская власть оказалась целиком поглощенной универсальной властью экзарха.

Различные категории гражданских чиновников — *judices civiles* — существуют на протяжении всей истории экзархата, но их значение постепенно падает. Словосочетание «*judex provinciae*» (он же — «*praeses provinciae*») зафиксировано для Кампании, Сардинии, Сицилии²¹ и продолжает встречаться в источниках. Однако сомнительно, что все сохранившиеся упоминания относятся именно к данной должности, а не являются описательными характеристиками других гражданских и военных магистратур²². Что касается полномочий *judices provinciae*, то в VII в. в их круг, бесспорно, входило рассмотрение некоторых судебных тяжб²³. Еще в Прагматической санкции говорилось по этому поводу, что все тяжбы между двумя римлянами или те, в которых римлянин выступает как потерпевший, разбираются гражданскими судьями²⁴. Как и в других параграфах Прагматической санкции, византийский законодатель, традиционно безразличный к этническим характеристикам, имел в виду под римлянами всех местных жителей, не входящих в византийскую администрацию. Сохранившиеся свидетельства дают возможность предположить, что позднее, в условиях, когда реальными главами провинций стали военные командиры, *judices provinciae* продолжали использоваться ими как судьи по делам лиц, не состоявших на государственной службе. Ш. Диль отмечает в связи с этим, что *judices* играли рядом с представителями военной администрации ту же роль, что фемные судьи — «*δικασταί*» или «*κριταί*» — при страгах фем²⁵. То же можно сказать о *judices* более низких рангов.

О какой-либо иной деятельности *judices* в VII–VIII вв. ничего не известно. В Равенне, по всей видимости, не было *judex*'а *provinciae*, т. к. его функции с самого начала выполнял префект претория. Упо-

минания о присутствии *judices* в окружении экзарха²⁶ чаще всего имеют в виду собирательное значение этого термина — «гражданские (а иногда и военные) чиновники, преимущественно среднего звена». Но ясно, что гражданские судьи — собственно *judices* — также имелись и в Равенне. Среди них — глава равеннского трибунала, выносившего приговоры («*praejudicia*» или «*decreta*») по гражданским делам, именовавшийся *consiliarius*. Деятельность этого чиновника нашла отражение в равеннских папирусах (Tjäder 38–41).

Высшими военными руководителями в отдельных итальянских провинциях являлись *duces* и *magistri militum*. Исторически эти должности отличались друг от друга тем, что *magister militum* считался чисто военным командиром, а *dux* имел также весьма широкие административно-территориальные полномочия. На практике в Византийской Италии данные отличия не всегда четко выражены. Иногда одни и те же лица равноправно именуются *dux*'ами и *magistr*'ами *militum*²⁷. В других случаях *magistri militum* управляют областями и осуществляют в них те же функции, что и *duces* (в Неаполе в пер. пол. VII в., в Венеции до 713 г., в Истрии, видимо, до конца византийского господства)²⁸. Смешению терминов способствовало, вероятно, присутствие в византийском войске в Италии в конце VI в. германских *dux*'ов — федератов или перебежчиков, далеко не всегда получавших для управления область-дукат²⁹. В то же время можно заметить, что полные военные-гражданские губернаторы — *duces* — появляются в большинстве итальянских провинций довольно поздно. Первое упоминание о *dux*'е Кампании относится к 661 г.³⁰, о *dux*'е Рима — к 713 г.³¹, о *dux*'е Венеции — ок. 718 г.³², о *dux*'е Равенны — ко времени после падения экзархата³³. Лишь в Римини уже в 591 г. служил *dux* Арицин. Однако он мог быть всего лишь одним из германских *dux*'ов — ренегатов³⁴. Таким образом, складывание системы дукатов в Византийской Италии относится ко второй половине VII — первой половине VIII вв. Оно непосредственно связано с процессом формирования нового господствующего класса и, в частности, с беспрецедентным усилением военной элиты. Можно предполагать, что официальный титул «*dux*» получал от императора тот *magister militum*, который уже фактически обладал всеми присущими данной должности прерогативами. К 751 г. система византийского управления в Северной и Средней Италии включала Равеннский экзархат (в узком смысле слова), дукаты Римский, Неаполитанский, Венецианский,

возможно — дукаты Феррары и Перуджи³⁵, провинцию Истрия с *magistr'om militum* во главе. В Пентаполе существовал дукат с центром в Римини³⁶, однако в отдельные моменты *duces* и *magistri militum* появлялись и в других городах региона³⁷.

Дух подчинялся непосредственно экзарху и, в масштабе своей области, руководил войском и гражданской администрацией, назначал и смещал чиновников, контролировал действия судебных инстанций, собирал налоги и ведал финансами, организовывал епископские элекции и играл важную роль в церковном управлении³⁸. *Duces* имели особое ведомство — «*officium*», в котором служили многочисленные чиновники³⁹. В подчинении *dux'ов* находились коменданты городов и крепостей — *tribuni* или *comites*. *Tribuni* имелись как в Равенне, где вплоть до падения экзархата не было своего *dux'a*, так и в Пентаполе, в Римини. Уже с конца VI в. они обладали широкими полномочиями по отношению к гражданскому населению. К концу VII в. эти полномочия были официально закреплены в звании «*dativus*», которое присваивалось трибуну одновременно с предоставлением ему ряда судебных прерогатив⁴⁰.

Близкими сподвижниками *dux'a* являлись *chartularii*. Эти военные администраторы управляли отдельными частями дукатов (как, напр., Стефан, «хартуларий морской области» — «*chartularius marinarum partium*» на Сицилии⁴¹). Они могли играть значительную самостоятельную роль даже в столицах дукатов (видимо, в отсутствие *dux'a* или *magistr'a militum*). Хорошо известен пример хартулария Маврикия, ставшего в 640 г. инициатором разграбления папской сокровищницы в Риме, а в 642 г. предпринявшего попытку узурпировать власть в «Вечном городе»⁴². Наконец, рядом с *dux'ом* или *magistr'ом militum* находились консулы («*consules*» или «*ypates*»)⁴³. Определить их положение помогает *Placitum de Rizado*, где говорится: «...кто желал получить достоинство высшее, чем трибун, отправлялся к императору, который назначал его ипатом. Тогда тот, кто стал императорским ипатом, всюду выступал вторым вслед за *magistr'ом militum*»⁴⁴. Следовательно, ипат или консул — второе лицо в дукате, по-видимому, своеобразный заместитель *dux'a* или *magistr'a militum*. Наряду с этим в источниках часто встречается сочетание «*consul et dux*» (преимущественно в Риме). Таким образом, эти два звания могли совмещаться, что неудивительно, т. к. «консул» — официальный византийский чиновничий титул⁴⁵. Т. С. Браун полагает, что *duces*, одновременно

носившие титул консула, отличались от *dux'a* — главы дуката и являлись его ближайшими подчиненными⁴⁶. Его версия, в общем, близка к высказанной гипотезе о консуле-заместителе *dux'a*. *Consules, chartularii, tribuni* или *comites* вместе с *duces* и *magistri militum* образуют верхушку византийской армии и одновременно местной администрации на втором этапе византийского господства в Италии⁴⁷. Ниже них стоят командиры среднего и низшего звена (условно — представители офицерского корпуса). Среди них «*vicarii*» — заместители *dux'ов* и трибунов, «*domestici*» — начальники отдельных подразделений, их помощники разных рангов — «*primicerii*», «*secundicerii*», «*locoservatori*» — коменданты небольших крепостей; военнослужащие, исполнявшие различные специальные функции: «*optiones*» — квартирмейстеры, «*bandifori*» и «*draconarii*» — знаменосцы и т. д.⁴⁸ Эти категории военных, в разных сочетаниях упоминаемые в источниках, составляют прослойку *optimates militiae* — наиболее влиятельную часть населения итало-византийских городов. Ниже располагается многочисленный слой рядовых воинов — собственно *militia*.

Такова, в общих чертах, административная структура Византийской Италии. Легко заметить, что на протяжении двухсот лет своего существования она переживала всестороннюю и однонаправленную эволюцию. Отдельные ее звенья не всегда возможно обозначить, но две основные характеристики не вызывают сомнений:

во-первых, развитие административной структуры региона протекало по пути усиления военных властей за счет гражданских. Соответственно, гражданские должности, паритетные военным, либо отмирают, либо понижаются на одну ступень по административной шкале: чиновник становится заместителем по гражданским делам у офицера соответствующего ранга (префект претория — у экзарха, *iudex provinciae* у *dux'a* и т. д.). Заметим, что милитаризация общественной жизни, в принципе, характерна для Средневековья по сравнению с античностью;

во-вторых, действует тенденция постепенного сосредоточения всех видов власти в одних руках. Если первоначально, после окончания Готской войны, административная система Италии строилась согласно классическому принципу разделения властей, то к моменту падения Равеннского экзархата она являлась столь же классическим выражением характерного для Средневековья правила совмещения

в одних руках военной, гражданской и судебной власти. Таким образом, основное направление эволюции административной системы в Византийской Италии — от позднеантичных форм организации власти к средневековым. Несомненно, ускорителем этого процесса стала лангобардская опасность. Перманентные военные действия выдвинули в обществе на первый план фигуру воина — защитника италийской Романии от посягательств варваров. Не случайно особенно глубокие и быстрые сдвиги в развитии административной структуры региона происходили в последней трети VI в. и совпадали с начальным периодом лангобардской агрессии. Однако административное устройство Равеннского экзархата, несомненно, эволюционировало в том же направлении, что и его экономическая жизнь (см. об этом ниже, во второй части монографии). Развитие этой сферы социальной действительности отражало, следовательно, базисные изменения, протекавшие в итало-византийском обществе в VI–VIII вв.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИТАЛИИ

Вопрос об эволюции византийского войска в Италии имеет два аспекта: социологический и организационный. В социальном плане данная проблема рассматривается в экономическом разделе книги. Но поскольку армия — это не просто своеобразная общественная группа, но определенная социально-административная структура с четкими задачами и целями, в этом аспекте ее развитие также нуждается в специальном исследовании⁴⁹.

К моменту окончания Готской войны регулярное византийское войско было единственной вооруженной силой на территории Византийской Италии. Его основой являлись воины-стратиоты («στρατιώται»), объединенные в нумеры («numeri», греч. «ἀριθμοί»): подразделения, насчитывавшие от 200 до 500 солдат во главе с трибуном⁵⁰. Источники пестрят наименованиями таких нумеров в Италии⁵¹, и в лексиконе италийца выражения «состоять в нумере» и «служить в армии» звучали как синонимы. (Так, папа Григорий Великий употребляет в последнем случае сочетание «in numeris militasse»⁵².) Из других видов воинских формирований в Италии, безусловно, присутствовали *scholae* — подразделения дворцовой стражи. Однако о них

мы имеем всего лишь два ранних (VI в.) упоминания (Tjäder 24, 27). Они не играли значительной роли в военной истории Византийской Италии, а в VII в., по-видимому, исчезли. Ни о федератских формированиях, ни о пограничниках-лимитанах (вопреки мнению Л. М. Гартманна)⁵³ ничего неизвестно, и их присутствие в Византийской Италии маловероятно.

Нумеры дислоцировались в городах и крепостях, полностью или по частям (например, Феодосийский нумер частично располагался в Риме, частично в Равенне)⁵⁴. В некоторых случаях они были расквартированы в специально построенных военных лагерях: известен такой лагерь в Истрии, где базировался *numerus Tergestinus*⁵⁵. Естественно, нумер мог быть передислоцирован, переброшен из одного места в другое, и известия об этом сохранились в источниках. Каждое подобное подразделение имело штаб — «дом такого-то нумера» (известно упоминание о наличии его, например, в Римини: *Domucella S. Georgii numeri Ariminensis* — БК 62). Войско систематически получало государственное жалованье — «ругу», для выплаты которой назначались особые чиновники — *сакелларии*⁵⁶. Эта руга была главным источником существования солдат и командиров в мирное время. Из всего сказанного вытекает, что византийское войско в Италии представляло собой часть регулярной императорской армии со всеми характерными для нее признаками⁵⁷.

Однако уже в первые месяцы лангобардского нашествия византийцы столкнулись в Италии с проблемой дефицита вооруженных сил. Тяжелые поражения, которые терпели греки в Италии в последней трети VI в., во многом объяснялись недостатком воинов, который постоянно усугублялся чувствительными потерями. Хронист Иоанн Бикларийский сообщает даже, с известным преувеличением, о гибели в Италии всех византийских солдат («*omnino sunt caesi*»)⁵⁸. Спорадические посылки на Апеннины дополнительных вооруженных контингентов (известны три случая: в 575, 579 и 591 г.)⁵⁹ не улучшали положения, и письма римских пап Пелагия II и Григория Великого не случайно наполнены призывами о помощи, обращенными к императорам и экзархам⁶⁰.

Единственно возможным выходом из критической ситуации было формирование войска на месте, в Италии. Так среди нумеров стали появляться подразделения, носившие имена итальянских населенных пунктов, в соответствии с той местностью, где производился воин-

ский набор: *numeri victricum Mediolanensium* (Тjäder 20), *Veronensium* (Тjäder 22), *felicum Ravennatium* (Тjäder 37), *Ariminensium* (БК 62), *Tarvisianus*⁶¹, *Tergestinus*⁶², *Centumcellensium*⁶³ etc.

Как и по всей территории империи, основой формирования этих нумеров был набор добровольцев, готовых служить за плату, из числа местных жителей⁶⁴, хотя именно из Италии (точнее из Сицилии) до нас дошло последнее в истории Византии свидетельство о призыве рекрут-тиронов⁶⁵. За счет местного населения пополнялись с конца VI в. и прочие дислоцированные в Италии нумеры, независимо от их наименований. В этом отношении очень показательным является известие о Павлацисе, воине *numerus Arminiorum* (639 г.), приходившемся сыном Стефану, примицеру *numerus Veronensium* (Тjäder 22). Иначе говоря, сын офицера Веронского нумера, бесспорно, формировавшегося в Италии, служил в нумере «Армянском». Используя местные людские ресурсы, византийцы сумели резко увеличить численность своего войска в Италии. Если считать, что все нумеры имели полный кадровый состав, то согласно подсчетам Т. С. Брауна, регулярная византийская армия в Италии составляла около 32000 воинов⁶⁶. При этом, по выкладкам А. Пертузи, при численности нумера в среднем в 300–400 человек, в гарнизоне Равенны было 4200–5600 воинов, в Риме — 1200–1600, в Градо — 900–1200 человек⁶⁷.

Однако именно формирование войска из местных жителей явилось первой предпосылкой последующей иррегуляризации армии, т. к. в ее составе оказалось немало итальянских земельных собственников, для которых основным источником доходов являлась аграрная рента, и следовательно, служба в армии была средством повышения социального престижа, но не материальным условием существования. Те же военные, которые не имели своей земли, стали использовать общественный статус для ее приобретения (методом покупки, а чаще — аренды)⁶⁸. Мощным ускорителем данного процесса явились систематические, часто многолетние, задержки в выплате жалованья (руги) византийским солдатам в Италии⁶⁹. Конфликты, связанные с неуплатой жалованья воинам, отмечены источниками в 616 и 642 гг. В 616 г. равеннский экзарх Элефтерий подавил антивизантийское выступление в Равенне и Неаполе, вернулся в Равенну и «после выдачи руги воинам установился мир во всей Италии»⁷⁰. Ясно, что в связи с уплатой руги возникли трения между солдатами и византийскими властями. В 640 г. в Риме видный византийский чиновник хартула-

рий Маврикий спровоцировал разгром римским гарнизоном сокровищницы Латеранского дворца, внушив солдатам, что папа скрывает от них деньги, которые император посылал им «раз за разом» («*per vices*»)⁷¹. Таким образом, сроки выплаты руги были пропущены уже несколько раз; воины не получали жалованья годами. Следовательно, к этому времени (ок. сер. VII в.) византийский гарнизон Рима мог уже длительное время существовать без жалованья. Перед нами — важное свидетельство превращения войска в специфическую социальную группу, связанную с местом дислокации определенными экономическими узами. Это войско-сословие, о чем позволяет судить и рассказ источника о разграблении Латерана в 640 г. «Вознегодовали все против Божией церкви и двинулись, презрев свои души, все вооруженные, кто только был в городе Рима, от мальчика до старика, в названный Латеранский дворец»⁷². Папскую казну разграбили, Маврикий же приказал, чтобы «войско (“*exercitus*”) оставалось в Латеранском дворце», а сам написал о случившемся экзарху. Итак, в 640 г. римское войско — получатели руги — это люди «от мальчика до старика». При этом только они составляют вооруженную часть горожан («все вооруженные, кто только был в городе...»). Их попытался использовать Маврикий, когда в 642 г. поднял в Риме мятеж против центральной власти. Он сговорился «с теми, с кем прежде опустошал Божью церковь, возмутился против патрикия Исаакия (Равеннского экзарха. — *О. Б.*) и направил посланцев по всем крепостям (“*castra*”), которые находились вокруг города Рима, и собрал их, и связал себя с ними присягой»⁷³. Следовательно, к сер. VII в. часть формирующегося войска-сословия проживала в городе (именно в их число входят, конечно, женщины, дети, старики — те представители «войска», которые не составляют войско в собственном смысле слова), другая же часть воинов несла гарнизонную службу в близлежащих крепостях («*castra*»).

В дальнейшем получение жалованья играет все меньшую роль в жизни армии. Наконец, император Юстиниан II в годы своего первого правления (685–695) освободил от уплаты основного военного налога — «*аннопа милитарис*» — патримонии Бруттия и Лукании и кассировал недоимки по его сбору, причитавшиеся с населения Сицилии⁷⁴. Как известно, *аннопа милитарис* шла, главным образом, на выдачу руги войскам, и данное известие — последнее (косвенное) упоминание о воинской руге в источниках по истории Византийской Италии. С большой долей вероятности можно считать, что перед нами — одно из не-

скольких императорских распоряжений, в совокупности отменяющих сбор военной анноны по всей Италии, а значит, и выплату итальянской армии воинской руги. В таком случае, конец VII в. — это время окончательной иррегуляризации византийского войска в Италии.

Преобразование итальянского *exercitus* в армию иррегулярную неминуемо сказывалось на его мобильности. На первом этапе византийского владычества та или иная воинская часть без затруднений могла быть передислоцирована. С середины VII в. *exercitus* уже не отрывается от своих постоянных баз. Войско способно выступить в более или менее кратковременный поход (в 642 г. из Равенны в Рим для подавления мятежа Маврикия, в 653 г. туда же для ликвидации последствий восстания экзарха Олимпия, в 668 г. из Истрии, Кампании и Сардинии в Сицилию для разгрома узурпатора Мезеция, в 692 г. из Равенны и Пентаполя в Рим с целью спасения от ареста папы Сергия I). Однако, выполнив свою миссию, армия непременно возвращается домой. Таким образом, войско каждой части византийских владений в Италии становится ее постоянным гарнизоном. На Апеннингах насчитывается пять таких воинских объединений: *exercitus Ravennatis* (по выражению Григория Великого, «первое войско Италии»⁷⁵), *Romanus*, *Neapolitanus*, *Siciliae*, *Pentapolitanus*. Все они, впрочем, входили в состав единого итальянского *exercitus*. До нашего времени сохранилась воинская печать (датируемая очень неопределенно: между 550-м и 650-м гг.) с надписью: «Богоспасаемое войско Италии» («*Deus adjuta exercitus Italiae*»)⁷⁶.

Весьма показательным явлением в процессе иррегуляризации византийского войска в Риме является его постепенное подчинение римским папам. Материальной основой такого подчинения была зависимость войска от выплаты денег из папской сокровищницы. Еще в конце VI в. папа Григорий Великий заявлял: «Как в Равенне благочестивые императоры имеют сакеллария для первого войска Италии, который в необходимых случаях финансирует ежедневные расходы, так в этом городе (Риме. — О. Б.) в подобных случаях сакелларий для них — я!»⁷⁷. Поэтому столь правдоподобными показались воинам слова хартулария Маврикия о том, что папа утаивает якобы присланное императором воинское жалованье. Практически, во избежание эксцессов, папы часто уплачивали ругу солдатам из собственных средств⁷⁸. В такой ситуации войско, естественно, все время ощущало свою зависимость от папской курии.

По мере того как выдача руги становилась явлением все более sporadическим, зависимость должна была ослабевать. Однако к этому времени значительная часть воинов в Риме (как и в Равенне) арендует земли церковного патримония⁷⁹, и таким образом, финансовая зависимость преобразуется в поземельную. Кроме того, местная по происхождению собственно римская армия психологически воспринимает римского папу как своего духовного отца. Не случайно византийские императоры вынуждены включать в текст присяги римского епископа своеобразную клятву: «...христианнейшее Римское государство... беречь и защищать вместе с преданнейшими и сильнейшими воинами Римского государства в Италии; бунтовщиков же и врагов благородной империи... подчинять и низвергать не острием меча, но мудрыми советами, так, чтобы блистательное войско не понесло потерь»⁸⁰. Правительство, как видим, признает, что папа способен использовать войско по своему усмотрению, и пытается ограничить его военную активность борьбой с внешними врагами империи; оно ясно понимает опасность для византийской власти участия во внутренних конфликтах в Италии римского войска во главе с папой. Характерно, что со времени разграбления Латерана хартуларием Маврикием властям ни разу не удалось использовать римское войско в борьбе против папы. В таких случаях солдаты посылались из Равенны и Пентаполя, пока события 692 г. не продемонстрировали, что воины из других областей Италии также не желают выступать против римского престола. Что же касается воинов-римлян, то для них уже во второй половине VII в. римский папа является главным руководителем и авторитетом.

Несколько иной была ситуация в других регионах Италии. Здесь выдача руги производилась самими военными командирами (экзархом Элефтерием в 616 г., *magistr'om militum* Доном в 642 г.)⁸¹. Хотя за пределами Рима (например, в Равенне)⁸² средства для уплаты жалованья часто черпались из церковной казны, местные иерархи не участвовали сами в их выдаче. Кроме того, в отличие от римских пап, архиепископы Равенны и Неаполя, патриархи Градо чаще всего не играли в Италии самостоятельной политической роли. Вследствие этого они и не стали региональными военными лидерами. Превращение византийской армии в местное воинское формирование привело в Риме к его переориентации на новых руководителей; в дру-

гих центрах оно вызвало к жизни совершенно несвойственную Византии практику выборов военных командиров самим войском и из своей среды.

Впервые это случилось в Равенне в ходе антивизантийского восстания в 710 г. Вторично — в Риальто, где выборы *dux'a* («дожа») превратились в традицию и были санкционированы византийским правительством в 742 г.⁸³ Вскоре после обнародования иконоборческих эдиктов императора Льва III Исавра «все провинции Италии» избрали себе *dux'ов*. *Placitum de Rizado* (804 г.) сообщает, что «под властью греков» местные *поссессоры* в Истрии имели *actus tribunati*, то есть право избирать трибунов, а также *доместиков*, *викариев*, *локо-серваторов*⁸⁴. «Тот же, кто хотел получить достоинство высшее, чем трибун, отправлялся к императору, который назначал его *ипатом*». Следовательно, правило *выборности* распространилось в Италии в последние годы византийского владычества также и на *низший и средний командный состав* войска, причем *итоги* таких выборов считались *окончательными*. Лишь *высшие командиры*, начиная с *ипата* или *консула*, нуждались в *императорском утверждении* (видимо, тоже после выборов на местах). *Выборность воинских начальников* стала еще одним важным симптомом «*натурализации*» византийского войска в Италии, превращения его в *местное военное ополчение*.

Эволюция войска в Равенне была завершена реформой, проведенной в ходе *антиимперского восстания* вновь избранным *dux'ом* Георгием. Георгий «...разделил жителей города на 11 частей. Каждый воин выступал в соответствии со своей “*militia*” и “*bandus*”. Вот имена этих формирований: “*Ravenna, bandus primus, bandus secundus, bandus novus, invictus, Constantinopolitanus, firmens, laetus, Mediolanensi, Veronense, Classensis, partes pontificis cum clericis*”»⁸⁵.

Как видим, созданная *равеннцами* в ходе восстания *военная организация* является продолжением *традиционной византийской*. Во фразе «каждый воин выступал в соответствии со своей *militia* и *bandus*, т. е. Равенна, *bandus primus*...» «Равенна» отвечает понятию «*exercitus*», «*bandus*» — понятию «*pumerus*». Иначе говоря, каждый воин в восставшей Равенне считался *солдатом Равеннского exercitus* и того или иного *pumerus*: как в византийском войске. *Дополнительное доказательство* такого толкования можно видеть в том, что и «*Стратегикон*» императора Маврикия использует термин «*bandus*» для обозначения *регулярных византийских воинских час-*

тей⁸⁶. Среди названий *bandi*, упоминаемых в источнике, — такие как *Mediolanensium*, *Veronensium*, *Letogum* (*Laetus*), прежде существовавшие в византийском войске в Италии. Равеннский нумер («*numerus Ravennatis*») был разбит Георгием на два новых — «Равеннский первый» и «Равеннский второй». Весьма вероятно, что и Константинопольский нумер появился в Италии ранее. Одновременно Георгий организовал несколько совершенно новых нумеров, однако вряд ли они отличались от прочих по своей структуре. Можно считать поэтому, что именно войско-*exercitus* явилось образцом для Георгия и стало основой нового воинского объединения, созданного восставшими. Этот перелом не был особенно резким, т. к. *exercitus* к началу VIII в. окончательно утрачивает регулярный характер. Отметим, что Георгий был вынужден в ходе восстания послать из Равенны воинские отряды для охраны пригородных крепостей — *castra*. В отличие от сер. VII в., в это время они уже не имели постоянных гарнизонов⁸⁷. Совершая карательную акцию против равеннцев, воины Юстиниана II поднялись на стены города и стали кидать вовнутрь горящие предметы. Это было бы невозможно, если бы стены охранялись. «Войско»-*exercitus* находилось в это время в Равенне, но оно уже не было войском. Это была часть населения, пригодная для того, чтобы выступить в составе ополчения, однако не успевшая в критическую минуту подняться на защиту города.

В дальнейшем структура, созданная Георгием, сохранялась в Равенне многие десятилетия («вплоть до сего дня», — писал Агнелл в 40-х гг. IX в.)⁸⁸. В истории Равенны реформа Георгия окончательно завершает процесс превращения византийской армии в местное иррегулярное воинское формирование. Для большинства других городов Италии и прежде всего для Рима такой гранью стали антииконоборческие восстания конца 20-х — начала 30-х гг. VIII в.

С военно-организационной точки зрения основные звенья эволюции войска в Византийской Италии в хронологическом порядке таковы: переход к формированию военных подразделений (*numeri*) в самой Италии; пополнение всех византийских частей на Апеннингах за счет местных уроженцев; многолетние задержки в выплате жалованья солдатам, а затем и полный отказ от выдачи руги; прекращение перебросок войск из одного города в другой, определившее постоянный состав *exercitus* отдельных провинций; превращение папы в неофициального руководителя римского *exercitus*; установ-

ление выборности военных командиров; отказ от несения постоянной гарнизонной службы и службы по охране стен городов; наконец, спонтанная реформа внутренней структуры войска в соответствии с местными условиями, независимо от воли византийского правительства.

В процессе эволюции войска в Италии изменялось, естественно, и его место в общественной структуре страны. Изучая этот вопрос, Ш. Диль впервые отметил, что войско-*militia* объединило в своих рядах ту часть городского населения, которая стояла выше плебса и примерно соответствовала слою крупных и средних земельных собственников — *possessores*. Он полагал, однако, что речь идет об особом городском ополчении, отличном от собственно византийской армии⁸⁹. Эта идея была развита в дальнейшем в специальной монографии П. Рази⁹⁰. Такая трактовка понятия *militia* не вытекает из источников, которые повсеместно используют данный термин как синоним *exercitus*. Иных же терминов для обозначения войска в Италии источники не знают. Мнение о наличии какого-то специфического ополчения — *militia* основано исключительно на умозрительных доводах. Среди них — участие *militia* в возмущениях против центральной власти, активная роль войска в выборах римского папы и т. д. Данные явления, однако, легко объясняются как конкретно-историческими причинами, так и общими тенденциями развития военной организации в Италии⁹¹. Противопоставляя *exercitus* и *militia* как регулярную армию и народное ополчение, историки, в сущности, противопоставляют друг другу разные этапы в развитии одного и того же общественного организма — византийского войска в Италии. Гипотеза о существовании особого, отличного от него городского ополчения — результат историографического недоразумения.

В то же время мысль Ш. Дилиа о том, что основу войска составили проживавшие в городах земельные поссессоры, представляется верной. Сам факт их присутствия в составе армии в VII–VIII вв. не вызывает сомнений. Но остается спорным вопрос, насколько полным было взаимное соответствие войска-*exercitus* и слоя городских собственников. Так, А. Гийу полагает, что военная структура Византийской Италии была основана на своеобразной всеобщей воинской повинности населения городов⁹². Безусловно, такая повинность была введена в Равенне во время восстания 710–711 гг. Однако ее введение можно считать лишь временной мерой. Вопер-

вых, следует вспомнить, что она коснулась и духовенства, не составившего отдельный номер, но образовавшего «partes pontificis cum clericis». В будущем духовенство в Равенне не подвергалось мобилизациям. Во-вторых (и это главное), если бы войско включило в себя все городское население, то exercitus растворился бы в других социальных слоях. Между тем, мы систематически встречаем его в источниках как в VIII, так и в IX вв. Exercitus в последний период истории Византийской Италии стал привилегированной социальной группой, обладавшей правом носить оружие и избирать представителей военной администрации, которая давно подчинила себе гражданскую. Ни той, ни другой привилегией в обычных условиях не обладали иные слои населения, что, конечно, не исключало возможности всеобщих вооруженных выступлений в минуты особой опасности или участия всех горожан в выборе *dux*'а в момент народного восстания.

Exercitus в Византийской Италии, следовательно, был достаточно четко обособлен от других категорий населения. Вобрал ли он в себя целиком слой городских посессоров? В условиях обычной для раннего Средневековья скудости статистических данных при решении этой проблемы допустимы разные точки зрения. Так, Т. С. Браун, имея в виду спорадические известия о земельных собственниках, состоявших на военной службе, замечает: «Естественно считать, что отдельные *possessores* вступали в армию, но нельзя говорить о слиянии с армией целого класса»⁹³. Думается все же, что точку зрения английского исследователя можно несколько скорректировать. Вспомним, что Прагматическая санкция 554 г. установила порядок избрания гражданских руководителей провинций (*judices*) земельными собственниками — *possessores*⁹⁴. В процессе трансформации общественных структур Византийской Италии роль гражданских администраторов узурпировали военные — *duces* и *tribuni*, причем и эти должности со временем стали выборными. У нас нет оснований думать, что наиболее влиятельная часть населения городов — проживавшие здесь крупные и средние посессоры — лишилась в это время избирательного права, несмотря на то, что Прагматическую Санкцию никто официально не отменял. Скорее всего, эти люди сохранили свои права, влившись в состав новой привилегированной прослойки. Для этого они имели лучшие возможности, чем любая другая социальная группа, т. к. в отличие от лиц, живших за счет

собственного производительного труда, присваивали земельную ренту, а значит, в период постепенной иррегуляризации войска могли нести воинские обязанности, подолгу не получая руги. В условиях социальных потрясений VI–VIII вв. позднеантичные поссессоры не могли сохраниться полностью. Какая-то их часть, разорившись и потеряв имения, сошла с исторической арены. Но остальные влились в состав слоя средневековых землевладельцев. Конечно, новый господствующий класс включил в себя и иные общественные группы, в первую очередь чиновников и военных, не имевших первоначально недвижимости в Италии. Местные земельные поссессоры образовали с ними единую амальгаму. Экономическое благополучие этого нового социального слоя зависело прежде всего от обладания землей; высокий общественный статус его представителей определялся принадлежностью к привилегированному сословию «*militia*» или «*exercitus*».

ЭКЗАРХАТ И ФЕМА

Интерес византинистов к проблеме соотношения экзархатов и фем вытекает прежде всего из принципиальной важности исследования фемного устройства для познания закономерностей перехода Восточной империи от античности к Средневековью, превращения Восточно-Римской империи в Византийскую. Видный югославский византинист Г. Острогорский отмечал, что «учреждение фем продолжало развитие, начатое основанием экзархата при Маврикии»⁹⁵. Эта мысль, впрочем, высказывалась еще Ш. Дилем — единственным историком, специально и тщательно изучавшим и оба экзархата (Равеннский и Карфагенский), и фемы. В работе о византийской Африке Ш. Диль отмечал, что экзархаты представляют собой «великолепный пример медленного перехода к режиму фем»⁹⁶. Сходная мысль применительно к Равеннскому экзархату высказывалась им и прежде⁹⁷. С нею были согласны Л. М. Гартманн⁹⁸ и Ф. И. Успенский⁹⁹. Несколько позже другой крупный византиновед Э. Штайн писал: «Создание экзархатов уже предвосхищало средневизантийские институты, для которых первые, частично, послужили моделью»¹⁰⁰. Мнение об экзархате как предшественнике и прообразе фемы можно считать господствующим в современной науке. Оно вместе с тем не является един-

ственным. Например, Я. Караяннопулос в своей полемичной монографии о фемном устройстве в Византии писал, имея в виду экзархаты: «...мы с полным правом заключаем, что первые фемы... существовали уже во времена правления Маврикия»¹⁰¹. По Караяннопулосу, экзархат — то же, что и фема. Еще дальше отстоит от господствующей точка зрения венгерского историка Е. Дарко. Отметив, что на Востоке империи еще в V–VI вв. военная и гражданская власти в той или иной провинции в случае угрозы ее безопасности сосредоточивались в одних руках, а уже в VII в. возникли фемы, Дарко заключал: «В экзархатах полное смешение двух властей произошло только к концу VII века, весьма вероятно, что под влиянием Востока»¹⁰². Таким образом, мысль Дарко состоит в том, что в некоторых отношениях именно фемы были предшественницами экзархатов.

Естественно, что решение историками вопроса о соотношении экзархатов и фем строилось на сопоставлении этих явлений и зависело от их понимания (точнее, от понимания фемного устройства, т. к. экзархаты все оппоненты трактовали и трактуют по Дилю, Гартманну, Гийу и Брауну). До сих пор по поводу сущности понятия «фема» среди исследователей нет согласия, хотя наиболее широко распространена точка зрения на фему как на военно-административную структуру, сочетавшую в себе следующие основные черты:

1. Фема — организация территориальная¹⁰³.

2. Власть на территории фемы, как военная, так и гражданская, сосредоточена в руках ее главы (стратига). Принцип объединения военной и гражданской властей в большей или меньшей степени характерен и для всей административной структуры внутри фем.

3. Войско фемы состоит из стратиотов, имеющих земельные участки и обязанных нести военную службу, причем эта обязанность вытекает из факта владения данными участками.

Впервые такая характеристика фемы была обоснована русским ученым Ф. И. Успенским¹⁰⁴ и нашла широкое, хотя и не всеобщее, признание в науке. В последние десятилетия ее (главным образом, по 3-му пункту) оспаривает большая группа историков. Так, Я. Караяннопулос считает, что наделы стратиотов — «продукт длительного развития, хотя и параллельного развитию фем, однако протекавшего независимо от него»¹⁰⁵. Греческий историк собрал значительный материал, свидетельствующий о спонтанном, автономном формировании стратиотского землевладения. Его точку зрения поддержали та-

кие видные византилисты, как П. Лемерль и У. Каэги¹⁰⁶. Специальные исследования Э. Гликаци-Арвейлер и Э. Антониадис-Бибику также подтвердили это заключение¹⁰⁷.

Еще дальше в названном направлении пошел английский византист Дж. Хэлдон, выдвинувший концепцию, согласно которой в Византии вплоть до переписи стратиотских земель при Константине VII Багрянородном вообще не существовало официальной связи между военной службой и собственностью на землю. Согласно Дж. Хэлдону, до пер. пол. X столетия обязанность несения военной службы в Византии являлась личной, а не поземельной¹⁰⁸.

Суть расхождений Я. Караянопулоса и Дж. Хэлдона с их оппонентами касается времени и способа складывания системы стратиотской военной повинности. Но поскольку нельзя отрицать, что фема, как прежде всего военная организация в своем классическом виде, опиралась на войско стратиотов, совершенно независимое друг от друга развитие этих структур невозможно в принципе. Когда фемы сформировались, наличие стратиотского землевладения являлось важнейшей чертой их социальной жизни, чего не отрицает и Караянопулос. Дж. Хэлдон, постулирующий отсутствие юридической взаимосвязи между несением военной службы и обладанием земельным наделом, признает тем не менее, что, как правило, именно земельная собственность обеспечивала стратиоту возможность нести воинские обязанности¹⁰⁹. Поэтому сопоставление фем с экзархатами, в частности, по названному параметру можно считать правомочным. В то же время необходимо учитывать, что в VI–VIII вв. мы, действительно, еще не вправе (а в XI–XII вв. уже не вправе)¹¹⁰ говорить о существовании универсальной системы стратиотского землевладения. В данном разделе монографии всем этим спорным вопросам уделяется некоторое внимание лишь постольку, поскольку это важно для сравнения экзархатов и фем.

Несомненно, что оба экзархата — и Равеннский, и Карфагенский — представляли собой территориальные единицы. Равеннский экзархат охватывал в 584–751 гг. все византийские владения в Италии, кроме Сицилии и Сардинии, а также Истрию и Далмацию¹¹¹, Карфагенский — византийские территории в Северной Африке, исключая Египет¹¹². Власть Карфагенского экзарха распространялась также на Сардинию (вплоть до лангобардского завоевания острова). Фемы, как показал Г. Острогорский, также уже в VII в. являлись террито-

риальными образованиями¹¹³. Так как те и другие возникли в течение VI–VII вв., можно считать, что они представляли собой формы административно-территориального устройства, характерные для эпохи перехода от античности к Средневековью.

Соединение в руках правителей экзархатов и фем военной и гражданской властей не вызывает сомнений¹¹⁴. Вместе с тем констатации этого факта явно недостаточно для сравнения. Известно, например, что полная власть в той или иной провинции время от времени предоставлялась ее главе и ранее (как правило, в случае усиления военной опасности). Соответствующие данные наличествуют для Писидии, Ликаонии, Фракии, Исаврии, Галатии, Еленопонта и др.¹¹⁵ В обстановке Готской войны такими полномочиями в Италии обладали Велизарий и Нарсес¹¹⁶. Вместе с тем Равеннский, а вскоре и Карфагенский экзархаты стали, вероятно, первыми административными объединениями, где соединение властей было проведено в жизнь как принцип управления, а не как временная мера. Нежеланием правительства полностью отказаться от дуализма в управлении объясняется длительное существование наряду с экзархами префектов претория, некогда — высших византийских чиновников в Италии и в Африке, а затем — подчиненных экзархам руководителей гражданской администрации¹¹⁷. В фемах не существовало гражданских чиновников такого ранга. В то же время трудно принять безоговорочно тезис Э. Дарко о том, что в экзархате, в отличие от фем, в смягченной форме было сохранено отделение военной власти от гражданской¹¹⁸. Префекты Италии и Африки ни в каком отношении не могли соперничать с экзархами и всегда следовали их указаниям¹¹⁹. Что касается гражданской администрации, то весьма разветвленная ее сеть существовала и в феме. (Это продемонстрировал еще Ф. И. Успенский на основе анализа сочинений Константина Багрянородного и ибн Хордадбега¹²⁰.)

Следует отметить, что соединение властей на нижних этажах административного здания не в меньшей степени свойственно экзархату, чем феме. Как в феме турмарх, следующий за стратигом официал, обладал военными и гражданскими полномочиями¹²¹, так в экзархатах стоявшие ниже экзархов «duces» и «tribuni» сосредоточивали в своих руках оба вида власти. Существование подобных административных единиц в рамках фем было явлением широко распространенным. Некоторые из них в дальнейшем сами получали статус

фем и, вероятно, воспринимались до этого как фемы в феме, младшие фемы (например, турма Кивериотов, друнгариат Эгейского моря, катепанат Никополь, дукат Калабрия, клисура Стримон и др.)¹²². Для экзархатов такое устройство также было вполне обычным, причем в подчинении у *dux*'а находился высший гражданский чиновник области — «*praeses*» или «*judex provinciae*» (параллель экзарху и префекту претория)¹²³. В связи с этим нельзя признать обоснованным упомянутое мнение Дарко об окончательном объединении гражданской и военной властей в экзархатах под влиянием примера фем. Этот принцип был проведен в жизнь в экзархате не позднее и не менее последовательно, чем в феме, отличия же диктовались конкретной исторической обстановкой. По существу, соединение властей было одним из проявлений феодализации в сфере публичной власти, и этим можно объяснить тот факт, что оно характерно и для фем, и для экзархатов.

Значительно более сложной представляется проблема соотношения военного устройства фем и экзархатов. Специально изучавший ее Г. Острогорский сформулировал свой вывод так: «Организация вооруженных сил в византийских фемах демонстрирует известное сходство с их устройством в Равеннском экзархате. В то же время связь между военной службой и земельной собственностью в Италии и Византии устанавливалась разными способами. В Италии собственники стали воинами, а в Византии воины сделались собственниками. Поэтому я не могу отождествить итальянских воинов с византийскими стратиотами, как, в остальном, не могу отождествить и экзархов со стратигами фем. Однако остается один факт, и это — факт существенного значения: как в византийских провинциях в Италии с конца VI века, так и в Малой Азии начиная с VII века произошли перемены, которые придали имперскому управлению откровенно военный характер. И в Византии, и в Италии возник новый класс воинов — собственников земли, поскольку и в той и в другой стране служба была связана с земельной собственностью»¹²⁴.

Заключение Г. Острогорского нуждается в уточнениях как по отношению к фемам, так и по отношению к экзархатам. Вопрос о путях формирования стратиотской земельной собственности до сих пор нельзя считать решенным. При ответе на него многие видные специалисты солидарны с Г. Острогорским. Так, В. Тридголд и М. Хенди почти одновременно и независимо друг от друга пришли к выводу, что

наделы официально ассигновались стратиотам из государственного земельного фонда¹²⁵. Развивая эту мысль, В. Тридголд впоследствии высказал предположение о том, что главным источником пополнения этого фонда были конфискации собственности у политических противников правящих императоров¹²⁶. Впрочем, американский византист сам признает, что и он, и М. Хенди основывают свою точку зрения лишь на косвенных свидетельствах. Нельзя не признать, что огромный материал, обработанный Я. Караяннопулосом и его последователями с целью обоснования независимого развития фемного устройства и стратиотского землевладения, во всяком случае, позволил им доказать, что таковые не были введены по всей империи однократным законодательным актом, а являлись продуктами долгого исторического развития¹²⁷. «Стратиотские наделы возникли частично из наделов *limitanei*, частично — из земельных владений, предоставленных военнопленным, иногда — с обязательством военной службы, наконец, — из свободной земельной собственности ветеранов, переходящей по наследству, разумеется, с обязательством или, лучше сказать, с тенденцией или правом военной службы»¹²⁸, — отмечал греческий историк. Еще В. Г. Васильевский высказывал мысль, что стратиотские наделы часто образовывались «объявлением частных земель, находящихся в руках крестьян, воинскими»¹²⁹. Развивая эту мысль, Г. Г. Литаврин высказал предположение, что «уже в ходе организации первых фем в Малой Азии, в VII–VIII веках, при генеральной описи недвижимого имущества подданных, для определения размеров государственных повинностей, следующих за обладанием собственностью, наиболее состоятельные крестьяне с имуществом примерно в четыре литры и более, имевшие к тому же в составе своей семьи мужчин, способных к несению военной службы (не обязательно домохозяев), вносились вместе с землей (до 4 литр) в воинские списки»¹³⁰. А. Пертузи особенно настаивал на роли в возникновении слоя стратиотов прежних «*limitanei*», которые после разрушения «*limes*» были отброшены вглубь страны и использовались местными властями для защиты наиболее угрожаемых районов. Так появились первые военные базы территориального характера. В дальнейшем «*limitanei*» поселились в них на правах собственников земли¹³¹. В целом можно полагать, что для формирования сословия стратиотов имели то или иное значение все перечисленные пути, приведшие в конечном счете к созданию единой системы воинской условной зе-

мельной собственности — стратиотского землевладения. Вряд ли можно абсолютизировать, как это делает Г. Острогорский, путь превращения воинов в собственников, т. е. помещения солдат на земле с обязательством несения военной службы.

Лишь частично отражает ситуацию и тезис Г. Острогорского о том, что в Равеннском экзархате «собственники стали воинами». В Италии интенсивно развивались два процесса — процесс включения местных земельных собственников в византийскую армию и процесс превращения военных, служивших в экзархате, в собственников, а чаще — держателей земли¹³². Таким образом, здесь как воины становились собственниками, так и собственники воинами. Более того, в Италии самым распространенным и естественным для византийского чиновника (в том числе и находящегося на военной службе) способом получения земельного имущества был путь аренды на землях государства и Церкви, хотя, как отмечал в частности Т. Браун, нельзя исключать возможности и предоставления воинам государственных земель¹³³. О последствиях этого в сфере организации войска следует сказать особо.

В Византии аренда никогда не накладывала на съемщика земли обязательств по несению военной службы. На основе итальянского материала (данные *Placitum de Rizado* о выборах из среды арендаторов фиска трибунов, консулов и локосерваторов)¹³⁴ можно предположить, что здесь, на Апеннингах, правительство стремилось сделать получение аренды на государственной земле условием исполнения некоторых административных и военных обязанностей. Весьма вероятно, что если в Византийской Италии практически проводилось поселение солдат на государственной земле, то они помещались на положении арендаторов фиска. Одно из поселений на землях фиска в Истрии именовалось *Numerus Tergestinus*¹³⁵, и здесь, вероятно, было расселено византийское воинское подразделение¹³⁶. В тексте *Placitum de Rizado* поступления в казну с *Numerus Tergestinus* названы в общем списке арендных взносов, и видимо, формально считались таковыми. Не исключено, что аренда воинов на государственной земле в Византийской Италии эволюционировала в сторону превращения в условную собственность, с обязательством несения военной службы, хотя данный процесс и не успел завершиться до падения Равеннского экзархата¹³⁷. Это неудивительно, ибо и в самой Византии подобный аграрно-правовой институт (стратиотское землевладение) оформился лишь в VIII–IX вв.¹³⁸

Что касается земель итальянских собственников, в том числе и военных, то свобода, с которой они ими распоряжались (дарили, обменивали, продавали и т. п.), показывает, что право собственности на землю не налагало на них никаких дополнительных обязательств.

Наконец, земельная аренда у Церкви — наиболее распространенный тип земельного держания византийских официалов в Италии — в принципе, не могла привести к возникновению каких-либо обязанностей арендатора по отношению к государству. Она, напротив, ставила съемщиков земли в зависимость от Церкви (в частности, внеэкономическую, вследствие заключения договора — *actus* между контрагентами сделки). После прекращения выплаты руги обладание землей стало для этих людей важнейшим экономическим условием службы в войске, т. к. предоставляло для этого материальные возможности. Поскольку среди церковных арендаторов мы встречаем военных различных рангов, вплоть до трибунов и *dux*'ов, несомненно, что на последнем этапе византийского господства эти люди, связанные поземельными узами не с империей, а с Церковью, имели тем не менее право избирать и избираться на высшие военные посты. В этом заключалось одно из проявлений основной тенденции развития войска в Италии — превращения его из византийского в местное. Служба в нем в данный период фактически налагала на воина обязательства не столько по отношению к центральной власти, сколько по отношению к своему городу, епископии, к папству, наконец, к самому *exercitus*. Эта смена социально-политической и психологической ориентации воинов ярко проявилась в ходе многочисленных сепаратистских движений.

Итак, юридическая основа формирования войска в Византийской Италии отличалась от фемной. Если в фемах основной, в конечном счете победившей, тенденцией было формирование единой системы стратиотских земельных держаний от государства на условиях несения военной службы, то в Равеннском экзархате подобная тенденция присутствовала как подчиненная и второстепенная. Здесь скорее следует говорить о складывании сложной, несколько аморфной, системы включения в привилегированное войско-сословие собственников и арендаторов самых различных по юридической принадлежности земель. При этом нельзя определенно утверждать, что обладание землей вообще являлось здесь обязательным условием принадлежности к *exercitus*, хотя на практике подобная статистическая закономер-

ность и проявлялась. Правда, в этой связи необходимо заметить, что если полностью принять тезис Дж. Хэлдона об отсутствии в самой Византии вплоть до X в. юридической связи между военной службой и земельным наделом воина, то положение дел в Равеннском экзархате и в фемах может показаться идентичным. В рамках данной монографии нет возможности специально анализировать с опорой на источники концепцию английского медиевиста. Заметим, однако, что обосновывая ее, Дж. Хэлдон весьма часто ссылается на пример Италии, по сути дела, априорно рассматривая ее в разряде фем¹³⁹. При крайнем дефиците фактического материала собственно византийского происхождения для VII–VIII вв. этот прием ставит под сомнение и полученный исследователем конечный результат. Во всяком случае, до сих пор его точка зрения не является господствующей.

Нет оснований для заключения о наличии зависимости между владением землей и службой в армии в византийской Северной Африке. Вплоть до падения Карфагенского экзархата его военная защита обеспечивалась регулярными войсками, составлявшими гарнизоны многочисленных крепостей и расквартированными вдоль границ владений империи¹⁴⁰. Каких-либо сведений о роли римского населения в ее организации не сохранилось. Туземное население (берберы) привлекалось к военной службе в составе своих племен и вместе со своими вождями, в сущности, в качестве федератов¹⁴¹. Местные землевладельцы не обладали здесь таким влиянием, как в Италии¹⁴². Вандальское завоевание нанесло мощный удар крупной собственности античного типа, а также земельной собственности куриалов и среднего слоя населения городов¹⁴³. Реставраторская политика Византии в Африке не могла полностью восстановить влияние этих социальных слоев, но в то же время привела к значительному сокращению слоя мелких свободных собственников земли¹⁴⁴. В конечном счете, в наибольшем выигрыше остались государство и Церковь. В Византийской Африке практически не сохранилось такого слоя земельных собственников, который бы мог и хотел обеспечить эффективную вооруженную защиту страны. Поэтому оборона Карфагенского экзархата строилась на иной основе, в сущности, сохраняла позднеантичную организацию.

Таким образом, принципы формирования войска в Равеннском и Карфагенском экзархатах, с одной стороны, и в фемах — с другой

(если не трактовать последние по Дж. Хэлдону) были различны. В то же время в Равеннском экзархате большая часть византийской армии, действительно, составлялась из лиц, живших эксплуатацией земельной собственности. В этом отношении Равеннский экзархат стоит ближе к обычной, классической феме, чем к Карфагенскому экзархату. По-видимому, сам факт создания экзархата не влек за собой автоматически определенных изменений в способах формирования армии. Таковые оставались прежними (как в Африке) или трансформировались под воздействием специфических местных условий (как в Италии). В конечном счете, местные условия определяли и структуру фем. Видимо, можно считать опровергнутой концепцию Э. Дарко о том, что фемы представляли собой рецепцию опыта военной организации кочевых племен Среднего Востока¹⁴⁵, и гипотезу Э. Штайна о создании византийским правительством фем под влиянием военно-административных реформ персидских шахов Кавада I (488–496, 498–531) и Хосрова I Ануширвана (531–579)¹⁴⁶. Причем основным доводом против обеих точек зрения является кардинальное различие социальных условий в Византии и на Востоке. Весьма неоднородной была и социально-экономическая структура самой империи. Поэтому разные фемы также не могли быть устроены совершенно идентично. В более позднее время фемы, образованные в Италии (Сицилия и Лонгивардия), видимо, оборонялись, главным образом, силою войск, присылаемых из Византии. О существовании здесь страиотского ополчения сведений нет¹⁴⁷.

Итак, сравнение Равеннского экзархата с «образцовой», «чистой», «теоретически выведенной» фемой и сравнение его с конкретными фемами, существовавшими в той же Италии, неизбежно должно дать различные результаты. Экзархат как административную структуру объединяет с фемой принцип единства власти и смешанного военно-гражданского управления, осуществляемого правителем области, что естественно для административной системы раннего Средневековья. Сходство между этими структурами можно видеть также в их военизированном характере, примате военной власти над гражданской. Равеннский экзархат (в отличие от Карфагенского) формально наминает фему и тем, что здесь существует тесная взаимосвязь между земельной собственностью и военной службой. Но эта зависимость, как мы видели, имеет различное содержание в экзархате и в классической феме.

Сопоставляя организацию войска в Равеннском экзархате и в фемах, обычно имеют в виду характеристики юридические. Между тем отличия в системе формирования армии в Византийской Италии и в фемах проявлялись не только в правовой сфере (набор собственников или арендаторов; с обязанностью несения военной службы, вытекающей из права собственности, или без таковой и т. д.). Для Равеннского экзархата и для фем характерна различная социальная база армии. Не вызывает сомнения тот факт, что стратиоты вплоть до X в. являлись, в основном, непосредственными производителями-крестьянами¹⁴⁸. Переход к войску тяжеловооруженных катафрактов совершался на протяжении X–XI вв. и был уже проявлением разложения фемного военного строя¹⁴⁹. Г. Острогорский считает, что таким же, как и в фемах, был социальный состав войска в Византийской Италии. Он пишет: «Большая заслуга Ш. Дилля состоит в обосновании факта, что этот класс (*exercitus*. — О. Б.) рекрутировался из местных мелких собственников и занял то место, которое при старом порядке занимали собственники (*possessores*)»¹⁵⁰. В этом исследователь видит сходство Равеннского экзархата и фем. Однако обратимся к Ш. Диллю. Он действительно говорит о собственниках и даже мелких собственниках («*petits propriétaires-possessores*») как основе войска¹⁵¹. Но кого он понимает под «*possessores*»? Это понятие он расшифровывает совершенно недвусмысленно: «*possessores*» это те, кто в IV–V вв. платил «налог людьми» («*praebitio tironum*») ¹⁵², т. е. поставлял государству рекрутов из числа своих колонов и либертинов. Это уже собственность второго порядка, мелкая эксплуататорская, а в общем — средняя собственность. Городской *possessor* обладал собственностью размером более 25 югеров (С. Th. XII, I), т. е. имением, поместьем, хотя и небольшим. В условиях Северо-Восточной Италии размеры таких имений, как правило, были больше — до ста и более югеров. Как показал итальянский правовед Г. Сальвиоли, «*possessores*» в собственном смысле слова, а также «*possessores mediocres*» и «*minores*» составляли средний слой собственников, промежуточный между «*potentiores*», «*illustres*», с одной стороны, и «*agricolae*», «*vicani propria possidentes*», с другой. Характерно, что в позднеантичной традиции понятия «*mediocres*» и «*minores possessores*» имели не столько экономическое, сколько юридическое значение. Они отличали от «*possessores curiales*» тех землевладельцев, которые хотя и имели необходимый для куриала минимум земли (25 югеров), но

в курию не входили. Такого собственника Г. Сальвиоли определяет следующим образом: «possessor» — «видовое наименование, применявшееся к городскому или сельскому жителю, жившему продуктами земли, которая обрабатывалась другими»¹⁵³, т. е. колонами и рабами.

В Равеннском экзархате свободная трудовая мелкая собственность не была распространена широко. Основой войска здесь были собственники средние и крупные. Мелкие собственники — горожане, сами обрабатывавшие свои участки, — принадлежали к *plebs infra muros posita* — категории населения, отличной от *possessores*. Весьма важно и другое. Стратiotы были населением аграрным. «*Possessores*» в Италии (как в античный, так и в византийский период ее истории) жили, главным образом, в городах. Это заключение касается как средних и крупных, так и большинства мелких земельных собственников. Обосновывая вывод о том, что именно «*possessores*» были основой «*exercitus*», П. Рази не случайно упоминал о позднеантичном принципе участия горожан в защите городских стен¹⁵⁴. Поскольку *possessores* составили массовую базу итальянской армии, постольку она формировалась из числа земельных собственников-горожан, живших, в основном, за счет эксплуатации чужого труда, связанных местными культурными и идейными традициями, находившихся под влиянием местной знати. Византийские чиновники и военные, использовавшие иные пути для приобретения земли, по образу жизни слились с ними, составив прослойку средних и крупных аграрных арендаторов, живших в городах за счет получения земельной ренты. Всем этим объясняется самостоятельная по отношению к Византии линия поведения *exercitus Italicus* в последние десятилетия истории Равеннского экзархата, вылившаяся в конце концов в открытую оппозицию правительству. В результате в лице *exercitus* итальянский сепаратизм получил собственную вооруженную силу. Думается, что здесь находится ключ к пониманию кардинального отличия Равеннского экзархата от фем. Фемное переустройство Византии сопутствовало важнейшему социально-политическому перевороту в ее судьбе — превращению космополитической позднеантичной государственности в государственность, в основном, греческую; превращению Восточно-Римской империи в собственно Византию¹⁵⁵. Отпадение от нее негреческих территорий на Востоке и на Западе стимулировало данный процесс. Фемная система была отражением этих изменений, их

оформлением в административной сфере. Равеннский экзархат долго оставался единственным крупным владением Византии, неорганичным для нее и унаследованным от Восточно-Римской империи. Для новой византийской государственной системы он был образованием глубоко чуждым, прежде всего в социальном плане, владением, захваченным империей, а не ее частью. Поэтому говорить о сходстве фем с Равеннским экзархатом можно, лишь рассматривая и экзархаты, и фемы как своеобразные административные структуры, существовавшие в рамках византийской государственности. Такое сходство обнаруживается прежде всего потому, что и экзархат, и фема были административными системами стадияльно близкими, соответствующими примерно одному этапу общественного развития. Если же рассматривать их как целостные социальные организмы, то приходится заключить, что Равеннский экзархат имел немного общего с обычной византийской фемой.

Вместе с тем нельзя отрицать принципиальной возможности влияния опыта византийского управления в экзархатах на фемную реформу¹⁵⁶ (тем более что император Ираклий, видимо, сыгравший в ее проведении в жизнь известную роль¹⁵⁷, был сыном карфагенского экзарха), но не в деле формирования фемного войска, а в некоторых общих принципах административной организации. С другой стороны, предполагать, что военная организация Равеннского экзархата (Карфаген пал в 641 г.) была примером для византийских реформаторов, трудно еще и потому, что ее специфические черты проявились в полной мере лишь к середине VII в., когда *exercitus Italicus* стал самостоятельной социальной силой. С этого момента его непокорность или, по меньшей мере, ненадежность давали правительству мало оснований считать военно-административное устройство Равеннского экзархата удачным.

В то же время в период расцвета фемного строя экзархаты могли восприниматься в Византии как образования, идентичные фемам. Константин Багрянородный в трактате «О фемах» заключает, например: «Тогда (при Юстиниане I. — *О. Б.*) были покорены франки вместе с готами, и с тех пор до сего дня так называемая Лонгивардия состоит в разряде фем»¹⁵⁸. Это заявление можно расценить как причисление Равеннского экзархата к разряду фем. Однако необходимо помнить, что в период унификации административной структуры Византии понятие «фема» трактовалось расширительно: как есте-

ственная универсальная форма территориального членения империи. К примеру, устройство фемы Оптиматов Константин VII сам не считает соответствующим общеимперским нормам, говорит о ней как о феме «лишь по названию», но все же рассматривает в числе прочих фем¹⁵⁹. Вообще же вопрос о том, как сами византийцы оценивали экзархаты спустя почти двести лет после их исчезновения, принадлежит скорее идеологической, чем административной истории.

* * *

На основе анализа эволюции административного, в том числе — военного, устройства Равеннского экзархата можно сформулировать ряд заключений.

Административная система Византийской Италии в VI–VIII вв. развивалась по пути вытеснения форм и методов управления, характерных для античности, средневековыми формами и методами. Это нашло проявление:

- в отказе от классического принципа разделения властей и сосредоточении в руках административно-территориальных руководителей разных рангов (экзархов, *dux*'ов, трибунов) как военной, так и гражданской властей;

- в «милитаризации власти», подчинении гражданской администрации военным командирам;

- в забвении позднеимперских принципов войскового устройства, в иррегуляризации армии, в превращении ее в местное территориальное воинское формирование.

Все названные явления тесно связаны с возникновением особой привилегированной сословной группы, средневековой по своей социальной сущности: войска — «*exercitus*».

В организационном плане экзархат обнаруживает определенное сходство с фемой. Это объясняется тем, что и экзархаты, и фемы представляли собой административно-политические структуры одного стадийного уровня, т. к. сформировались в условиях перехода от античности к Средневековью в рамках Восточно-Римской империи. Возможна, в ограниченных масштабах, и прямая рецепция византийским правительством административного опыта экзархатов при создании фем. В социальном отношении Равеннский экзархат принципиально отличается от фемы, т. к. не является органической частью

Византийской империи. Протекающие здесь процессы, в том числе и в административной сфере, приводят к его отделению, обособлению от Византии. Поэтому чем более ярко выраженными становятся специфические черты внутреннего устройства Равеннского экзархата, тем более очевидным становится тот факт, что Равеннский экзархат не является фемой.

Глава 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Данная глава посвящена выяснению основных тенденций политической эволюции Византийской Италии в изучаемую эпоху. Она открывается очерком взаимоотношений Равеннского экзархата (в широком смысле слова) с внешними партнерами и противниками (главным образом — с лангобардами, в отдельных случаях — с франками и др.). По мысли автора, этот раздел, в котором последовательно фиксируется канва политических событий с 568 по 751 гг., должен быть полезен читателю при восприятии иных сюжетов, описываемых ниже. В разделе даются новые оценки ряду эпизодов политической истории, уточняются их датировки. Собранный материал служит основой для периодизации истории византийско-лангобардских отношений в Италии.

Прочие параграфы главы посвящены внутривизантийским проблемам эволюции региона. Во втором ее разделе высказывается и обосновывается гипотеза о времени создания Равеннского экзархата: политико-административной структуры, в рамках которой протекала вся история Византийской Италии до середины VIII в. К числу наиболее мощных факторов, влиявших на развитие Византийской Италии, относится политика папской курии. Наряду с ней весьма высоким авторитетом обладала Равеннская церковь, часто действовавшая вразрез с интересами папства. Отношениям римской и равеннской епископских кафедр, их роли в политических судьбах Италии в характеризуемый период посвящен специальный раздел. Изучение различных аспектов политической активности папства является лейтмотивом и ряда последующих параграфов главы. Так, особый исследовательский очерк

посвящен идейно-политическим коллизиям в Италии в связи с принятием в Византии монофелитского Символа веры, борьбе против монофелитства римского папы Мартина I, его трагической биографии и значению его понтификата в истории папства.

В главу включено описание равеннского антивизантийского восстания 710–711 гг. Анализ истории этого возмущения против верховной власти позволяет обозначить те политические силы итальянского Северо-Востока, которые были настроены антиимперски и, в конечном счете, определяли участие Равенны в общем для Византийской Италии движении за освобождение от власти Константинополя.

Проявления активности этих сил в масштабе всей Италии (Неаполь, Равенна, Рим) рассматриваются в параграфе «Итало-византийские узурпаторы». Особое внимание уделяется здесь целям и притязаниям лидеров антивизантийских политических выступлений. По мнению автора монографии, здесь нашла свое выражение принципиально важная политическая тенденция, направленная на реставрацию Западной империи с центром в Риме.

В следующем разделе прослеживается развитие этой тенденции вплоть до ее логического завершения, то есть до провозглашения императором франкского короля Карла Великого, несмотря на то, что хронологически данное событие лежит за пределами истории Византийской Италии. Предлагаемая интерпретация коронации Карла в контексте прежних итальянских узурпаций позволяет выявить преемственность в развитии идеологии папской власти на протяжении двух столетий.

Таким образом, эта глава посвящена, главным образом, анализу тех политических процессов, которые в течение двух веков превращали Византийскую Италию в Италию неавинтийскую.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИТАЛИИ (втор. пол. VI — сер. VIII вв.). ЕЕ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Внешняя политика Византийской Италии начиная с 568 г. целиком определяется ее взаимоотношениями с лангобардами. Именно лангобардское завоевание Италии сформировало на два столетия вперед ее политическую карту; именно оно стало первопричиной обра-

зования Равеннского экзархата. Те же лангобарды в 751 г. положили конец существованию экзархата в Италии. Поэтому без описания византийско-лангобардских взаимоотношений характеристика истории Византийской Италии невозможна.

2 апреля 568 г. лангобардский король Альбоин (569–574) выступил в свой главный поход¹. Многоплеменная масса варваров, двинувшаяся в Италию из Паннонии, объединяла вокруг основного, лангобардского, этнического ядра гепидов, свевов, сарматов, протоболгар, представителей догерманского населения Паннонии и Норика. Альбоин пересек Альпы в районе современного города Виллах, пройдя через перевал Предиль². Гора, возвышавшаяся недалеко от места его перехода через хребет, с тех пор получила название Королевской (*Monts Regis*)³. Не встречая никакого сопротивления, Альбоин прошел через северную часть провинции Венето и вышел на берег реки Пьяве. Здесь к нему прибыли представители Феликса, епископа Тревизского, которые умоляли его пощадить имущество Церкви. Король согласился и подтвердил свое согласие специальным документом. Далее Альбоин, вновь не встретив никакого противодействия, занял Виченцу и Верону и, таким образом, в течение лета 568 г. стал обладателем почти всей провинции Венето, за исключением Падуи, Монфеличе, Мантуи и прибрежной лагуны. Стремясь пресечь для любого другого завоевателя возможность пройти в Италию по его пути, Альбоин организовал пограничное герцогство Фриуль с центром в Чивидале и назначил первым фриульским герцогом своего племянника Гизульфа⁴.

Перезимовав в Северной Италии, Альбоин продолжил продвижение вперед. В 569 г. он овладел большей частью Лигурии, а 4 сентября того же года взял Милан, и таким образом, вся область итальянских Альп, за исключением района Павии (римск. Тицин) и узкой лигурийской прибрежной полосы, оказалась в его руках⁵. В этом же году король приступил к осаде Павии, единственного города, который оказал достойное сопротивление захватчикам. Лангобарды вступили в него после длительной и тяжелой осады только в 572 г. Вскоре этот город стал столицей лангобардов. В течение трех лет, которые потребовались для овладения Павией, Альбоин совершил также ряд удачных походов по Центральной и Северной Италии. В 570 г. он занял долину р. По. Мы не имеем точных сведений об обстоятельствах падения Мантуи и Модены, но ясно, что и они в это время попали в руки врагов, т. к. империи вскоре пришлось их от-

воевывать. Захват лангобардами этих городов, видимо, относится ко втор. пол. 570 г. В кафедральном соборе Модены сохранилась плита над погребением женщины, умершей в июне 570 г., «в правление императора Юстина II». Следовательно, к этому времени город еще не был занят лангобардами⁶.

В 571 г. лангобарды перевалили через Апеннины и приступили к завоеванию Умбрии и Тосканы. Незадолго до этого они захватили Болонью, Форум Корнелии (Имолу) и крепость Петра Пертуза, охранявшую проход через Апеннины близ Форло⁷. В результате под угрозой оказалась Via Flaminia — основная магистраль, посредством которой сообщались Рим и Равенна.

Однако дальнейшее развитие лангобардской агрессии несколько приостановилось в результате серии событий, происшедших в 572 г. в Павии и приведших к гибели короля Альбоина. Эта история отличается редкостным накалом человеческих страстей и потому заслуживает внимания.

Покоритель Италии король Альбоин был женат на Розамунде, дочери побежденного и убитого им короля гепидов Кунимунда. На одном из пиров по распоряжению короля кравчий поднес Розамунде вино в кубке, вытесанном из черепа ее отца. Это страшное оскорбление зажгло жажду мести в душе королевы, и она поклялась добиться смерти мужа. Для осуществления своего намерения она сошлась с родственником короля Гильмехизом, который давно лелеял мечты взойти на королевский престол. Гильмехиз согласился на убийство Альбоина, однако совершить покушение лично опасался. Один из приближенных короля, известный силач Паредео, был признан заговорщиками наиболее подходящим исполнителем убийства, но первоначально отказался участвовать в заговоре. Тогда Розамунда соблазнила Паредео, а затем поставила перед ним дилемму: или убить государя, или быть выданным ему с обвинением в насилии над королевой. Паредео избрал первое. Король Альбоин был убит ночью, в собственной спальне, откуда, по распоряжению предусмотрительной Розамунды, предварительно было вынесено все оружие. Однако замыслам убийц не суждено было сбыться полностью. В войске распространились слухи о заговоре и насильственной смерти короля. Гильмехиз не только не был избран королем, но оказался вынужден бежать из Павии вместе с Паредео, Розамундой и маленькой дочерью ее и Альбоина. Беглецов с удовольствием приютил в Равенне византийский префект пре-

тория патрикий Лонгин. Здесь Розамунда заключила брак с Гильмехизом, но оказалось, что гостеприимство Лонгина не было бескорыстным. Очень скоро он вступил в связь с бывшей лангобардской королевой и предложил любовнице избавиться от мужа. По его совету Розамунда подала вышедшему из бани Гильмехизу отравленное питье. Сделав несколько глотков, Гильмехиз почувствовал, что в чаше — яд. Тогда, угрожая мечом, он заставил королеву дотить за ним оставшуюся жидкость. Оба умерли в тот же день. Дочь Альбоина Аревинду и Паредео Лонгин отправил в Константинополь⁸.

После гибели Альбоина лангобарды избрали королем одного из герцогов, Клефа, и с ним во главе в 574 г. впервые осадили Рим. Однако в том же году Клеф погиб от руки своего раба⁹, и в Лангобардском королевстве наступило междуцарствие.

Завершился первый период византийско-лангобардских взаимоотношений на Апеннингах. К этому моменту империя удерживала в Италии Падую и Монфеличе в бывшей провинции Венето, Кремону и Пьяченцу в долине По, Геную и, возможно, ряд близлежащих селений на лигурийской Ривьере, на Востоке — Равенну с прилегающей территорией и оба Пентаполя (Внутренний и Морской), в Центральной Италии — Перуджу, в Лации — Рим, на юге — Кампанию с Неаполем, Салерно, Пестум и почти целиком провинцию Бруттий, Апулию, Калабрию, а также — весь остров Сицилию. В сущности, византийцы сохранили то, что им позволили сохранить лангобарды, нигде, кроме Павии, не встретившие серьезного противодействия.

Очевидную неэффективность византийской обороны в Италии можно объяснить в первую очередь нехваткой солдат и неудачным расположением воинских контингентов. В последние годы правления Юстиниана I (527–565) византийские вооруженные силы претерпели значительное сокращение, которое не могло обойти и итальянскую армию. Оставшиеся в Италии воины были рассредоточены по крепостям и некоторым городам, составляя их гарнизоны. Каждый из этих гарнизонов на свой страх и риск оборонялся (или не оборонялся) от варваров. Непродуманная дислокация войск, быстрота продвижения лангобардов, разрыв многих важнейших коммуникаций между Равенной и другими городами, наконец, собственная растерянность и инертность не позволили византийскому командованию собрать в одном месте сколько-нибудь значительную армию, способную дать сражение Альбоину.

В результате на первом этапе своей экспансии в Италии лангобардам удалось добиться решающих успехов: описанные выше события, в основном, и образуют тот процесс, который принято называть лангобардским завоеванием Италии.

После гибели короля Клефа осада лангобардами Рима продолжалась, однако сложные внутривосточные коллизии и отсутствие единого руководства ослабили наступательный натиск варваров на византийские владения. Ромеи воспользовались благоприятным моментом и в 575 г. предприняли попытку вернуть часть захваченного врагом. Зять императора Юстина II Бадуарий с большим войском был послан в Италию, однако в сражении с лангобардами потерпел поражение. В том же (или следующем) году Бадуарий погиб¹⁰.

Жители Рима, находившиеся в осаде, дважды (в 577 и в 579 гг.) зывали к императору о помощи, но реальной поддержки не получили. Империя вела в это время тяжелую войну на Востоке. Когда римляне, собрав 3000 фунтов золота, отправили их в Константинополь, император Тиберий II вернул деньги обратно, посоветовав купить на них лангобардских герцогов. Получив такой совет, римский папа Пелагий II, действительно, откупился от захватчиков и добился снятия осады «Вечного города»¹¹. Хотя на период лангобардского междоусобия приходится несколько неудач византийцев (в т. ч. — дерзкий захват герцогом Сполето Фароальдом равеннской гавани Классис), в целом, это — время некоторой стабилизации политического положения в Византийской Италии. Оправившись от потрясения, вызванного лангобардским вторжением, византийцы приступили к реорганизации системы управления страной и впервые с некоторым успехом противодействовали лангобардам военными и дипломатическими методами.

С этого времени начинается медленное продвижение византийцев на занятые лангобардами земли Италии — процесс, иногда громко именуемый историками «византийской реконкистой»¹². В 584 г. Византии удается заключить союз с франками Австразии, территория которой неоднократно подвергалась набегам лангобардских северных герцогов (из Тридента и Фриуля). Следствием этого союза было нападение франков на герцогство Тридент (своеобразная разведка боем), а затем — вторжение в Италию войска короля Австразии Хильдеберта. Грабительскую экспедицию, закончившуюся полным успехом, финансировал император Маврикий, приславший франкам 50 000 солидов¹³.

Примерно в это же время в Италию был направлен опытный администратор патрикий Смарагд — первый известный нам по имени экзарх Равенны. Начало правления Смарагда ознаменовалось радостным для византийцев событием — переходом на их сторону лангобардского военачальника Дроктульфа, свева по происхождению, вероятно, захваченного лангобардами в плен в каком-то сражении. (Павел Диакон сообщает, что Дроктульф выступил против лангобардов, «желая отомстить за свое пленение»¹⁴.) В самом начале царствования лангобардского короля Автари (584–590) Дроктульф захватил крепость Брикселлум и преподнес ее в дар апостольскому престолу, а следовательно, и империи¹⁵. Таким образом, он перерезал связь между Пармой и Моденой, чем нанес большой ущерб коммуникациям лангобардов. Опираясь на Брикселлум, византийцы развили успех, заняв Модену, Альтину и Мантую. После этого покорились империи Парма, Региум и Пьяченца¹⁶. В долине По создалось угрожающее для лангобардов положение. Автари спешно выступил против Дроктульфа, ненадолго подступил к Равенне, после непродолжительной осады вернул Брикселлум, но большего не добился. В целом, кампания 584 г. принесла Византии крупные достижения. Вместе с тем ограниченность военных ресурсов не позволяла ромеям после ухода из Италии союзников — франков продолжать наступательную войну. В обоюдных интересах в 585 г. между экзархом и королем лангобардов было заключено трехлетнее перемирие — первое в истории взаимоотношений двух держав.

Активные военные действия возобновились в 588 г., когда пала византийская крепость Комацина на озере Комо. Небольшой гарнизон островной крепости во главе с *magistr'om militum* Францио, находясь в изоляции от византийских владений, держался в течение 20-ти лет. Автари подступил к озеру с большим войском, прервав все сношения защитников острова с внешним миром, и после шестимесячной осады захватил крепость. Ее комендант Францио вместе с семьей и имуществом был отослан в Равенну¹⁷.

Однако приобретение одной крепости обернулось для лангобардов утратой другой. Дроктульф (ныне — византийский *dux*), воспользовавшись тем, что войско Автари было приковано к Комацине, нанес удар по гавани Классис¹⁸. В результате хорошо подготовленного наступления по настилам из перевернутых лодок, через болота и лагуны между Классисом и Равенной воины Дроктульфа проби-

лись к Классису, разрушили построенные лангобардами укрепления, ворвались в крепость, и равеннский порт вновь оказался в византийских руках¹⁹.

В том же году франкский король Хильдеберт, узнав, что в Константинополе находится в плену его племянник, вестготский королевич Атанагильд, направил в столицу империи посольство с просьбой отпустить мальчика в Австразию²⁰. Переговоры затянулись, и в связи с этим Хильдеберт решил продемонстрировать, каким ценным союзником он может быть. С большой армией он вторгся в пределы Италии, нанес лангобардам решительное поражение и удалился с добычей²¹. Во главе византийской администрации в экзархате вскоре произошли изменения. Был отозван экзарх Смарагд. Его преемником стал Роман, в течение восьми лет (589–597) занимавший пост экзарха.

В 589 г. король франков Хильдеберт, невзирая на неудачный для него исход посольства в Константинополь (Атанагильд умер в плену), вновь выступил против лангобардов. Наступление развивалось одновременно по трем направлениям: на Милан, на Белинцону и на Верону²². Скоро та часть войска, которая шла на Белинцону, в связи со смертью ее предводителя Оло соединилась с шедшей на Милан. Бегство лангобардов перед предполагавшимся генеральным сражением дало возможность франкам оккупировать обширную территорию вокруг Милана. Экзарх Роман, одновременно с франками приступивший к боевым действиям, попытался пробиться на соединение с ними, но это ему не удалось. Третье франкское войско опустошило земли от Тридента до Вероны и захватило ряд крепостей, взяв за другие денежные выкуп. Но летом 590 г. тяжелый непривычный климат и начавшаяся эпидемия чумы принудили франков вернуться домой, оставив все ранее завоеванное лангобардам²³. Экзарх в письмах к королю франков умолял его скорее двинуться в новый поход, а безуспешное окончание предыдущего объяснял лишь нерадивостью франкских военачальников²⁴. Нового похода, однако, не последовало. Испуганный Автари отправил к Хильдеберту послов, чтобы просить мира, выиграл время, и хотя мира заключить не удалось, возникшая среди франков междоусобица надолго отвлекла их от Италии.

Заключение франко-византийского союза в 80-е гг. VI в. явилось крупной победой византийской дипломатии. Именно этот союз сделал возможным достижение тех успехов, которых добились визан-

тийцы в борьбе с лангобардами к 590 г. В течение следующего десятилетия лангобарды избегают непосредственных столкновений с равенским экзархом. Главной целью их экспансии становятся византийские владения на западе Италии: в первую очередь — Неаполь и Рим.

В 592 г. герцог Сполето Ариульф организует поход против Неаполя. Папе Григорию Великому удается убедить герцога заключить сепаратный мир с римским престолом²⁵. Но мирные инициативы папы и герцога не находят понимания ни в Равенне, ни в Павии. В том же 592 г. экзарх Роман предпринимает военную демонстрацию вдоль *Via Flaminia* для того, чтобы обезопасить сообщение между Римом и Равенной. По дороге он занимает городки и крепости, оккупированные лангобардами: *Sutrium* (Сутри), *Polimartium* (Бомарцо), *Norta* (Орте), *Tuder* (Тоди), *Ameria* (Амелия), *Luceoli* (Контано) и возвращает империи Перуджу, незадолго до того захваченную варварами²⁶. В ответ новый лангобардский король Агилульф (591–615) выступает против Рима и начинает осаду «Вечного города». Лишь дипломатическое искусство Григория Великого приводит к снятию осады. Лангобарды с большой добычей отступают от римских стен²⁷.

Современные историки Римской церкви не без основания считают обструкционистской и провокационной политику равенских экзархов по отношению к Риму на рубеже VI–VII вв. Действительно, их военные акции неоднократно сводили на нет мирные инициативы папы Григория I. Но следует помнить, что переговоры с варварами Григорий Великий вел вопреки желанию императора — пусть вынужденно, но самовольно. Константинополь требовал от экзархов активных боевых действий, и очередное папское перемирие рассматривалось ими как возможность захватить противника врасплох. В конце концов, однако, колоссальные усилия Григория Великого, направленные на достижение мира между лангобардами и византийцами, стали приносить результаты. После снятия осады Рима война фактически уже не ведется²⁸. Лишь соображения престижа удерживают византийцев от официальных переговоров с лангобардами. Папа Григорий пишет письмо одному из советников экзарха схоластику Северу, где просит его употребить все свое влияние для того, чтобы добиться от экзарха согласия на мир²⁹. К экзарху Роману направляется папский хартуларий Касторий, но его миссия безуспешна. В 597 г. умирает экзарх Роман. Сменивший его Каллиник относится к миро-

творческим стараниям папы более благосклонно. Письма Григория Великого становятся оптимистичнее³⁰. Весной 598 г. открылись переговоры между экзархом и королем Агилульфом. Они не раз заходили в тупик вследствие противодействия лангобардских герцогов Сполето и Беневента, но в результате предоставления гарантий неприкосновенности владений обоим заинтересованным герцогам и под влиянием королевы Теоделинды (с ее именем связано, как известно, принятие лангобардами ортодоксального христианства) мир был наконец подписан³¹.

Этот мир имел важное значение для судеб имперской политики в Италии. Он означал для Византии признание *status quo* на Апеннинском полуострове, того факта, что империя бессильна изгнать лангобардов из своих пределов. По существу, этот договор стал дипломатическим признанием Лангобардского королевства *de facto* со стороны Византии. В то же время в конкретно-политическом смысле договор был выгоден империи, т. к. оставлял в ее руках все территории, возвращенные в ходе «византийской реконкисты». Кроме того, империя вернула Озимо и Фано в Пентаполе, по-видимому, захваченные сполетскими герцогами в 90-е гг. VI в.³² Лангобарды уступили и Перуджу. Теперь византийцы окончательно закрепили за собой дорогу из Римского дуката в Равеннский экзархат. Более того, это узкое дефиле разрезало надвое само Королевство лангобардов, затрудняя контакты с Павией герцогам Сполето и Беневента³³. Таким образом, византийско-лангобардский договор завершил период политической нестабильности и обеспечил областям Византийской Италии приемлемый *modus vivendi*. Его заключением закончился период «византийской реконкисты».

В течение следующего периода (599–636 гг.) установившийся *modus vivendi* в основном поддерживался той и другой сторонами, перемежаясь кратковременными войнами, после которых возобновлялся мир. Приводим хронике этих событий.

Мирный договор впервые был нарушен в марте 601 г. экзархом Каллиником. В результате молниеносного набега Каллиник захватил в Парме дочь короля Агилульфа и ее мужа Гудескалька и увез их в Равенну как заложников³⁴. Агилульф ответил стремительной атакой на Падую, приведшей к падению города. Незадолго до этого в поисках союзника Агилульф отправил послов к аварскому кагану, и его дипломатический демарш увенчался успехом. В 602 г. лангобарды и авары

вторглись в Истрию и опустошили ее³⁵. В том же году варварами был захвачен Монфеличе (Mons Silicis). Вскоре после этого император Фока отозвал экзарха Каллиника. Его место вновь занял Смарагд.

603-й год также не принес удачи византийскому оружию. Кремона, Мантуя и Вультурина пали под ударами лангобардов³⁶. Все, чем смогли ответить византийцы, — это сожжение крепости Брикселлум, которую предал огню отступавший в Равенну гарнизон Вультурины. Смарагд понимал, что необходимо как можно скорее добиться нового мира, который и был заключен на условиях *uti possidetis* в начале 603 г. Естественно, экзарх возвратил лангобардскому королю его родственников, содержавшихся в Равенне, хотя дочь короля и ненадолго пережила свое возвращение. Договор принес лангобардам значительные выгоды. Почти вся долина р. По находилась теперь в их руках. Однако насущная потребность в мире продиктовала Смарагду согласие на лангобардские условия. Поэтому, несмотря на их невыгодность и даже невзирая на ряд провокаций со стороны лангобардов, мир возобновлялся на протяжении нескольких лет. Он был подтвержден в апреле 605 г.³⁷, затем, видимо, последовал лангобардский набег, ибо империя неожиданно утратила *Urbs Vetus* и *Balneus Regis* (Орвието и Банорею), но в ноябре того же года Смарагд вновь заключил мир, уплатив Агилульфу 12 000 солидов. В 606 г. мир был продолжен на три года, а в 609 г. новый годичный мир уже был подтвержден самим императором, к которому был направлен посол Агилульфа нотариус Стаблициан, вернувшийся с богатыми подарками и подписанным договором³⁸.

В 610 г., сразу после низложения императора Фоки, Смарагд был отозван в Константинополь. Памятником его деятельности в Италии осталась колонна, возведенная им в Риме в честь василевса Фоки, остатки которой до сих пор сохранились на форуме³⁹. Преемником Смарагда стал Иоанн Лемигий (610–616), также возобновивший мир с Агилульфом. Договор был нарушен после смерти короля набегом лангобардского герцога Зундрара. Очередной экзарх Элефтерий (616–619) потерпел в борьбе с варварами ряд поражений и был вынужден заключить невыгодное мирное соглашение на условиях выплаты пяти кентенариев золота ежегодно⁴⁰.

В дальнейшем Византии удавалось сохранять *status quo*, стимулируя внутренние смуты среди лангобардов и отвлекая их тем самым от ведения активной внешней политики. Молодой лангобардский

король Адальвальд подпал под влияние византийского посла Евсевия, склонившего его к принятию вассальной зависимости от империи. По наущению византийца Адальвальд обрушил репрессии на головы виднейших представителей лангобардской знати. Эти действия привели к возмущению, и захваченный врасплох Адальвальд был вынужден принять яд. Лангобарды избрали себе нового короля Аривальда, а византийский посол возвратился в Константинополь⁴¹.

Ко времени правления Аривальда относится новая смута, в организации которой сыграли роль византийцы. Ее прелюдией стала следующая история.

Супруга Аривальда королева Гундиперга однажды публично обратила внимание на красоту одного из придворных, герцога Адалульфа. Неправильно расценив это проявление симпатии, Адалульф обратился к королеве с оскорбительным предложением. Гундиперга решительно отвергла его домогательства. Понимая, что король не простит ему покушения на честь жены, Адалульф решил опередить события. Он сам, первый, бросился к Аривальду и сообщил ему, что королева готовит покушение на жизнь короля в заговоре с видным вельможей герцогом Тасо из Тосканы. Король поверил клевете и удалил супругу от двора, заключив ее в замке Ломелло. Драма Гундиперги закончилась спустя два года «Божьим судом», на котором ее рыцарь одержал победу, чем доказал невиновность королевы. Гундиперга вернулась ко двору. Но предполагаемые злоумышления герцога Тасо продолжали волновать короля, и он тайно обратился к равеннскому экзарху Исаакию (626–643) с просьбой организовать убийство Тасо. За это Аривальд обещал византийцам снизить сумму ежегодной контрибуции, которую они платили варварам. Экзарх с энтузиазмом взялся за дело. Он пригласил герцога к себе в Равенну, обещая помочь в борьбе против короля. Тасо был столь непредусмотрителен, что вошел в город, оставив охрану за городскими стенами. Это и стоило ему жизни, а королю Аривальду части ежегодного дохода⁴². Мирные взаимоотношения между ромеями и лангобардами продолжались до самой смерти короля Аривальда (636 г.).

Преемником Аривальда стал Ротари, бывший герцог брешинский. С деятельностью этого выдающегося короля (636–652) связано начало нового периода лангобардско-византийских взаимоотношений (636–680 гг.). В 639–640 гг., по краткому сообщению Павла Диакона, «Ротари, король лангобардов, захватил все римские города на мор-

ском берегу от Луны в Тоскане вплоть до пределов франков, также взял и разрушил Одерцо (Opitergium), город между Тревизо и Фриулем, и с римлянами из Равенны бился на реке в Эмилии, которая называется Scultena (ныне Панаро. — О. Б.), и здесь пало 8000 римлян, остальные же обратились в бегство». 640-й год был ознаменован падением Генуи, и побережье Лигурии перешло в руки завоевателей. Византия лишилась владений на Северо-Западе Италии⁴³. (Однако на Северо-Востоке лангобарды, по-видимому, оказались не в силах удержать Одерцо, т. к. вскоре он вновь оказывается в руках греков.)

Успехи Ротари позволили активизироваться лангобардским герцогами на юге полуострова. Беневентские правители заняли Соренто, а возможно, и Салерно, и повели наступление на Неаполитанский дукат. У нас нет точных сведений о том, когда лангобардские территориальные приобретения были закреплены официальным договором, но следует согласиться с Л. М. Гартманном, что это должно было случиться не позднее правления экзарха Олимпия (649–653)⁴⁴.

Таким образом, в результате завоеваний Ротари установилась новая византийско-лангобардская граница, которая на Северо-Востоке Италии оставалась практически неизменной вплоть до 20-х гг. VIII в. На юге Византия попыталась изменить положение в свою пользу, когда в 663 г. высадившийся в Таренте император Константин II лично повел войско греков на Беневент⁴⁵. Однако, узнав о приближении армии короля Гримоальда (662–671), он снял осаду Беневента и отступил в Неаполь. Приведенная им в Италию армия вскоре столкнулась с войском Гримоальда у местечка Форино близ Неаполя⁴⁶ и была разбита⁴⁷. Поход Константа II оказался безрезультатным. Более того, он освободил лангобардов от необходимости соблюдать прежние соглашения. Воспользовавшись этим, Гримоальд совершил набег на экзархат, разрушил г. Форли (Forum Julii) на Via Flaminia, а затем — вновь захватил Одерцо в провинции Венето⁴⁸.

Несомненно, что после смерти короля Ротари экспедиция Константа II была единственным крупным военным мероприятием Византии в борьбе с лангобардами. Взаимные набеги стали эпизодическими. Византийская и лангобардская части Италии окончательно оформились к этому времени как целостные социальные организмы. Внутренне стабилизировавшееся на своей территории Лангобардское королевство утратило наступательный порыв; византийцы, в свою очередь, убедились, что вернуть потерянное им не удастся. Большую

роль в процессе нормализации византийско-лангобардских отношений сыграл переход лангобардов в христианство. В этих условиях папская курия, заинтересованная в том, чтобы с одинаковой эффективностью осуществлять юрисдикцию над епархиями обеих частей Италии, выступила инициатором окончательного примирения лангобардов и греков.

Папская политика имела успех. Уже в 677 г. на торжественной церемонии заключения византийско-арабского мирного договора в Константинополе присутствуют «гастальды» — послы лангобардов⁴⁹. С 80-х гг. в присяге, произносимой при посвящении в сан лангобардскими католическими епископами, фигурирует обязательство хранить мир между империей и лангобардами⁵⁰.

Официальное заключение договора между лангобардами и Византией, обозначившего новый этап политической истории Италии и на много лет вперед знаменовавшего установление мира в стране, Л. М. Гартманн относит к 680 г.⁵¹ Договор способствовал развитию взаимовыгодной византийско-лангобардской торговли и был в 715 г. дополнен специальным торговым соглашением⁵². Лангобарды, несомненно, дорожили мирными отношениями с Равенной, т. к. центральные области Лангобардии снабжались солью с территории экзархата. Отсюда же везли к королевскому столу перец и другие пряности (по договору 715 г.). Без поставки соли с Адриатического побережья лангобарды, по-видимому, уже не могли обходиться. Поэтому и война против Равеннского экзархата была выгодна для них лишь в том случае, если сулила не мелкие и частные приобретения, а выход к морю, т. е. аннексию основных византийских центров на Адриатике.

Первую такую попытку лангобарды предприняли в правление энергичного молодого короля Лиутпранда в 718 г., надеясь, видимо, воспользоваться политической нестабильностью в Константинополе (за несколько месяцев до этого на трон в результате государственного переворота взойшел Лев III Исавр). Главной заботой византийцев в Италии в начале 718 г. стала ликвидация мятежа стратига Сицилии Сергия, отказавшегося признать власть Льва III. В это время почти одновременно герцог Беневента Ромуальд II оккупировал крепость Кумы в Кампании, герцог Сполето Фароальд занял в Средней Италии г. Нарни, сам же король Лиутпранд во главе войска вступил на территорию экзархата, захватил порт Классис и осадил Равенну⁵³.

Однако последующие события не принесли успеха лангобардам. Ромуальд II потерпел поражение от византийского *dux*'а Неаполя, а Лиутпранд у стен Равенны столкнулся с хорошо организованной обороной ромеев. Мятеж в Сицилии был подавлен, и видимо, предвидя возможность переброски войск оттуда на север, лангобардский король предпочел отойти в свои пределы. В течение последующих 9-ти лет лангобарды и византийцы соблюдали мир.

Более благоприятная для лангобардской агрессии ситуация сложилась в Италии в конце 20-х гг. VIII в. вследствие обнародования иконоборческих эдиктов Льва III Исавра. Лев III потребовал от папы Григория II верности своему иконоборческому курсу и признания нового константинопольского патриарха Анастасия. «Григорий же в своих посланиях не признавал Анастасия и укорял Льва как нечестивого и отложил от него Рим со всей Италией»⁵⁴. Экзарх Павел (726–727) был послан в Италию с тем, чтобы довести до сведения подданных Льва III иконоборческие эдикты и арестовать папу Григория II. Однако, выступив в поход на Рим, экзарх столкнулся с лангобардами, вставшими на защиту «Святого Престола»⁵⁵. Он был вынужден вернуться в Равенну, где скоро погиб от рук ее жителей⁵⁶.

Так, вследствие поворота Византии к иконоборчеству лангобарды стали союзниками римских пап в борьбе с империей. Объективно они оказались в одном лагере с большей частью населения византийских областей Италии⁵⁷. Лиутпранд понимал, что в таких условиях Византия не сможет активно сопротивляться его захватам. Он направил удар непосредственно на экзархат, захватил Классис и осадил Равенну (726 г.). Вероятно, возвращение из Рима войска экзарха помешало ему взять город. На следующий год король двинулся с войском по *Via Aemilia*, занял Болонью и ряд более мелких крепостей, а затем повернул к югу и приступил к завоеванию Пентаполя⁵⁸. В течение 727 г. весь Пентаполь Морской, а также остатки Внутреннего с г. Озимо перешли в руки лангобардов⁵⁹. Вскоре Лиутпранд захватил крепость Сутриум в 50-ти километрах от Рима, на пути из «Вечного города» в Равенну, и удерживал ее в течение 140 дней, после чего за крупную сумму золотом уступил ее папе Григорию⁶⁰.

Высадившийся в Неаполе с небольшим войском новый экзарх Евтихий (727–752) имел строгое предписание покончить с сопротивлением папы Григория II. Поэтому он предложил Лиутпранду вступить в антипапский союз, за что обещал помочь лангобардскому ко-

ролю подчинить взбунтовавшихся герцогов Сполето и Беневента. Практически это значило, что византийцы признают правомочность всех приобретений Лиутпранда, и король с радостью согласился. Вместе с экзархом Евтихием он прошел по Сполето и Беневенту, привел в покорность герцогов и подступил к Риму. Однако всерьез конфликтовать с папой Лиутпранд не собирался. Он сразу же вступил в переговоры с Григорием II, принес ему извинения и увел войско от стен Рима⁶¹. Кратковременный и противоестественный союз византийцев с лангобардами распался, не принеся никакой пользы империи.

В 732 г. Лиутпранд предпринял новую попытку овладения столицей экзархата, на этот раз — удачную. Город был атакован и захвачен лангобардским войском во главе с племянником короля Гильдебрандом и герцогом Виченцы Паредео. Лангобарды удерживали его примерно в течение двух лет, пока в 734 г. дипломатические усилия римского папы не побудили *dux*'а (дожа) Венеции Урса оказать помощь поверженной Равенне. Неожиданное нападение венецианцев увенчалось успехом. Лангобарды были выбиты из города, Гильдебранд взят в плен, а Паредео погиб в бою⁶². Окрыленные успехом, византийцы попытались сходу овладеть Болоньей. Однако *dux* Перуджи Агафон, приведший свои отряды под стены Болоньи, потерпел здесь жестокое поражение⁶³. Итак, Равенна впервые побывала в руках лангобардов. Было очевидно, что это — предвестие ее окончательного падения.

В 739 г. резкое обострение отношений Лиутпранда и папы Григория III привело к походу лангобардского короля на Рим⁶⁴. Впервые в поисках защиты папа обратился к франкам — к майордому Карлу Мартеллу — наметив тем самым основное направление папской политики на несколько десятилетий вперед⁶⁵. Правда, в этот раз франки не оказали поддержки Риму.

В 740 г. в разгар неудачных для римлян военных действий умер папа Григорий III. Его преемник Захария направил все усилия на то, чтобы добиться мира, и в 742 г. в Терни был заключен мирный договор. Его уникальность состояла в том, что в Терни папа римский впервые выступил не как подданный Византийской империи, а как самостоятельная договаривающаяся сторона. Об этом свидетельствовал сам ход переговоров, но главное — то, что Лиутпранд передал папе Захарии в дар, как суверенному государю, ряд крепос-

тей на *Via Aemilia*, незадолго до этого захваченных им у Византии. Благожелательность Лиутпранда к Риму была связана с пониманием им того факта, что подчинить себе папу в Италии уже не может никто. Дипломатически отделив папство от Византии, Лиутпранд показал одновременно, что не намерен всерьез считаться с интересами империи⁶⁶.

В 743 г. войско лангобардов вторглось в экзархат и, заняв Имолу и Чезену, приблизилось к Равенне. Когда над Равенной нависла новая угроза захвата лангобардами, архиепископ и экзарх обратились к папе Захарии с прошением, в котором умоляли его отвратить завоевателя от города⁶⁷. Направляясь вскоре в Павию с посольством к Лиутпранду, папа встретил в окрестностях Римини тех же архиепископа и экзарха, знать и народ, приветствовавших его и называвших своим спасителем⁶⁸. Посольство было успешным. Лиутпранд пообещал папе оставить ромеям Равенну и даже согласился вернуть им уже захваченную лангобардами Чезену. В 744 г. короля Лиутпранда настигла смерть.

Следующий лангобардский король Ратхис (744–749) на третьем году своего правления принимает закон, запрещающий подданным без королевского приказания сношаться с другими государствами, в числе которых Франция, Бавария, Германия (*Alemannia*), Реция и Авария, ставшие к этому времени практически независимыми Беневент и Сполето, а также Равенна и Рим⁶⁹.

В дальнейшем он методично прибирает к рукам остатки византийских владений в Северной и Средней Италии: оккупирует последние крепости греков в обоих Пентаполях и осаждает Перуджу (748–749 гг.). (Правда, как прежде Лиутпранд, снимает осаду города в результате вмешательства папы Захарии.)

После пострижения Ратхиса в монахи в 749 г. на престол вступает его младший брат Айстульф, которому предстоит завершить завоевание Равеннского экзархата. В начале правления Айстульф сознательно и резко ограничил возможности экономических контактов между Лангобардией и экзархатом: отныне любой лангобардский купец имел право торговать с кем-либо за пределами королевства, лишь имея на то личное письменное разрешение короля (750 г.)⁷⁰. Принятие этого закона было прелюдией наступления Айстульфа на важнейший центр византийско-итальянской торговли г. Комаккьо. Захватив Комаккьо, Айстульф через Феррару двинулся на Равенну.

Обстоятельства падения города нам неизвестны. Ясно, однако, что Айстульфу потребовалось не более двух лет на то, чтобы пресечь агонию экзархата. Первый документ, подписанный им в Равенне, во дворце экзарха («in palatium»), датирован 4 июля 751 г.⁷¹ Это значит, что не позднее первой половины 751 г. столица экзархата пала. Взятие Равенны означало на этот раз ликвидацию византийской власти во всем регионе. Хотя мы и не имеем прямых указаний на захват Айстульфом других городов в экзархате и Пентаполе Морском (Форли, Форлимпополи, Чезены, Римини, Конки, Пезаро, Фано, Синигалии), известно, что в 756 г. он передал их папскому престолу и, вероятнее всего, завоевал в течение 751–752 гг.⁷² Этими событиями и падением Равенны завершается история Равеннского экзархата.

Итак, во внешнеполитической истории Византийской Италии достаточно отчетливо вырисовывается несколько периодов.

Первый — со времени вторжения лангобардов на Апеннины (568 г.) до гибели короля Клефа (574 г.): период утраты Византией большей части территории Италии, разрушения ее обороны и управления.

Второй — с начала лангобардского междуцарствия до заключения мира 598 г.: период территориального оформления Равеннского экзархата, перегруппировки сил и контрнаступления византийцев; эпоха «византийской реконкисты».

Третий — от мира 598 г. до воцарения Ротари (636 г.): период стабилизации внешнеполитических отношений двух государств в Италии; время сохранения территориального status quo и установления систематических дипломатических контактов.

Четвертый — с начала правления Ротари до заключения договора 680 г.: период «политических качелей». На это время приходится завоевательные походы Ротари и попытка Константа II вернуть империи ее бывшие владения на юге Италии. Но главным содержанием периода, вопреки устремлениям отдельных государей, становится вторичная стабилизация отношений Равеннского экзархата с лангобардами на основе признания изменившихся границ.

Пятый — от заключения мира 680 г. до эпохи иконоборчества (20-е гг. VIII в.): период мирных взаимоотношений двух государств; время установления и развития торговых связей, их дипломатического оформления.

Шестой — от начала иконоборчества до падения Равеннского экзархата (751 г.): время дестабилизации системы византийского управления в Северной и Средней Италии, период последнего и решающего натиска лангобардов, приведшего к крушению византийской власти.

После 751 г. империя еще сохраняет на некоторое время номинальный сюзеренитет над Венето и Неаполем, но практически осуществляет власть лишь в областях Южной Италии и в Сицилии.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАВЕННСКОГО ЭКЗАРХАТА

Образование Равеннского экзархата явилось важным событием в развитии византийской государственности. В эпоху перехода от античности к Средневековью в масштабах всей империи в Италии, где влияние византийских бюрократических традиций не было так сильно, как на Востоке, а специфические социальные и политические условия заставляли обращаться к новым методам управления, в рамках государственной системы был, в сущности, поставлен оригинальный административный эксперимент.

В связи с этим большое значение имеет датировка возникновения Равеннского экзархата, ибо без хронологической локализации события невозможно правильно оценить воздействие на него различных социальных процессов. Несмотря на усилия исследователей, точная дата создания экзархата до сих пор не известна. А между тем вторая половина VI в. — эпоха настолько динамичная, что смещение датировки на несколько лет в ту или другую сторону заставляет подчас оценивать исторический факт в совершенно ином свете. Поскольку особые полномочия, которыми был наделен экзарх (обладавший на подведомственной территории всей суммой власти — гражданской, военной, судебной, церковно-административной), знаменуют основное юридическое отличие экзархата от других типов административных устройств в Византии, именно введение должности экзарха должно было официально оформить возникновение этой новой структуры.

Термин «экзарх» впервые встречается в известных науке итальянских источниках в 584 г.⁷³, но применяется к уже действующему экзарху. Более ранние документы используют в соответствующих

случаях другую терминологию. Неполнотой источниковой базы объясняются разногласия среди историков по поводу времени создания экзархата. Данный вопрос имеет два аспекта: с одной стороны, речь может идти о дате получения византийским наместником в Италии титула «экзарх», с другой стороны — о моменте сосредоточения в его руках всех полномочий, отличающих экзархов от других официалов. Если источники не дают точных указаний ни по тому, ни по другому поводу, то не исключено, что сочетание сведений по обоим аспектам проблемы позволит сделать определенный общий вывод.

Однако прежде чем перейти к обсуждению самой проблемы, следует выяснить, насколько правомочна сама ее постановка. В научной литературе высказывались на этот счет сомнения, связанные с двумя оригинальными гипотезами. Первая из них, принадлежащая Л. М. Гартманну⁷⁴, гласит, что наименование «экзарх» не имело в Италии официального значения и употреблялось в буквальном смысле слова: «вождь», «глава», «предводитель». Это, однако, неверно. Как показано в ряде исследований по истории Византийской Италии (в частности, у самого же Гартманна), ее устройство характеризуется рядом специфических черт, а положение ее главы — своеобразными прерогативами. Это делает его руководителем качественно новым, и следует ожидать, что для обозначения этого качества появился и новый титул. Скорее всего, это «экзарх» — термин, который зафиксирован во всех основных источниках по истории Византийской Италии. Можно утверждать, что слово «экзарх» было не только названием, но и «самоназванием» высших официалов Равенны, так как оно неоднократно встречается на их печатях⁷⁵. Сама территория, непосредственно подчиненная им, уже в византийскую эпоху стала называться «экзархат». В *Libri Diognus* глава византийской администрации в Италии назван экзархом⁷⁶. Кроме равеннских экзархов известны экзархи Африки, причем административное устройство обоих экзархатов в принципе идентично. Все эти факты приводят к выводу, что звание экзарха Италии было вполне официальным и означало должность и титул византийского наместника на Апеннинском полуострове. То, что в данном случае был использован старый термин в новом значении, не должно смущать исследователя, так как подобная судьба свойственна большинству титулов, в частности византийских (ср.: «патрикий», «консул», «деспот» и т. п.).

Вторая гипотеза дополняет первую и состоит в том, что глава византийской администрации в Италии назывался просто «патрикий». В узкоспециальной литературе такая точка зрения не фигурирует, но тем не менее у нее имеются сторонники. Пример тому — статья «Нарсес» в «Итальянской энциклопедии», принадлежащая перу А. Перниче. В ней прямо говорится, что «Нарсес оставался в Италии с титулом патрикия для учреждения администрации и закрепления итогов войны»⁷⁷. Просто «патриkiem» именует Нарсеса английский историк Г. Ходкин⁷⁸. Источники дают некоторые основания для подобных утверждений. Так, Павел Диакон, говоря о вторичном назначении наместником Италии Смарагда, указывает: «Когда отозвали Каллиника, возвратился Смарагд, который прежде был патриkiem в Равенне»⁷⁹. Агнелл из Равенны сообщает о первом назначении того же Смарагда, который «лишил этого звания Каллиника и присвоил самому себе это достоинство»⁸⁰. О мятежном экзархе Элефтерии Агнелл пишет: «Когда он одержал победу, то сложил с себя знаки патрикия и, будучи евнухом, присвоил себе полномочия императора»⁸¹. И все же, несмотря на приведенные свидетельства, предположение о наместнике-патрикии маловероятно. Против него можно высказать следующие доводы:

1. Именование «патрикий» являлось придворным титулом и давалось самым разным должностным лицам⁸².

2. Термин «патрикий» не фигурирует в Прагматической санкции, подробно регламентирующей административное устройство Италии.

3. Титул «патрикий» в самой Италии носили не только высшие наместники императора. Бывали случаи, когда в стране одновременно находилось несколько патрикиев (см., например, приводимую Ш. Дилем надпись на надгробии Стефана, из которой следует, что он был патрикий и *dux* Рима⁸³).

4. Далеко не все экзархи фигурируют в источниках как патрикии (Юлиан, Олимпий, Феодор Каллиопа, Григорий так не именуется). В этом плане особого внимания заслуживают две печати из «Сигиллографии» Шлюмберже, на одной из которых значится «...ΦΕΟΔΩΡ ΑΠΟΕΠΑΡΧΟΝ ΚΑΙ ΕΞΑΡΧΟΝ ΙΤΑΛΙΑΣ»⁸⁴, на другой: «ΣΤΕΦΑΝΟ ΥΠΑΤΟΣ ΕΞΑΡΧΟ ΙΤΑΛΙΑΣ»⁸⁵. Трудно представить себе, чтобы владельцы этих печатей опустили столь высокий титул, как «патрикий». Если же это было официальное название их должности, то упоминание его на должностной же печати совершенно невероятно.

5. *Libeg Diuignus* предписывает различные формулы обращения к патрикию и к экзарху⁸⁶.

6. Разрабатываемая гипотеза не учитывает эволюции византийской административной системы, в частности, различия в положении ее главы сразу после Готской войны и в лангобардскую эпоху.

Чем же, исходя из этого, объяснить приведенные выше высказывания Павла и Агнелла? По-видимому, тем, что неискушенному в тонкостях византийской титулатуры жителю Италии титулы «патрикий» и «экзарх», как правило, сопутствовавшие друг другу, казались синонимами. В конкретных случаях перестановки на посту экзарха могли сопровождаться лишением смещенного правителя и титула патрикия, а узурпатор Элефтерий, объявив себя императором, естественно, отказался от патрикианских инсигний — это и имеет в виду Агнелл. Возможно, что авторами некоторых источников титул «патрикий», действительно, воспринимается как нечто общее для византийских наместников в Италии в условиях, когда их официальные наименования варьировали от стратига и автократора до префекта претория и экзарха. Итак, обе рассмотренные гипотезы, видимо, неверны. Основной и вполне официальный титул главы византийской администрации в Италии все-таки «экзарх», и таким образом, постановка вопроса о первом экзархе вполне правомерна.

К концу XIX в. в историографии оформились три основные точки зрения относительно личности первого экзарха, сохранившие свое значение до настоящего времени. Согласно одной из них, первым экзархом Равенны был покоритель Италии патрикий Нарсес, согласно второй — его преемник патрикий Лонгин, в соответствии с третьей — зять императора Юстина II Бадуарий. Как было сказано выше, византийский наместник Италии впервые назван экзархом в дошедшем до нас собственно итальянском документе в 584 г., т. е. после того, как названные выше деятели сошли с исторической сцены. Таким образом, все специалисты, исследовавшие вопрос о первом экзархе, отводят эту роль лицам, ни разу так не названным в современных итальянских источниках. На это существуют весьма серьезные причины. Назначение в Италию чиновника с такими экстраординарными полномочиями, как у экзарха, вряд ли могло быть случайным актом, не вызванным исключительными событиями в самой Италии. Исследуемая эпоха — 50–80-е гг. VI в. — позволяет отнести к числу таких событий следующие:

во-первых, это — Готская война, точнее — ее завершающий этап, когда сложнейшая внутривизантийская обстановка требовала сосредоточения в одних руках всей полноты власти в стране и заставляла официально оформить положение носителя этой власти. Это время Нарсеса, и логично, что именно он должен был стать первым экзархом Равенны;

во-вторых, причиной изменения организации власти могло стать лангобардское завоевание, когда комплекс византийских владений был раздроблен на несколько территорий и система управления ими, естественно, претерпела ряд изменений. В сочетании с постоянной военной опасностью указанный фактор мог привести к вручению всей полноты власти одному высшему руководителю. Так как в эти годы Италией правили Лонгин и Бадуарий, то первым экзархом должны были назначить одного из них.

Концепция, согласно которой первым экзархом Равенны был патрикий Нарсес, нашла отражение в известном исследовании по истории византийского господства в Италии, принадлежащем Карло Каллиссе⁸⁷; и в некоторых общих трудах по истории Италии и Византии⁸⁸. Она основана на данных «Хронографии» Феофана Исповедника, назвавшего Нарсеса «кувикулярием и экзархом ромеев»⁸⁹. Так же именуют Нарсеса Иоанн Малала⁹⁰, Анастасий Библиотекарь⁹¹ и итальянский хронист Ландульф⁹². Однако как Феофан, так и Малала обращаются с термином «экзарх» очень произвольно. Феофан, например, применяет его не только к Нарсесу, но и к узурпатору Василиску⁹³. Малала называет экзархом полководца начала IV в. Фестиана⁹⁴. Есть все основания полагать, что слово «экзарх» употребляется ими не как технический термин, а в обобщенно-описательном значении. Такое словоупотребление не редкость в византийской литературе. (См., например у Скилицы «экзархи горожан» — руководители одного из народных выступлений⁹⁵; у Анны Комнины: «доместик и экзарх» — об Алексее I⁹⁶; в «Житии Григория Декаполита» один из славянских предводителей назван «экзархом Склавинии»⁹⁷ и т. д.⁹⁸)

Кроме того, антиохиец Малала не располагал, конечно, полной информацией о событиях в Италии. Феофан же писал через много лет после Готской войны и мог перенести более поздний термин на несколько десятилетий назад. Труды Анастасия и Ландульфа в соответствующих частях являются переводами того же Феофана. Таким образом, рассмотренные указания источников не служат доказательством того, что Нарсес был первым экзархом Равенны.

Как же характеризуют Нарсеса другие памятники? Целый ряд средневековых авторов единодушно именует его патрикием (Григорий Великий⁹⁹, Марий Авентийский¹⁰⁰, Агнелл из Равенны¹⁰¹, Константин Багрянородный¹⁰² и др.). Павел Диакон сохранил рассказ о присвоении Нарсесу титула «патрикий» (до этого он был хартуларием)¹⁰³. Кроме того, известно, что Нарсес носил титул «кувикулярий». В период Готской войны наряду с другими военачальниками он именуется стратигом¹⁰⁴. Касааясь назначения Нарсеса на место Велизария, Прокопий Кесарийский именует его «автократором войска»¹⁰⁵, что соответствует понятию «главнокомандующий». Это наименование не является сколько-нибудь исключительным — точно так же несколько раньше называет Прокопий и Велизария¹⁰⁶.

Автократор назначается для командования армией на время ведения военных действий. Конечно, как можно судить по деятельности того же Нарсеса или Велизария, он обладает рядом полномочий и по отношению к мирному населению тех областей, где действуют его войска (проводит реквизиции, подавляет восстания, ведет переговоры с представителями местных властей и т. п.), но все эти прерогативы связаны именно с его функциями командующего армией¹⁰⁷.

Автократор в отличие от экзарха действует в стране покоряемой, а не покоренной, в условиях, когда система управления завоеванной частью территории представляет собой специфический военно-окупационный режим. Такой режим существовал в Италии вплоть до издания Прагматической санкции, т. е. до 554 г. Вместе с тем сразу после окончания войны правительство стало принимать меры по созданию системы гражданской администрации. Важным шагом на этом пути явилось введение должности префекта Италии (*praefectus praetorio per Italiam*) — главы гражданского управления в стране. К моменту появления Прагматической санкции им был некий Антиох¹⁰⁸. Нарсес в это время также находился в Италии и продолжал командовать византийским войском. Он подписался под Прагматической санкцией как «препозит священного дворца», т. е. назвал один из своих титулов, но не должность. Причина в том, что никакой официальной должности в системе управления Италией он еще не занимал. После же издания Санкции Нарсес остался в завоеванной им стране в качестве высшего представителя власти. Естественно предположить, что он сменил Антиоха на посту префекта Италии (характерно, что этот Антиох в более поздних источниках не фигурирует).

Однако при всей разногласии мнений по поводу официального ранга Нарсеса в этот период данное предположение еще ни разу не высказывалось. Видимо, это объясняется тем соображением, что Нарсес как полководец скорее должен был остаться командующим армией, чем занять пост гражданского администратора. Но вспомним некоторые детали биографии Нарсеса. Будучи принят евнухом к императорскому двору, Нарсес со временем получил высокий придворный ранг препозита священного дворца, затем сделался государственным казначеем¹⁰⁹. Вскоре он активно способствует разоблачению махинаций главы финансового ведомства Иоанна Каппадокийского¹¹⁰. Как видим, он обладал значительным опытом не только военной, но и гражданской деятельности, а весьма неустойчивая международная обстановка в покоренной Италии оставляла ему возможность проявить еще и свои полководческие таланты. Все это, однако, доводы косвенного характера, но есть и прямые свидетельства источников. Павел Диакон, рассказывая о конце карьеры знаменитого евнуха, пишет: «Император послал в Италию префекта Лонгина, который занял место Нарсеса»¹¹¹ (в дальнейшем Павел всюду настойчиво именуется Лонгина префектом).

Перед нами непосредственное сообщение современника о том, что Нарсес занимал пост префекта Италии. В связи с этим обращает на себя внимание один из равеннских папирусов (Tjäder 4–5, В. VIII). Здесь в присутствии префекта Италии фиксируется ряд завещаний в пользу Равеннской церкви. Самое позднее из них относится к 554 г. Издатель Чедер датирует памятник периодом с 554 по 575 гг., но склоняется к мысли, что документ был составлен немногим позже первой даты (554 г.), т. е. в эпоху пребывания в Италии Нарсеса. Вот полная подпись префекта Италии под этим документом: «Fl(avius) Michaelis Gabrielis Petrus Iohannis Narses Aurelianus Limenius Stefanus Aurelianus... praefectus praetorio per Italiam».

Другие источники, к сожалению, не донесли до нас полного имени Нарсеса, но присутствие в этом памятнике его основного имени (армянского и, значит, не самого распространенного) наводит на мысль, что перед нами именно его подпись. Показательно, что упоминаний о каком-либо другом префекте Италии от этого времени не сохранилось. Если учесть, что позже, при наличии в Италии более высокого должностного лица — экзарха, префекты довольно часто попадают на страницы документов, становится непонятно, почему со-

временники обошли своим вниманием обладателя этой должности в то время, когда он действительно был высшей властью в Италии. Вопрос отпадает, если считать, что префектом был многократно упомянутый в источниках Нарсес.

Гипотеза, согласно которой первым экзархом был Лонгин, идет от гуманиста Флавио Бьондо¹¹². Ее поддерживали известные историки Росси¹¹³, Бароний¹¹⁴, Муратори¹¹⁵, Даль Корно¹¹⁶, Грегоровиус¹¹⁷ и др. Несмотря на столь широкое распространение этого мнения, его сторонники смогли привести в его защиту лишь чисто умозрительные аргументы. Они заключаются в том, что, приехав в Италию в тот момент, когда началось лангобардское завоевание, Лонгин был свидетелем и участником реорганизации управления — замены на местах прежнего гражданского чиновничества новой администрацией, обладавшей военной и гражданской властью (*duces et tribuni*). Естественно, что и сам он в этом случае сосредоточил в своих руках оба типа власти, а официальной легализацией этого должно было стать присвоение ему титула экзарха.

Высказанные соображения, однако, не вполне убедительны. Новая система управления оформлялась в Италии медленно и постепенно. Процесс выработки новых форм и методов управления не закончился при Лонгине, и поэтому нет оснований считать, что именно в прерогативах Лонгина он нашел свое полное воплощение. Есть и прямые указания источников на то, что Лонгин занимал пост префекта Италии (у Павла Диакона¹¹⁸, Агнелла¹¹⁹, в хронике «Происхождение лангобардского народа»¹²⁰). Ни один источник не упоминает об участии Лонгина в каких-либо военных предприятиях. Таким образом, следует отказаться от точки зрения, что именно Лонгин был первым экзархом Равенны¹²¹.

Предположение, что первым равеннским экзархом был Бадуарий, принадлежит Ш. Дилью¹²² и основывается, в сущности, на высоком происхождении этого деятеля. Диль считал, что пост экзарха слишком значителен, а его экстраординарные полномочия слишком противоречат общим принципам управления империей, чтобы император мог предоставить их кому-либо из своих обычных подданных. Для создания прецедента нужно было лицо, уже занимающее исключительное положение, каким и являлся Бадуарий — зять императора, куропалат и наследник престола. Сведения источников о Бадуарии очень скудны. Это — одна фраза в хронике Иоанна Бикларийского

(«Бадуарий, зять императора Юстина, был в битве побежден лангобардами и спустя немного времени окончил жизнь»)¹²³, две строчки в поэме Кориппа о Юстине II¹²⁴ и, может быть, небольшой рассказ у Феофана Исповедника (что сомнительно, так как Феофан называл своего героя братом, а не зятем Юстина)¹²⁵. Ни один из этих источников не только не именует Бадуария экзархом, но никак не очерчивает круг его полномочий. Ясно лишь, что Бадуарий командовал в Италии византийским войском. Естественно предположить, что по своему положению он и был командующим армией (стратиг, может быть, автократор).

Лангобардское завоевание создало в Италии обстановку, близкую той, что была в ней в годы Готской войны. Естественной реакцией власти на эти события могло, в частности, стать предоставление командующему армией полномочий, которыми прежде пользовались лишь Велизарий и Нарсес. Считать, что командующий занимался какой-либо гражданской административной деятельностью, у нас нет оснований. Эти соображения делают маловероятной гипотезу Диля о том, что первым равеннским экзархом был Бадуарий.

Итак, термин «экзарх» в собственно итальянском памятнике упомянут впервые в письме папы Пелагия II, написанном в октябре 584 г. Здесь экзарх не назван по имени, однако точно известно, что уже в следующем 585 году этот пост занимал Смарагд¹²⁶. Большинство исследователей полагает, что речь в папском послании идет о нем, но Л. М. Гартманн высказал мнение, что под именем экзарха в письме фигурирует патрикий Деций, упомянутый там же несколькими строками выше¹²⁷. Письмо адресовано апокрисиарию Григорию, которого папа направил в Константинополь с просьбой о помощи против лангобардов. Вот дословный перевод фразы, в которой упомянут Деций: «Предписываем передать тебе все, что необходимо, через нотарию Гонората: его вместе с нашим собратом епископом Себастианом мы посылаем к тебе, дабы ты благожелательно его принял, и с тем, чтобы он лично информировал тебя обо всем, так как он вплоть до сего времени находился в Равенне вместе со славным (*gloriosus*) патриkiem Децием»¹²⁸.

Вслед за этим папа кратко характеризует бедственное положение Италии и, в частности, сообщает: «И экзарх пишет, что не может оказать никакой помощи, заявляя, что не в силах предоставить этим землям достаточной защиты»¹²⁹. На основе этих кратких замечаний

нельзя, к сожалению, установить, кто такой патрикий Деций и чем в это время он занимался в Равенне, однако маловероятно, чтобы экзархом был именно он. Во-первых, сочетание «*gloriosus dominus et patricius*» представляет вполне официальную титулатуру, и вряд ли в подобной формуле папа опустил бы важнейший титул «экзарх». Во-вторых, основное почетное определение экзарха — «*excellentissimus*», а не «*gloriosus*». В-третьих, о Деции и об экзархе говорится в разном тоне: о первом — с явным уважением, о втором — индифферентно (естественное следствие его отказа прийти на помощь). В-четвертых, адресат должен получить исчерпывающие сведения о положении дел от человека, до последнего времени находившегося с Децием. Если бы экзархом был сам Деций, папе не нужно было бы дополнительно информировать Григория о позиции экзарха. Таким образом, экзархом Равенны было, видимо, другое лицо.

Вернемся к вопросу о Смарагде. Павел Диакон впервые упоминает его в 18-й главе III книги «Истории лангобардов»¹³⁰. Речь здесь идет о сражении у стен Равенны, в результате которого византийцы, совершив неудачную вылазку, вынуждены были запереться в городе. Вслед за тем лангобарды захватили одну из византийских крепостей (*Brixellum*) и разрушили ее. Далее говорится: «После этого король Автари заключил трехлетний мир с патриkiem Смарагдом, который в это время правил (*graeerat*) в Равенне». Описанное событие относится к концу 584 — началу 585 г. Выражение «*tunc graeerat*», исходя из контекста, можно отнести не только к моменту заключения мира, но и к периоду предшествующих военных действий. Во всяком случае, оно обозначает продолженное действие — «правил», а не «стал править». Письмо папы Пелагия II относится именно к данному периоду, и, вероятно, под именем экзарха в нем фигурирует Смарагд.

Рассмотрим его деятельность на этом высоком посту. Как уже отмечалось, одной из первых известных его акций было заключение мира с лангобардским королем Автари. Это событие имело исключительное значение в развитии византийско-лангобардских отношений. Как отмечал П. Н. Кудрявцев, «лангобардское завоевание стало уже непреложным фактом в истории Италии. Сама империя отказывалась ему противоречить»¹³¹. Для того чтобы легализовать подобным образом взаимоотношения с лангобардами, представитель империи Смарагд должен был быть наделен особыми полномочиями. Он выступал

в качестве единственного носителя византийской власти в Италии, иначе переговоры не имели бы смысла. О том, что в его руках находилось управление войском, свидетельствует известие об его отказе оказать вооруженную помощь Риму в рассмотренном письме папы Пелагия II.

Еще более показательна роль Смарагда в истории так называемой «Истрийской схизмы». В 587 г. экзарх прибыл в Градо и арестовал аквилейского патриарха Севера и нескольких епископов, не пожелавших отречься от «Трех Глав». В Равенне их вынудили отказаться от своих взглядов и лишь через год отпустили в Истрию¹³². О том, что действия экзарха воспринимались как законные по крайней мере некоторыми крупными церковными деятелями, свидетельствует поддержка, оказанная Смарагду равеннским архиепископом Иоанном¹³³. Перед нами первый пример открытого вмешательства византийского администратора в церковные споры между итальянскими прелатами, сопровождавшегося применением к ним репрессивных мер¹³⁴. Эта акция — результат сосредоточения в руках Смарагда не только светской, но и церковной административной власти.

Приведенные факты показывают, что Смарагд являлся в Италии высшим представителем византийской администрации во всех сферах ее активности, причем был первым известным нам деятелем, обладавшим такими полномочиями. Видимо, то обстоятельство, что к нему первому применяется в источниках титул «экзарх», отражает реальный исторический факт. Возможным возражением против этой гипотезы является мнение Диля о том, что экстраординарный характер власти экзарха требовал исключительного по авторитетности первого кандидата на этот пост. Однако так ли уж не удовлетворял этому требованию Смарагд? Из надписи на базе колонны, водруженной им в Риме в честь императора Фоки, мы узнаем его полный титул: «*ex praeposito sacri palatii ac patricius et exarchus Italiae*»¹³⁵. Это значит, что до назначения в Италию Смарагд был препозитом священного дворца (как некогда Нарсес!), т. е. занимал одну из высших придворных должностей. Следовательно, он был лично хорошо известен императору и, вероятно, проявил себя как энергичный и дельный администратор еще в Константинополе. Это и естественно, так как на роль византийского наместника в Италии (будь он первым или не первым экзархом — безразлично) в эту кризисную эпоху мог быть назначен только человек с весьма высокой деловой репутацией (на то,

что Смарагд обладал ею, указывает, в частности, его возвращение на ту же должность через несколько лет после первой отставки)¹³⁶. Таким образом, биография Смарагда не дает оснований сомневаться в принципиальной возможности назначения его первым равеннским экзархом (мнение Диля, что таковым мог быть лишь представитель царствующего дома, ничем не обосновано). Впоследствии Смарагд доказал своими действиями в Италии, что его назначение сюда не было ошибкой.

¹ Итак, нами рассмотрены данные основных источников и мнения историков о личности первого экзарха Равенны. К сожалению, состояние материалов таково, что безапелляционно назвать его имя невозможно. Однако наиболее вероятным представляется вывод, что первым равеннским экзархом был патрикий Смарагд. Таким образом, временем возникновения Равеннского экзархата следует считать 80-е годы VI в.

РИМСКИЕ ПАПЫ И РАВЕННСКИЕ ЕПИСКОПЫ

В политической истории Византийской Италии велико значение равеннской архиепископии и ее взаимоотношений с папством. Политическому усилению римских пап в VI–VII вв. способствовали высокий духовный авторитет и экономическая мощь их епископии¹³⁷, недостаточная эффективность византийского правления, выдающиеся личные качества папы Григория Великого (590–604), благодаря умной, решительной и изобретательной политике которого были заложены основы светского влияния Римской церкви¹³⁸. Расширение сферы ее влияния создавало предпосылки для достижения римским престолом фактической независимости от внешних сил, в первую очередь от Византии. Борьба за такую независимость, естественно, объединяла вокруг Рима все сепаратистские силы Италии.

Эта линия папской дипломатии предоставляла равеннской архиепископии хорошую возможность проявить себя на службе императора. Возвышение Равенны как политического, торгового и культурного центра было связано прежде всего с ее особым административным положением в Италии¹³⁹. Резиденция западноримских императоров, затем — остготская столица, наконец, центр византийских владений на Апеннингах, Равенна расцвела, будучи средоточием государствен-

ной власти и благодаря ей. Поэтому возвышение равеннского архиепископа прямо зависело от его лояльности, императорские милости были платой за безоговорочную поддержку политики империи или авансом в расчете на дальнейшие услуги. Лучший современный знаток истории Равеннской церкви А. Симонини верно отмечал, что империя, способствуя усилению равеннского архиепископа, создавала в его лице противовес папскому влиянию¹⁴⁰. Таким образом, столкновения с папой были необходимым следствием объективного положения равеннского архиепископского престола в политической системе Италии. Обратимся к фактам.

Еще до завершения византийского завоевания Италии империя вступила в этой стране в серьезный церковный конфликт. Осуждение «Трех Глав» (Феодора Мопсуэстского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского) не встретило сочувствия среди наиболее авторитетных иерархов Италии. Решительно противились ему архиепископ Миланский и патриарх Аквилеи (в дальнейшем на их позицию не повлияли даже решения Константинопольского собора 553 г.)¹⁴¹. Из числа крупных итальянских прелатов лишь равеннский епископ Виктор (539–546) активно поддержал императора. В награду за помощь Равеннской церкви была предоставлена сумма годового государственного налога со всей Италии¹⁴².

Положение Виктора в итальянской церковной иерархии стало вскоре исключительно высоким. В отсутствие папы Вигилия, находившегося в Константинополе, а затем в Греции, он, в сущности, осуществлял викариат над другими ортодоксальными Церквами Италии (на этом обстоятельстве совершенно правильно фиксирует внимание А. Симонини)¹⁴³.

Смерть Виктора, последовавшая в 546 г., поставила перед Юстинианом I задачу найти среди итальянских священнослужителей человека, способного по своим убеждениям, волевым качествам и талантам стать одним из главных проводников в жизнь политики империи на Апеннинах. Соответствующей кандидатурой в среде равеннского духовенства император не располагал. Архиепископом был назначен малознакомый равеннцам диакон Максимиан из Полю в Истрии. Его утверждение не обошлось без противодействия со стороны будущей паствы («не пожелал плебс его принять» — «*nohiissent plebs eum recipere*»)¹⁴⁴, но, утвердившись на престоле, он проявил себя незаурядным политиком.

Максимиан стал первым епископом Равенны, добившимся сана архиепископа. Это практически означало, что он осуществлял теперь юрисдикцию не только над теми диоцезами, которыми Равеннский престол управлял с V в. на правах викариата, но и над диоцезами Миланской архиепископии и Аквилейской патриархии, где престолы занимали схизматики¹⁴⁵. Вскоре архиепископ Максимиан получил от императора паллиум¹⁴⁶. Это облачение на Востоке носили лишь патриархи, а в Италии папы и (в V в.) епископы Остии¹⁴⁷. Право ношения паллиума давало равеннскому архиепископу исключительный статус в Италии¹⁴⁸. Об особом положении равеннской архиепископии свидетельствует тот факт, что император Юстиниан I перенес прах покровителя Равенны св. Аполлинария из Равенны в Константинополь¹⁴⁹. При Максимиане в Восточной Италии развернулось широкое церковное строительство, которое было бы невозможно без поддержки императора. Знаком преданности Максимиана Юстиниану I и намеком на личное знакомство с государем стало мозаичное изображение в церкви Св. Виталия: император в окружении придворных рядом с архиепископом Максимианом¹⁵⁰.

Следующий равеннский архиепископ Агнелл (556–569) еще сильнее укрепил связи своей кафедры с Константинополем. При нем архиепископия получила в дар все имущество готской арианской церкви. В освященном им храме Мартина Исповедника также было помещено изображение архиепископа рядом с императором¹⁵¹.

Беспрецедентное усиление Равеннской церкви вскоре стало вызывать все большее беспокойство у наместника Св. Петра и послужило причиной ряда конфликтов. На протяжении двух лет (593–594) ситуацию осложняло дело о паллиуме¹⁵². Григорий Великий добивался, чтобы архиепископ Равенны Иоанн (574–595) надевал его только во время торжественной службы. Последний отвергал папские домогательства. Поддержавший его экзарх Роман (589–596) занялся распространением анонимной книжки («libellus»), где утверждалось, что папа изменил империи. Император Маврикий потребовал, чтобы Григорий I отступился от равеннского архиепископа¹⁵³.

Фоном для этих коллизий были столкновения между папой и константинопольским патриархом по поводу титула «Вселенский». Этот титул был утвержден Маврикием за патриархом Кириаком (595–606), что было воспринято в Риме как унижение¹⁵⁴. Одновременно папа встретил непонимание в столице по вопросу об «Истрийской

схизме». Снисходя к просьбе Пелагия II, экзарх Смарагд в 588 г. захватил в Градо аквилейского патриарха Севера и трех его епископов, привез в Равенну и заставил отречься от «Трех Глав»¹⁵⁵. Отпущенные домой мятежные епископы вновь обратились к схизме, и Миланский еретический собор 589 г. направил письмо императору с просьбой защитить их от произвола чиновников. В письме заключался недвусмысленный намек на возможность отъезда ряда епископов Истрии к лангобардам¹⁵⁶. Император, осознавший серьезность угрозы, отозвал из Италии Смарагда¹⁵⁷. Вплоть до гибели Маврикия экзархи отказывались вмешиваться во взаимоотношения папы и приверженцев схизмы. Сложившаяся ситуация была, бесспорно, выгодна для архиепископа Равенны. Решение в пользу патриарха вопроса о титуле «Вселенский» впервые открывало перед Равенной перспективы церковной независимости. В 592 г. сам папа был вынужден смириться с положением дел, сложившимся в результате лангобардского завоевания, и подчинить равеннской архиепископии все церкви экзархата и Пентаполей (часть из них прежде подчинялась непосредственно Риму)¹⁵⁸.

Присутствие на севере Италии епископов-«схизматиков», в сущности, было на руку архиепископам Равенны: оттеняло их ортодоксальность, ослабляло папство, наконец, избавляло от необходимости бороться за церковное преобладание в Северной Италии с Аквилеей и Миланом. Поддержать еретиков равеннская кафедра, разумеется, не могла. Характерно, однако, что она проявила полную индифферентность к действиям в Истрии экзарха Смарагда. Имя архиепископа упоминается в связи с этой историей лишь однажды. Павел Диакон говорит, что экзарх «принудил (истрийских епископов. — О. Б.) к общению с равеннским епископом Иоанном»¹⁵⁹.

Дальнейшее развитие событий было, однако, не в пользу Равенны. В 593 г. миланская архиепископия откололась от схизмы¹⁶⁰. Одновременно Равенна утратила власть над диоцезами, входившими в архиепископию Милана¹⁶¹. В 595 г. в Равенне умер епископ Иоанн. Папе удалось провести на равеннский престол своего ставленника Мариниана¹⁶². Последний попытался было посвятить избранного против воли папы нового епископа Салоны Максима, но был вынужден уступить папе и принести ему покаяние¹⁶³. В это же время в пользу папы был решен вопрос о церковном управлении Иллирии, право на которое римского престола оспаривалось Константинополь-

ским патриархом¹⁶⁴. Успехи папства в церковно-административной сфере стали возможны как следствие общеполитических успехов Григория I, важнейшими из которых были достижение мира с лангобардами и стабилизация границ Римского дуката. В таких условиях равеннскому архиепископу приходилось идти на уступки. Переворот 602 г. в Константинополе и сближение империи и папства при императоре Фоке окончательно пресекли равеннскую антиримскую фронду. Так закончился первый этап борьбы Рима и Равенны. В ходе этой борьбы равеннская архиепископия продемонстрировала свою силу и влияние, осознала необходимость действовать в союзе с империей, наконец, добилась ряда приобретений как материального, так и морального характера, которые могли послужить в будущем хорошей базой для претензий на самостоятельность. Среди этих приобретений, кроме уже перечисленных, было важнейшее право влиять на выбор очередного папы, пусть полуофициальное, но признаваемое самой римской курией. *Liber Diurnus* дает формулу обращения к равеннскому архиепископу в связи с предстоящим утверждением римского папы. «Просим тебя, святейший и блаженнейший отец, — гласит формула, — способствовать тому, чтобы славнейший экзарх сделал это (произвел назначение папы. — *О. Б.*)»¹⁶⁵. Показательно, что папская канцелярия даже в официальном документе не делала секрета из того, что авторитет архиепископа Равенны держался на его альянсе с византийской администрацией.

Сравнительно спокойные отношения Равенны с Римом продолжались более сорока лет. Они были естественны в то время, когда Рим поддерживал церковную политику Константинополя. Лишь с началом конфликтов по поводу монофелитства (40-е гг. VII в.) перед Равенной встала возможность выбора между папством и империей. Впрочем, равеннские архиепископы довольно долго не использовали эту возможность, предпочитая постепенно накапливать силы для решительных действий. При Северине (638–640), Иоанне IV (640–642), Феодоре I (642–649) они сохранили лояльность по отношению к папам-антимонифелитам. Наряду с этим они избегали прямых высказываний против официальной религиозной доктрины. Более того, в 40-е гг. VII в. Равенна стала в Италии своеобразным анклавом монофелитства. Как известно, константинопольский патриарх-монофелит Пирр (638–641, 655), низложенный во время краткого правления Константина III (641), уехал в Аф-

рику, а затем в Рим и здесь присоединился к ортодоксии. Переехав в 647 г. в Равенну, он снова перешел в монофелитство¹⁶⁶. Ясно, что обстановка в экзархате больше всего благоприятствовала именно этому исповеданию.

В то же время папа Феодор, вскоре проклявший бывшего константинопольского патриарха Пирра и нового Павла (641–654), не упомянул архиепископа Равенны, так как последний не дал для этого формальных оснований. Равеннская архиепископия, во главе которой стоял тогда крупный политик епископ Мавр (642–671), сумела сохранить нейтралитет даже в годы правления активнейшего антивизантийца Мартина I. Когда в 649 г. Мавр получил приглашение прибыть на Латеранский собор для того, чтобы принять участие в осуждении монофелитства, он не поехал в Рим лично, хотя и не препятствовал приезду туда своих суффраганов. На одном из заседаний было прочитано его письмо, в котором он ссылаясь на опасности пути через лангобардские территории и в обтекаемых выражениях обещал присоединиться к будущим решениям собора¹⁶⁷. Измена экзарха Олимпия, состоявшего в союзе с папой Мартином, превратила Мавра, по верному замечанию А. Симонини, в единственную опору империи в Италии¹⁶⁸. Власть Олимпия, видимо, практически не распространялась на Равенну.

Новый экзарх Феодор Каллиопа (643–645, 653) нашел Мавра в Равенне, пользующимся самым высоким авторитетом в городе и готовым принять представителя империи. Экзарх сразу же отправился в Рим с тем, чтобы арестовать папу Мартина I¹⁶⁹. Видимо, он нашел в Равенне верное империи войско.

Резкое ослабление позиций папства поднимало акции равеннской архиепископии, но и в этой ситуации Мавр не допустил ни одного опрометчивого шага. Началась всесторонняя подготовка к борьбе с Римом. В эти годы Мавр многократно посылал богатые дары императору Константу¹⁷⁰. При нем был выплачен колоссальный налог в 15 000 солидов с сицилийских владений архиепископии сразу за 15 лет¹⁷¹. Экспедиция, организованная Мавром в Сицилию¹⁷², ставила целью доставить архиепископии средства для ведения борьбы. Укреплялись личные связи архиепископа с крупнейшими представителями императорской администрации. Экзарху Каллиопе были предоставлены дом в Римини и обширные церковные имения на условиях льготного эмпитевсиса (Tjäder 44). Вскоре войсками экзарха был разгром-

лен небольшой город Вогенца в дельте По, епископ которого отказывался принять монофелитство. Территория диоцеза Вогенцы была, по существу, присоединена к равеннской архиепископии¹⁷³.

В архиепископской канцелярии спешно изготовлялись подложные документы: эдикт императора Валентиниана III о предоставлении равеннскому архиепископу власти над 14 диоцезами Восточной Италии¹⁷⁴ и «Мученичество св. Аполлинария» — житие, из которого вытекало, что христианские общины в Равенне и в Риме сложились как равноправные и практически одновременно¹⁷⁵. Получила оригинальное оформление равеннская церковная литургия, имевшая определенные отличия от римской. Вскоре она стала оказывать влияние на литургическую практику других итальянских Церквей¹⁷⁶.

Новый папа Виталиан (657–572) первым среди римских понтификов признал Мавра архиепископом¹⁷⁷. Видимо, вскоре после этого Мавру впервые удалось получить от императора грамоту, предоставляющую ему церковную самостоятельность. Ее формулировка, однако, не отличалась особой четкостью, и архиепископская дипломатия продолжила работу. В 666 г., когда император Константин II находился в Сиракузах, к нему выехал из Равенны экзарх Григорий¹⁷⁸ с подарками архиепископа и обоими фальсифицированными документами. Речь шла о том, чтобы предельно четко и недвусмысленно определить новые права равеннской архиепископии. Составленный в Сиракузах документ — *jussio*, утвержденный 1 марта 666 г., предусматривал следующее:

1) Равеннский архиепископ объявляется полностью независимым от римского престола, а Равеннская церковь — автокефальной.

2) Равеннскому архиепископу предоставлено право ношения *pallium*'а без каких-либо ограничений.

3) Новый архиепископ Равенны должен впредь посвящаться в сан тремя местными епископами — суффраганами без всякого участия Рима¹⁷⁹.

Таким образом, указанный документ предоставлял равеннскому архиепископу беспрецедентную самостоятельность. Достаточно сказать, что с V в. никто в Италии, кроме папы, не посвящался в сан своими суффраганами¹⁸⁰. На Востоке такого порядка придерживались только при возведении на престол патриархов¹⁸¹. Равеннская архиепископия стала единственной церковью Запада, не признающей примата папы. Ее предстоятель получил право высшей юрисдикции над

группой диоцезов, определенных в подложном эдикте Валентиниана III. Можно согласиться с А. Кариле, что равеннский архиепископ уже фактически осуществлял эту юрисдикцию и прежде¹⁸², но, конечно, признание таких полномочий в качестве официальных было этапным моментом в развитии территориальной экспансии равеннской церкви. В целом достижение Равеннской церковью автокефальности стало триумфом политики архиепископа Мавра.

Естественным следствием декрета об автокефальности был полный разрыв отношений Равеннской церкви с Римом. Папство, конечно, не могло примириться со столь откровенным покушением на свой авторитет. Запугавшись от вмешательства экзарха поддержкой, оказанной императору Константину IV во время мятежа узурпатора Мезеция, папа Виталиан вызвал архиепископа Мавра в Рим¹⁸³. Мавр ехать отказался. Папа объявил проклятие отступнику. Мавр в тех же высказываниях проклял римского папу. Все контакты между Римской и Равеннской церквами надолго пресеклись¹⁸⁴. Робкие антиравеннские акции папства (обращение с просьбой к императору, чтобы он заставил Мавра приехать в Рим на собор¹⁸⁵, перенос столицы диоцеза Вогенца в Феррару на занятую лангобардами территорию¹⁸⁶) ничего не могли изменить. После почти тридцатилетнего правления Мавр умер с репутацией освободителя Равенны от «ига римлян»¹⁸⁷. Его преемник Репарат (671–677) был первым архиепископом Равенны, посвященным в сан суффраганами¹⁸⁸. Отметим, что в свое время именно Репарат, аббат одного из монастырей и *vice-dominus* Равеннской церкви, был ее представителем в Сиракузах при дворе Константа II в момент получения *Privilegium*¹⁸⁹. Весьма вероятно, что теперь он вновь получил от императора подтверждение автокефальности¹⁹⁰. При нем же Равеннская церковь приобрела ряд экономических льгот¹⁹¹.

Однако, будучи вынужденной вести дипломатическую игру с Константинополем и Римом, Равеннская церковь могла добиться длительного успеха лишь при условии монолитного внутреннего единства. Таким единством она как раз и не обладала. Следующий архиепископ Феодор вступил в затяжной конфликт с собственным клиром из-за церковной кварты, которую он попытался включить в доход архиепископии. Встреченная им оппозиция была настолько мощной, что Феодор был принужден признать себя побежденным¹⁹². Поддержки империи, на которую, видимо, рассчитывал архиепископ, он не получил. Оставалось обратиться к Риму.

В 680 г. архиепископ Равенны был приглашен в Рим на Латеранский собор. Игнорировать это приглашение было труднее, чем предыдущие, так как собор в Риме должен был выразить отношение иерархов Италии к заседавшему в Константинополе VI Вселенскому собору, на котором было отвергнуто монофелитство¹⁹³. Феодор представил свою поездку клиру как подвижничество во имя Равеннской церкви, которое он вынужден совершить. По словам Агнелла, архиепископ уже имел предварительный сговор с папой Агафоном об отказе от автокефальности в обмен на материальные приобретения. В Риме он присягнул на верность папству, а новый папа Лев II, преемник умершего Агафона, удовлетворил его просьбы экономического характера¹⁹⁴. В папскую канцелярию был передан подлинник императорского декрета о равеннской автокефальности. Равеннская церковь вновь попала в зависимость от Рима¹⁹⁵.

Равеннская автокефальность стала наивысшим достижением антиримской политики архиепископов Равенны. Почему она была так легко утрачена? А. Гийу дает следующую характеристику социальной базы движения за церковную независимость: «Население Равенны вновь поднялось: на этот раз... против римского папы»¹⁹⁶. История борьбы за автокефальность подробно описывается Агнеллом, отражена в ряде других документов, но ни в одном из них не говорится, что за автокефалию выступало все население города. Договор архиепископа Феодора с папой Львом не вызвал противодействия ни в войске, ни среди мирян. С ним примирились даже клирики, несмотря на сопутствовавшие ему материальные потери. В источниках не назван ни один равеннский мирянин (кроме экзарха Григория), кто способствовал бы получению Равенной автокефалии. Неверно было бы считать, конечно, будто большинство равеннцев не одобряло автокефальности. Но важно, что ее провозглашение знаменовало разрыв всяких отношений между равеннской и римской кафедрами и папское проклятие. Всем равеннцам, имевшим деловые связи с Римом (чиновники, купцы, военные, духовенство), это несло вполне ощутимые невыгоды, а моральные последствия экскоммуникации были небезразличны для большинства населения экзархата. В таких условиях раскол в рядах Церкви и сговор с папой самого архиепископа подрубали основы автокефальности. Во внешнеполитической сфере отход империи от монофелитства и прекращение ее конфликтов с Римом вновь, как и

в начале VII в., заставили Равенну проявить лояльность к престолу Св. Петра, а первым условием такой лояльности был отказ от автокефалии.

Следующий римско-равеннский конфликт разразился в 705 г. и был связан с деятельностью архиепископа Феликса (705–723). Будучи избран на равеннский престол и приехав в Рим для утверждения, Феликс отказался подписать так называемые *cautiones* — документы, содержащие обещания признавать решения Латеранских соборов, нормы церковного права и не выступать против единства церкви и государства¹⁹⁷. Его поддержал кто-то из византийских чиновников (Феликс опирался на «*potentiam iudicium*»)¹⁹⁸. По-видимому, Феликс претендовал на восстановление автокефалии. Его конфликт с Римом продолжался несколько лет.

Время, однако, было выбрано неудачное. В 708 г. новый папа Константин признал решения Пято-Шестого Вселенского собора¹⁹⁹. Идеиная основа для столкновений между империей и Римом исчезла. Западная политика императора Юстиниана II была направлена на установление союза с римской курией²⁰⁰. В таких условиях фронда епископа Феликса воспринималась в Константинополе как оппозиция не столько Риму, сколько империи. Захваченный в плен в результате карательной экспедиции стратига Сицилии Феодора, а затем ослепленный, архиепископ Феликс смог вернуться в Равенну лишь в правление Вардана-Филиппика. Вероятно, благодаря конфликту этого императора с папством Феликсу удалось осуществить свою мечту: в течение года он являлся автокефальным архиепископом Равенны. Однако царствование Вардана-Филиппика оказалось недолговечным. Император Артемий-Анастасий (713–715) восстановил ортодоксию. Архиепископ Феликс был вынужден подчиниться папе²⁰¹. Свои богословские сочинения, о которых почти ничего достоверно не известно, он сжег по возвращении в Равенну²⁰². Возможно, в них содержалось обоснование равеннской церковной самостоятельности. Так закончилась последняя в течение византийского периода истории Равенны попытка архиепископии выступить против папства.

Верно ли считать Феликса, как это делают некоторые историки, «антивизантийским епископом»²⁰³? На протяжении всей жизни он ни разу не выступил против империи, ни разу не ослушался императора. При Вардане он обратился к монофелитству, при Анастасии — безропотно вернулся к ортодоксии. У Юстиниана II, помимо общих

политических соображений, не связанных, в сущности, с поведением равеннского архиепископа (ведь его противодействие папству было делом обычным!), имелись, возможно, основания для мести Феликсу, но чисто личного характера. В составе равенских папирусов сохранилась грамота папы Пасхалия I (817–824), подтверждающая пожалования, полученные Равеннской церковью от прежних пап и императоров (Magini 11). В ней, в частности, упоминается о привилегии, дарованной архиепископии императором Леонтием (695–698)²⁰⁴ по просьбе архиепископа Дамиана (688–705). О сути привилегии ничего не говорится. Важно, однако, то, что ее даровал Дамиану Леонтий — узурпатор, свергший Юстиниана II. Феликс в этот период уже занимал видный пост — был аббатом монастыря Св. Варфоломея в Равенне²⁰⁵. Он мог быть причастен к подготовке почвы для получения привилегии, мог входить в состав посольства в Константинополь и т. д. Контакты с узурпатором, конечно, должны были запятнать архиепископа в глазах Юстиниана II. Но, по существу, равеннская архиепископия и при Леонтии продолжала политику принципиально проимперскую. Именно поэтому для нее было не столь уж важно, кто конкретно находится на престоле. Восстание 710/711 гг., последовавшее за византийским нападением, было, конечно, движением антиимперским, но оно началось с отъездом Феликса и кончилось его прибытием, т. е. развивалось без малейшего его участия. Вследствие всего этого видеть в Феликсе нарушителя традиций проимперской политической ориентации равеннской архиепископии нет оснований.

Изменилась ли политика равеннской архиепископии в дальнейшем, в последние годы византийского владычества, и как она сочеталась с действиями и настроениями других общественных сил? Восстание 710–711 гг. (о нем см. ниже) продемонстрировало равенским сепаратистам их собственные возможности. Опираясь на приобретенный опыт, они приняли активное участие в антииконоборческой кампании в Италии²⁰⁶. Вслед за изданием иконоборческих эдиктов папа Григорий II «отложил от империи всю Италию»²⁰⁷. На местах была избрана новая администрация взамен византийской²⁰⁸. В 727 г. в Равенне был убит экзарх Павел²⁰⁹. Стратиг Сицилии Феодор, посланный с флотом для подавления восстания, потерпел жестокое поражение от равеннской militia²¹⁰. В сложившихся условиях архиепископ Равенны Иоанн был вынужден принять участие в Латеранском соборе, проклявшем иконоборчество²¹¹.

Однако даже в это время политика равеннского архиепископа не стала антивизантийской. В 732 г. Равенна пала под ударами лангобардов²¹². В это время равеннцы «изгнали» архиепископа Иоанна (723–748), который эмигрировал в Венето²¹³. Здесь же оказался византийский экзарх Евтихий (728–751). Антиимперскую оппозицию составили представители местной военизированной знати, поскольку любая другая власть, даже лангобардская, обеспечивала им большую свободу действий, чем господство Византии, стремившейся восстановить *status quo*.

Для освобождения Равенны венецианцы снарядили морскую экспедицию. Их войска высадились в районе Классиса и вскоре штурмом захватили Равенну²¹⁴; вместе с венецианцами в город въехал экзарх, вскоре призвавший сюда и архиепископа. Последовали репрессивные меры²¹⁵. Архиепископ вновь выступил в союзе с византийской администрацией.

Лишь падение византийской власти в Италии заставило равеннских архиепископов сменить политический курс. Равенна была захвачена королем Айстульфом в 751 г. В обстановке полной политической неразберихи архиепископу Сергию (744–769), пользовавшемуся поддержкой греческого духовенства, удалось в 754 г. утвердить свою власть в городе²¹⁶. Возможно, это была последняя попытка социальных сил, традиционно ориентировавшихся на Византию, сохранить за собой самостоятельную политическую роль. Некоторое время Сергей правил в Равенне как экзарх²¹⁷ (по словам Агнелла), но вмешательство римского папы привело к вызову епископа в Рим и заключению его в тюрьму. После восстановления на престоле в 757 г. он уже не проявлял значительной активности. С этого момента равеннская архиепископия никогда больше не претендовала на независимость от папства.

Сказанное не следует расценивать как свидетельство упадка равеннской архиепископии, утраты ею влияния в жизни города и области. Она оставалась одной из наиболее авторитетных церковных кафедр Италии. Во второй половине VIII в. и в последующие столетия митрополичья юрисдикция равеннских архиепископов обнимала епархии (диоцезы) Равенны, Сарсины, Чезены, Форлиμποполи, Форли, Фаэнцы, Имолы, Болоньи, Модены, Реджио, Пармы, Пьяченцы, Бресцелло, Вогенцы (позднее — Феррары) и Адрии²¹⁸. Впоследствии зона ее влияния еще увеличивалась (напр., за счет диоцеза Червии в

948 г.). Но речь идет о масштабе, с которым мы подходим к оценке событий изучаемой эпохи. В VII в. архиепископия в Равенне усилилась настолько, что смогла принять участие в дипломатической борьбе Рима и Византии. Для того чтобы сохраниться на этом уровне, ее внутренних ресурсов (материальных, социальных, идейных) было явно недостаточно. В самой Равенне существовали социальные группы, способные выступить против нее, в том числе часть знати и даже духовенства. Откровенно проимперская ориентация ее политики ставила все антивизантийские элементы перед необходимостью действовать вразрез с намерениями архиепископов. Поэтому когда исчезли уникальные политические предпосылки, на которых зиждилось влияние Равеннской церкви, она уже не могла играть прежнюю выдающуюся роль. С этого времени ее можно сравнивать с церковью Миланской, Аквилейской или Неаполитанской, но уже невозможно сопоставлять с папством.

ОППОЗИЦИЯ МОНОФЕЛИТСТВУ В ИТАЛИИ И «ДЕЛО» ПАПЫ МАРТИНА I

Для церковной истории Восточной Римской империи 30–80-е гг. VII в. были периодом длительной и напряженной борьбы монофелитства с Православием, завершившейся в конечном счете поражением «монофелитской ереси» и торжеством ортодоксии. На всем протяжении истории монофелитства заметную роль в борьбе с ним играли церковные иерархи Запада, и в первую очередь римские епископы. Эта роль пропорционально возрастала в те моменты, когда положение монофелитства в «коренных» восточных областях империи становилось особенно прочным, а репрессивная антиправославная политика правительства — особенно жесткой. Многие бежавшие с Востока приверженцы ортодоксии находили в это время приют и убежище в Италии, а резиденция римских понтификов, как правило (хотя и не всегда), превращалась в оплот борцов против монофелитства. Один из таких периодов приходится на конец 40-х — начало 50-х гг., когда папский престол занимал Мартин I (649–654/655). История жизни этого церковно-политического деятеля представляет научный и общечеловеческий интерес, по крайней мере, по трем причинам. Во-первых, папа Мартин был активным участником драматических событий в Риме и

Константинополе в середине VII в. — событий, оказавших ощутимое воздействие на судьбу Восточной империи и на историю ее взаимоотношений с Римом. Во-вторых, источники, сохранившие для нас сведения о жизни Мартина I, позволяют говорить о некоторых важных эпизодах политической истории VII в. с редкой для этого времени степенью подробности. Особенно это касается судебного процесса над мятежным папой в 654–655 гг. Третья причина — незаурядность личности Мартина I и трагичность его жизненного пути.

Жизни папы Мартина I посвящена специальная статья А. Гризара, опубликованная в 1907 г. в официальном органе Ватикана — журнале «*Civiltà cattolica*»²¹⁹. Его биография описана здесь тщательно и детально, но А. Гризар занимает по отношению к своему герою однозначную апологетическую позицию и ни в целом, ни в частностях не расходится с оценкой деятельности Мартина I, содержащейся в житийной литературе. Такой подход, конечно, нельзя признать удовлетворительным. Другие существующие работы о папе Мартине касаются лишь отдельных конкретных моментов или периодов его судьбы²²⁰.

Весь понтификат Мартина I теснейшим образом связан с борьбой ортодоксального христианства против монофелитства. Следует напомнить, что монофелитство, представлявшее собой учение о единой воле Христа, соответствующей Его единой ипостаси при двух природах: божественной и человеческой, было признано в 638 г. официальным исповеданием веры на территории всей империи, о чем и было объявлено Ираклием I в императорском эдикте «*ἑκδέσις τῆς πίστεως*»²²¹. Противоречащий основным принципам православной христологии «*ἑκδέσις*» встретил весьма сильное сопротивление среди верующих и духовенства Византии. Но если на Востоке монофелитство все же опиралось на определенную богословскую традицию, имело предшественников и последователей, то латинскому Западу оно было чуждым от начала до конца. Политическая цель, которую, по видимому, преследовала государственная власть, вводя монофелитство (создание условий для компромисса с монофиситами), перестала быть актуальной для Византии после арабского завоевания Египта. Для Рима она не была актуальна никогда.

Неудивительно, что «*ἑκδέσις τῆς πίστεως*» вызвал резкое неприятие в Риме со стороны папы Иоанна (640–642), а после его смерти — следующего римского епископа, Феодора I (642–649). В Италию эмигрировала большая группа представителей восточного духовен-

ства. Во второй половине VII в. Рим стал средоточием антимонофелитской церковной оппозиции, возглавлявшейся папой Феодором и переехавшим сюда же непримиримым борцом за православие хрисопольским монахом Максимом Исповедником. В 646 г. африканские епископы обращаются к константинопольскому патриарху Павлу с требованием отречься от ереси и просят императора Константа II воздействовать на него в этом направлении. Папа Феодор направляет Павлу собственное послание в поддержку требований африканских епископов и, не добившись согласия, отлучает константинопольского патриарха от Церкви.

Желая добиться примирения Церквей, Констант II издает новый указ, так называемый «*τύπος τῆς πίστεως*»²²². В нем василевс идет на уступку ортодоксам, повелевая убрать «*ἕκθεσις*», выставленный для обозрения перед входом в константинопольский храм Св. Софии. При этом, однако, отмечая наличие двух подходов к решению вопроса о единой воле Христа, законодатель запрещает обеим сторонам дискутировать по этому поводу. Таким образом, новый указ императора приравнивал друг к другу ортодоксов и монофелитов и не мог не вызвать возмущения в Риме. Но папа Феодор скончался 13 мая 649 г., не успев официально выразить свое отношение к «*τύπος*». Его преемником стал Мартин I.

Папа Мартин I, уроженец г. Тудер в Умбрии, занял престол 5 июля 649 г. До этого он был диаконом Римской церкви, а позже — апокриснарием (посланником) папской курии при императорском дворе в Константинополе²²³. Эту должность он занимал вплоть до избрания римским понтификом²²⁴.

Оказавшись во главе Церкви в сложный, конфликтный период ее истории, Мартин I выступил решительным продолжателем дела папы Феодора. В обычных условиях сразу после выборов их участники обращались к императору с просьбой об утверждении результатов. (Формула такого обращения сохранилась в «*Liber Diurnus*».) У Мартина I, с первых дней правления занявшего антимонофелитскую позицию, шансов на императорское утверждение не было, и поэтому после его избрания за ординацией в Константинополь, по-видимому, не обращались²²⁵. Это отступление от традиции спровоцировало, вероятно, оппозиционные настроения, в том числе и среди духовенства некоторых западных диоцезов²²⁶. Тем не менее новый папа немедленно начал подготовку к церковному собору, призванному осудить монофелитство.

Латеранский собор, на котором присутствовало 105 ортодоксальных епископов, открылся в начале октября 649 г. (заседания прошли 5, 8, 17, 19 и 31 октября)²²⁷. Наряду с иерархами Западной церкви в соборе принимали участие авторитетные антимонофелиты, бежавшие с Востока: Максим Исповедник²²⁸, его ученик Анатолий, Стефан — епископ города Доры, считавшийся в Иерусалимской церкви первенствующим иерархом после смерти патриарха Софрония. Мартин I выступил на соборе с большой вступительной речью, где, проанализировав догматику и историю монофелитства, обосновал вывод о его еретическом содержании²²⁹. Папу поддержали в своих выступлениях влиятельные участники собора — аквилейский патриарх Максим, епископ Деуседит из Сардинии (Кальяри), Стефан из Доры и другие. На соборе были оглашены *ἕκθεσις* и *τύπος*, ряд писем Кира Александрийского и константинопольских патриархов Сергия (610–638), Пирра (638–641, 655) и Павла (641–654), а также выдержки из сочинений уже осужденных Церковью еретиков. С использованием традиционной для таких случаев методики подведения под прецедент монофелитство было признано ересью, что и было зафиксировано в канонах Латеранского собора²³⁰. Собор осудил *τύπος* как документ, разрушительный для Церкви, «...в коем все высказывания святых отцов полностью парализованы нечестивейшими речениями еретиков»²³¹. Была провозглашена анафема основателям монофелитства Феодору Фаранскому, Киру Александрийскому, патриархам константинопольским Сергию, Пирру и Павлу. Верующие, в том числе и император, призывались уклоняться от монофелитской ереси. Латеранский собор заявил протест против запрещения ортодоксального латинского богослужения, осуществлявшегося прежде римскими апокрисиариями в дворцовой церкви дома Галлы Плацидии в Константинополе, а также против репрессий, обрушившихся на сотрудников папского представительства в столице, которые пытались, согласно полученным из Рима указаниям, отговаривать верующих от признания *τύπος τῆς πίστεως*²³².

Император Констант II, по-видимому, заблаговременно получил информацию о подготовке собора, имеющего целью осуждение его указа. С тем чтобы воспрепятствовать этому, осенью 649 г. он направляет в Италию вновь назначенного равеннского экзарха Олимпия. Римская «Книга понтификов» сообщает, что Олимпий получил задание, «в том случае, если найдет эту провинцию (Италию. — О. Б.)

согласной с изданным нами “*tyrus*”, собрать всех тамошних епископов и священнослужителей сельских и городских, чтобы они его подписали»²³³. *Tólos* следовало огласить во всех церквях Италии, Мартина же (по совету прежнего экзарха Италии Платона) арестовать. Предусматривалось, что если Олимпий столкнется в Риме с сильным сопротивлением, то будет молчать о последнем императорском задании до тех пор, пока не привлечет на свою сторону войско в Риме и в Равенне. После этого экзарх должен привести приказ в исполнение.

Однако меры, принятые правительством, запоздали. Олимпий прибыл в Италию в разгар Латеранского собора, когда решения последнего были уже predeterminedены, и стал немым свидетелем осуждения «*tólos*». На первых порах он пытался противодействовать папе Мартину и, как говорит источник, «стремился внести раскол в Церковь, опираясь на войско»²³⁴. Но известно, что к середине VII в. византийское войско в Италии почти полностью состояло из местных уроженцев и постепенно иррегуляризировалось, превращаясь в ополчение итальянских земельных собственников²³⁵. Поэтому оно вряд ли могло стать сколько-нибудь надежной опорой в борьбе против римского папы за чуждую итальянцам идеологическую программу. Олимпий не смог добиться раскола среди участников собора, а применить силу, видимо, был не в состоянии, так как практически ею не располагал. После принятия собором постановления, осуждающего монофелитство, папа Мартин, не стесняясь присутствия императорского эмиссара, предписывает размножить его текст и разослать всем епископам Запада и Востока²³⁶, а также направить лично императору Константу II. (Сохранились письма папы Мартина, сопровождавшие посылку соборного постановления императору, галльскому епископу Аманду, Иоанну — епископу Филадельфии, клиру, епископату и прихожанам Карфагенской, Иерусалимской и Антиохийской церкви²³⁷.) Когда епископ фессалоникийский Павел отказывается принять решения Латеранского собора, папа проклинает его и обращается к его пастве с призывом отказаться от общения с еретиком²³⁸. Сразу по окончании собора Мартин I суммирует его решения в окружном послании (энциклике) «*Всем, верным Христу*»²³⁹. В отчаянии экзарх Олимпий пытается подослать к папе убийцу с заданием заколоть Мартина I по окончании богослужения в церкви Девы Марии *ad Praesepe*. Но покушение не состоялось. По-видимому, убийца был разоблачен. («Книга понтификов» сообщает, что он якобы неожиданно ослеп и поэто-

му не смог нанести удар. Комментируя этот рассказ, английский историк П. Ллевеллин предполагает, что «пойманный за руку» преступник был ослеплен сторонниками папы)²⁴⁰.

Итак, замысел императора Константа II помешать папе Мартину I официально выступить против «*τύλος τῆς πίστεως*» потерпел полное фиаско. Объективно получалось так, что императорский указ, направленный на восстановление церковного единства, лишь усугубил брожение и смуту. Экзарх Олимпий имел все основания ожидать, что преследующие его в Италии неудачи будут истолкованы императором как нежелание проводить в жизнь его предначертания с самыми тяжелыми последствиями для виновного. «И вот, убедившись, что рука Божья хранит Мартина, святейшего папу, экзарх Олимпий счел необходимым вступить в согласие с понтификом и все, что ему было приказано, рассказать святейшему мужу»²⁴¹. Заключив мир с Римской церковью ценой измены василевсу, Олимпий сжег за собой мосты, и ему оставалось только отложиться от империи. В течение последующих четырех лет он, в полном согласии с папой Мартином I, полновластно и самостоятельно правил в Италии. Силы империи были скованы войной с арабами в Малой Азии, Армении и на Крите. Центральное правительство не имело возможности послать в Италию значительное войско, а без этого рассчитывать на успех в борьбе с Олимпием не приходилось. Очевидно, что верность *exercitus Italicus* Олимпию обеспечивалась его союзом с папой Мартином — союзом, основанным на идее защиты ортодоксального христианства от еретических новаций Константинополя²⁴². В 653 г. высадка арабов в Сицилии заставила Олимпия выступить на юг для отражения агрессии, но вскоре в войске началась эпидемия, жертвой которой стал и сам узурпатор²⁴³.

События 653 г. резко изменили положение дел в Италии. Преданное папе войско — *exercitus* — было лишено предводителя, ослаблено эпидемией и находилось вдали от Рима. Впервые за четыре года судьба предоставила Константу II возможность рассчитаться с папой Мартином. Император направляет на Апеннины нового экзарха Феодора Каллиопу с заданием принудить страну к покорности и арестовать мятежного папу. В качестве помощника Каллиопы в Италию был послан и другой высокопоставленный чиновник — кувикулярий Феодор Пеллурий. Феодор Каллиопа был уроженцем Италии, хорошо знал и умел учитывать местные условия²⁴⁴. В отличие от Олим-

пия он начал свой путь с Равенны — официальной столицы экзархата. Здесь в отсутствие экзарха правил как лидер не только духовный, но и светский, архиепископ Мавр — авторитетный и сильный церковный политик, добившийся впоследствии автокефалии для равеннской архиепископской кафедры. В своих политических притязаниях Мавр возлагал большие надежды на поддержку императора и был единственным влиятельным епископом в Италии, уклонившимся под благовидным предлогом от участия в Латеранском соборе 649 г.²⁴⁵ Население Равенны традиционно было более лояльно по отношению к империи, чем население Рима. Используя эти благоприятные для него факторы, Феодор Каллиопа утвердился в Равенне и вскоре выступил оттуда в Рим во главе местного *exercitus*.

Возможно, что остатки армии Олимпия к этому времени возвратились из Сицилии, но в любом случае они не могли противостоять свежему равеннскому войску. Рим практически оказался лишенным защиты, сам же папа Мартин уже восьмой месяц лежал в Латеранском дворце, разбитый подагрой. Ожидая подхода войска экзарха, он приказал приближенным перенести свое ложе в базилику императора Константина при Латеранском дворце и поставить у алтаря, надеясь, по-видимому, что здесь его не посмеют тронуть. Тем не менее экзарх Каллиопа чувствовал себя крайне неуверенно. Он помнил о судьбе Олимпия, понимал, что население Рима оказывает папе полную поддержку, поэтому постоянно опасался провокаций, а при необходимости готов был, пожалуй, и отказаться на какое-то время от исполнения императорских распоряжений. Неуверенность в успехе постоянно сквозит в поведении экзарха с момента его приближения к Риму.

В субботу 15 июня 653 г. Феодор Каллиопа подошел к Вечному городу. Папа выслал ему навстречу делегацию клириков, от которых Каллиопа узнал о его недуге. Экзарх просил передать папе соболезнования и обещал навестить больного назавтра, в воскресенье. Войдя в город, Каллиопа остановился на Палатине в бывшем дворце римских цезарей, где и провел ночь. Наутро, однако, он не поехал в Латеран, а прислал гонца с извинением, сообщив, что очень устал с дороги и навестит папу на следующий день. Позднее Мартин, в письме к своему другу, константинопольскому монаху Феодору, объяснил бездействие экзарха тем, что тот опасался, как бы народ, собравшийся в церкви Латерана на воскресную мессу, не воспрепятствовал его намерению арестовать папу²⁴⁶.

На следующее утро, в понедельник, в базилику Константина прибыл с отрядом воинов очередной посланец Каллиопы и обвинил папу от имени экзарха в том, что тот спрятал якобы в церкви вооруженных солдат и заготовил для обороны оружие и камни. Папа предложил пришельцам обыскать базилику, в которой ничего не было обнаружено. Уверившись, что сопротивление оказано не будет, воины Каллиопы осмелели и впервые подвергли папу оскорблениям и обвинениям в государственной измене, однако вскоре удалились.

В полдень в базилику ворвался отряд солдат, которые учинили в здании погром, поломали церковные канделябры и избили священников, пытавшихся заслонить собой ложе папы Мартина. Затем появился экзарх Каллиопа, с ним кувикулярий Пеллурий и другие высшие чиновники экзархата. В присутствии папы был оглашен приказ Каллиопы. В нем говорилось, что Мартин занял престол Св. Петра незаконно, ибо не получил императорского утверждения, и должен быть потому низложен и выслан в Константинополь. На время отсутствия папы для управления Церковью назначалась коллегия из двух священнослужителей и одного светского чиновника («archidiaconus et archipresbyter et primicerius locum»)²⁴⁷.

Мартин I заявил протест против предъявленных ему обвинений, но согласился ехать в Константинополь. В будущем он напишет: «Мы не были готовы к битве; я решил, что лучше умереть, чем пролить чью-то кровь»²⁴⁸. Если бы папа в этот момент воспротивился приказу, скорее всего, события приняли бы более выгодный для него оборот. Экзарх Каллиопа явно опасался конфликтов с населением Рима, а паства Мартина была готова поддержать своего епископа. Отсюда — нерешительность экзарха, его стремление сглаживать острые ситуации, предпринимать серьезные шаги лишь после длительного зондирования и т. д. Согласившись отправиться в столицу империи, папа требует разрешить ему взять с собой большую группу сподвижников: «епископов, пресвитеров и диаконов». Каллиопа отвечает: «Если кто захочет — пусть едет с Богом. Мы принуждать их не будем». Ответ папы: «Клир находится в моей власти!» — и весь клир кричит в ответ: «С ним живем, с ним и умрем!»²⁴⁹. Услышав эти крики, Каллиопа спешно обращается к папе с просьбой проследовать в его дворец, и Мартина I уносят на Палатин.

Приведенный только что диалог дает возможность объяснить причину согласия папы Мартина I уехать из Рима. Он намеревался при-

быть в Константинополь во главе целой партии соратников и перед лицом императора обличить монофелитство в его собственном гнезде. После большой теологической работы, проведенной Латеранским собором 649 г. под его руководством, папа был готов к любой дискуссии о монофелитстве и полностью уверен в победе. В ориентации на такую дискуссию заключалась ошибка папы Мартина. Осознавая преимущества его положения как богослова, противники папы вообще не собирались беседовать с ним о вере. Речь могла идти только об аресте политического преступника и о суде над ним. Показательно, что когда папу вынесли из базилики, а вслед за ним вышел и экзарх, то из толпы клириков раздались крики: «Анафема тем, кто заявляет, что Мартин хоть на йоту изменил или хочет изменить вере; анафема также тем, кто не будет до самой смерти стоять за веру православную!»²⁵⁰. «Услышав это, Каллиопа стал убеждать (собравшихся. — О. Б.), что не имеет никакой иной веры, кроме той, кою исповедуем мы, и вовсе не верует иначе»²⁵¹. Еще в эту минуту папа Мартин имел реальную возможность сорвать замыслы своих противников, что превосходно понимал и Каллиопа. Впрочем, в той острой вероисповедной ситуации, в какую попало византийское правительство в связи с введением монофелитства, представители византийской власти вообще стремились избегать богословских дискуссий в полном соответствии с требованиями «*τύπος τῆς πίστεως*». Мы увидим в дальнейшем, что и в Константинополе папу Мартина будут обвинять в политических преступлениях, но не в преступлениях против веры. Естественно поэтому, что экзарх Каллиопа вовсе не намеревался везти в Константинополь целый антимонофелитский собор.

Делегация мирян и клириков, собравшихся ехать вместе с папой в столицу империи, вскоре посетила его в Палатинском дворце. Экзарх узнал, что собравшиеся в путешествие сторонники Мартина I уже перенесли в порт свой багаж. Действовать нужно было незамедлительно. 19 июля, после месячного заключения на Палатине, папу неожиданно разбудили на рассвете и перенесли в один из римских городских портов (Treverge). Путь пролегал через греческие кварталы Рима мимо известной базилики S. Maria in Cosmedin. Сторонники папы, узнавшие о том, что он покинул Палатинский дворец, бросились вслед, но натолкнулись на запертые ворота порта Treverge. Ворота не открывали до тех пор, пока Мартина I не погрузили на небольшое судно, причем разрешили взять с собой только шестерых слуг и

кравчего («сауculus»). Около четырех часов пополудни корабль вышел в море. Спустя несколько дней он прибыл в порт Месена (Мессина) на Сицилии, где уже было приготовлено судно для отправки в Константинополь.

По словам папы Мартина, этот второй корабль «стал для него тюрьмой»²⁵². В течение трех месяцев папу везли на нем — сначала вдоль берегов Калабрии, а затем — через Адриатику и далее, мимо многочисленных островов Архипелага. На корабле папа страдал от подагры и невозможности помыться в бане, так как ни на одной из многочисленных стоянок его не сносили на берег. Наконец корабль добрался до о-ва Наксос, назначенного местом временного заключения папы Мартина, где он провел год и, как отмечает сам в одном из писем, два или три раза имел возможность посетить баню. Здесь на Наксосе, как и на других островах, было немало христиан-ортодоксов, как священников, так и мирян, не разделявших монофелитские идеи и сочувствовавших папе. Многие из них неоднократно пытались передать папе вещи и продукты, но стражники возвращали им приносимое со словами: «Если что-нибудь передадите ему, то будете врагами империи»²⁵³. От дурного питания папа летом 654 г. заболел на Наксосе дизентерией. Однако это обстоятельство не помешало тюремщикам вновь погрузить его на корабль и отправить в Константинополь, так как, по-видимому, из столицы пришло известие, что подготовка к суду над папой завершается. Судно имело кратковременную стоянку в Авидосе, откуда императору было послано уведомление, что пленник вот-вот прибудет в Новый Рим²⁵⁴.

Корабль с папой Мартином I на борту пришел в Константинополь около 10 часов утра 17 сентября 654 г.²⁵⁵ и пришвартовался в гавани св. Евфимии недалеко от дворца Аркадион. Лица, сопровождавшие Мартина, отправились за инструкциями, а арестованный папа остался лежать на корабле на своем ложе, подвергаясь издевательствам сбежавшихся городских люмпенов. Пришли в порт и сторонники папы, в том числе автор «*Commemoratio*», который писал: «Весь день я провел на берегу, изнемогая от скорби и любви, поскольку столь униженным видел святого мужа»²⁵⁶. Однако никаких попыток ограбить папу от надругательств, как видно, не удалось предпринять.

К вечеру в порт прибыл отряд экскувитов во главе с императорским нотарием Саголебей, и папа был перенесен в примыкающую к казарме экскувитов тюрьму Прандеария, где и содержался в полном

одиночестве, «так, чтобы никто в городе не знал», что он находится в этом здании²⁵⁷. Но сторонники папы довольно скоро выяснили место его заключения, нашли способ установить с ним контакт и даже вступили в переписку. Письма папы, поступавшие из тюрьмы, широко распространялись в антимонофелитской среде, и благодаря этому два из них (адресованные монаху Феодору) сохранились до сих пор. В них папа описывает перипетии своего пленения и трудный путь до Константинополя, жалуется на продолжающуюся дизентерию и полное отсутствие лекарств, высказывает убежденность в своей невинности и правильности своих вероисповедных принципов.

Друзьям папы Мартина удалось сообщить ему в тюрьму о существовании некоторых обвинений, которые ему намеревались предъявить. В частности, он узнал, что обвиняется в сношениях с арабами; в том, что якобы посылал им деньги и подарил том Библии с целью обращения неверных в христианство. Кроме того, он будто бы протестовал против наименования Девы Марии Богоматерью, так как разделял божественную и человеческую природы Христа и полагал, что Пресвятая Дева произвела на свет лишь человеческую оболочку («*creaturam et naturam humanam*») Сына Божьего. В первом письме Феодору папа клянется, что не имел никаких контактов с арабами, — разве только к ним случайно могли забрести встречавшиеся прежде с папой миссионеры. Он провозглашает анафему тем, кто «не любит и не чтит» Богородицу, и отвергает все обвинения в ереси²⁵⁸. Возможно, данное письмо стало известно обвинителям папы и показало им, что понтифик располагает аргументами для защиты своей позиции: во всяком случае, на самом процессе папы Мартина мариалогические проблемы не затрагивались.

Мартин I провел в заключении в Прандеарии 93 дня. В пятницу 19 декабря 654 г. он был доставлен на заседание Сената в резиденцию сакеллария. «*Nuromnesticum*» сообщает имя этого сакеллария — Вуколеон²⁵⁹. Под его председательством и состоялся суд над папой Мартином, о ходе которого пойдет речь ниже (процесс и все последующие события вплоть до высылки папы из Константинополя подробно описываются в «*Commemoratio*»).

Первым делом папе было приказано встать и отвечать на вопросы стоя. Но ослабленный болезнями старик был не в силах держаться ногам, и потому стражникам было велено поддерживать его с двух сторон. Поскольку папа не владел греческим языком, в процессе

участвовал переводчик — некто консул Иннокентий из Африки. Сакелларий начал с вопроса: «Скажи, несчастный, что плохого сделал тебе император? Обидел тебя чем-нибудь? Притеснял тебя силою?» Папа молчал. «Молчишь? — продолжал сакелларий. — Ввести обвинителей!»²⁶⁰

Ввели многочисленных свидетелей обвинения, большую часть которых составляли византийские военные командиры из Италии. Некоторые из них служили в войске узурпатора Олимпия и теперь стремились загладить вину перед императором. Разумеется, их показания были согласованы заранее и, как отмечает автор «Commemoratio», «предумышленны и сфабрикованны» («praemeditatae et preparatae»). Выслушав обвинявших, папа саркастически заметил: «Это — свидетели? Ну и порядки!» («Isti sunt testes? Sic habet ordo!»)²⁶¹. Но поток свидетелей не прекращался, и папа обратился к суду: «Умоляю вас перед Богом, не заставляйте их клясться. Пусть без клятвы говорят, что хотят, а вы делайте, что хотите. Зачем нужно, чтобы клятвами они губили свои души?»²⁶²

Однако основное обвинение, предъявленное папе, — участие в возмущении экзарха Олимпия — было не так-то просто опровергнуть. Первым его сформулировал патрикий Сицилии Дорофей, заявивший, что папу «следовало бы лишить жизни, имей он хоть 50 голов, поскольку он один смутил, разрушил и отнял (у империи. — О. Б.) весь Запад, был искренним союзником Олимпия и смертельным врагом императора и римского государства»²⁶³. Это же обвинение было повторено еще несколькими выступавшими. Собравшись с мыслями, папа решил отвечать: «Если вы хотите знать правду, то скажу вам следующее: когда *tyrus* был составлен и направлен императором в Рим...» В ту же секунду с мест раздались негодующие крики, и папе помешали говорить. Префект города (эпарх) Троил, перекрывая шум, вскричал: «Нечего рассуждать здесь о вере, как ты пытаешься делать, — ведь и римляне, и мы православные христиане!» «Если бы! — отвечал папа. — Ведь почему-то вы и здесь хотите запугать меня этой толпой свидетелей!»²⁶⁴

Троил вновь обратился к обвиняемому: «Что ты за человек, если, узнав, что Олимпий злоумышляет подобное против императора, ты не воспрепятствовал ему, но, напротив, сам вступил с ним в согласие!» Спокоен и ироничен был ответ папы: «Господин Троил! В тот день, когда, как вы хорошо знаете, да и мы слышали, Георгий, бывший

магистрат и монах²⁶⁵, из военного лагеря пришел в город, и такие же дела творил, и то же говорил, — где был ты и те, что сейчас с тобою? Почему не воспротивился ты ему? Напротив, он выступал перед вами и тех, кого хотел, удалил и выслал из дворца. Потом при Валентине, который с согласия императора облачился в пурпур и воссел рядом с ним (на престол. — *О. Б.*)²⁶⁶, куда вы девались? Или вас здесь не было? Почему не воспрепятствовали ему, заявив: “Не трогай того, что не принадлежит тебе!”? Так как же мог я противостоять этому человеку, если он командовал всем итальянским войском? Может быть, это я поставил его экзархом? (“*An potius ego illum feci exarchum?*”). Однако вновь прошу вас, поскорее исполняйте то, что вы решили со мною сделать. Ибо ведает Бог, что вы принесете мне большое благо, если приговорите к казни»²⁶⁷.

Итак, в своем выступлении на суде папа Мартин применил эффектный полемический прием: оправдываясь, он сам перешел в наступление, обвинив Троила и сенаторов в преступном бездействии в ходе государственных переворотов в Константинополе. Мартину, конечно, помогло великолепное знание политической жизни столицы, приобретенное в те годы, когда он был здесь апокрисиарием. Между тем очевидно, что, указывая на невозможность противиться Олимпию, папа кривил душой: ведь именно до тех пор, пока Олимпий не перестал бороться с папой, его преследовали постоянные неудачи; в первую очередь папу, а не Олимпия, воспринимало как своего лидера римское войско. Однако доводы папы произвели сильное действие на обвинителей: они смешались, не зная, что говорить дальше. Сакелларий обратился к нотарию Саголебе: «Есть ли еще те, кто должен нынче свидетельствовать?» Саголеба отвечал: «Есть, господин; еще — во множестве». Опрос свидетелей продолжился. Но теперь папа более не молчал, а напротив, решительно опровергал даваемые против него показания. Не выдержав, сакелларий закричал переводчику: «Зачем переводишь то, что он говорит? Не смей повторять, что он говорит!» Затем, прервав заседание, отправился к императору доложить о ходе процесса и узнать, что следует делать дальше.

Папу же тем временем вывели во двор и поставили посредине под охраной солдат на виду у толпы. Вскоре сакелларий получил необходимые инструкции, и Мартина потащили на ипподром, где должна была теперь состояться церемония его низложения и поругания. На ипподроме собрался Сенат; трибуны заполнили толпы го-

рожан. Папу поставили в центре ипподрома, как отмечает источник, «таким образом, чтобы император мог видеть из окна триклиния, что произойдет дальше». Из императорского триклиния вышел сакелларий. Он приблизился к Мартину и вскричал: «Видишь, к чему привел тебя Господь, передав в наши руки! Вот покинул ты Бога, и Бог покинул тебя!» Затем позвал экскувита и приказал лишить Мартина знаков папского достоинства. С папы сорвали облачение («псахсион») и изорвали его в клочья, с ног сняли особые сандалии («кампаги») ²⁶⁸. Сакелларий обратился к Троилу: «Возьми его, господин префект, и четвертуй немедленно», и призвал толпу проклинать Мартина. Но, очевидно, большинство присутствовавших испытывало сострадание к папе. Из толпы раздалось лишь несколько разрозненных выкриков с проклятиями. Папу передали в руки палачей, которые быстро раздели его донага, привязали к шее железную цепь и потащили по улицам города, неся перед осужденным обнаженный меч. Предполагалось, что толпа будет издеваться над опозоренным понтификом, но, как отмечает автор «Commemoratio», вели себя так лишь немногие ²⁶⁹.

Мартина приволокли в преторий и временно поместили в камере с уголовными преступниками, а спустя час перевели в другую тюрьму — «custodia Diomedis», где он должен был провести свои последние часы. Измученный папа был не в силах подняться по лестнице; стражники втащили его за руки и бросили на скамью. К тюрьме пришли единомышленники папы Мартина и стали просить допустить их к нему с тем, чтобы перевязать ему раны, одеть его и накормить. (Напомним, что стояла зима.) Но лишь одного мальчика-клирика допустили в темницу. Жена и дочь охранника, имевшие ключи от камеры, хотели помочь папе, однако опасались начальника стражи. Дождавшись момента, когда начальника вызвали из здания по какому-то делу, женщины принесли в камеру тюфяк, переложили на него узника и укрыли одеялом.

Прошло несколько часов. Мартин ожидал казни. Между тем судьба его еще не была решена; император колебался. Вечером в тюрьму явился его посланец — кувикулярий Григорий. Он приказал расковать Мартина и немного покормить, а затем попытался даже приободрить приговоренного: «(Скажу. — *О. Б.*), чтобы ты не изнемог от мук: мы уповаем на Господа, что ты не погибнешь» ²⁷⁰. Папа в ответ лишь застонал.

А на следующий день произошли события, резко изменившие ситуацию и нуждающиеся в специальном комментарии. В своей резиденции в эти дни лежал при смерти константинопольский патриарх Павел, рьяный поборник монофелитства, проклятый Мартином на соборе 649 г. Назавтра после экзекуции на ипподроме император Константин II навестил больного и рассказал ему о том, как был наказан мятежный папа. Умиравший патриарх просил проявить к несчастному милосердие, и василевс дал ему такое обещание. В тот же день папе сообщили, что он останется в живых²⁷¹.

Не следует ставить визит кувикулярия Григория к папе Мартину в связь со встречей императора и патриарха Павла. В единственном источнике, в котором описываются эти события, прямо говорится, что император имел беседу с патриархом на следующий день после суда над папой, а Григорий был к нему послан в тот же день вечером²⁷². В таком расположении событий есть своя логика. Неправильно было бы считать, что патриарх убедил Константа II пощадить пленника, которого сам император однозначно решил казнить. Василевс не мог не знать, что у папы немало сторонников в столице. Он был хорошо информирован о ходе судебного разбирательства в Сенате и понимал, что объективно судьи потерпели поражение в полемике с подсудимым. Он видел на ипподроме, что издевательства над больным стариком вызвали неодобрение народа. Становилось все более очевидно, что задуманная казнь папы не только не укрепит авторитет власти, но будет способствовать ее дискредитации. Император уже искал другое решение проблемы, и просьба патриарха Павла была лишь последним аргументом в пользу пересмотра приговора.

В общих чертах Константин II представлял себе, что следует делать. За несколько месяцев до суда над Мартином (10 августа 654 г.) в Риме был избран и утвержден в должности новый папа Евгений — незаметный и тихий клирик из числа служащих римской курии, более всего опасавшийся каких-либо конфликтов с властями или с папством. Папа Мартин в момент суда, видимо, еще не знал об этом. Император же был, конечно, досконально осведомлен о событиях в Риме и доволен тем, что смена лиц на римском престоле, формально оправданная с точки зрения правительства, но совершенно противозаконная в глазах римлян, не вызвала крупных эксцессов. Для того чтобы окончательно разрядить ситуацию, не нужно было казнить Мартина: вполне достаточно было изолировать его таким образом, чтобы он

был лишен возможности оказывать влияние на события. Тюрьма в Константинополе, откуда поступали на волю его подстрекательские письма, была, очевидно, не лучшим местом для этого. Наиболее удачным выходом представлялась дальняя ссылка.

Подобному решению способствовало и еще одно обстоятельство. На место умирающего патриарха Павла предполагалось поставить Пирра. Пирр, человек безнравственный и ничтожный, уже занимал патриарший престол в 638–641 гг., являлся монофелитом и был низложен в 641 г. по подозрению в политическом убийстве, а вовсе не за свои религиозные взгляды²⁷³. Будучи сослан в Африку, бывший патриарх имел в июле-августе 645 г. в Карфагене знаменитый диспут о «единой воле» с Максимом Исповедником, был побежден в споре и признал правоту оппонента²⁷⁴. Затем вместе с Максимом он приехал в Рим, был дружелюбно принят папой Феодором I, которому и представил исповедание веры, антимонофелитское по содержанию. Феодор признал в нем законного патриарха константинопольского²⁷⁵. В 646 г. экзарх Платон пригласил его в Равенну. Бывший патриарх с удовольствием переехал в этот самый византийский город Италии, здесь стал всячески демонстрировать свою лояльность по отношению к центральной власти и вскоре отправил в Рим папе письмо, в котором отрекался от подписанного им в Риме исповедания веры и подтверждал свою преданность монофелитству. За это Пирр был отлучен от Церкви папой Феодором²⁷⁶, но получил возможность возвратиться на жительство в Константинополь, что и сделал. На Латеранском соборе 649 г. он был проклят вместе с патриархами Сергием и Павлом. Вновь претендуя на пост патриарха в 655 г., Пирр, конечно, имел основания опасаться присутствия в столице папы Мартина I, знавшего все о его поведении в Италии и способного систематически его компрометировать как в письмах, так и в судебных показаниях. Тем временем здесь готовился новый процесс, на этот раз над Максимом Исповедником. Вследствие этого Пирр, конечно, был очень заинтересован в том, чтобы получить от Мартина благоприятные для себя показания, в противном же случае — в том, чтобы плененный римский папа был немедленно выслан из столицы.

Патриарх Павел умер 27 декабря 654 г. Спустя 8 дней, т. е. 3 января 655 г., в камеру к папе Мартину явился помощник сакеллария Демосфен с тем, чтобы задать узнику ряд вопросов, связанных с прошлым патриарха Пирра. Между ними состоялся показательный разгово-

вор. Демосфен начал так: Государь наш превосходнейший император послал нас к тебе, сказав: «Вот в каком почете ты прежде находился и до какого состояния самого себя довел; никто другой тебе этого не сделал, но исключительно только ты сам!» («*tu ipse tibimet ipsi*»), «Лишь от Бессмертного Царя все милости и почет», — отвечал папа²⁷⁷. Чиновник продолжал: «Повелел тебе государь: расскажи нам по порядку, что делал здесь и в Риме бывший патриарх Пирр? По какой причине приехал в Рим: по приказу или по своей воле?» — «По своей воле», — отозвался папа. Демосфен достал текст предъявленного Пирром в Риме исповедания веры. «Каким образом написал он эту книжонку? Кто его заставил?» — «Никто, — отвечал Мартин, — по своему желанию!» — «Когда Пирр прибыл в Рим, как встретил его святой муж, твой предшественник папа Феодор? Как епископа?» — «А почему бы и нет? — прозвучал ответ Мартина. — Блаженный Феодор еще до приезда Пирра в Рим прямо написал Павлу, что тот повел себя недостойно и захватил трон предыдущего. И когда после этого Пирр по своей воле прибыл в Рим под защиту Святого Петра, почему было моему предшественнику не принять и не приветствовать его как епископа?» — «Видно, так оно и есть...» («*Vere veritas sic se habet*»), — произнес сбитый с толку Демосфен. — «Но от кого он получал необходимое для себя пропитание?» — «Конечно, от патриарха римского», — отвечал Мартин. — «И что за хлеб вы ему давали?» — поинтересовался чиновник. «Вы, господин мой, наверно, не знаете Римскую церковь? Тогда я скажу вам, что если какой-нибудь несчастный человек приходит к ней за пропитанием, то все потребное предоставляется ему; и никого не оттолкнет Святой Петр, не поделив своими дарами; так что лучший хлеб и вино давались не только ему, но и людям его. Если случилось так, что в числе страждущих людей пришел к нам достойнейший епископ, то какое же он должен получать пропитание?»

Как мы видим, характеристики, которые папа Мартин давал бывшему патриарху Пирру, вполне уважительные по форме, были уничтожающими для его репутации. И чиновник, ожидавший других ответов, не выдержал: «Мы заявляем, что в Риме Пирра силой заставили написать книжку! Что он находился в деревянных кандалах и перенес много мучений!» — «Ничего подобного, — последовал ответ папы. — Разве только они (т. е. свидетели. — *О. Б.*) из-за какого-то страха не имеют возможности говорить правду. Здесь в Константи-

нополе находятся многие, которые тогда были в Риме и знают, как было дело. И первый из них — патрикий Платон, кой был тогда экзархом и послал своих людей в Рим к Пирру: спросите его, не лгу ли я. Что в конце концов еще надо выяснять? Вы держите меня в своих руках, вот и делайте со мной, что хотите, ибо, по воле Божьей, это в вашей власти! По крайней мере, если вы меня четвертуете, как приказал префект, я не вступлю в общение с Константинопольской церковью. Вот я: выясняйте, испытывайте, — вы обнаружите, что я благодарен Богу и предан его рабам»²⁷⁸.

Тем и закончился допрос. Русский византист Ю. А. Кулаковский отметил, что разоблачения Мартина «не воздействовали, и 4 января 655 г. Пирр вновь занял патриарший престол»²⁷⁹. В связи с этим хотелось бы высказать одно предположение. Вопрос о назначении патриархом Пирра наверняка решался не вечером 3 января; он был решен в пользу последнего задолго до того и, возможно, еще при жизни патриарха Павла. Не случайно автор «*Commemoratio*» отмечает, что сам Демосфен и все те, кому впоследствии приходилось читать протокол, поражались смелости папы Мартина²⁸⁰, причем говорит он о Пирре как о действующем патриархе. Вероятно, описанный допрос был организован не императором, желавшим получить подтверждение своему мнению о Пирре, — в таком случае василевс наверняка скорректировал бы это мнение. Допрос был организован по инициативе самого Пирра, надеявшегося получить из уст сломленного духом Мартина показания, оправдывающие претендента на патриарший престол в глазах императора. Добиться этого Пирру не удалось, и после этого он должен был сделаться наиболее рьяным поборником скорейшего удаления Мартина из столицы.

В камере тюрьмы *custodia Diomedis* Мартин I провел 85 дней. На 86-й день появился нотариус Саголеба и сообщил, что имеет приказ перевезти папу в свой собственный дом, откуда его отправят в ссылку. Мартин спросил, куда именно, но это ему отказались сообщить. Папа просил оставить его в тюрьме до отъезда, но снова получил отказ. Находясь в доме Саголебы, незадолго до отправления, Мартин узнал, что местом его ссылки назначен Херсон. Вскоре его тайно перенесли на корабль и подняли паруса. Как отмечает автор «*Commemoratio*», сторонники Мартина лишь спустя несколько дней после отъезда папы узнали, что его нет в столице. По-видимому, именно с этой целью Мартин был предварительно перемещен в дом одного из

своих мучителей. Однако по прибытии Мартина I в Херсон его константинопольские единомышленники сумели установить с ним контакт. Бывший папа отправил в Константинополь несколько писем, два из которых сохранились до нашего времени²⁸¹.

Истощенный и измученный, папа Мартин I провел в Херсоне лишь несколько месяцев и скончался там от болезней и голода 16 сентября 655 г. До конца дней он оставался врагом монофелитства и сохранил полную убежденность в правильности своей политической линии, о чем свидетельствует последнее письмо, написанное им за несколько дней до кончины (Ер. XVII).

Папа Мартин I был одним из наиболее значительных деятелей Римской церкви эпохи раннего Средневековья. Приняв на себя роль лидера ортодоксального христианства как на Западе, так и в пределах самой империи, он с успехом проводил самостоятельную религиозную политику в условиях разрыва с Константинополем. Его соратники и союзники, в том числе и греки (Максим Исповедник, Стефан из Доры), признали в эти годы его политическое лидерство²⁸². Практически Мартин I стал виднейшим продолжателем политической линии папы Григория Великого. Дополнительным доводом в пользу такой оценки может служить и то обстоятельство, что папа Мартин в разгар монофелитских споров не забывал об укреплении власти Римской церкви на христианском Западе. Помимо умоливаемого письма к епископу Аманду в этой связи следует указать на грамоты, в которых он принимает под юрисдикцию римской курии ряд монастырей во Франкском королевстве, предоставляя им значительные иммунитетные привилегии²⁸³.

Нельзя согласиться с высказанной в историографии точкой зрения, что трагедия папы Мартина явилась следствием его «попыток сохранить верность как Риму, так и Константинополю»²⁸⁴. Несомненно, что в конфессиональном плане о верности ортодоксального папства монофелитской Византии не приходится говорить. Но еще важнее то, что папа Мартин осмелился бросить Константинополю политический вызов. За многие десятилетия он был первым римским понтификом, занявшим папский престол без императорской ординации. Блокировавшись с узурпатором Олимпием, он впервые в истории Римской церкви добился независимости от империи и сохранял ее в течение четырех лет. Его арест, осуждение и ссылка стали первым звеном в цепи религиозно-политических процессов над против-

никами монофелитства в Византии (самым значительным из них был суд над Максимом Исповедником в 656 г.). Объективно эти процессы не только не способствовали укреплению монофелитства, но дискредитировали это учение в глазах большей части верующих, приближая его неизбежный крах. Для Римской же церкви расправа над Мартином I имела особое значение, превратив его в папу-мученика, в один из сакрализованных символов самоотверженности в борьбе за церковную и политическую самостоятельность папства²⁸⁵.

РАВЕННСКОЕ ВОССТАНИЕ 710–711 гг.

Восстание в Равенне явилось одним из наиболее мощных социальных выступлений в истории Византийской Италии. Прелюдией к нему стало низложение в Константинополе в 695 г. императора Юстиниана II, а затем, в 705 г., его восстановление на престоле. Как известно, в первое десятилетие своего правления (685–695) Юстиниан решительно осуществлял централизаторскую политику, прибегая при этом к террористическим методам. Репрессии и казни представителей знати вызвали резкую оппозицию в кругах высшего столичного чиновничества и придворных. В их среде возник заговор, приведший к государственному перевороту. Юстиниан лишился трона, ему отрезали уши и нос и изуродованного выслали в Крым, в фему Херсон²⁸⁶.

В его низложении участвовали какие-то равеннцы. По словам Агнелла, «императору отрезали нос и уши его воины вместе с некоторыми гражданами Равенны». Агнелл утверждает, что спустя несколько лет Юстиниан II заявлял по этому поводу: «Этот народ (равеннцы. — О. Б.) — мои враги, ибо они коварно отрезали мне нос и уши»²⁸⁷. Одним из равеннцев — участников заговора — мы знаем по имени. Это — Иоанниций (Иоанникий), представитель старинного рода местных нобилей, служивший в молодости нотарием у равеннского экзарха и проявивший в этом качестве исключительные способности и образованность. За это его вскоре перевели в Константинополь, в императорскую канцелярию, где он также стал играть видную роль. Агнелл сообщает, что император «inter primates eum habuit», т. е. «держал его среди первых лиц»: видимо, «первых» в столичном бюрократическом аппарате²⁸⁸. Вероятно, Иоанниций не был единст-

венным равенцем среди столичных заговорщиков — сам Юстиниан говорит о них во множественном числе. Но, конечно, в заговоре участвовали не только выходцы из Равенны, и причины враждебности императора к населению именно этого города были более глубокими.

Когда в 692 г. римский папа Сергей I отказался подписать решения II Трулльского церковного собора, и Юстиниан II издал приказ об его аресте, осуществить данное намерение ему помешало войско Равенны и Пентаполя Морского — «*Ravennatis militiae ducatus etiam Pentapolitani*». Воины защитили папу и лишь по его просьбе отказались от намерения убить императорского посланца протоспафария Захарию²⁸⁹. Таким образом, наиболее активный в политическом отношении слой населения Равенны — вооруженные городские собственники — «*exercitus*» или «*militia*» — откровенно продемонстрировал свою нелояльность к императору. Именно это имел в виду Юстиниан, именуя равеннцев своими врагами. Но Равенну спасло от наказания низложение василевса, и в связи с этим можно высказать предположение: не было ли обусловлено участие в заговоре Иоанниция и других выходцев из Равенны тем, что уже тогда Юстиниан II готовил карательный поход против их родного города? Возможен и иной вариант: заговорщики из Равенны преследовали те же сепаратистские цели, что и их единомышленники на родине, но добывались их другими средствами; в их представлении новый, более слабый и мягкий василевс должен был оказаться более удобным и менее опасным для развития автономистских, а в перспективе и освободительных тенденций в обществе Византийской Италии.

Так или иначе, в 695 г. на престол взошел император Леонтий, и Равенна получила длительную передышку. В 705 г. Юстиниан II бежал из Херсона, после серии приключений добрался до Болгарии и, при поддержке хана Тервеля, с болгарским войском вступил в Константинополь. Началось его второе правление, девизом которого стало сакраментальное высказывание императора, брошенное им на пути в Болгарию во время страшного шторма: «Пусть потопит меня Бог на этом месте, если пощажу кого-нибудь из моих врагов!»²⁹⁰. Столица и провинции были залиты кровью противников василевса. Дошла очередь и до Равенны.

В 710 г. стратегу Сицилии патрикию Феодору было предписано отправиться в Равенну с целью наказания виновных²⁹¹. Корабли Феодора причалили к берегу вблизи города, и стратег, как ни в чем не

бывало, пригласил в гости знатных горожан («nobiles», «maiores patu»). Среди них были равеннский архиепископ Феликс и знакомый нам Иоанниций. Обстоятельства возвращения последнего в Равенну неизвестны, но можно предположить, что он уехал из Константинополя в момент осуществленного Юстинианом переворота, опасаясь наказания за измену.

Феодор устроил пир в шатрах на берегу. Назавтра он вновь пригласил к себе городскую знать, на этот раз — непосредственно на корабль. По два человека поднимались равеннские нобили на борт; здесь их хватили воины Феодора и связанными, с кляпами во рту, бросали в трюм. Вся операция была проведена настолько четко, что оставшиеся на суше равеннцы так ничего и не заподозрили, пока корабли Феодора неожиданно не отчалили от берега. Впрочем, заподозрить коварство было тем труднее, что часть воинов Феодора также не взошла на корабли. Теперь, когда суда отплыли, эти люди бросились к городским стенам, поднялись на них и зажгли город, бросая сверху горящие предметы. Началась паника. Каратели спустились в город, учинили в нем резню, разграбили дома захваченных нобилей, а также имущество Церкви. В парализованной страхом Равенне никто не оказал им сопротивления. Награбленное имущество погрузили на возвратившиеся корабли и взяли курс на Константинополь²⁹².

В столице равеннские пленники были вскоре казнены, за исключением епископа Феликса. В уважение к его архипастырскому достоинству ему сохранили жизнь, но подвергли ослеплению традиционным византийским способом: вода перед глазами раскаленную металлическую пластинку²⁹³. Изувеченный епископ был сослан на берега Понта (вероятно, в Херсон). Особый счет был у императора к Иоанницию. Когда Иоанниций был приведен к Юстиниану, тот издевательски спросил: «Точно ли это Иоанниций, бывший писец?» Получив утвердительный ответ, Юстиниан велел забить ему под ногти тростниковые гвозди и заставить что-либо написать. Принесли письменные приборы. Но не чернилами, а своею кровью стал писать Иоанниций. Он написал обращение к Богу с просьбой защитить его от кровавого тирана, а написав, швырнул пергамент в лицо мучителю со словами: «Получи, негодяй, и обожрись моей кровью!» («Accipe, ini-quissime, et satia te sanguine meo!»). Взбешенный император приказал раздавить Иоанниция между двумя мельничными жерновами²⁹⁴. Такова была судьба пленных жителей Равенны.

Между тем в самой Равенне люди находились в тягостном ожидании, ничего не зная об участии пленников. Вероятно, здесь еще теплилась надежда на то, что набег стратига Феодора был следствием его собственной злой воли. Но в течение нескольких месяцев в город не заходил ни один корабль из Константинополя. Это настораживало. Установили наблюдение за морем. Наконец, в устье По случайно зашел какой-то корабль. Равеннцы захватили на берегу капитана и нескольких матросов этого судна и узнали от них о том, что произошло с их земляками в Константинополе.

Все иллюзии развеялись. Тут же на главной площади открылось стихийное собрание горожан, осознавших, что карательная акция не была случайной и можно ожидать ее повторения. «Равеннцы выбрали своим *dux*'ом Георгия, сына вышеуказанного Иоанниция, отличавшегося мудростью в словах, прозорливостью в советах, правдивостью в беседах и наделенного всеми возможными добродетелями». Георгий получил, по сути дела, диктаторскую власть: как говорит Агнелл, «...все присягнули (*devoverant se*) на верность его распоряжениям; каждый, кто его не слушался, карался». Он обратился к согражданам, призвав их уберечь город от «змеи, приплывшей сюда морем из Византии, яд которой мы все уже испробовали»²⁹⁵. В своей речи Георгий изложил программу обороны города, которую затем и реализовал на практике.

Было призвано для охраны городской цитадели и стен население равеннских пригородов-субурбиев. В расположенные вблизи Равенны крепости (*castra*) были направлены отряды из числа наиболее молодых воинов. В союзе с равеннцами выступили жители более мелких городов Равеннского экзархата: Болоньи, Форли, Форлимпополи, Червии, Сарсины и др. Патрулировать побережье были направлены *coloni decuriani*. Население активно вооружалось: ковалось оружие, шились шатры. Георгий провел в городе общую мобилизацию и осуществил широкомасштабную военную реформу. Вместе с иными мероприятиями Георгия реформа войска позволила создать эффективную систему обороны города и области²⁹⁶.

Вскоре этой системе пришлось выдержать серьезное испытание. Римская «Книга понтификов» сообщает, что в Равенне был убит экзарх Иоанн Ризокоп. В момент восстания он находился в Неаполе, где встречался с римским папой Константином — давним политическим противником равеннского архиепископа Феликса. Отсюда через Рим

он отправился в Равенну, видимо, с тем, чтобы покарать мятежников, но «за тяжкие грехи свои, по воле Божьей, принял здесь мучительнейшую смерть»²⁹⁷. Созданная Георгием система обороны продемонстрировала свою надежность.

В римской «Книге понтификов» сообщение о приезде в Италию Иоанна Ризокопа и о его гибели следует за сообщением о разгроме Равенны стратигом Феодором и относится к октябрю 710 г. Тогда можно предполагать, что карательная экспедиция имела место поздней весной 710 г. (Вряд ли ранее, так как в более прохладное время равнины вряд ли стали бы пировать прямо на берегу.) Летом произошло восстание в Равенне. А. Гийу попытался переставить события. Он полагает, что сначала в Равенне был убит экзарх Ризокоп, а затем, в наказание за это, сюда была направлена карательная экспедиция²⁹⁸. При этом он считает организаторами убийства местную знать во главе с епископом Феликсом²⁹⁹. Тогда равеннское восстание следует относить уже к 711 г. Однако против гипотезы А. Гийу говорят следующие аргументы.

1. Порядок изложения событий в римской «Книге понтификов».

2. Тот факт, что Агнелл из Равенны ничего не пишет об убийстве Ризокопа и связывает гнев Юстиниана II на равеннцев с совершенно иными обстоятельствами.

3. Неспровоцированность убийства экзарха равеннцами, и без того имевшими основания опасаться нерасположения императора.

4. Их удивительная беспечность, когда они, убив якобы экзарха, с удовольствием принимают приглашение на пир со стороны византийского военачальника, не ожидая вероломства.

Исходя из этого, представляется более предпочтительной иная версия событий, излагаемая в данной главе.

Что происходило в Равенне после начала восстания, к сожалению, неизвестно. Если Юстиниан II и намеревался послать войско против инсургентов, то не успел этого сделать. В декабре 711 г. очередной переворот в Константинополе навсегда прервал его политическую активность, а вместе с ней и жизнь. Новый василевс Вардан-Филиппик, стремившийся укрепиться на престоле, был заинтересован в компромиссном урегулировании конфликтов с подданными на местах. В Равенну вернулся из столицы слепой архиепископ Феликс. Равеннской церкви возвратили все имущество, вывезенное стратигом Феодором, дополнительно пожертвовали мно-

гочисленные и богатые дары³⁰⁰. Есть основания думать, что новый император-монофелит, имевший трения с папской курией, восставил в эти дни автокефальность равеннской архиепископии³⁰¹. На внутривластической арене Вардан-Филиппик пытался выступить как мститель за преступления Юстиниана II. Стремясь дать выход возмущению италийцев, император отослал в Италию на поругание голову ненавистного тирана³⁰². В таких условиях равеннское восстание иссякло само собой. Вскоре (не позднее 713 г.) Равенна вновь приняла византийского экзарха.

Как следует оценивать равеннское восстание 710–711 гг.? Несомненно, оно вполне вписывается в череду антивизантийских выступлений в Италии. Однако для него характерны и свои оригинальные черты. Предшествующие ему антиимперские выступления либо представляли собой мятежи полководцев, мечтавших воспользоваться настроениями италийцев и отторгнуть от Византии ее владения, либо вдохновлялись и руководились римскими папами. Чаще всего наличествовало сочетание того и другого. Здесь же мы имеем дело со спонтанным антивизантийским выступлением народа во главе с местными руководителями. Соответственно, если движущими силами предшествующих выступлений были военизированное сословие городских собственников (примерно с середины VII в. совпадавшее с войском — *exercitus*) и церковные круги (в основном, в Риме), то в Равенне, впервые в истории Византийской Италии, мы видим движение общенародное. Это единственный социальный взрыв в рассматриваемом ряду, который с полным основанием можно именовать восстанием, а не заговором или мятежом. Участие в нем приняло практически все население города, и не только города, но и прилегающей сельской округи. Упоминание в этой связи зависимого сельского населения — колонов — вообще уникально для Византийской Италии. Впервые повстанцы нашли себе союзников в лице жителей других городов региона. По сути дела, движение охватило целую область. Впервые горожане сами избрали себе вождя — *dux*'а: опыт, который в 726 г. повторят жители Риальто (будущей Венеции), а затем и других городов Италии. Наконец, впервые италийцы самостоятельно создали новую действенную систему военной самозащиты. Именно она была противопоставлена Византии в дальнейшем, в конце 20-х гг. VIII в.

Вместе с тем неправильно было бы расценивать восстание в Равенне 710/711 гг. как демократическое выступление. Его возглавля-

ла местная знать, а *dux*'ом был избран представитель одного из старейших равеннских аристократических родов. Следует различать субъективный и объективный аспекты при оценке политических целей восстания. Оно было спровоцировано карательной акцией одного императора и закончилось с приходом к власти другого. Таким образом, субъективно оно было направлено против конкретного василевса и в связи с конкретным поводом. Достигнутое в ходе него социальное единение стало возможным лишь потому, что над каждым жителем города нависла опасность физической гибели. Однако объективно восстание в Равенне являлось одним из главных антивизантийских выступлений, расшатывавших систему господства греков на Апеннингах.

В ходе событий 710–711 гг. были поколеблены пропавские симпатии, распространенные в некоторых группах равеннского населения. Папство с полным одобрением отнеслось к разгрому Равенны. Римская «Книга понтификов» трактовала ослепление архиепископа Феликса как заслуженное наказание за отступничество³⁰³. В этих условиях возврат к монофелитству и к автокефалии после воцарения Вардана-Филиппика представлялся даже сепаратистки настроенной части равеннской знати хорошей основой для компромисса с империей, т. к. ориентация на Рим становилась временно невозможной.

ИТАЛО-ВИЗАНТИЙСКИЕ УЗУРПАТОРЫ

Антивизантийская тенденция в общественном развитии Италии нашла выражение в целом ряде узурпаций и мятежей. Впервые она явственно проявилась в событиях 616 г. В этом году в Равенне при неизвестных обстоятельствах был убит экзарх Иоанн Лемигий. Назначенный на его место Элефтерий прибыл в Равенну «и казнил всех, кто был замешан в смерти экзарха Иоанна и чиновников» («*judices*»). Затем он направился в Неаполь, где правил узурпатор («*intartus*») Иоанн Компсин. Сразившись с ним, Элефтерий вошел в Неаполь и убил тирана³⁰⁴. Из приведенных сообщений видно, что в Равенне произошло возмущение против византийской власти. Вряд ли правильно вслед за Ш. Дилем считать, что оно не было направлено против византийского владычества как такового, а явилось следствием личной жестокости экзарха Иоанна³⁰⁵. Вместе с экзархом пострадали

«judices respublicae» — представители византийской гражданской администрации. Весьма вероятно, что мятеж в Равенне был как-то связан с событиями в Неаполе (узурпация Компсина). В этом случае мы имеем дело с антивизантийским движением не равеннского, а общетальянского масштаба.

А. Гийу, пытаясь выявить движущие силы этих выступлений, обращает внимание на сообщение «Книги понтификов» о том, что «по возвращении в Равенну Элефтерий дал ругу войскам, и по всей Италии воцарился мир». Исходя из этого, А. Гийу полагает, что антиправительственный мятеж был поднят войсками из-за неуплаты жалованья³⁰⁶. Такой вывод вызывает большие сомнения. Источник, действительно, ставит в связь выплату руги и водворение в Италии мира. Поэтому очевидно, что конфликт из-за жалованья имел место. Однако, именно опираясь на войско, Элефтерий подавил мятеж в Равенне и в Неаполе, причем — до выплаты руги. Следовательно, главной движущей силой возмущения была не армия, а его причиной — не задержка жалованья. Солдаты, по-видимому, настояли на уплате руги после подавления сепаратистских выступлений, воодушевленные тем, что оказали важную услугу империи. Состав же участников движения был иным. Тот факт, что оно происходило одновременно и в Равенне, и в Неаполе (т. е., вероятно, было хорошо подготовлено) и что экзарх «казнил всех, кто был в нем замешан» (т. е. они не были особенно многочисленны), заставляет думать, что речь идет о заговоре антивизантийски настроенной знати³⁰⁷. Выдвижение из своей среды узурпатора было, в таком случае, своеобразной самолегализацией выступления. Прозвище тирана «Компсин» говорит о его местном происхождении (Compsa — совр. Конца — городок близ Неаполя). Сравнительная легкость, с которой был подавлен мятеж в Равенне, указывает на то, что он не был широким народным движением. Таким образом, в событиях 616 г. можно видеть первое выступление против господства Византии сепаратистски настроенной части итальянского господствующего класса, в частности — некоторых представителей равеннской знати.

Через несколько лет (в 619 г.) сам Элефтерий восстал против центральной власти и объявил себя императором. Самозванец потребовал от равеннского архиепископа Иоанна IV короновать его, но последний уклонился от этой миссии и посоветовал Элефтерию отправиться в Рим, чтобы получить венец из рук папы. Узурпатор внял

совету, однако по дороге вблизи местечка Луцеолы был убит своими воинами (а *militibus*), которые отослали его голову в Константинополь императору Ираклию³⁰⁸. В связи с событиями первого года правления Элефтерия в Италии можно предположить, что он попытался опереться на те социальные круги, которые были замешаны в смерти экзарха Иоанна Лемигия и поддерживали Иоанна Компсина. Это была сепаратистски настроенная знать, частично состоявшая на государственной службе (*judices*), но связанная экономическими интересами с Италией (прежде всего земельные собственники) и рассчитывавшая, что выдвинутый ею император будет способствовать удовлетворению этих интересов. Противодействие узурпатору оказали *milites*. В них следует видеть регулярное византийское войско, то самое, которое за три года до этого получало ругу из рук Элефтерия.

В едином контексте с узурпацией Элефтерия полезно рассмотреть свидетельства римской «Книги понтификов» о событиях 640–642 и 649–653 гг. в Риме. В 640 г. хартуларий Маврикий, выполнявший функции наместника равеннского экзарха в Риме, столкнувшись с возмущением солдат, недовольных задержками в выплате жалованья, разграбил вместе с ними сокровищницу Латеранского дворца. В этом деле ему помогали местные *judices*. Часть награбленного пошла на уплату руги, другую часть увез в Равенну подоспевший к дележу добычи экзарх Исаакий.

Своеобразная круговая порука соединила Маврикия с участниками ограбления Латеранского дворца. Спустя два года он, сговорившись «с теми, с кем прежде опустошал Божью церковь, возмутился против патрикия Исаакия и направил посланцев по всем крепостям, которые находились вокруг Рима, и собрал их, и связал себя с ними присягой». Против мятежника была выслана армия во главе с *magistr'om militum* Доном. При его приближении войско Маврикия соединилось с ним, и мятеж самопроизвольно прекратился³⁰⁹. Маврикий был казнен, его голова выставлена для устрашения толпы на столбе в равеннском цирке, а ближайшие сподвижники узурпатора брошены в тюрьму в столице экзархата.

Можно составить представление о социальной опоре движения Маврикия. Это — часть византийского войска и чиновников — *judices*, среди которых было немало представителей местной знати, земельных собственников на византийской службе. В ином случае

трудно объяснить, почему авторы «Книги понтификов», имевшие все основания для того, чтобы питать неприязнь к Маврикию, относятся с сочувствием к участникам волнений. «Книга понтификов» сообщает, что экзарх Исаакий, решивший казнить сообщников узурпатора, «по воле Божьей был немедленно поражен Господним ударом и скончался». Мятежники же были освобождены из тюрьмы и возвратились домой³¹⁰. Среди этих лиц, таким образом, находились люди, судьба которых была, очевидно, безразлична римскому престолу.

Возможно, и само выступление было организовано при негласной поддержке папы. Милосердие равенских властей после смерти экзарха можно объяснить тем, что мятежники представляли весьма влиятельную в Риме оппозиционную партию, с которой равенские нобили не хотели обострять отношения. Если так, то в выступлении хартулария Маврикия можно видеть сепаратистское восстание римской знати, опиравшейся на местное войско — *exercitus*.

В 649 г. очередной экзарх Олимпий был послан в Рим императором Константом II с заданием арестовать папу Мартина I, осмелившегося отвергнуть и осудить монофелитский символ веры³¹¹. Предварительно Олимпию нужно было склонить на свою сторону «*exercitus*» как в Риме, так и в Равенне. Однако столкнувшись с тем, что «*exercitus Romanus*» оказывает папе безоговорочную поддержку, экзарх переменял фронт, вошел в контакт с папой, показал ему секретные инструкции императора и объявил себя независимым от империи. В течение четырех лет он, в союзе с папой, удерживал власть в Византийской Италии, пока не погиб на Сицилии. В будущем папа Мартин, отвечая в Константинополе перед судом по обвинению в поддержке мятежа Олимпия, спрашивал: «Как мог я противодействовать этому человеку, если он распоряжался вооруженной силой всей Италии?»³¹². Папа пытался скрыть тот факт, что именно римская *militia* встала тогда на защиту «Святого престола». Экзарх сумел привлечь ее на свою сторону только благодаря примирению с папой. Однако социальная опора движения Олимпия определена Мартином очень четко. Это *exercitus Romanus*, который, как указывалось, к середине VII в. в основном представлял собой иррегулярное воинское формирование, составленное из представителей господствующего слоя населения городов.

Мятежи Маврикия и Олимпия типологически сходны с возмущением Элефтерия. Во всех трех случаях опорой узурпаторов являются сепаратистски настроенные круги местной итальянской знати. Будучи не в состоянии обойтись без вооруженной силы, Элефтерий, Маврикий и Олимпий пытаются заручиться поддержкой войска. Но они застают *exercitus* на различных этапах его эволюции, что приводит к трем разным результатам. В 619 г. живущие за счет жалования солдаты византийской регулярной армии сами казнят узурпатора Элефтерия. В 642 г. воины полурегулярного *exercitus* поддерживают Маврикия до столкновения с карательной экспедицией; затем же — сразу переходят на сторону его врагов. В 649–653 гг. еще более иррегуляризованное войско, возглавляемое представителями местной знати — *primates exercitus*, на протяжении четырех лет оказывает поддержку Олимпию, хотя после его гибели, по-видимому, не препятствует вступлению в свои права нового экзарха Феодора Каллиопы. Иными словами, чем в большей степени войско — *exercitus* — совпадает со слоем итальянских городских земельных собственников, тем более надежным инструментом в руках сепаратистов оно является. В узурпации Элефтерия вооруженная сила мятежа и его социальная база еще разделены; видимо, в ходе мятежа Олимпия та и другая уже почти совпадают.

Элефтерий, Маврикий, Олимпий — несомненные политические авантюристы, но их действия во многом определяются социально-политической ситуацией в Италии и именно поэтому обнаруживают ряд общих черт. Деятельность всех троих начинается с попытки выступить против местных социальных сил и традиций в интересах имперского универсализма (подавить возмущения сепаратистов в Равенне и в Неаполе; конфисковать папскую казну и выдать из нее жалование солдатам; арестовать мятежного римского папу). Предпринимая эти шаги, все трое изучают местные политические условия, знакомятся с расстановкой сил и приходят к заключению, что здесь, в Италии, выгоднее всего отстаивать местные, итальянские интересы. При этом в случае успеха можно рассчитывать на большие личные дивиденды. Сделав такой вывод, они решаются на выступления против верховной власти. Дальнейшая деятельность узурпаторов также дает материал для сопоставлений. Все три мятежника ориентируются на Рим. При этом Элефтерий и Олимпий сочли необходимым заручиться поддержкой римского папы; Маврикию было сложнее этого добиться, но,

видимо, и ему, в конечном счете, оказала покровительство папская курия. (Во всяком случае, она не мешала Маврикию и, как указывалось, относилась к мятежникам с участием.) Поддержка папы должна была обеспечить узурпаторам симпатии широких масс италийцев.

Как Элефтерий, так и Олимпий (не говоря уж о Маврикии) не возлагали особых надежд на Равенну (характерные для нее провизантийские тенденции принимались ими во внимание). Элефтерий, конечно, имел в Равенне сторонников, но столкнулся с молчаливой оппозицией архиепископа. Олимпий в течение четырех лет правления так ни разу и не побывал в собственной столице.

В связи со всем сказанным можно предполагать, что описанные узурпации не были обычными для Византии попытками государственных переворотов, сходными, например, с переворотами Фоки или Ираклия. Византийские узурпаторы, как правило, при первой возможности переходили в наступление на столицу империи, и ее захват предварял их восшествие на престол, которое освящалось константинопольским патриархом³¹³. Здесь же Олимпий на протяжении четырех лет правил в Италии, не предпринимая никаких попыток выйти за ее пределы. Он погиб во время военных действий на Сицилии, которые явно считал более актуальными для себя, чем поход на Новый Рим. Элефтерий намеревался принять императорскую корону из рук римского епископа, возродив традицию, пресекшуюся за полтора столетия до этого. Интересно сообщение Продолжателя Проспера Аквитанского. Он говорит, что Элефтерий восстал «cum erga se Langobardum gentem pacatam videret»³¹⁴. Видимо, речь идет о том, что Элефтерий предварительно условился о союзе с лангобардами. Такая поддержка могла помочь ему только в Италии и, напротив, лишь скомпрометировала бы самозванца в Византии.

Характерная итальянская по содержанию политика Олимпия и Элефтерия позволяет сделать вывод, что, узурпировав императорский титул, они претендовали на власть в Риме, а не в Константинополе. Речь шла не о государственном перевороте в Восточной империи, а о восстановлении Западной или, при удачном стечении обстоятельств, — единой империи со столицей в Вечном городе³¹⁵. В этом плане интересно сообщение Феофилакта Симокатты о том, что император Маврикий (578–602), тяжело заболев на 15-м году царствования, составил завещание, в котором назначал своего старшего сына Феодосия владыкою Востока, а младшего Тиберия — императором

старого Рима. В империю Тиберия должны были входить Италия и острова Тирренского моря³¹⁶. Стоит вспомнить о том, что император Констант II предполагал в 663 г. перенести в Италию свою резиденцию. Феофан Исповедник считал, что в его планы входил и официальный перенос в Рим столицы империи³¹⁷. Эта идея носилась в воздухе, и мятежные равеннские экзархи лишь попытались воплотить ее в жизнь.

Правомерно высказать предположение, что мятеж Иоанна Компсина в Неаполе, подавленный Элефтерием в 616 г., был первым опытом такого рода. Тогда характеристика «*intartus*» означает «узурпатор императорского титула». В данном случае в этой роли выступил человек малоизвестный за пределами Кампании, но достигнутые им на первом этапе успехи (поддержка определенных кругов в Равенне, убийство экзарха) побудили Элефтерия также обратить взор к императорской багрянице. О ней же, вероятно, мечтал и хартуларий Маврикий, хотя его претензии и не были выявлены столь определенно: дело в том, что, не будучи экзархом, он должен был еще добиться признания в масштабах Италии. Для этого он использовал оригинальный прием: объявил, что экзарх Исаакий желает захватить императорский трон, но предложил на этом основании войскам присягнуть не законному василевсу, а самому себе. В 649 г. экзарх Олимпий осуществил узурпацию того же типа, только более успешную, чем его предшественники.

В ходе узурпаций Элефтерия, Маврикия и Олимпия была выработана наиболее перспективная схема борьбы с империей: вооруженное выступление во главе с опытным военным предводителем при идейной и духовной поддержке папства. Понятно, почему в таких условиях никто из мятежников не нашел понимания у равеннского архиепископа. Восстановление империи на Западе лишало его привилегированного положения в Италии, низводило на один уровень с другими итальянскими иерархами и одновременно возвышало папскую курию.

Проект провозглашения императора в Риме не был забыт и в VIII веке. В 713 г. дук Христофор восстал против монофелитского императора Вардана-Филиппика. Его выступление было поддержано папой Константином (708–715). Однако переворот в столице и восстановление ортодоксии ослабили идейную базу мятежа, и Христофор был вынужден подчиниться новой власти. Вскоре он был сме-

щен³¹⁸. Ш. Диль считает, что Христофор был намерен отделить Рим от Константинополя³¹⁹, и в самом деле, вероятно, это было движение, сходное с восстанием Маврикия.

В 728 г., после обнаружения иконоборческих эдиктов, собрались представители всей Италии («*omnis Italia consilium iniit*»), чтобы избрать императора и послать его в Константинополь. Однако удержал их папа, «надеясь на государственный переворот» («*spemans conversionem principis*»)»³²⁰. Здесь, как кажется, совместились восточный и итальянский типы узурпации: с одной стороны, император должен был идти на Константинополь, с другой — *consilium* итальянской знати заменил собой электоральное собрание сената и народа в Константинополе, а освятить предприятие намеревался римский папа. Одна из причин такого смешения двух политических тенденций заключалась, вероятно, в том, что антиконоборческое движение привлекало в свои ряды определенную часть знати, в принципе, лояльной по отношению к Византии. Нельзя забывать и о том, что, по-верному замечанию Ю. Херрин, вплоть до эпохи иконоборчества отношения папства с Константинополем строились по модели, заданной еще в IV в. Константином Великим³²¹. Отступление от этого обусловленного традицией стереотипа было для папы далеко не безболезненным.

По-видимому, отказ папы поддержать заговор вызвал новую узурпацию по итальянскому образцу. Некто Тиберий Петасий объявил себя императором в Мантуе. Он явно пользовался поддержкой итальянской знати, так как ему вскоре присягнули еще два города (Луна и Бледа). Однако в данный период папство уже настолько усилилось, что не хотело делить власть с самозванцем. Этим можно объяснить поддержку, неожиданно оказанную папой экзарху Евтихию в подавлении восстания. Невзирая на почти полный разрыв отношений с империей, вызванный началом иконоборчества, папа направил экзарху «*вельмож церкви (proceres ecclesiae) и войско*», без которого лишенный популярности экзарх подавить мятеж не смог бы. Как замечает «*Книга понтификов*», «император не отблагодарил римлян за их важную услугу»³²².

По мнению О. Бертолини, своей поддержкой папа давал понять Льву III, что сохранит лояльность по отношению к Константинополю, если император не будет нарушать «*религиозный мир*»³²³. Маловероятно, чтобы в этом была главная причина участия папы в подав-

лении движения. «Религиозный мир» был уже давно и безнадежно нарушен. Лев III не выказывал ни малейшего желания идти на компромисс. Сам бунт Тиберия-Петасия, по-видимому, был связан с религиозной оппозицией иконоборчеству. Помогая подавить восстание, папа преследовал свои интересы, т. к. мог видеть в узурпаторе угрозу не только византийской, но и собственной власти.

Мятеж Тиберия-Петасия стал узурпацией западноримского типа, последней в истории Византийской Италии, но не в истории Италии как таковой. Мысль о возрождении Западной Римской империи впоследствии нашла формальное воплощение в создании империи Карла Великого. К этому времени данная идея имела давнюю традицию и послужила теоретическим обоснованием византийско-итальянского узурпаторства. Как мы видим, в политическом плане рассмотренное движение заполняет лауну между реально существовавшими западными империями — Римской и Франкской.

ПОСЛЕДНЯЯ УЗУРПАЦИЯ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ НА ЗАПАДЕ

Проблема идейной преемственности в процессе возникновения средневековой империи Каролингов принадлежит к числу наиболее дискуссионных в медиевистике. Вызывают разногласия специалистов связанные с ней принципиально важные вопросы, в частности: претендовали ли Каролинги на воссоздание прежней «всемирной» Римской империи или стремились к созданию империи Западной (в римском или франкском вариантах); в каком отношении к новой империи на Западе оказывалась Византийская империя (в равноправном; в подчиненном; не признавалась вообще); шла ли, таким образом, речь о переносе столицы империи из Константинополя в Рим или о возобновлении империи с центром в Риме и т. д. Значительная часть этих разногласий вызвана к жизни стремлением исследователей найти универсальные ответы на все перечисленные вопросы без учета того факта, что дошедшие до нас источники отразили устремления различных политических сил. К событиям 25 декабря 800 г. по-разному относились в Константинополе, в Риме и в Аахене, их по-разному оценивали деятели Каролингского возрождения и представители старой франкской знати, окружение папы Льва III и импе-

ратрицы Ирины³²⁴. Поэтому перспектива дальнейшего исследования темы заключается в выявлении отдельных противоборствующих тенденций в развитии имперской идеи, соответствующих интересам различных социальных сил. В данном разделе книги речь пойдет о происхождении и специфике папского понимания идеи империи в том виде, в каком оно отразилось в событиях рубежа VIII–IX вв., так как это понимание находится в прямой связи с предшествующим италовизантийским периодом и представляет собой логический итог характерных для него тенденций.

Исследование базируется на сочетании двух методов: анализа документов, в которых непосредственно проявились теоретические воззрения руководителей римской курии, и изучения конкретно-политической деятельности пап, протекавшей под влиянием их идейных установок. Во втором случае мы вправе использовать весь фонд сохранившихся источников, в первом — лишь весьма немногочисленные материалы, вышедшие из недр папской канцелярии. Среди них наиболее важны римская «Книга понтификов» и т. н. «Константинов дар». Несмотря на то, что изучение этого последнего памятника продолжается уже более 500 лет, обстоятельства его возникновения до сих пор не вполне ясны. Главное препятствие к его полноценному использованию как источника состоит в отсутствии точной датировки его создания³²⁵. Вместе с тем откровенно заявленная в «*Constitutum Constantini*» претензия папства на светскую власть на Западе не позволяет датировать документ временем до начала иконоборчества, то есть до освобождения папства от прямого византийского диктата. Палеографически установлен *terminus ante quem* возникновения памятника — 806 г.³²⁶ (хотя в своем нынешнем виде текст имеет и более поздние интерполяции). Таким образом, «Константинов дар» был составлен либо в ходе занявшего несколько десятилетий процесса формирования империи на Западе, либо вскоре после ее провозглашения, и следовательно, отражает политические идеалы папства в рассматриваемый период.

После этих предварительных замечаний обратимся непосредственно к предмету исследования. В историографии господствует точка зрения, что, осуществляя коронацию Карла Великого, папа Лев III стремился к созданию всемирной Римской империи под эгидой Каролингов, включавшей земли как Запада, так и Востока³²⁷. В обоснование приводятся сведения «Константинова дара» об универсаль-

листных притязаниях папства. На деле, однако, согласно «*Constitutum Constantini*», римский папа является духовным, а не светским владыкой всего мира³²⁸. Светская его власть распространяется только на страны Запада («*Romae urbis et omnes Italiae seu Occidentalium regionum provincias, loca et civitates... Silverio, universali papae, contradentes*» — «Город Рим и вся Италия, а также западных областей провинции, местности и города... Сильверию, вселенскому папе, передаются»)³²⁹. Император Константин перенес свою резиденцию в Константинополь и якобы передал папе Сильвестру императорские регалии в знак признания его высшей властью на Западе, а сам стал править на Востоке³³⁰. «*Constitutum Constantini*» вовсе не декларирует теоретическую неделимость светской империи: империя как сообщество христиан — неделима; империя как государство имеет особого императора для Востока и особого (здесь — папу) для Запада.

Можно ли считать идею имперского дуализма для VIII–IX вв. в какой-либо мере новаторской? Ее традиция, несомненно, идет от позднеримской империи. Конечно, в настоящее время не может вызывать сомнений тот факт, что формального разделения империи античность не знала. Вступившие на престол в 395 г. братья Аркадий и Гонорий были официально равноправными императорами единой империи, имевшими лишь разные резиденции («*Arcadius... et Honorius... commune imperium divisim tantum sedibus tenere coeperunt*», — писал Павел Орозий³³¹). После низложения в 476 г. Ромула Августула Одоакр направил в Константинополь посольство с просьбой о даровании ему титула патрикия и права управления Италией, т. е. в его глазах восточный василевс Зенон стал теперь автоматически единственным римским императором³³². Новые (особенно немецкие) исследователи постоянно подчеркивают поэтому, что в 800 г. не могло быть и речи о восстановлении Западной Римской империи³³³.

Однако если Западная и Восточная Римские империи и не имели соответствующего юридического статуса, то они все-таки существовали как политическая реальность и соответственно должны были восприниматься современниками. Две части империи взаимно дублировали структуру своего административного аппарата. К названиям различных ведомств и их руководителей прибавлялись сочетания «*per Occidentalem*» (для Запада) и «*per Orientalem*» (для Востока)³³⁴.

Послы римского сената, направленные Одоакром к Зенону, говорили ему, что римляне больше не нуждаются в отдельном императоре, свидетельствуя тем самым, что прежде существовал особый император на Западе для Запада³³⁵. В VI в. Иордан, вопреки юридическим формальностям, определяет значение событий 476 г. словами: «...вместе с Августулом погибла Западная империя римского народа»³³⁶. Павел Диякон (отметим, — приближенный Карла Великого) пишет в «Римской истории» о прекращении «*imperiū*» города Рима в момент свержения Августула, и с этой даты обрывает летосчисление *ab Urbe condita*³³⁷. Агафий Миринейский говорит о Юстиниане I, покорившем Италию, как о «первом, среди царствовавших в Византии, кто показал себя не на словах, а на деле императором римлян»³³⁸, а составленный в VI в. список римских императоров прямо ограничивает Востоком сферу управления византийских василевсов («*Theodosius Junior Orientale imperium tenuit*», «*Anastasius Orientale gubernans imperium*»³³⁹). Таким образом, как для современников двух империй, так и для их потомков, мысль о раздельном существовании Западной и Восточной частей империи была вполне естественной. Вовсе не кажется поэтому нелепым или необъяснимым появление в раннем Средневековье идеи о необходимости иметь в Риме отдельного императора, если не «Западного», то «для Запада» («*per Occidentalem*»). В некоторых римских кругах она могла находить опору в воспоминаниях о формально добровольном отказе римского сената от собственного императора в 476 г. «Сенат и народ римский» сохраняли за собой право на инициативу в выборе императора в случае, если их перестанет удовлетворять господство восточных василевсов.

Тот факт, что подобные настроения были распространены в раннесредневековом Риме вплоть до эпохи иконоборчества, подтверждается чередой узурпаций, имевших место в Италии в VII–VIII вв.³⁴⁰

Вспомним в этой связи о мятеже равеннского экзарха Элефтерия (619 г.). Объявив себя императором в Равенне, Элефтерий потребовал от равеннского архиепископа короновать его. Епископ посоветовал Элефтерию идти короноваться в Рим³⁴¹. На пути в Вечный город экзарх был убит. С обрядовой точки зрения узурпация Элефтерия очень оригинальна. Восточные императоры всегда короновались в Константинополе. Начиная с 450 г. они, как правило, принимали корону из рук столичных патриархов³⁴². Правящие императоры

иногда сами короновали своих соправителей³⁴³. Известен единственный прецедент квазикоронации в Риме папой одного из западных императоров. (В 426 г. в ходе торжественного пасхального обряда император сложил с себя корону в алтаре собора Св. Петра, а папа Иоанн I снова увенчал его ею.³⁴⁴) Феодосия I короновал некогда антиохийский патриарх. В более позднее время был случай, когда глава Антиохийской церкви осуществил коронацию узурпатора престола (Фомы Славянина в 821 г.)³⁴⁵. Итак, попытка коронации не в столице, сама по себе редкостная, становится совершенно удивительной, если учесть, что совершить обряд должен был равеннский архиепископ — прелат, не имеющий достоинства патриарха. Можно предположить, что Элефтерий в перспективе имел в виду возвысить равеннского архиепископа до уровня патриарха, что было оправдано только при переносе столицы в Равенну. Архиепископ отказался от этой чести, как видно, потому, что не верил в успех предприятия Элефтерия. Однако свой совет совершить коронацию в Риме он должен был убедительно обосновать для того, чтобы не поставить себя под удар. Наиболее вероятными доводами в данном случае могли послужить соображение о патриаршем достоинстве папы (папа — один из пяти патриархов³⁴⁶) и ссылка на традицию подобных церемоний. Именно папе предстояло короновать Элефтерия в Риме. Это значит, что в Италии воспринималась как достаточно естественная мысль об участии папы в церемонии коронации. Все сказанное позволяет считать, что узурпатор Элефтерий видел центр своей будущей империи в Италии (первоначально — в Равенне, затем — согласился на римский вариант). Таким образом, тенденция обособления Запада от Востока в изучаемый период была связана как с имперской идеей, так и с представлением о важной роли римских пап в ее воплощении.

Данное обстоятельство наверняка принималось во внимание папой Львом III в процессе подготовки к церемонии увенчания императорской короной Карла Великого. Вместе с тем процедура коронации Карла принципиально отличалась от всех известных по источникам предшествующих инаугуральных церемоний императоров. В Риме (как в «старом», так и Новом) «конституционным» основанием для восшествия на престол очередного государя являлось его провозглашение императором со стороны «войска, сената и народа»³⁴⁷. Для признания его законным властителем, строго говоря, не требовалось ко-

ронации. Патриаршее увенчание императора диадемой, вошедшее в обиход с V в., было важным политическим актом, символизировавшим единение нового государя с Церковью, но не воспринималось как легализация его восшествия на престол: патриарх не создавал императоров³⁴⁸. Естественно, поэтому, что коронация следовала за провозглашением императора.

25 декабря 800 г. в базилике Св. Петра в Риме папа Лев III торжественно увенчал Карла Великого императорской короной. Вслед за этим собравшийся в церкви народ стал провозглашать здравицы новому императору (выкрикивать электоральную формулу: «Carolo, piissimo Augusto a Deo coronato, magno e pacifico imperatore, vita et victoria!»)³⁴⁹. Таким образом, обряды были переставлены местами. Сначала папа короновал Карла, — для этого он, как видно, не нуждался ни в чьей санкции, — затем народ криками выразил одобрение его действиям: императора создал папа.

В связь с этим фактом следует поставить знаменитую версию Эйнгарда о недовольстве Карла своей интронизацией. Эйнгард сообщает, будто Карл после коронации заявил, что «несмотря на большой праздник, не пошел бы в церковь, если бы знал о замысле папы»³⁵⁰. Подтверждая эту версию, анналы св. Максимиана отмечают, что Карл «не знал» о готовящейся коронации³⁵¹.

Не приходится, конечно, относиться всерьез к наивному мнению, что Карл стал императором против воли. Окружение Карла на протяжении нескольких лет вело идейную подготовку к провозглашению империи (см. «Падерборнский эпос», письма Алкуина). Можно считать доказанным, что вопрос о нем был, в принципе, решен во время встречи папы Льва III и Карла Великого в 799 г. в Падерборне³⁵². Легче всего объяснить высказывание Карла обыкновенной игрой в скромность в расчете на внешний эффект. Впрочем, российский историк А. П. Левандовский предположил, что, изображая недовольство коронацией, Карл Великий хотел сгладить неприятное впечатление, которое это событие неминуемо должно было произвести в Константинополе, и выставить в роли его инициатора папу Льва³⁵³. Но возможно, что дело обстояло еще сложнее. Карл был морально готов к «конституционному» провозглашению императором, к тому, что его изберет «римский народ», а затем коронует папа. Но он не предполагал принимать империю как папский подарок. Инициатива коронации до провозглашения принадлежит

Льву III. Народное же провозглашение после коронации, даже если оно и носило спонтанный характер, было на руку ему же, т. к. выбивало почву из-под ног у критиков: император был все-таки законно избран, и тем самым, задним числом, получала легализацию вся церемония.

Было ли изменение порядка интронизации следствием чистого политического авантюризма папы Льва³⁵⁴, или его действия имеют какое-либо идейное оправдание? Такое оправдание содержит «*Constitutum Constantini*». В соответствии с этим документом папа — император Запада³⁵⁵. Римский же император имеет право самостоятельно избрать себе коллегу и лично короновать его³⁵⁶. Карл Великий рассчитывал, что римский первосвященник увенчает его короной как избранного законного императора, а вместо этого римский папа-император короновал его как своего соправителя. В этом — парадокс коронации Карла и причина его недовольства³⁵⁷.

Реальность такого толкования подтверждается и тем, что лишь в Византии современники обратили внимание на нелепость, с легитимистской точки зрения, церемонии коронации Карла Великого. О ней в откровенно издевательском тоне пишет Феофан Исповедник, в глазах которого претензия папы на «делание императоров» выглядит чистейшим абсурдом³⁵⁸. (Такую характеристику сообщению Феофана впервые дал Ф. Дэльгер³⁵⁹.) На Западе же своеобразие ритуала коронации прошло никем не замеченным. Объяснение заключается в том, что данный ритуал соответствовал положениям «*Constitutum Constantini*», которые, видимо, уже в это время были достаточно широко известны. Из них же следует, что речь могла идти лишь о коронации Карла как императора Запада, т. к. сам папа не являлся императором Востока и не мог даровать своему соправителю инвеституру на управление землями Восточной империи³⁶⁰.

Наиболее сильным доводом противников концепции восстановления «империи Запада» является идея «вакации» константинопольского престола. Речь идет о том, что после переворота 797 г. трон в Византии занимала императрица Ирина. Впервые за восемь столетий на императорском престоле находилась женщина, что могло восприниматься как отсутствие императора³⁶¹. Каким образом связано это обстоятельство с коронацией Карла? Один из источников (Лоршские анналы) сообщает о соборе в Риме, предшествовавшем

провозглашению императором Карла и предлагавшем ему императорскую корону. Этот собор будто бы привел в обоснование своей точки зрения два довода: что престол в Константинополе занят женщиной, а следовательно, пустует, и что все прежние императорские резиденции в Италии, Галлии и Германии находятся сейчас в руках Карла³⁶². Карл якобы ответил согласием на ходатайство собора.

Вряд ли, однако, можно доверять данному сообщению, несмотря на настойчивые попытки П. Фольца доказать его достоверность³⁶³. Во-первых, это — единственное упоминание о таком важном факте, как предложение Карлу Великому императорской короны собором. Непонятно, почему другие источники обошли его вниманием. Во-вторых, если бы такое предложение имело место, составитель анналов св. Максимиана вряд ли мог бы считать, что Карл ничего не знал о своей будущей интронизации. Эта интерпретация поведения Карла была возможна лишь в том случае, если он никогда не выражал публично своего согласия стать императором. В-третьих, аргументация собора внутренне противоречива: если речь идет об избрании Карла «Вселенским», а не Западным императором, то для этого мало владеть императорскими резиденциями только на Западе империи.

Чем объяснить появление подобной версии коронации? Мысль о вакантности престола, занятого женщиной, действительно имела распространение, в частности, в самой Византии. Не случайно царица Ирина часто (однако, вопреки мнению В. Онзорге, не всегда³⁶⁴) официально именовалась императором («βασιλεύς»), а не императрицей («βασιλίςσα»)³⁶⁵. В 798 г. представители оппозиционного Ирине течения в среде константинопольской аристократии снарядили посольство к Карлу Великому с просьбой принять императорскую порфиру. Отголоски впечатлений от этого посольства звучат в сообщении Петра Кельнского о том, что к Карлу «прибыли послы из Греции с тем, чтобы вручить ему империю»³⁶⁶. Весьма вероятно, что именно эти послы впервые принесли в Аахен идею о вакантности престола, занятого женщиной. Во всяком случае, вскоре после этого ее начинает разрабатывать в своей переписке Алкуин. Наиболее характерно в этом плане его письмо о трех высших земных достоинствах. В глазах Алкуина это: 1) достоинство главы всех христиан римского папы; 2) достоинство римского императо-

ра, который, однако, «ныне незаконно низложен своими же соотечественниками» и 3) достоинство короля «христианского народа», т. е. Карла Великого³⁶⁷. При этом Алкуин подчеркивает, что первое и второе достоинства унижены насилиями над папой Львом (незадолго до этого его изуродовали и заключили в монастырь политические противники) и над императором Константином VI (низложенным матерью). Как правильно отмечает отечественный исследователь В. К. Ронин, здесь «есть многозначительная констатация того парадоксального факта, что носитель третьего по рангу “достоинства” оказался теперь реально могущественнее и папы, и императора»³⁶⁸.

Еще за год до приезда византийцев Алкуин писал в Житии св. Виллиброрда об «империи франков, которой правил уже Пипин Геристальский»³⁶⁹. В 797 г. эта идея получает новый импульс. Теперь Алкуин следующим образом обращается к Карлу: «...per orbem Christiani Imperii, quod divina pietas tibi tuisque filiis commisit regendum atque gubernandum». («...по всей Христианской империи, которую милосердие Божье вручило тебе и детям твоим для царствования и управления»). В следующем году, выражая сожаление по поводу смерти графов Герольда Баварского и Эрика Фриульского, он отмечает, что эти «viri fortissimi terminos custodierunt, etiam et dilataverunt Christiani Imperii» («могучие мужи хранили и расширяли пределы Христианской империи») ³⁷⁰. Итак, идея совпадения государства Карла Великого и «Imperium Christianum» развивалась непосредственно при дворе Карла Великого его другом Алкуином³⁷¹ и им же была поставлена в связь с версией о вакантности константинопольского престола³⁷².

Лоршские анналы, как известно, составлялись под наблюдением аббата Ринбода — близкого знакомого Алкуина, одного из деятелей Каролингской Академии³⁷³. Здесь и берет начало франкская интерпретация коронации Карла Великого как занятия пустующего византийского престола. Составитель анналов приписал эту идею собору, который в самом деле заседал в Риме незадолго до провозглашения Карла императором, но обсуждал совсем иные проблемы (рассматривал обвинения, предъявленные папе Льву III его противниками из среды римского клира³⁷⁴). Цель фальсификации — снятие с Карла Великого подозрения в узурпации императорского титула. Излишне говорить, что папское понимание идеи империи не имеет ничего общего с версией Лоршских анналов.

Итак, можно заключить, что на протяжении VII–VIII вв. постепенно формировалась характерная для папской курии специфическая имперская концепция. Она включала в себя следующие основные принципы: римский папа является духовным главой христиан всей Римской империи (в значении «всего мира») и светским главой-императором христиан Запада; папа вправе избрать себе светского соправителя для управления западной частью империи и сделать его императором; актом легализации нового императора является осуществляемая папой коронация. Практическое воплощение эта концепция императорской власти нашла в организованной папой Львом III церемонии провозглашения императором Карла Великого³⁷⁵. С точки зрения папы, следовательно, это была коронация западного императора, что вполне соответствовало и конкретно-политическим устремлениям Святого Престола: во второй половине VIII столетия папство решало задачу завоевания и укрепления своей независимости от Византии и, конечно, не стремилось к фантастической цели установления (хотя бы и с помощью Карла Великого) своего господства на Востоке. Как показали последующие события, папская версия «*renovatio imperii*» на Западе никогда не была (да и не могла быть) полностью реализована не деле. Однако на протяжении нескольких столетий она существовала как теоретическая альтернатива реальной действительности, оказывая мощное влияние на политическую историю Средневековья³⁷⁶.

* * *

История взаимоотношений Северной и Средней Италии с ее метрополией — Византией — в социологическом плане может быть представлена как история постепенного отхода от империи ее социальных союзников на Апеннинах. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в жизни Италии противоборствовали две важнейшие тенденции: одна — ориентированная на Византию, другая — антивизантийская; при этом первая постепенно ослабевала, вторая — усиливалась. Первоначально лангобардская агрессия привела к объединению всех способных ей противостоять общественных групп.

Отчаянно отбивавшаяся от варваров империя имела достаточно прочный тыл и не сталкивалась с внутренней оппозицией вплоть до середины второго десятилетия VII в. В дальнейшем положение изменилось.

Историческая очевидность состоит в том, что Равеннский экзархат (в широком значении термина) сложился из осколков Италии, которые Византии с трудом удалось сохранить на первом этапе лангобардского завоевания. Территория экзархата сжималась как шагреновая кожа до тех пор, пока он наконец не пал под натиском тех же лангобардов. Однако, как мы видели, византийско-лангобардские взаимоотношения в Италии вовсе не представляли собой сплошной череды военных поражений империи, и более того, не носили характера перманентной конфронтации. Внутренняя стабилизация обоих политических организмов, длительные мирные передышки, попытки (иногда удачные) имперского контрнаступления («византийской реконкисты») свидетельствовали о том, что экзархат вполне способен противостоять лангобардам и сосуществовать с ними. Варвары никогда не покорили бы его, если бы им не позволили это сделать господствующий слой самой Византийской Италии и его руководители.

Основной движущей силой политических процессов на территории Италии являлось войско-«*exercitus*». Его состоянием определялись возможности Византии в борьбе против лангобардов, его позиция обуславливала успехи или поражения мятежников-узурпаторов в Риме и Равенне, наконец, только при его нейтралитете могли самостоятельно разрешать социальные конфликты другие общественные группы. Как было показано в первой главе, за два столетия войско пережило глубокую трансформацию: из регулярной армии поздантичного типа оно превратилось в местное ополчение средних и крупных земельных собственников. Таким образом, наиболее сильный и влиятельный в политическом плане общественный страт стал господствовать и в экономической жизни страны. В определенный момент он совершил политический выбор, и выбор этот оказался не в пользу Византии.

Исследуемый период с полным основанием можно назвать эпохой усиления папства. Однако такая формулировка не раскрывает его специфики: влияние римских понтификов усиливалось и в дальней-

шем: от Захарии до Николая I, от Николая I до Гильдебранда, от Гильдебранда до Иннокентия III. Внутренняя сущность временного промежутка с середины VI до середины VIII вв. в «светской» (не церковно-административной) истории папства состоит в том, что в его начале римские понтифики являлись самыми политически влиятельными фигурами среди епископов Италии, в конце — главными политическими лидерами всей страны. Помимо хорошо известных факторов (таких, как укрепление экономических позиций папства, почти абсолютный авторитет римских епископов как патриархов Запада среди латиноязычных диоцезов, активная миссионерская деятельность Рима, идейно-психологический культ Вечного города в общественном сознании современников) качественному изменению политической роли папства в Италии парадоксальным образом способствовали наиболее драматические повороты итальянской истории. Недостаточная эффективность обороны страны неоднократно заставляла римских пап брать на себя функции посредников между населением различных областей Византийской Италии и завоевателями-лангобардами, отвращать или смягчать их удары ценой дипломатических усилий и использования сокровищ Латерана. Теологические коллизии в империи, вызванные причинами, актуальными для Восточного Средиземноморья, изменения конфессиональной ориентации в Константинополе (осуждение Трех Глав, монофелитство, возвращение к Православию, затем новый переход к монофелитству при Вардане-Филиппике, наконец, иконоборчество), воспринимались в Италии как нелепые шараханья нетвердых в вере восточных василевсов, а попытки навязать римлянам тот или иной Символ веры — как великодержавное самодурство. В заданной ситуации римские папы, за редкими исключениями, последовательно отстаивали ортодоксию и вполне основательно воспринимались итальянцами как духовные вожди. Их роль в отвращении от арианства и привлечении к Православию лангобардов осознавалась современниками в том же ключе.

Следует признать, что папство оказалось готовым к решению вставших перед страной сложнейших политических задач. В результате к началу иконоборчества в Италии не было политиков, с которыми римские папы не могли бы общаться по крайней мере на равных, будь то равеннские экзархи или лангобардские короли. К этому

же времени в стране не остается политических сил, рискующих открыто выступить против пап (последняя такая сила — равеннская архиепископия — после владыки Феликса старается не обнаруживать своих амбициозных притязаний).

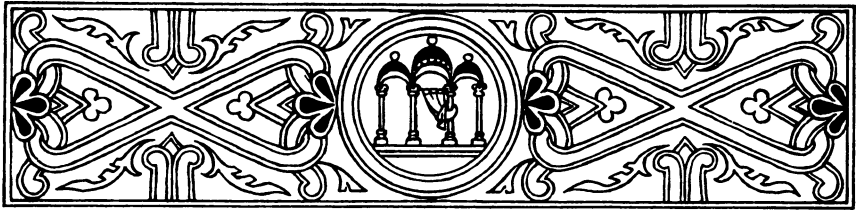
Превратившись в лидеров Италии, римские папы становятся фактическими руководителями итальянского «*exercitus*» и таким образом получают в руки решающий инструмент воздействия на своих противников. Поэтому именно на союз с папой вынужден отныне ориентироваться любой местный узурпатор, а узурпация престола в Риме при участии первосвященника рождает у современников ассоциации с реставрацией империи на Западе. В Риме есть для этого все необходимое: войско-«*exercitus*», народ (тот самый «римский»), потомки прежних сенаторов. В Риме возможно полноценная аккламация, а с участием папы — и коронация.

Но для того чтобы фактически править Италией и рукополагать здесь императоров, папам нужно освободиться от владычества Византии. Обнародование иконоборческих эдиктов, происшедшее в то время, когда основные социально активные группы населения Италии (крупные и средние собственники, связанные с военной службой, верхушка духовенства, за исключением части равеннского) уже не заинтересованы с сохранении господства Византии, становится подарком судьбы для римских пап. С этого момента власть империи уже не ощущается нигде за пределами областей Северо-Востока (собственно экзархат, Пентаполи, Венето, Истрия) и крайнего Юга. Отражением этого сдвига вскоре становятся два события: самостоятельное заключение римским папой договора с лангобардским королем в Терни (742 г.) и занятие лангобардами Равенны (751 г.). Таким образом, для ликвидации византийской власти в Северной и Средней Италии оказался ненужным (да уже и вряд ли возможным) захват лангобардами Рима и Неаполя: оба дуката фактически не принадлежали Византии.

В нашем распоряжении нет свидетельств того, что римские понтифики побуждали лангобардов к занятию Равенны. Однако суть процессов, протекавших на Апеннингах во второй четверти VIII в., может быть выражена следующей формулировкой: римские папы руками лангобардов ликвидировали византийское владычество в Северной и Средней Италии³⁷⁷.

К сказанному остается добавить, что идейное обоснование политического потенциала римской епископии в новых условиях не заставило себя долго ждать. Оно было реализовано в концепции «Константинова дара», а затем воплощено в жизнь в коронации Львом III в качестве императора франкского короля Карла. В 619 г. авантюрист средней руки экзарх Элефтерий очень желал для себя такого финала, но не смог его добиться; в 800 г. великий политик Средневековья добился его, хотя стремился к несколько иному результату. И пусть вряд ли кто-то из современников сомневался в том, что Карл Великий, с помощью Божьей, достиг императорского достоинства собственными усилиями, — папская коронация связала его империю с Западной Римской и легла в основу новой традиции, согласно которой путь к императорской короне в Западной Европе проходил через папскую инвеституру. В этом — один из итогов политических процессов, берущих начало в Византийской Италии.

Часть II

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ИТАЛИЯ: РАВЕННСКИЙ ФЕНОМЕН

Глава 3

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Третья глава монографии рассказывает об общественных отношениях в сфере аграрного производства на территории экзархата (в узком значении термина), а также обоих Пентаполей. В ней рассматривается следующий круг вопросов: структура земельной собственности; положение непосредственных производителей, в частности — формы их эксплуатации, уровень жизни, система рент; экономические взаимоотношения внутри класса земельных собственников, то есть система распределения прибавочного продукта, отношения собственников и государства, отражение экономических связей между различными прослойками господствующего класса в частноправовой сфере. В последнем параграфе речь идет о патримонии равеннской архиепископии, ее взаимоотношениях с крупными арендаторами, в конечном счете — о формировании и деформации социальной базы ее влияния.

Характеристика природных условий Равеннского экзархата, его аграрной топографии и экономической предыстории имеет пропедевтическое значение для дальнейшего исследования.

**ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ.
АГРАРНАЯ ТОПОГРАФИЯ РАВЕННСКОГО ЭКЗАРХАТА
И ПЕНТАПОЛЕЙ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РЕГИОНА В ДОВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ**

В географическом отношении области Равеннского экзархата и Пентаполей образуют узкую и длинную полосу земель, тянувшихся вдоль западного побережья Адриатического моря. С запада она ограничена горными хребтами, от которых в сторону моря отходят отроги, разделяющие предгорья на многочисленные долины. Ближе к морю последние сливаются в единую холмистую равнину.

Побережье Пентаполя Морского — песчаное, аллювиального происхождения. Севернее (в самом Равенском экзархате) преобладают вязкие, болотистые берега. В эпоху раннего Средневековья еще сохранялись кустарниковые заросли и хвойные леса (знаменитые «равеннские пинеты»), отделявшие от моря полосу болот в долине р. По. Река По — наиболее крупная водная артерия Италии — разграничивает Равеннский экзархат и Венето. Ее дельта в раннее Средневековье была заболочена, и полоса болот шла дальше на север вдоль венецианского побережья.

Климат Восточной Италии — средиземноморский с чертами континентальности. Средняя температура летом: $+25^{\circ}$ — $+30^{\circ}$; зимой: -1° — -3° . Высокая влажность в дельте По и ряде районов побережья делает невозможным возделывание земли без систематических мелиоративных работ. В то же время на равнине влаги недостаточно. Среднее количество осадков 600–800 мм в год, и почва нуждается в орошении¹.

Земли Эмилии-Романьи отличаются исключительным плодородием. Об изобилии продуктов питания в долине По писал еще Полибий². Во II–I вв. до н. э. в Цизальпинской Галлии располагались образцовые имения Сазерны³. С доримских времен в Эмилии возделывались зерновые культуры, и прежде всего — пшеница⁴. Производились также рожь, овес, ячмень⁵. Виноградники в болотистых прибрежных районах приносили фантастические урожаи. Как подсчитал итальянский исследователь В. Сираго⁶ (на основе данных Варрона и Колумеллы⁷), виноградник в Эмилии давал в среднем 312 гектолитров вина с 1 га, в то время как лучшие виноградники Лация приносили по 144 гектолитра с 1 га. Избытком вина античная

Равенна компенсировала недостаток чистой воды, и сатирик Марциал шутливо жаловался на трактирщика, который должен был продать ему вино, смешанное с водой, но из жадности налил неразбавленного⁸. Впрочем, вследствие большой влажности виноградные лозы Эмилии жили лишь в течение 4–5 лет⁹. Наиболее важной технической культурой являлся лен. Популярностью пользовались льняные ткани, изготовленные мастерами Фаенцы¹⁰. В Эмилии выращивались маслины, яблоки, фиги; некоторые виды овощей (репа, горох). Жители держали крупный рогатый скот и домашнюю птицу. Было хорошо развито овцеводство¹¹.

Ассортимент сельскохозяйственных культур, известных со времен античности, практически не изменился в эпоху раннего Средневековья. Выращивание зерновых оставалось основной отраслью аграрного производства; поэтому, в частности, в договорах об аренде земли при внесении арендной платы натурой прежде всего оговаривалась квота получаемого собственником зерна (БК 38, 41, 72, 74, 89–100, 102, 133, 139, 141–142, 157–158). В состав земельных участков (*fundi*) обычно входили виноградники (*Tjäder* 20). Вино включалось в состав взноса колонов, арендующих землю у Равеннской церкви (БК 41, 72, 74, 89–96, 100, 133, 142–144). Иногда арендная плата вносилась только вином (БК 49; в этих случаях, видимо, арендовался виноградник). Население Эмилии-Романьи продолжало культивировать лен (БК 42, 74, 94, 96, 99, 100, 102, 139), выращивать маслины (*Tjäder* 20, БК 141, 142, 158) и иные плодовые деревья (*Tjäder* 20, 29). В грамотах послевизантийского времени упоминается конопля (БК 133, 141, 142). Сохраняет свое значение скотоводство: разведение крупного рогатого скота, свиней¹² и овец (*Tjäder* 3, БК 38, 72, 74, 89, 94, 98, 100, 102, 133, 134, 136, 139), домашней птицы (*Tjäder* 3, БК 38, 41, 89, 139). В VI в. колоны Равеннской церкви часть натурального оброка вносили медом и, следовательно, занимались бортничеством (*Tjäder* 3). Весьма важным источником продуктов питания являлось речное и морское рыболовство¹³.

Природные условия Эмилии-Романьи обеспечили ей положение одного из важнейших сельскохозяйственных регионов Апеннинского полуострова, независимо от конкретных форм социального устройства и организации аграрной деятельности, последовательно сменявших друг друга на землях Восточной Италии.

В документах по истории Византийской Италии используется ряд терминов, обозначающих различные реалии из области аграрной топографии. От их понимания историком во многом зависят результаты осуществляемых им исследовательских операций.

Чаще всего в источниках фигурирует термин «fundus». В научной литературе по античной аграрной истории «fundus» определяется как «техническое наименование земельного участка, асигнованного государством в полную собственность гражданину и обозначаемого именем первого собственника»¹⁴. На территории «fundus» находились жилища непосредственных производителей (рабов, либертинов, колонов), хозяйственные сооружения и постройки. Здесь же хранился инвентарь, необходимый для обработки «fundus». Участок, снабженный всем перечисленным, именовался «fundus cum instrumento»¹⁵. Названия «fundi» обычно образовывались от родового имени владельца (реже — от его *cognomen*) при помощи суффикса «-apus» (в областях с кельтским населением применялся суффикс «-acus»). Древняя аграрная топонимика в Италии, Испании, Южной Галлии явилась одним из важнейших элементов континуитета между античностью и Средневековьем. Наименования многих сельских поселений нового и Новейшего времени происходят от названий «fundi»¹⁶.

На территории Равеннского экзархата и Пентаполей в раннее Средневековье повсеместно встречаются «fundi» с характерными названиями античного типа: Staturianus, Arturianus, Balonianus (Tjäder 8, 17, 20). В ряде случаев в имени «fundus» зашифрована характеристика самого участка: «Pictilis» (Tjäder 29 — «Живописный»); «Roboratus» (Tjäder 32 — «Укрепленный», м. б. — «Огороженный») и т. д. Особый интерес представляют названия, произведенные от числительных, т. к. они обозначают земельную площадь участка, выраженную в югергах: Quadraginta, Centula, Duocenta (БК 9), Centum (БК 10), Mille jugera (БК 14), Tregintolus (БК 16), Quinquagintula (БК 17), Duocenta (БК 18), Centum viginti (БК 29), Centum (БК 23), Quadragintula (БК 36), Trecenta (БК 40), Trecenta (БК 44), Centuario jugera (БК 79), Centum (БК 165).

Как видим, площади данных земельных участков колеблются в весьма широком диапазоне: от 30-ти до 1000 югергов. Однако большая часть наименований — 8 из 18 (а точнее, из 16-ти, поскольку в гра-

мотах БК 9, 67 и 36 упоминается один и тот же участок *Quadragesintula*) относится к *fundi* размером 100 или около 100 югеров. Участок близкого размера (125 югеров) фигурирует в равеннских папирусах (Tjäder 31).

В IX–X вв. в грамотах Баварского кодекса отдельные части старинных *fundi* иногда обозначаются в пертиках (1 пертика — 10 римских футов; 228 кв. пертик — 1 югер). Так, в одном случае (БК 82) сдается участок размером 250×250 пертик из состава *fundus Altigianus*. Таким образом, в состав этого *fundus* входит земельный комплекс размером ок. 182,5 югера. В других грамотах площадь выражена в модиях (модий как мера площади равен 3 югерам). Например, в *fundus Casale Mauri* входит территория в 350 модиев (ок. 117 югеров, БК 102). В перечисленных случаях речь идет о *fundi*, заведомо больших, чем 100 югеров. Во многих других ситуациях (БК 94, 96, 98, 99, 100 etc.) в состав *fundus* входят участки меньшие, чем 100 югеров, но размеры самих *fundi* нам неизвестны. Поэтому попытаемся привлечь некоторые косвенные сведения о масштабах земельных комплексов в изучаемой зоне.

Что представлял собой надел, соизмеримый с *fundi*, известными нам по материалам экзархата и Пентаполей, в античную эпоху? Классический пример такого комплекса — «идеальная вилла» Марка Порция Катона Старшего. Катон считал идеальным имение размером в 100 югеров, в котором имелись виноградник, огород, ивняк, масличный сад, луг, хлебное поле, подлесок (для заготовки корма скоту) и лес (пригодный для получения строительной древесины и сбора желудей)¹⁷. В равеннском папирусе Tjäder 20 зафиксировано дарение Равеннской церкви части *fundus* в районе Римини (ок. 600 г.). В тексте говорится: «...передаю и уступаю полностью из состава *fundus*, называемого *Valonianus*, принадлежащую мне часть вместе с землями и виноградниками и всем, в целом или в частности к упомянутой моей частице прилежающим, вблизи или в отдалении... а также в названном *fundus Valonianus* и в других *fundi*, коими владеет святая Равеннская церковь... уступаю все имущество вместе с границами и межами, полями, лугами, пастбищами, лесами, ивняками, семенными участками (*sationalibus*), виноградниками, кустарниками, яблоневыми деревьями плодоносными и неплодоносными разных сортов, ручьями, источниками и непересыхающими родниками со всеми их пограничными знаками и рубежами...» Все

хозяйственные угодья, упоминаемые Катонем (кроме масличного сада), перечислены в цитируемом тексте. В 504 г. аргентарий Флавий Василий продал участок земли из состава *fundus Pictilis* «...с границами и межами, подъездными путями, пастбищами, семенными участками, кустарниками и плодовыми деревьями разных сортов» (Tjäder 29). Та же формула использована для характеристики продаваемого земельного участка в папирусе Tjäder 30 (речь идет о продаже в 539 г. 20-ти югеров земли из состава *fundus Concordiacus*). В равеннской дарственной 541 г. речь идет о двух унциях (т. е. двенадцати частях) *fundus Domitianus*, также включающих в себя все упомянутые выше угодья и масличный сад (Tjäder 33). Об отчуждении частей разных *fundi*, каждая из которых включает несколько хозяйственных типов, говорится в папирусах Tjäder 35, 36, 37, в Баварском кодексе (БК 70). Мы вправе полагать, что многие *fundi* на территории Равеннского экзархата были близки по размерам и сопоставимы по хозяйственной специфике с «идеальной виллой» Катона Старшего.

Обратим внимание на одно важное обстоятельство. В состав *fundi* в Восточной Италии, как правило, входят *casales*. Термин *casale* определяется Дю Канжем как «*certum casarum numerus, villa*», т. е. «определенное количество домов, селенье»¹⁸, а также как отдельный дом («*casa*») с земельным наделом. В равенских папирусах и в Баварском кодексе слово «*casale*» употребляется в расширительном смысле: не просто «дом» или «селенье», но «дом или селенье вместе с прилегающими к ним угодьями». Поэтому возможны многочисленные сделки дарения, продажи, аренды *casales* (Tjäder 8, БК 2, 5, 7, 12). С другой стороны, в наших источниках «*casale*», как правило, не означает «один дом»; речь не может идти об одном домовладении, поскольку *casale* отчуждается по частям; поскольку *casales* носят собственные имена, что не характерно для отдельного дома, он, скорее всего, именовался бы «дом такого-то»; поскольку, наконец, источники хорошо знают слово «*casa*» и употребляют его, где это необходимо (БК 73, 77, 138, 159). «*Casales*» в Восточной Италии всегда — сельские поселения с принадлежащими им угодьями. По расчетам античных землемеров, для обработки участка в 100 югеров требовалось от 4-х (хлебное поле)¹⁹ до 16 (виноградник)²⁰ человек работников, т. е. от 2-х до 8-ми семей (домов). Следовательно, даже самое маленькое селенье — «са-

sale» было достаточно для обработки fundus в 100 югеров в условиях зернового или смешанного (многоотраслевого) хозяйства. Отметим, что в IX в. в районе Синигалии 6 семей колонов арендовали участок в 200 югеров (по 3 семьи на 100 югеров, БК 89). По данным грамоты БК 23, fundus Centum сдавался в аренду «cum casale», т. е. именно население одного casale обрабатывало участок в 100 югеров.

Все сказанное выше позволяет заключить, что при всем многообразии размеров конкретных fundi в Восточной Италии цифра в 100 югеров является приемлемым ориентиром для представления об их средней величине. Предварительная оценка средней величины fundus необходима потому, что, как правило, мы встречаем в источниках лишь названия участков и лишены информации об их площади. Приведенные выше характеристики позволяют со значительной долей вероятности расценивать каждый случайно встретившийся в источниках fundus как земельный комплекс, отвечающий по размерам имени среднего земельного собственника античного типа, эксплуатирующего труд нескольких семей колонов или рабов.

Массивы в несколько fundi, принадлежащих одному собственнику, образовывали в эпоху античности латифундии (lati fundi), именующиеся в равенских источниках «massae». В Равенском экзархате и Пентаполях в состав massa могло входить различное число fundi вместе со своими casales. Известно, например, что в состав massa, подаренной Равеннской церкви римлянкой Флавией Ксантиппой (Tjäder 17), входило 34 различных fundi. Находившиеся в окрестностях небольших городов в Пентаполях massae носили названия, производные от имен этих городов, и, видимо, обнимали немалую часть их округа (massa Ausimana — от Озимо, БК 115; massa Senogalliensis — от Синигалии, БК 95). В византийскую эпоху massae (как и fundi) систематически фигурируют в различных сделках по частям, но как топографические единицы встречаются в изучаемом регионе до X в. включительно²¹.

Таким образом, на территории Восточной Италии в течение всего раннего Средневековья практически в неизменном виде сохраняется античная система топографического членения аграрного ландшафта, опирающаяся на римские принципы земельного межевания. В источниках широко используется соответствующая терминология.

Как развивалась аграрная экономика изучаемого региона в до-византийский период?

В эпоху ранней античности в Цизальпинской Галлии основным хозяйственным укладом было мелкое свободное землевладение. Проживающие здесь мелкие земельные собственники частично были потомками доримских (кельтских) обитателей долины По, частично (со II в. до н. э.) римлянами: солдатами-ветеранами или жителями местных городов-муниципиев, получившими земельные участки от римского государства (размеры участков — три, пять, восемь югеров, реже — более значительные: до 50 югеров)²². Редкостное плодородие земель несколько замедлило процесс распространения крупного землевладения в изучаемой зоне, т. к. мелкое землевладельческое хозяйство долго оставалось рентабельным. Крупные и средние поместья становятся главенствующим хозяйственным типом на рубеже I–II вв. н. э. Такие имения описаны Плинием Младшим, унаследовавшим от родителей земли в районе г. Комо. Плиний, как и многие другие собственники Цизальпинской Галлии, сдавал их в аренду²³. В Велейской таблице (нач. II в. н. э.) перечислены имения в окрестностях г. Велей (в горной части Эмилии), заложенные собственниками императорскому фиску на условиях получения денежных ссуд. Стоимость этих поместий от 50 тыс. до 1,2 млн. сестерциев, что при средней цене земли по 1000 сестерциев за югер (по данным Колумеллы²⁴) означает земельную площадь от 50 до 1200 югеров. Иными словами, даже в горном районе Велей в начале II в. до н. э. уже господствовало среднее и крупное землевладение.

Продолжающийся процесс концентрации земельного фонда в руках немногочисленных крупных собственников приводит к появлению обширных латифундий, что тесно связано с социальными изменениями в сфере аграрного производства, в первую очередь — с распространением колоната²⁵. Именно в провинции Эмилия (в Форли) обнаружена надпись времен императора Августа, в которой военный трибун Гай Кастриций Тит, отпуская на волю двух своих рабов, в качестве патрона берет с них обязательство «хорошо и тщательно обрабатывать землю»²⁶. Эта надпись расценивается специалистами как одно из первых свидетельств о колонате²⁷. Велейская таблица сообщает о колонатах, живущих в районе Лукки (*coloni Lucenses*), и о поселениях колонатов (*colonias*)²⁸.

В IV–V вв. колонны уже составляют большинство среди сельского трудящегося населения региона, хотя в аграрном производстве все еще широко применяется труд рабов, а также — наемных работников²⁹ (см., например, письмо Амвросия Медиоланского епископу Имолы Констанцию (379 г.) о взаимоотношениях между господами (*domini*) и их «работниками», «*servi*»)³⁰. Доминирующее положение в экономике сохраняет крупная земельная собственность. К этой экономической категории следует отнести как частные латифундии, так и владения фиска (модуляцию древнего *ager publicus*), расширившиеся за счет периодических конфискаций недвижимости у политических противников разных императоров и секуляризации собственности языческих храмов (по конституции Валентиниана I от 382 г.)³¹. Для управления землями фиска на территории *Italia Annonaria* (куда входили, в числе прочих, области Восточной Италии) была учреждена особая чиновничья должность «*rationalis rerum privatarum per Italiam*»³². Примерно с V столетия начинается процесс превращения в земельных собственников крупнейших епископий Италии, и в первую очередь римской епископии³³. К концу римского периода истории Италии относятся первые упоминания о собственности Равеннской церкви³⁴.

Экономическая жизнь Италии претерпевает большие перемены в остготскую эпоху, когда значительная часть земель переходит в руки германцев в результате земельных переделов. Большинство готов расселилось на территории Северной и Средней Италии, в том числе — в окрестностях Равенны³⁵. Здесь распространяются как крупное землевладение готской знати, так, видимо, и мелкая аллодиальная собственность свободных земледельцев-готов (хотя известно, что значительная часть римских собственников сохранила свои поместья)³⁶. Продолжается формирование земельного домена равеннской ортодоксальной епископии (*Tjäder* 12). Одновременно, благодаря королевским пожалованиям, становится крупным собственником земли арианская церковь Италии³⁷. При этом большая часть полученных ею земель, по-видимому, находилась на востоке Италии, т. е. после византийского завоевания ее домен был передан равеннскому ортодоксальному диоцезу (*Tjäder* 2). Государственная земельная собственность при остготах значительно выросла и укрепилась, в том числе и на территории будущего Равеннского экзархата³⁸. Процесс этот получил новый импульс в прав-

ления королей Тотилы и Тейи (541–552), когда государственный домен рос за счет экспроприации имущества крупных римских собственников³⁹.

Византийское завоевание привело к новому расширению сферы крупного и среднего землевладения римского типа в аграрном строе Италии. Прагматическая санкция Юстиниана I предписала вернуть римлянам недвижимое и движимое имущество, которым они владели до прихода к власти «тирана» Тотилы⁴⁰, утвердив пожалования в пользу римлян остготских правителей Теодориха, Амаласунты и Теодата⁴¹, отменить все сделки, заключенные в правление Тотилы, по которым римлянин утрачивал какую-либо собственность⁴². Готское население было подвергнуто массовой депортации, а недвижимая собственность выселенных готов (в тех случаях, когда она не подпадала под действие статей Прагматической санкции) была включена в состав государственного имущества⁴³. Собственностью императорского фиска стал и прежний домен остготских королей. Значительно пополнила свой земельный фонд за счет ариан Равеннская церковь. Таким образом, к сер. VI в. социально-экономическая ситуация в аграрной экономике Италии сложилась как итог взаимодействия трех факторов: экономических последствий присутствия в Италии остготов и целенаправленной «реставраторской» политики византийского государства.

СТРУКТУРА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

УПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ

Во второй половине VI — первой половине VIII вв. на землях Равеннского экзархата и Пентаполей существовало три основных типа собственности: собственность государственная, собственность церковная и собственность частная (средняя, крупная и мелкая)⁴⁴. Византийский фиск был одним из крупнейших земельных собственников Италии. Основу его богатства составляли поместья, принадлежавшие прежде Остготскому государству. Последние, как известно, в свою очередь, были частично унаследованы им от Одоакра и римлян⁴⁵. Эти имения располагались в Северной и Средней Италии⁴⁶, в южных областях⁴⁷, в Сицилии (Tjäder 10–11), иными словами — на всей территории страны. Как отмечалось выше, к фиску пе-

решла и часть земельной собственности изгнанных остготов⁴⁸. К сожалению, от самого Равеннского экзархата почти не сохранилось известий о государственном землевладении. Поэтому для исследования привлекается *Placitum de Rizáno* — источник истрийского происхождения.

Из грамоты, составленной в 804 г., следует, что в византийскую эпоху земли будущего каролингского домена в Истрии принадлежали константинопольскому фиску, и в тексте документа постоянно сопоставляются порядки, сложившиеся здесь «во времена греков», с теми, которые, вопреки устоявшимся обычаям, пытается ввести франкский герцог Иоанн. На него жалуется императору Карлу Великому население домена. Жалобы на притеснения исходят от представителей местной знати. Это — люди, из числа которых в эпоху византийского господства выходили крупные чиновники — викарии, доместики, трибуны и даже консулы⁴⁹. Они весьма состоятельны — держат не только быков, но и коней⁵⁰, являются собственниками овечьих стад численностью более ста голов⁵¹, имеют суда для каботажного плавания (в тексте приведена жалоба на то, что герцог Иоанн принуждает их ходить морем в Далмацию, Венецию и Равенну⁵²). У них есть рабы (*servi*). Эксплуатируют они также труд свободных⁵³. Каково место общественной группы, к которой принадлежат просители, в социальной структуре домена? Ответ на этот вопрос дал анализ одной из просьб, обращенных ими к императору: они просят признать законность всех заключенных ранее (видимо, при византийцах) эмфитевтических и либеллярных сделок⁵⁴. Таким образом, податели жалобы являются арендаторами (на правах эмфитевсиса и либеллы) земель императорского фиска. Тот факт, что их претензии касаются не отдельных поместий, а всего императорского домена в Истрии⁵⁵, свидетельствует о распространении указанных форм аренды на всей его территории. Социальная структура здесь трехчленная: государство — арендаторы — непосредственные производители. Такая структура домена предписывает и соответствующие формы управления им: организация эксплуатации производительного населения находится в руках арендаторов. В самом деле, в истрийской грамоте 804 г. мы не встречаем упоминаний об особой администрации домена. Напротив, в ней говорится, что арендная плата, как и другие взносы, доставляется самими арендаторами *in palatio*⁵⁶. Сами же арендаторы, естественно, взимают эти поборы с производителей. Уча-

стие в управлении императорских официалов, по-видимому, исчерпывается спорадическими наездами контрольного характера (об обязанности населения обеспечивать довольствие таким «ревизорам» говорится в документе⁵⁷). Интересна роль аквилейского патриарха, который, согласно источнику, должен был оказывать населению домена помощь — *adjutorium*⁵⁸. В его присутствии разбирается жалоба на герцога⁵⁹, ему бросают просители упрек в недостаточной заботе о соблюдении древних прав⁶⁰, сам он ссылается на какую-то договоренность, согласно которой он должен выступать хранителем местных обычаев⁶¹. Вероятно, перед нами — рудимент византийской системы управления фискальными землями, для которой характерен институт «адвокатов фиска»⁶² — лиц, формально не состоявших в администрации домена, но следивших за соблюдением государственных интересов другими собственниками и местными властями и представлявших фиск в судебных процессах.

Насколько репрезентативна истрийская грамота 804 г. для суждения о земельной собственности византийского фиска в целом? Как известно, земли фиска подразделялись на три основные категории: *fundi rei privatae*, *fundi sacri patrimonii* и *fundi domus divinae*⁶³. Юридические различия между землями двух первых типов являются предметом научных споров⁶⁴, однако для нашей темы важно, что еще незадолго до Юстиниана синонимом сочетания «*fundi patrimoniales*» становится «*fundi emphyteutici*»⁶⁵. Именно на землях императорского патримония эмфитевсис получил особенно широкое и, можно сказать, всеобъемлющее распространение. О том, что земли такого типа имелись в Италии, говорит одна из новелл Юстиниана, где упоминается *comitus sacri patrimonii per Italiam*⁶⁶. Можно было бы предполагать, что поместья византийского фиска в Истрии относились к ведомству патримония (*comitiva sacri patrimonii*). Однако такой вывод оправдан для IV–V, но не для VIII в. Уже при Юстиниане эмфитевсис широко распространяется и на землях *rei privatae*⁶⁷. Домены этой категории существовали в Италии в доостготскую эпоху. (В «*Notitia dignitatum*», как мы помним, упомянут *rationalis rei privatae per Italiam*⁶⁸.) Весьма вероятно, что их статус не изменился и в византийские времена. Поэтому делать определенное заключение о юридической принадлежности земель фиска в Истрии на основании разбираемой грамоты вряд ли допустимо. Но именно отсутствие серьезных различий в методах эксплуатации разных категорий фискальных

земель в Византийской империи позволяет предполагать, что грамота из Ризано характеризует не частную ситуацию, а основной тип социальных отношений на землях императорского домена в Италии. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что речь в документе идет обо всем комплексе императорских земель целой крупной провинции. Широкое распространение на фискальных землях Италии долгосрочной аренды показывает, что угодья фиска эксплуатировались здесь в целом так же, как и по всей стране. Хорошей основой для этого являлось распространение аренд на государственных землях еще в остготскую эпоху⁶⁹. Если учесть, что сложность организации управления производством на колоссальной территории императорского домена была основной причиной распространения на ней аренды, можно ожидать, что в Италии этот процесс должен был пойти особенно далеко. Ему способствовал ряд специфических причин, о которых пойдет речь ниже, и видимо, сдача императорской земельной собственности в аренду была в Италии обычным способом использования этих земель.

Церковная собственность получила на территории византийской Восточной Италии исключительно широкое распространение. Наиболее крупным собственником среди духовных корпораций была равеннская архиепископия. Основу ее земельных богатств составляли, во-первых, бывшие владения арианской церкви в Италии, переданные равеннской ортодоксальной Церкви императором Юстинианом I⁷⁰, во-вторых, — обширные территории, отошедшие к ней в результате дарений и завещаний. Есть сведения о наличии поместий Равеннской церкви в окрестностях Римини (БК 14–16, 18, 21, 23–25, 27, 28, 50, 53; Tjäder 20, Tjäder 45), Иези (БК 32), Озимо (БК 121, 122, 124), Синигалии (БК 71), Губбио (Tjäder 18–19). До лангобардского завоевания она имела владения в округе Лукки (Tjäder 8), Падуи (Tjäder 3), Урбино (Tjäder 13). (О дальнейшей судьбе этих владений сведений нет, но, видимо, с приходом лангобардов они были утрачены.) Данные о наличии равеннских патримониев во второй половине VIII–X вв. в окрестностях Фельтре (БК 170–175), Фоссомброне (БК 164), Перуджи (БК 161–163), Фаэнцы (Marini 97), вполне возможно, характеризуют и византийскую эпоху⁷¹. В архиве равеннской архиепископии сохранились некоторые документы о земельных сделках, заключенных в довизантийское время. Со временем (возможно, уже в византийский период) фигурирующие в них участки отошли к Равеннской

церкви. Имеются в виду прежде всего район самой Равенны — (Tjäder 8), затем Болоньи (Tjäder 8), Имолы (Tjäder 8); уже упоминавшегося Римини (Tjäder 35, 37), Фаэнцы (Tjäder 30, 31), наконец, Рима (Tjäder 17).

Есть данные о наличии земель равеннской архиепископии в южных провинциях Италии⁷². Очень значительны были ее владения в Сицилии⁷³. Наконец, сохранилось свидетельство о том, что Равеннской церкви принадлежал остров у берегов Далмации (Tjäder 10–11). Возможно, что Равеннская церковь располагала и другой собственностью в этой провинции. Таким образом, к моменту лангобардского нашествия Равеннская церковь владела земельными угодьями в Центральной, Северной, Южной Италии и в Сицилии, после нашествия — на территориях Равеннского экзархата, Пентаполей, возможно, Римского дуката, на юге страны, в Сицилии и Далмации.

С точки зрения организации производства, земли равеннского церковного патримония делились на две категории: поместья, население которых эксплуатировалось Церковью непосредственно, и угодья, сдававшиеся в долгосрочную аренду. К патримониям первого типа относился, например, крупный комплекс недалеко от Падуи, сведения о котором дошли от 60–70 гг. VI в. (Tjäder 3). Производительное население платило здесь денежные и натуральные взносы непосредственно собственнику земли и выполняло барщину в его пользу. Руководство патримонием, видимо, находилось в руках управляющих (actoges). Последние, правда, не упоминаются в данном источнике, но неоднократно фигурируют в других (Tjäder 17, 20, 27 etc.). В то же время папирус Tjäder 3 — единственный источник византийского времени, характеризующий церковное хозяйство с подобной системой эксплуатации. Остальные документы (в частности вся византийская часть Баварского кодекса) свидетельствуют о сдаче земель архиепископии в долгосрочную аренду (эмфитевсис). Можно думать, что эмфитевсис был наиболее распространенной формой использования земельной собственности в патримонии Равеннской церкви⁷⁴. Естественно, что административное устройство такого домена сильно отличалось от устройства непосредственно эксплуатировавшейся Церковью части патримония. Как организация трудовых процессов, так и сбор ренты здесь находились в руках арендаторов (см. Tjäder 2). Видимо, их функции были аналогичны функциям арендаторов на императорских землях.

Архиепископия располагала специальным ведомством патримония. По сообщению Агнелла, для руководства им назначались особые лица из числа клириков с высокой моральной и деловой репутацией⁷⁵. В подчинении у них находились многочисленные *astores*, управлявшие церковными имуществами до их сдачи в аренду⁷⁶ и выступавшие от имени Церкви в некоторых имущественных сделках, касающихся земельной собственности (напр., Tjäder 17). Более поздние документы (IX–X вв.) свидетельствуют, что Церковь имела в каждом крупном городе особое ведомство (*rectorium*), куда стекались поступления с близлежащих земель патримония (в Римини — БК 38, 49; в Синигалии — БК 72, 74, 88–91, 94–102; в Озимо — БК 133, 139, 141, 142; в Губбио — БК 157). Вероятно, эти *rectoria* существовали и в византийскую эпоху. Наконец, в отдельных случаях архиепископы направляли в тот или иной патримоний особого чиновника (*capitularius*) для ревизии или с какой-либо специальной целью (о посылке такого официала в Сицилию рассказывает Агнелл)⁷⁷. Таким образом, равеннская архиепископия располагала разветвленным аппаратом управления земельными угодьями.

Источники сохранили данные и о патримониях некоторых других влиятельных итальянских Церквей. Что касается собственно епархий, подчиненных равеннскому архиепископу, то они формально включались в состав домена архиепископии⁷⁸. Фактически, однако, патримоний каждой епископии эксплуатировался прежде всего в интересах местного духовенства и ревниво им оберегался. С другой стороны, отдельные епископы не упускали случая отторгнуть часть имущества менее энергичного соседа, даже если он подчинялся той же (в данном случае равеннской) архиепископии. В этом плане характерно одно из писем Григория Великого, где он высказывает опасения, что после смерти епископа Озимо за время до избрания его преемника патримоний епархии разделят между собой соседние кафедры⁷⁹.

Самостоятельные церковные центры, как, например, аквилейская патриархия, имели обширные собственные патримонии. Об этом свидетельствует, в частности, *Placitum de Rizano*, где речь идет об аренде земель Аквилейской церкви⁸⁰. Среди арендаторов — представители византийского чиновничества (*tribuni, vicarii* и т. п.).

До нас дошел документ (681 г.), удостоверяющий сдачу в аренду на условиях *эмфитевсиса* с обязательством «*tenendum, colendum*,

meliorandum» на 19 лет земель Аквилейской церкви в районе Чезены⁸¹. Таким образом, аквилейская патриархия, как и равеннская архиепископия, имела владения далеко за пределами своего диоцеза, и, в частности, в экзархате. В данном случае эти земли арендовали *praefecturius* Парсин и *magister militum* Масталлон, т. е. видные представители слоя служилой знати. Видимо, использование земельных владений епископских кафедр на востоке Италии было организовано одинаково.

В Восточной Италии имелись земли Римской церкви. О них, однако, дошло единственное свидетельство (от начала VIII в.)⁸². Упомянутый земельный комплекс (*massa*) находился в районе Иези и так же, как земли других Церквей, сдавался в аренду, в данном случае — некоей Константине, «благородной даме» (*honesta femina*). Имея в виду, что отношения между римскими папами и равенскими архиепископами были, как правило, весьма натянутыми, и исходя из того, что приведенное свидетельство источника уникально, следует думать, что папский патримоний в Пентаполях был невелик⁸³.

Значительными земельными угодьями располагали монастыри и некоторые другие церковные корпорации. Так, в папирусе Tjäder 23 зафиксировано дарение в пользу монастыря Иоанна Крестителя *ad Navicula*. Архиепископ Иоанн VII пожертвовал в 731 г. несколько имений в окрестностях Равенны и Фаэнцы монастырю Сант Аполлинаре ин Классе. В 752 г. клирик Урс подарил монастырю Св. Аполлинария в Модене ряд очень крупных земельных комплексов в окрестностях Равенны, Болоньи, Имолы, Фаэнцы и самой Модены⁸⁴. Одно из крупнейших дарений, сведения о которых донесли до нас источники, было совершено в начале VII в. некоей Ксантиппой в пользу Равеннской базилики Св. Марии (Tjäder 17). В папирусе Tjäder 27 зафиксировано дарение в пользу диаконии. В Баварском кодексе упоминаются земли монастыря Св. Ефимии в Римини (БК 16), церкви Св. Иоанна в том же городе (БК 15), церкви Св. Марии в Синигалии (БК 71). О крупных земельных владениях равенских монастырей упоминает Григорий Великий⁸⁵. Очень много подобных данных сохранилось в Баварском кодексе от послевизантийского времени (конец VIII–X вв.): владения монастырей — БК 12 (трижды), 54–58, 59 (дважды), 61, 63, 114(дважды), 135, 147, 165; церквей — БК 26, 60, 70, 80, 95, 99, 103, 110, 151, 158; других церковных

корпораций — диаконий, приютов и т. п. — БК 54, 61, 62, 101, 135. Весьма вероятно, что часть этих учреждений имела земельную собственность уже в византийскую эпоху. Высшие церковные власти считали эти земли имуществом соответствующих епархий, но местный клир и монахи решительно отстаивали право бесконтрольно распоряжаться собственностью своих корпораций. (О затаянном конфликте такого рода между равеннскими архиепископами и клиром говорит Агнелл⁸⁶.)

В целом можно заключить, что церковным собственникам принадлежала очень большая доля земель византийской Восточной Италии. В то же время значительная часть этого земельного фонда постоянно находилась в руках различных арендаторов.

В изучаемом регионе широко была распространена крупная и средняя собственность частных лиц. Многочисленные источники фиксируют факты дарений (Tjäder 10–28; БК 50, 163), продажи и обмена (Tjäder 34–41), раздела (Tjäder 8) земельных участков. В принципе, управление в поместьях частных и церковных не должно было сильно отличаться друг от друга, т. к. земли первой категории на протяжении всего византийского периода интенсивно переходили во вторую. В этом смысле можно говорить о постепенном сокращении в общем земельном фонде Восточной Италии квоты частных земель за счет увеличения доли церковных, но данный процесс не носил абсолютного характера, так как, видимо, не менее интенсивным был процесс развития долгосрочной аренды на землях Церкви и государства. Эмфитевсис практиковался и на частных землях, хотя, вероятно, не так широко, как на церковных и государственных (всего два известия в источниках — Tjäder 25, 43). В тех случаях, когда на частных землях велось собственное хозяйство, им руководили управители — *actores* (напр. Tjäder 7).

О мелкой собственности крестьянского типа в византийской Восточной Италии почти не имеется сведений⁸⁷. До нас дошло единственное несомненное свидетельство о свободном земледельце (*agellarius VI v.*, Tjäder 35). Термин «*agellarius*» встречается и в Барварском кодексе, в грамотах послевизантийского времени (БК 49, 100, 102, 137), причем относящихся к разным районам (Римини, Синигалии, Озимо). Его присутствие в этих поздних (VIII–IX вв.) документах не означает, однако, что речь идет о собственниках земли. Напротив, в двух случаях из четырех (БК 49, 102) *agellarii* сами име-

ную себя колонами. Вероятно, такое странное совмещение социальных статусов объясняется попаданием в колонатную зависимость земледельцев, сравнительно недавно бывших свободными собственниками и сохранивших соответствующее наименование. К сожалению, редкие упоминания о находящихся в частной собственности мелких участках земли в других источниках (напр., Tjäder 22) связаны с конкретными земельными сделками и не дают возможности судить об общих размерах владений их хозяев. Скучность свидетельств о мелкой крестьянской собственности говорит о том, что она занимала весьма незначительное место в земельной структуре изучаемой зоны. Современный исследователь отмечает: «Равеннские документы не дают свидетельств существования мелких земельных собственников... Складывается впечатление, конечно, нуждающееся в корректировке, но притом неизбежное, что мелких собственников здесь почти не было»⁸⁸. Причины этого можно видеть как в массовой эмиграции из Италии остготов после византийского завоевания (среди них — немало мелких собственников), так и в постепенном поглощении мелкой собственности крупной, вероятно, сопровождавшемся попаданием прежнего собственника в зависимость от нового (как в случае с агеллариями-колонами). Процессы эти протекали еще в остготскую эпоху⁸⁹ и получили дальнейшее развитие при византийцах⁹⁰. Возможно, что одним из путей становления подобной зависимости было заключение арендной сделки. Так, упомянутые агелларии Баварского кодекса арендуют у Церкви участки на условиях либеллы, как и обычные колоны.

В связи со значительной ролью, которую играла аренда в аграрной жизни Италии, следует остановиться на основных ее формах, распространенных здесь. Главная из них — эмфитевсис⁹¹. Правда, сам этот термин встречается в источниках нечасто. Например, в грамотах византийского времени, сохранных Баварским кодексом, он отсутствует. Основной термин здесь — «*retitio*» — название документа, в котором фиксируется просьба о выделении земли в аренду. Срок, на который предоставляется земля, никогда не указывается. Видимо, аренда бессрочная (вечная). Аренда всегда безусловна. По мнению большинства исследователей, мы встречаемся здесь с одним из типов эмфитевсиса⁹². Образец другой формы эмфитевсиса дает цитированная выше грамота из Аквилеи. Земля предоставляется здесь на срок (19 лет) и при определенных условиях (обработки

и мелиорации)⁹³. Эти характеристики (долгосрочность и требование мелиорации) и позволяют определить сделку как эмпфитевтическую, т. к. свойственны основному, классическому типу эмпфитевсиса⁹⁴. В источнике, однако, сделка названа либеллой. Интересно, что и в более поздних (послевизантийских) грамотах Баварского кодекса термин «*petitio*» заменяется на «*libellum*», однако это, как правило, не меняет ни формы, ни сущности аренд. Можно считать, что в византийское время особых отличий между либеллой и эмпфитевсисом не было⁹⁵. Например, в *Placitum de Rizado* арендные договоры, заключенные в византийское время, названы «эмпфитевтическими и либеллярными»⁹⁶. Среди равеннских папирусов есть интересный документ (Tjäder 22), где речь идет о предоставлении земельного участка в «*libelli emfiteutici*».

С другой стороны, распространяющаяся в это время аренда колонов и вышеупомянутых агеллариев, как правило на условиях натурального взноса, также именуется либеллой. Такой вид аренды сходен с зависимым крестьянским держанием и приближается к мелкой либелле общетальянского типа⁹⁷. Однако сам термин «*libellum*» лишь в очень ограниченной степени может служить ключом к пониманию сущности каждой конкретной сделки, и то лишь в послевизантийское время.

Своеобразной формой аренды было дарение с сохранением пожизненного узуфрукта, широко распространенное в изучаемом регионе (Tjäder 12; 16, 17).

Таким образом, на землях Восточной Италии преобладали долгосрочные и безусловные формы аренды⁹⁸, что создавало правовые предпосылки для превращения последней в условную земельную собственность.

Представление о структуре земельной собственности будет неполным без характеристики размеров земельных угодий, находившихся в распоряжении как собственников, так и арендаторов. Сведения об этом собраны в таблицах 1 и 2, данных в Приложении II. Если исходить из определенных выше средних размеров *fundus*, то все перечисленные в таблице 1 аренды следует отнести к числу средних и крупных.

Арендаторы снимают три *fundi* (среди них — колоссальный *fundus* в 1000 югеров, БК 14), снова три (БК 18), более трех (один вновь очень велик, БК 25), даже 6,5 *fundi* (БК 71). Весьма вероятно, что это

не вся земля, арендованная этими лицами, и что кроме арендованной у них есть еще и собственная. (Так, среди арендаторов дважды встречается *magister militium* из Римини Маврикий, — БК 24 и 53 — возможно, одно и то же лицо.)

Два случая, когда арендаторы снимают в целом менее 1 *fundus* (*magister militium* Маврикий — ряд участков одного *fundus*; трибун Феодосий — 6/12 *fundus Augicianus*), не дают основания считать их мелкими арендаторами — реальные размеры всей снимаемой ими земли нам неизвестны, а их социальный статус (*magister militium* и *tribunus*) позволяют думать, что они были обладателями и других земельных угодий. Сходная картина и на землях собственников (таблица 2). Часто им принадлежит по несколько *fundi*, иногда — не один десяток (Tjäder 17, 18–19; Гийу 2, вероятно, Tjäder 13). Источники не дают полной описи земельных угодий отдельных собственников, но даже в отраженных в них сделках дарения или продажи чаще всего фигурируют несколько *fundi*. Можно считать, что как земельная аренда, так и собственность на востоке Византийской Италии была чаще всего средней или крупной.

Это, однако, не означает, что в Византийской Италии была распространена латифундия. В ряде работ как зарубежных, так и отечественных исследователей было показано, что попытка восстановления экономического и политического влияния старой римской знати, предпринятая византийским правительством после завоевания Италии, в целом не увенчалась успехом⁹⁹. Этот вывод строился почти исключительно на дошедших до нас данных о судьбах отдельных аристократических родов и их представителей. Так как материальной основой влияния старой римской знати была латифундия¹⁰⁰, анализ сведений о структуре земельных угодий восточно-итальянских собственников в VI–VII вв. способен пролить дополнительный свет на этот важнейший вопрос.

Данные, сведенные в таблицы 1 и 2, показывают, что в VI–VII вв. примерно в половине случаев *fundi* арендовались, продавались и давались не целиком, а частями. Эти части (как правило, двенадцатые доли — «унции») могли составлять 3/4 (9/12), половину (6/12), треть (4/12) целого *fundus*. Можно считать, что в исследуемый период *fundus* как таковой, не говоря уже о *massa* — группе *fundi*, утрачивает непосредственное хозяйственное значение и является лишь топографической единицей. Целая *massa* как объект сделки

встречается крайне редко. Собственно, передача знатной римлянкой Ксантиппой одной *massa* в дар равеннской базилике Св. Марии — Tjäder 17 — и получение в аренду Феодором Каллиопой другой *massa* в районе Римини — Tjäder 44 — единственные примеры такого рода; еще в одном случае — Tjäder 13 — Церкви дарятся две половины *massa*. Первый и третий случаи, кстати, довольно ранние по времени, иллюстрируют тезис о постепенном исчезновении латифундии: крупные дарения совершаются в пользу Церкви, которая, вероятно, в будущем сдаст их в аренду по частям. В последнем убеждают данные Баварского кодекса: *massae*, которые в нем упоминаются, обычно сдаются в аренду именно частями (БК 92–94, 95, 116 etc.).

В том, что составные земельные комплексы не образовали новых латифундий, можно убедиться на основе топонимических данных. Дело в том, что в Баварском кодексе часто обозначаются не только участки, являющиеся предметом сделки, но и им пограничные. Так, в составе аренды логофета Иоанна (БК 15) — 5 участков или групп участков, каждый (каждая) в своих границах. В трех случаях в группах встречаются общие названия — возможно, эти участки граничат. Два земельных комплекса стоят совершенно обособленно. В аренде консула Павла (БК 32) присутствуют две изолированные группы земельных угодий, в аренде *magistr'a militum* Элефтерия (БК 71) — четыре и т. д.¹⁰¹ Крупные аренды составлены из частей различных *fundi* (четыре *fundi* логофета Иоанна — БК 15 — из семи; два — трибуна Феодосия — БК 27 — из четырех и т. д.). Это естественно, так как земельная собственность их локатора — Равеннской церкви — образовывалась благодаря дарениям и вкладам, которые в сумме не могли составлять сплошного массива. Поэтому в церковные владения часто внедряются земли других собственников (БК 15, 16, 71). В Баварском кодексе, где обычно отмечается факт, когда соседние земли также принадлежат Равеннской церкви (БК 47, 63, 79, 159 etc.), лишь трижды упоминается об этом в византийскую эпоху (БК 18 дважды, 24). Таким образом, упоминания о сплошных крупных земельных комплексах типа латифундий чрезвычайно редки в источниках во византийской Восточной Италии. Можно утверждать, что латифундия в изучаемом регионе в византийскую эпоху постепенно исчезает и в экономическом, и в социальном, и даже в топографическом плане.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ПОЛОЖЕНИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Основным производительным населением в Византийской Италии были прикрепленные к земле колонны¹⁰².

Точными данными о численности колоннов мы не располагаем, но в качестве ориентира в этом вопросе можно привести следующее суждение: в *Placitum de Rignano* говорится, что на землях фиска вблизи города *Nova Civitas* сидело более 200 колоннов¹⁰³. Несколько выше указывается, что общая сумма арендной платы императору с земель всего домена — 344 солида, в частности с окрестностей *Nova Civitas* — 12 солидов. Исходя из этого, можно предполагать, что общее число колоннов на землях фиска в Истрии должно было быть более 5730. Ясно, что на землях государства и Церкви во всей византийской Северо-Восточной Италии колоннов должно было быть значительно больше. Юридический статус этих производителей определялся общеимперским законодательством, а реальное положение в целом этому статусу соответствовало¹⁰⁴.

Экономической формой реализации права собственника на землю, которую обрабатывал колон, была рента. В составе равеннских папирусов сохранился документ (*Tjäder 3*), дающий раскладку ренты на землях Равеннской церкви в третьей четверти VI в. (район Падуи). Сведения из этого источника суммированы в Приложениях, в таблице 3. Как видим, рента всех перечисленных производителей состоит из денежной и натуральной. Денежная рента одного производителя составляет от 1 солида 11,5 силикв до 3 солидов 19 силикв. Средние размеры платежа — около 2,6 солида¹⁰⁵. Натуральный оброк обозначен в источниках словами «*in xeniis*». Средние его размеры с одного человека — примерно 1 гусь, 6 кур, 60 яиц, 45 фунтов меда. Однако в чистом виде такая средняя (как денежная, так и натуральная) рента ни разу не встречается. Можно сделать вывод, что и та и другая берется здесь не с отдельного производителя, а с определенного участка и, вероятно, зависит от его размеров и качества. Так, два колона, обрабатывающие на пару участок *Noviciana*, платят одинаковый как денежный, так и натуральный чинш. На двоих колоннов, обрабатывающих участок *Valeriana*, приходится примерно по 2 $\frac{1}{2}$ солида ренты, на каждого из четверых, использующих участок *Severiana* (видимо, несколько больший), — всего по 1 $\frac{1}{2}$ солида.

В подобном соотношении находятся и их натуральные платежи. От характера участка зависит не только размер, но и состав взносов (натуральных). Так, в том же источнике названы два болота, денежная рента с которых составляет 6 солидов 6 силикв и 3 солида 3 силиквы. В качестве сбора *in xeniis* собственник взимает с каждого из них по 100 фунтов молока. Вероятно, эти болота использовались для выпаса скота. (Разница в денежной ренте, видимо, вызвана тем, что одно из болот находило еще какое-то применение или было больше по размерам.)

Исследуемый памятник позволяет поставить вопрос о сущности такого побора, как *in xeniis*. В него, как мы видим, включаются натуральные продукты животноводства и промыслов: куры, гуси, молоко, яйца, мед. В этом же источнике дана раскладка побора *in xeniis* для какой-то другой территории (определяющая эту территорию часть документа не сохранилась). Здесь в состав *in xeniis*, кроме уже встречавшихся кур, гусей и яиц, входят также сало и цыплята. В некоторых других источниках по истории региона фигурирует особый побор под названием *exenium* — наверняка то же самое, что *in xeniis* (на то, что понятия «*exenium*» и «*in xeniis*» тождественны, указывает Дю Канж¹⁰⁶). Например, из *Placitum de Rizado* мы узнаем, что в византийскую эпоху арендаторы платили *exenium* императору¹⁰⁷. В Баварском кодексе сохранился ряд документов, в которых упоминается *exenium*. Правда, памятники это довольно поздние (IX–X вв.), но существование такого побора в византийское время и неоднократные ссылки в кодексе на обычное право¹⁰⁸ позволяют применить этот источник для наших целей. В состав *exenium*, по данным этих документов, входят куры (БК 38, 41, 97, 139), цыплята (БК 97, 139), яйца (БК 97, 139), иногда отборное зерно («*grano manulectile*», БК 38, 4), однажды встречается голубь (БК 97). Сочетания продуктов самые разнообразные. В некоторых случаях *exenium* выражается в деньгах (БК 74, 91–92 etc.). Происходила ли коммутация *exenium* в византийское время, сказать трудно. В грамоте из Ризано рассказывается, что герцог Иоанн теперь (в начале IX в.) лично доставляет императору *exenium*, собранный с арендаторов фиска, чтобы заслужить расположение государя¹⁰⁹. Арендаторы фиска хотели бы, как и прежде, доставлять его сами. Таким образом, внешне этот побор в самом деле выглядел как «добровольное подношение», подарок господину¹¹⁰. Возможно, что первоначальные его размеры и состав также определялись

плательщиками самостоятельно. Но уже в византийскую эпоху *exepium* не только конституировался в норму обычного права, но и вошел в официальные документы. Следовательно, из «добровольного подношения» он превратился в одну из разновидностей фиксированной натуральной земельной ренты¹¹¹.

Какие еще виды платежей характерны для Византийской Италии? В грамотах IX–X вв. часто встречаются «*herbaticum*» и «*glandaticum*», буквально — «травное» и «желудевое». Они были широко распространены на землях Равеннской церкви (БК 38, 74, 91, 94, 98, 99, 100, 102, 133, 139). Существовали ли эти поборы в византийское время? *Placitum de Riza*no дает основания для такого утверждения, ибо свидетельствует, что с «отцов» (в значении «предков») тогдашних арендаторов их уже взымали¹¹². В этой же грамоте говорится, что *angaria*, *orega* и *glandaticum* уплачивались «с лесов», которые теперь пытаются отобрать у арендаторов¹¹³. Следовательно, эти поборы вытекали из прав собственника (в данном случае императора) на уголья, необходимые населению земель фиска. Согласно Баварскому кодексу, в качестве *herbaticum* собственнику отдавался один баран (БК 99, 133, 139). Грамота из Ризано упоминает о том, что в византийское время арендаторы отдавали императору одну овцу с каждой сотни¹¹⁴. По аналогии с Баварским кодексом можно предполагать, что этот побор — *herbaticum*. В кодексе этот платеж иногда выражается в денежной форме (БК 74, 91, 93, 94, 100, 102). *Glandaticum* указывается только в денежной, но возможно, что и он встречался в натуральной. В папирусе Tjäder 3 (как и в других документах VI–VII вв.) ни *herbaticum*, ни *glandaticum* не упоминаются. Возможно, что такие поборы вошли в повседневную практику только в конце византийской эпохи. В этом случае в их возникновении можно видеть проявление дальнейшей феодализации земельной ренты, так как для раннего феодализма характерно наличие многочисленных мелких рент, вытекающих из прав собственника на землю¹¹⁵.

На некоторой части церковных земель практиковалась отработочная рента. В многократно цитированном папирусе Tjäder 3 в шести случаях в общий список рент включаются отработки (*orega*). В двух случаях они составляют 1 день в неделю, в одном — 2 дня и в трех — 3 дня. Это значит, что в церковном патримонии в районе Падуи существовал весьма обширный домен, обработка которого требовала до половины рабочего времени производителей. Насколько распро-

страненным было это явление? В византийское время барщина в источниках больше не упоминается. От более позднего времени (IX в.) до нас дошли три свидетельства о ее наличии на землях Церкви (БК 97, 133, 139). В названных документах нормы отработки (*angaria, oreга*) определены так: в одном случае — «4 с быками, 5 руками», в другом — «4 с быками, 4 руками», в третьем просто: «отработок 6». Здесь речь идет о норме барщины уже не в неделю, а в год (точнее, в сезон). Можно попытаться представить себе четыре наиболее вероятных типа работ с быками. Видимо, это были пахота, боронование, сев и уборка. Конечно, это значит, что в страду производитель должен был работать на барщине по несколько дней подряд, но все же интенсивность барщинной эксплуатации по сравнению с VI в. снижается. Другое свидетельство этого — встречающаяся в источниках уплата за отработки деньгами (БК 91, 100, 102). На этих землях домен, вероятно, уже был ликвидирован. Однако сам факт его сохранения в некоторых случаях в IX в. позволяет думать, что он существовал на протяжении всего византийского времени. Молчание о нем источников VII–VIII вв. можно объяснить, если учесть, что все они говорят о церковных землях, сдаваемых в аренду. В упомянутых документах IX–X вв. контрагентами Церкви в арендных сделках выступали непосредственные производители — колонны, что ни разу не отмечено в источниках византийского времени. Возможно, причина этого явления — уход с исторической сцены некоторой части знати, особенно близко связанной с Византией. Ее исчезновение заставило Церковь вступить в непосредственный контакт с производителями там, где прежде эта часть знати выступала в качестве арендаторов земли. Так в источниках появились некоторые формы ренты, в частности *ангари*, которые ранее выполнялись, вероятно, не в пользу собственника, а в пользу съемщика земли, то есть домен на церковных землях частично сохранялся, но использовался арендатором. Характерно, что *exenium*, известный с VI в., также начинает включаться в условия арендной сделки лишь в IX в., в тех случаях, когда арендаторами становятся колонны. В таких документах впервые появляются *glandaticum* и *herbaticum*. Если и в самом деле в византийские времена эти взносы, причитающиеся собственнику земли, получали ее съемщики, то это свидетельствует о постепенном превращении их аренд в условную собственность.

Во всех ли случаях основной набор с непосредственных производителей, как свидетельствует папирус Tjäder 3, был денежным? В после-византийское время большинство церковных арендаторов-колонов платило за аренду натурой (БК 38, 41, 44, 49, 72, 91–102, 133–136, 139–143, 157, 158). В отдельных случаях платеж производился вином (БК 49), иногда в него входили масло (БК 101, 135), яблоки (БК 158), оливки (БК 142). Однако чаще всего встречаются два типа арендной платы: 1) каждый 7-й модий зерна, каждый 10-й сноп льна или конопли, каждая 3-я амфора вина (БК 38, 95, видимо 96); 2) каждый 10-й модий зерна, каждый 10-й сноп льна или конопли, каждая 4-я амфора вина (самый распространенный тип платы, встречается 19 раз; БК 41, 72, 74, 91, 94, 96, 98–102, 133, 139–143, 157, 158). Широкое распространение таких платежей в IX–X вв. заставляет предполагать их наличие хотя бы в VII в. Прямых доказательств этого нет, но следует обратить внимание на одно сообщение Агнелла. Описывая восстание в Равенне в начале VIII в., он говорит об участии, которое приняли в нем *coloni decumani*¹¹⁶. Этот термин, произведенный от слова «deset» (десять), может обозначать понятие «колоны, выплачивающие 10-ю долю»¹¹⁷. По-видимому, тот факт, что в IX–X вв. колоны вносили исключительно натуральную арендную плату, объясняется натурализацией их хозяйств в византийскую эпоху. Во время господства Византии они уже платили арендаторам натуральный чинш, но в источниках появлялась лишь та часть, которая передавалась собственнику земли в виде арендной платы после перевода ее в денежную форму. Таким образом, если в последние десятилетия VI в. (Tjäder 1) основная часть ренты колонов еще оставалась денежной, то в течение византийского периода она постепенно превращалась в натуральную.

Папирус Tjäder 3 дает возможность судить еще об одном важном явлении в сфере эксплуатации колонов. В нем упоминаются двое колонов, обязанных вносить полную ренту, как денежную, так и продуктовую, с двух заброшенных участков. Это — пример *adjectio* (эпиболе), которая, следовательно, была распространена в Италии не только на государственных, но и на церковных землях. Причину ее применения можно видеть в нехватке рабочих рук, вызванной резким сокращением численности населения основных частей Римской империи на рубеже античности и Средневековья¹¹⁸. Вместе с тем в Византийской Италии данное явление имело свою специфику, и равеннские папирусы позволяют сделать некоторые наблюдения на этот

счет. В одном из них (Tjäder 9) упомянуты fundi, приносящие в VI столетии постоянный доход в 21, 16 и 14 солидов соответственно. В другом районе Италии (в Сицилии), по данным папируса Tjäder 10–11, два fundi давали доход в 15 и 18 солидов. Эти немногочисленные сведения позволяют все же обозначить доход fundus в пределах чуть менее 15 — чуть более 20 солидов в год, а в среднем — 17–18 солидов. Если исходить из средних размеров денежной ренты колона, определенной выше (ок. 2,6 солидов), то оказывается, что на таком fundus могло быть занято 6–7 колонов — глав семейств или 12–14 работников — мужчин и женщин. Имея в виду, что в сумму дохода участка должны были включаться натуральные ренты, следует считать, что число колонов на 1 fundus было в среднем несколько меньше. Как мы помним, обычные размеры 1 fundus в этом регионе Италии близки 100 югерам. Стоит привести некоторые сведения о количестве рабочей силы на землях Италии в античную эпоху. Колумелла считал нормальным, если хлебное поле в 200 югеров обрабатывают 8 человек¹¹⁹. Катон обозначил необходимое для 100 югеров число виноградарей в 10 человек (не считая 6-ти работников других специальностей), Сазерна (для Цизальпинской Галлии, то есть для изучаемого региона) предполагал 1 раба на 8 югеров виноградника, то есть 12–13 человек на 100 югеров¹²⁰. Таким образом, количество людей, занятых на упомянутых fundi в Равеннском экзархате, было, в общем, достаточным по нормам античного времени. Дефицит рабочей силы в Италии по окончании Готской войны не был и не мог быть повсеместным и равномерным. Какой-то части римской знати удалось сохранить в целости свои поместья и даже вернуть себе, согласно Прагматической санкции, разбежавшихся колонов и рабов; другие земельные собственники оказались не в силах разыскать своих прежних работников. Полнокровные поселки — casales — соседствовали с полузаброшенными или вовсе покинутыми. Большая часть поселений готов была оставлена жителями. В таких условиях собственник земли часто испытывал соблазн применить adjectio с тем, чтобы вновь ввести в хозяйственный оборот заброшенные земельные участки за счет усиления эксплуатации оставшихся в его распоряжении производителей.

70-е — 90-е гг. принесли определенные демографические изменения. Известно, что в последней трети VI в. Эмилия-Романья не раз страдала от различных бедствий: эпидемий 571 и 592 гг., наводнений

580 и 589 гг., эпизоотии 570 г., голода 592 г. и т. д.¹²¹ Захватнические набеги лангобардов также влекли за собой гибель части сельского населения. С другой стороны, в области Восточной Италии неизбежно стекались беженцы из завоеванных варварами регионов. Однако в целом очевидно, что демографическая ситуация в Равеннском экзархате после прихода в Италию лангобардов не улучшилась, и предпосылки для применения *adjectio*, таким образом, сохранялись.

Проведенное исследование позволяет выяснить общую структуру ренты зависимого производителя (колона) на землях Равеннского экзархата. Она примерно такова:

1) постоянный платеж в пользу собственника или арендатора земли, зависящий от размеров и других качеств участка колона, взимаемый в денежной, натуральной или смешанной форме;

2) *exenium* — натуральный побор, состоящий из продуктов животноводства, промыслов, реже — земледелия;

3) *herbaticum* и *galndaticum* — взносы, денежные или натуральные, за право пользования необходимыми колону угодьями (лесом, лугом, и т. п.);

4) *orega* или *angaria* — барщинная повинность по возделыванию господского домена.

Сумма ренты могла быть сильно увеличена за счет *adjectio*. На протяжении VI–VIII вв. рента эволюционировала по пути увеличения доли натуральных и уменьшения денежных платежей, а также по пути постепенного сокращения барщины и, видимо, соответствующего увеличения оброка. Нехватка рабочей силы объясняет не только практику *adjectio*, но и роль рабского труда в изучаемом регионе. З. В. Удальцова обосновала тезис о его вспомогательном характере в Византийской Италии¹²². Вместе с тем недостаток рабочих рук в какой-то мере консервировал рабское состояние части производителей, так как собственник опасался утратить возможность их эксплуатации. Доказательством тому является ряд документов, в которых фиксируются дарения в пользу Церкви земли и другого имущества, за исключением рабов («*exerto mancipios*» — Tjäder 18, 19, 21). Ясно, что эти *mancipia* (все или часть) использовались прежде всего на земле, составлявшей дарение, и теперь должны были компенсировать нехватку рабочей силы в имениях, оставшихся у собственников. Обычным способом их использования, по данным папирусов, было выселение на пекулий¹²³. Эти сведения подтверждаются данными *Placitum*

de Ritzano. В ней говорится, что истрийский герцог Иоанн расселил на церковных землях, обрабатываемых колонами, своих рабов-славян (sclavos), которые, согласно жалобе арендаторов, теперь распахивают поля, пасут на их пастбищах скот и т. д.¹²⁴. Однако, как свидетельствуют документы, связь таких рабов с землей еще не была достаточно прочной и в случае перехода поместья к другому собственнику они могли быть перемещены со своего местожительства. Вероятно, рабский труд использовался в церковных имениях, так как сохранились сведения о дарениях в пользу Церкви земель с рабами (Tjäder 13). В этих случаях связь раба с землей становилась более прочной, так как церковные земли, по закону, не отчуждались¹²⁵.

Некоторое, хотя и весьма ограниченное применение находил в сельской местности и труд свободных. Грамота из Ризано сообщает, что герцог Иоанн запретил арендаторам фиска «иметь (в качестве работников. — О. Б.) свободных» («liberi»)¹²⁶. Здесь же говорится, что в византийское время у каждого трибуна было по 5 человек «excusatos», т. е. освобожденных от повинностей¹²⁷. Речь идет, видимо, о части колонов фиска, использовавшихся крупным представителем знати исключительно в личных интересах и, таким образом, лишь формально остававшихся государственными колонами¹²⁸. Но упомянутые представители свободного и полусвободного населения, как и рабы, играли лишь второстепенную роль в сельском хозяйстве Восточной Италии по сравнению с массой колонов. В то же время можно предполагать, что условия эксплуатации этих категорий производительного населения вряд ли сильно отличались от методов эксплуатации колонов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВНУТРИ СЛОЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА

Слой собственников и арендаторов, эксплуатировавших труд колонов и рабов, не был однороден. Представление о его составе могут дать таблицы 1 и 2 (см. Приложения). Как явствует из таблицы 2, около четверти земельных собственников, сведения о социальном статусе которых сохранили документы, — представители служилой знати и члены их семей. Это *magister militum* (Tjäder 9), *primicerius*

одного из соединений (*numerus*) византийской армии (Tjäder 23), воин, сын *primicerius* (Tjäder 22), двое сыновей военных — ныне духовные лица (Tjäder 21, Гийу 2), знатная римлянка — дочь *magister a secretis* (Tjäder 17), встречаются представители духовенства: священник (Tjäder 3), два диакона (Marini 118, БК 50), наконец, архиепископ (Гийу 1). Среди собственников — портной (Tjäder 14–15), *agellarius*¹²⁹ (Tjäder 35). Однако самая большая группа собственников (9 человек по таблице 2) принадлежит к местной знати и по большей части не состоит на службе у государства или Церкви (на знатность этих лиц указывают их почетные титулы типа «*sublimis femina*», «*nobilissima femina*» и т. д.).

Иное соотношение различных прослоек этого класса дает таблица 1, где отражен состав церковных арендаторов. Из 20 человек здесь 12 (60%) принадлежат к служилой знати, двое духовных лиц (БК 21, 85), 1 вдова купца (БК 14), статус остальных неизвестен. Сопоставление данных из обеих таблиц дает основания для следующих заключений: процент представителей служилой знати значительно выше на землях арендованных, чем на собственных; собственниками земли являются преимущественно представители местной неслужилой знати — среди арендаторов выходцев из этого социального слоя нет¹³⁰; в числе арендаторов встречаются люди неопределенного общественного положения, к наследственной знати не принадлежащие.

Для сопоставления с показателями таблицы 1 приведем некоторые данные из послевизантийских (с включением точно датированных) материалов Баварского кодекса. Видное место и здесь занимает служилая знать (21 % всех арендаторов). Среди этой категории арендаторов встречаются *duces* (БК 8, 9, 11, 30, 67, 110, 117, 158, 173), *tribuni* (БК 12, 13, 17, 19, 20, 33, 34, 36, 37, 86), *magistri militum* (БК 68, 132, 155), *comites* (БК 69, 105, 153) и другие представители военно-административной верхушки. Часто упоминаются духовные лица: епископы (БК 113, 164), священники (БК 66, 98, 136, 159, 171), диаконы (БК 118, 158), клирики (БК 159), монахи (БК 89) и т. д. (все вместе — 13,5 %). Очень много арендаторов неопределенного статуса (42,5 %) (БК 1–5, 6–7, 10, 22, 29, 31, 35, 63, 73, 75–78, 80–83, 90, 103–104, 106–109, 111–112, 114–116, 119–123, 125, 128–131, 149, 151–152, 154, 156, 160, 166–170, 172, 174–176)¹³¹, наконец, среди съемщиков земли появляются колонны и другие непосредственные

производители (20 %) (БК 38, 41, 49, 72, 74, 87, 91–97, 99–102, 133, 134, 135, 137, 139–143, 157). (Есть также несколько представителей неслужилой знати — БК 26, 263, один служащий папской курии — БК 165.) Структура слоя арендаторов в послевизантийскую эпоху близка к византийской, хотя и имеет определенные отличия. Главное, на что следует обратить внимание, это сохранение приоритета служилой знати в составе арендаторов, статус которых отражен в источнике¹³².

В чем причина этого явления? Ш. Диль, впервые в исторической науке высказавший мысль о том, что для Византийской Италии характерно сращивание социальных слоев земельных собственников и чиновничества, обратил внимание на две стороны этого явления: 1) превращение земельных собственников в чиновников и военных (поступление местной знати на византийскую службу) и 2) превращение военных и чиновников в земельных собственников и арендаторов земли¹³³. Приведенное выше соотношение представительства официалов в среде земельных собственников и церковных арендаторов позволяет думать, что значительная их часть не имела своей земли и что аренда земель Церкви (как и государственных) была для этих людей наилучшей возможностью «пробиться» к земельной собственности. Характерно, что, по данным грамоты из Ризано, в числе государственных арендаторов были консулы (ипаты), трибуны, викарии и другие видные представители администрации¹³⁴. Доказательством заинтересованности этого социального слоя в арендах могут служить также некоторые сведения Баварского кодекса. Дело в том, что, как уже указывалось, в нем дается, как правило, точная локализация земельных участков с определением их границ. Можно на основе топониими выявить идентичные участки, упоминавшиеся в разных грамотах, отрывки которых вошли в кодекс¹³⁵. Так, в середине VIII в. участок *Flavianus* в районе Римини арендует *magister militum* Маврикий (БК 24), через полвека трибун Иоанн снимает рядом *casale* (БК 17). Половина *fundus Auxinianus* в конце VII в. была сдана Агнеллу, вдове *magistr'a militum* (БК 23), — после падения византийского господства участок *Asianus* был сдан в конце VII в. монахине Феодоте (БК 21), в середине VIII в. он перешел в руки трибуна Феодосия (БК 18). *Fundi Lanietus* и *Casaliclus*, сданные трибуну Феодосию в середине VIII в. (БК 18), в другое время (точно неизвестное) арендовал трибун Мартин (БК 67). При архиепископе Дамиане (668–705) логофет

Священного дворца арендует часть *fundus Galerianus* (БК 15), который в конце IX в. переходит ко вдове *dux'a* Боне (БК 110). В середине VIII в. *magister militum* Маврикий получает участок *Fabricula* в районе Римини (БК 53), который вскоре оказывается у трибуна Сергия (БК 20). В 748–771 гг. консул Павел снял часть *fundus Vicianus* (БК 32) рядом с участками, арендованными незадолго до этого монахиней Феодотой (БК 21). В эти же 23 года равеннский архиепископ Сергей дважды сдавал в аренду *fundi Lanietus* и *Casaliclus*: трибуну Феодосию (БК 18) и консулу Павлу (БК 32). Мы видим, что представители служилой знати на протяжении полутора столетий не выпускают из рук участки, однажды полученные в аренду. Можно предполагать конкуренцию за право аренды между отдельными чиновниками и офицерами.

В только что приведенных примерах фигурировали не одни лишь выходцы из служилой знати, но и духовные лица. На большей части земель арендаторы духовные чередовались со светскими. Насколько существенны различия между ними? В папирусе Tjäder 21 под 625 г. упоминается диакон — сын *magistr'a militum* (БК 155), двое братьев, один из которых диакон, другой — *dux* (БК 158), другая пара братьев: первый трибун (точнее, бывший трибун, «*extribunus*»), другой — диакон (БК 36) и т. д. Таким образом, значительная часть духовных лиц по происхождению принадлежала к служилой знати, причем не только высшее духовенство (архиепископы, епископы, аббаты), но и среднее (священники, диаконы, клирики¹³⁶, монахи). Объяснение этому явлению можно видеть в том, что принадлежность к клиру некоторых церквей или вхождение в число монахов ряда монастырей обеспечивали возможность пользования многочисленными вкладами в эти корпорации. Таким образом, отмеченная выше тяга служилой знати к земельной собственности объясняет и присутствие многочисленных представителей этого социального слоя в составе духовенства. Именно названные духовные лица становились арендаторами церковных земель. Поэтому впредь и та и другая категории съемщиков будут рассматриваться вместе.

Итак, арендаторы церковных земель могут быть разбиты на две группы: 1) византийские официалы и духовные лица; 2) прочие. Бросается в глаза неравномерное распределение между названными категориями съемщиков обязанностей по арендной плате в пользу собственников земли. С одной стороны, логофет Священного дворца

Иоанн вносит 2 солида примерно за 3,5 fundi, с другой — Иоаннаций, статус которого неизвестен, платит вдвое больше за один участок с виноградником. С одной стороны, консул Павел более чем за 5 fundi платит 1 солид, с другой — некий Григорий за 1 fundi платит 2 солида. Всего 1 и $\frac{1}{3}$ солида вносит трибун Феодосий за три участка, а некто Стефан платит 22 солида за неполных два. Если попытаться вывести среднюю сумму арендной платы за 1 fundus, то она составит для официалов и духовных лиц порядка 1 солида за участок, для остальных — около 4 солидов. Исходя из установленной выше средней доходности 1 fundus в 17–18 солидов, можно считать, что первая группа съемщиков в среднем уплачивает $\frac{1}{17}$ ($\frac{1}{18}$) всего дохода имения, вторая — $\frac{1}{5}$. Ясно, что условия аренды первой группы были льготными.

Этот вывод подтверждается сведениями об аренде на государственных землях. По грамоте из Истрии, в которой арендаторами выступают, в частности, византийские администраторы, с окрестностей г. Nova Civitas, где сидит более 200 колонов, вносится плата в 12 солидов¹³⁷. Таким образом, на одного колона приходится около 1,5 силикв. Если верны расчеты, по которым на землях 1 fundus сидело 6–7 или менее колонов-домохозяев, поступления с такого fundus составят 9–10,5 силикв, или около половины солида, т. е. еще меньше, чем на землях Церкви. Впрочем, и некоторые арендаторы равеннской архиепископии вносили столь же незначительную плату — БК 14, 15, 18 и т. д. Итак, на церковных и фискальных землях арендная плата для представителей служилой знати была льготной, что сближало этот тип аренды с условной земельной собственностью¹³⁸.

Значительно реже, чем аренду, служилая знать практиковала покупку земель. Сохранилось единственное сообщение (Tjäder 35) такого рода. (Palatinus ведомства largitionum приобрел в 572 г. небольшой участок земли). Малая популярность этого способа расширения земельных владений среди служилой знати объясняется легкостью и выгодностью получения аренд, возможно — стесненностью в средствах (часть чиновников и военных принадлежала к знати в первом поколении) и особенно — запрещением византийским официалам иметь недвижимость по месту службы.

Что же касается земель крупнейших (в данном случае, церковных) земельных собственников Восточной Италии, то на них вы-

растает особый слой господствующего класса, связанный с собственниками узамы как экономической, так и внеэкономической зависимости¹³⁹. Этот слой формируется из арендаторов земли, а может быть, и из состава зависимого населения патримониев. В его появлении можно видеть начало процесса формирования феодальной иерархии¹⁴⁰.

О второй группе арендаторов Равеннской церкви, к сожалению, известно очень мало. Ясно, что эти люди не принадлежали к знати и не пользовались предоставленными ей арендными льготами. Размеры их аренд разнообразны, иногда велики (однажды — более 3 fundi, БК 14), но в целом меньше, чем у представителей знати. Можно предполагать, что в изучаемый период в господствующий класс вливалась новая струя. Путь к приобретению земельных владений ее представители, так же как и официалы, видели прежде всего в получении аренд, практиковали и покупку земли. Часть этой новой прослойки землевладельцев могла происходить из средних слоев населения городов (купцы, ремесленники и т. п.). Отражением этого явления являются сообщения источников о вдове купца, арендовавшей три земельных участка и часть fundus (БК 14), о портном, сделавшем земельное дарение с правом пожизненного узурфрукта (Tjäder 14–15)¹⁴¹. В составе этой категории землевладельцев могли быть наиболее зажиточные представители сельского зависимого населения. Например, в документах IX в. упоминается вилик, арендующий вместе с тремя людьми неизвестного статуса крупный участок (БК 88). По отношению к арендаторам такого типа собственник земли не имел причин идти на льготные условия сделки, и арендная плата, вносимая ими, была достаточно высокой. Все же те из них, когорые, арендуя крупные участки, эксплуатировали на них чужой труд, относились к тому же классу, что и первая группа арендаторов.

Изложенный материал позволяет поставить вопрос о распределении прибавочного продукта между различными прослойками господствующего класса. Для его решения, однако, необходимо выяснить, какое место в этой раскладке занимали государственные налоги. В составе равеннских папирусов сохранился документ, представляющий собой отрывок описи земель арианской церкви, переданных государством равеннской ортодоксальной архиепископии (Tjäder 2). В нем дана общая сумма поступлений с какой-то части земель (перечень их

не сохранился) и указано, сколько солидов из этой суммы получает Церковь в виде арендной платы и сколько государство в виде налога. Выглядит этот реестр так:

«Всего: 2172,5 солида.

Арендная плата: 932,5 солида.

Остаток: 1239 солидов.

В (казну)¹⁴² префекта: 1153,5 солида.

In t(itulum) largition(um): 85,5 солида».

Церковные земли, как известно, были освобождены от экстраординарных налогов и повинностей¹⁴³. Поэтому всю сумму государственного трибута должны были составлять обычные налоги. Большая часть их (1153,5 солида), — конечно, аннона. (В провинциях она поступала в казну префекта¹⁴⁴.) Меньшая — *tituli largitionum* — налоги, поступавшие в ведомство *sacragum largitionum*. Это могли быть *capon vestium*, *equogum collatio* и некоторые другие сборы¹⁴⁵. Так как изучаемый документ — довольно ранний (565–570 гг.) и фиксирует только что свершившийся факт передачи земель ариан в собственность Церкви, льготная аренда служилой знати распространиться на этих землях еще не могла. Арендная плата здесь должна быть примерно такой, как у установленной выше второй категории церковных арендаторов. Соотношение арендной платы и государственных налогов (932,5/1239) показывает, что последние составляли примерно 1 и $\frac{1}{3}$ суммы арендного взноса. При средней доходности 1 *fundus* в 17–18 солидов и арендной плате около 4 солидов они равнялись примерно 5 и $\frac{1}{3}$ солида или 35 % всего дохода¹⁴⁶. Такую же квоту они должны были составлять на землях фиска, где существовал сходный налоговый режим.

На основе полученных сведений можно составить примерную схему распределения прибавочного продукта внутри класса земельных собственников. Она такова:

на сданных в аренду императорских землях — государству в виде налога около 35 % дохода; государству в виде арендной платы — около 3 % дохода; арендатору — 61–62 % дохода, какая-то часть которого, однако, отдавалась фиску в качестве *glandaticum*, *herbaticum* и *exepium*;

на сданных в льготную аренду церковных землях — государству в виде налога — около 35 % дохода; Церкви в виде арендной платы — около 6 % дохода; арендатору — 58–59 % дохода;

на сданных в обычную аренду церковных землях — государству в виде налога — около 35 % дохода; Церкви в виде арендной платы — около 25 % дохода; арендатору — 40 % дохода¹⁴⁷.

На церковных землях, эксплуатировавшихся непосредственно, государству должны были идти те же 35 % дохода. Однако за счет остальных 65 % нужно было содержать разветвленный аппарат управления и надзора за производством (*manipularii, actores* и т. д.). Весьма возможно, что чистый доход с этих земель не превышал арендной платы при нельготной аренде.

Расчет распределения прибавочного продукта на частных землях наталкивается на непреодолимые препятствия, так как мы не имеем данных о налогообложении этих земель. Прагматическая санкция 554 г. распространила на Италию общеимперскую налоговую систему¹⁴⁸. В связи с этим частные земельные собственники должны были платить как обычные, так и экстраординарные налоги. Известно, однако, что во многих сферах общественной жизни правительство так и не смогло реализовать постановления Прагматической санкции, а конкретных данных о сборе налогов с частных собственников в Италии у нас нет. Можно лишь предполагать, что эти налоги были не ниже, чем на землях Церкви и государства, где существовала льготная система обложения. Ответ на вопрос, вся ли часть прибавочного продукта, оставшаяся от уплаты налогов, поступала собственнику, зависит от конкретных обстоятельств использования им земли. В случае сдачи ее в аренду какая-то часть дохода, естественно, оставалась арендатору. Эмфитевсис был мало распространен на частных землях, и возможно, что здесь чаще сохранялись более старые арендные формы типа *locatio-conductio* с высокой арендной платой.

Все сделанные выше расчеты, конечно, очень приблизительны. Однако приведенный материал как по государственным и церковным, так и по частным землям позволяет в целом заключить, что большая часть прибавочного продукта и на тех и на других поступала в руки землевладельческой знати. Этот социальный слой был главным эксплуататором производителей, что являлось основой для сближения интересов основных его прослоек: старой местной аристократии, составлявшей большую часть земельных собственников; византийских чиновников и военных, представлявших большинство арендаторов; новых земельных собственников и арендаторов незначительного происхождения.

Следует специально подчеркнуть тот факт, что даже в условиях византийского господства, то есть при характерной для Восточной империи гипертрофии государственного начала, в общей сумме земельных рент превалировали сеньориальные платежи, — факт, свидетельствующий об интенсивности феодализационных процессов.

ПРИМЕРНЫЙ УРОВЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Полученные данные о распределении прибавочного продукта между различными прослойками господствующего класса могут быть использованы для приблизительного расчета нормы эксплуатации непосредственных производителей.

Приводим описание методики ее вычисления. В таблице 4 Приложений собраны сведения из Баварского кодекса о сумме арендной платы, вносимой с тех земельных участков, размеры которых указаны в документах. Эти размеры выражены в модиях, то есть показывают, какой урожай пшеницы можно было собрать с каждого такого надела, засеяв его полностью. Все это — сравнительно небольшие участки, арендовавшиеся в VIII — начале X вв. Социальный статус арендаторов позволяет отнести их ко второй категории съемщиков церковных земель, арендовавших их на нельготных условиях. Следовательно, арендная плата составляла здесь около 25 % объема прибавочного продукта (см. предшествующий параграф). Для выяснения ее натуральных размеров денежная часть ренты, указанная в 4-й колонке таблицы, в следующей колонке преобразована в натуральную (в пересчете на хлеб)¹⁴⁹ и суммирована с собственно натуральной рентой. Последняя, при уплате из 10-го модия, берется как 0,1 всего урожая в модиях зерна, без учета того, что часть взноса составляли лен и масло. Так как речь идет о зерновых хозяйствах, погрешность не должна быть особенно велика. По данным таблицы, сумма арендной платы колеблется в пределах от 10,3 до 23,6 % производимого продукта, а в среднем — составляет 15 % (14,9 %) всего урожая. При условии, что мы имеем дело с нельготной арендой, можно приравнять 15 % всего произведенного продукта и 25 % прибавочного. Окажется, что прибавочный про-

дукт составлял 60 % произведенного. Так как четверть урожая должна быть оставлена на семена, то производитель фактически мог потребить лишь 15 % урожая. Выше было примерно определено в 6–7 человек количество колонов-домохозяев для участка в 100 югеров. Средняя урожайность зерновых для Италии — 20 модиев пшеницы с югера¹⁵⁰. Тогда оказывается, что в распоряжении одного колона после произведения всех выплат остается 42,9–50 модиев зерна. Для пропитания одного человека в течение года необходимо 16 модиев хлеба¹⁵¹. Таким образом, получается, что средний колон с трудом мог прокормить семью из 3-х человек (одним хлебом), если не позволял себе никаких иных трат.

Разумеется, точность конкретных результатов, полученных путем применения той или иной методики, зависит от надежности исходных данных. В нашем случае необходимо подчеркнуть их приблизительность. Исходная выборка состоит всего из 6-ти примеров хозяйств, вносящих натуральную плату; общая урожайность рассчитывается на основе допущения, что земельный участок (*fundus*) был сплошь засеян зерновыми; натуральная плата превращается в денежную на основе единственного свидетельства о ценах на хлеб, подверженных, как известно, разнообразным колебаниям, в том числе и сезонным; общие характеристики средней урожайности зерновых и количества колонов, сидящих на 1 *fundus*, могут сильно варьировать в зависимости от времени и места. Поэтому и полученный вследствие таких подсчетов результат нельзя воспринимать буквально. Скорее он может считаться некоторым ориентиром для суждений об уровне эксплуатации производителей в указанном регионе.

Практически данный результат свидетельствует лишь о том, что норма эксплуатации непосредственных производителей в Равеннском экзархате была весьма высокой. Для Византии эта ситуация неоригинальна. По подсчетам Н. Звороноса, в XI в. византийский лично свободный крестьянин отдавал государству в виде налога ок. 35 % того, что произвел, а всего вынужден был предоставлять государству и собственнику земли ок. 50 % своей продукции. После всех выплат и выделения семенного фонда в его руках оставалось 25–26 % урожая¹⁵². Норма эксплуатации колона вполне могла быть выше, чем свободного парика. В условиях Византийской Италии это могло объясняться двумя обстоятельствами: 1) массовым вывозом из пределов Равеннского экзархата товарного хлеба в Византию (см. ниже, в па-

раграфе о торговле), что стимулировало рост эксплуатации населения; 2) высоким плодородием почв Эмилии-Романьи, вследствие чего колон имел возможность прокормиться, потребляя всего лишь ок. 15 % урожая.

Итальянская исследовательница Л. Руджини отмечала, что в византийскую эпоху итальянские собственники и арендаторы земли были вынуждены распахивать новь, осваивать болота, всячески наращивать объем производства, к чему их вынуждала тяжесть государственных налогов¹⁵³. По-видимому, одной из причин хозяйственного освоения прежде заброшенных земель было также стремление зависимых сельских производителей найти для себя дополнительный источник средств существования. Использовать его можно было, конечно, только при условии крайнего напряжения сил.

Некоторое представление об уровне жизни сельского зависимого населения в изучаемый период позволяет составить равеннский папирус Tjäder 8. В нем дан перечень имущества, оставшегося после смерти некоего вольноотпущенника Гудерита. Этот Гудерит был либертином на пекулии, имел упряжку быков, держал немалый участок ($\frac{1}{2}$ fundus). (Может быть, fundus был невелик сам по себе, но скорее всего мы имеем дело с *adjectio*.) Можно ожидать, что благосостояние Гудерита сопоставимо с благосостоянием других непосредственных производителей. Вот полная опись его имущества: «сундук, запертый на замок, обшитый железом; другой сундук, маленький, сломанный; бутыл с пробкой; котел железный с ручками, старый; котелок поломанный (видимо, помятый. — *О. Б.*); цепь железная над очагом; сатарий (мерка для зерна. — *О. Б.*); квашня разбитая; сундучок маленький; кувшин глиняный, разбитый; палка; корыто; безмен; модий (мерка для сыпучих тел. — *О. Б.*); сосуд для зерна; рубашка пестрая, старая; рубашка вышитая; платок; плащ старый; накидка старая». Опись свидетельствует об ужасающей бедности покойного хозяина этих вещей. Конечно, нельзя абсолютизировать данные одного источника и придавать им универсальный характер. Уровень жизни вольноотпущенника Гудерита находится на грани допустимого, и возможно, именно глубокая нищета помешала ему создать семью, в то время как большинство непосредственных производителей семьи имело. Но перед нами и не паупер, а человек, занимавшийся аграрным трудом, и его уровень жизни характеризует *modus vivendi* наименее материально обеспеченной части сельского населения Ра-

веннского экзархата (даже если часть вещей умершего была расхищена соседями). В этом плане приведенный документ может служить иллюстрацией к выводу о том, что в Восточной Италии уровень эксплуатации производительного населения был очень высок.

РАВЕННСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ FAMILIARES

На протяжении всего изучаемого периода равеннская епископия играла значительную роль в религиозно-политической жизни Византийской Италии. В рамках своего диоцеза — экзархата и двух Пентаполей — местные понтифики стремились стать папами в миниатюре, что особенно ярко проявилось в ходе их борьбы за автокефалию. Ясно, что для этого им необходимо было создать соответствующую базу, привязать к себе юридическими и имущественными обязательствами наиболее влиятельные местные социальные слои. Материальной основой для этой деятельности епископии мог быть в первую очередь принадлежавший ей патримоний. Борьба за возможность использовать его в своих интересах породила ряд весьма острых конфликтов между церковными и светскими социальными группами, заслуживающих специального анализа.

Первый крупный конфликт такого рода разразился в годы понтификатов епископа Равенны Экклесия (521–534) и римского папы Феликса IV (526–530) и, следовательно, относится ко второй половине 20-х гг. VI в. Известно, что тогда против равеннского епископа и его ближайшего окружения выступила значительная часть духовенства во главе с архидиаконом Масталлоном. Стороны обратились за арбитражем в Рим и получили от папы Феликса обширное послание, которое полностью приводится в «Книге понтификов» Агнелла. В сущности, лишь благодаря посланию мы можем судить о причинах происшедшего, ибо сам Агнелл произносит по этому поводу единственную фразу от собственного имени: «Случилось так, что в то время между блаженным Экклесием и священниками возник спор из-за части церковных имуществ» («*de singulis rebus ecclesiae contentio est*»)¹⁵⁴.

Папа в своем послании фиксирует внимание равеннских духовных лиц на трех основных сюжетах. Приведем касающиеся их выдержки из документа:

1) «...Итак, прочитав грамоты, представленные нам братом нашим Экклесием, а также пресвитерами, диаконами и нотариами Равеннской церкви, в присутствии брата нашего и понтифика Экклесия, равно как и вышепоименованных клириков, прибывших сюда по данному делу, мы постановляем: обязанности клириков должны принимать на себя только те, чья жизнь и поведение не противоречат священным канонам. Клирикам же, желающим и пытающимся достигнуть того, что по святоотеческим правилам принадлежит пресвитерам и диаконам, приказываем всецело руководствоваться постановлениями тех (святоотеческих. — *О. Б.*) времен. Что же относится до церкви Равенны и Классиса, то в ней имеется древний обычай. Клирики и монахи не имеют права ради достижения незаслуженного ими положения искать покровительства местных властей, дабы епископ, не выполняя требуемого, не навлекал на себя чьего-то недовольства или, выполняя, не поступал бы противозаконно. Четверть патримония Равеннской церкви, т. е. три тысячи солидов, предназначается для выдачи клирикам и тем, кому принято выплачивать эти суммы. Если же что-либо из денежных поступлений или завещанных имуществ увеличится по воле Господа нашего, то надлежит, с помощью Божьей, четвертую часть посвятить на те же цели: таким образом, однако, как указано в бреве¹⁵⁵, чтоб невозможно было распределить ее между отдельными людьми тайно, но исключительно в соответствии с заслугами и статусом, ибо все это установлено самим Господом, последовательно и законно. Нужно, чтобы каждый тщательно охранял все, что ему поручено, если сему не мешают тяжелая болезнь или потребности алтаря. За вычетом имуществ или дополнительных доходов, издержанных на личные нужды, гостевых даров, подносимых многим, и трапез, которые устраивают для них согласно с их должностным положением и заслугами, а также того, что потребно для приема приезжающих, все остальное мы предписываем отдавать епископу. И никаких заговоров, никаких сходов, кои не остаются безнаказанными и среди мирян, не смеет пытаться осуществлять в Божьей церкви никто из клира».

2) «...Для управления патримонием по распоряжению епископа... да будут направлены люди из состава клира, чья честность и деловитость проверены, после принятия ими соответствующей присяги и за установленное епископом разумное вознаграждение, чтобы не терпело ущерба подавание бедным и размеры патримония ни-

кто бы не утаил, и чтобы клирик, боясь Господа и собственного священника, честно распоряжался всем тем, что ему выделено. ...Если же кто из клириков держит принадлежащее церкви городское или сельское имущество, предписываем составить для него грамоту с точным определением доходов, так, чтобы он получал то, что следует, для собственных нужд, а все, что сверх того, шло бы в доход церкви. Что касается городского и сельского имущества, а также прочей недвижимости, оставленной различным базиликам нашими верными во спасение своих душ, то относительно них существует древнее правило. Нотарии — в порядке, предписанном матрикулами: примицерий, секундицерий, третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой — самостоятельно в присутствии священников и диаконов получают документ за подписью завещателя, чтобы, как только возникнет необходимость, можно было его законно использовать, выдавать и получать... Если же каким-либо светским лицам, не терпящим материальной нужды, было передано церковное сельское и городское имущество, пусть епископ озаботится, дабы вернуть его церкви через специально назначенных клириков, чтобы в дальнейшем и не пытаться передавать его в пользование иначе как по единственной вышеупомянутой причине».

3) «...Дошло до нас, что некоторые клирики посещают зрелища, и дело это столь ужасное, что заклятостью возмущает души верующих, ибо они вопреки установлениям встречаются на зрелищах тех, кого видят в Доме Божиим читающими Слово. В результате нарушается дисциплина и попираются божественные правила. Здесь епископу необходимо проявлять заботу; иначе, если они (клирики. — *О. Б.*) сейчас так не поступают, то начнут поступать в будущем, а если поступают уже, то должны быть подвергнуты за это наказанию согласно церковным нормам»¹⁵⁶.

Текст источника позволяет высказать следующие соображения о сути конфликта. В первой части папского письма говорится о так называемой «кварте» — четвертой части церковного бюджета, распределявшейся в среде клира. Кварта клириков появляется в Западной церкви в результате четырехчастного деления церковных доходов, известного с V в. В письме римского папы Симплиция (468–483) епископам Флоренцию, Эквицию и Северу от 19 ноября 475 г. говорится: «...принадлежит ему (епископу. — *О. Б.*) одна четвертая часть. Две используются для нужд церковного строительства и для пропи-

тания странников и нищих... последнюю клирики делят меж собою по заслугам каждого»¹⁵⁷. Папа Геласий I (492–496) в письме епископам Лукании, Бруттия и Сицилии (494 г.) утверждает официально: «Доходы верующих делятся на четыре части... из которых одна предназначена для епископа, другая — для клириков, третья — для бедных, четвертая — для строительства»¹⁵⁸. Он же повторяет это правило в послании жителям Бриндизи¹⁵⁹ и поясняет в другом письме: «Управлять имуществом Церкви имеют право епископы, однако они обязаны разделять доходы между вдовами и сиротами, бедняками и клириками. Оставшаяся часть остается епископу, чтобы он мог выступать благотворителем странников и пленных»¹⁶⁰. Фраза о четырехчастном делении доходов Церкви вошла в выработанную в правление папы Геласия формулу обращения к пастве, куриалам и клиру того или иного города при назначении нового епископа¹⁶¹, а впоследствии была включена в *Liber Diurnus*¹⁶².

В рассматриваемом нами случае папа Феликс IV с полным основанием подчеркивает, что четверть всех поступлений равеннской архиепископии должна отдаваться клиру; при этом он вынужден почему-то особо указывать, что четверть доходов от любого вновь приобретенного имущества также входит в кварту клириков. Мы вправе заключить, что епископ Экклесий ставил под сомнение если не само право клириков на получение кварты, то, по крайней мере, их право на долю от новых имущественных поступлений. Урезонившая епископа, папа одновременно говорит о клириках, стремящихся добиться того, что приличествует священникам и диаконам. В чем смысл такого упрека? Отвечая на этот вопрос, мы переходим ко второму пункту спора, связанного с использованием церковного патримония. Дело в том, что в Римской церкви для управления земельными владениями назначались акторы (*actores*) и помощники акторов — дефензоры. В VI в. в роли папских акторов иногда выступали местные епископы, чаще — священники; среди дефензоров преобладали диаконы. Но никогда младшие клирики (аколиты, чтецы, певчие) не становились акторами¹⁶³. Клирики Равенны, недовольные суммой, которую уделяла им епископия, вероятно, стремились провести на ключевые посты в сфере имущественного управления Церковью своих людей, посягая таким образом на то, что «принадлежит священникам и диаконам». При этом они пытались прибегнуть к протекции влиятельных лиц. (Напомним, что дело про-

исходило в столице Остготского королевства.) Упомянутые светские лица занимали столь высокое положение, что равеннскому епископу неудобно было им отказать, о чем в обтекаемых выражениях и говорит папа Феликс.

Управители-акторы из своей среды нужны были клирикам Равенны не только для того, чтобы создать для себя режим наибольшего благоприятствования при сохранении традиционных методов эксплуатации патримония. Как свидетельствует источник, равеннские клирики хотели ощущать себя полными хозяевами земельных участков, предоставленных им в пользование. Церковное же руководство рассуждало иначе: все, что превышает личные потребности клирика и его семьи, следовало отдавать епископии. Очевидно, что клирик выступал в этом случае в качестве не владельца или арендатора, а лишь временного держателя земельного участка. Часть дохода, получаемая клириком, представляла собой жалованье за службу. Сумма участков, находившихся в распоряжении клириков, и составляла ту четверть («кварту») земельной части патримония, о которой упоминает папа Феликс IV.

Отметим, что рекомендации римского папы были, вообще говоря, достаточно либеральны по отношению к земельным держателям. Епископия должна была предоставлять им земли, не претендуя на дары — *еxenia*, на кормления — *convivia*¹⁶⁴, разрешая тратить церковные деньги на представительские нужды. Но вопрос о принадлежности земель Церковь решала однозначно: все права владельца и распорядителя доходов она оставляла за собой. Отсюда вытекало весьма неприятное для клириков требование папы Феликса: вычислить и документально зафиксировать доходность полученных ими земель с тем, чтобы впредь излишки доходов изымались епископией. Папа рекомендовал епископу Равенны использовать римский опыт, когда каждый вновь назначаемый актер получал от курии специальное «бреве» и мог контролировать держателей. Забота о патримонии являлась его главным делом, отвлечься от которого он имел право лишь на время для участия в церковных церемониях («потребности алтаря») или в связи с тяжелой болезнью. Ни при каких обстоятельствах не позволялось отдавать земли патримония в держание светским лицам. Требование папы Феликса немедленно отнять их у всех мирян кроме остро нуждающихся, получивших их в порядке благотворительности, наводит на мысль, что среди церковных держателей могли быть упо-

минавшиеся представители местной власти (*locum potentium*) — люди, способные оказывать покровительство полезным для них группировкам в составе равеннского духовенства.

Отстаивая свои интересы, противоборствующие стороны использовали любую возможность для того, чтобы скомпрометировать соперника. В частности, епископ Экклесий не преминул сообщить, что его клирики посещают публичные зрелища. Священнослужители, естественно, заявили, что их оклеветали. Папа римский не стал вдаваться в детали, но резонно заключил, что если клирики до сих пор не грешили, то они ничем не застрахованы от этого в будущем. Он однозначно осудил практику посещения зрелищ духовными лицами, призвав епископа к бдительности.

В целом постановление папы Феликса IV носит компромиссный характер. Главный его смысл состоит в том, что за епископией остается право распоряжаться патримонием, а клиру гарантируется кварта. Компромиссно оно и по форме: строгий тон, когда речь идет о клириках, не мешает римскому папе в косвенных выражениях высказать епископу Экклесию ряд серьезных претензий по управлению вверенным ему диоцезом. Не случайно хронист Агнелл завершает сообщения об этих событиях фразой: «После этого образумился блаженный Экклесий и обращался уже со своими овцами, как отец с детьми»¹⁶⁵. Агнелл, сам происходивший из среды равеннского клира, полагал, следовательно, что папа Феликс IV поставил на место «зарвавшегося» епископа Экклесия. Именно компромиссность, разумный центризм позиции, занятой римским папой в конфликте между клиром и епископом Равенны, обеспечили его постановлению долговечность. Равеннские духовные лица на протяжении полутора столетий считали его руководством к действию, ссылались на него как на прецедент и, несмотря на некоторые немногочисленные исключения, в основном его выполняли.

Эпохой расцвета политического могущества равеннской епископии стала середина VII в. В результате длительной и напряженной борьбы при архиепископе Мавре (648–671) она получила от византийского императора право автокефалии. Конфессиональный разрыв между Римом и Равенной имел многообразные последствия, но, в частности, он предоставил Равеннской церкви моральные основания для того, чтобы игнорировать апостолические определения римских пап. В числе таких определений было и известное нам послание папы

Феликса IV. Такова была церковно-политическая ситуация в Равенне, когда на архиепископскую кафедру взошел второй преемник Мавра — молодой, энергичный и беспринципный Феодор (677–688). «В эти дни случился большой голод во всей земле, и он (Феодор. — О. Б.) присвоил (“deglutivit”, т. е. буквально “поглотил”. — О. Б.) весь хлеб в области. Когда же священники не смогли найти, где его купить, то пришли к нему просить помощи. Он же сказал пришедшим к нему архидиакону Феодору и архипресвитеру — также по имени Феодору: Скажите священникам и всему клиру: “Зачем изнуряет вас такой голод? Если откажетесь ото всей церковной квартиры и от всего, что за эти годы в качестве квартиры по воле епископов получили, то я справлюсь с вашей нуждой”. Они же, мучимые долгим тяжелым голодом, согласились; и с того времени кварта отнята у клириков этой Церкви вплоть до сего дня. Обычаи же Церкви, которые по каждому предмету были собраны в отдельные тома, он собрал и сжег. Когда восседал он на престоле согласно своему достоинству и поднялся против него ропот среди священников и клириков из-за обычаев, запись которых он изъясил из архива, то, предвидя свое поражение, он заявил: “Верьте мне, дети, что я не только не отниму ваши обычаи, но еще их преумножу”. И дал обещание перед собранием всей Церкви, что если кто найдет какие-то документы, фиксирующие обычаи, то он их примет. Когда же ему принесли множество грамот, то в глубине души замыслил он зло. Якобы с радостью принял он все это, глядя на всех с ясным лицом; сам же был волком в овечьей шкуре. И сказал он им вновь: “Поищите еще, и когда все найдете, мы заключим между собой соглашение, чтобы никогда в дальнейшем нам не ссориться”. Они же отправились и после тщательных поисков, как только что-нибудь обнаруживали, приносили ему. А он, обманно получив все грамоты, сказал: “Идите, а я пока подумаю, каким образом мы оформим договор, чтобы раздоры никогда не повторялись”. И собрав все, соединил в один том и сжег в очаге собственной бани»¹⁶⁶.

Разбойничьи действия архиепископа Феодора не остались безнаказанными. Сделавшись в глазах всего духовенства личностью одиозной, он пытался, как сообщает Агнелл, восстановить друг против друга священников и диаконов, приближая то одних, то других, но расположения клира так и не добился. Накануне праздника Рождества Христова священники пришли к архипресвитеру и архидиако-

ну и заявили следующее: «Скажите господину нашему понтифику, что он творит нам зло. Полно притеснять и травить нас! Много уж тягот он нам доставил, и носить их мы более не можем. Воспользовавшись удобным случаем, он лишил нас кварталы, сокрушил апостолические установления, сжег в огне обычаи Церкви, матрикулы отнял, от лона Церкви нас отлучил, все творит вопреки Евангелию, телесно нас унизил, имущества разграбил, средства к жизни отобрал, списки церковных доходов (*censuales*), по его словам, исчезли»¹⁶⁷. Но сделанное архиепископу руководителями клира последнее предупреждение не подействовало. Посланцы духовенства были с оскорблениями изгнаны вон. На Рождество архиепископ Феодор пришел в храм для совершения торжественного богослужения, но не обнаружил на месте ни одного клирика. «Видимо, они еще спят», — решил он и послал за ними слуг. Те возвратились и сообщили, что весь клир ушел из Равенны в близлежащий Классис, собрался там в соборе Св. Аполлинария, и сейчас в нем уже идет торжественная литургия. Священнослужители наотрез отказались иметь дело со своим епископом. Все попытки понтифика через своих клеветников уговорить клириков вернуться оказались тщетными. Священнослужители заявили, что намерены отправиться в Рим просить себе нового паптыря, а если им откажут, то они обратятся с той же просьбой к императору в Константинополь. Архиепископ в панике бросился к экзарху Равенны, прося заступничества. Но посланцы экзарха получили от клириков следующий ответ: «Если мы отправимся в Константинополь, то пожалуемся и на самого экзарха за то, что он раньше не захотел призвать его (архиепископа. — *О. Б.*) к порядку». Узнав об этом, архиепископ Феодор принялся умолять экзарха лично отправиться в церковь Св. Аполлинария в Классисе и обещать от его имени все, чего только ни потребуют восставшие клирики. «К имуществу Церкви я буду иметь отношение не большее, чем любой из них», — заверял архиепископ.

«На следующий день явился в храм экзарх и воссел вместе с архиепископом и всеми священниками, а сзади них встали диаконы и весь клир, участвовавший в ссоре. Много было между ними споров, и изблещен был понтифик, и все немедленно были восстановлены в своем достоинстве, и были распределены между ними по жребию (*sortiti*) церковные имущества, и не было среди них никого, кто каку-либо их часть не получил; то же касается и подчиненных упра-

вителей (actores), и проастиев, принадлежавших familiares ecclesiae; и отправились все счастливые в свои монастыри и возблагодарили Бога. То, чем ранее пользовался один епископ, теперь было разделено между всеми, и с этого дня договор (foedus) был установлен и скреплен клятвой между понтификом и его священниками о том, что familiares ecclesiae имеют право самостоятельного надзора (auctoriam curationem habeant)...»¹⁶⁸

Так завершился наиболее острый конфликт между равенским клиром и архиепископом. Но от архиепископа Феодора всегда можно было ожидать новых сюрпризов. Как сообщает Агнелл, понтифик в очередной раз «измыслил зло, ибо не сумел, как желал, обогатить за счет церковного имущества собственных родителей». Тогда он тайно написал в Рим папе Агафону письмо с просьбой пригласить его для переговоров о взаимоотношениях двух кафедр. Получив приглашение, он отправился в Вечный город и там официально отрекся от автокефалии, а римский папа (преемник умершего Агафона) утвердил взамен этого все его прежние распоряжения по епархии¹⁶⁹.

Последняя акция алчного и бессовестного равеннского прелата выглядит вполне понятной: римская курия легализовала в числе прочих равенских новшеств переход в руки архиепископа кварталы клириков. По Агнеллу, «вплоть до сего дня», т. е. до середины IX в., кварта оставалась в руках архиепископов. Отметим, что пример Равеннской церкви оказался заразительным, и на протяжении VIII–IX вв. обычай выдачи клирикам итальянских церквей четвертой части доходов епархий постепенно отмирал¹⁷⁰.

Как же могло получиться, что конфликт, разгоревшийся в Равеннской церкви, завершился победой клира, но кварта осталась в руках архиепископа? Очевидно, блага, полученные равенским духовенством в результате заключенного с архиепископией договора, значительно перевешивали потери от утраты кварталы. В самом деле: клирикам был роздан полностью церковный земельный патримоний, второй по величине в Италии после папского.

Можно утверждать, что с этого времени окончательно исчезают равенские церковные поместья, где под руководством управителя велось собственное крупное колонатное хозяйство. (Пример такого хозяйства, как мы помним, дает нам равенский папирус Tjäder 3.) Именно теперь между непосредственным производителем — колоном и собственником — Церковью повсеместно становится представи-

тель промежуточного страта, определенного источником как прослойка *familiares ecclesiae*. Эти люди получили «право надзора», т. е. приобрели экономическую самостоятельность, освободившись от опеки акторов. Бывшие же акторы, по-видимому, слились с ними, получив статус *familiares*. Именно так можно понять не вполне четкую формулировку Агнелла: «...то же (т. е. новая практика распределения патримония. — О. Б.) касается и подчиненных *actores*, и проативей, принадлежащих *familiares ecclesiae*».

На каких условиях получили церковные земли *familiares ecclesiae*? Ясно, что не в собственность, так как собственником этих земель осталась Равеннская церковь. С другой стороны, они и не стали обычными держателями церковных земель типа прежних получателей кварталы. Мы помним, что такой вариант и за полтора столетия до этого не казался равеннскому клиру особенно привлекательным. Логично предположить, что равеннские клирики и *familiares ecclesiae* получили церковные земли на условиях льготной аренды, о которой подробно говорилось выше. В юридическом плане подобные держания оформлялись как эфитевтические с весьма низкой арендной платой.

До описываемых событий известны всего два эпизода, когда Равеннская церковь заключала такие сделки. При этом оба они по своему содержанию могут рассматриваться как исключения. В первом (639 г.) воин Ариминского нумера Павлацис получил в эфитевсис только что подаренный им Равеннской церкви земельный участок; в сущности, здесь мы имеем дело с итало-византийским вариантом *rescaria oblata* (Tjäder 22). Во втором случае (середина VII в.) арендатором-эфитевтом очень большого поместья и имущества в городе стал Феодор Каллиопа — крупнейший политический деятель Византийской Италии, дважды бывший равеннским экзархом (643–645, 653–660 гг., Tjäder 44). Независимо от того, являлся ли он действующим экзархом в момент заключения сделки¹⁷¹, влияние этого человека в Равенне позволяло ему не очень считаться с церковными правилами, тем более в условиях, когда сама Церковь была заинтересована в его покровительстве.

К концу VII в. (правление епископа Дамиана, непосредственного преемника Феодора — 688–705) относятся древнейшие эфитевтические сделки, зафиксированные в полиптихе Равеннской церкви — Баварском кодексе. Мы располагаем семью такими свидетельствами

(БК 14, 15, 16, 21, 23, 27, 122)¹⁷² и при известной всем медиевистам скудости актового материала по экономической истории VII–VIII вв. имеем основания говорить о широком распространении соответствующей практики в Равеннском экзархате примерно с 90-х гг. VII в. Возможности для нее предоставили соглашение епископа Феодора со священнослужителями о правах *familiares ecclesiae* и заключение между ними договора — *foedus*.

Исследуя вопрос о роли последнего в экономической истории Равенны, необходимо привлечь к рассмотрению свидетельство Агнелла о событиях в Равенне в начале 30-х гг. VIII в. Тогда равеннцы изгнали из города архиепископа Иоанна VII (723–748). Агнелл пишет: «И вот разгневались граждане Равенны против этого понтифика и отправили его в ссылку в венецианскую область, и в течение года он был изгнанником. Тогда скриниарий Епифаний, видя разорение святой нашей Церкви и отца отечества (*patrem patriae*) находящимся в стеснении и скорби, через посредство экзарха города вновь призвал его на принадлежащую ему кафедру. А после того как восстановился он в достоинстве понтифика, упомянутый скриниарий Епифаний однажды сказал ему: “Отче-господине, стоило бы тебе прийти во дворец к экзарху и отнести ему большую грудку серебра¹⁷³, чтобы созвал он на суд тех мужей, что отправили тебя в ссылку, дабы мы отомстили им, и то, что ты отдашь, вдвойне с них получили бы. Ты будешь вести себя, как надлежит епископу; судиться с ними буду я, и знаю, что с помощью Божьей одержу над врагами победу”. И все случилось так, как вы слышали. Утвердился упомянутый понтифик Иоанн в материнском лоне Церкви, а на другой день инициатор сборища — тот же скриниарий Епифаний — принялся рядиться с определенными людьми (*cum singulis hominibus*) и сказал так: “Ты имеешь письменное предписание об имуществе (*praeseptum ex rebus exaratum*), согласно которому никогда против сей святой Церкви и против епископа этой кафедры ни по какому поводу не восстанешь ни действием, ни словесно. Скажи теперь, что ты за овца, если своего пастыря, согревавшего тебя и водившего по травянистым лугам, ты ткнул рогом и подписал направленный против него документ (*cirographa*)?” И когда они были изобличены, он (епископ. — О. Б.) собрал столицю то, что дал экзарху. И после этого все единодушно и униженно пришли к нему, моля о прощении; и никто в будущем не вызвал его гнева»¹⁷⁴.

Комментируя этот текст в специальной статье, итальянский историк Н. Тамассия пришел к выводу, что в источнике говорится о крупных арендаторах церковных земель на условиях эмфитевсиса и либеллы, а в высказывании скриниария Епифания почти дословно процитирована их присяга собственнику¹⁷⁵. В частности, Н. Тамассия обратил внимание на текстуальные и смысловые совпадения между словами Епифания и обязательствами эмфитевта из вышеупомянутой арендной грамоты экзарха Феодора Каллиопы (середина VII в.)¹⁷⁶. Подобная или сходная формулировка встречается во многих равеннских эмфитевтических грамотах более позднего времени¹⁷⁷. По содержанию она представляет собою прототип вассальной присяги, предусматривавшей возникновение на базе экономического (поземельного) контракта обязательств внеэкономического характера. То обстоятельство, что в рассматриваемом случае мы имеем дело с обязательствами негативного, а не позитивного плана («не выступать против»), а также характерная оговорка из арендного договора Феодора Каллиопы («если возникнет между нами собственная причина, то вы обязуетесь ее обуздать в соответствии с законом» — «*ventilare per justiciam*») естественны в условиях развитого правового государства, где частное право не может налагать на субъекта обязанностей, противоречащих праву публичному.

Лица, заключившие с Равеннской церковью подобную сделку, вероятнее всего, приобретали по отношению к епископии некоторый новый статус, причем единственный подходящий для него термин источников — *familiares ecclesiae*. Как видим, их обязательства перед Церковью были в общих чертах намечены уже к середине VII в., а в 30-е г. VIII в. воспринимались как освященные традицией. Привлекательно было бы на этом основании поставить знак равенства между договором (*foedus*), заключенным между архиепископом Феодором и его священнослужителями, и *praescriptum ex gebus*, упомянутым Епифанием в его речи. Однако вряд ли это было бы правильно.

Судя по заявлению Епифания, *praescriptum ex gebus* заключался между Церковью и конкретным арендатором, и речь в нем шла о совершенно определенном имуществе. Документы такого рода должны были писаться в двух экземплярах¹⁷⁸ и находиться как на руках у арендаторов, так и в архиве архиепископии. Не случайно поэтому в тяжбе с *familiares ecclesiae* столь значительную роль играл скриниа-

рий Епифаний — хранитель архива Равеннской церкви. Он был заранее уверен в успехе: при прочих благоприятных для Церкви условиях Епифаний вдобавок располагал компрометирующим материалом на любого своего противника¹⁷⁹. Имея в виду каждого такого оппонента, он риторически обращался к *familiares ecclesiae* в единственном числе: «Ты имеешь *praescriptum ex rebus exaratum*».

Заключенный в 80-е гг. VII в. в Равенне *foedus* был документом более общего порядка. Он, как мы помним, был составлен один на всех, и в нем определялось право *familiares ecclesiae* самостоятельно, без участия епископских управителей, вести хозяйство на церковных землях и, следовательно, полностью распоряжаться всей рентой, за исключением фиксированной арендной платы. Иными словами, *foedus* стал основополагающим документом для заключения более частных сделок, оформлявшихся контрактом *praescriptum ex rebus*. Поскольку массовый переход церковных земель в руки местной служилой знати сыграл решающую роль в истории ряда социальных процессов, протекавших в Равеннском экзархате (иррегуляризация византийского войска, попадание в зависимость от Церкви значительной части чиновничества и офицерства и т. д.), можно утверждать, что результаты конфликта между клиром и архиепископом, имевшего место в 80-е гг. VII в., сказались на всей жизни Равеннского экзархата и Пентаполей.

Почему внутрицерковный по форме экономический конфликт приобрел столь значительное социальное звучание? Легко заметить, что до тех пор, пока в центре внимания спорящих сторон стояло распределение кварталы, проблема волновала только священнослужителей. В противоборстве участвовали с одной стороны епископ и его ближайшее окружение, с другой — остальная часть духовенства. В обоих рассмотренных нами случаях во главе партии клира стояли его формальные корпоративные лидеры: архидиакон Масталлон в 20-х гг. VI в., два Феодора — архипресвитер и архидиакон — в конце VII в. Это вполне объяснимо: архипресвитер и архидиакон в среде священников и диаконов играли примерно ту же роль, что руководители античных торговых и ремесленных коллегий в своих корпорациях; защита интересов клириков была их прямой обязанностью, и небрежение ею губительно сказывалось на их авторитете. Именно интересы клириков, в первую очередь экономические, лежали в основе неоднократных шумных скандалов, сопровождавших

назначение в Равенну епископов из других городов Италии, так как последние были людьми, не знавшими традиций епископии и никак не связанными с местным духовенством. Так, знаменитый впоследствии Петр Хрисолог, служивший диаконом в Имоле, стал равеннским епископом (432 г.) лишь в результате исключительной настойчивости римского папы Сикста IV (432–440) после его многодневных препирательств с равеннской делегацией¹⁸⁰. Не менее известный епископ Максимиан, бывший раньше диаконом в Поле (Истрия) и назначенный в Равенну папой Вигилием (537–555), вовсе не был допущен в город и утвердился на престоле лишь после того, как дал хороший обед верхушке равеннского клира и городской знати (*sacerdotibus et primatibus urbis*), а затем попросту подкупил их (546 г.)¹⁸¹. В необходимых случаях клиру удавалось возбудить против неугодного понтифика мирян¹⁸², но чаще всего дело обходилось без их участия. В разгар острейшего столкновения клириков с епископом Феодором «паства, пришедшая в церковь, изумлялась, не ведая причин происходящего»¹⁸³. Показательно, что договор (*foedus*) об использовании церковного патримония заключался «между понтификом и священнослужителями» («*inter pontificem et sacerdotes*»): не потому, что *familiares ecclesiae* передоверили защиту своих интересов духовным лицам, а потому, что последние составляли сами подавляющее большинство церковных *familiares*. Однако заключение *foedus* стало началом социального перелома. Он сделал статус *familiares* исключительно выгодным, предоставив им максимум льгот при минимуме обязательств. Легализация *foedus* папством в обмен на отказ архиепископии от автокефалии окончательно отменяла постановление папы Феликса IV, в том числе и пункт о недопущении к церковному патримонию мирян. Из семи известных нам арендных сделок, заключенных архиепископией в правление Дамиана (688–705), в пяти сохранились сведения об общественном положении церковных эмфитевтов. Среди них монахиня, логофет Священного дворца, трибун, вдова *magistr'a militum*, вдова купца, т. е. одно духовное и четверо светских лиц, из которых трое принадлежат к прослойке служилой знати (БК 21, 15, 27, 23, 14). Так в конце VII в. началось приобщение к эксплуатации церковной собственности наиболее сильной социальной группы Византийской Италии — *ехегцитус*, т. е. войска-сословия, сочетавшего военно-политическое влияние с экономическим могуществом.

С этого момента экономические процессы, протекающие внутри Церкви, вливаются в единый поток явлений, обеспечивающих социальную эволюцию всего региона.

Несколько десятилетий спустя представители *exercitus* составляют уже явное большинство *familiares ecclesiae*. Последнее описанное нами столкновение архипастыря Равенны со своими подопечными началось политическим актом — высылкой понтифика из города, осуществленной «гражданами Равенны» (*Ravennenses cives*)¹⁸⁴. После возвращения епископа выяснилось, что практически все эти «граждане» одновременно являются *familiares ecclesiae*, и их даже можно огульно обвинять в нарушении вассальной присяги. Таким образом, целый общественный слой связал себя с архиепископией экономическими и юридическими узами. Этот знаменательный социальный сдвиг мы можем приблизительно датировать первыми десятилетиями VIII в. и непосредственно связать с итогами экономического конфликта в среде равеннского духовенства в правление архиепископа Феодора.

Итак, история экономических коллизий внутри Равеннской епископии прошла две стадии: до 80-х гг. VII в., когда эти противоречия не только формально, но и по существу являлись внутренним делом Церкви, и после 80-х гг. VII в., когда в них вмешались новые общественные силы. Эти силы заняли главенствующее место в экономической жизни региона.

Сходную социальную ситуацию в Истрии рисует *Placitum de Rizado*. Здесь речь идет о притеснениях, которые допускают по отношению к арендаторам фиска — людям, как мы помним, зажиточным и знатым — представители *familia* Аквилейской церкви¹⁸⁵. Члены этой *familia* лишили арендаторов возможности пользоваться рыбными ловлями, бьют их палками и даже мечами, причем съемщики императорских земель не смеют даже жаловаться, опасаясь более тяжелых последствий. Ясно, что в качестве *familia* здесь выступают не простые колонны и тем более не рабы. Речь идет о людях, хотя и зависимых от патриарха, но с достаточно высоким социальным весом: по крайней мере не ниже, чем у самих арендаторов фиска. Их положение *familiares* позволяет им в любом случае рассчитывать на поддержку и защиту своего патрона. Отношения их с аквилейским патриархом, так же как отношения *familiares* и архиепископов в Равенне, выглядят как вассальные. По своему общественному статусу эти люди, имеющие право носить и использовать оружие, наверняка принадле-

жат к *exercitus*. Следовательно, социальный переворот, описанный выше на материале патримония Равеннской архиепископии, имел место и на землях других крупнейших церквей Италии.

* * *

Анализ аграрных отношений на Востоке Византийской Италии приводит к выводу, что в изучаемый период в регионе протекает процесс становления феодальных общественных отношений. Его проявления следует видеть в том, что в условиях господства крупной и средней земельной собственности и соответствующих форм аренды основную часть произведенного в сельском хозяйстве прибавочного продукта составляет рента собственнику (арендатору), то есть сеньориальный платеж;

в составе ренты появляются многочисленные мелкие поборы и платежи, вытекающие из права собственника на землю (*glandaticum* и *herbaticum*) и на личность производителя (*exenium*);

происходит соединение в одних руках прав собственности на землю и публичной (административной, судебной, военной) власти, так как византийские официалы превращаются в земельных собственников и арендаторов;

взаимоотношения между собственниками и арендаторами земель прогрессируют по пути превращения аренды в феодальную условную земельную собственность; на этой основе в среде земельных собственников начинают складываться взаимоотношения сеньориально-вассального типа;

экономические и социальные интересы различных категорий земельных собственников смыкаются. Создаются предпосылки для формирования единого слоя феодалов.

Феодальные отношения в указанном регионе возникают непосредственно на позднеантичной основе. Воздействие античности на ход указанных процессов в аграрной сфере проявляется:

в том, что они протекают в условиях формального сохранения ряда основных элементов позднеримской социальной стратификации (*coloni*, *servi*, *possessores* и т. д.);

в сохранении античной системы земельного межевания, то есть топографической сетки «*fundus — casale — massa*»;

в бытовании позднеримской социальной терминологии.

Глава 4

ГОРОД И ТОРГОВЛЯ

В этой главе рассматриваются экономические и социальные вопросы истории городов в Равеннском экзархате и Пентаполях.

Одной из поставленных в ней задач является исследование муниципальной организации в изучаемой зоне на всем протяжении византийского периода ее истории, выяснение направления ее развития и определение ее места в жизни города.

В следующем параграфе предпринимается попытка представить с привлечением некоторых новых источников общую картину развития торговли и ремесленного производства в данном регионе.

Детально анализируется социальная стратификация городского населения. Несколько подобных стратификаций было предложено до сих пор как для Византийской Италии в целом, так и для Равеннского экзархата (принадлежат А. Гийу, Д. Фазоли и Ф. Бокки, Ф. Дельгеру и другим¹). Их анализ дается ниже. Предварительно можно лишь отметить, что всем им (кроме схемы Дельгера) свойственна отрицательная черта: авторы их исходят не из реальной общественной ситуации в итальянских городах, но из социальной терминологии источников. В результате воссоздается не столько система общественных стратов как таковая, сколько представление о ней средневековых авторов. Социологические термины источников сами по себе заслуживают пристального внимания, однако их необходимо связать с историческими реалиями, которые устанавливаются только в процессе социально-экономического исследования городской жизни в целом.

Наконец, особый раздел главы посвящается характеристике основных типов поселений, существовавших в регионе. Ставится цель раскрыть терминологию источников и определить примерные масштабы населенных пунктов, скрывающихся за соответствующими терминами. Для полноты рассмотрения темы характеризуются здесь не только городские, но и сельские поселения.

На основе исследования поставленных выше проблем предполагается выявить основные тенденции эволюции городов в Равеннском экзархате и Пентаполях и выяснить, на каком этапе социально-экономического развития эти города находились в византийскую эпоху.

СУДЬБЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА

Для исследования любого древнего города в эпоху перехода от античности к Средневековью изучение тенденций развития муниципальной организации имеет особое значение. Античный город (лат. «municipium», греч. «πόλις») представлял собой особый тип поселения, с присущим ему своеобразным социально-административным устройством (в Италии — деление граждан на «plebs» и куриалов, повсеместно — выборность магистратов и т. д.²), специфическими отношениями собственности (прежде всего — наличием «двуединой» собственности, когда частная собственность опосредована коллективной собственностью гражданской общины³), особенностями территориально-административной структуры (единством «urbs» и «suburbium» — города и пригорода, составляющих вместе территорию общины — «civitas» — в пределах т. н. «mille passus», наличием обширной внегородской зоны — «territorium», подчиненной городским властям⁴). Ниже предпринимается попытка проследить судьбу муниципального устройства в византийской Восточной Италии по трем указанным основным параметрам.

Большая часть равеннских папирусов состоит из актов официального делопроизводства курии (протоколы заседаний и отрывки из «gesta municipalia»). Среди этих папирусов — документы равеннского происхождения и очень немногочисленные памятники из других городов: Римини (Marini 107), Фаэнцы (Tjäder 32), за пределами изучаемой зоны — Риети (Tjäder 7), Сиракуз (Tjäder 10–11). Хронологически они относятся к периоду с конца V до начала VII вв. и свидетельствуют, что в это время в курии фиксировались акты дарений (Tjäder 10–28), завещаний (Tjäder 4–5, 6), купли-продажи (Tjäder 29–42, 46), арендные сделки (Tjäder 44,45), совершался раздел имущества (Tjäder 8), устанавливалась опека (Tjäder 7). К услугам курии обращались ремесленники (Tjäder 4–5, В III–IV, 14–15), купцы (Tjäder 4–5, В V–VII), военные (Tjäder 16), земельные собственники (Tjäder 10–11), лица духовного звания (Tjäder 4–5, В II–III; 10–11 etc.) германского (Tjäder 6, 9 etc.), греческого (Tjäder 16), восточного (Tjäder 4–5, В V–VII) происхождения. Можно считать, что в V — начале VII вв. все слои населения Восточной Италии фиксировали сделки в курии. Григорий Великий в одном из писем сообщает о существовании «gesta municipalia» в Римини⁵. (Параллельный материал содер-

жат его письма в другие города — Мессину⁶, Фермо⁷, Луну⁸.) Эти данные позволяют заключить, что в сфере делопроизводства активность куриий в восточно-итальянских городах в V — начале VII вв. была весьма высокой. Напротив, говоря о деятельности куриий в иных сферах общественной жизни, прийти к подобному выводу нельзя. Как известно, императорское законодательство наложило на куриалов тягостную фискальную повинность. От Византийской Италии дошло лишь два весьма смутных упоминания о ее реальном выполнении де-курионами. Оба они заключены в «Summa Perusina». В первом случае речь идет о конспекте статьи IV, 46, 2 Кодекса Юстиниана. В ней говорится о продаже имущества в счет уплаты налогов. «Summa...» уточняет: «Если ты продал имущество куриалу в счет уплаты налога, то не имеешь права требовать его возвращения»⁹. В другой статье «Summa Perusina» говорится о разборе жалоб на злоупотребления при сборе налогов, причем если по Кодексу Юстиниана жалобу следует разбирать в курии, то «Summa...» отмечает, что разбор должен производить *magistratus*¹⁰. Осмысленная замена термина показывает, что эта статья реально применялась на практике. Следовательно, можно считать, что в VII в. (предположительное время составления «Summa Perusina») куриалы принимали некоторое участие в сборе налогов, а связанные с фискальной деятельностью судебные разбирательства проводились в курии. Вместе с тем восточноитальянские документы не доносят до нас сведений об участии курии в городском благоустройстве, водоснабжении, надзоре за общественным порядком, ремонте городских стен, разборе уголовных дел, то есть о деятельности курии, подробно регламентированной в законодательстве, тогда как такие первоклассные источники, как равеннские папирусы и «Книга понтификов» Агнелла, должны были бы рассказать о ней, если бы она была сколько-нибудь активной. Аргументы *ab silentio*, таким образом, свидетельствуют о сужении сферы активности курии. О ее ослаблении в Равенне можно судить непосредственно на основе источников. Формально устройство курии в Равенне традиционно для любого итальянского муниципия. Тексты пестрят характерной терминологией, применяющейся для обозначения различных муниципальных должностей: «*magistratus*» (Tjäder 4–5, 6; 10–11; 14–15; 29), «*quinquennalis*» (Tjäder 4–5, B V–VII, B IV–V, B II–III, 12), «*principales*» (Tjäder 4–5, B I, B II–III, B IV–V, B V–VII, 14–15), «*defensor civitatis*» (Tjäder 4–5, B V–VII), *curator civitatis*»¹¹.

Однако в изучаемый период ни одно из этих должностных лиц, видимо, не обладало всеми полномочиями, характерными для предшествующей эпохи. Так, если прежде термин «magistratus» был техническим обозначением одного из *duoviri jure dicundo* в момент его председательствования в собрании курии, то теперь он употреблялся как исключительное наименование этого должностного лица. Более общее понятие «*duoviri*» заменяется в «*Summa Perusina*» на «*municipies*»¹², «*curiales*»¹³ и даже просто «*duo testes*»¹⁴. По-видимому, председательствование в курии стало для прежних «*duoviri*» главной и почти единственной обязанностью. Должность «*quinquennalis*» раз в пять лет занимал очередной «magistratus». Если иметь в виду, что обычные для него функции контроля за сбором налогов и надзора за общественной нравственностью перешли к этому времени соответственно к «*defensor civitatis*»¹⁵ и к епископу¹⁶, то в его руках должна была остаться единственная прерогатива — составление списков куриалов.

«*Principales*» — некогда верхушка муниципального сената — ныне играют в слушании дел чисто техническую роль, свидетельствуя правомочность заключающейся сделки (Tjäder 4–5 В I, В II–III, В V–VII, 14–15). Из числа членов курии только *principales* участвуют в заседаниях. Более широкий термин — «*curiales*» — встречается в равенских документах единственный раз (одна из грамот оглашена «*in praesenti curialibus huiusce urbis*») (Tjäder 13). По аналогии с другими папирусами можно полагать, что речь здесь идет о «*rgincipales*». Таким образом, для равенской курии характерно широкое распространение абсентеизма, на что указывалось в научной литературе¹⁷. Данное явление можно объяснить тем, что главным содержанием работы курии в это время стало выполнение ею чисто нотариальных функций, и присутствие на заседаниях всего состава декурионов перестало быть необходимым. Доводом в пользу этой точки зрения служит информация о выполнении обязанностей «magistratus» и «*principales*» отдельными членами курии на протяжении всей жизни. Так, некто *Melminius Cassianus* занимает эти должности в течение более полувека (Tjäder 4–5, В IV–V; В V–VII; 6), *Flavius Florianus* также неоднократно фигурирует в документах (Tjäder 4–5, В II–III, В III–IV). В Равенне была распространена своеобразная система заместительства, когда отец замещал в заседании курии сына, занимающего определенную муниципальную должность

(напр., в папирусе Tjäder 4–5 — многократно). Это явление можно объяснить стремлением родителей заблаговременно подготовить детей к будущей работе в курии, для чего было необходимо формальное избрание последних на соответствующую должность. В этих условиях кажется естественным, что на протяжении почти двух столетий бо́льшая часть куриальных магистратур в Равенне была сосредоточена в руках представителей двух родов — Мельминиев и Флавиев (Melminii — Tjäder 4–5, В I, III, IV, V; 10–11; 14–15; Flavii — Tjäder 4–5, В II, III, IV). Таким образом, мы вправе отметить тенденцию превращения курии в узкую замкнутую профессиональную корпорацию, занятую главным образом нотариально-регистрационной работой.

Это явление, естественно, снижало интерес представителей государственной власти к курии. В этом отношении показательное положение в административной системе городов таких должностных лиц, как «*curator civitatis*» и «*defensor civitatis*». Природа той и другой должности была двойственна, так как, с одной стороны, «*curator*» и «*defensor*» должны были способствовать успешной деятельности курии, контролировать ее и принадлежали к числу куриальных магистратов (в эпоху Юстиниана они избирались при участии декурионов¹⁸), с другой стороны, они утверждались в должности императором и обладали рядом важных прерогатив некуриального характера¹⁹.

К куратору Равенны обращены четыре письма Григория Великого. В первом из них папа благодарит куратора Феодора за участие в заключении мира с лангобардами и выплате им положенной контрибуции²⁰. В двух других Григорий I просит оказать поддержку двум своим протеже, прибывшим в Равенну²¹. Наконец, в четвертом письме папа ходатайствует о предоставлении охраны супруге римского префекта Иоанна по пути следования ее к мужу в Рим²². Григорий постоянно обращался к куратору «*gloria vestra*», что свидетельствует о принадлежности последнего к чиновникам I ранга²³. Содержание писем свидетельствует, что влияние в городе куратора было весьма велико, а судя по тексту первого письма, куратор Равенны занимал заметное место и в административной системе всей Италии. В то же время ни в одном письме ни слова не говорится о курии. Документы же куриального происхождения о кураторе ни разу не упоминают. Падение интереса куратора к курии связано, несомненно, со

снижением ее роли в жизни города. Развитие его собственной должности шло, таким образом, к расширению сферы ее «некуриальных» прерогатив: муниципальный магистрат превращался в государственного чиновника.

Дефензор Равенны упомянут в источниках единственный раз (Tjäder 4–5, B V–VII). Названный документ относится к 552 г., то есть составлен вскоре после византийского завоевания Италии. Дефензор выступает в качестве председательствующего на одном из куриальных заседаний. Указанная эпоха характеризуется интенсивными попытками правительства реставрировать в Италии позднеантичные социальные формы, в частности муниципальное устройство²⁴. Не случайно одно из заседаний курии проводится в присутствии префекта Италии (Tjäder 4–5, B VII–VIII) — главы византийской администрации в стране. Появление в курии дефензора в таких условиях можно рассматривать как одно из звеньев политики «реанимации» курии, в конечном счете потерпевшей поражение. Так же следует расценивать появление дефензора на одном из заседаний курии в Фаэнце в 550 г. (Tjäder 32). Иных упоминаний о деятельности дефензоров в изучаемый период не сохранилось. В самом круге обязанностей этого магистрата содержался зародыш будущего исчезновения его должности, так как его функции во многом дублировали полномочия куратора²⁵, а ранг последнего был выше. В «Summa Perusina» в эксцерптах из статей Кодекса Юстиниана, в которых речь идет о дефензоре города, вместо слова «defensor» упоминаются термины «curia» или «curiales»²⁶, что можно расценивать как свидетельство исчезновения должности «defensor civitatis» в городах итало-византийской зоны к концу VII в. С. Мокки-Онори на широком общецентральном материале показал, что в VII–VIII вв. функции curator'a и defensor'a в городе постепенно переходят к епископу²⁷. Весьма вероятно, что и Равенна не является в этом смысле исключением.

До VII в. включительно существование куриалов как сословия городского населения в Византийской Италии представляется несомненным, о чем свидетельствует, например, приведенный выше отрывок из «Summa Perusina» об их фискальных обязанностях. Для рубежа VI–VII вв. на это недвусмысленно указывают два письма Григория Великого епископам Южной Италии, в которых заключено требование не принимать на службу Церкви лиц «curiae aut cuilibet conditioni obnoxium»²⁸. «Summa Perusina» уточняет одну из статей Кодекса

Юстиниана, где говорится о льготах по налогу с торговли. Согласно «Summa...», эти льготы предоставляются куриалам²⁹. В то же время несомненно резкое сокращение численности декурионов в итальянских городах. В качестве примера можно привести папирус «Tjäder 8» — протокол заседания курии в небольшом городке Риети. В документе неоднократно говорится о «*sunctus ordo*» («всем сословию»), присутствующем на заседании. В конце папируса стоят подписи шести куриалов, из которых, таким образом, и состояло это «сословие». Среди участников заседания нет никаких должностных градаций. Показательно, что в «Summa Perusina» вместо присутствующего в Кодексе Юстиниана термина «*magistratus*» часто значится «*curia*» или «*curiales*»³⁰. По-видимому, сокращение численности декурионов в ряде городов Восточной Италии в течение VII в. достигло того предела, за которым выборы куриальных должностных лиц уже не проводились. Данные наблюдения подтверждают вывод Ш. Дилиа о том, что обычное в переписке Григория Великого обращение к жителям города: «*Clero, ordini et plebi*»³¹, — являлось не более чем данью традиции³². Об этом свидетельствует, в частности, одно из писем Григория I, в котором он дает подробную характеристику населению Равенны и ни словом не упоминает о куриалах³³. Декурионы постепенно растворялись в других социальных прослойках. Для второй половины VI и большей части VII вв. сам факт существования куриалов в городах Равеннского экзархата сомнений не вызывает. Но с конца VII в. отсутствие упоминания о декурионах в сочетании со сведениями о тенденции развития этого сословия в предшествующий период позволяет заключить, что к этому времени оно окончательно исчезает³⁴.

Среди многочисленных функций курии в классический период существовала, по крайней мере, одна, активно исполнявшаяся ею и в более позднее время — функция делопроизводства. Естественно, и в VII, и в VIII вв. город не мог обойтись без организации, юридически фиксирующей различные публично-правовые акты. От эпохи VII–VIII вв. и более поздней до нас дошел ряд равенских документов такого рода (Tjäder 22, Marini 99 etc). Их формуляр полностью совпадает с формуляром документов предшествующего периода³⁵. Вслед за основным текстом следуют подписи свидетелей, за ними — подпись писца. Формула свидетельствования непременно состоит из сообщения об имени и роде занятий свидетеля, крат-

кого изложения сути дела и заявления о том, что свидетелем был прочитан текст и в его присутствии грамота была передана заинтересованным лицам, в чем он и расписывается ниже. Многочисленны текстуальные совпадения в соответствующих разделах ранних и более новых документов. Процедура свидетельствования, порядок оформления остаются неизменными на протяжении четырех веков. Документы такого типа прежде оформлялись в курии. Правда, о курии в них ничего не говорится. Однако и раньше данные о жизни курии встречались только в протоколах ее заседаний и в «*gesta municipalia*»³⁶. В связи с этим допустимо предположить, что исчезновение куриалов как сословия было неравноценно исчезновению курии как таковой. Отмеченные процессы в ее развитии (резкое сокращение числа декурионов, ограничение деятельности курии сферой фиксации сделок, превращение муниципальных должностей в пожизненные и наследственные) логически вели не к гибели курии, а к ее преобразованию в своеобразную чиновничью корпорацию. Тот факт, что многочисленные документы курии, часто не имеющие никакого отношения к Церкви, хранились в архиепископском архиве, позволяет предполагать, что архиепископия включила курию в свою структуру. В подтверждение этой мысли можно сослаться на один из памятников X в. (Magini 134), где свидетель заявляет, что текст документа был прочитан ему в присутствии архипресвитера и двух пресвитеров. В данном случае архипресвитер выступает будто бы в роли прежнего «*magistratus*». Симптомы подчинения курии церковной власти можно видеть уже в VI в., когда Григорий Великий рекомендует тому или иному епископу при совершении земельной сделки внести соответствующую запись в «*gesta municipalia*»³⁷. Следовательно, «*gesta*» находились, по существу, в распоряжении епископа. Специально изучавший этот вопрос немецкий историк Б. Хиршфельд (активно использовавший равеннские папирусы) объясняет исчезновение «*gesta municipalia*» в VII в. тем, что епископы окончательно поставили делопроизводство под свой контроль³⁸. Эта мысль подтверждается изысканиями итальянского историка Г. Буцци, исследовавшего новую, архиепископскую «курию»³⁹. Отмеченная выше непрерывная нотариальная традиция позволяет считать, что церковная власть унаследовала курию в готовом виде, вместе с ее аппаратом, ее архивом и ее деловым опытом. Однако последняя не была курией в античном смысле слова. Древняя муниципальная

организация и возглавлявшее ее сословие куриалов в течение византийского периода истории Восточной Италии окончательно ушли в прошлое.

В эпоху поздней античности муниципальная собственность, являвшаяся экономической основой существования муниципиев, находилась в глубоком упадке. Как отмечал итальянский исследователь Г. Менгоцци, в это время она почти не отличалась от фискальной⁴⁰. В то же время определенная ее часть традиционно оставалась в распоряжении городской курии (общественные здания, улицы, площади, городские стены и т. п.)⁴¹. Изменилось ли положение в византийский период?

Источники позволяют заключить, что еще в VIII–IX вв. часть недвижимости в городах Восточной Италии трактовалась как «общественное достояние»⁴². Так, в Баварском кодексе неоднократно упоминаются «общественные» площади и форумы («platea publica» — БК 55, 56, 58, 59–63, 66; «forum publicus» — БК 61–62). В Равенне в конце VII в. еще функционировали бани («blanca») общего пользования⁴³, которые должны были находиться в чьем-то ведении. Источники, однако, не дают информации об отношении курий к названным сооружениям. Думается, что прояснить этот вопрос помогут некоторые сведения из истории Церкви.

В классическом римском муниципии в состав городского имущества неизменно входили храмы. Как отмечал немецкий историк-юрист Е. Лёнинг, причина этого в том, что культ в Риме всегда рассматривался как государственная функция⁴⁴. В христианскую эпоху императоры Аркадий и Гонорий официально поручили куриалам заботу об общественных храмовых зданиях (401 г.)⁴⁵. Фактически же эта часть общественного достояния находилась в распоряжении Церкви, и в частности, названный закон ставил куриалов в некоторую зависимость от нее. На протяжении позднеримского и византийского периода истории Восточной Италии в собственность Церкви переходит значительная часть муниципального имущества как внутри, так и вне городских стен. Так, «praedia urbana vel rustica» — обычное наименование муниципальной недвижимости — уже в начале V в. предоставляется в «libelli» клирикам⁴⁶. Во второй половине

VII в. Равеннская церковь располагает обширными «proastia» в пригородной зоне⁴⁷. Как известно, переход имущества в руки Церкви означал упразднение осуществляемой над ним высшей муниципальной юрисдикции⁴⁸.

Итак, на протяжении нескольких столетий в Равенне (вероятно, и в других городах Восточной Италии) создавались материальные предпосылки для установления примата архиепископии над городской собственностью. О юридических предпосылках этого процесса можно сказать следующее. Уже в эпоху поздней античности в итальянских городах устраивались собрания населения, решавшие различные общегородские проблемы⁴⁹. Чаще всего они созывались для выборов епископа (у Агнелла мы встречаем много примеров такого рода)⁵⁰. Вероятно, некогда они возникли как собрания городской христианской общины. В период массовой христианизации эти сходки должны были перерасти в соборы, где участвовало подавляющее большинство жителей города⁵¹, а упадок курии заставил их принять на себя некоторые ее функции. Правительство, уловившее эту тенденцию, попыталось более четко определить полномочия собраний. Так, по Кодексу Феодосия «curiali honorati plebsque» проводили выборы *defensor'a civitatis*⁵². Вместе с тем законодатель стремился придать собраниям более узкий и аристократический характер. Прагматическая санкция предписывает избирать в Италии «*judices provinciae*» силами «*honestiores*» и «*possessores loci*» с участием епископа⁵³. Видимо, такого рода ассамблею представлял собой «*congressus*» в Поле (Истрия), к концу византийского периода присвоивший себе право выбора некоторых должностных лиц⁵⁴.

Источники говорят о городских собраниях как об обычном явлении в жизни городов. Иногда сходки созывались по отдельным районам. Например, жители «*Pusterula*», одного из районов Равенны, потерпев поражение в кулачном бою с соседями («*regio Tiguriensis*»), собрались на «*consilium*», где разработали план отмщения⁵⁵. В момент восстания в Равенне против императора Юстиниана II в 710 г. созван был «*Ravennae coetus*», на котором была выработана программа действий инсургентов⁵⁶. Влияние Церкви на проведение подобных собраний постоянно возрастало. Это было связано с увеличением экономического и политического могущества равеннской архиепископии, с поддержкой, оказываемой ей светской властью, наконец, с тем, что Церкви легче было проявить инициативу в созыве собрания, со-

вместив его с каким-либо культовым действием. Этим приемом пользовался, например, архиепископ Иоанн (574–595), когда вел с римским престолом тяжбу о праве ношения *pallium*'а (папа Григорий I укоряет его за появление в *pallium*'е «*inter populorum strepitus*»)⁵⁷, архиепископ Мавр в борьбе за автокефалию⁵⁸. Общегородское собрание превращалось постепенно в орган, легализующий политические начинания архиепископа и позволяющий ему активно влиять на все сферы городской жизни, в частности, и на распоряжение муниципальным имуществом.

Итак, в византийский период в Восточной Италии сложились материальные и морально-правовые предпосылки для того, чтобы архиепископия заменила прежнюю муниципальную организацию в сфере отношений собственности. Этому должно было способствовать и подчинение ей курии, о котором говорилось выше. Произошла ли эта замена в действительности?

К сожалению, источники не дают непосредственной информации о правовом статусе и эксплуатации общественных сооружений в изучаемой зоне. Однако некоторые заключения на этот счет можно сделать на основе косвенных данных. От второй половины VII в. мы имеем сообщение о том, что на время крестного хода в Равенне закрылись городские бани⁵⁹. Может быть, это свидетельство контроля, осуществляемого архиепископией за их эксплуатацией? Несколько позже (в начале IX в.) при архиепископе Мартине проводились реставрационные работы в церкви Св. Апполинария. Они осуществлялись силами граждан («*cives*») Равенны, «*volventes in angaria*». Участвовали в ней и «*suburbanae civitates*», заготовливавшие строительный материал⁶⁰. Таким образом, общественное сооружение обновлялось так же, как если бы это происходило в античную эпоху. Сохранился даже термин «*angaria*», идущий от римского права⁶¹. Отличие заключалось лишь в том, что вся инициатива в строительстве, организации работ, их оплате и т. д. принадлежала архиепископии. Можно предположить, что строительство и реставрация общественных зданий в других городах осуществлялись в это время также под руководством Церкви⁶². Это значит, что на протяжении предшествующих столетий в Восточной Италии протекал не отраженный в источниках процесс установления примата Церкви над прежней городской собственностью.

Как уже указывалось, для античного муниципия характерно было своеобразное единство «*urbs*» и «*suburbium*», составлявших в сумме город — «*civitas*». За пределами субурбия располагался «*territorium*», образованный землями, также находившимися в распоряжении городской общины. В византийскую эпоху легко обнаружить рецидивы такого положения. Население пригородов продолжает считаться городским. Так, Григорий Великий обращается к жителям Равенны: «*in Ravenna civitatae consistentibus vel ex ea foris degentibus*»⁶³. Он же просит епископа Фермо разрешить нотарию Валериану построить молельню («*oratorium*») на участке вблизи городских стен («*juxta muros*») и внести в «*gesta municipalia*» соответствующую запись⁶⁴. В состав имущества Равеннской церкви входят «*praedia suburbana*», а население субурбия участвует в различных предприятиях жителей города, будь то обновление храма или возмущение против политики императора⁶⁵. Города (*civitates*), как правило, рассматриваются вместе с прилегающими территориями. Так, в Баварском кодексе обычно даются указания на принадлежность участка к территории того или иного города (Римини БК 2,4 , 5–25, 27–31 etc; Чезены БК 32, 45, 155(?); Озимо БК 103–109, 111–113, 115, 117–128 etc; Синигалии БК 72–79, 81, 82 etc; Губбио БК 157–159; Перуджи БК 163; Фельтре БК 169–170, 172–175; Урбино БК 168). Папа Стефан II настаивает на возвращении ему городов Пентаполя Морского «*cum eorum territoriiis*»⁶⁶, а Павел I сообщает, что «лангобарды заняли пределы наших городов» («*civitatum nostrarum invasi fines*»)⁶⁷. Верно ли будет на этом основании заключить, что характерное для античности территориальное деление сохранялось в полной мере в VI–VIII вв.?

Для ответа на этот вопрос можно использовать некоторые топографические данные. Большая часть городских поселений Романьи, происходивших от римских муниципиев, имела в плане ортогональную конфигурацию (Римини, Чезена, Имола, Форли, Фазэнца и др.). Центр города в этом случае приходился на пересечение главной горизонтали и главной вертикали («*cardo maximus*» и «*decumanus maximus*»), деливших поселение на четыре примерно равных «*pagi*» или «*regiones*». Такой планировке соответствовала определенная административно-социальная организация. Для позднеантичного периода особенно важно то, что население соответствующего «*pagus*» отвечало за поддержание в порядке городских стен на своем участке⁶⁸.

Лангобардское завоевание вызвало разрушение стен ряда городов. Отстраиваясь занаво, эти центры (Имола, Фаэнца, Чезена) меняли конфигурацию стен на многоугольную⁶⁹. Основной причиной этого были военно-стратегические соображения⁷⁰. Важно, однако, то, что старая территориальная организация уже не могла оказать решающего влияния на обстоятельства восстановления городских стен и в ходе нового строительства явно была нарушена. Приведенные соображения неприменимы к Равенне, но следует иметь в виду, что она уже в античную эпоху обладала своеобразной конфигурацией стен, не свойственной муниципиям⁷¹. Однако и здесь древнее территориальное деление уходило в прошлое. Так, во второй половине VII в. целый район, примыкавший к воротам *Pusterula*, был разрушен в ходе городских распрей, а затем не заселен вновь⁷².

Кризис античной территориальной системы в сельской местности проявлялся в том, что основной территориальной единицей сделался церковный приход («*plebs*»). Это общее для всей Италии⁷³ явление находит подтверждение в Баварском кодексе, где часто указывается, в пределах какого «*plebs*» расположен тот или иной земельный участок (БК 7, 8, 10, 38, 42, 49, 52, 68, 76, 77, 82, 90, 95, 101, 105, 119, 133, 148, 169, 170).

Упадок, а затем и исчезновение муниципальной организации превращали свойственное ей территориальное устройство всего лишь в постоянно нарушаемую традицию. Так, однако, обстояло дело в тех случаях, когда в формальном сохранении этого устройства не были заинтересованы новые социально-политические силы. «*Territorium*» как атрибут «*civitas*» и «*suburbium*», сосуществующий с «*urbs*», характерны и для эпохи раннего Средневековья, так как это соответствовало интересам государственной и церковной властей. В Византийской Италии «*duces*» и «*tribuni*» осуществляли полномочия власти как над городом, так и над его «*territorium*»⁷⁴. Границы такого «*territorium*», как правило, соответствовали границам церковного диоцеза⁷⁵. Главная (обычно кафедральная) церковь становилась таковой и для субурбия, а формальное сохранение статуса субурбия за городским предместьем обеспечивало епископии, выступавшей в качестве наследницы курии, возможность эксплуатации «*plebs suburbana*». Ей же принадлежала теперь и бывшая муниципальная недвижимость, располагавшаяся за пределами города — «*praedia suburbana*», упоминания о которой дошли до нас от VII в.⁷⁶ За античной терминологией здесь скрывалось новое

содержание: шел процесс превращения епископа в феодального сеньора города, одним из проявлений которого было установление церковной власти над субурбием и «территорией» бывшего муниципия⁷⁷.

Рассмотренный материал, при всей его отрывочности, дает основания для следующих заключений:

начало византийского господства застаёт муниципальную организацию в Равенне в состоянии упадка, который прогрессирует на протяжении VI–VII вв. и приводит к концу VII в. к ее исчезновению; ее преемницей выступает равеннская архиепископия, которая наследует ряд ее функций и полномочий в публично-правовой и имущественной сфере;

на протяжении всего византийского периода в городах Восточной Италии сохраняются некоторые традиции, идущие от античных муниципиев, однако они либо носят формальный характер (терминология), либо наполняются новым, средневековым содержанием (появление архиепископской курии, распространение церковной юрисдикции на «*civitas*» и «*territorium*»).

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛА И ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В античную эпоху в городах изучаемой зоны существовало весьма развитое ремесленное производство. Об этом свидетельствуют прежде всего многочисленные надписи, упоминающие о различных ремесленных профессиях. Эти эпиграфические известия сведены в таблицу 5 Приложений. Как видно из таблицы, во времена Римской империи в городах Восточной Италии сфера профессионального ремесла охватывала строительство (плотники, каменотесы, каменщики), производство товаров широкого потребления (портные, кузнецы, красильщики, шерстобиты, булочники, фармацевты), сферу обслуживания (водовозы, погонщики), мореплавание (корабелы, навклиры, матросы), изящные искусства (художники, актеры), торговлю. В некоторых ремеслах (напр., строительстве) высокого уровня достигала специализация. Отсутствие данных о распространении в отдельных центрах важных ремесел, вероятно, объясняется дефицитом источников. Естественно полагать, что булочники, например, проживали не только в Равенне, шерстобиты — не только в Римини. Особенно частые упоминания в источниках о Равенне, Брешии, Ак-

вилее, Вероне, Пезаро, Фано, Римини, Фельтре и разнообразие зарегистрированных в них профессий позволяют считать, что эти города были наиболее крупными очагами ремесленного производства в Восточной Италии.

В первые десятилетия византийского господства Равенна становится центром весьма интенсивной строительной деятельности. В течение полувека были построены ныне всемирно известные базилики Св. Аполлинария и Св. Виталия, церкви Св. Михаила ин Африческо, Св. Стефана, Св. Иоанна ин Марморато, Св. Севера, Св. Агаты Маджоре, Св. Марии Маджоре, сооружен монастырь Св. Марии, Марцелла и Феликулы, переоборудован храм Св. Андрея Маджоре⁷⁸. При экзархе Смарагде (584–589) был восстановлен городской акведук⁷⁹. Широкое строительство развернулось в других городах Восточной Италии. Были восстановлены или построены заново стены ряда городов и крепостей (Имола, Брикселлум, Классис, Пезаро)⁸⁰. В Римини была восстановлена базилика Св. Стефана Мученика (освящена в 595 г.)⁸¹ и построена на частные средства церковь Св. Креста (действовала до 1804 г.)⁸². В Анконе реставрирована церковь Св. Стефана⁸³, одновременно завершена постройка другого храма, остатки фундамента которого выявлены раскопками в соборе Св. Лаврентия⁸⁴. В Форлимпополи около 582 г. была переоборудована церковь Св. Руфина, переданная вновь основанному бенедиктинскому аббатству⁸⁵. В Форли в 609 г. построили баптистерий⁸⁶.

На северо-восток от экзархата, в Истрии, был построен кафедральный собор Св. Евфимии в Градо, возможно, при участии равеннских мастеров⁸⁷, перестроены памятники V в. — храм Св. Девы Марии⁸⁸ и церковь «di Piazza della Victoria»⁸⁹ (современное название). В Триесте в середине VI в. возвели храм Св. Юста и Сервола, церковь Богородицы Морской («Madonna del Mare»), не сохранившуюся до наших дней⁹⁰. В Паренцо воздвигли базилику Eufrasiana, церковь Св. Фомы, Св. Марии Формозы, за городскими стенами — храмы Св. Иоанна ин Прато и Св. Стефана ин Чимаре⁹¹. В Поле был построен собор Св. Михаила, на острове Сера близ Ровиньо — церковь Св. Андрея, на острове Барбана на р. Арса — храм Св. Доминика⁹².

Много строили не только в городах, но и в сельской местности. В округе Равенны сооруженная в этот период церковь Св. Стефана в селе Кьеза дель Годо действовала до 1824 г. (в этом году была частично перестроена). Еще в начале XX столетия функционировали

полностью или частично сохранившиеся от VI в. церкви S. Caviapo in Desimo, Св. Апостола Варфоломея, Св. Петра и Павла, Св. Севера в различных селениях вблизи Равенны⁹³. В целом размах строительства на востоке Италии во второй половине VI — начале VII вв. можно считать совершенно исключительным.

В финансировании строительства главная роль, вероятно, принадлежала Церкви, обогатившейся в результате получения арианского патримония. В то же время государство принимало в нем косвенное участие. Так, при архиепископе Агнелле (556–569) равеннской архиепископии была пожалована вся сумма налогов с итальянских земель, причитавшаяся казне⁹⁴. Было распространено частное церковное строительство. Земельные собственники, сильно обедневшие в годы Готской войны, иногда все же испрашивали разрешения на постройку небольших храмов. Огромные суммы вкладывала в сооружение церквей верхушка торгово-ремесленного населения, прежде всего аргентарии. Этот общественный слой обладал в городах Италии наиболее крупными финансовыми ресурсами. Так, равеннский аргентарий Юлиан выделил на постройку базилики Св. Виталия 26000 солидов⁹⁵. Он же финансировал строительство церкви Св. Стефана⁹⁶.

Как практически осуществлялось крупное строительство в экзархате и Пентаполях? Рассказывая о сооружении церкви Св. Виталия, Агнелл именует строителей «*oregarii*». В их числе он называет «*vestoges*» — носильщиков. Руководит работой «*archiergatus id est princeps oregariis*»⁹⁷. Перед нами — профессиональные строители, объединенные в артель с соответствующим иерархическим устройством и разграничением обязанностей. Профессиональное объединение строителей должно было появиться в Равенне еще в императорский период, когда здесь впервые развернулось широкое строительство. Так, Агнелл упоминает о мосте, «удивительном по своим размерам, построенном с применением машин» (в эпоху поздней античности)⁹⁸. Располагать строительными машинами могла только корпорация ремесленников. Вместе с тем маловероятно, чтобы эта корпорация была способна целиком обеспечивать рабочей силой строительство второй половины VI в. (в таком составе она не могла бы просуществовать в прежние времена, когда строили гораздо меньше). Привлечение рабочих из других городов также не могло решить проблему, так как мощное строительство развернулось по всей Восточной Италии. Из Византии могли приезжать только немногочисленные высококвалифицированные специалисты.

Между тем в начале IX в. в реставрации церкви Св. Апполинария участвовали «*cives Ravennenses, volventes in angaria*» («горожане Равенны, привлеченные к ангарии») ⁹⁹. Как указывалось, такая повинность по строительству общественных зданий характерна для позднеантичного города. В Равенне при строительстве церкви Св. Урсиана во времена Валентиниана III (425–455 гг.) «весь народ, как один человек, работал радостно» ¹⁰⁰. Таким образом, мы располагаем двумя прямыми свидетельствами (от V и от IX вв.) о том, что крупное строительство в Равенне велось силами широких масс городского населения. По-видимому, и в эпоху Юстиниана возможность широкой строительной деятельности обеспечивалась их участием в работах.

С начала VII в. в сфере строительства в Восточной Италии наступает глубокий спад. В течение столетия нигде не предпринималось крупных строительных работ. С VIII в. до нас доходит информация об отдельных случаях строительства, а чаще перестроек или реставрации зданий. Так, в первой трети VIII в. был частично переоборудован дворец Теодориха в Равенне — резиденция экзарха ¹⁰¹. Одновременно архиепископ Феликс выстроил обширную резиденцию для себя («*domus Felicis*») ¹⁰². Следующим крупным событием в истории строительства, происшедшим через столетие, была реставрация церкви Св. Аполлинария. В Перудже около 700 г. обновили собор Св. Флоренция и, возможно, построили небольшую церквушку Св. Проспера *in Porta Eburnia* ¹⁰³. В Комакьо, в связи с учреждением там епархии, в нач. VIII в. был выстроен собор, субструкции которого выявлены итальянскими археологами ¹⁰⁴.

При работах использовался материал древних зданий, которые при этом безжалостно разрушались и расхищались. (В IX в. хронист Агнелл — частное лицо — для постройки собственного дома использовал руины дворца Теодориха, перестроенного веком ранее ¹⁰⁵.) Практически прекратилось военное строительство. В развалинах лежал Классис — морские ворота Равенны ¹⁰⁶. В таких условиях искусство квалифицированных строителей могло находить себе применение лишь спорадически. Мелкое частное строительство велось, как и всюду, силами самих домохозяев. Представители господствующего класса использовали для этого зависимых от себя людей (Агнелл, например, своих рабов) ¹⁰⁷. Сказанное, однако, не означает, что профессиональные строители в Равенне исчезли. Хорошие специалисты нужны были для проведения реставрационных работ. В Ба-

варском кодексе сохранилось описание домов в Римини как византийского, так и более позднего времени (БК 54–59, 61–65). Это — большие двухэтажные дома с четкой планировкой, многочисленными службами и подсобными помещениями, банями и т. д. Если основной рабочей силой при их возведении и были рабы хозяев, то руководить работами должны были профессионалы. Одна из категорий строителей-специалистов упоминается Агнеллом — это «саементарии», которые по распоряжению архиепископа Петропакса меняли надгробие над саркофагом Петра Хрисолога¹⁰⁸. Претерпела ли за полтора столетия какие-либо изменения организация строительного ремесла? При ответе на этот вопрос нужно принять во внимание следующие соображения.

Крупные строительные работы в Эмилии-Романье в VIII–IX вв. организовывались Церковью (единственное известное исключение — перестройка дворца Теодориха). При реставрации церкви Св. Аполлинария равеннский архиепископ выступал как ее инициатор и организатор. Он же целиком финансировал стройку и назначил руководителя работ (некоего кувикулярия Гризафа)¹⁰⁹. Возможно, строители, участвовавшие в реставрации, были зависимы от архиепископии. Подтверждение этой мысли дают археологические источники. По сообщению Ф. Карли, в результате археологических изысканий начала нашего столетия были обнаружены многочисленные черепицы с клеймами равеннских архиепископов¹¹⁰. Следовательно, архиепископия имела собственные мастерские по производству строительных материалов. Используя их, строители *ipso facto* становились в подчиненное положение по отношению к Церкви, от которой зависела их поставка. Следует иметь в виду, что в условиях дезурбанизации частное строительство не могло быть особенно интенсивным. Строительная деятельность по самому своему характеру есть деятельность коллективная, и профессионалы-строители должны были сохранять корпоративную организацию, которая в условиях дефицита заказов не могла существовать без посторонней помощи. Основным заказчиком этой организации была Церковь, она же была способна обеспечить строителей в период простоев. Естественно думать, что в конце концов профессиональные строители попали в зависимость от нее.

Если данное предположение правильно, то прекращение строительства в VII в. объясняется не только военно-политическими факторами (война с лангобардами), но также реорганизацией самого ре-

месленного устройства. На протяжении VII в. протекал процесс подчинения строительной корпорации Церкви. Он совпадал по времени с процессом расширения влияния последней. В VIII в. Церковь могла уже предпринять некоторые крупные строительные работы, которые, однако, по своему объему и качеству не шли ни в какое сравнение со строительством VI в.¹¹¹ Несомненно, что в течение VII в. строительное ремесло в Равеннском экзархате и Пентаполях развивалось по нисходящей и относительно стабилизировалось в VIII в. на уровне, характерном для провинциального строительства раннего Средневековья, способного обеспечить лишь сооружение мелких церквей и реставрацию более древних зданий.

Строительство (особенно во второй половине VI в.) стимулировало развитие ряда сопутствующих ремесел. В Равенне жили квалифицированные изготовители саркофагов (имелись также в Фанэнце)¹¹², мозаичисты, художники. Настенные росписи в равеннских церквях несут в себе печать местных, греческих и восточных влияний и могли сложиться только в Италии¹¹³. «Трактат об окраске мозаик...» описывает способы окраски, серебрения, золочения мозаик, которые использовались местными мастерами¹¹⁴. Однако эти производства в VII–VIII вв. также приходят в упадок, о чем свидетельствуют как немногочисленность сохранившихся памятников, так и невысокое их качество¹¹⁵.

Можно с уверенностью говорить о существовании в Равенне и других городах византийской Восточной Италии производства предметов роскоши. Их использование было широко распространено в высших слоях населения городов. Агнелл, например, упоминает о перстнях, браслетах, ручных и ножных кольцах, лунулах, булавках и других украшениях¹¹⁶. Какая-то часть этих предметов могла быть импортной, но другая изготовлялась на месте. В связи с этим заслуживает внимания наблюдение Л. Руджини, сделанное ею при исследовании папируса Tjäder 8. В этом документе перечисляются вещи, доставшиеся по завещанию одному молодому аристократу. Руджини заметила, что в составе одежды, входящей в наследство, отсутствуют наиболее дорогие и изысканные изделия, преимущественно восточного производства, широко распространенные в обиходе римской знати тремя столетиями раньше¹¹⁷. Исследовательница предполагает, что сокращение торговых связей, кризис латифундии, бедствия Готской войны и другие обстоятельства, вызвавшие относительное обед-

нение высшего слоя населения Италии, уже в VI в. заставили его представителей использовать товары главным образом местного производства. Этот вывод Руджини касается прежде всего одежды и тканей, но в названном документе перечислено также большое количество разнообразных украшений (фибулы, браслеты, серьги и др.), и мы вправе распространить заключение итальянской исследовательницы на предметы роскоши. А. Гийу атрибуирует Равенне ряд украшений, обнаруженных при археологических раскопках. Это золотые серьги, обруч для одежды, золотые броши, украшения на оружии. Он же считает изделиями местного производства пиктон и статуэтки из слоновой кости¹¹⁸. Способы золочения металлов и кож, изготовления золотого и серебряного листа, золотой нити описаны в «Трактате об окраске мозаик...»¹¹⁹. По заказу архиепископии делались дорогие предметы церковного обихода. Например, архиепископ Максимиан велел изготовить два золотых сосуда для кафедрального собора весом 14 либр¹²⁰. По предположению А. Гийу, предметы роскоши могли находить сбыт в основном в среде духовенства («одной из его групп» — говорит историк), чиновников, военных, верхушки горожан¹²¹. С этой точкой зрения можно согласиться. По-видимому, с сокращением численности населения городов объем производства предметов роскоши также должен был сужаться.

В Равенне было развито книжное дело. Автор «Трактата об окраске мозаик...» описывает изготовление пергамента, различные способы производства состава для златописания¹²². Хорошо переписанная и роскошно оформленная книга представляла большую материальную ценность и в этом отношении могла быть приравнена к предметам роскоши. Такой том, «чудесно украшенный», подарил в одну из церквей равеннский архиепископ Максимиан¹²³.

В VII–VIII вв. в Равенне изготовлялось стекло. Способ его производства описывает «Трактат об окраске мозаик...»¹²⁴. Осколки цветного стекла местного производства выявлены раскопками в Равенне¹²⁵, а смальты — в Фаэнце¹²⁶.

О профессиональных гончарах и керамистах прямые свидетельства отсутствуют. Но при раскопках найдено большое количество керамики византийского типа, датированной VI–VIII вв.¹²⁷ Если допустить, что какая-то часть ее изготовлялась на месте, то это наверняка делали специалисты, обладавшие достаточной квалификацией и инструментарием, чтобы следовать моде и заимствовать новые технологии.

«Трактат об окраске мозаик...» свидетельствует о том, что равеннские ремесленники знали способы добычи драгоценных металлов, меди, свинца, использовали ртуть, умели получать различные сплавы (электрон, бронзу и т. д.)¹²⁸. Однако мы не находим в источниках упоминаний о профессиональных кузнецах. Это, впрочем, не означает, что такой профессии не существовало. Нужно помнить, что значительная часть населения составляла «войско»-«*exercitus*» и имела оружие. В источниках упомянуты копья, мечи, дротики, кинжалы¹²⁹. Во время восстания 710–711 гг. жители выходили из Равенны, «закованные в железо»¹³⁰. Разумеется, для изготовления всего этого оружия требовалось много кузнецов. Городское и сельское население использовало различные металлические инструменты (пилы, ломы), железные цепи, металлическую посуду и т. п.¹³¹ Изготовить все это можно было только в условиях мастерской. Известно, что в античную эпоху существовало несколько десятков профессий ремесленников-металлистов¹³². Какая-то специализация могла сохраниться и в раннее Средневековье.

Несомненно существование специализации среди ремесленников, изготавливавших одежду. В одном из папирусов VI в. фигурирует *bracarius* — «портной, шьющий штаны» (*Tjäder* 14–15). Возможно, по названию столь экзотического для римлян предмета мужского туалета именовались портные, шившие «варварскую» одежду. В начале VIII в. в Равенне имелись особые портные — изготовители шатров (*scenofactori*). Во время восстания 710–711 гг. предводитель обязал их шить шатры для повстанцев¹³³. В источниках встречаются описания роскошных одежд знати, облачений духовенства, церковных покровов¹³⁴. Разумеется, часть этих изделий импортировалась в Италию, но нельзя отрицать возможность местного производства другой их части. Вместе с тем низшие слои горожан и особенно сельское население, видимо, не часто пользовались услугами портных. Дело в том, что ткачество в Италии еще со времен античности частично сохраняло домашний характер¹³⁵. Агнелл, например, рассказывает, что будущий архиепископ Север с трудом улучил время для участия в электоральном собрании (где его избрали главой Равеннской церкви), так как занимался обработкой шерсти («*laniterium opus*»)¹³⁶. Ни шерстобитом, ни ткачем он не был. Сделать же из готовой ткани одежду античного типа, с характерной для нее простотой форм, мог каждый. Поэтому портные, вероятно, обслуживали главным образом высшие слои населения, изготавливая дорогие, изысканные одежды.

О профессиональных сапожниках в экзархате и Пентаполях источники не упоминают. Однако есть сообщение от середины VI в., относящееся к городку Пола в Истрии: житель этого города, будущий равеннский архиепископ Максимиан, желая спрятать найденный им клад, заказал себе кожаные сапоги, чтобы зашить в них золото. Агнелл пишет, что Максимиан обратился к «*sutores calceamentorum*» — «сапожникам»¹³⁷. Почему одну пару сапог делало несколько мастеров? Видимо, речь идет о крупной мастерской с разделением труда. Но возможно, в тексте имеется в виду несколько мастерских — «сапожный ряд», куда и направился Максимиан. Небольшой городок Пола не представлял собой, конечно; ничего исключительного в этом плане. Развитое обувное производство должно было существовать и в других центрах, в частности — в экзархате и Пентаполях.

В двух равеннских папирусах VI в. упоминаются мыловары (Tjäder 33, 34). Мыловарение было высоко развито в Италии. Например, в Неаполе существовала мощная корпорация мыловаров, описанная Григорием Великим¹³⁸. Равеннские ремесленники широко применяли мыло в различных технологических процессах¹³⁹. Мыло производилось разных сортов (например, из растительного или животного жира, более или менее концентрированное)¹⁴⁰. Еще в конце VII в. в Равенне функционировали общественные бани, и вероятно, там можно было приобрести мыло¹⁴¹. Было развито также производство свечей. Ремесленник *segearius* упоминается в одном из папирусов первой половины VI в. (Tjäder 35). В византийскую эпоху торговля свечами и, видимо, их изготовление были церковной монополией. Григорий Великий в одном из писем говорит о продаже свечей как важной обязанности равеннской архиепископии¹⁴². Можно полагать, что и ремесленники «*segearii*» попали в зависимость от нее.

В одном из папирусов встречается красильщик (Tjäder 4–5, В IV). Красильному мастерству посвящена большая часть «Трактата об окраске мозаик...». Это ремесло было высоко развито в Равенне. Здесь окрашивались разнообразные ткани, кожи¹⁴³, кость¹⁴⁴, рог¹⁴⁵, дерево¹⁴⁶, стекло¹⁴⁷, мозаика, металлы¹⁴⁸ и т. д. Мастера изготавливали и использовали золотую, серебряную, красную, голубую, желтую, зеленую краску, олифу, лазурь, киноварь, индиго, изготавливали чернила¹⁴⁹. Ремесленники располагали разнообразным инструментарием

и готовили сложные химические составы с примесью квасцов, пигмента, нефти, свинца, соды, серы и т. п. Вместе с тем «Трактат об окраске мозаик...», по-видимому, свидетельствует об отсутствии узкой специализации у красильщиков. Он адресован одному читателю: автор постоянно ссылается на предшествующие статьи, предлагает читателю проводить одну операцию так же, как и другую, с тем же инструментарием. Не предполагается ли, что адресат трактата сам занимался всеми видами крашения, золочением, выделкой золотого листа, изготовлением стекла и мозаики, пергамента, сам добывал исходные материалы (например, песок для производства стекла¹⁵⁰, различные металлические руды, минералы¹⁵¹, морских моллюсков и т. д.¹⁵²)? В сущности, такой ремесленник сочетал в одном лице специальности красильщика, золотых дел мастера, стеклодува, изготовителя пергамента. Их объединение стало возможным, видимо, потому, что продукция всех этих специальностей относилась к предметам роскоши. Подобный мастер занимался обслуживанием узкого круга состоятельных заказчиков. Конечно, совмещение профессий должно было идти в ущерб качеству. Маловероятно, чтобы ремесленники VI в., готовившие смальту для знаменитых равеннских мозаик, занимались одновременно каким-то иным производством. Скорее всего, мы имеем здесь дело с вновь возникшим в VII в. объединением разных специальностей в руках одного мастера — следствием прежде всего падения спроса на некоторые из них. В этом можно видеть подтверждение мысли о том, что в VII–VIII вв. в экзархате и Пентаполях производство предметов роскоши развивается по нисходящей.

Из профессий, связанных с обеспечением населения продовольствием, особенно важны булочники. В готское время в Равенне существовала их корпорация¹⁵³. Один из мостов в городе называется «Мост булочников» («Pons pistorum»)¹⁵⁴. От эпохи византийского владычества сведений о существовании объединений булочников в Восточной Италии не сохранилось. Видимо, в организации этого ремесла произошли определенные изменения. Возможно, в VI — начале VII вв., когда войско еще в какой-то степени сохраняло профессиональный характер (получало жалованье), продолжала функционировать система поставки хлеба воинам. С переходом к формированию войска на местной основе, по ополченческому принципу, отпала необходимость в массовой выпечке хлеба для солдат. Хлебное обеспе-

чение пауперов стало делом церковной благотворительности (пропитание — «alimonia» — нищих включалось в число постоянных расходов Равеннской церкви)¹⁵⁵. О государственных хлебных раздачах ничего неизвестно. Вероятно, выпечку хлеба для этих нужд обеспечивали пекари при монастырях и церквях. Значительная часть населения сама выпекала для себя хлеб. В одном из папирусов конца VI в. указывается, что при частном доме, сдаваемом внаем, имеется пекарня («pistrina», — Tjäder 21). В тех случаях, когда пекарни или печи для выпечки хлеба имелись не во всех домах, были возможны примитивные формы кооперации, вроде той, которую применяли равеннские священники, приехавшие в Королевство франков, когда они выпекали хлеб в доме одного местного чиновника (judex'a), видимо, за плату¹⁵⁶. Кроме того, в Равенне можно было приобрести хлеб в тавернах, которых было немало¹⁵⁷. Но профессиональное ремесло пекарей к концу византийского периода истории экзархата пришло в упадок. В сравнительно развитом виде оно существовало лишь в рамках церковной организации.

Имеются данные о том, что в IX–X вв. в Равенне жили мясники¹⁵⁸ и рыбаки¹⁵⁹. Нет причин отрицать их наличие в византийскую эпоху. Известно, например, что в X в. объединение рыбаков занималось ловлей рыбы в Бадарено (одном из рукавов дельты По), довольно далеко от Равенны. Есть сведения, что уже в VIII в. равеннцы ели рыбу из Бадарено¹⁶⁰. Видимо, она поставлялась рыбаками-профессионалами.

Как рыбаки, так и купцы использовали разнообразные суда. Они неоднократно упоминаются в письменных источниках, имеются их изображения (в равеннских церквях Сант Аполлинаре Нуово и Иоанна Евангелиста). Сохранились и археологически выявлены останки нескольких судов. Наиболее важен факт обнаружения в районе Комакьо (Талья Нуово) в 1982 г. остова довольно большого корабля VII в. длиной ок. 20 м и шириной ок. 4,5 м. Исчерпывающий иконографический и археологический материал, связанный с использованием речных и морских судов в Равеннском экзархате, собран М. Бовино¹⁶¹. Несомненно, что мелкие рыбацкие и торговые суда на протяжении всего византийского периода производились в самой Равенне и других населенных пунктах адриатического побережья Италии. Однако применительно к более крупным торговым и военным кораблям этого нельзя утверждать наверняка.

Из числа лиц свободных профессий в Равеннском экзархате имелись врачи и учителя. Прагматическая санкция установила для них государственное жалование¹⁶². Врач («*medicus*») упомянут в одном из равеннских папирусов (Tjäder 35). Однако в Равенне медики были менее квалифицированы, чем, например, в Риме. Это обстоятельство было веским доводом в устах Григория Великого, приглашавшего равеннского архиепископа Иоанна полечиться в Рим¹⁶³. В эпоху античности в Равенне, как и в каждом крупном городе, был театр. В более позднее время сведений о его функционировании нет. В то же время какие-то «зрелища» («*spectacula*») равеннцы посещали в конце VII в.¹⁶⁴ Видимо, речь идет об уличных мимах и бродячих актерах, которые существовали и в эпоху античности.

В заключение нужно отметить следующее.

Почти все непосредственные свидетельства источников византийского времени о профессиональных ремесленниках в Эмилии-Романье относятся ко второй половине VI — второй половине VII в. Развитие ремесла в более позднее время приходится реконструировать по косвенным данным или послевизантийским материалам. Уже в VI в. в источниках упоминается значительно меньше ремесленных профессий, чем во времена Римской империи (см. таблицу 5). По-видимому, их количество, действительно, постоянно сокращалось (как позволяет предполагать анализ «Трактата об окраске мозаик...»). Касаясь начала VIII в., мы можем с уверенностью говорить лишь о наличии в изучаемой зоне строителей и портных, с большой долей вероятности — о кузнецах и булочниках, с меньшей — о мясниках и рыбаках. Художественные ремесла, как показывают современные памятники искусства, испытали сильную вульгаризацию. Качество работы мастеров резко изменилось к худшему¹⁶⁵. Вероятно, этот процесс захватил и другие виды ремесленной деятельности, хотя окончательно подтвердить данную мысль могут лишь целенаправленные археологические изыскания. Многие специализированные прежде работы выполнялись теперь одним мастером, что снижало их качество. Ремесленники ряда профессий (свечники, булочники, строители), вероятно, попали в зависимость от Церкви. Это должно было привести к их переориентации от работы на рынок к работе в основном на постоянного заказчика. В целом уровень развития ремесленного производства в течение двух столетий византийского господства в экзархате и обоих Пентаполях постепенно снижался.

Изделия местного ремесла регулярно поступали на городские рынки. Очевидно, что во многих случаях в Италии, как и в самой Византии, ремесленная деятельность совмещалась с торговлей. Это совмещение санкционировал и византийский законодатель¹⁶⁶.

Агнелл сообщает, что в конце VII в. в связи с крестным ходом в Равенне трактирщики («сароны») закрыли свои таверны и розничные торговцы («mercatores», «nundinatores») прекратили продажу товаров¹⁶⁷. Следовательно, в обычное время рынок функционировал в Равенне довольно бойко. Однако его активность постепенно сокращалась. Это выразилось, в частности, в снижении интенсивности монетного обращения. После византийского завоевания в городах Восточной Италии существовал слой менял-аргентариев (Tjäder 4–5, 31). Среди них были богатые люди, такие как Юлиан-аргентарий, на деньги которого строились крупнейшие храмы Равенны. С начала VII в. сведения о них исчезают со страниц источников. Обычно последним известием об аргентариях в Италии считают письмо Григория Великого одному из равеннских экзархов¹⁶⁸. Папа просит не закрывать немедленно контору (statio) римского менялы, а дать ему отсрочку по долгам. Это сообщение само по себе является свидетельством упадка финансовой активности в Византийской Италии. Есть, однако, упоминание об аргентарии в Римини, возможно, более позднее. В Баварском кодексе (в отрывке из документа VIII или IX в.) говорится об «усадьбе (curtis) покойного аргентария Родемария» в Римини (БК 59). Вряд ли аргентарий Родемарий, которого еще помнили в городе, умер очень задолго до этого. Но так или иначе, спрос на менял в Италии в византийскую эпоху падает, и профессия эта становится малоприбыльной и редкой, что, в свою очередь, свидетельствует о сужении внутреннего рынка. Весьма возможно, что аргентарии, среди которых преобладали лица неитальянского происхождения, в большинстве своем покинули Италию. Как показал А. Гийу, к началу VIII в. экзархат выходит из зоны византийского денежного обращения — «номисма-зоны»¹⁶⁹. Устанавливается примерное весовое соответствие равеннских и лангобардских солидов. Таким образом, менее развитая денежная система лангобардов становится более близкой для экономики экзархата, чем византийская. Незадолго до конца византийского господства (в 741 г.) прекращает работу равеннский монетный двор¹⁷⁰.

Отныне старые и лангобардские монеты удовлетворяют все потребности обращения. Последнее в таких условиях, конечно, не могло быть интенсивным.

О торговле между отдельными районами Италии очень мало известно. Можно предполагать на основе данных грамоты из Ризано о добыче в Истрии извести¹⁷¹, что она ввозилась оттуда в экзархат, так как здесь ее использовали в некоторых ремесленных производствах¹⁷². Возможно, сюда импортировали и уголь, о применении которого в различных технологических процессах сохранились сведения¹⁷³. Не исключено, что, как и в остготскую эпоху, в Восточную Италию продолжало ввозиться золото с приисков Далмации¹⁷⁴. В VI в. в Равенну поступал строительный камень из Истрии¹⁷⁵. Но действительно интенсивный торговый обмен между регионами был невозможен при отсутствии хозяйственной специализации как в городе, так и в деревне. Лишь от VI в. мы имеем сообщение Кассиодора, что высокоценное вино из веронского винограда поставлялось в Равенну к королевскому столу¹⁷⁶. (Верона, впрочем, в том же столетии была захвачена лангобардами.) В целом же в экзархате и Пентаполях повсюду производились одни и те же продукты и товары, и условий для обмена не возникало¹⁷⁷.

Имеются некоторые данные о развитии внешней торговли экзархата и Пентаполя Морского. Крупная морская торговля осуществлялась профессиональными купцами — «negotiatores» (Tjäder 25, БК 14, 40). Это был достаточно широкий и зажиточный слой населения городов. Прагматическая санкция 554 г. возложила на купцов (правда, лишь на юге Италии, в Апулии и Калабрии) обязанность сбора и выплаты *soemptio* — одного из государственных налогов, что свидетельствует о больших финансовых возможностях этого социального страта¹⁷⁸. По-видимому, в его среде наблюдались некоторая специализация. Документы выделяют особо шелкоторговцев — (Tjäder 4–5, В V, 6), меховщиков — «ginnarii» (Tjäder 4–5, В VI). Возможно, в Равенне уже в VI в. не существовало некоторых купеческих профессий, широко распространенных в древности (в античную эпоху имелись особые коллегии торговцев одеждой¹⁷⁹, виноторговцев¹⁸⁰, солеторговцев¹⁸¹ и т. п.). Впрочем, если от VI в. упоминаний о купцах в источниках сохранилось довольно много, то в более позднее время мы лишь однажды встречаем в документе (предположительно VIII или IX в.) купца из Римини Феодора (БК 40) и один раз — вдову купца

(конец VII в., БК 14). Кроме того, о члене корпорации купцов упоминают две равеннские грамоты послевизантийского времени¹⁸². Характерно, что все эти известия связаны со сделками, касающимися земельной собственности. Таким образом, купцы Романьи в VII–IX вв. уже не ограничивались торговой деятельностью и превращались в землевладельцев.

Фрахт в VI — начале VII в., как и в античности, обеспечивался навклирами. Их деятельность в этот период носила публично-правовой характер. В хронике «*Origo gentis longobardorum*» говорится о прибытии в Равенну «*naves angarialis*», т. е. корабля, исполняющего государственную извозную и почтовую повинность¹⁸³. Естественно, судовладельцы оказывали услуги и частным лицам. Агнелл сообщает об уплате одним равенцем 100 солидов за найм корабля для перевозки товаров на 300 солидов¹⁸⁴. Как отметила Л. Руджини¹⁸⁵, плата в данном случае значительно превышала государственную норму (по кодексу Юстиниана «*rescunia trajecticia*» — 12 %¹⁸⁶). Вероятно, это явление было обычным для Италии — в одном из писем Григория Великого говорится о найме корабля из расчета 6 силиков с 1 солида товара, т. е. из 25 %¹⁸⁷. Неудивительно, что среди навикуляриев встречались весьма богатые люди. Один из них, например, приобрел в середине VI в. земельный участок за 130 солидов (Тjäder 43). Последние упоминания о навклирах в Византийской Италии сохранила «*Summa Perusina*» (ориентировочно — VII в.)¹⁸⁸. Если иметь в виду, что от этого столетия до нас дошли известия всего лишь о двух крупных морских экспедициях, и обе они были организованы равеннской архиепископией¹⁸⁹, то можно предположить постепенный переход части судовладельцев в зависимость от Церкви. Это было бы естественно еще и потому, что владения архиепископии были разбросаны по всему адриатическому побережью, и она была в состоянии обеспечить навклирам постоянный фрахт. Вместе с тем и государство было заинтересовано в сохранении контроля над навклирами в большей степени, чем над какой-либо иной профессиональной корпорацией (необходимость обеспечения контакта с экзархатом и Пентаподем, получения налоговых поступлений, связи с патримонием фиска и др.). Поэтому подчинение судовладельцев Церкви не могло быть полным. В грамоте из Ризано арендаторы каролингского фиска жалуются, что ныне их заставляют плавать в Равенну и Далмацию, чего никогда не бывало при их отцах (причем именуют эту по-

винность «angaria») ¹⁹⁰. Можно думать, что в византийское время такие плавания совершали «navicularii angariales» (профессиональные навклиры) ¹⁹¹.

Для ведения морской торговли были необходимы хорошие порты. К началу византийского периода их было несколько в Восточной Италии. Равенна, находившаяся в некотором отдалении от моря ¹⁹², имела хорошо защищенный и оборудованный порт Классис, связанный каналом «fossa Augusta» с одним из ответвлений реки По (Po di Primaro) ¹⁹³. О высоких качествах этого порта свидетельствуют данные археологических раскопок и изображение, сохранившееся на одной из фресок церкви Сант Аполлинаре ин Классе ¹⁹⁴. Южнее Равенны крупные порты имели Римини ¹⁹⁵ и Анкона ¹⁹⁶, севернее — Аквилея ¹⁹⁷. Кроме того, вдоль побережья имелись многочисленные поселения, жители которых обеспечивали функционирование своих бухт как корабельных стоянок. О целом ряде таких гаваней в окрестностях Равенны говорит Агнелл ¹⁹⁸. На протяжении VI–VIII вв. пропускная способность восточно-итальянских портов постепенно снижалась. Вследствие отступления моря Классис уже в V–VI вв. все дальше и дальше отстоял от воды ¹⁹⁹. В VII в. доступ к порту был затруднен, так как вход в гавань преградили песчаные отмели ²⁰⁰. В 732 г. Классис был разрушен лангобардами и во времена Агнелла (IX в.) все еще лежал в развалинах ²⁰¹. В связи с изменением направления основного русла По в начале VIII в. пересохла «fossa Augusta» ²⁰². С этого времени равеннцы использовали в качестве гавани бухту «Candidianus» недалеко от Классиса ²⁰³. Аквилея была уничтожена лангобардами в 568 г., и оставшееся население переместилось на остров Градо, порт которого значительно уступал аквилейскому. На положение портов Пентаполя не могли не повлиять захват и разрушение лангобардами ряда городов этого региона. Так, в начале 70-х гг. был захвачен Озимо ²⁰⁴ — город, гаванью которого являлась Анкона ²⁰⁵ (возвращен Византии по условиям мира с лангобардами в 599 г.). Можно считать, что порты Восточной Италии могли удовлетворить потребности навигации на протяжении VII–VIII вв. только в условиях постоянного сокращения объема морских перевозок. Ухудшение состояния портов, в свою очередь, должно было отрицательно влиять на развитие торговых связей. Морские торговые пути связывали Экзархат и Пентаполь с различными районами Средиземноморья, принадлежавшими Восточной империи: Константинополем,

средиземноморскими портами в Азии, Египтом, Сицилией и др. О связях торговых центров Эмилии-Романьи с невизантийскими городами средиземноморского побережья (в Аквитании, Испании, на территориях, захваченных арабами) данных нет.

Важнейшей частью импорта в Равеннский экзархат были предметы роскоши. В числе последних часто встречались изделия из дорогих тканей. Так, в папирусе Tjäder 8 упоминаются одежды из шелка. Агнелл пишет о роскошной одежде, которую носила местная знать, и о ее шитых золотом накидках²⁰⁶. Одним из главных потребителей дорогих тканей была Церковь. Облачения (*vestes*) являлись важной составной частью ее богатств. Архиепископия имела «*vestiarium*» — особое хранилище драгоценных одежд²⁰⁷. Григорий Великий упрекает архиепископа Иоанна (574–595) в том, что тот не оказывает необходимой помощи беднякам, в то время как «имеет деньги, имеет кладовые, имеет одежды»²⁰⁸. В составе груза, присланного в Равенну из церковного патримония в Сицилии, находились дорогие одеяния (накидки, капюшоны, плащи) и сирийские ткани (вторая половина VII в.)²⁰⁹. Архиепископ Виктор (539–546) пожертвовал шелковое покрывало для алтаря одной из равеннских церквей²¹⁰. Сам он носил одежду из муслина («*sinдон*»)²¹¹. Особенно высоко ценились шелковые ткани. В сохранившемся отрывке инвентарной описи имущества одной из местных церквей (ок. 700 г.) специально отмечена зеленая ткань из чистого шелка с красно-белым крестом в середине (Tjäder 53). В VI в. в равеннских документах широко упоминаются олосирикопраты — торговцы шелком (Tjäder 4–5, B V; Tjäder 6). Известия о торговцах шелком, однако, исчезают со страниц источников к концу VII в.

С Востока ввозились в Италию не только ткани. Многочисленные изделия ремесла восточного, африканского, византийского происхождения выявлены раскопками в областях Лангобардской Италии. Попасть сюда они могли только через византийские порты на Апеннинском полуострове. С Востока поступало дорогое сырье, необходимое в некоторых ремесленных производствах (сок пальмы *Salampus Draco*, используемый при изготовлении краски «драконова кровь»; мастика, мирро, необходимое и в церковном обиходе, киликийские смолы, кошениль и др.)²¹². О торговле адриатических портов с Египтом свидетельствует тот факт, что в VII в. в Пентаполь прибыл корабль, принадлежащий александрийскому патриарху, капитан которого обменял

в Британии египетское зерно на олово и привез металл в Италию на продажу (по сообщению Леонтия Неаполитанского)²¹³. Контакты с Востоком облегчались тем, что значительная часть равеннского купечества была восточного происхождения (евреи, сирийцы, армяне и т. п.). Подобные связи были для этих людей традиционными. В интересном исследовании Р. Фариоли показано, что археологические памятники равеннского порта Классис свидетельствуют о преобладании среди его населения неитальянского элемента. Найденные здесь надписи (преимущественно, надгробные) говорят о «балканском, дунайском, сирийском, еврейском, ливийском происхождении» упомянутых в них лиц²¹⁴. На этом основании немецкий историк Леманн пытался лишить Равенну репутации города, подчеркивая, что собственно равеннцы в торговле не принимали участия²¹⁵. Однако несомненно, что подавляющее большинство купцов Равенны состояло из постоянных жителей города (или жителей Классиса, что в данном случае одно и то же). Этническая же их принадлежность не имеет значения для признания Равенны торговым центром.

Прочные связи имелись у Равенны с Сицилией. Здесь находился патримоний Равеннской церкви, куда время от времени направлялись крупные морские экспедиции. Сицилия служила своеобразной перевалочной базой на пути из Равенны в Рим²¹⁶, когда сухопутные контакты между этими центрами были затруднены в результате нашествия лангобардов. У Агнелла сохранился рассказ о равеннском священнике Иоанне, который, возвращаясь домой из Константинополя, искал в порту корабль, идущий в Равенну или Сицилию²¹⁷. Л. Руджини остроумно (и неопровержимо) заключила, что если человек, намеренный вернуться в Равенну, согласен был ехать в Сицилию, то между Равенной и Сицилией должна была существовать постоянная морская связь²¹⁸. Интересно, что отсюда в Равенну ввозилась, в частности, шерстяная одежда. Она находилась на борту судов архиепископского каравана, прибывшего в столицу экзархата в годы правления архиепископа Мавра²¹⁹. Это может показаться странным, если вспомнить, что в античную эпоху Северо-Восточная Италия вывозила шерсть и даже славилась качеством шерстяных тканей²²⁰. Между тем данное явление связано с серьезными экономическими изменениями, происшедшими здесь с античных времен, прежде всего с переходом к парцеллярному, преимущественно зерновому колонатному хозяйству. Готская война окончательно подорвала основы ов-

цеводства в Италии. Вскоре после ее окончания папа Пелагий I (556–561), решивший помочь разорившимся римским аристократам, ввозил для них шерстяную одежду из Галлии²²¹. Лангобардское завоевание лишило византийцев на северо-востоке страны большей части земель, использовавшихся под пастбища. В таких условиях импорт шерстяной одежды в Равенну (возможно, и в другие города) сделался необходимым. Торговля шерстяными изделиями находилась в руках профессиональных купцов-меховщиков (Tjäder 4–5, В VI).

Традиционным для Равенны был импорт строительных материалов. Известно, что они ввозились сюда в остготскую эпоху²²². При изготовлении равеннских саркофагов (в частности, в византийское время) использовался александрийский и пропонтидский мрамор. Аттический же мрамор предпочитали в Аквилее²²³. Разные виды мрамора с Востока и из Греции ввозились в Равенну для строительства храмов в VI в. С прекращением интенсивного строительства с начала VII в. ввоз ценных пород камня в Равенну прекратился.

Как мы видим, импорт товаров в экзархат и Пентаполь Морской из других портов империи был достаточно широким и многообразным. Но и местные купцы с большой выгодой торговали за пределами Италии. Вспомним, что они готовы были платить навклиру более 30 % стоимости груза. Агнелл рассказывает о равеннском купце, привезшем в Константинополь товары стоимостью 100 солидов и выручившем 400 солидов²²⁴. Причем, видимо, он распродал не все, что привез, так как предполагал еще задержаться в Константинополе для продолжения торговли. Следовательно, восточно-итальянские товары пользовались большим спросом. Прокопий Кесарийский упоминает и о константинопольских купцах, ходивших с товарами в Италию²²⁵. Разумеется, обратно в столицу империи они возвращались не с пустыми руками.

Что же могла Восточная Италия поставлять в Константинополь? Предположения по этому поводу можно делать, исходя прежде всего из внутреннего состояния изучаемого региона.

Экзархат и Пентаполи являлись преимущественно районами аграрными. Уже в античную и готскую эпохи Восточная Италия вывозила сельскохозяйственную продукцию. Конкретная информация сохранилась, правда, о районах на северо-восток от экзархата — Венето и Истрии. Отсюда экспортировались оливки, вино²²⁶, хлеб. Датский историк Ханнестад упоминает о медали с надписью: «Аквилея — жит-

ница Римской империи» («*Aquileia horreum Romani imperii*»), выбитой в этом городе в IV в.²²⁷ В Эмилии-Романье, как отмечалось выше, основную массу сельского производительного населения составляли колоны. В одном из писем Григория Великого говорится о том, что государственные сборщики налогов вынуждают колонов платить налог до продажи урожая²²⁸. Отсюда следует, что, во-первых, колоны регулярно продавали свою продукцию, во-вторых, что налоги реально собирались деньгами. Эти выводы (относящиеся к Южной Италии) Л. Руджини считает возможным распространять и на более северные провинции, так как принципы государственного управления здесь применялись те же, что и на юге²²⁹. Как мы помним, значительную часть ренты собственнику в Восточной Италии также составлял денежный взнос. Для того чтобы удовлетворить интересы собственника и фиска и получить необходимые средства, производитель постоянно должен был выбрасывать на рынок значительную часть производимых продуктов, прежде всего хлеба. Равеннская архиепископия прямо побуждала церковных колонов («*homines*») продавать хлеб²³⁰. В тех случаях, когда собственник земли получал ренту или ее часть натурой, он сам выступал на рынке как продавец. Тем более продавал сельскохозяйственную продукцию арендатор-эмпитевт, который должен был вносить арендную плату в деньгах.

Активным продавцом хлеба была Церковь, получавшая в своих патримониях часть урожая натурой. Агнелл в своей «Книге понтификов» прямо говорит о епископах, которые продают «церковный хлеб и масло, и вино», чтобы выручить деньги для подкупа государственных чиновников²³¹. При архиепископе Мавре (648–671) в Равенну прибыл транспорт из Сицилии с 50 000 модиев зерна, и в результате «пшеница всегда была на столе у архиепископа»²³² (вероятно, в течение трех лет, так как через три года в Сицилию снова был послан представитель Церкви за оброком)²³³. Для пропитания одного человека необходимо примерно 16 модиев зерна в год (ок. 200 килограммов). Даже если принять, что больше в эти годы архиепископия хлеб ниоткуда не получала (а это заведомо неверно), получится, что за столом архиепископа кормилось постоянно более 3000 человек. Большая часть этого хлеба не могла быть потреблена архиепископом и его челядью. Какая-то доля была роздана бедным, но остальное, конечно, продано. Нужно думать, что и в обычные годы значительная доля урожая земель патримония сбывалась на рынке.

О том, что в продаже фактически находилась масса хлеба, говорит следующее соображение. В 604 г. в Риме за 1 солид давали 30 модиев пшеницы²³⁴. Это вдвое дороже официальной государственной цены при остготах (за 1 солид — 60 модиев), но втрое дешевле реальной цены, зафиксированной в Риме в остготскую эпоху — в моменты, не отмеченные неурожаем или войной (за 1 солид 10 модиев)²³⁵. При неизменной стоимости солида колебания в цене, видимо, вызывались конкретной хозяйственной конъюнктурой, но во всяком случае, в византийское время хлеб не вздорожал, несмотря на прекращение государственных раздач, существовавших при остготах.

Разумеется, в качестве покупателей сельскохозяйственной продукции выступали некоторые византийские чиновники и военные. Процесс превращения их в собственников и арендаторов земли лишил рынок значительной части этих покупателей. Приобретали продукты ремесленники и купцы, но здесь следует иметь в виду, что многие из них сами были земельными собственниками. Весьма активными покупателями были представители духовенства. Агнелл рассказывает о том, что архиепископ Равенны Феодор (677–688) в момент неурожая скупил весь хлеб в городе, и клирики не могли приобрести себе пропитание. Тогда архиепископ предложил отказаться в его пользу от «кварти» (четвертой доли доходов архиепископии, традиционно распределявшейся в среде клира) в обмен на помощь хлебом²³⁶. Священнослужители были вынуждены пойти на такое соглашение. Это могло объясняться только тем, что других источников пропитания, кроме покупки продуктов на рынке, временно ставшей невозможной, у них не было. Однако в конце концов архиепископ был вынужден пойти на компромисс с духовенством, так как священники и клирики отказались служить под его началом. По условиям примирения, церковный патримоний был роздан им в аренду, и «не было никого», кто не получил своей доли²³⁷. Таким образом, получив землю, равеннские священнослужители гарантировали себя от превратностей рынка.

В истории этого столкновения обращает на себя внимание отсутствие известий о реакции на действия архиепископа, скупившего хлеб, широких масс городского населения. Можно предположить, что эти люди в весьма незначительной степени зависели от рынка. Где же они доставали продукты питания? Для эпохи античности характерно совмещение у большей части горожан проживания в городе и

занятий аграрной деятельностью. Это свойство античного города было унаследовано ранним Средневековьем²³⁸. Оно присуще даже крупнейшему центру Италии — Риму. Прокопий Кесарийский писал о том, что Велизарий заставил римлян «свезти все свои запасы с полей в город»²³⁹. Григорий Великий упоминает о римлянце, который в праздник позволяет себе «*ad terrena[m] opera[m] in agris exire*» («заниматься возделыванием земли»)²⁴⁰. В этом плане не были исключены города экзархата и Пентаполей. Вблизи них располагались земельные угодья горожан. Здесь находились *proastia* Равеннской церкви, сдаваемые в *эмфитевсис*²⁴¹. В Баварском кодексе говорится о виноградниках у стен Римини (БК 22, 63, 131) и Губбио (БК 159, 160). Продолжатель Павла Диакона, рассказывая об осаде Равенны королем Дезидерием (756–774), пишет, что тот уничтожил вблизи города «*grædia*» и «*casales*», «не оставив ничего, чем могли себя поддерживать его жители»²⁴². В годы правления императора Ираклия некая Валерия принесла в дар Равеннской церкви полдома в Перудже с «относящимися к нему виноградниками, холмами, лесами и пастбищами» (БК 163). В самих городах располагались многочисленные сады (БК 54, 55, 59, 61, 161; Tjäder 24), виноградники (БК 166, 60 — документ середины VIII в.: упомянута «пустошь, где прежде находился виноградник»). В папирусе Tjäder 21 прямо говорится об имении (*fundus*), расположенном за домом в городе. Горожане держали лошадей и использовали их навоз как удобрение²⁴³. Домашний скот имелся у жителей Равенны и, конечно, в более мелких городах. В Равенне повсеместно «раздавались мычание коров и блеяние овец». О наличии у равеннцев «*animalia*» (скота) еще в конце VIII в. свидетельствует Агнелл²⁴⁴.

Итак, источники позволяют утверждать, что не только собственники крупных поместий, жившие в городе, но и широкие слои населения были хорошо обеспечены сельскохозяйственной продукцией собственного производства. Представители низшего слоя городских жителей — пауперы, конечно, не были сколько-нибудь активными покупателями продуктов питания как вследствие своей крайне низкой покупательной способности, так и потому, что являлись объектами церковной филантропии²⁴⁵. Рассмотренный материал позволяет сделать заключение, что прослойка покупателей сельскохозяйственной продукции в Равеннском экзархате и Пентаполях была достаточно узкой и с VI по VIII вв. постоянно уменьшалась. В то же время факт

регулярной массовой продажи продуктов, прежде всего хлеба, несомненен. Совмещая ответы сразу на два вопроса исследования: «куда вывозилась продукция сельского хозяйства?» и «что получала Византия в обмен на экспортируемые в Италию товары?», делаем вывод: экзархат вывозил в Византию сельскохозяйственные продукты.

В обоснование этой точки зрения можно привести еще следующие соображения. Известно, что крупнейшие города империи, в первую очередь столица, ощущали острую нужду в хлебе, особенно после завоевания арабами Египта и Северной Африки²⁴⁶. Зерновое хозяйство Восточной Италии вследствие лангобардского завоевания лишилось традиционного рынка сбыта в Риме. В первые десятилетия византийского господства какая-то часть хлебных излишков шла на содержание армии. С ее иррегуляризацией необходимость в этом отпала. Прагматическая санкция для Италии (554 г.) провозгласила принцип государственного снабжения городов²⁴⁷. Но на практике лишь Рим изредка (сохранилось единственное свидетельство от 575 г.) получал государственный хлеб (из Египта)²⁴⁸. В городах Эмилии-Романьи постановление санкции никогда не проводилось в жизнь. В таких условиях производитель или земельный собственник должен был сам беспокоиться о сбыте продукции. На помощь пришел купец, занимавшийся дальней морской торговлей. Еще в остготскую эпоху хлебные закупки были важной обязанностью купцов²⁴⁹. Избавившись от нее, купечество не спешило разрывать традиционные контакты с производителями сельскохозяйственной продукции. В самом деле, ни предметы роскоши, ни изделия ремесла из Равенны не нашли бы в столице спроса. Л. Руджини предполагает поэтому, что упомянутый равеннский купец получил в Константинополе свои 300 % прибыли, торгуя хлебом²⁵⁰.

Дополнительный довод в пользу мнения о вывозе сельскохозяйственных продуктов из портов экзархата и Пентаполя Морского в Византию можно видеть в следующем. В раннее Средневековье произошли резкие изменения в ассортименте и объеме производства различных злаковых культур в Северной Италии. Главное изменение состояло в том, что пшеница — основная культура античности для всей Италии (кроме Пьемонта) — отступила на второй план перед рожью. Например, на полях монастыря Св. Юлии в Брешии, по подсчетам М. Монтанари, рожь занимала 39,44 % посевных площадей, пшеница — вдвое меньше (20,21 %), остальные злаки (просо, яч-

мень, овес, сорго и т. д.) — значительно меньшие площади²⁵¹. В VII–VIII вв. в Северной и Средней Италии только районы экзархата, Пентаполей и Венето сохранили пшеницу в качестве главной хлебной культуры²⁵². Весьма вероятное объяснение состоит в том, что рожь не нашла бы себе покупателей на Востоке. И еще одно соображение. Прекращение торговых контактов между городами Эмилии-Романьи с Византией совпадает с их переходом в руки лангобардов (середина VIII в.). С этого времени, по данным Баварского Кодекса, Равеннская церковь начинает в массовом порядке заключать арендные договоры на условиях платы натурой (БК 38, 41, 44, 49, 72–74, 87–102, 133–136, 139–143, 157, 158). Все сделки такого рода приходится на послевизантийское время, причем далеко не всегда их участниками выступают колонны. Вероятно, мы имеем дело с влиянием торговли на производство: разрыв контактов с основным покупателем резко затруднил для аграрного населения Италии ведение товарного хозяйства и привел к обратной коммутации арендной платы. Мнение о том, что Византийская Италия активно экспортировала продукцию сельского хозяйства, высказал еще А. Дорен²⁵³. В последние годы его активно поддерживала Дж. Фазоли, считающая, что торговля Италии и Византии была «обменом продуктов сельского хозяйства на предметы роскоши»²⁵⁴. Этот вывод содержит в себе некоторые крайности, но в главном он правилен, и наблюдения над развитием торговли в Равеннском экзархате и Пентаполях его подтверждают.

Позитивные сведения о развитии торговых связей между экзархатом и лангобардами исчерпываются информацией, содержащейся в тексте торгового договора, заключенного между жителями города Комакьо и королем Лиутпрандом в 715 г.²⁵⁵ Договор предоставляет купцам Комакьо право торговли в пределах Королевства лангобардов по течению реки По до Пьяченцы. Перечисляются разнообразные торговые пошлины и пункты, в которых их следует вносить. Среди пошлин — «*ripaticum*», размеры которого не определены (видимо, традиционны); «*palo solvendum*» — денежный сбор в размере от одного тремисса до одного солида в разных пунктах, а за весь путь — три солида; «*decima*» — натуральный взнос от 12 до 15 модиев соли, а всего 72 модия; «*transitura*» (встречается дважды: в первый раз — по два тремисса с каждого корабля, во второй — 0,5 тремисса с каждого четырех солидов дохода), дополнительно (или в составе *ripati-*

суп) взимается по одной либре масла, гарума (рыбная приправа) и перца²⁵⁶. О ввозимых к лангобардам товарах можно судить по составу торговых пошлин. Видимо, главным образом купцы торговали солью, маслом и пряностями. Торговые пошлины на комакийцев возлагались очень тяжелые. Только один из взносов «transitura» отнимал 12,5 % дохода. Для того чтобы торговцы согласились на договор при таких условиях, коммерция должна была отличаться особой выгодностью. Действительно, цена на соль, определенная для купцов, — 0,5 тремисса за 2 модия, то есть 12 модиев за один солид²⁵⁷. Это в 3,5 раза выше официальной цены хлеба²⁵⁸ и в 2,5 раза выше его рыночной цены в Риме (по данным на 604 г.)²⁵⁹. Для сравнения можно отметить, что, по эдикту Диоклетиана «De pretia rerum venalium» (401 г.), соль стоила 1200 драхм за 1 артабу, что соответствует 1 солиду за 30 модиев — в 2,5 раза дешевле, чем в рассматриваемом документе²⁶⁰. Эта цена считалась в свое время очень высокой, ибо, например, в Египте за 42 года до этого соль продавалась в 120 (!) раз дешевле²⁶¹. Разумеется, редкие пряности, гарум и перец, получаемые купцами Комаккьо с Востока, стоили много дороже. Торговля ими была рассчитана на весьма узкий круг покупателей. Что же касается соли, то ее чрезмерно высокая стоимость показывает, насколько дефицитен был этот товар в отрезанной от моря Лангобардии. Вполне вероятно, что Комаккьо не был единственным городом в Византийской Италии, торговавшим солью с лангобардами. Интересное предположение по этому поводу высказала Дж. Фазоли, отметившая, что зона торгового влияния комакийцев распространялась от Мантуи до Пьяченцы, но не доходила до Вероны. По ее мнению, восточнее располагалась зона экспансии купцов Венето²⁶². Это предположение выглядит более обоснованно, чем точка зрения Ф. Карли, полагавшего, что договор с жителями Комаккьо был заключен Лиутпрандом в наказание венецианцам за их лояльность по отношению к Византии²⁶³. Маловероятно, что торговая конкуренция Комаккьо и Риальто достигала подобной остроты в столь раннее время.

Первый исследователь торгового договора 715 г. Л. М. Гартманн придерживался мнения, что это соглашение легализует уже сложившиеся взаимоотношения между лангобардами и Византийской Италией²⁶⁴. Действительно, король Лиутпранд прямо указывает в тексте, что следует обычаю своих предков²⁶⁵. Торговля комакийцев и лангобардов, как считал Л. М. Гартманн, могла развиваться с 680 г.,

то есть с момента заключения византийско-лангобардского мирного договора²⁶⁶. Того же мнения придерживались видный историк экономики Д. Луццатто²⁶⁷, а также Л. Руджини²⁶⁸. Прямых известий о торговле в предшествующий период (как, впрочем, и вплоть до 715 г.) в самом деле нет. Однако принципиально отвергать ее возможность не следует. В войнах Византии и лангобардов и до 680 г. случались длительные перерывы. В это время контакты между населением двух зон Италии были возможны. Так, в 594 г. папа Григорий Великий пригласил в Рим для лечения архиепископа Равенны Иоанна. Он предлагал ему ехать через лангобардские области и для безопасности проезда принести подарки («*exenia*») королю Агилульфу²⁶⁹. Между лангобардским двором и Римом систематически курсировали гонцы (сохранились письма римских пап к лангобардским королям), совершался обмен посольствами между лангобардами и экзархами Равенны²⁷⁰. Лангобардское искусство испытывало мощное воздействие искусства Византии. Таковое проявлялось, в частности, в области архитектуры, причем лангобарды хорошо знали византийскую архитектуру Италии²⁷¹. Весьма вероятно, что общение между жителями Византийской и Лангобардской Италии не ограничивалось лишь этими формами. Получение соли было важнейшей проблемой для лангобардских районов. Для Восточной Италии торговля ею была традиционной. По словам Кассиодора, добыча соли была главным занятием жителей Венето («*in salinas autem exercendis tota contentio est*»)²⁷². Особым спросом в византийских районах она не пользовалась, так как здесь существовали собственные соляные промыслы (в Баварском Кодексе, например, упомянута соляная варница — «*salina*» — в районе Озимо, БК 122). Обмен солью в пограничной зоне между византийскими и лангобардскими областями мог вестись даже в военное время, так как граница, конечно же, не представляла собой сплошной линии фронта. Он облегчался тем, что лангобардское население вблизи границы с экзархатом и Пентаполями было крайне редким²⁷³.

Археологические исследования в Лангобардской Италии выявили колоссальное количество изделий византийского и восточного происхождения. Так, при раскопках лангобардских могильников начала VII в. в Ноцера Умбра и Капель Тросино были обнаружены многочисленные образцы византийских украшений, оружия, металлической посуды и т. д. (В Капель Тросино — в погребениях 9, 37, 84, 90,

109, 119, 126, 178; в Ноцера Умбра — в погребениях 1, 5, 5, 18, 20, 29, 30, 36, 42, 54, 60, 84, 85, 116, 156²⁷⁴.) Автор исследования по лангобардской археологии шведский археолог Н. Оберг отмечал, что византийские древности в изобилии встречаются в лангобардских некрополях²⁷⁵. Византийские раритеты из лангобардских погребений хранятся во многих итальянских музеях — во Флоренции, в Вольтерре, в Имоле, в Кьюзи и т. д.²⁷⁶ Среди них фибулы, пряжки, бокалы, золотой крест и т. п. В лангобардских захоронениях в окрестностях Фьезоло найден византийский стеклянный сосуд VII в.²⁷⁷, другой обнаружен в Кагель Тросино (погребение 123)²⁷⁸. В среде лангобардов имели хождение пришедшие в Италию через византийские порты изделия восточного происхождения — египетские украшения²⁷⁹, коптские бронзовые изделия и др.²⁸⁰ Византийское оружие было найдено в лангобардском некрополе Арчиза, украшения — в некрополе Гранча²⁸¹. О большом интересе лангобардов к византийским вещам говорит масса подделок и подражаний, которые подчас трудно отличить от подлинников²⁸². По мнению А. Гийу, целый ряд приписываемых лангобардам изделий прикладного искусства из драгоценных металлов, бронзы, слоновой кости (в том числе — обнаруженные при раскопках в Ноцера Умбра и Кагель Тросино) в действительности — итало-византийского происхождения. (Некоторые из них французский ученый непосредственно атрибуирует Равенне²⁸³.) Лангобарды использовали византийскую монету и как средство обращения, и для изготовления украшений²⁸⁴. Крупный клад, содержащий византийские монеты эпохи Льва III Исавра (717–741), был, например, обнаружен в окрестностях Болоньи в 1957 г.²⁸⁵ Как попадали все эти изделия и монеты к лангобардам? Значительную часть они принесли из Паннонии, где уже испытали сильное влияние Византии²⁸⁶, другую часть экспроприировали у местного римского и готского населения. Это объяснение применимо, однако, лишь к вещам, произведенным раньше лангобардского завоевания Италии. Какие-то изделия приносило к лангобардам зависимое население, бежавшее к ним из византийских областей, но такие случаи имели место редко (есть известия только о Корсике)²⁸⁷. Спорадически лангобардские короли и герцоги получали по разным поводам дары и подношения от римлян и византийцев. Так, Григорий Великий направил богатые подарки королеве Теоделинде в связи с ее переходом в католичество (предметы из состава этого дара были затем пожалованы королем Агилульфом мона-

стырю в Монце)²⁸⁸. Однако основная масса изделий византийского производства попадала к лангобардам иначе: во-первых, в ходе захватнических войн и набегов на города Византийской Италии; во-вторых, весьма вероятно, благодаря торговле. В условиях внутренней нестабильности королевства, особенно в первые годы после завоевания, в обстановке аграризации экономики и упадка ремесла лангобардская знать могла выгоднее всего использовать денежные средства, получаемые от грабежа, приобретая предметы роскоши в византийской зоне. Торговля лангобардов со своими византийскими соседями могла поэтому продолжаться длительное время, несомненно, оставаясь пассивной. Л. Руджини обратила внимание на то, что в IX в. венецианцы продавали в Павии восточные ткани и другие товары в обмен на хлеб и вино²⁸⁹. Она предполагала, что такой обмен мог вестись и в византийскую эпоху. Если считать, что экзархат и Пентаполь Морской в массовых масштабах вывозили в Византию продукты сельского хозяйства, то такой вариант возможен. Однако объем импорта в византийские области вряд ли мог быть значительным. В основном лангобарды рассчитывались с жителями Эмилии-Романьи звонкой монетой, в которой, в условиях более развитого, чем в Лангобардском королевстве, денежного хозяйства, здесь ощущалась и большая нужда. Интенсивность торговых контактов Византийской и Лангобардской Италии постепенно возрастала, свидетельство чему — установление весового паритета между лангобардской монетой и равеннскими солидами — «манкозами», а затем и заключение договора 715 г. Последнее, впрочем, объяснялось не столько развитием товарного хозяйства в византийской зоне, сколько политическими обстоятельствами: более длительными, чем вначале, мирными передышками, христианизацией лангобардов, а также внутренней стабилизацией Лангобардского королевства.

В целом же в торговых контактах Северо-Востока Византийской Италии основную роль играла внешняя морская торговля с другими районами империи. Вероятно, начавшиеся с конца VII в. трения между Равенной и Константинополем привели к ослаблению торговых связей. Сложные политические коллизии VIII в., конечно, должны были также отрицательно сказаться на них. В 710 г., во время восстания в Равенне, в небольшой гавани вблизи города пришвартовался корабль из столицы. Группа моряков во главе с капитаном отправилась на берег за пресной водой и была захвачена равеннца-

ми. Изумленный капитан долго не мог понять, куда он попал и чего от него хотят²⁹⁰. В начале VIII в. могло статься, следовательно, чтобы моряки из Константинополя случайно приблизились к Равенне, не имея представления, что рядом находится такой крупный город. В это же время торговля с лангобардами, напротив, несколько интенсифицировалась. Однако внешняя торговля слабо влияла на состояние внутреннего рынка в экзархате и Пентаполях. В сфере византийско-итальянской коммерции она сильнее воздействовала на деревню, чем на город, так как была основана на экспорте продуктов сельского хозяйства. Для торговли с лангобардами города адриатического побережья сами были прежде всего перевалочными базами на пути в собственно Византию. Контакты между отдельными регионами Византийской Италии не были активными. Внутренний рынок, даже в крупных городах (в самой Равенне), постоянно сужался вследствие падения спроса. Таким образом, на протяжении VI–VIII вв. торговля в Равеннском экзархате и Пентаполях постепенно шла к упадку, который окончательно наступил после разрыва связей с Востоком²⁹¹.

Для исследования ремесла и торговли в период перехода от древности к Средневековью особенно важен вопрос об их организации. В позднеримскую эпоху городские ремесленники и купцы (в частности, в Италии) группировались в особые коллегии, имевшие определенный юридический статус и четкую иерархическую структуру. Их деятельность была жестко регламентирована, членство в них было наследственным, а работа членов коллегий представляла собой государственную обязанность («*functio*», «*munus*», «*necessitas*», «*obsequium*»). Анализ проявлений сходства и отличия от этой античной схемы в организации ремесленной и торговой деятельности в ранне-средневековом городе позволяет судить о стадии его развития.

Во времена Поздней империи торговля и ремесло в городах будущего экзархата и Пентаполей были организованы по общеантичному стереотипу. Лица всех профессий, указанных в Приложении в таблице 5, были членами соответствующих коллегий. Сохранилось ли коллегиальное устройство в городах Восточной Италии во времена господства Византии? Сам термин «*collegia*» в местных источниках

ни разу не упоминается. Не встречается и его синоним — «*corpus*». Более того, памятник VII в. — «*Summa Perusina*» — явно избегает этой терминологии. В конспекте одной из статей Кодекса Юстиниана слово «*collegia*» заменяется на «*faber*», здесь, видимо, — «ремесленник» в широком значении термина²⁹². В той же статье вместо «*corpus pavicularium*» значитится просто «*alii pavicularii*». Это, однако, не значит, что ремесло и торговля в Византийской Италии приобрели индивидуальный неорганизованный характер. «*Alii pavicularii*», по «*Summa Perusina*», наследуют имущество своего умершего товарища, следовательно, какими-то узами они были с ним связаны. Как указывалось выше, в конце VI в. действовала государственная почтовая и извозная служба, которой ведали навклиры. Для занятия ремеслом навклира требовалось специальное разрешение — «*licentia navigandi*»²⁹³. Корпорация навикюляриев существовала в Равенне еще в остготское время²⁹⁴ и вполне могла пережить падение Королевства остготов. Несомненен коллективный характер ремесла строителей. При постройке храма Сант Аполлинаре ин Классе работами руководил «*archiergatus id est princeps operarii*»²⁹⁵. Это сочетание напоминает названия должностей руководителей римских коллегий типа «*princeps pistorum*»²⁹⁶. Равеннский красильщик в одном из папирусов назван «*tinctor publicus*» (Tjäder 4–5, 13, IV) — прямое указание на принадлежность к государственной корпорации. Этому есть римская параллель. Григорий Великий, используя термин «*ags*», говорит о корпорации красильщиков в одном из «Диалогов»²⁹⁷. Весьма вероятно наличие организованного сапожного ремесла в Поле в Истрии (см. выше). Папа Григорий I отмечал существование в Неаполе корпорации мыловаров со своим уставом и четкими правилами вступления²⁹⁸. Он же упоминает об «*ags pistorum*» в Риме²⁹⁹. В Равенне, как мы помним, жили и мыловары, и булочники («*pistores*»), которые также могли иметь свои объединения.

Официальный характер деятельности ремесленника или торговца в условиях Римской или Византийской империи автоматически влек за собой принадлежность к соответствующей государственной корпорации. Поэтому хороший материал для исследования организации ремесла и торговли в Византийской Италии представляют собой сведения о титулатуре. В источниках зафиксирован целый ряд разнообразных титулов, чаще всего — «*vir clarissimus*», «*vir devotus*», «*vir honestus*», «*vir strenuus*».

В числе «*virī clarissimi*» встречаются государственные чиновники (Tjäder 4–5, 16, 20, 22) и представители верхушки торгово-ремесленного населения (шелкоторговцы, аргентарии — Tjäder 4–5, 6). Как известно, титул «*vir clarissimus*» имел вполне официальный характер и присваивался чиновникам третьего ранга (выше «*clarissimi*» стояли «*spectabiles*» и «*illustres*») ³⁰⁰. Тот факт, что его носили некоторые купцы, показывает, что их деятельность имела публичный характер, и государство рассматривало их как официальных лиц ³⁰¹.

В числе носителей титула «*vir devotus*» — чиновники и воины (Tjäder 4–5, 6, 7 etc.), купцы (Tjäder 4–5). Как показал в специальной монографии П. Конти, «*virī devoti*» считались лица, находящиеся в особых отношениях с государством, основанных на «*devotio*» (обязательство в верности), прежде всего военные и чиновники ³⁰². Конти, знакомый с равенскими папирусами, считает наличие этого титула у некоторых равенских шелкоторговцев свидетельством их принадлежности к государственной корпорации ³⁰³. Этот вывод можно распространить и на прочих носителей титула «*vir devotus*» из числа ремесленников и купечества.

Несколько сложнее обстоит дело с титулами «*vir honestus*» и «*vir strenuus*». Их носят ремесленники (Tjäder 4–5, 14–15), купцы (Tjäder 4–5, 20, 25), мелкие чиновники (например, писцы, — Tjäder 4–5, 6, 20). Титул «*vir honestus*» в чистом виде в законодательстве не встречается. Тем не менее он был вполне официальным. Так, супруга лица в ранге «*clarissimus*» именовалась «*honesta femina*» ³⁰⁴. Первое упоминание о титуле «*honestus*» относится к IV в. ³⁰⁵ Впрочем, еще раньше члены некоторых ремесленных коллегий в Риме называли себя «*honestissimi*» ³⁰⁶. Как самоназвание употреблялось и слово «*strenui*» ³⁰⁷. В качестве титула термин «*vir strenuus*» определенно используется лишь в равенских папирусах. Кроме того, существует надпись VI в. из района Комакьо, сообщающая, что на этом месте похоронен «*Laurentius v. s.*». Местный краевед К. Канту расшифровал сокращение «*v. s.*» как «*venerabilis sacerdos*», что малоубедительно ³⁰⁸. Сочетание «*venerabilis sacerdos*» не было широко распространенным и не носило официального характера, поэтому его вряд ли бы стали сокращать. Обычный в Италии почетный предикат имени священнослужителя — «*vir reverendus*» (Tjäder 29, 33, 34). В то же время инициалы «*v. s.*» — общепринятая аббревиатура титула «*vir strenuus*», который, вероятно, ими и обозначен. Немецкий иссле-

дователь П. Кох считал, что титул «*vir sirenuus*» применялся так же, как «*vir laudabilis*»³⁰⁹. Но в памятниках Эмилии-Романьи титул «*vir laudabilis*» относится исключительно к куриалам (Tjäder 4–5, 7) и исчезает с исчезновением информации о курии.

В конце прошлого века немецкий правовед В. Либенам предположил, что «*honestus*» и «*strenuus*» — титулы членов ремесленных коллегий³¹⁰. С этой точкой зрения согласились и другие историки (например, А. Зольми, Дж. Монти³¹¹). Однако она нуждается в значительной корректировке. Отметим, что все носители титула «*vir strenuus*», профессии которых нам известны, имеют отношение к низшей государственной администрации. Среди них — *executor* (Tjäder 49), *adjutor numerariorum* (Tjäder 47–48 A), *stratores* (Tjäder 47–48 A). (Два примера — остготского времени.) В папирусе Tjäder 20 фигурирует бывший служащий налогового ведомства (*exepodecta*), сохранивший почетный титул «*vir strenuus*». В папирусе Tjäder 6 назван *Johannis vir strenuus, filius quondam Januari praefectiani*, т. е. носитель титула являлся сыном чиновника из префектуры претория. Резонно предположить, что титул *vir strenuus* носили в Италии мелкие государственные служащие. Они оставляли его за собой по выходе в отставку (Tjäder 20), передавали по наследству (Tjäder 6). Поэтому носители титула «*vir strenuus*», профессия которых не обозначена в источниках, — это люди, принадлежавшие к чиновничьей среде по происхождению, хотя, может быть, и не состоящие на службе. Среди них могли, вероятно, быть ремесленники и торговцы, но основанием для получения титула являлись вовсе не эти их занятия.

Иное дело — титул «*vir honestus*». В числе его носителей — немало купцов и ремесленников разных профессий (Tjäder 4–5, 6, 14–15, 33 etc.). Но и он практически имел более широкое применение (ср. писцы, упоминавшаяся «*honesta femina*» и др.). В связи с этим английский медиевист Т. С. Браун высказал мнение, что титул «*vir honestus*» принадлежал всем лицам, наделенным полной правоспособностью, которые не имели официального звания или должности³¹². С данной точкой зрения трудно согласиться. Среди *virī honesti* встречаются люди, несомненно состоящие на государственной службе (напр., *collectarius* — налоговый сборщик, Tjäder 6, 36). Вместе с тем далеко не все полноправные граждане носили этот или какой-либо иной титул. Так, многие писцы, готовившие деловые документы в курии, не имели никакого почетного предиката (Tjäder 13,17 etc.).

Другие же писцы, напротив, носили титул *vir honestus* как в византийскую эпоху (Tjäder 37), так и ранее, при остготах (Tjäder 29, 31). В 557 г. в г. Риети куриалы в большинстве своем были *virii honesti* (Tjäder 7). В середине VII в. в Равенне дарственную грамоту подписал *vir honestus*, принадлежавший к какой-то корпорации («schola», Tjäder 24)³¹³. Резонно предположить, что титул «*vir honestus*», как и прочие титулы, присваивался людям, выполнявшим государственные обязанности (*munus*). Если это были ремесленники и купцы, то они являлись членами официальных корпораций, находившихся под государственным контролем. При этом носителями титулов являлись лишь полноправные члены коллегий, «мастера», а не помощники (*adjutores*) и ученики (потому не все писцы имели такое звание).

Немецкий историк П. Кох, соглашаясь с тем, что среди «*virii honesti*» и «*virii strenui*» встречались ремесленники, не считал эти титулы официальными, полагая, что это были просто «почетные обращения»³¹⁴. Вряд ли это правильно. Скажем, в числе аргентариев имелись «*virii honesti*» и «*virii clarissimi*» (Tjäder 4–5, В V–VI). Второй титул, бесспорно, официальный. Получение титула «*clarissimus*» было в этом случае для аргентариев этапом карьеры, сходной с карьерой чиновника или военного. Может быть, прав был А. Зольми, утверждавший, что эти титулы постепенно трансформировались в почетные наименования³¹⁵, однако и в более поздний период они соответствующим образом характеризовали социальное положение их носителей³¹⁶. Что же касается начального периода византийского господства в Италии (VI — начало VII вв.), к которому относится большинство упоминаний о титулах, то в применении к купцам и ремесленникам они отмечали принадлежность к государственным корпорациям, а в целом — отправление тех или иных публично-правовых функций.

Если сказанное верно, то следует признать, что в первое столетие византийского владычества в Восточной Италии сохранилась корпоративная организация торговли и ремесла. Почему же тогда историки избегают терминов «*collegia*» и «*corpus*»³¹⁷? Можно предположить, что в Италии объединения купцов и ремесленников назывались иначе, а может быть, были и иначе организованы. Основание для такого предположения дают материалы о так называемых «*scholae*». В Равенне в раннее Средневековье существовала корпорация писцов, именовавшаяся «*schola forensium*» (Tjäder 24). В местных источни-

ках упоминается также «schola gresca» (Tjäder 35), которая имелась еще в Неаполе³¹⁸. Имелись в Равенне «schola armatura» (Tjäder 27) и «schola gentilium» (Tjäder 24). В Риме «schola» называлось объединение церковных нотариусов³¹⁹, здесь же — существовала «schola defensorum» (видимо, церковных дефензоров). С VII в. «scholae» исчезают со страниц источников и вновь появляются лишь в IX–X вв. В то время в Равенне функционировала «schola piscatorum» (рыбаков)³²⁰. В собрании М. Фантуцци опубликованы два близких по времени документа (953 и 954 гг.), в которых упомянута «schola negotiatorum»³²¹. От 1002 г. дошло известие о «schola massellatorum» (мясников)³²². Л. М. Гартманн собрал сведения о наличии корпораций с названием «schola» в Риме. Так, в 1030 г. зафиксирована «schola» огородников, имелись «schola militiae», «schola palatinorum» (чиновников папской курии)³²³. При папе Льве III (795–816) здесь существовали «scholae peregrinorum», объединявшие проживавших в городе иноземцев (франков, фризов, саксов, лангобардов)³²⁴. Они предлагали приют и помощь приезжавшим в Рим соотечественникам³²⁵. В IX в. в Венеции была schola Архангела Михаила — объединение прихожан для поддержания в порядке одноименного храма³²⁶. В X в. в Модене в «schola» были организованы священники³²⁷.

Что же такое «schola»? Первоначально этот термин применялся как название помещения, где собиралась на общие заседания ремесленная коллегия, а затем для обозначения самих этих заседаний³²⁸. Со временем так стали иногда называть в Италии и сами коллегии. Античная эпиграфика дает много примеров такого рода³²⁹. С другой стороны, в Восточной Римской империи в «scholae» объединялись чиновники одной специальности³³⁰. Существовали военные формирования с названием «scholae». Последнее обстоятельство дало основание А. Зольми заявить, что появление профессиональных объединений типа «scholae» в Италии — результат инициативы византийского правительства, воссоздавшего гражданские организации по образцу военных³³¹. С ним согласился Е. Родоканакки, заявивший, что (в Риме) «scholae militum» превратились в «scholae artium»³³². Для подобного вывода, однако, нет оснований, так как слово «scholae» как обозначение корпораций употреблялось в Италии задолго до этого. Несомненно в то же время, что в византийскую эпоху термин получил здесь более широкое распространение и прежде всего охватил часть мелкого чиновничества (писцов, дефензоров и т. п.). Что каса-

ются «*scholae armaturae*» и «*scholae gentiles*», то это, бесспорно, военные подразделения. В составе императорской дворцовой гвардии и на Западе, и на Востоке существовали *scholae armaturae* (привилегированные войска, получавшие более высокую плату; их трибуны приравнивались к «*comites primi ordinis*», а младшие командиры имели сенаторский ранг)³³³. Имелись и «*scholae gentiles*», варварские по составу³³⁴. Их нахождение в VI в. в Италии после падения империи (если это «*scholae*» западные) или вдали от особы императора (если «*scholae*» — восточные), в свою очередь, нуждается в объяснении, но к истории гражданских корпораций отношения не имеет. «*Schola gresca*» в Равенне и в Неаполе могла быть объединением живущих здесь греческих колонистов типа более поздних «*scholae peregrinorum*» в Риме³³⁵. Возможно и иное толкование, предложенное Удальцовой: «*schola gresca*» — корпорация врачей греческого происхождения, так как в равеннском папирусе Tjäder 35 встречается «*medicus scholae grescae*»³³⁶.

Имелись ли в Византийской Италии «*scholae*» ремесленников и торговцев? В более поздний период (IX–X вв.) их существование не вызывает сомнений. Поэтому ответ на данный вопрос, в сущности, связан с выяснением наличия или отсутствия континуитета между ранними и поздними «*scholae*». Проблема изучалась многими специалистами, причем если Вольпе, Гартманн, Джулиани³³⁷ настаивали на преемственности, то Монти, Лайхт, Крозара решительно ее отрицали³³⁸. По мнению автора настоящей монографии, континуитет наверняка следует признать по отношению к *schola* равеннских писцов. Последние на протяжении нескольких столетий сохраняют наименование «*forensis civitatis Ravennatis*», «*tabellio civitatis Ravennatis*» (Marini 99, 134 etc.), прямо указывающие на официальный публичный характер их деятельности. Показательна и непрерывная традиция делопроизводства, делящаяся с VI по X вв. и основанная на постоянной передаче делового опыта от старшего поколения писцов к младшему. Наличие хотя бы одной «*schola*», пусть и не ремесленной в полном смысле слова, пережившей «темные века», позволяет предполагать преемственность и в развитии иных объединений. Возможно, указание Агнелла на то, что в VIII в. в Равенну поступала рыба из Бадарено³³⁹, нужно совместить с известием о «*schola*» рыбаков Бадарено, существовавшей в X в. В остготское время существовала корпорация купцов — «*schola negotiatorum*», закупавшая хлеб

у населения городов³⁴⁰. Не от нее ли вела свое начало «schola negotiatorum» X в.? Если континуитет в развитии «scholae» имел место, то те объединения и ассоциации различных ремесленников и торговцев, о которых говорилось выше, и для которых источники не находят названия, видимо, и были «scholae». Автор «Summa Perusina» не мог вставить этот термин в свой конспект, так как «schola» — неофициальное название корпорации, и вносить его в текст свода законов было невозможно. Но дело, видимо, не только в термине. Само по себе слово «schola» удобно тем, что может обозначать любое объединение — по профессиональному или по этническому признаку, военное и гражданское, церковное и светское и т. п. Оно способно скрыть от посторонних глаз эволюцию, которую претерпевает обозначаемое им учреждение. «Scholae» VI в. имели иерархическое устройство и собственный управленческий аппарат (имелись «primicerius», «secundicerius», «sacellarius», «arcarius»)³⁴¹, полноправный член schola имел помощника — (adjutor, Tjäder 6). Такая организация соответствовала принципам устройства коллегии³⁴², которой, в сущности, и являлась «schola». Совершенно иначе выглядит структура поздних «scholae». Например, «schola piscatorum» — рыбаков, по-видимому, не имеет внутренней иерархии, и под официальным документом все рыбаки подписываются как ее равноправные члены. Принадлежность к ней не носит обязательного характера: договор предусматривает продление на время жизни тех детей и внуков рыбаков Бадарено, которые пожелают заниматься ремеслом отцов³⁴³. В «scholae» мясников и купцов имелся глава — «capitularius»³⁴⁴. Такой магистрат отсутствовал в античных коллегиях, но в остготское время так именовались чиновники, доставлявшие провизию к королевскому столу³⁴⁵. Может быть, принятие главой «schola» данного наименования отражало факт близкого взаимодействия этих «scholae» с государственными учреждениями во времена остготов. Иными словами, к IX–X вв. организация «scholae» была разнообразной и отличной от организации коллегий. Это могло быть следствием длительного развития, свободного от государственной власти империи, и выразилось, в частности, в ослаблении, а затем и прекращении государственного руководства торговлей и ремеслом.

Выше говорилось о ремеслах, которые фактически попали в зависимость от Церкви, видимо, вместе с соответствующими «collegiae» или «scholae». К таким «scholae» можно с уверенностью доба-

вить корпорацию писцов, так как куриальное делопроизводство перешло в ведение архиепископии. То же можно сказать и о рыбаках. Рыбаки Бадарено в 943 г. возобновили неравноправный договор с архиепископом, так как земли по берегам реки принадлежали Церкви³⁴⁶. По условиям договора, рыболовы были обязаны обеспечить рыбой стол архиепископа (имеется в виду, конечно, весь аппарат архиепископии) и доставлять ему дополнительно наиболее ценную пойманную рыбу (крупных осетровых). Свободно продавать рыбаки имели право лишь ту рыбу, на которую архиепископ не предъявлял спроса. «Schola piscatorum» явно попала в зависимость от Церкви.

Итак, организация ремесленной и торговой деятельности прошла за два столетия византийского владычества в Восточной Италии длительный путь от государственных корпораций позднеантичного типа до частично свободных, частично зависимых от Церкви, разнообразных по устройству объединений ремесленников и купцов. Эти объединения резко отличались от распространенных в самой Византии коллегий, с их четкой внутренней структурой, определенным правовым статусом, иерархическим устройством и жесткой государственной регламентацией всей деятельности. Поздние «scholae» Италии как формы организации торговли и ремесла были продуктом процессов феодализации страны и упадка товарного хозяйства. Громоздкие и консервативные античные коллегии сменились объединениями более слабыми, но и более гибкими, в большей мере соответствовавшими средневековым принципам производства.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Городское население Восточной Италии в VI–VIII вв., естественно, не было однородным. Интересная информация по этому поводу содержится в письмах Григория Великого и в «Книге понтификов» Агнелла.

Григорий часто адресует письма «clero et plebi» того или иного города³⁴⁷. В его переписке встречаются выражения типа «clerus vel cives»³⁴⁸, «clerus et plebs»³⁴⁹, «clerus plebsque»³⁵⁰. Во всех этих случаях слово «plebs» покрывает все городское население. Однажды, в

сочетании «de clero et populo» в том же значении папа употребляет слово «populus»³⁵¹. Параллель такому словоупотреблению мы находим у Агнелла. Так, слово «plebs» в смысле «весь народ» встречается в рассказе о возведении в сан архиепископа Иоанна³⁵², в биографии св. Дамиана имеется сочетание «sacerdotes et populus»³⁵³, в другом месте — «sacerdotes et plebs»³⁵⁴ и т. д. Что касается слова «plebs», то такое его употребление соответствует значению «паства». Известно, что церковный приход назывался в это время «plebs»³⁵⁵. Термин же «populus» должен был превратиться в синоним «plebs» в эпоху упадка курии, так как слово «populus» традиционно означало «народ» в отличие от «сената» (ср. «senatus populusque romanus»).

В то же время оба эти термина имели и иное, более узкое значение. Так, Агнелл говорит о «plebs», угнетаемом со стороны «principes» и «potestates»³⁵⁶. Он же, в другом месте, упоминает «majores et populus»³⁵⁷. Очень интересно обращение Григория I к жителям Равенны: «Sacerdotibus, levitis, ducibus, nobilibus, clericis, monachis, militibus, militantibus et populo in Ravenna civitate consistentibus»³⁵⁸. Оно дает возможность выяснить, какие категории населения не входили в понятие «populus» в узком смысле слова. В него не включались представители духовенства, военные, высшие чиновники («duces»), знать. Иными словами, слово «populus» обнимало все непривилегированные слои населения города. Этот вывод позволяет продолжить терминологические сопоставления.

Агнелл пишет, что архиепископа Петра IV любили не только «maiores», но и «pusilli»³⁵⁹. Ниже он говорит о появлении экзарха «cum maioribus et coetu populo»³⁶⁰. Исключив из обоих выражений «maiores», получаем «pusilli», равнозначное «populus». С другой стороны, «majores» должны были включать в себя все остальные категории населения, перечисленные в цитированном письме Григория Великого (формально — кроме духовенства). Часть из них считалась «nobiles» (за вычетом военных и чиновников). Подтверждение этому дает Агнелл, когда сообщает об аресте равеннских «nobiles» в ходе карательной экспедиции императора Юстиниана II³⁶¹. Разумеется, репрессии должны были затронуть оппозиционную местную знать, а не византийских официалов. Ключ к пониманию термина лежит, вероятно, в употреблении Агнеллом сочетания «majores natu» как синонима «nobiles»³⁶², т. е. нобили воспринимались как «знать по происхождению», старая местная знать. Их же именует Агнелл «proceres

отпес» — «первенствующие», «выдающиеся»³⁶³. Естественно, их высокое положение в обществе определялось прежде всего материальным благосостоянием. Сам Агнелл, предок которого Иоанний был «nobillissimus ortus natalibus»³⁶⁴, был одним из богатейших людей города. В середине VIII в. огромная сумма золота была распределена архиепископией «inter nobilissimis viros»³⁶⁵. Среди крупнейших земельных собственников Италии фигурируют Валерия, «nobilissima femina» (БК 163), «vir nobilis» (БК 26) и т. д. По-видимому, этих «nobiles» можно соотнести с «illustres» в сообщении Агнелла об их участии в кулачных боях между жителями двух равенских районов наряду с «homines»³⁶⁶. Представители византийской администрации вряд ли участвовали в побоищах как в связи со своим официальным положением, так и потому, что традиционные местные свары были далеки от их интересов. В этом случае «homines», вероятно, то же, что и «plebs» — непривилегированные слои местного населения. Для обозначения представителей власти кроме официальных наименований в обиходе употреблялись такие термины, как «principes» и «potestates». Например, Агнелл критикует епископов, подкупающих «principes» и «potestates», с тем чтобы вместе с ними угнетать «plebs»³⁶⁷. В этом, наиболее широком, смысле слова применяется иногда и термин «nobiles» у Григория Великого. Например, говорится о префекте Равенны и других «nobiles» этого города³⁶⁸. В число «nobiles» здесь включены, следовательно, и государственные чиновники. В других источниках встречается понятие «nobiles iudices», прямо относящееся к официалам³⁶⁹. Расширение содержания понятия «nobiles» облегчалось, конечно, наличием в византийской титулатуре официальных титулов «nobilis» и «nobilissimus»³⁷⁰. Нобилиям противостояли «ignobiles» — «незнатные»³⁷¹. Их следует отождествлять с «plebs», «populus», «homines». Неверно было бы считать, что эта последняя категория населения воспринималась авторами источников как совершенно однородная. Агнелл делит «homines» на «mediocres et parvuli»³⁷². «Mediocres», в частности, находились в числе репрессированных при Юстиниане II³⁷³.

Проведенный терминологический обзор позволяет подвести некоторые итоги и отразить их в специальной таблице (см. таблицу 6 в Приложениях).

Конечно, исследование социальной стратификации населения на этом нельзя считать законченным. Необходимо попытаться выяснить

реальное содержание используемых в источниках социологических терминов. Более или менее ясен вопрос с «*potestates*» — как уже говорилось, таким образом обозначались государственные чиновники. Вместе с тем можно предполагать, что низшие категории служащих не включались в этот слой городского населения. На эту мысль, наряду с соображениями общего порядка, наводит цитированное обращение к жителям Равенны Григория Великого, где из числа представителей смешанной военно-гражданской власти названы лишь «*duces*». Так как в самой Равенне в это время не было чиновников, официально занимающих такую должность, термин «*duces*» следует воспринимать как собирательное наименование чиновничества, но, разумеется, высшего.

Принадлежность к господствующему социальному слою представителей местной знати формально определялась происхождением, но в основе этой дефиниции лежали материальные обстоятельства. Как уже указывалось, многие равеннские нобили были очень богаты, о чем прямо свидетельствуют источники. Григорий Великий в одном из писем говорит о «*consilium pobilium et pauperum*» в Равенне, то есть проводит стратификацию одновременно по принципу знатности и богатства³⁷⁴. Все непривилегированное население трактуется как «бедные» независимо от имущественных градаций, так как оно было, во всяком случае, беднее нобилитета. Высший слой плебса — это «*mediocres*». Показательно упоминавшееся выше место «Книги понтификов» о притеснениях плебса со стороны «*potestates*». Эти подкупленные чиновники чинят несправедливости по отношению к социальным низам. «*Nobiles*», даже если сами не принадлежат к «*potestates*», от притеснений не страдают. В основе этого лежат, естественно, отношения собственности. Весьма значительную часть равеннских нобилей составляли собственники земли. Однако вряд ли можно считать, что принадлежность к высшему социальному слою была их монополией. Ведь в среде торгово-ремесленного населения встречались люди сказочно богатые. Аргентарий Юлиан был способен пожертвовать на строительство одной только церкви 26 000 солидов³⁷⁵. Источники не сохранили сведений о каком-либо земельном собственнике, располагавшем такими деньгами. Между тем аргентариев, шелкоторговцев, меховщиков, навклиров, других купцов было в Равенне немало. Следует помнить, что, по крайней мере в первом столетии византийского господства, они были объединены в официальные корпорации и их деятельность при-

равнивалась к государственной службе. В этом отношении они стояли на одном уровне с чиновниками, а принадлежность последних к нобилитету определялась уже их местом на служебной лестнице. Купцы и ремесленники носили официальные титулы, наиболее влиятельные — титул «*clarissimus*». Таким титулом сенаторского ранга не могли похвастаться многие собственники земли. Наконец, как было показано в предшествующей главе, определенная часть торговцев и ремесленников в византийский период располагала крупными земельными имениями, собственными или арендованными, и в этом случае окончательно сливалась со слоем «*possessores*».

Все сказанное дает основание считать, что верхушка торгово-ремесленного населения Равенны принадлежала к высшему слою горожан — нобилитету³⁷⁶.

Весьма неоднородным по составу было равеннское духовенство. Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты по вопросу о распределении церковных имуществ, потрясавшие равеннскую архиепископию на протяжении V–IX вв. Для того чтобы провести разграничительную линию между высшей и низшей прослойками священнослужителей, удобно проанализировать состав подписей на договоре, заключенном между архиепископией и клиром в последней трети VII в. и завершившем очередное их столкновение³⁷⁷. Как мы помним, клирики требовали правильной выплаты церковной «кварты», которую присвоил архиепископ. Обе стороны направили в Рим делегации для арбитража. В состав посольства архиепископа, судя по подписям его участников, входили 6 пресвитеров, 6 диаконов, 4 субдиакона, 5 аколитов, 5 чтецов, 4 дефензора, 3 певчих. Посольство противников архиепископии состояло из 4 пресвитеров, 4 диаконов, 1 субдиакона, 7 аколитов, 6 чтецов, 1 келаря, 2 деканов. Заметно, что представителей первых трех названных категорий духовных лиц больше в составе посольства архиепископа, остальных — среди посланцев восставшего клира. Следует иметь в виду, что мятежный клир направил в Рим, разумеется, наиболее влиятельных своих представителей. Таким образом, водораздел в среде духовенства проходил примерно по прослойке субдиаконов: те, кто выше, относились к священнослужителям относительно высокого ранга, те, кто ниже — к низшим.

Не было равенства и в среде монахов. Настоятели монастырей³⁷⁸, экононы³⁷⁹, принявшие постриг представители знати (БК 11, 10, 110, 155) резко отделялись от массы монашества. Многие из них

в византийский период и позднее сохраняли или арендовали крупные земельные имения (БК 11, 21, 45, 110 etc.), в чем им не уступали представители белого духовенства (БК 56, 50, 52, 66, 67, 85 etc.). Хотя современные источники рассматривают духовенство как компактную социальную группу, есть все основания отнести представителей его верхушки (высший клир, часть монашества и чиновников аппарата архиепископии) к числу «majores» или «optimates» (см. таблицу 6), тем более что, как правило, этому соответствовало и их происхождение.

В VI — начале VII вв. в Равенне еще сохранялись куриалы. Входили ли они в состав нобилитета? Ответ на этом вопрос дают два письма Григория Великого, адресованные, правда, не в Равенну, а в Неаполь. Папа направляет эти послания «clero, nobilibus, ordini et plebi»³⁸⁰. Таким образом, куриалы («ordo») исключались из состава «nobiles», что лишний раз свидетельствует о глубоком упадке курии. Исчезновение сословия куриалов к концу VII в. должно было представлять собой их растворение в составе «plebs».

Определив примерный состав «nobiles», можно считать, что остальная часть населения — plebs, populus, ignobiles и т. д. — включала в себя средние и низшие слои торговцев и ремесленников, куриалов, живших своим трудом мелких земельных собственников, служилые низы, пауперов³⁸¹. Объективно к ней принадлежало и низшее духовенство.

Несколько слов необходимо сказать о челяди. В основном, ее представители исполняли функции прислуги в богатых домах. Одним из таких слуг был «раб по имени Проект», полученный по завещанию молодым аристократом Стефаном (Tjäder 8). В этом же завещании упомянута служанка — рабыня (ancilla) Ранигильда. Когда к равеннскому архидиакону Феодору пришел гость, ворота, в ответ на его стук, открыли рабы³⁸². У богатейших представителей знати familia могла быть весьма многочисленной (как, например, у Агнелла, которому его рабы построили каменный дом)³⁸³. Возможно, труд рабов применялся в ремесленных мастерских, особенно на первом этапе византийского господства. Вряд ли, однако, он использовался широко, так как никаких свидетельств этого не сохранилось. Вследствие своего рабского состояния челядь, естественно, не входила в «populus». Вместе с тем в процессе перерождения античного общества в средневековое действительное положение членов

«familia urbana» приближалось к положению других категорий зависимых и свободных городских бедняков. (Дом Агнелла строят рабы, церковь Св. Аполлинария подновляют отбывающие «angaria» свободные.)

Прослойку «mediocres» в среде «populus» могла составлять часть земельных собственников, ремесленников и торговцев. Однако положение ее представителей нельзя считать прочным. Общая тенденция экономического развития региона вела к развитию крупной земельной собственности, а значит, и к исчезновению мелкой, к натурализации хозяйства, к разрушению ремесленных корпораций, сокращению торговых оборотов, падению спроса на изделия ремесла. В городе, как и в деревне, совершалась поляризация населения уже на новых, феодальных началах. Крайне спорадические упоминания о «mediocres» в Равенне (всего два известия) указывают на незначительность этой социальной прослойки, имевшей, по-видимому, тенденцию к исчезновению. Кроме того, говоря о *mediocres*, следует иметь в виду, что вряд ли это наименование воспринималось в Византийской Италии как обозначение компактной общественной группы. Это — не столько социологический термин, сколько лишь самое общее определение людей «среднего» положения и достатка, в сущности — зажиточной части плебса. Отметим в этой связи, что доиндустриальные общества в принципе не обеспечивают существования стабильного среднего класса.

Рассмотренный материал источников позволяет составить социальную стратификацию городского населения Равеннского экзархата и Пентаполей. Следует, однако, учесть опыт предшествующих попыток такого рода. Из существующих стратификаций населения Византийской Италии две, принадлежащие А. Гийу и А. Вазине, непосредственно относятся к городам Равеннского экзархата. Кроме них существует стратификация Ф. Дельгера, относимая автором к ранневизантийскому городу вообще, но построенная в основном на равеннском материале и покрывающая Восточную Италию, общеталланская стратификация Т. С. Брауна, охватывающая как городское, так и сельское население.

Схема А. Гийу характеризует только господствующие слои населения городов. Французский историк считает, что социальная история экзархата и Пентаполя Морского делится на два периода: в течение первого (VI в.) господствующий класс состоит из крупных

земельных собственников — латифундистов и богатых ремесленников; в продолжение второго (VII–VIII вв.) существуют два господствующих слоя — военные («*exercitus*») и духовенство³⁸⁴. Бесспорная положительная черта предлагаемой Гийу схемы состоит в ее динамичности, в том, что она рассматривает социальную структуру в ее развитии. Вместе с тем она не может не вызвать возражений. Для VI в. мало кого из земельных собственников, даже крупных, можно назвать латифундистами. Непонятно, почему высшее духовенство не включается автором в этот период в состав господствующего класса. Странно отсутствие в его составе византийских чиновников и военных, тем более что в это время они еще представляли собой компактную группу населения. Если Гийу не замечает их потому, что не считает органической частью населения Италии, то ведь и наиболее богатые торговцы этого региона были людьми неместного происхождения.

В классификации VII–VIII вв. вызывает возражение определение основной части господствующего класса как «войска». Данная дефиниция лишена экономического содержания, в отличие от прочих, используемых А. Гийу в этой же классификационной системе. Наконец, для полноты картины необходимо выяснить и состав низших слоев населения, которого А. Гийу не дает. В стратификации Гийу верно расставлен ряд акцентов (усиление Церкви в VII–VIII вв., превращение земельных собственников VI в. в византийских официалов, в первую очередь в военных, в продолжение VII в.), однако в целом ее трудно признать удовлетворительной.

Итальянский исследователь А. Вазина предлагает свою систему социальных стратов: «*cives illustres*» (земельные собственники и знать как местного, так и византийского происхождения); «*mediocres*» (торговая, ремесленная и деловая городская буржуазия); «*paguli*» (остальное городское население)³⁸⁵.

Эта стратификация выглядит предпочтительней, чем у Гийу: она более полная, в ней сделана попытка связать выявленные историками реально существовавшие социальные прослойки с терминологией источников. Однако, как уже говорилось, маловероятно, чтобы в состав высшего слоя («*cives illustres*») входили только чиновники и собственники земли, а торгово-ремесленное население покрывалось словом «*mediocres*». Термин «*paguli*» вовсе не раскрыт. По-видимому, главный порок классификации Вазины (присущий, впрочем,

также и Т. С. Брауну, см. ниже) — стремление включить ту или иную прослойку населения целиком в состав найденной по источникам социальной категории («*illustres*», «*mediocres*» и т. п.). В этом смысле средневековые авторы проявили большее историческое чутье: их социальное членение горизонтально — верхи (*nobiles*), средний слой (*mediocres*), низы (*parvuli*). Социальные группы, выделяемые современными историками, напротив, в основном соответствуют вертикальному делению общества: торговцы (от богатейшего купца до рыночного разносчика), чиновники (от писца до префекта претория), земельные собственники (от агеллария до латифундиста) и т. д. Эти группы в принципе не могут уложиться в схему, предлагаемую источниками.

Ф. Дельгер отказался от попытки выразить свою стратификацию в средневековых терминах. Он считает, что в состав населения ранневизантийского города входили гарнизон, чиновничество, клир, земельные собственники, обрабатывающие участки вблизи города, ремесленники, торговцы и челядь³⁸⁶. Как видим, перечень Ф. Дельгера очень полон, но все же это только перечень, а не стратификация. В системе Дельгера все прослойки населения равнозначны и самостоятельны. Автор не пытается выделить в составе населения господствующий слой и угнетаемые низы. Поэтому в целях социологического исследования использовать классификацию Дельгера затруднительно.

Несколько классификаций населения Византийской Италии предложил Т. С. Браун. Английский историк использовал исключительно термины, встречающиеся в источниках. По его мнению, стратификация населения по экономическому признаку будет выглядеть так: «*possessor, negotiator, conductor, colonus*»³⁸⁷. Возможны две равноценные стратификации по юридическим признакам: 1) высший слой — *honorati (honestiores)*, низший слой — *humiliores*; 2) высший слой — *honorati (honestiores)*, низший слой — *plebs*. К этим схемам Т. С. Браун стремится привязать ряд других терминов источников (*axiomatīci, proceres, primates, optimates*)³⁸⁸. Как видим, к методике Т. С. Брауна можно предъявить те же претензии, что и к методике А. Вазини: он не учитывает внутренней неоднородности общественных групп, определяемых источниками. Но, видимо, основной недостаток лежит в самом подходе к материалу: составление стратификации Т. Браун решает как задачу чисто источниковедческую, в то

время как по своей сути это задача социологическая. Цепочка терминов, взятых из документов, в лучшем случае может соответствовать представлению об общественных стратах жителя средневековой Италии. Реальная социальная структура выявляется на основе анализа всей совокупности данных источников, а не только терминологии.

Представляется, что более полная стратификация городского населения Равеннского экзархата и Пентаполей могла бы выглядеть следующим образом.

Высший класс населения города на первом этапе византийского господства (VI — начало VII вв.): крупные и средние земельные собственники местного происхождения (*nobiles, illustres* и т. д.), высшие слои духовенства и чиновничества (*potestates*), верхушка торгово-ремесленного населения. Объективно, к этому же классу принадлежали военные командиры регулярных византийских частей, базировавшихся в итальянских городах. На втором этапе византийского господства (VII–VIII вв.): постепенно консолидирующийся слой земельных собственников различного (как этнического, так и социального) происхождения, как правило, связанных с государственной (в первую очередь, военной) службой, высшее духовенство.

Средняя прослойка населения города в первый период состояла из куриалов, организованных в коллегии ремесленников и купцов, среднего и низшего духовенства, мелкого чиновничества, рядовых воинов. Во второй период исчезают сословие куриалов и ремесленные коллегии античного типа, постоянная регулярная армия. Социальное лицо средней прослойки населения неопределенно, и из ее состава рекрутируются как представители высшего, так и (главным образом) низшего слоя горожан.

Низший класс городского населения на протяжении всего византийского периода: мелкие собственники земли, самостоятельно обрабатывающие свои участки, не объединенные в корпорации ремесленные низы, челядь. Средний и низший слои городского населения (за исключением челяди) соответствуют понятиям «*propulus*» или «*plebs*». Особую общественную группу составляют пауперы (формально включавшиеся в *propulus*).

Следует иметь в виду, что низший класс в городе был относительно немногочисленен и в течение изучаемого периода сокращался. Причиной этого является протекавший на протяжении VII–VIII вв. про-

цесс дезурбанизации, который в значительно меньшей степени затрагивал высшие слои населения, жившие в городе, но эксплуатировавшие главным образом сельское население. Городские низы (как, впрочем, и верхи) эксплуатировались в основном государством посредством налоговой системы (лишь челядь угнеталась своими господами непосредственно).

ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В РАВЕННСКОМ ЭКЗАРХАТЕ И ПЕНТАПОЛЯХ

Представление о населенном пункте не может быть полным, если неизвестно количество его жителей. Письменные источники, к сожалению, не сообщают сведений о численности населения ни одного из городов изучаемой зоны. В этих условиях единственный возможный способ подсчета опирается на данные о площади территории города и специфике его застройки. Такая калькуляция проводилась для нескольких центров Восточной и Северной Италии разными историками, и полученные ими результаты сведены в таблицу 7 (см. Приложение).

Для сравнения следует добавить, что, по данным Дж. Рассела, численность населения Рима в VII–VIII вв. составляла около 30 тысяч человек³⁸⁹, по Р. Джервассо и Дж. Монтанелли — 40 тысяч человек³⁹⁰, по К. Белоху — менее 35 тысяч человек³⁹¹. В. Отс считал, что к началу VI в. в Риме проживало не более 2500 жителей³⁹², но такая низкая цифра маловероятна.

При использовании вышеприведенных данных нужно иметь в виду несовершенство методики подсчета. Во-первых, площадь города берется как пространство внутри стен, и следовательно, определяется численность жителей в момент их возведения. Вследствие этого не учитывается демографическая динамика (например, приток населения в византино-итальянские города в первые годы лангобардского нашествия³⁹³, последствия войн, эпидемий и неурожаяев, наконец, принципиально важный процесс сокращения численности городского населения по мере упадка городов). Во-вторых, примененный метод нейтрален к специфике того или иного населенного пункта. Например, *Brixellum* еще со времен античности был прежде всего крупной крепостью, и его обширная территория соответству-

ет не столько количеству постоянного населения, сколько численности воинского гарнизона³⁹⁴. То же можно сказать и о раннесредневековой Болонье³⁹⁵. В-третьих, разные исследователи исходят из различных представлений о плотности населения в городах — Милан по Белоху оказывается больше Рима по Расселу. Все же названные числовые показатели дают примерное представление о масштабах изучаемых населенных пунктов.

Некоторым, хотя и весьма слабым ориентиром при определении масштаба города служит терминология источников. Можно отметить, что словом «*urbs*», когда-то означавшим лишь один город — Рим, источники VI–VIII вв. называют несколько наиболее значительных городов. На территории экзархата и Пентаполей в их числе Равенна, Перуджа и (единственный раз) Имола (в тексте — древнее название «*Fogum Cornelii*»)³⁹⁶. Укажем для сравнения, что Григорий Великий именует словом «*urbs*», наряду с Равенной, только Рим³⁹⁷, Неаполь³⁹⁸ и Геную³⁹⁹. Для обозначения любого города, независимо от его размера, источники используют слово «*civitas*» (так иногда называют и большие города). Наконец, мелкое укрепленное поселение именуется «*oppidum*» или «*castrum*». Среди них — такие населенные пункты экзархата, как Луцеолы, Чезена, Червия и др.⁴⁰⁰

Иерархическое соотношение терминов «*urbs*», «*civitas*», «*oppidum*» или «*castrum*» в целом очевидно. К сожалению, конкретное использование каждого из них в источниках зависит от множества обстоятельств, не поддающихся учету, и потому данные термины не могут служить материалом для составления сколько-нибудь строгой типологии.

Сельские поселения Византийской Италии в изучаемый период отвечают основному распространенному здесь хозяйственному типу — мелкому парцеллярному хозяйству колона, либертина или раба на пекулии. А. Гийу показал, что эти поселения «соответствовали усилиям людей рассредоточиться вблизи первичных источников существования»⁴⁰¹, иными словами — непосредственно на обрабатываемых земельных участках или вблизи них. Такие поселения были очень невелики и часто сохранялись со времен античности. Многие из них традиционно именовались «*coloniae*». Папирус Tjäder 3 (см. таблицу 3) показывает, что в каждой *coloniae* в районе Падуи проживало от 1 до 4 семей колоннов. Л. Руджини отмечает, что собствен-

ность Равеннской церкви основывалась по большей части на *coloniae*, т. е. на эксплуатации земельных участков, обрабатываемых одной или двумя семьями колонов⁴⁰².

Как уже указывалось, наиболее распространенным типом сельского поселения в экзархате являлось *casale*. *Casale*, как правило, принадлежало тому или иному *fundus*. Например, в конце VII в. трибун Сергей арендовал *fundus Atilianus* и *casale* (БК 20), несколько раньше монахиня Теодата сняла *fundus Accianus* и *casale Jovis* (БК 21), некий Тевкарис арендовал *fundus Cellula et casale Peritulo* (БК 31). Немало ситуаций, когда в *fundus* входят несколько *casales*. К примеру, священник Северин с братом подарили Равеннской церкви *fundus Curdidianus cum casalibus suis* (БК 52), вдова по имени Агнелла арендовала в конце VII в. *fundus* неизвестного названия также «*cum casalibus suis*» (БК 23), группа знатных лиц из Римини получила в аренду *fundus Julianus cum casalibus et appendicis* (БК 67). В сер. VIII в. трибун Доминик арендовал *fundus Maracianus* с принадлежащими ему 20-ю *casales* (БК 25). Последний случай, конечно, уникален. *Casales* часто дробились при сделках, но никогда — более чем на три части (БК 13, 14, 53 etc.). (Так, напр., в грамоте БК 13 арендуется $\frac{4}{12}$ *fundus Marinionis* и $\frac{6}{12}$ *casale Galeriano*). Это позволяет думать, что по своим размерам они были слишком невелики, чтобы подвергаться более дробному делению. Вероятно, такое *casale*, а может быть, его часть, представляли собой две «*casa*» с двором, навесом, тремя колодцами и хозяйственными постройками, арендованные в начале IX в. в районе Озимо неким Иоаннацием (БК 131). Приводимые Дж. Расселом данные по другому району Италии (Кортенова) показывают, что в каждом из сельских поселений жило от 1 до 7 семей, или от 2 до 41 человека. Очевидно, что речь здесь идет именно о *casales*⁴⁰³.

Известно, однако, что сельское население Италии состояло не только из непосредственных производителей. Еще в первой трети VI в. готский король Аталарих призывал земельных собственников «оставить возделывание земли своим колонам» и вернуться в города⁴⁰⁴. Упадок городов в VII–VIII вв. должен был иметь одним из своих последствий переезд собственников земли на постоянное жительство в деревню. Процесс этот хорошо изучен на общеитальянском материале, и в западноевропейской медиевистике широко распространено мнение о возникновении в изучаемый период особого автаркичного

хозяйственного организма — поместья (*curtis*), сочетавшего в себе и аграрные, и ремесленные функции⁴⁰⁵. В источниках по византийской Восточной Италии слово «*curtis*» в этом значении не встречается, однако сам хозяйственный тип подобного поместья, вероятно, существовал. К нему можно отнести многочисленные отдельные *casae*, принадлежавшие крупным земельным собственникам и располагавшиеся в их владениях⁴⁰⁶. Такая *casa* входила в состав наследства знатного равеннца Стефана — собственника нескольких имений, городских домов, богатой движимости (Tjäder 7), имелась у видной аристократки (*spectabilis femina*) Марии, еще в конце V в. подарившей ее Равеннской церкви (Tjäder 12). В других случаях, конечно, слово «*casa*» могло обозначать просто «дом», хотя бы и деревенский (БК 138).

В *Placitum de Rignano* говорится об арендаторах государственных земель в Истрии, съехавшихся для подачи жалобы императору из 72 *civitates*⁴⁰⁷. Столько *civitates* — городов — в небольшой Истрии, разумеется, не было. Если правильно определено выше количество колонов фиска в Истрии (около 6000), то на каждый такой *civitas* приходится по 80–83 колона (глав семейств). Это число должно примерно соответствовать потребностям 12–13 *fundi* и еще большему количеству *casales*. Можно предположить, что словом «*civitas*» здесь обозначается «*casa*», «*curtis*», центр поместья, где проживал его арендатор. В Истрии, следовательно, одно такое помещицье подворье приходилось на 12–13 *fundi*. Распространение в Византийской Италии этого типа сельских поселений было свидетельством дезурбанизации и следствием феодализационных процессов. При этом сам термин «*curtis*» приходит в Романию из лангобардской Италии уже после падения византийского господства⁴⁰⁸.

Рассмотрение основных типов поселений в Восточной Италии VI–VIII вв. позволяет сделать вывод, что в этой сфере социальной действительности проявились черты переходности от античности к Средневековью. По сравнению с классическим периодом резко снижается численность населения городов. Одновременно более широко начинает применяться понятие «*urbs*», что, видимо, свидетельствует об определенных социально-психологических сдвигах: городской центр, малозначительный по меркам античности, воспринимается теперь как очень большой город. Главные типы сельских поселений — *colonia* и *casa* — унаследованы изучаемой эпохой от античной древности. Они сохраняются в раннесредневековый период, так как со-

ответствуют нуждам мелкого индивидуального хозяйства. Наряду с ними возникает новый тип поселения — усадьба земельного собственника, эксплуатирующего население окрестных *casales*. Но спорадичность и немногочисленность известий о таких усадьбах в сочетании с данными о проживании массы земельных собственников в городах позволяют считать, что новая форма поселения в византийскую эпоху находилась еще в стадии становления⁴⁰⁹.

Рассмотренный материал позволяет сформулировать следующие основные заключения.

Византийское завоевание застало города Восточной Италии на начальном этапе переходного периода от античности к Средневековью. Здесь сохранялись коллегиальная организация ремесла и торговли, муниципальное устройство, присущая поздней античности стратификация городского населения. Вместе с тем названные элементы древней городской структуры уже в это время находились в упадке и постепенно уходили из жизни.

На протяжении византийского периода истории региона их разложение продолжалось, и к моменту падения власти империи в экзархате и Пентаполях античные формы социальной организации горожан отошли в прошлое. Вместе с тем отдельные их компоненты («*urbs*» и «*suburbium*», объединения типа «*schola*» и т. п.) формально сохранились, но по существу трансформировались и приспособились к новым условиям. Это объясняется как реставраторской, консервативной политикой империи в Италии, так и прежде всего последовательным, не нарушаемым политическими или социальными катаклизмами развитием городов изучаемой зоны в течение двух столетий.

В эти годы в Восточной Италии протекал процесс дезурбанизации, выразившийся:

в постепенном сокращении ремесленного производства, исчезновении ряда ремесел, снижении уровня квалификации ремесленников;

в упадке внутреннего рынка и снижении активности внешней торговли (за исключением торговли с лангобардами);

в превращении значительной части горожан в собственников и арендаторов земли и их отказе от услуг рынка;

в сокращении численности городского населения.

Вместе с тем сохранение экзархата и Пентаполей в составе империи в некоторой степени активизировало городскую жизнь в этих областях, главным образом вследствие наличия достаточно прочных торговых связей Эмилии-Романьи с Константинополем и Востоком. Благодаря этому обстоятельству, а также непрерывной со времен античности традиции городского развития, упадок городов и торговли в Равеннском экзархате и Пентаполях не был столь глубоким, как в Лангобардской Италии.

Влияние Византии на города Равеннского экзархата и Пентаполей сказалось также на социальной стратификации их населения: дополнило ее византийскими военными и чиновниками, определило исключительно высокий общественный статус верхушки купечества; эти привнесенные извне явления перестают ощущаться на последнем этапе византийского господства, когда итальянское общество трансформирует социальные группы чуждого происхождения в соответствии со своей собственной спецификой (войско) или отторгает их (аргентарии, шелкоторговцы и т. д.).

В последний период владычества Византии в жизни городов Восточной Италии можно отметить черты, присущие городам средневекового типа:

растущее влияние церкви распространяется на многие типично «светские» сферы общественной жизни (некоторые области производства и торговли, управление общественным имуществом, сферу публичного права и т. д.);

вырабатываются новые, средневековые формы организации ремесленной деятельности (как результат эволюции корпораций типа *schola*);

стираются грани между различными привилегированными социальными группами (византийские военные, чиновники, крупные и средние собственники местного происхождения). К концу византийской эпохи они образуют единый высший слой городского населения; экономической основой их благосостояния является земельная собственность. Часть собственников земли переезжает из городов в сельскую местность, где возникают усадьбы типа «*curtis*».

Эти явления, характерные для Средневековья, еще не достигли полного развития и упрочения. Но в целом можно сказать, что к моменту падения власти Византии мы застаем города изучаемой зоны на последнем этапе переходного периода. Иными словами, в середи-

не VI в. перед нами города в основном еще античные — в середине VIII в. в основном средневековые. Таковы смысл и содержание эволюции городов в Равеннском экзархате и обоих Пентаполях в византийскую эпоху.

Глава 5

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНОЙ ИТАЛИИ. СПЕЦИФИКА РАВЕННСКОГО ФЕНОМЕНА

В первых двух параграфах настоящей главы изучаются этнические процессы, протекавшие в экзархате и обоих Пентаполях. Задача этой части исследования — установить меру воздействия греков и варваров на развитие региона, обозначить этапы изменения этнической ситуации.

В третьем параграфе сделана попытка сопоставить общественные процессы, протекавшие в Византийской Италии, в Лангобардии, в самой Византии, чтобы на этом фоне определить специфику Восточной Италии и выявить корни Равеннского политического сепаратизма. С учетом связанных с Равеннским экзархатом (в узком значении термина) разделов предшествующих глав рассмотренный материал позволяет сделать ряд заключений относительно сущности равеннского феномена в истории Италии и Византии.

ГРЕКИ И ВЫХОДЦЫ С ВОСТОКА ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНОЙ ИТАЛИИ

Присутствие в экзархате и Пентаполях на всем протяжении их истории прослойки лиц греческого и восточного происхождения само по себе бесспорно. При этом а priori очевидно, что от их удельного веса в составе населения региона не в последнюю очередь зависело отношение к власти Византии, характерное для равеннского менталитета. В то же время попытки установить их демографическую квоту, выявить динамику ее изменения наталкиваются на препятствия,

связанные с состоянием источников. Хотя мы встречаем непосредственные указания в документах на этническое происхождение некоторых лиц, этих немногочисленных и случайных упоминаний совершенно недостаточно для статистических выкладок. Антропони- мические исследования ведутся, но их надежность часто вызывает сомнения у специалистов.

А. Гийу извлек из равеннских документальных источников 150 имен людей, живших в экзархате (в узком смысле слова) с 80-х гг. VI в. до сер. VIII в. Проведенные им подсчеты дали следующий результат: в конце VI в. среди этих имен было 50 % латинских, 43 % восточных, 7 % готских. В конце VII — начале VIII в. соответственно: 45 % латинских, 50 % восточных, 5 % готских. По данным А. Гийу, до возникновения экзархата среди населения региона было 70 % носителей латинских, 16 % восточных, 14 % готских имен¹. Французский ученый делает вывод о резком увеличении количества греков и выходцев с Востока среди населения Италии вскоре после византийского завоевания.

Т. С. Браун критикует методику А. Гийу. Он указывает, что общее количество и хронологическое распределение использованных А. Гийу документов не отвечает требованиям статистического анализа. Момент образования Равеннского экзархата не может считаться рубежом в истории демографических процессов. Результаты А. Гийу противоречат эпиграфическим данным, так как если от IV–VI вв. до нас дошло немало несомненных греческих и восточных погребений в Восточной Италии, то в византийский период их число резко снижается. Наконец, сами имена, которые рассматривал А. Гийу, далеко не всегда могут свидетельствовать об этнической принадлежности их носителей; в ряде случаев они относятся к общей греко-латинской христианской номенклатуре (Leontius, Petrus, Stephanus, Marinus, Johannes etc.). В других ситуациях реальные жизненные факты даже противоречат данным антропоники: в двух равеннских папирусах 539 и 591 гг. свидетели сделок с чисто римскими именами — Julianus и Pacificus — подписались греческими литерами, то есть наверняка не были римлянами (Tjäder 30, 37)².

К этим весьма серьезным доводам английского исследователя можно добавить и иные. Состав известных нам равеннских документов предопределяет «социологическую тенденцию» сохранившейся

топонимики: громадное большинство имен принадлежит горожанам; среди них большая часть — представителям высших, обеспеченных слоев населения города: военным, чиновникам, земельным посессорам, купцам, священнослужителям; в свою очередь, в их числе преобладают лица, имеющие публичные обязанности, находящиеся на государственной службе. Сама антропонимика в течение двухсот лет византийского владычества могла подвергаться разнообразным колебаниям как в целом, так и в отдельных социальных группах. Весьма вероятно, например, мода на греческие имена, особенно — среди служилой части местного господствующего класса. Подобные и иные антропонимические инфильтрации предельно облегчались в тех случаях, когда даваемые детям имена освящались авторитетом Писания, Предания или агиографии.

Однако все сказанное еще не дает права полностью отвергнуть данные А. Гийу. В своем конечном цифровом виде они не могут быть точны, и при этом даже примерно определить погрешность пока невозможно. Видимо, в условиях недостаточной отработанности методики подсчета колебания в пределах 5 % (ср. показатели количества греческих и латинских имен в конце VI и в конце VII вв.) можно не учитывать. Но вряд ли случайным может быть скачок от 16 % греческих и восточных имен в довизантийское время к 43 % в эпоху Равеннского экзархата. Этот скачок отражает объективную тенденцию этнического развития. Собственно, выкладки А. Гийу показывают, что в последней четверти VI в. процент греков, живших в Италии, резко возрастает, а затем остается почти стабильным на протяжении всего VII в. Существуют ли за пределами сферы антропонимики основания для того, чтобы отнестись с доверием к данному выводу?

Увеличение численности греческого и восточного населения в Равенском экзархате к концу VI в. может быть связано со следующими процессами:

- 1) периодическими посылками в Италию новых воинских контингентов из Византии;
- 2) становлением административной системы Равеннского экзархата и назначением на административные должности в Италию чиновников-греков;
- 3) укреплением торговых связей с Востоком и численным ростом греко-восточных торговых колоний в городах Италии;

4) распространением в Италии греческих церквей и василианских монастырей, притоком духовных лиц из Греции и с Востока;

5) облегчением, в рамках единой империи, всех видов обычных контактов между Италией и собственно Византией, проявившихся, в частности, в приездах в Италию греческих специалистов — врачей, юристов, художников и т. д.

Обратимся к фактам. Мы помним, что в последней четверти VI в. в Италию трижды посылались войска из Византии (575, 579, 591 г.). Они были укомплектованы, во всяком случае, не итальянцами, в основном же — греками и выходцами с Востока. В числе нумеров неместного происхождения, находившихся в эти годы в Италии, известны *numerus felicium Theodosiacus*, *numerus felicium Persoarmeniacus*³, *numerus Sermisianus* (от Сирмия на Дунае, Tjäder 17, 18–19), *numerus equitum Persojustinianorum*⁴, *numerus Dacorum* (Tjäder 18–19), возможно, *numerus Constantinopolitanus*⁵. Среди воинов этих и других соединений, размещенных в Италии, мы знаем множество людей, носивших несомненно греческие или восточные имена (в том числе греки *Agatho, Perusinorum dux* 737 г.⁶; *Anastasius, miles bandi primi*, Равенна, конец VII в.⁷; *Basilius, dux*, Рим, 725 г.⁸; *Christophorus, dux*, Рим, нач. VIII в.⁹; *Cosmas, dux*, Неаполь, 671–673¹⁰; *Eleutherius, magister militum*, Равенна, ок. 600 г. (Tjäder 16); *Georgius, optio numeri Sermisiani*, Рим, нач. VII в. (Tjäder 17); *Sissinius, magister militum*, 575 г.¹¹; *Theocristus, dux*, Неаполь, 685 г.¹²; *Theodoracis, exscriba numeri Arminiorum*, Равенна, 639 г. (Tjäder 22); *Theodosius, tribunus et dativus*, Римини, конец VII в. — БК 33; *Theophanius, comes*, Чивиттавеккья, конец VI в.¹³; *Zemarchus, tribunus*, Чивиттавеккья, 590 г.¹⁴; *Zimarchus, primicerius numeri*, Градо, ок. 580 г.¹⁵ etc., армяне *Tzitas, miles* (Tjäder 22); другой *Tzitas, comes et tribunus*¹⁶; *Bahan, magister militum*¹⁷.

Следует отметить, что и в эпоху поздней Римской империи (III–V вв.) среди воинов, служивших в Италии, имелись греки или выходцы с Востока, причем особенно много на северо-востоке страны (в Циспаданской Галлии). Многие из них — т. н. «*classarii*», матросы военного флота, базировавшегося в Классисе близ Равенны. До нас дошли надписи, фиксирующие их статус: *Gaius eminens vet(eranus) CL(assis) pr(aetoriae) R(avennatis) n(atione) Syr(us)*¹⁸; *Vet(eranus) ex naup(hilace) Cl(assis) pr(aetoriae) Rav(ennatis) L. Baebius Silvianus N(atione) Syrus*¹⁹; *mil(es) ex C(lasse) p(raetoria) R(avennati) C. Trebonius Lupus na(tione) (B)essu(s)*²⁰.

В других случаях принадлежность этих людей к флоту не зафиксирована в надписях, хотя и весьма вероятно (по месту захоронения — в некрополе Классиса, среди погребений классиариев)²¹. Иногда, напротив, упоминаются воины сухопутной армии (таков М. Furnius Alexander, pat(ione) Gr(aecus), погребение которого находится вблизи Равенны²²). Возможно, какая-то часть потомков этих моряков и солдат продолжала жить в Италии при остготах, дождалась прихода византийцев и поступила на военную службу. Но, конечно, не они составили основу греческого контингента в византийской армии на Апеннинах. Главный аргумент против подобного предположения — передислокация в Италию целых соединений — нумеров в их полном составе.

На всем протяжении истории Равеннского экзархата высшие чиновники, первоначально назначавшиеся сюда императором, как правило, были греками и приезжали из Византии. Лишь один из экзархов, Феодор Каллиопа (впрочем, также грек) был, видимо, родом из Италии, т. к. его отец владел земельным имением вблизи Римини (Tjäder 44). Прочие чиновники разных рангов весьма часто носят греческие имена (напр., Acathophonius, praefectus praetorio Italiae, VII в.²³; Agatho, scriniarius, Рим, 2-я пол. VIII в.²⁴; Antiochus, praefectus praetorio Italiae, сер. VI в.²⁵; Chrisogonus, cancellarius, Рим, нач. VII в. (Tjäder 18–19 В); Eusebius, adjutor in scrinio canonum, Равенна, 2-я пол. VII в. (Tjäder 36); Procopius, consiliarius, Равенна, нач. VII в. (Tjäder 36); Scolasticus iudex, Кампания, 592 г.²⁶; Theodosius, tabellio, Рим, нач. VII в. (Tjäder 18–19) etc. Поскольку случаи антропонимически сомнительные не берутся здесь в расчет, можно полагать, что если не все, то подавляющее большинство носителей перечисленных (и ряда других) греческих по происхождению имен — этнические греки. Экспансия такой антропонимики на страницы источников начинается со времени византийского завоевания Италии, что вполне естественно. В первые десятилетия византийской власти на Апеннинах мы встречаем в Равенне и в других городах экзархата греческих и восточных купцов. Это шелкоторговцы (Georgius, Theodolus — Tjäder 4–5), навклиры (Stephanus из Градо²⁷), аргентарии (Ammonius, Georgius, Theodorus — Tjäder 4–5, В VI–VII), купцы неизвестной специальности (Jannes, сирийский торговец, подписавший по-гречески договор о продаже земли в 591 г. — Tjäder 37). У нас нет оснований утверждать, что все эти люди поселились в Византийской Италии после при-

хода греков, тем более что наличие в Равенне греко-восточной диаспоры в римскую эпоху не вызывает сомнений. Известно, что здесь жили выходцы из Сирии, Египта, Киликии и т. д.²⁸. Правда, среди них мы не можем назвать наверняка ни одного купца. Единственное до-византийское упоминание о восточных купцах в Равенне относится ко времени Готской войны (539 г.). В этом году одну из сделок в равеннской курии засвидетельствовал греческими литерами *Julianus argentarius, gener Johannis pimentarii* (Tjäder 30). Неизвестно, был ли тесть Юлиана, торговец специями (*pimentarius*) Иоанн лицом восточного происхождения. Но если был, то перед нами — свидетельство пребывания здесь восточных купцов в остготскую эпоху. Этот Иоанн, безусловно, давно жил в Равенне и был здесь достаточно хорошо известен, если аргентарий Юлиан, вопреки существующим правилам, счел необходимым указать в официальном документе, что является его зятем²⁹.

Вспомним, однако, что вторая половина VI в. — время расцвета торговли Византии и Италии, в том числе и торговли восточными товарами. Именно эти годы были особенно благоприятны для деятельности шелкоторговцев и навклиров, и именно в это время интенсивное денежное обращение, а также необходимость финансирования крупнейших строительных проектов требовали услуг аргентариев. Не случайно поэтому сведения о греческих и сирийских купцах в Восточной Италии концентрируются в данном временном диапазоне. Большинство из них поселилось в Равенне после установления византийской власти. Они образовали достаточно компактную группу богатейших коммерсантов, составив большинство в корпорации шелкоторговцев (среди них мы не знаем в Равенне ни одного купца-итальянца)³⁰, а возможно, и аргентариев (в византийское время известны лишь два аргентария с латинскими именами: *Vitalis* — Tjäder 4–5, В VI и Юлиан). В то же время среди торговцев менее престижных профессий мы встречаем в основном итальянцев. Этнические метаморфозы затронули, по всей вероятности, лишь высший, богатейший слой купечества Италии.

В структуре торгово-ремесленного населения региона заметную роль играли еврейские общины. Они известны с римского времени во многих городах Восточной Италии (в Поле, Аквилее, Тергесте, Градо, Вероне, Бриксии, Болонии)³¹. В Равенне же в V–VI вв. евреев было особенно много. По всей видимости, рост их численности

связан с переносом в Равенну императорской резиденции, в связи с чем возросло и торгово-ремесленное значение города. В V в. равеннский епископ Петр Хрисолог систематически выступает в своих проповедях против иудеев³². О столкновениях между христианами-ортодоксами и иудеями в готскую эпоху сообщает хроника Вalezianского Анонима, где речь идет о восстановлении после погрома по крайней мере нескольких синагог в Равенне³³. Однако среди евреев встречались и христиане, даже духовные лица (таков, напр., диакон Gazeus из Градо)³⁴. Возможно, отказ от иудаизма был необходимым условием получения почетных званий купцами-евреями (засвидетельствованы *vir strenuus Danihel* — Тjäder 32, *vir honestus Isacius* — Тjäder 33). Сохранился документ о приобретении в июне 541 г. участка земли равенским сапонарием (мылоторговцем) евреем Исакием (Тjäder 33). Таким образом, общая тенденция, характерная для зажиточных горожан Италии в VI–VIII вв. — стремление к приобретению земельной собственности, — не миновала и еврейское население. Есть сведения о деятельности еврейских купцов не только в Равенне, но и в других городах Византийской Италии (в частности — о еврее-работорговце из Неаполя, 599 г.)³⁵. Византийское завоевание Италии привело к распространению на местных иудеев дискриминационных статей императорского законодательства. В остальном же положение еврейского купечества кардинально не изменилось. Однако мы вправе предполагать, что в VII–VIII вв. еврейские общины в Византийской Италии вступили в полосу упадка, так как известий о них в эти годы почти нет. Причины данного явления, видимо, носят общий, а не специальный характер — их следует искать в дезурбанизационных процессах, охвативших итальянские города и тяжело сказавшихся на положении торгово-ремесленного населения.

Греческие культовые учреждения, греческое и восточное духовенство имели в византийскую эпоху весьма прочные позиции в Италии. Большой материал, иллюстрирующий это положение, собран Ш. Дилем³⁶. В Равенне находились монастыри василианского устава — Святого Духа, Св. Марии in Cosmedin, Св. Марии Влахернской, в Цезарее — Св. Лаврентия. Ок. 680 г. экзарх Феодор основал в городе греческий монастырь Св. Феодора³⁷. Лишь после падения Равеннского экзархата (в 767 г.) большая часть этих монастырей была передана латинским монахам-бenedиктинцам. В Риме были известны греческие

монастыри Св. Анастасия ad aquas Salvias, Св. Саввы на Авентине, Св. Лавра, Св. Эразма, два армянских монастыря (Св. Андрея и т. н. «Repati»), сирийский монастырь³⁸. Среди временных восточных иммигрантов в Италии были такие влиятельные духовные персоны, как константинопольский патриарх Пирр и антиохийский патриарх Анастасий Синаит.

Восточное духовенство было достаточно авторитетно для того, чтобы возводить своих представителей (чаще всего — при поддержке Константинополя) на епископские кафедры и на папский престол (папы-греки: Бонифаций III, Иоанн IV, Феодор, Конон, Агафон, Иоанн VI, Иоанн VII, папы-сирийцы: Иоанн V, Сергей, Сиссиний, Константин). На Латеранском соборе 649 г. большая группа греческих духовных лиц, «годами проживавших в Риме», подала папе Мартину I специальную петицию, где, в частности, просила перевести решения собора на греческий язык³⁹.

В Италии почитались греческие святые; их мощи специально доставлялись из Византии в Рим (папами Пелагием II и Григорием Великим) и в Равенну (архиепископом Максимианом). В Равенне действовали церкви, освященные в честь греческих святых — Димитрия, Георгия, Сергия, Зенона; в Риме — Евфимия, Василия, Мины, Космы, Фоки, Прокопия, Пантелеимона, Тигриса, Николая Мирликийского и др. Множество таких церквей было в других городах Италии. Своеобразие греческой церковной иммиграции в том, что она пережила как бы две волны. Первая пришла на вторую половину VI в. и объяснялась теми же причинами, что и светская иммиграция. Вторая волна была вызвана принятием в Византии иконоборческих эдиктов, когда в Италию хлынули византийские иконопочитатели. Папы Григорий III и Павел I вынуждены были открыть в Риме новые василианские монастыри или расширить старые (Св. Хрисогона, Св. Стефана и Сильвестра⁴⁰). Важно подчеркнуть, что если первая иммиграция во многих ситуациях проявляла себя как опора византийского влияния в стране, то вторая, иконопочитательская, не являлась таковой, по крайней мере, до конца иконоборчества.

Следует коснуться и еще одного иммиграционного потока, направленного из Византии в Италию, — иммиграции интеллектуалов. Возникновение в Италии юридических школ должно было привлечь сюда профессиональных юристов из Византии. Косвенным свидетельством их пребывания в стране является распространение на Апеннингах па-

рафраз *Corpus juris civilis*, в большинстве своем наверняка созданных в Италии⁴¹. Среди профессиональных юристов («scholastici»), упоминаемых в источниках, есть лица, носящие греческие имена (*Mathaeus*⁴², *Eugenus*⁴³).

Установление государственного жалования для грамматиков и риториков должно было привлечь в Италию греческих учителей. Одного такого специалиста мы знаем по источникам. Это *Theodosius, magister litterarum*, засвидетельствовавший в равеннской курии в 575 г. завещание некоего Маннана (*Tjäder 6*).

В городах Италии работало немало греческих врачей. Все известные по источникам медики, жившие в VI–VIII вв. в Италии, носят эллинские или общехристианские имена и, конечно, в большинстве являются греками. Среди них — служивший в Равенне *Leontius, medicus ab schola Graeca*, сын которого *Eugenius* стал крупным чиновником византийского налогового ведомства (*palatinus sacragum largitionum*, — *Tjäder 35*, 575 г.). *Schola Graeca*, возможно, представляла собой особую корпорацию врачей-эллинов. В начале VII в. в Италии жил такой выдающийся византийский врач, как Александр Тралльский (ум. в Риме в 605 г.). При этом он был, конечно, не единственным крупным деятелем византийской культуры, побывавшим на Апеннингах. Так, в Риме закончил свой жизненный путь знаменитый агиограф и путешественник Иоанн Мосх (ум. в 619 г.)⁴⁴. Трудно оценить подлинные масштабы «интеллектуальной» иммиграции греков в Италию, но сам факт ее существования во втор. пол. VI — нач. VII в. необходимо признать.

Таким образом, все пять названных иммиграционных потоков, направленных в Италию с Востока после византийского завоевания, в большей или меньшей степени нашли отражение в источниках.

Серьезные изменения в этнической ситуации на полуострове происходят на втором этапе византийского владычества. К сожалению, из-за недостатка прямых свидетельств судить о них приходится часто исходя из общих сведений о социальной эволюции региона и даже просто *ab silentio*. Однако основная тенденция процесса выявляется достаточно определенно. Выделим следующие явления:

с начала VII в. империя ни разу не направляла в Северную или Среднюю Италию воинские контингенты. Византийские власти на Апеннингах были вынуждены приступить к формированию войска на местной основе;

в эти же десятилетия только некоторые высшие представители администрации (прежде всего экзархи) назначаются в Италию из Византии. В целом, чиновничий аппарат воспроизводится и пополняется на месте;

со страниц источников исчезают сведения о восточных и греческих купцах. Упадок торговли лишает их возможности применить свои капиталы и деловые способности в Италии;

происходит социально-экономическая натурализация византийских социальных элементов в стране. Значительная часть их включается в местную землевладельческую элиту.

Перечисленные обстоятельства неизбежно влекут за собой утрату жившими в Италии греками и другими иммигрантами оригинального этнического лица. В VII–VIII вв. греческие чиновники и офицеры (Anastasius comes, Anatholius tribunus, Basilius magister militum, Eleutherius magister militum, Eustachius dux, Theodorus dux etc.⁴⁵) являются такими же итальянскими земельными собственниками, как тысячи других лиц, носящих латинские имена.

Носителей греческих имен в Италии не становится меньше. Видимо, этнические эллины, жившие здесь, продолжали давать детям греческие имена. Однако вряд ли за этим стояло нечто большее, чем традиция. Обратим внимание, что если во втор. пол. VI — нач. VII в. в византийском войске было немало носителей имен армянских, то в VII в. они исчезают. В чем здесь дело? Дело в том, что вырванные из своей среды, натурализовавшиеся в Италии армяне, восприняв местную культуру, перестали давать детям традиционные имена. Тем же процессом натурализации были захвачены и греки. Имена они сохранили благодаря их соответствию общехристианской номенклатуре и наличию в Италии системы греческих церквей и монастырей, где многие из них крестили детей. Но сохранили ли они более существенные этнические черты, в первую очередь язык? В VI — нач. VII в. некоторые деловые документы подписываются в равеннской курии по-латыни, но греческими литерами (Tjäder 6, 16, 18–19, 20, 30, 36, 37). Эти подписи оставили люди, получившие греческое образование, которые, будучи в Италии, научились говорить по-латыни, но не знали латинской грамоты⁴⁶. В более поздний период мы таких случаев не знаем. Житель Италии мог, видимо, получить греческое образование в некоторых монастырях (преимущественно — в Риме, Неаполе, на юге полуострова), но светские лица, в том числе и этнические греки, уже не владели, как правило, эллинской письменностью.

Очень показателен в этом плане эпизод, случившийся в Равенне в 80-х гг. VII в. Равеннский экзарх Феодор подыскивал себе грамотного нотариуса. Он совсем было отчаялся найти подходящего человека среди местных жителей, когда ему порекомендовали молодого равеннца по имени Иоанниций. Пригласив его к себе, экзарх вручил ему послание, пришедшее из Константинополя, и приказал: «Читай!» Иоанниций же спросил: «Велишь ли, господин, читать по-гречески, как писано, или по-латыни?» Экзарх удивился такому ответу и, чтобы испытать юношу, предложил ему другой, латинский, текст, велел сразу читать по-гречески. Иоанниций с блеском справился с переводом. Радости экзарха, нашедшего такого блестящего нотариуса, не было границ. Впрочем, вскоре уже в Константинополе удивились тому, что из Равенны пошла грамотно написанная корреспонденция, и Иоанниций был вызван для работы в столицу⁴⁷. История Иоанниция показывает, что в конце VII в. в Равенне было почти невозможно найти человека, умевшего читать и по-гречески, и по-латыни. Если в окружении экзарха и имелись приехавшие из Византии греки, то они не подходили для канцелярской работы из-за плохого знания латинского языка. Греки же местные в нотариате негодились. Видимо, они не умели читать и писать на родном языке.

Греческая этническая специфика и даже этнические предрасположения могли сохраняться в отдельных сферах быта, особенно — связанных с религией, у тех, кто посещал греческое богослужение. Эти люди продолжали осознавать себя греками и помнили родной язык, хотя и не владели эллинской письменной культурой. Созданное в Равенне в VII в. «Мученичество Св. Аполлинария» сохранило рассказ о византийском трибуне, служившем в Италии, который разрешил больной жене поклониться с целью исцеления мощам Аполлинария только установив, что последний был греком⁴⁸. Но наличие в Италии немногочисленных высокопоставленных греков, не только неассимилированных, но даже антилатински настроенных, не меняло общей тенденции — постепенного размывания греко-восточной этнической прослойки.

Насколько специфическим в этом плане было положение Восточной Италии? Как уже указывалось, здесь имелась значительная социальная группа греческого духовенства. Она была достаточно влиятельна, чтобы выдвигать из своей среды равеннских архиепис-

копов. Высказывалось мнение (впрочем, не доказанное источниками), что именно она явилась главной движущей силой в борьбе за автокефалию равеннской церкви⁴⁹. По-видимому, в течение VII — пер. пол. VIII в. она численно не уменьшилась, хотя и не выросла, как в Риме: преследуемые в Византии иконопочитатели с 30-х гг. VIII в. стремились в Южную Италию и в Рим, а не в официальную Равенну, под копы наступавших лангобардов. Греческая церковная фракция в Равенне оказалась в силах уже после падения экзархата, при архиепископе Сергии (748–771), направлять политику архиепископии (впрочем, хотя и антипапскую, но не провинциальную)⁵⁰.

В Равенне находился двор экзарха, в окружении которого имелись греки. Равенна, Градо, Римини и другие порты Восточной Италии были теснее, чем города западного побережья, связаны торговыми узами с Константинополем и Левантом. Греческое влияние проникло в местный диалект латыни, в котором выявлены лексические и фонетические эллинизмы⁵¹. Нам известно из «Мученичества Св. Аполлинария», что и в VII в. часть равеннского населения была восточного происхождения, а коренные итальянцы называли этих людей «Asiani». Все эти факторы должны были тормозить процесс деэллинизации Равеннского экзархата, но остановить его все-таки не могли. Та решительность, с которой население боролось против империи в 710–711 гг., — дополнительный довод в пользу тезиса о натурализации большинства живших в экзархате греков. Отметим, что вождь равеннского восстания Георгий носил греческое имя и был сыном упоминавшегося равеннского эллиниста — нотариуса Иоанниция (Иоанникия). Их потомок — равеннский хронист Агнелл — служил настоятелем в монастыре Св. Марии ad Vlachernas — дочернем по отношению к одноименному константинопольскому. Очевидно, перед нами греческая по происхождению семья. Как же выразительно звучит в устах ее представителя Георгия призыв уберечь Равенну от «змеи, приплывшей сюда из Византии»⁵²! Это проявление особой социально-психологической тенденции — процесса утраты итальянскими греками византийского этно-политического самосознания. Данную тенденцию нельзя, конечно, считать всеобщей. Известно, что в 20-е–30-е гг. VIII в. в Равенне нашлись люди, поддержавшие иконоборцев («consentientes impietati imperatoris»⁵³). Вероятно, это были, в основном, греки, а не коренные итальянцы. Но их немногочисленность обусло-

вила ту естественность, с какой Равенна, вместе со всей Италией, осталась в стане приверженцев иконопочитания, а значит — в оппозиции к Константинополю. В этом смысле демографическая эволюция экзархата совпадала по направлению с его социально-политической эволюцией.

ЭМИЛИЯ-РОМАНЬЯ И ВАРВАРЫ

До сих пор в монографии практически ничего не говорилось о возможном варварском влиянии на общественные отношения в экзархате и Пентаполях. Источником такого влияния могло стать непосредственное присутствие варваров на территории данной зоны. В этом случае ее социальное развитие должно было бы протекать в форме варварско-романского синтеза. Что же, однако, известно о варварском населении региона?

Проникновение германцев в Италию начинается на рубеже II–I вв. до н. э. Разгромленные Гаем Марием кимвры и тевтоны частично расселились в различных районах итальянских Альп. По-видимому, эта часть германцев была очень быстро ассимилирована, и воспоминания о них сохранились только в нескольких топонимах. На протяжении императорского периода истории Рима германские племена появлялись в Италии многократно. Некоторые из них не миновали Эмилии-Романьи. В 167 г. н. э. император Марк Аврелий поселил в районе Равенны колонию маркоманов. Около 260 г. вблизи города осела часть племени аламаннов, причем известно, что они сохранялись здесь еще при Феодосии I (379–395). По свидетельству Аммиана Марцеллина, другая группа аламаннов расселилась в долине По при императоре Валентиниане I (364–375). Вместе с ними здесь осела и часть фракийского по происхождению племени костобоков. По-видимому, в этом районе располагалась значительная часть «терций», которые король Одоакр выделил своим воинам — герулам, гепидам, ругам, квадам, свевам и другим⁵⁴.

Итак, к моменту готского завоевания в Эмилии уже имелось население германского происхождения. Вместе с тем до прихода остготов в Италии не было оформленной и политически организованной варварской этнической общины⁵⁵. Германцы, попадая в римскую этническую среду, отличавшуюся более высокой культурой, весьма

быстро ассимилировались. Свидетельство тому (применительно к изучаемой зоне) — полное отсутствие доостготской германской топонимики⁵⁶.

Приход в Италию остготов существенно увеличил процент германского населения в стране. Это прежде всего характерно для изучаемой зоны, где остготов было особенно много. Как мы помним, по подсчетам А. Гийу, к середине VI в. около 14 % населения будущих экзархата и Пентаполей носило германские имена. Ясно, что во времена Остготского королевства процент проживавших здесь германцев был значительно выше, чем после установления власти империи. Это, однако, не означает, что остготское население оказывало на римлян влияние, соответствующее его численности. Известно, что основной формой социальной организации, принесенной варварами на земли Римской империи, была земледельческая община, перераставшая в дальнейшем в общину-марку. В Остготском же королевстве сложилась несколько иная ситуация. Расселение германцев по территории Италии не означало перехода к общинному землепользованию⁵⁷. Источники по истории Эмилии (прежде всего Баварский кодекс) свидетельствуют, что римская землеустроительная структура сохранялась здесь еще в IX–X вв., то есть пережила и остготскую, и византийскую эпохи⁵⁸. Жившие здесь варвары были включены в традиционную позднеимперскую систему хозяйственных отношений. Византийское завоевание могло изменить эту тенденцию только в пользу еще большего античного влияния. Так, все варвары, упомянутые в равеннских папирусах, принадлежат либо к средним и крупным посессорам римского типа, либо к колонам и рабам. Обратимся к источникам. Папирус Tjäder 20 представляет собой дарственную грамоту, составленную в пользу Равеннской церкви готкой Сисиверой, вольноотпущенницей Теодиферы (Tjäder 20). Из нее следует, что хозяйка при отпуске на волю снабдила свою либертинку крупным пекулием — частью поместья *Valonianus* с пахотными землями, виноградниками, фруктовыми садами и многочисленными иными угодьями. Сисивера оставляет за собой право десятидневного употребления фрукта. Описанная ситуация по содержанию вполне отвечает римским традициям. Богатая готка Ранилона в середине VI в. передает церкви две «*massae*» вблизи Урбино и Лукки (Tjäder 13). Вместе с ними дарятся «прилегающие селения колоннов» («*cum adtiguis colonicis*»). Структура, организация этих имений, как и хозяйств других варваров, из-

вестных по документам (Маннана — Tjäder 6, Гундихильды — Tjäder 7, Вилилевы — Tjäder 28), ничем не отличаются от устройства итальянских поместий римлян и греков (Флавии Ксантиппы — Tjäder 17, Стефана из Неаполя — Tjäder 18–19, Марии, сиятельной дамы — «spectabilis femina», Tjäder 12 и др.). Земли неоднократно переходили из рук в руки как от римлян к германцам, так и от германцев к римлянам (Tjäder 36, 37 etc.). При этом формы их использования, конечно, не менялись. Эксплуатируемое население германского происхождения могло работать на хозяина римлянина, как, вероятно, латинское на варвара. Так, римлянину Калликту принадлежали рабы-варвары Ранигильда и Гундарит и римлянин Проект (Tjäder 8).

Приведенные факты свидетельствуют о далеко зашедшем процессе ассимиляции готского населения в Равеннском экзархате. Она проявилась прежде всего во включении германцев в систему позднеримских социальных связей. Объяснение этому можно видеть в социальном составе германского населения в Византийской Италии. Это, с одной стороны, рабы и колоны разных категорий — представители класса, испытавшего наибольшее давление римских общественных отношений (и легче других поддающегося ассимиляции), с другой — земельные собственники — эксплуататоры, для которых утрата этнической идентификации в условиях византийского владения являлась предпосылкой сохранения прежнего социального статуса. Исключительно показательна в этом смысле фраза из упомянутой дарственной готки Ранилоны, содержащая жалобу на невзгоды, которые пришлось претерпеть дарительнице «в эти варварские времена» («tempore hoc barbarici» — сказано крайне безграмотно). Говоря о своих обязательствах на будущее, вытекающих из сделки, собственница замечает, что «уповает на доброе здравие непобедимого государя, царствующего в Римской империи».

Уже в 40-х гг. VI в. крупные земельные собственники — готы давали детям римские имена. Так дочь готки Тулгилоны, владелицы имения *Concordiacus*, носила имя Доминика (Tjäder 30).

При отсутствии крестьянской общины наибольшую сопротивляемость по отношению к римскому влиянию должны были выказать свободные мелкие земельные собственники — готы. Однако именно они составляли опору готской армии в годы правления так называемых «тиранов» — Тотилы и Тейи. Естественно, что в ходе военных действий именно этот слой готского населения понес наибольший

урон, а решение византийского правительства о выселении готов из Италии касалось прежде всего их. Представители господствующего класса имели возможность остаться в стране благодаря своему коллаборационизму, в частности, ценой отказа от арианства. (Все готы, упомянутые в равеннских папирусах византийского времени, — христиане-ортодоксы.) По отношению к германскому зависимому населению действовал принцип возвращения рабов и колонов господам⁵⁹. Этническая принадлежность раба или колона во внимание не принималась. Поэтому в экзархате сохранились прежде всего эти категории готских поселенцев. Напомним, что по статистике А. Гийу к концу VI в. германцы составляли лишь 7 % населения византийской Восточной Италии. Падение их численности можно считать результатом политики выселения. Оставшиеся готы постепенно забывали свой язык и культуру⁶⁰. Топонимика Эмилии, по данным Э. Гаммильшега, полностью свободна от готских наименований⁶¹. В Романье автору данной работы известны пять готских топонимов (из рассмотренных 1444). Во всей лексике равеннских папирусов присутствует только одно германское слово (не считая собственных имен)⁶². В 20-е гг. XX в. известный филолог Э. Пулле отмечал, что влияние готского языка на лексику современного итальянского исчерпывается «дюжиной слов» (для сравнения: полдюжины германских слов за доотготский период истории, более 900 слов — за лангобардский⁶³). В настоящее время есть возможность привести более точные сведения о количестве готских слов, вошедших в итальянский язык. По данным Дж. Бонфанте, таковых 64 (включая слова «предположительно готские»)⁶⁴. В местные диалекты Эмилии, по утверждению Э. Гаммильшега, крайне немногочисленные готские слова (все, кроме одного) пришли из других провинций Италии⁶⁵.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что готское население Равеннского экзархата и Пентаполей оказало крайне незначительное воздействие на специфику социальных отношений и культуру региона (скорее вписалось в них, чем изменило их). Это прежде всего касается отношений экономических.

Как повлиял на демографическую ситуацию в экзархате и Пентаполях приход в Италию лангобардов? В целом политические обстоятельства стимулировали взаимную враждебность лангобардов и жителей Византийской Италии и не способствовали расселению тех и других на землях своих соседей. Письменные источники не донесли

до нас сведений о существовании в Эмилии-Романье лангобардского населения. Известны лишь редкие случаи пребывания в Равенне отдельных лангобардских аристократов. В 572 г. сюда бежала со своим любовником Гильмехизом королева Розамунда, убившая мужа, короля Альбоина⁶⁶. В 601 г. экзарх Каллиник захватил в плен дочь короля Агилульфа с мужем Гудескальком. Они провели в Равенне два года, пока новый экзарх Смарагд не отправил их на родину⁶⁷. Около 640 г. сын беневентского герцога Арихиза Айо, посланный отцом к королю Ротари, неожиданно уехал в Равенну. (Павел Диакон объясняет этот факт его помешательством⁶⁸.) В 690 г. герцог Фриуля Родоальд был свергнут и изгнан, бежал в Истрию, а оттуда морем приплыл в столицу экзархата⁶⁹. По-видимому, во всех этих случаях знатные варвары попадали в Равенну не в одиночку, но в окружении слуг, а иногда и свиты. Вместе с тем очевидно, что их появление в византийской зоне не влияло сколько-нибудь серьезно даже на состав господствующего класса Равеннского экзархата, не говоря уже о составе населения в целом. Их пребывание здесь было, как правило, непродолжительным, вызывалось исключительными обстоятельствами, а количество приходивших сюда германцев было очень невелико.

Германцы встречались среди византийских военных. Их служило в Италии немало. Выше указывалось, что из 26 византийских *dux'ов*, упомянутых в переписке Григория Великого, 14 были германцами⁷⁰. В их составе известны и перебежчики из Лангобардии, в том числе — знаменитый Дроктульф (впрочем, свев по этнической принадлежности). Возможно присутствие среди византийских солдат и военнопленных германцев.

Существует точка зрения о том, что в конце VI–VII вв. в Морском Пентаполе (в Синигалии) существовало небольшое лангобардское герцогство. Она опирается на очень позднюю (зафиксированную в XVIII в.) традицию имен местных герцогов, из которых 2 греческих и 6 лангобардских. Отстаивавший данное мнение историк-краевед А. Польверари приводил и некоторые фактические сведения о проживании лангобардов в районе Синигалии, но все они относятся к IX–XII вв., то есть ко времени после падения экзархата⁷¹. Согласиться с идеей о самостоятельном герцогстве, неизвестно когда возникшем и никак себя не проявлявшем в политической жизни региона, вряд ли возможно. Но не исключено, что в Синигалии при византийцах, действительно, некоторое время правила семья *dux'ов* лангобард-

ского происхождения. Мы помним, однако, что византийская армия в Италии постепенно превращалась в территориальное, местное, воинское формирование. В таких условиях ей не грозила варваризация, так как ее основа — местные земельные посессоры — оставалась италийской, а служившие империи германские военные командиры сами включались в эту систему.

Существовали ли другие каналы проникновения лангобардов в экзархат? В принципе нельзя отрицать возможности расселения лангобардов на территориях, однажды завоеванных и затем вновь отвоёванных византийцами. Такая ситуация могла сложиться в Пентаполях (в районах Озимо и Фано), а также в дукате Перуджа, то есть на землях, возвращенных империи в ходе «византийской реконкисты». Однако вражда римлян к лангобардам, которая стимулировалась крайней жестокостью последних по отношению к римскому населению⁷², должна была бы заставить варваров вернуться в пределы Лангобардского королевства. Как отмечал видный французский медиевист Ф. Лот, «в частях Италии, оставшихся независимыми от лангобардов, их продолжали страшиться и ненавидеть»⁷³.

Совершенно невероятным представляется спонтанное расселение отдельных групп лангобардов в Византийской Италии. Даже если бы им и удалось здесь закрепиться, безусловными перспективами для них были бы утрата всех привилегий ариманов и попадание в тиски имперского налогового гнета. Лангобардская топонимика в экзархате и обоих Пентаполях не имеет широкого распространения. Итальянский лингвист К. Мерло отмечает, что названия несомненно лангобардского происхождения имеются лишь в северной части долины По, от Венеции-Джулии до Пьемонта. На южном берегу По, то есть на землях экзархата, они отсутствуют. По наблюдениям К. Мерло, наиболее характерный для лангобардской топонимики термин «*фага*» практически не встречается в прибрежной зоне от Равенны до Анконы⁷⁴. Э. Гаммильшег указывает, что район, непосредственно прилегавший к Равенне, свободен от лангобардского элемента⁷⁵. В Западной Эмилии нет лангобардской топонимики. В районе Форли лангобардский топоним 1, вблизи Пезаро их 5, вблизи Анконы — 8⁷⁶. По всей вероятности, значительная часть этих топонимов возникла уже после захвата лангобардами экзархата и Пентаполей. Так, полагает Д. Фазоли, считающая возможным проследить по топонимическим данным пути распространения лангобардской агрессии в экзархате⁷⁷.

В самой Равенне имеется один топоним лангобардского происхождения. Улица, ведущая от церкви Св. Варфоломея к церкви Св. Стефана, именуется *Via Alemagna*. Известно, что Св. Варфоломей считался одним из покровителей лангобардов. На этом основании А. Кариле относит появление данного названия к моменту первой лангобардской оккупации Равенны в 732–734 гг.⁷⁸ Однако более логичным представляется появление данного топонима после второго падения Равенны (751 г.), когда византийцы ушли из города навсегда, а значит, вероятность возникновения и сохранения лангобардского названия улицы стала заметно выше. Во всяком случае, лангобардские наименования вряд ли появлялись в экзархате во времена господства греков.

В обоснование этого тезиса можно привести следующие соображения, кроме уже высказанных выше. Лангобардская топонимика, естественно, соответствует расселению лангобардов по территории Италии. Она показывает, что если остготы колонизовали всю страну, то лангобарды в пределах завоеванных областей расселились крайне неравномерно⁷⁹. Основные области их расселения — Ломбардия, Тоскана, Венето, Фриуль, Пьемонт. По данным Э. Гаммилшега, если в зоне Флоренции зарегистрировано 254 лангобардских топонима, вблизи Ареццо — 250, Лукки — 189, Сиены — 80, Пизы — 83, то в окрестностях Пьяченцы — всего 8, Пармы — 10, Реджио — 8, Модены — 6, Феррары — 10, Болоньи — 5⁸⁰. Нетрудно заметить, что территория последних названных городов находится в непосредственной близости от экзархата и Пентаполей и образует своеобразный буфер между греческими областями и наиболее лангобардской зоной Лангобардии. Следовательно, вблизи границ византийских владений лангобарды селились очень неохотно. В таких условиях их поселение в самом экзархате и Пентаполях практически исключено.

Распределение лангобардской лексики в итальянских диалектах весьма неравномерно⁸¹. Языковеды считают, что в диалектах Эмилии-Романьи лангобардское влияние ничтожно. Дж. Тальявини даже отвергает его полностью. Э. Гаммилшег признает лангобардскими несколько слов в народном говоре Эмилии⁸². Относительно Романьи он считает, что лангобардские слова пришли в ее язык из Эмилии и Сполето⁸³. В любом случае, лангобардская лексика представлена здесь чрезвычайно слабо.

В итальянской исторической филологии существует понятие «римско-равеннский коридор»⁸⁴. Так именуется географическая зона от Рима до Равенны вдоль *Via Flaminia*, на протяжении VI — начала VIII в. почти все время находившаяся в руках греков. Считают, что этот «коридор» служил препятствием на пути распространения лангобардского языкового влияния. Даже между лангобардами, жившими по его сторонам, проявлялись специфические языковые различия⁸⁵. Романья входит в одну диалектную зону с Лациумом, хотя в ее диалекте есть свое своеобразие по сравнению с римским⁸⁶. Немецкий лингвист Х. Шюрр считает, что «история романского диалекта начинается с изоляции определенной части римского населения в пределах собственно Равеннского экзархата»⁸⁷. По его мнению, само название «*Romagna*» возникло в противовес «*Longobardia*»⁸⁸. Со времени лангобардского завоевания Равеннского экзархата вдоль *Via Flaminia* стало распространяться лангобардское языковое влияние. Франкское завоевание облегчило встречное римское воздействие по *Via Flaminia*, и экзархат оказался на пересечении двух лингвистических тенденций⁸⁹. Итальянский филолог Дж. Девото полагает, что изоляции экзархата от Лациума не существовало, напротив, по «равеннскому коридору» шло мощное римское языковое влияние⁹⁰. Однако все эти лингвистические процессы происходят уже в поствизантийский период. Остается фактом, что в византийскую эпоху язык населения Равеннского экзархата практически не воспринял лангобардской лексики. Диалектальные отличия в говоре населения Эмилии-Романьи и близлежащих лангобардских областей «столь же резкие», как между «луканским и калабрийским или апулийским и салентинским диалектами соответственно»⁹¹.

Итак, данные языка свидетельствуют, что роль лангобардов в историческом развитии экзархата и Пентаполей (в особенности Пентаполя Морского) могла быть лишь очень незначительной. Письменные источники не содержат информации, характеризующей эту роль. Отметим, что археологические лангобардские древности в Эмилии-Романье не выявлены. Поэтому можно сказать, что влияние лангобардов на эти области в византийскую эпоху могло быть только косвенным и несколько сильнее проявилось лишь позднее, после их присоединения к Королевству лангобардов. Однако краткосрочность лангобардского господства и романизованность самих лангобардов в VIII в. очень ослабили его воздействие и в данном случае. Интересно

в этом смысле мнение Дж. Девото, который считает, что разница в темпераментах современных итальянцев базируется на принадлежности их предков в прошлом к жителям Лангобардской или Византийской Италии. Он пишет: «Те, чьи предки испытали грубое воздействие лангобардов, — светливы, активны, полны желаний действовать и созидать; предки тех, кому это несвойственно, воспитывались в ультраконсервативной духовно-экономической атмосфере римской латифундии⁹²».

Даже в более позднее время, пережив господство франков и Священной Римской империи, Романья оставалась наименее германизированной областью в Северной и Средней Италии. Е. Пулле, со ссылкой на А. Трауцци⁹³, приводит подсчеты последнего относительно удельного веса имен германского происхождения в составе господствующего класса разных областей Италии в X–XI вв. Их процент в Романье велик — 33,4 % (латинских имен 40,6 %, греческих 7,1 %, семитских 12,3 %), но несравненно меньше, чем в других районах. В Пьемонте и Лигурии, по данным Трауцци, германских имен 59,9 %, в Марке — 50,9 %, в Тоскане — 57,8 %⁹⁴. Впрочем, если среди германских имен в Романье в этот период и встречаются лангобардские, то они уже не имеют этноисторического значения⁹⁵.

Проживало ли в экзархате варварское население негерманского происхождения? В составе возглавляемой лангобардами племенной общности, переселившейся в Италию, имелись тюрко-болгары⁹⁶. Весьма вероятно, что они проникали в экзархат и позднее, вместе со славянами (см. ниже). В неизданной дарственной грамоте XI в. из архива монастыря Санта Кроче Авеллана упоминается «vicus Vulgarogum qui vocatur Sclavinogum» в районе Чезано⁹⁷. Название свидетельствует о совместном расселении в Италии тюркоболгар и славян, а возможно, и о том, что местное латинское население путало их друг с другом. Баварский кодекс сохранил упоминание, относящееся к IX в., о земельном пространстве в районе Римини под названием «terra Vulgarogum» (БК 93). Это — одно из редких отступлений от позднеримской топографической сетки casale-fundus-massa в топонимике Баварского кодекса. Видимо, в этом месте осела болгарская община. В другом случае Баварский кодекс упоминает «finis Vulgarogum» (БК 34): здесь проходила граница между участками местного посессора и общины болгар. В Пентаполе Морском зарегистрировано несколько топонимов с основой «Vulgar» — в документах XI–XII вв.⁹⁸

Появление части болгарской топонимики в экзархате и Пентаполях можно приурочить к событиям 668 г., когда в Италию переселилась небольшая (ок. 700 человек) орда тюрко-болгар во главе с ханом Альцеком⁹⁹. Тюрко-болгары просили у короля Гримоальда земли для поселения и получили их в Беневенте, в районе Саннио. По пути они прошли через Равеннский экзархат, и А. Гийу относит именно к этому времени появление на его территории четырех топонимов (3 — производные от «*Vulgarus*», 1 — от «*Avarus*»)¹⁰⁰. Вывод А. Гийу можно подтвердить указаниями Феофана Исповедника и патриарха Никифора на то, что тюрко-болгары расселились в окрестностях города Равенны в Пентаполе¹⁰¹. Чтобы объяснить расхождение между разными источниками, известный болгарский исследователь В. Бешевлиев выдвинул гипотезу, что первоначально Альцек остановился в Пентаполе Морском и поступил на службу к византийскому императору, а спустя несколько лет, после гибели в Сицилии Константа II, перешел на службу к лангобардам¹⁰². Как бы то ни было, бесспорно, что в Восточной Италии болгар было очень мало¹⁰³.

Здесь же могли существовать и небольшие этнические вкрапления авар (выше был приведен один аварский топоним). Но авары, неоднократно отправлявшиеся в грабительские походы в Северную Италию, являлись кочевой племенной общностью, совершенно не склонной к оседанию на земле. Поэтому возникновение их поселений в Италии могло быть лишь редчайшим исключением из правила¹⁰⁴.

С конца VI в. начинается проникновение в Италию славян: первоначально в Истрию и, в меньшей степени, в Венето¹⁰⁵. Отсюда славяне могли попадать и на территорию Равеннского экзархата. Здесь отмечено несколько славянских топонимов. Один из них встречается в дарственной грамоте сер. VIII в. и звучит как «*Vodena*», иначе именуемая «*Aquaviva*». По остроумному предположению А. Гийу, следует читать «*Vodena*», от славянского «вода»; рядом же приведен латинский перевод термина: «*Aquaviva*»¹⁰⁶. В Баварском кодексе, в тексте X–XI вв., имеется топоним «*Sclavinus*». Другие славянские топонимы, типа «*Schiavonia*», «*Schiavignano*», встречаются в значительно более поздних источниках и не могут быть точно датированы. Они выявлены, в частности, вблизи р. Панаро. А. Гийу думает, что византийская администрация расселяла здесь славян в качестве *limitanei* для охраны границ экзархата¹⁰⁷. С другой стороны, известно, что в начале VII в. славяне воевали в районе Кремоны на

стороне лангобардов¹⁰⁸. Возникновение некоторых славянских топонимов в экзархате А. Гийу пытался объяснить переселением сюда славян, сознательно осуществлявшимся византийцами с целью компенсировать нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве региона¹⁰⁹. Однако источники не содержат свидетельств такого рода, а крайняя немногочисленность славянских топонимов, и соответственно, гипотетических славянских поселений заставляет считать их возникновение следствием случайных инфильтраций отдельных групп славян на территорию экзархата, а не результатом целенаправленной политики правительства. Статистически славяне составляли, конечно, ничтожную долю процента населения Восточной Италии¹¹⁰.

Что можно сказать в заключение о месте варварского населения в социальной истории экзархата и обоих Пентаполей? Это немногочисленное население состояло из готов и выходцев из племен, пришедших в Италию одновременно с ними или раньше них, а также — некоторого количества германцев, служивших в византийском войске. Кроме того на востоке Италии существовали считанные поселения болгар и славян. Лангобардских поселений здесь практически не было. В течение всей византийской эпохи продолжалась ассимиляция варварских элементов в регионе. Подсчеты А. Гийу к концу VII в. дают, как мы помним, трехкратное снижение численности германцев среди населения экзархата по сравнению с серединой VI в. (с 14 % до 5 %). В целом, непосредственное варварское воздействие на ход социальных процессов в Равеннском экзархате нужно признать исчезающе незначительным.

ПРОБЛЕМА «РАВЕННСКОГО СЕПАРАТИЗМА»

Термин «сепаратизм» (точнее «сепаратистские тенденции») был впервые применен к Византийской Италии Ш. Дилем¹¹¹. Под этим термином понималось стремление влиятельных социальных сил Италии освободиться от имперского диктата и добиться политической самостоятельности. Если говорить об итальянском Востоке — экзархате и Пентаполях, то комплекс экономических, социальных, культурных и идейных характеристик этой зоны, определивших ее специфику не только в рамках Византии, но и в масштабе Италии,

удачно обозначен А. Гийу французским словом «régionalisme». Рассмотрим их в сопоставлении с византийским и общеитальянским материалом.

Между областями Италии (в том числе — Восточной) и основными территориями Византии (Фракия, Греция, Македония, Иллирия, Малая Азия и пр.) существовали весьма серьезные различия в социальном и внутривластном аспектах.

На рубеже VII–VIII вв. можно говорить лишь о зарождении некоторых элементов феодализма в Византии¹¹². В Византийской Италии в ту же эпоху феодальные отношения в деревне хотя еще не достигли апогея, но развивались весьма интенсивно.

В крупных византийских городах, в первую очередь в Константинополе, сохранялось высокоразвитое ремесло¹¹³, еще в X в. существовали корпорации ремесленников и торговцев, действовавшие в условиях жесткой государственной регламентации¹¹⁴, поддерживались торговые связи между отдельными центрами¹¹⁵. Напротив, в Италии упадок ремесла, отмирание античных форм организации ремесленной и торговой деятельности, аграризация городской жизни свидетельствовали о том, что характерные для раннего Средневековья социальные изменения совершались здесь значительно быстрее, чем в самой Византии¹¹⁶.

В социально-политической и административной сферах свойственное Средневековью соединение в руках одних и тех же лиц военной и гражданской властей и экономического могущества на местах произошло в Италии сравнительно быстро и безболезненно. В итоге возник мощный общественный слой проживавших в городах крупных и средних земельных собственников, составлявших вооруженную силу Равеннского экзархата. В самой же Византии соответствующий процесс растянулся на несколько столетий, заполненных ожесточенными схватками между столичным патрициатом и фемной аристократией, между знатью старого и нового типа, и привел к иным социальным результатам¹¹⁷.

Церковь в Византии фактически была одним из элементов государственной системы¹¹⁸. На Западе папство выступало первоначально союзником, затем — все чаще и чаще — соперником государства. Другие итальянские иерархи, и в первую очередь равеннский архиепископ, также пользовались значительно большим влиянием в светских делах, чем епископы в Византии¹¹⁹.

Названные явления стали основой для антиимперских центробежных тенденций, развившихся в Византийской Италии. Вместе с тем ее восточные области обладали несомненной спецификой. Так, исключительно важной их характеристикой была относительно большая, чем в других районах Италии, эллинизованность. Равеннский экзархат в этом плане представлял собой «бастион Востока на Западе»¹²⁰. Названное обстоятельство стимулировало провизантийские симпатии населения, формировало обособленность экзархата от других византийских владений на Апеннингах, прежде всего от Рима.

В том же направлении воздействовала на ситуацию политика Византийской империи в Италии. Несомненно, что налоговый гнет императорского фиска ложился тяжелым бременем на экономику страны¹²¹. Ряд исследователей считает, что именно имперская податная система явилась главным фактором, приведшим к упадку итальянских городов в византийской зоне, сокращению торговли и аграризации экономики¹²². Следует все же отметить, что экзархат и Пентаполи обладали в этом плане определенными льготами. В Равенну стекались налоговые поступления со всех концов Италии¹²³. Уже в конце VI в. экзарху было предоставлено право распоряжения налогами с населения Сицилии, Сардинии и Корсики¹²⁴, формально не входивших в сферу его компетенции¹²⁵. Вскоре после завоевания Италии правительство приняло решение о возложении на купцов Апулии и Калабрии тяжелейшей фискальной повинности — «*coemptio*»¹²⁶. Не менее многочисленное и богатое купечество Равенны и Пентаполя Морского, по-видимому, избегло такой участи. Не исключено, что колоссальные вклады богатейших представителей этого социального слоя — аргентариев — в строительство церквей в Равенне и, видимо, на периферии — своеобразная компенсация правительству за эту льготу. Император Константин II по приезде в Италию ввел новые подати в Калабрии, Сицилии, Сардинии и Африке¹²⁷. Северная и Средняя Италия не были затронуты этими налогами. В годы правления архиепископа Репарата, по сообщению Агнелла, клирики Равенны были освобождены от ряда налогов («*ripaticum*», «*portaticum*», «*siliquatio*», «*teloneum*»)¹²⁸ и им разрешалось всюду торговать беспошлинно.

От того же времени до нас дошел фрагмент документа, содержащий описание привилегий, предоставленных императором Равеннской церкви. В его тексте указывается, что «никто не имеет права при- нуждать» священнослужителей Равеннской церкви или зависимых

от нее лиц («*sancta familia*») к несению государственных повинностей («*ad publicum functionem adducere*») и что все правовые полномочия по отношению к этим людям («*sub potestate vestra... dirigendum et iudicandum*») передаются архиепископии¹²⁹. В сущности, перед нами — выданная Равеннской церкви иммунитетная грамота. Этот вывод может быть подтвержден сообщением Агнелла. Он пишет об указе императора, по которому «ни церкви, ни монастыри (в равеннском диоцезе. — *О. Б.*), ни зависимые (*commenditos*) от церкви люди... не имели над собой ни судьи, ни сборщика налогов, ни какой-либо иной власти, кроме одного только епископа и правителя церкви»¹³⁰. Перечисленные привилегии вряд ли всерьез облегчали положение непосредственных производителей, так как в сущности не отменяли поборов, взимаемых с последних, а лишь меняли порядок их уплаты. Для различных же категорий господствующего класса льготы были весьма ощутимыми: купцы выигрывали за счет освобождения от налогов, крупные и средние земельные собственники за счет участия в получении доли доходов казны экзарха (как военные и чиновники), за счет использования предоставленных архиепископии иммунитетных привилегий (как арендаторы церковных земель). Естественно, что эта часть населения изучаемой зоны была более лояльна к империи, чем соответствующие социальные слои в Риме и Кампании.

Нельзя забывать, что равеннская архиепископия значительной частью своих богатств была непосредственно обязана империи (передача равеннской епископии обширного патримония арианской церкви в Италии, налоговые привилегии, дарения и завещания византийских чиновников и т. п.). Еще в большей степени зависело от империи политическое могущество Равеннской церкви. Она была церковью столичной, архиепископ имел непосредственную возможность оказывать влияние на экзарха, империя поднимала его авторитет в противовес авторитету папы, и потому интересы Константинополя и равеннской архиепископии в этой области смыкались¹³¹. Не менее влиятельная на крайнем северо-востоке Италии аквилейская патриархия тоже нуждалась в поддержке империи для сохранения своего автономного положения.

Интересы местных церквей были, таким образом, важным фактором, удерживавшим Восточную Италию в орбите византийского влияния.

Итак, области итальянского Востока испытывали одновременно воздействие общественных процессов, характерных для всей Византийской Италии, но не свойственных самой Византии, и влияние социальных обстоятельств, присущих прежде всего данной зоне, способствовавших ее автономному положению в Италии и часто — центростремительных по отношению к империи.

При параллельном рассмотрении развития истории лангобардской и итало-византийской зон Италии между ними явственно выступают черты сходства.

После исследований П. Г. Виноградова, а затем — А. И. Неусыхина сам факт постепенной феодализации лангобардского общества совершенно несомненен¹³². Ее основой был, как и всюду, процесс формирования феодальной земельной собственности. «Раздел римлян» между лангобардами, о котором сообщает Павел Диакон¹³³, означал только смену хозяев, продолжение эксплуатации зависимого римского населения (рабов и колонов) новыми господами¹³⁴. В дальнейшем крупная эксплуататорская собственность феодального типа получила в лангобардской Италии широкое распространение благодаря королевским и герцогским пожалованиям за службу¹³⁵. Соответственно, все более широкие круги лангобардской племенной знати приобретали черты знати феодального общества.

Параллельно шло развитие социальной поляризации в среде самих свободных лангобардов-ариманов. Разложение общины, выделение аллода создало экономическую основу для возникновения земельного неравенства. Более развитые позднеантичные социальные отношения, феодализируясь, стимулировали скорейшую феодализацию и собственно лангобардского общества. По словам А. И. Неусыхина, «в то время как лангобардское общество VII в. еще продолжало развиваться и видоизменяться в пределах варварского уклада дофеодального периода, параллельно шло развитие общественного строя итальянского (бывшего римского) населения, который эволюционировал в сторону возникновения раннефеодальных отношений через посредство изживания остатков рабовладельческого строя поздне-римской и остготской эпох»¹³⁶. Вероятно, эта важнейшая черта процесса феодализации в Лангобардии предопределила сходство его результатов здесь и в византийской зоне Италии.

Крупная земельная собственность получила широкое распространение в обеих зонах. Собственность светская очень часто сочеталась

с сосредоточением в тех же руках политической власти (собственность короля, герцогов, гастальдов, газиндов в Лангобардии¹³⁷; экзархов, *duces*, *tribuni* в Византийской Италии). Мощное развитие получила церковная земельная собственность¹³⁸. В будущем, в эпоху господства франков, она стала основной материальной базой превращения епископов в сеньоров своих диоцезов¹³⁹.

Проявилась тенденция к слиянию разных категорий зависимого эксплуатируемого населения в единый класс крестьянства. Различия между рабами и колонами; ими же, с одной стороны, и лангобардскими альдиями и литами — с другой; всеми перечисленными и мелкими свободными арендаторами земли — теряли принципиальный характер¹⁴⁰.

Города лангобардской Италии сохранили многие черты античных муниципиев — в топографическом оформлении городской территории, в сфере общественных обязанностей жителей города, в области судопроизводства и т. д. Здесь существовали торгово-ремесленные корпорации — наследницы античных коллегий и предшественницы средневековых цехов¹⁴¹. По своей организации они близко напоминали итало-византийские *scholae*. Как отмечает английский историк Ч. Викхем, социальная структура городов Лангобардии и Византийской Италии к нач. VIII в. имела много общих черт¹⁴².

Одни и те же лица (у лангобардов от короля до гастальда, у византийцев — от экзарха до трибуна) соединяли в своих руках военную, гражданскую, судебную, частично церковную власть в определенном регионе¹⁴³. В то же время в византийских владениях значительно большим политическим весом обладала церковь, сделавшаяся в конце концов не меньшей силой, чем светская власть. Это различие привело, однако, к сходным социальным последствиям — появлению ранних форм вассалитета: в лангобардской зоне при посредстве комменданции ариманов к крупнейшим представителям знати¹⁴⁴, в византийской — через возникновение категории «*familiares ecclesiae*»¹⁴⁵. И в том и в другом случае основой вассалитета оставались отношения собственности: пожалования у лангобардов, льготные аренды в Византийской Италии обеспечивали новому слою господствующего класса материальную основу существования. Структура высшего общественного класса приобретала, таким образом, характерные феодальные черты.

Несмотря на антироманизм лангобардов, экономические, прежде всего поземельные, отношения в Лангобардской Италии, как и в Византийской, уже к VIII в. выступали в позднеримском юридическом обрамлении. Были широко распространены эмфитевсис и либелла, дарение (*donatio*) с сохранением узуфрукта, прекарий (в Византийской Италии в меньшей степени)¹⁴⁶ и т. д. В этом отношении два основных политических организма в Италии уже не обнаруживали антагонизма, так как и в византийских, и в лангобардских владениях римская социальная основа в конечном счете доминировала¹⁴⁷.

Перечисленные черты сходства в социальном развитии двух исторических зон Италии не должны затушевывать различий. Несомненно, что церковная власть в Византийской Италии обладала большим влиянием, чем в лангобардской. Безусловно, несмотря на постепенную аграризацию экономики Равеннского экзархата и Пентаполей, городская жизнь была здесь более интенсивна, а торговля играла большую роль в хозяйстве страны. (Впрочем, с конца VII — начала VIII в. город и торговля в лангобардской части Италии вступают в стадию возрождения¹⁴⁸, и разрыв, существовавший в этой сфере между византийской и лангобардской зонами, сокращается). Бесспорны существенные отличия в составе населения двух основных итальянских ареалов и соответствующие им специфические черты в эволюции экономики, политической структуры и идеологии. Однако сравнительный анализ названных социальных организмов в момент их слияния свидетельствует, что к этому времени они не только двигались в одном и том же направлении, но находились на одном этапе пути¹⁴⁹. Их сходство выражается как в свойствах, присущих на определенной стадии развития всем феодализирующимся обществам, так и в качествах, характерных именно для итальянского феодализма (роль церкви, формы земельной собственности), проявившихся в незрелом виде уже в этот период¹⁵⁰.

Можно сделать вывод, что политически различные регионы Северной и Средней Италии развивались в VI–VIII вв. хотя и параллельно, но как части одной страны, прежде всего в социально-экономическом плане. В общности социального развития Лангобардии и византийской Романи следует видеть причину сравнительно безболезненного вхождения последней в состав Лангобардского королевства.

Проведенное исследование на конкретном материале подтверждает мысль о том, что положение экзархата и Пентаполей между собственно Византией и остальной Италией несло в себе серию внутренних противоречий.

Мы видели, что равеннская архиепископия к концу VII в. экономически и юридически привязала к себе наиболее влиятельную прослойку местного населения: войско — *exercitus*. В этом отношении *exercitus Ravennatis* повторил судьбу *militia* других областей Италии и прежде всего римской, вставшей в зависимость от папы. Можно было бы ожидать, что это обеспечит равенским архиепископам полную поддержку во всех начинаниях со стороны их многочисленных военных *familiages*. Поскольку высокий статус равеннского диоцеза в Италии был обусловлен альянсом с императорской властью, то, очевидно, *exercitus Ravennatis* должен был бы хранить верность империи.

Однако с того момента, когда в экзархате произошло слияние прав распоряжения землей (преимущественно — на основе льготной аренды у церквей) и военно-чиновничьих властных функций, на *exercitus Ravennatis* стали действовать те же социальные факторы, что и на войско-сословие других областей Византийской Италии. Для его представителей приобрели важность исключительно итальянские, а не имперские интересы; привилегии и льготы, которыми империя привлекала на свою сторону местные господствующие слои, утратили политическое значение, так как падение византийской власти уже никому не грозило потерей полученных преимуществ. Колебания религиозной политики Византии способствовали росту авторитета папства, так как его конфессиональная ортодоксальность и здесь, на востоке полуострова, не вызывала сомнений. В таких условиях почти перманентное противостояние императоров и пап систематически подрывало духовное влияние Византии в экзархате. Наконец, антиравеннские карательные акции Юстиниана II приучили широкие слои населения региона видеть в византийцах завоевателей и врагов, что наглядно проявилось в эпоху иконоборчества. В эти годы равеннцы выказывали иногда большую нелояльность по отношению к империи, чем римляне и неаполитанцы (как в 727 г., когда, завидев приближающиеся к городу корабли с византийскими войсками из Сицилии, равеннское войско немедленно выстроилось для сражения на равнине *Coriandri* у городских стен¹⁵¹).

Итак, на равеннское войско одновременно влияли факторы епископские и факторы антиимперские; поэтому когда равеннские понтифики выступали в политических коллизиях в поддержку Византии, *exercitus* оказывался в ситуации выбора и вполне мог предпочесть верности вассальным обязательствам ориентацию на Рим. Этим, по-видимому, следует объяснить осуществленное равеннскими гражданами-воинами изгнание из города провизантийски настроенного епископа вместе с экзархом в начале 30-х гг. VIII в., то есть нарушение договора с епископией со стороны ее *familiares*. Их примирение с архиепископом после захвата Равенны венецианцами, в сущности, было вынужденным, но оказалось достаточно прочным и долговечным, так как полная пассивность Византии в последние годы существования экзархата ликвидировала болезненную для *exercitus* дилемму.

Анализ этнических процессов в регионе позволяет заключить, что в масштабе Византийской Италии экзархат и оба Пентаполя являлись в VI–VIII вв. областями, испытывавшими сильное греко-восточное воздействие. Однако уровень их эллинизованности примерно с середины VII в. последовательно и значительно снижается и, в конечном итоге, перестает ощущаться как серьезный фактор, действующий в пользу их сближения с Византийской империей.

В социальной жизни экзархата незаметны следы непосредственного влияния варваров. Немногочисленные готы, еще более немногочисленные лангобарды и представители некоторых других варварских народов, оказавшиеся на территории экзархата, включаются в местные общественные структуры и растворяются в них. Вплоть до падения власти Византии в изучаемой зоне практически отсутствуют проявления варваризации.

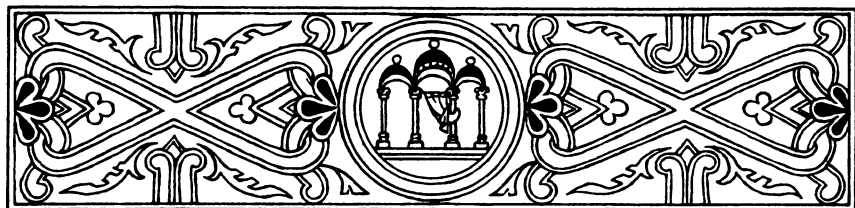
На протяжении изучаемого периода в жизни Равеннского экзархата качественно меняется роль внешнеполитических факторов. Если на первом этапе его истории (как и в любом другом здоровом обществе) война способствует социальной консолидации на общей патриотической платформе, то в последние десятилетия византийской власти ее устои совместно расшатываются как лангобардами, так и местным населением. Равеннская епископия, пекущаяся о независимости от Рима, остается в конце концов единственной значительной силой на северо-востоке страны, ориентированной провизантийски.

При этом в обстоятельствах социальной эволюции Лангобардской и Византийской Италии достаточно много общего. Они развиваются в одном направлении — по пути феодализации в западноевропейском, а не византийском варианте; в конечном счете это облегчает их слияние в единый общественный организм.

Таким образом, две рассмотренные выше тенденции социального развития изучаемой зоны — антиимперская и проимперская — внутренне неравноценны.

В основе первой тенденции лежат причины принципиальные: принадлежность к иному по сравнению с Византией экономическому, социальному, этническому типу, отсюда — иные темпы общественного развития, наконец — положение эксплуатируемой (через налоговую систему) окраины империи. В основе второй тенденции — причины временные, преходящие: торговые связи с империей (а они ослабевают), необходимость защиты от лангобардов (а она уже обеспечивается своими силами), высокий процент греко-восточного населения (а оно ассимилируется), интересы архиепископии (а над ними начинают превалировать интересы папства). Поэтому падение византийского господства в Восточной Италии, которое внешне выглядит результатом особого стечения политических обстоятельств, можно считать явлением вполне естественным. Уйдя из-под власти Византии, экзархат, Внутренний и Морской Пентаполи подтвердили свою принадлежность к западной цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С середины VIII столетия византийское господство перестает ощущаться на практике в жизни Северной и Средней Италии. Понятно, что само падение Равенны под натиском лангобардов, ликвидация административного центра византийского владычества на полуострове предоставили местным региональным лидерам возможность стать независимыми от империи. Следует констатировать, что этой возможностью в значительной мере воспользовались *duces* Неаполя, в некоторой степени (фактически, но не формально) — главы Венето и Истрии¹, а грекоязычные провинции итальянского Юга и вовсе остались верны империи. Римский дукат к этому времени на протяжении трех десятилетий подчинялся одним лишь папам. Что же касается собственно экзархата и обоих Пентаполей, то они, в сущности, сами подготовили свой переход под власть лангобардов: не потому, что симпатизировали варварам, но потому, что однозначно не желали терпеть господство императоров-иконоборцев. Замечательна в этом смысле фраза римской «Книги понтификов» о том, что в 727 г. города Эмилии «сами передались» («*se tradiderunt*») лангобардскому королю Лиутпранду². Таким образом, поведение регионов Византийской Италии отнюдь не было жестко детерминировано политической ситуацией середины VIII в. Рим, Равенна и Неаполь отделились от Византии, в основном самостоятельно избрав свою судьбу, и тем самым предопределили свое дальнейшее развитие в рамках западноевропейской цивилизации.

Конечно, Византия и Италия находились на разных стадиях общественного развития. По темпам феодализации изучаемая зона опережала собственно Византию, владением которой являлась. В то же время в VIII в. в Византийской и в Лангобардской Италии феодали-

зация общественных процессов достигла примерно одного уровня. В них совпадали и многие конкретные проявления феодализма, специфичные для Италии и отличавшиеся от византийских.

Указанное обстоятельство, наряду с языковым и культурным факторами, определяло органичность Италии как социокультурной общности. Вместе с тем было бы неправильно преувеличивать значение этих стимулов к единению для конкретно-политической истории Апеннинского полуострова. Известно, что несмотря на их влияние, Италия не знала политического единства до второй половины XIX в.

В социальном смысле отпадение Италии от Византии обеспечил ее господствующий класс, консолидировавшийся в течение VII столетия как войско-сословие. Экономически он был заинтересован в освобождении от имперского налогового гнета, идеологически — в отсутствии византийского конфессионального диктата, политически — в ориентации на собственных, местных, лидеров (и в наибольшей степени — на римского папу), в культурном плане — в опоре на римские традиции и свободе от эллинизации (вспомним стихотворную «Инвективу против Рима»).

Будучи не в силах содержать вдали от столицы огромные регулярные воинские контингенты, империя опробовала в Италии вариант формирования иррегулярной армии на местной основе. Такой подход был естественен в феодализирующемся государстве, отошедшем от традиций космополитической Восточной империи, — в новой, гомогенной, грекоязычной Византии. Но вряд ли он мог привести к успеху в столь гетерогенном для нее регионе, как итальянский. Названный вариант не стал следствием единовременной военной реформы; средневековые по содержанию тенденции формирования воинского устройства развивались в Италии спонтанно и постепенно в течение полутора веков. В частности, и поэтому результат оказался плачевным для империи: к концу византийской эпохи итальянское войско-сословие ничем не было связано Византии, ничего от нее не получало и никак от нее не зависело. Императоры могли приказывать, но в их руках не было инструментов, способных заставить *exercitus Italicus* выполнять их распоряжения.

Реальные экономические, правовые и моральные узы связывали господствующий класс Италии с церковью. Сказанное имеет непосредственное отношение к ряду значительных епископских кафедр (пример равеннской архиепископии подробно рассмотрен в данной монографии), но в роли общетальянского лидера, конечно, выступало папство. Именно римские понтифики взяли на себя ответственность

за противодействие Византии и претерпевали разнообразные невзгоды во время обострения конфликтов с империей (арест папы Мартина I, разграбление Рима императором Константином II). Но в стратегическом отношении в ходе вероисповедных коллизий папство всегда не теряло, а приобретало. В условиях наибольшего обострения отношений империи и папства — в эпоху иконоборчества — у римских понтификов вообще не нашлось открытых противников в Италии. Равеннская архиепископия, всесторонне заинтересованная в альянсе с Византией, пыталась сохранить верность Константинополю (впрочем, прямо не выступая против Рима), и тогда ее предали собственные *familiares*, продемонстрировавшие большую верность общецентральным идеалам, чем условиям вассальной присяги. Вряд ли эти люди задумывались о последствиях своих действий для самой Равенны: с этого времени их город перестает играть самостоятельную политическую роль в Италии. Окончательное подчинение равеннского диоцеза Риму при архиепископе Сергии (50-е гг. VIII в.) знаменовало собой конец существования особого равеннского политического феномена.

Комплексное изучение истории Равеннского экзархата и обоих Пентаполей на протяжении втор. пол. VI — пер. пол. VIII в. позволяет сделать вывод о развитии данного региона по пути феодализации. В аграрной сфере это выражалось в складывании характерных для феодализма типов рент; в соединении в одних руках собственности на землю и публично-правовых полномочий; в постепенном превращении некоторых видов аренды в условную земельную собственность и формировании на этой основе отношений вассально-сеньориального типа. В городе симптомами феодализации необходимо считать распространение церковной юрисдикции на многие типично светские области социальной действительности; возникновение характерных средневековых форм организации ремесла. Отметим, что в течение византийского периода истории региона процесс формирования феодальных отношений не успел прийти к завершению, и рассматриваемые два столетия целиком принадлежат эпохе перехода от античности к Средневековью. Этот вывод можно предположительно отнести и к другим областям Византийской Италии.

Воздух Италии рождает сепаратистов. Чиновники, присланные из Константинополя (экзарх Элефтерий, хартулярий Маврикий, экзарх Олимпий), оказавшись на Апеннинах, пытаются стать независимыми от империи, опираясь на местные политические силы. Однако их успехи эфемерны. В Италии живы воспоминания о великом Древнем

Риме, но создать на их основе стройную идейную концепцию, а затем и приступить к ее реализации под силу только римским папам. Время для этого настанет с началом иконоборчества в Византии, когда папы приобретают возможность самостоятельно строить политические взаимоотношения со всем внешним миром, в том числе — с королями франков. (Не случайно современный историк датирует этим временем начало Средневековья в Риме³.)

В результате пожалования Пипина Короткого на базе совокупности итальянских территорий, в числе которых *Exarchatus*, формируется светское папское государство. В римской курии рождается «Константинов дар», и в последние дни VIII в. провозглашенные в нем принципы воплощаются в жизнь в ходе коронации папой Львом III франкского короля Карла Великого. Карл коронован как соправитель римского папы-императора Запада: так совершается первая папская инвеститура. Мы видим, что сложившееся в Византийской Италии уникальное сочетание факторов (традиции императорского античного Рима, наличие в Вечном городе епископа — патриарха Запада, формально легитимная и одновременно чуждая Италии власть Восточной империи) стимулировало появление идеологической парадигмы, влияние которой сказывается затем на протяжении всего Средневековья. Так реализовалась важнейшая идейная тенденция развития Византийской Италии, чье отпадение от Византии явилось закономерным событием, обусловленным ходом ее социально-политической и духовной эволюции.

Принятая большинством отечественных медиевистов типология, в создании которой сыграли решающую роль работы А. Д. Люблинской, А. Р. Корсунского, З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой, предусматривает существование четырех вариантов генезиса феодализма: бессинтезного пути на основе саморазвития варварских элементов; синтеза варварских и античных начал с преобладанием варварских; уравновешенного синтеза; синтеза с преобладанием античных начал⁴. Уже на первый взгляд видно, что данная схема не позволяет реализовать полный спектр возможностей, заключенных в ее исходных предпосылках; здесь недостает бессинтезного пути на основе саморазвития античных социальных структур. Такая неполнота, «искривленность» схемы связана с распространенным убеждением, что античный путь социально-экономической эволюции яв-

лялся «тупиковым», неспособным к репродуцированию новых социальных форм, — убеждением априорным и, в сущности, никем не доказанным.

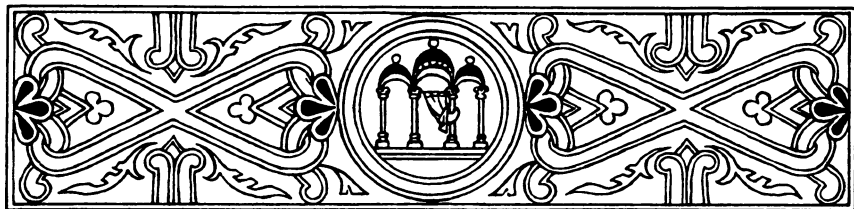
В соответствии с данной типологией Италия в целом принадлежит к числу регионов, где «синтез был осуществлен в условиях известного преобладания римских элементов»⁵. Данный вывод сделан на материале Лангобардской Италии. Как неоднократно отмечалось в историографии, в Остготском королевстве срок сосуществования и взаимовлияния варваров и римлян «был, по-видимому, слишком мал для того, чтобы взаимодействие римских и германских начал привело к феодальному синтезу»⁶. Синтез произошел позднее, после прихода в Италию лангобардов. Иная ситуация сложилась в Равеннском экзархате. Ни в одной сфере его общественной жизни не удается обнаружить черт варваризации. Социально-экономическое развитие экзархата с сер. VI до сер. VIII в. шло в рамках государства, заинтересованного в поддержании античных норм и традиций и тщательно их оберегавшего. Это развитие протекало в условиях сохранения многочисленных форм и явлений общественной жизни, характерных для античности: в сельской местности — древней системы земельного межевания, античных типов собственности и аренды, традиционной сельскохозяйственной техники и др.; в городе — муниципальной организации, курии, системы коллегий; повсеместно — античной социальной терминологии. Если какая-либо из этих форм постепенно отмирала, то она никогда не вытеснялась и не заменялась германской. Немногочисленные германцы, проживавшие в Равеннском экзархате или временно здесь оказавшиеся, не приносили с собой варварских общественных отношений. Напротив, они интегрировались, «вписались» в общество, социально ассимилировались, потеряв варварские признаки. Сказанное позволяет видеть в Равеннском экзархате специфический социальный анклав, где феодальные отношения складывались бессинтезным образом, становились следствием саморазвития позднеантичных общественных порядков, уже содержащих в себе элементы феодализма.

Присутствие в Италии лангобардов ощутимо повлияло на эти процессы. Лангобардское завоевание части Италии, а затем — перманентное военно-политическое давление на экзархат, оказываемое варварами, стали мощными ускорителями феодального развития региона. Они стимулировали своеобразную милитаризацию общества и тем способствовали формированию иерархически организованного слоя вооруженных земельных собственников: воинов в сословном отноше-

нии и землевладельцев феодального типа в социальном. Но источники не дают оснований говорить о симбиозе романских и варварских общественных отношений в византийских областях Италии.

Разумеется, в реальной жизни ни один общественный процесс не развивается совершенно изолированно. Живое человеческое общество — не исследовательская лаборатория и не интеллектуальная абстракция. Поэтому бессинтезность не предполагает полного отсутствия в обществе варварских элементов. Но взаимодействие античных и варварских элементов, как некогда заметил М. Я. Сюзюмов, осуществлялось как борьба противоположностей⁷, и если один из них, слабейший, полностью поглощался другим, то нет и оснований говорить о синтезе. В данном случае сказанное относится к Равеннскому экзархату, взятому как конкретное историческое явление, ограниченное в пространстве и во времени. Если исходить из идеи Б. Ф. Поршнева о том, что антично-варварский синтез — не способ генезиса феодализма, а общее свойство всей феодальной формации⁸, то следует признать, что и в эволюции Восточной Италии германское начало сыграло свою роль: оно проявилось после падения Равеннского экзархата — при лангобардах и франках, его присутствие сказывалось и позднее — в эпоху борьбы между империей и папством. (Правда, в последнем случае открытым остается вопрос, в какой мере его можно считать варварским.) Но история Равеннского экзархата в ее собственных временных границах (до 751 г.) представляет исследователю сравнительно редкую возможность наблюдать, как в недрах позднеримского социального строя автономно возникают средневековые общественные формы.

Пример Равеннского экзархата наверняка не уникален. Следует предполагать, что сходная социальная ситуация складывалась везде, где постоянно (или длительное время) отсутствовали (или почти отсутствовали) пришлые варвары, а местная патриархальная община исчезла уже в эпоху античности. Можно ожидать, что тип генезиса феодализма был идентичен описанному, например, в Лациуме, в ряде районов Южной Италии, Прованса, на некоторых средиземноморских островах и т. д. Впрочем, для определенного суждения об этом необходимы особые исследования и выводы узких специалистов. Но даже если аналоги Равеннскому экзархату не будут найдены, все равно существующая четырехчленная формула генезиса феодализма нуждается во включении в нее пятого компонента.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Первые упоминания об «экзархате» в узком смысле слова в дошедших до нас источниках относятся ко времени правления римского папы Стефана III (752–757) (*Le Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaire par L. Duchésne*. Т. I. Р., 1955. Р. 440, 444, 453). Особенно важен т. н. «Пипинов дар» — адресованная римской курии дарственная грамота франкского короля Пипина Короткого на ряд итальянских территорий, в том числе и на Равеннский экзархат (текст сохранился в составе «Книги понтификов Римской церкви» — *Liber Pontificalis...* Т. I. Р. 454); здесь подробно перечисляются города и местности, входившие в «Еxarchatus».

2. См. о них: *Брун М.* Византийцы в Южной Италии в IX и X вв. Очерк из истории византийской культуры. Одесса, 1883; *Gay L.* L'Italie Meridionale et l'Empire Byzantine. (Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome, 40). Р., 1904; *Borsari S.* Il monachesimo bizantino nella Sicilia e nell'Italia Meridionale gregoriana. Napoli, 1963.

3. Слово «Пентаполь» означает «Пятиградие». Внутренний («Средиземный») Пентаполь — «*Pentapolis Mediterranea*» — область в Средней Италии, примыкавшая с Запада к Пентаполю Морскому и включавшая в себя округу городов Иези, Кальи, Губбио, Фоссомброне и Урбино, а позже Озимо. О территориальном составе обеих Пентаполей см.: *Tonini A.* Storia civile e sacra Riminese. Т. II. Rimini, 1856. Р. 153; *Natalucci N.* Ancona attraverso i secoli. Т. I. Città di Castello, 1960. Р. 175.

4. Территория «Пентаполя Морского» (*Pentapolis Marittima*) располагалась южнее Равеннского экзархата вдоль Адриатического побережья и включала в себя округу городов Римини, Пезаро, Фано, Синигилия, Анкона. В ходе дальнейшего изложения под именем «Пентаполь» подразумевается Пентаполь Морской. Пентаполь Внутренний называется его полным наименованием.

5. Территория экзархата в узком значении термина совпадала на востоке с береговой линией Адриатического моря от устья р. По до Римини, на севере ограничивалась нижним течением р. По, на западе проходила по р. Панаро до Модены, далее шла к Монтевельо и Апеннинским горам, оттуда — на юго-восток к Сарсине и дальше, на восток — к Римини. См. специальные работы: *Felici-angeli B.* Longobardi e Bizantini lungo la Via Flaminia: appunti di corografia storica. Camerino, 1908; *Palmieri A.* Un probabile confine dell'Esarcato di Ravenna nell'Appennino Bolognese (Montovolo–Vimignano) // Atti e Memorie della Deputazione di Storia Patria per le provincie di Romagna. S. 4a, T. IV. Bologna, 1913–1914. P. 38–87; *Cagiano de Azevedo M.* Note sul «limes greco» verso i Longobardi // Vetera Christianorum, a. 10. Bari, 1973. P. 351–360.

6. Понятие «контактная зона» в отечественной историографии разработано В. Д. Королюком. См.: *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования контактных зон в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 158–184. В византистике концепцию «контактной зоны» на материале лимитрофных имперских административных структур, сложившихся на исторической территории Армении, обосновала В. А. Арутюнова-Фиданян. См.: *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

7. Речь идет именно о завоеваниях, а не об отдельных варварских набегах, многочисленных в истории большинства римских провинций. Впрочем, Италия, видевшая на своей земле кимвров, тевтонов, маркоманов, алеманнов, вестготов, вандалов, гуннов, герулов, гепидов, ругов, квадов, свевов и др., удерживает первенство и в этом отношении.

8. В большинстве случаев при употреблении сочетания «Равеннский экзархат» из контекста очевидно, идет ли речь обо всей территории Византийской Италии или о конкретной области на северо-востоке полуострова. В сомнительных ситуациях автор будет указывать, в каком смысле слова употреблено данное понятие.

9. *Blondii Flavii Forlivensis Historiarum ab inclinitate Romanorum Decades. Venetiis, 1484; Baronius C.* Annales ecclesiastici. T. 7–9, Anvers, 1658; *Alberto L.* Discriptio totius Italiae. Basilia, 1556.

10. *Spreti D.* Della grandezza, della ruina e della restaurazione di Ravenna. Pesaro, 1574; *Thomai T.* Historia di Ravenna. Pesaro, 1574; *Rubeus G.* Historiarum Ravennatum libri decem. Ravenna, 1580.

11. См., в частности: *Chiaromonti S.* Cesenae historia. Cesena, 1640; *Vecchi-azzani H.* Historia di Forlìpopoli. Rimini, 1647; *Siena L.* Storia della città di Sinigallia. Sinigallia, 1764.

12. *Fabri D.* Le sagre memorie di Ravenna antica. Venetia, 1664.

13. *Pinzi G.* De nummis ravennatibus dissertatio singularis. Venezia, 1750.

14. *Dal Corno T. F.* Ravenna dominante Sede d'Imperatori, Re et Esarchi. Ravenna, 1715.

15. *Jungmann J. K.* Kritische Geschichte des Exarchatus und Herzogthums Röm. Frankfurt, 1791.

16. *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. V. (любое издание).

17. *Calisse C.* Il governo dei Bizantini in Italia. Roma, 1885; *Hartmann L. M.* Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540–751). Lpz., 1889; *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568–751). P., 1888.

18. *Diehl Ch.* Op. cit. P. 293–299.

19. *Ibidem.* P. 366.

20. *Cohn H.* Die Stellung der byzantinischen Statthalter in Ober-und-Mittel-Italien (570–751). Diss. B., 1889; *Berti G.* Antichi porti militari e commerciale, antico andamento del mare e dei fiumi e minori porti ed approdi nel circondario di Ravenna. Roma, 1879; *Lüther P.* Röm und Ravenna bis zum 9 Jahrhundert. Ein Beitrag zur Papstgeschichte. B., 1889.

21. *Guldencrone D. de.* Italie Byzantine. Etudes sur le Haut Moyen Age. P., 1914.

22. *Bertolini O.* Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941. Работа содержит огромную библиографию: P. 779–831.

23. *Ibidem.* P. 699.

24. *Ibidem.* P. 701–702.

25. *Idem.* Roma i longobardi. Città di Castello, 1972.

26. Рассказывая о поддержке, оказанной Римскому Престолу лангобардами в период иконоборчества, историк ссылается при этом на замечание «Книги понтификов Римской церкви» о том, что лангобарды и византийцы «una se quasi fratres fidei catena pro difensione pontificis» («соединены как братья единой верой в деле защиты понтифика»). *Bertolini O.* Op. cit. P. 35.

27. *Christou K. P.* Byzanz und die Langobarden. Von der Ansiedlung in Pannonien bis zur endgültigen Anerkennung (500–680). Athen, 1991.

28. *Jarnut J.* Rezension: *Christou K. P.* Byzanz und die Langobarden. Athen, 1991 // Byzantinische Zeitschrift, Bd. 84–85, Heft 2, 1991–1992. S. 531–532.

29. *Simonini A.* La Chiesa Ravennate. Splendore e tramonto di una metropoli. Ravenna, 1964; *Idem.* Autocefalia ed esarcato in Italia. Ravenna, 1969.

30. *Fasoli G.* Tracce dell'occupazione longobarda nell' Esarcato // Atti e Memorie dell'Deputazione di Storia patria per le provincie di Romagna, NS. III, Bologna, 1951–1953. P. 33–55; *Eadem.* Aspetti di vita economica e sociale dell'Italia del secolo VII // Settimani di studio del Centro Italiano sull'Alto Medio Evo, t. I, Spoleto, 1958. P. 103–159.

31. *Eadem.* Il dominio territoriale degli arcivescovi di Ravenna fra l'VIII e l'IX secolo // I poteri temporali di vescovi in Italia e in Germania nel Medioevo. Ed. G.-G. Mor e H. Smiedungen. Bologna, 1979. P. 87–140.

32. *Ruggini L.* Economia e Società nell' Italia Annonaria. Rapporti fra agricoltura e commercio dal IV al VI secolo d. Cr. (Fondazione G. Castelli, 30). Milano, 1961. P. 406–437.

33. *Rasi P.* «Exercitus Italicus» e milizie cittadine nell'alto medioevo. Padova, 1937.

34. *Llewellyn P.* Rome in the Dark Ages. L. 1970. P. 141, 158, 169.

35. *Brown T. S.* Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. A. D. 554–800. Rome, 1984.

36. Op. cit. P. 39.

37. Op. cit. P. 108.

38. *Guillou A.* Demography and Culture in the Exarchate of Ravenna // *Idem.* Studies on Byzantine Italy. L., 1970. P. 210–217; *Idem.* Esarcato e Pentapoli. Regione psicologica dell'Italia Bizantina // *Ibidem.* P. 297–319; *Idem.* De collectivité rurale a la collectivité urbaine en Italie Méridionale Byzantine VIe–XIe siècles // *Idem.* Culture et Société en Italie Byzantine (VIe–XIe siècles) L., 1978. P. 315–325; *Idem.* L'Habitat nell'Italia bizantina. Esarchato, Sicilia, Catepanato (VII–XI sec.) // *Ibidem.* P. 169–183; *Idem.* L'école dans l'Italie Byzantine // *Ibidem.* P. 291–311.

39. *Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantine au VIIe siècle. L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie (Istituto storico italiano per Alto Medio Evo. Studi storici. Fasc. 75–76). Roma, 1969.

40. *Ibidem.* P. 236–246.

41. *Delogu P., Guillou A., Ortalli G.* Longobardi e Bizantini. (Storia d'Italia, diretta da G. Galasso. Vol. I.) Torino, 1980.

42. *Ibidem.* P. 279. Однако французский ученый едва ли прав, когда считает Компсина экзархом.

43. *Ibidem.* P. 290.

44. *Ibidem.* P. 282.

45. *Ibidem.* P. 296.

46. *Carile A.* La formazione del ducato veneziano // *Carile A., Fedalto G.* Le origini di Venezia, Bologna, 1978. P. 1–250; *Idem.* L'iconoclasmo fra Bizanzio e l'Italia // Culto delle immagini e crisi iconoclasta. Palermo, 1986. P. 13–54; *Idem.* Continuità e mutamento dei ceti dirigenti dell' Esarcato fra VII e IX secolo // Atti del Convegno «Istituzioni e società nell'alto medioevo Marchigiano», Ancona, 1983. P. 115–145; *Idem.* La presenza bizantina nell'alto Adriatico fra VII e IX secolo // Antichità Altoadriatiche, 27, 1985, Studi Iesolani. P. 107–129; *Idem.* L'area Altoadriatica nella politica bizantina fra VII e IX secolo // La civiltà Comacchiese e Pomposiana dalle origini preistoriche al tardo medioevo. Atti del Convegno Nazionale di studi storici. Comacchio 1984, Bologna, 1986. P. 377–400; *Idem.* Terre militari, funzioni e titoli bizantini nel «Breviarium» // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro). Istituto storico Italiano per il Medio Evo, Studi Storici, fasc. 148–149. Roma, 1985. P. 81–94.

47. *Idem.* Dal V all'VIII secolo // Storia dell'Emilia-Romagna. A cura di A. Beselli, Bologna, 1976. P. 333–363; *Idem.* Bizanzio e Italia Bizantina. Temi e problemi // *Idem.* Materiali di storia bizantina. Bologna, 1994. P. 187–278.

48. *Idem.* Bizanzio e Italia Bizantina... P. 243.

49. Storia di Ravenna. t. II. Dall'età Bizantina all'età Ottoniana. A cura di A. Carile. 1. Territorio, economia e società. 2. Ecclesiologia, cultura e arte. Ravenna, 1991.

50. Кудрявцев П. Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до ее восстановления Карлом Великим. М., 1860.

51. Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959; Она же. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. № 3. 1958. С. 21–57; Она же. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии // Советская археология, XXVIII, 1957. С. 317–332; Она же. Рабство и колонат в Византийской Италии во второй половине VI–VII вв. (Преимущественно по данным равенских папирусов) // Византийские очерки. М., 1961. С. 93–120.

52. См.: Удальцова З. В. Италия и Византия... С. 439–394; Она же. Политика византийского правительства... С. 23–27; Она же. Прагматическая санкция Юстиниана... С. 318–326.

53. Удальцова З. В. Рабство и колонат в Византийской Италии... С. 113, 116.

54. См., например, о ходе археологических изысканий в Северной Италии: Mannoni T. e Poleggi E. The Condition and Study of Historic Town Centres in North Italy // European Towns. Their Archaeology and Early History. London—New-York—San-Francisco, 1977. P. 219; в Средней и Южной Италии: Otranto G. Italia Meridionale e Puglia paleochristiane. Saggi storici. (Scavi e ricerche, 5), Bari, 1991. P. 330.

55. Patitucci Uggeri S. Testimonianze archeologiche del «castrum Comiacum». Relazione praeliminare degli scavi 1975 // Archeologia Medievale, III, 1976. P. 283–291.

56. Baye J., de. Etude archéologique. Epoque des invasions barbares. Industrie longobarde. P., 1888; Åberg N. Die Goten und Langobarden in Italien (Arbeiten Utgifna med Undersöd med af Ekmans universitetsfond, Uppsala). Uppsala—Haag—Leipzig—Paris, 1923; Hessen O., von. I. Ritrovamenti barbariche nelle collezioni civiche veronese di Castelvecchio. Verona, 1968; Idem. Die langobardische Keramik aus Italien (Deutsche Archaeologisches Institut. Röm). Röm, 1970; Idem. Primo contributo alla archeologia longobarda in Toscana. Le necropoli. Firenze, 1971; Idem. Secondo contributo alla archeologia longobarda in Toscana. Reperti isolati e di provenienza incerta (Associazione Toscana di scienze e lettere «La Colombaria», Studi XLI). Firenze, 1975.

57. Библиографию археологических работ по истории Византийской Италии см. в кн.: Delogu P., Guillou A., Ortalli G. Longobardi e Bizantini... P. 326–327. Полная сводная характеристика археологических памятников Эмили-Романьи довизантийского (римского и готского) времени содержится в книге: Tabanelli M. La Romagna Romana. Ravenna, 1980.

58. Использовано классическое издание: Corpus inscriptionum latinarum (далее — CIL). Vol. I–XVI. Berolini, 1863–1957.

59. См. например: Manitius M. Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1964–1965. Bd. I–III.

60. *Smalley B.* *Historians in the Middle Ages.* N. Y., 1974.
61. *Gerland E.* *Die Grundlagen der byzantinischen Geschichtsschreibung // Byzantion.* Bruxelles, 1933, T. VIII.
62. *Schmale F.-J.* *Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung: eine Einführung.* Darmstadt, 1985. S. 105.
63. *Gründmann H.* *Geschichtsschreibung im Mittelalter: Gattungen—Epochen—Eigenart.* Göttingen, 1978.
64. Самый ранний известный список такого типа был составлен Гегесиппом ок. 150 г. Сохранились сведения о более поздних каталогах Иренея (70-е годы II в.), Ипполита (ок. 235 г.) и др. В основу первых глав «*Liber pontificalis*» лег так называемый «Каталог Либерия» (составленный не лично этим папой, но в годы его правления: 352–366 гг.). Подробнее см.: *Rosenfeld F.* *Über die Composition des Liber Pontificalis bis zu Papst Constantin.* Marburg, 1896.
65. Л. Дюшень основывался на так называемой «Феликсовой эпитафеме» «Книги понтификов», заканчивающейся правлением Феликса IV. Т. Моммзен полагал, что и эта эпитафа появилась только в VII в. Кроме того, Л. Дюшень усмотрел в «Деяниях франков» Григория Турского (конец VI в.) аллюзию на «Книгу понтификов», однако Т. Моммзен счел этот факт спорным. Аргументы Л. Дюшени и Т. Момзена см. в исследованиях, предпосланных их изданиям «Книги понтификов»: *Le Liber Pontificalis / Texte, introduction et commentaire par L. Duchésne.* P., 1955, T. I–II (editio princeps — P., 1886–1892); *MGH. Gestorum Pontificum Romanorum / Hrsg. von Th. Mommsen.* B., 1898. T. 1: *Liber Pontificalis pars prior.*
66. *Angellus qui et Andreas.* *Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis // MGH. Scriptorum rerum langobardicarum et italicarum.* Saec. VI–IX / Ed. O. Holder — Egger, Hannoverae, 1878.
67. *Ibidem.* P. 275.
68. Подробнее о «Книге понтификов Равеннской церкви» и ее авторе см.: *Brill J.* *Der «Liber Pontificalis» des Agnellus.* Diss. phil. Münster, 1974; *Nauerth C.* *Agnellus von Ravenna: Untersuchungen zur archäologischen Methode des ravennatischen Chronisten.* München, 1974; *Бородин О. Р.* *Итальянский историк IX в. Агнелл из Равенны и его мировоззрение // Проблемы истории античности и Средних веков.* М., 1981. С. 49–66.
69. *Gesta episcopum Neapolitanorum // MGH. Scriptorum rerum langobardicarum...* P. 414.
70. Сохранившейся отрывок третьей части «Деяний...» так невелик по объему, что говорить об ее идейной направленности и содержательных достоинствах не представляется возможным.
71. *Chronica patriarchum Gradensium // MGH. Scriptorum rerum langobardicarum...* P. 392–397.
72. Начиная с XI–XII вв., собственные «Книги понтификов» составляются в десятках епископских центров. Они продолжают создаваться в Италии (Милан, Аквилея), появляются в городах Франции (Ангулем, Оксерр, Перигор, Кам-

бре, Валансе, Руан, Тур, Мец, Туль, Верден и др.), Германии (Майнц, Кёльн, Трир, Магдебург, Мерзебург, Бранденбург, Регенсбург, Лорш, Фрейзинген, Мюнстер, Гильдесгейм, Айнштадт, Гальберштадт, Оснабрюк и др.), Фландрии (Льеж и Маастрихт), Швейцарии (Лозанна), Скандинавии (Лунд), Финляндии и т. д. Они редко именуются «Liber Pontificalis». Более широко распространены названия «Chronicon episcoporum...» или «Chronicon archiepiscoporum...», «Gesta episcoporum...» (archiepiscoporum), «Historia episcoporum...» (archiepiscoporum, pontificum etc.).

В некоторых из них не выдерживается сколько-нибудь четко основной признак жанра — показ истории церковного центра через серию биографий его руководителей. История епархии может приближаться по форме к обычной хронике или даже анналам. Но генетически все они восходят к первой, римской, «Книге понтификов», продолжавшей играть роль образца для благочестивых историографов католических епископий. Влияние других «Книг понтификов», напротив, могло проявляться только в региональных рамках. (См., например, о влиянии равеннской «Книги понтификов» на создание соответствующего произведения церковными историографами Милана: *Ferrai L. Agnello Ravennate e il Pontificale Ambrosiano // Archivio storico Lombardo*, Ser. III. Milano, 1895. Vol. III. P. 277–302.) Чем ближе следовал историк этому образцу, тем точнее воспроизводил он не только содержательные, но и формальные его признаки, и в строгом литературоведческом смысле слова только такие произведения мы можем отнести к данному жанру. Но в плане развития историографической традиции мы вправе, конечно, воспринимать как некую общность более обширную семью средневековых исторических памятников, характеризующихся двумя признаками: единством происхождения (от римской «Книги понтификов») и единством тематики (история епископских диоцезов).

73. Автор пользовался изданием О. Хольдер-Эггера: *Pauli Diaconi Historia gentis langobardorum // Scriptores rerum langobardicarum...* P. 12–187.

74. Используются издания: *Procopii Caesariensis Opera Omnia / Rec. J. Hauri*. Vol. I–IV. Lipsiae, 1963; *Agathii Myrinaei Historiarum Libri quinque / Rec. G. B. Niebuhrius // Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Vol. II. Berolini, 1828; *Ex Historia Menandri Protectoris Excerpta // Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt*. Bonnae, 1829. P. 279–444; *Theophilacti Simocattae Historiae / Ed. de Boor*. Lipsiae, 1887; *Theophanis Chronographia / Rec. de Boor*. Vol. I–II. Lipsiae, 1883; *Gregorii episcopi Turonensis Historia Francorum / Ed. W. Arndt // MGH. Scriptores rerum Merovingicarum*. T. I. Hannoverae, 1884; *Fredegarius Scholasticus*. *Fredegarii et aliorum chronica / Ed. B. Krusch // MGH. Scriptores rerum Merovingicarum*. T. II. Hannoverae, 1888; *Origo gentis langobardorum // Scriptores rerum langobardicarum...* P. 1–7.

75. *Migne J. Patrologiae cursus completus... Series latina...* (далее — PL), T. 67. Col. 1167–1254.

76. Оба произведения опубликованы: PL. T. 76.

77. Ed.: S. Gregorii I Papae Dialogi de vita et miraculis patrum italicorum. A cura di U. Moricca. Roma, 1924. «Диалоги» Григория Великого тщательно проанализированы в книге: *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V — середина VII века). М., 1989. С. 186–193.

78. Опубликовано: PL. Т. 77. Col. 13–128.

79. См. специальное исследование об этом труде: *Guillou A.* L'évêque dans la société méditerranéenne du VIe–VIIe siècles. Un Modèle // Idem. Culture et Société... P. 5–19.

80. *Weber L.* Hauptfrage der Moralthologie Gregors des Grossen. Ein Bild Altchristlicher Lebensführung. Freiburg in der Schweiz, 1947. S. 14–37, 257.

81. PL. Т. 75–76.

82. Письма Григория I опубликованы: MGH. S. Gregorii Magni Registrum epistolarum / Ed. P. Ewald. Т. I–II, 1891–1899.

83. См.: *Coelestin Vivell P.* Vom Musik-Traktate Gregor's des Grossen. Eine Untersuchung über Grégor's Autorschaft und über den Inhalt der Schrift. Lpz., 1911. S. 109–120.

84. PL. Т. 87. Col. 119–135, 138–154, 175–179, 181–192 etc. Среди них — представляющие исключительный интерес письма из ссылки. См. их русский перевод с соответствующим комментарием: *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма. (Статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в Средние века. Выпуск I. М., 1991. С. 173–190.

85. Ibidem. Col. 1161–1259.

86. PL. Т. 89. Col. 507–511, 513–521, 521–524.

87. PL. Т. 87. Col. 103–106.

88. «Мученичество св. Аполлинария» опубликовано: Acta sanctorum, Jul. V. Antwerpen, 1727. P. 344–347.

89. См. это предисловие: PL. Т. 89. Col. 359–360.

90. PL. Т. 87. Col. 587–598.

91. Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae. // Mansi, X. Col. 583–861; PL. Т. 87. Col. 111–120.

Далее памятник именуется сокращенно: «Commemoratio».

92. «Помолитесь же за меня, недостойного раба, написавшего это, чтобы вместе с вами удостоился я милосердия Христа, вечного Бога нашего, аминь».

93. Разночтения учтены в цит. издании И. Манси.

94. Scholion sive Hypomnesticum // PL. Т. 129. Col. 681–690 или Patrologiae cursus completus... Series graeca (далее — PG). Т. 90. Col. 193–202.

95. Опубл.: *Елифанович С. Л.* Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. Киев, 1917. С. 10–20.

96. Там же. С. 11.

97. *Peitz W. M.* Martin I und Maximus Confessor: Beiträge zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645–667 // Historisches Jahrbuch, München, 1917, Bd. 38, Heft. 2–3. S. 456–457. Ф. Жаффе считал, что этот Феодор

входил в состав клира Св. Софии Константинопольской. См.: *Jaffe Ph. Regesta pontificum romanorum*. В., 1851. P. 163.

98. См.: *Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica* / Ed. M. Pinder, G. Parthey. В., 1962 (ссылки на это издание даются в дальнейшем непосредственно в тексте).

99. Приводимое здесь разделение работы на части не соответствует ее делению на книги, идущему от рукописной традиции. «Космография» состоит из пяти книг, которые, однако, не обладают никакой внутренней целостностью.

100. *Lelewel J. Geographie du Moyen Age*. Bruxelles, 1852. Т. I. P. 3.

101. *Miller K. Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana*. Stuttgart, 1916.

102. Подробнее о равеннской «Космографии» см.: *Schnetz J. Untersuchungen über die Quellen der Cosmographie des Anonymen Geographus von Ravenna*. München, 1942; *Бородин О. Р. «Космография» Равеннского Анонима. (К вопросу о ее месте в истории географической науки) // Византийский временник, 43, 1982. С. 54–63.*

103. См.: *Muratori L. De artibus Italicorum post inclinationem Romani imperii // Antiquitates Italicae Medii Aevi... Т. II, Dissertatio XXIV. Col. 365–388; Compositiones ad tingenda musiva / Herausg. H. Hedfors. Inaug. — Diss., Uppsala, 1932.*

104. *Compositiones ad tingenda... P. 7,8,16.*

105. *Щанова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 175.*

106. *Liber Diurnus Romanorum Pontificum* / Ed. Th. E. Sickel. Vindobonae, 1889.

107. *Peitz W. M. Liber Diurnus. Beiträge zur Kenntnis der ältesten päpstlichen Kanzlei vor Gregor dem Grossen*. Wien, 1918. S. 53–100.

108. Поэма Аратора часто именуется в рукописях «Апостолическая история» («*Historia Apostolica*»). Публикацию текста памятника и характеристику творчества поэта см.: *Aratoris subdiaconi de actibus Apostolorum* / Rec. A. P. Mc-Kinlay // *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*. Vindobonae, 1951. См. о нем также: *Perugi G. L. Aratore*. Venezia, 1909.

109. *Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 122.*

110. *Raby F. G. E. A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. I. Oxford, 1934. P. 124.*

111. Ed.: *Poetae Latini minores* / Rec. A. Baehrens. Vol. V, Lipsiae, 1883. P. 313. Три элегии Максимиана (2-я, 3-я и 5-я) переведены на русск. яз. М. Л. Гаспаровым: *Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 594–602. (Краткий комментарий — С. 701–702. Указано, в частности, что образцом для 5-й элегии послужила элегия Овидия III, 7.)*

112. См. о поэзии Максимиана специальную монографию: *Schetter W. Studien zur Ueberlieferung und Kritik des Elegikers Maximian*. Wiesbaden, 1970.

113. *Голенищев-Кутузов И. Н. Указ. соч. С. 132.*

114. Поэтические произведения Фортуната опубликованы: MGH. Auctores antiquissimi. T. IV. P. 1–2 / Ed. F. Leo, Hannoverae, 1881. Об авторе см.: *Köbner R. Venantius Fortunatus, seine Persönlichkeit und seine Stellung in der geistige Kultur des Merovinger-Reiches.* Lpz., 1915; *Tardi D. Fortunat. Étude sur un dernier représentant de la poésie Latin en Gaul Meroving.* P., 1927. Высказывалось мнение, что за пределами Италии, при дворе франкских королей, Фортунат сознательно действовал в интересах Византии. См. об этом: *Brennan B. Venantius Fortunatus: Byzantine Agent?* // *Byzantion*, 65, 1995. P. 7–16.

115. *Gregorovius F. Die Grabdenkmäler der Papste. Marksteine der Geschichte des Papsttums.* Lpz., 1881.

116. См.: *Agnellus.* Op. cit. P. 321, 325, 328, 337, 345, 353–354, 366, 374–375.

117. CIL, VI, 1999a.

118. Медицинская поэма Бенедикта Криспа издана: PL. T. 89. Col. 369–375.

119. Эпитафию цитируют Павел Диакон (Paul Diac., VI, 15) и Беда Достопочтенный (PL. T. 89. Col. 375–376).

120. Опубликована: *Patrone C. M. Le iscrizioni bizantini di Ravenna* // *Atti e memorie della R. Deputazione di Storia Patria per le provincie di Romagna*, Ser. 9-e, 1909. P. 366. См. о ней: *Cosentino S. L'iscrizione ravennate dell'esarca Isacio e le guerre di Rotari* // *Deputazione di Storia patria der le antiche provincie Modenesi. Atti e memorie.* Ser. XI. Vol. 11. 1993. P. 23–43.

121. *Der Rotulus von Ravenna, nach seiner Herkunft und seiner Bedeutung für die Liturgiegeschichte, kritisch untersucht von P. Suitbert Benz. (Liturgiegeschichtliche Quellen und Forschungen. Heft. 45).* Münster, 1967. Текст памятника опубликован: S. 15–16.

122. Адвент — время, предшествующее празднику Рождества Христова. В Католической церкви продолжается около 4-х недель и рассматривается как период покаяния с целью приуготовления верующего к Рождеству Спасителя.

123. О литургической традиции Адвента и роли Равеннской церкви в ее развитии см.: *Croce W. Die Adventsliturgie im Lichte ihrer geschichtlichen Entwicklung* // *Zeitschrift für katholische Theologie.* Bd. 76. 1954. S. 268 flg.

124. Текст приводится в прозаическом переводе в т. н. «Моденской редакции». Издание памятника см.: MGH. Poetae Latini aevi Carolini. T. III / Rec. L. Traube. B., 1886. P. 554. См. о нем подробнее: *Бородин О. П. Инвектива «Против Рима — памятник средневековой политической поэзии»* // *Средние века*, 52, 1989. С. 193–207.

125. Ср. у Агнелла из Равенны: «пеласгами» именуются участники карательной экспедиции, направленной в Равенну императором Львом III Исавром: *Agnellus.* Op. cit. P. 377.

126. *Gregorovius F. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter.* Stuttgart, 1859. S. 171–172.

127. *Corpus juris civilis* / Ed. stereotypa. B., 1884. Vol. II. P. 73: CJ I, 17, 2: Const. «Tanta circa nos...», § 22.

128. Вопрос о том, являются ли *indices* и *παράτιτλα* двумя разными видами указателей или это синонимы, спорен. См.: *Krüger P.* Geschichte der Quellen und Literatur des Römischen Reiches. Lpz., 1888. S. 359.

129. *Удальцова З. В.* Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии // Советская археология, XXVIII, 1957. С. 317–332.

130. *Constitutio Pragmatica*, § 11. (Далее: *Const. Pragm.*). Цит. по изд.: *Corpus juris civilis...* P. 799–802.

131. См.: *Calasso F.* Medio Evo del diritto. Vol. 1: Le fonti, Milano, 1954. P. 280.

132. *Const. Pragm.*, § 22.

133. *Juliani Epitome latina Novellarum Justiniani* / Ed. G. Haenel, Lpz., 1873.

134. *Ibidem*. P. XXXIV–XXXVII.

135. *Conrat M.* Geschichte der Quellen und Literatur des Römischen Rechts im früheren Mittelalters. Bd. 1, Lpz., 1891. S. 122–129.

136. *Ibidem*. S. 58–59.

137. *Juliani Epitome...* P. I–XX.

138. *Const. Pragm.*, § 11.

139. *Proc. Caes.* Bell. Goth., II, 22.

140. *Zachariae von Lingenthal K. E.* Zur Geschichte des Authenticum und der Epitome Novellarum des Antecessor Julianus // *Zachariae von Lingenthal K. E.* Kleine Schriften zur Römischen und Byzantinischen Rechtsgeschichte. Lpz., 1973. S. 120.

141. *Paul. Diac.*, I, 25.

142. *Noailles P.* Les collections de Nouvelles de L'empereur Justinien. Origine et formation sous Justinien. P., 1912. P. 159.

143. *Juliani Epitome...* P. 202–208.

144. *Ibidem*. P. 198–201.

145. *Ibidem*. P. 201–202.

146. *Authenticum Novellarum constitutionum Justiniani versio vulgata* / Ed. G. E. Heimbach. Lpz., 1845–1851. Vol. I–II.

147. *Zachariae von Lingenthal K. E.* Op. cit. S. 117–126.

148. *Tamassia N.* Per la storia dell'Authentico // *Atti dell'Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti.* Ser. VII., T. IX, Venezia, 1897–1898. P. 58.

149. *Noailles P.* Op. cit. P. 169.

150. *Conrat M.* Op. cit. S. 132–133.

151. «...legem quae priores omnes renovet et emendet et quod deest adiciat, et quod superfluum est abscidat...»: *Die Gesetze der Langobarden* / Übertrag. von F. Beyerle. Weimar, 1947. S. 2.

152. *Leicht P. S.* Storia del diritto italiano. Milano, 1947. P. 18.

153. *Noailles P.* Op. cit. P. 170.

154. Ed.: *Krüger R.* Die Turiner Institutionsglosse // *Zeitschrift für Rechtsgeschichte.* Bd. VII, Weimar, 1868. S. 44–78. См. о ней: *Alberti A.* Problemi relativi alla Glossa Torinese: la datazione e il luogo d'origine // *Rivista di storia del diritto italiano.* Vol. 8. Roma, 1934. P. 33 sqq.

155. Парафраза Феофила — появившаяся около середины VI в. грекоязычная переработка Институций Юстиниана. См. о ней подробнее: *Ferrini C. Della origini della Parafraasi Graeca delle Istituzioni // Archivio Giuridico «Filippo Serafini»*. Т. XXXVII, Pisa, 1886. P. 353–414.

156. *Conrat M.* Op. cit. S. 113–115.

157. Опубли.: *Zachariae von Lingenthal K. E.* Die griechischen Scholien der rescribirten Handschrift des Codex in der Bibliothek des Domkapitels zu Verona // *Zachariae von Lingenthal K. E. Kleine Schriften...* Bd. 1. Lpz., 1973. S. 313–355.

158. *Adnotationes Codicum Domini Justiniani (Summa Perusina) / Ed. F. Patetta // Bulletino dell'Istituto di Diritto Romano*, а. 12, Roma, 1900.

159. Вступительная статья к цит. изд. Суммы: P. XLVI. Надпись см.: *De Rosi G. B. Inscriptiones Christianae Urbis Romae saecula septimo antiquiores*. Т. II, Roma, 1888, Pt. 1. P. 302, Not. 2.

160. *Conrat M.* Op. cit. S. 56.

161. *Tamassia G.* Bologna e scuole imperiali di diritto // *Archivio giuridico «Filippo Serafini»*, t. XL, Pisa, 1888. P. 265–272. Итальянский историк права полагал, впрочем, что памятник представляет собой сделанный в Равенне перевод византийского по происхождению грекоязычного текста (*Ibidem*. P. 266).

162. Нумерация статей Кодекса Юстиниана и Перуджийской суммы, как правило, совпадает. Поэтому ссылки даются одновременно на оба памятника, в данном случае: CJ — SP. VI. 23, 18.

163. *Stein E.* La disparition du Senat Rome à la fine du VI siècle // *Bulletin de la classe des Lettres et des sciences morales et politiques de Belgique*. Ser. 5, T. XXV, 1939.

164. Отметим попутно, что автор Перуджийской суммы плохо понял данную статью по существу: вместо «reserventur» («хранятся») он пишет «reserentur» («выдаются», «открываются»).

165. *Adnotationes...* P. LIX.

166. CJ — SP, III, 26, 1, 3, 9 etc.

167. *Hartmann L. M.* Untersuchungen zur Geschichte der bysantinischen Verwaltung in Italien... S. 77.

168. Подробнее об этом см.: *Dublèd H.* Mancipium au Moyen Age // *Revue du Moyen Age Latin*, Т. 5, Strassbourg, 1949. P. 51–56.

169. CJ — SP, IV, 33, 4.

170. *Origo gentis langobardorum...* P. 5.

171. CJ — SP, VI, 5, 8.

172. См. об этом: *Бородин О. Р.* Городская курия в Равенне в эпоху раннего Средневековья // *Проблемы истории античности и Средних веков*. М., 1980. С. 46–48.

173. Автор монографии не касается здесь сложного и специального вопроса о месте возникновения византийского Земледельческого закона. Гипотеза о его итальянском происхождении, выдвинутая Ф. Дэльгером и развитая Г. Шмидом, Ф. Фабрини, Д. Зимоном и И. П. Медведевым, представляется весьма убе-

дательной. Однако, поскольку появление Земледельческого закона исследователи относят к Южной Италии, рассмотрение этого вопроса находится в географическом плане за пределами тематики книги. Подробнее об упомянутой концепции см.: Византийский земледельческий закон // Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984. С. 23–25.

174. Привлечены издания: *Corpus juris civilis*. Vol. I–III, B., 1884; *Theodosiani libri XVI constitutionibus...* Vol 1–2, B., 1905; *Jus Graeco-Romanum* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Vol. I–III, Lipsiae, 1856–1884.

175. Издатель Чедер помещает один из документов под рубрикой «Freilassung» («отпуск рабов на волю»). (*Tjäder J.-O.* Die nichtliterarischen lateinische Papyri Italiens aus der Zeit 445–700. Bd. I, Lund, 1955. S. 246–249.) Однако этот очень плохо сохранившейся папирус скорее является отрывком более обширного памятника (видимо, завещания). Распоряжение о предоставлении свободы рабам (это все, что удается прочесть) обычно в документах такого типа.

176. *Hirschfeld B.* Die Gesta municipalia in römischen und frühgermanischen Zeit. Inaug-Diss. Marburg, 1904; *Granzin M.* Die Arengen. Einleitungs-Formel des frühmittelalterlichen Urkunde. Studien zu ihrer Entstehung, Verwendung und kunstmassigen Behandlung. Inaug-Diss. Halle, 1930.

177. *Marini G.* Papyri diplomatici raccolti ed illustrati dall'abate Gaetano Marini. Roma, 1805.

178. См. сноску 175. 2-й том опубликован: Stockholm, 1982.

179. *Tjäder J.-O.* Op. cit. S. 480–504.

180. См.: *Tjäder J.-O.* Op. cit. № 46, 52–54, 57–59.

181. Основную литературу о папирусах см. в библиографии к изданию Чедера (*Tjäder J.-O.* Op. cit. S. 480–504).

182. Назван по месту хранения (Баварская королевская библиотека).

183. См.: *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennatis de seculi di mezzo. t. I Venezia, 1801. P. I–84.

184. *Codex traditionum ecclesiae Ravennatis nunc Monachii asservatus* / Ed. J. Bernhardt. München, 1810.

185. *Breviarium ecclesiae Ravennatis (Codice Bavaro)*. Saeculi VIII–IX / A cura di G. Rabotti. Roma, 1985.

Ниже ссылки на этот источник даны непосредственно в тексте монографии в скобках. Литеры «БК» обозначают Баварский кодекс, число вслед за ними — номер документа по изд. М. Фантуцци, в котором все эксцерпты пронумерованы, например: (БК 26), (БК 31) и т. д. О Баварском кодексе см.: *Vasina A., Vazard B.* Ricerche e studi sul Breviarium ecclesiae Ravennatis (Codice Bavaro). Roma, 1985; *Hartmann L. M.* Bemerkungen zum Codex Bavarus // *Idem.* Zur Wirtschafts-geschichte Italiens in frühen Mittelalter. Analekten. Gotha, 1904. S. I–15; *Gatti Crosara G.* Tesori ravennatis all'estero: il Liber traditionum detto «Codice Bavaro» // *Felix Ravenna*, 1950, fasc. 3. P. 43–53; Материалы специальной конференции: *Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro)* // Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, Studi Storici, fasc. 148–149, Roma, 1985.

186. *Manaresi C.* I Placiti del «Regnum Italiae» (Istituto storico italiano per il medio evo. Fonti per la storia d'Italia. Vol. I, a. 776–995). Roma, 1955. P. 48–56.
187. *Guillou A.* Régionalisme et indépendance... P. 294–307.
188. *Troya C.* Codice diplomatico longobardo. T. II. Napoli, 1863. № 480.
189. *Harmann L. M.* Zur Wirtschaftsgeschichte... S. 123–124.
190. Privilegium Constantini ad Maurum // *Scriptores rerum langobardicarum...* P. 350–351.
191. Основные их публикации: *Die Kanonensammlung des Kardinals Deusdedit* / Ed. V. W. Glanwell. Bd. I. Paderborn, 1905; *Monumenta ad Neapolitani ducatus historiam pertinentia* / Ed. M. Capasso. T. I. Napoli, 1880.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

1. *Острогорски Г.* Равенски егзархат и постанак византијских тема // *Острогорски Г.* Сабрана дела. Кн. 3. Београд, 1970. С. 130–140.
2. Прагматическая Санкция для Италии является точно датированным документом. В этой связи представляется ошибочным ее отнесение к 544 г. в недавней «Истории Равенны». (Глава написана Я. Ферлугой. См. *Storia di Ravenna...* Т. II, Parte I. P. 355.)
3. *Const. Pragm.*, § 28.
4. *Diehl Ch.* Op. cit. P. 161–162.
5. *Greg. Magn.*, Ep. IX, 35.
6. *Const. Pragm.*, § 12.
7. *Proc. Caes. Bell. Goth.*, IV, 21.
8. Естественно, экзарх утверждал результаты римских епископских элекций от имени императора. Соответствующие официальные распоряжения («*iusiones*») были направлены василевсом Константином Погонатом папе Бенедикту II (684–685). См.: *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 363 и комментарий Л. Дюшена: Op. cit. P. 364.
9. *Liber Diurnus...* P. 50–54.
10. *Troya C.* Codice diplomatico longobardo... Т. I. Napoli, 1852. № 46. P. 130–134.
11. *Dal Corno T. F.* Op. cit. P. 110; *Mauli I.* Le zecche nell'antica Ravenna (402/404–751) // *Felix Ravenna*, 3 ser. Vol. 33(84). 1961. P. 79–134.
12. *Dal Corno T. F.* Op. cit. P. 107.
13. См.: *Diehl Ch.* Op. cit. P. 174.
14. В последнем случае очевидно, что эти экзархи были внуками. См.: *Guiland R.* Recherches sur les institutions byzantines. V. I. Berlin-Amsterdam, 1967. P. 392. В источниках экзархи — хартуларии: *Marini* 129; *Greg. Magn.*, Ep. I, 16a etc; экзархи — кувикюларии: *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 319, 337–338, 383 etc.

15. Вообще же титул «экзарх» широко употреблялся как вполне официальный и в светской, и в церковной среде. Наряду с равенскими существовали карфагенские экзархи. В более позднее время (X в.) чиновник, носивший титул «экзарх», выполнял обязанности церемониймейстера при византийском дворе. Одновременно существовала должность «экзарх» в канцелярии епарха Константинополя. Экзархами назывались главы некоторых торговых корпораций. С другой стороны, еще в эпоху античности в Греции именовали экзархами главных жрецов того или иного храма. С IV в. в Восточной Римской империи титула «экзарх» удостоиваются главные епископы (митрополиты) той или иной области (6-е правило Сердикийского поместного собора 343 г.). Позднее, с укреплением патриархий, экзархами начинают именоваться представители (иногда — наместники) патриархов, облеченные специальными полномочиями (ср.: Иоанн, экзарх Болгарский). С XIV–XV вв. входит в норму сочетание того и другого подхода к званию экзарха в церковной иерархии: так называются теперь авторитетные епископы, правящие церковной провинцией из нескольких епархий от имени и по поручению главы Церкви. В этом качестве титул «экзарх» сохранился в Православной церкви до наших дней (напр., в XIX — нач. XX в. — «Экзарх Грузии», в настоящее время — «Патриарший экзарх Всея Украины» и т. д.). Подробнее о титуле «экзарх» см.: *Киев К.* Към въпроса за титлата «екзарх» в старобългарската литература // Известия на института за история. Т. 14–15. София, 1964. С. 325–346.

16. См.: *Diehl Ch.* Op. cit. P. 158–159.

17. *Agnellus.* Op. cit. P. 338, 340–341; *Paul. Diac.,* II, 29–30.

18. *Diehl Ch.* Op. cit. P. 163–164.

19. *Greg. Magn.,* Ep. VII, 3; XII, 6.

20. В более позднее время упоминается титул «praefecturius» (Tjäder 44), по мнению Ш. Диля — «сын префекта», что дает основание не считать должность префекта исчезнувшей (*Diehl Ch.* Op. cit. P. 165–166). Но Т. С. Браун показал, что «praefecturius» — буквальный перевод греческого «ἀπὸ ἐπαρχῶν», вполне самостоятельного титула гражданских чиновников (*Brown T. S.* Op. cit. P. 136)

21. *Greg. Magn.,* Ep. III, 1–2, 15; 1, 68; IX, 6; X; 22; *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 369.

22. См. об этом рассуждения Ш. Диля: Op. cit. P. 136–137.

23. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 369.

24. *Const. Pragm.,* § 23.

25. *Diehl Ch.* Op. cit. P. 138.

26. *Greg. Magn.,* V. 24; *Agnellus.* Op. cit. P. 354.

27. *Greg. Magn.,* Ep. I. 48, 61; IX, 6, 18.

28. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 400; *Gesta episcopum Neapolitanum...* P. 424; *Greg. Magn.,* Ep. IX, 93; *Placitum de Rizado...* P. 5.

29. В конце VI в. среди 26-ти византийских *dux'ов* в Италии было 14 германцев. *Brown T. S.* Op. cit. P. 73.

30. *Monumenta ad Neapolitani ducatus historiam pertinentia...* Т. I. P. 19.

31. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 392.

32. *Johannis Diaconi Chronicon Venetum* // MGH, Scriptores, VII. Hannoverae, 1846. P. 11.
33. *Fantuzzi M. Monumenti Ravennati*. Т. I. P. 111. (Если не учитывать факта избрания горожанами *dux*'а во время восстания 710/711 гг.).
34. *Greg. Magn.*, Ep. I, 56. Впрочем, Т. С. Браун идентифицировал его как армянина (по известному ономастическому справочнику: *F. Justi. Iranisches Namenbuch*. Marburg, 895. См.: *Brown T. S. Op. cit.* P. 253).
35. *Diehl Ch. Op. cit.* P. 38–39.
36. *Liber Pontificalis...* Т. I, 373. *Greg. Magn.*, Ep. II, 31.
37. В Синигалии — см. ниже; в Озимо *Greg. Magn.*, Ep. IX, 99.
38. *Diehl Ch. Op. cit.* P. 144–145.
39. См. подробнее: *Ibidem*. P. 149–154. К сожалению, из-за дефицита источников Ш. Диль характеризует административный аппарат дукатов, главным образом, на основе византийских, а не итальянских документов, т. е. выстраивает его по общеимперскому образцу.
40. *Brown T. S. Op. cit.* P. 116.
41. *Greg. Magn.*, Ep. V, 41.
42. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 328, 331.
43. См. напр., в Равенне: *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 491.
44. *Placitum de Rizano...* P. 53–54.
45. *Guilland R. Op. cit.* Т. II. P. 53–54.
46. *Brown T. S. Op. cit.* P. 151.
47. Ср. письмо папы Стефана II (756 г.): «*duces, cartularii, comites, tribunentes*». *Codex Carolinus* / Ed. Ph. Jaffe. В., 1867. P. 8; *Liber Diurnus...* P. 52: «*consul... viri magnifici tribuni militiae*»; *Ibidem*. P. 55–56: «*consules et gloriosi duces...*», «*...consul... magnifici tribuni...*» etc.
48. См. подробнее об этих должностях и рангах: *Brown T. S. Op. cit.* P. 58–60.
49. Более подробно данный вопрос рассматривается в статье: *Бородин О. Р. Эволюция войска в Византийской Италии в VI–VIII вв. (военно-организационный аспект)* // *Византийский Временник*, 46, 1986. С. 124–138.
50. *Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung*. В., 1920. S. 274; *Guillou A. Régionalisme et indépendance...* P. 151.
51. Сводку этих известий см. у Ш. Дилья: *Diehl Ch. Op. cit.* P. 316.
52. *Greg. Magn.*, Ep. IV, 37.
53. *Hartmann L. M. Untersuchungen...* S. 52.
54. *Greg. Magn.*, Ep. II, 45; Tjäder 16.
55. *Placitum de Rizano...* P. 52.
56. *Greg. Magn.*, Ep. II, 45; V, 30; 36, 38, 39; IX, 240.
57. Об общих принципах материального обеспечения византийской армии см.: *Patlagéan E. L'impôt pagé par les soldats au VIe siècle* // *Armeés et fiscalités dans le Monde antique*. P., 1977. P. 303–309.
58. *Johannis Biclarensis Chronicon* // *PL*. Т. 72. Col. 867.

59. *Johannis Biclaensis Chronicon...* Col. 865; *Menandri Protectoris fragmenta*. P. 331–332; *Georgius Cedrenus*. Σύνοψις ἱστοριῶν / Ed. J. Bekker. Bonnæ, 1838. P. 695.
60. PL. T. 72. Col. 704; Greg. Magn., Ep. II, 45; V, 36 etc.
61. CIL, V, 1593.
62. Placitum de Rizano... P. 52.
63. Дарственная грамота 744 г. См.: *Guillou A. Régionalisme et indépendance...* P. 310–311.
64. Об этом главном в Византии способе пополнения армии см.: *Teall J. K. The Barbarians in Justinian's Army // Speculum*. Vol. XL. № 2. 1965. P. 296.
65. Greg. Magn., Ep. II, 38.
66. *Brown T. S.* Op. cit. P. 84.
67. *Pertusi A. Ordinali militari, guerre in Occidente e teorie di guerra dei Bizantini // Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull' Alto Medioevo*, XV, T. II. Spoleto, 1968. P. 682.
68. Об этом см. ниже, в части II, главе 3.
69. См. специальную работу: *Бородин О. Р. Солдатское жалованье («руга») в войске Равеннского экзархата // Классы и сословия средневекового общества*. М., 1988. С. 18–22.
70. *Liber Pontificalis...* T. I. P. 319.
71. *Ibidem*. T. I. P. 328.
72. *Ibidem*.
73. *Ibidem*. T. I. P. 331.
74. *Ibidem*. T. I. P. 366, 369.
75. Greg. Magn., Ep. III, 14.
76. *Zacos G. and Vegler A. Byzantine Lead Seals*. T. I, Part I. Basel, 1972, № 807. P. 583–584,
77. Greg. Magn., Ep. V, 39. Следует отметить, что отечественная исследовательница Д. П. Лыс перевела окончание фразы («...ita in hac urbe in causis talibus eorum saccellarius ego sum») следующим образом: «...так в этом городе я казначей лангобардов». Слово «eorum» — «их» — было отнесено к лангобардам, упомянутым за несколько фраз до этого, и само высказывание приобрело совершенно иной смысл: «Я так часто откупаюсь от лангобардов, что меня уже можно считать их казначеем». (*Лыс Д. П. Рост политической роли Римской церкви в период понтификата Григория I (590–604) // Социально-экономические проблемы истории Древнего мира и Средних веков. Сборник трудов*. М., 1974. С. 108). С такой трактовкой трудно согласиться. Письмо адресовано византийской императрице, обращаясь к которой папа Григорий вряд ли стал бы столь опасно иронизировать над собой, сообщая, что систематически финансирует лангобардов. Слово «eorum», вероятно, следует относить либо к византийским воинам (прямо в тексте не названным, но подразумеваемым вследствие упоминания о равенском «exercitus» в начале фразы), либо к употребляемым на их нужды расходам (в источнике — «expensas»).

78. Greg. Magn., Ep. V, 36,38.
79. Применительно к Риму см. «Собрание канонов кардинала Деуседита»: Die Kanonensammlung des Kardinals Deusdedit..., № CCXIV, CCLI, CCXIII etc.
80. Liber Diurnus... P. 110.
81. Liber Pontificalis... Т. I. P. 331.
82. Greg. Magn., Ep., IX, 240.
83. См. об этом: *Diehl Ch.* La république de Venise. P., 1967. P. 36. Источник сообщает, что первый дух был избран спустя 150 лет после прихода лангобардов в Италию, т. е. в 718 или в 719 гг. (*Johannis Diaconi Chronicon Venetum...* P. 11.)
84. Placitum de Rizado... P. 53.
85. *Agnellus*. Op. cit. P. 370.
86. На это обратил внимание Дж. Хэлдон (*Haldon J. F.* Recruitment and Conscription in Byzantine Army. A Study on the Origins of the Stratiotika Ktemata. 550–950. Wien, 1979. P. 32).
87. *Agnellus*. Op. cit. P. 369. Возможен был и иной вариант: крепость постепенно превращалась в небольшой городок с постоянным населением. Такова судьба Червии, Сарсины и ряда других населенных пунктов. В Истрии в такое поселение превратился военный лагерь, сохранивший прежнее название. См.: Placitum de Rizado... P. 52.
88. *Agnellus*. Op. cit. P. 370.
89. *Diehl Ch.* Op. cit. P. 312–315.
90. *Rasi P.* «Exercitus Italicus» e milizie cittadine dell'alto medioevo. Padova, 1937.
91. См. более подробное обоснование этого положения: *Бородин О. Р.* Эволюция войска... С. 130–131, 137–138.
92. *Guillou A.* Régionalisme et indépendance... P. 161.
93. *Brown T. S.* Op. cit. P. 107.
94. Const. Pragm., § 12.
95. *Острогорски Г.* Историја Византије. Београд, 1959. С. 113.
96. Используется второе издание монографии: *Diehl Ch.* L'Afrique Byzantine. Histoire de la Domination Byzantine en Afrique (533–709). Vol. 1–2. New York. P. 480. (Томы имеют сплошную пагинацию.)
97. *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration... P. 85.
98. *Hartmann L. M.* Untersuchungen... S. 72 flg.
99. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. I. СПб., Б. г. С. 654, 790.
100. *Stein E.* Introduction à l'histoire et aux institutions byzantines // Traditio, 7 (1949/51). P. 160.
101. *Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959. S. 69.
102. *Darkó E.* La militarizzazione dell' Impero Bizantino // Atti del V Congresso internazionale di Studi Bizantini. Т. I. Roma, 1939. P. 89.

103. Известно, что первоначально слово «*θέμα*» означало «войско» («*λαός*», «*στράτευμα*»), а в более специальном значении — «конкретное войско, дислоцированное в той или иной области». Видимо, такое наполнение термина позволило в дальнейшем применить его к самим административным единицам. Изредка термин «*θέμα*» в первичном значении встречается и в VII–IX вв. (например, у Феофана Исповедника: *Theophanis Chronographia...* P. 290. Об этом см.: *Pertusi A. Nuova ipotesi sull'origine dei «temi» bizantini // Aevum*, 28, 1954. P. 127–128, 135.) Однако то, что «*θέμα*» в основном, историко-административном, смысле слова обозначает единицу территориальную — область, военный округ, — вряд ли можно оспорить.

104. *Karayannopoulos F. И.* Военное устройство Византийской империи // Известия русского археологического института в Константинополе, Т. VI. Вып. I. София, 1900. С. 154–204.

105. *Karayannopoulos J.* Die Entstehung... S. 85 flg.

106. *Lemérle P.* Esquisse pour une histoire agraire de Byzance // *Revue Historique*, 219, 1958. P. 48–70; *Kaegi W.* Some Reconsiderations on the Themes (Seventh-Ninth Centuries) // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft*, XVI. Graz-Köln, 1967. P. 39–53; *Idem.* Byzantine Military Unrest. 471–843. An Interpretation. Amsterdam, 1981. Здесь же — библиография по вопросу происхождения фем: P. 174–175.

107. *Arweiler H.* Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècle. (Bibliothèque Byzantine). P., 1965. P. 45–92; *Antoniadis-Bibicou H.* Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du thème de Caravasiens. P., 1966.

108. *Haldon J. F.* Recruitment and Conscription in the Byzantine Army... P. 17–19 sqq. В соответствующем духе написана и следующая книга Дж. Хэлдона: *Idem.* Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata. С. 580–900. Bonn, 1984. Показательно, что в подробнейшем (670 страниц) исследовании об образовании фемы Опсикий автор вообще ни разу не упоминает о связи воинов с землей.

109. *Haldon J. F.* Recruitment and Conscription... P. 66–79.

110. В поздний период термин «фема» сохраняется для обозначения прежних и вновь образованных административных единиц, хотя их военно-социальная база претерпевает большие изменения. См., напр.: *Артюнова-Фиданян В. А.* Административные перемены на Востоке Византии в X–XI вв. (К вопросу о «кризисе» фемного строя) // *Византийский Временник*, 44. 1983. С. 68–80. В сущности, в это время осуществляется «формирование качественно новой, более гибкой и сложной социально-административной структуры» (*Она же.* Армяно-византийская контактная зона... С. 45).

111. *Guillou A.* Régionalisme et indépendance... P. 16.

112. Точный перечень территорий, входивших в Карфагенский экзархат, см.: *Diehl Ch.* L'Afrique Byzantine... P. 469.

113. *Острогорски Г.* Равенский экзархат и постанак византийских тема... С. 137–138.

114. См. о Равенском экзархате — выше, в разделе об административном устройстве; о Карфагенском — *Diehl Ch. L'Afrique Byzantine...* P. 484–488; о фемах — *Gelzer G. Die Genesis der Byzantinische Themenverfassung // Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XVIII, № 5, Lpz., 1899; Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. I. СПб., Б. г. С. 789–812.*

115. *Darkó E. Op. cit.* P. 89.

116. См.: *Proc. Caes. Bell. Goth.*, I, 5; IV, 25 etc.

117. Для Италии — *Diehl Ch. Etudes sur l'administration...* P. 157–167; для Африки — *Idem. L'Afrique Byzantine...* P. 489–491.

118. *Darkó E. Op. cit.* P. 90.

119. *Diehl Ch. Etudes sur l'administration...* P. 157–159.

120. *Успенский Ф. И. Военное устройство...* С. 155.

121. См.: Φιλόθεου κλητορολόγιον, 139. Цит. по изд.: *Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a revised Text of the Kletorologion of Philotheus (The British Academy Supplemental Papers, I). L., 1911.*

Характеристику полномочий турмарха см. здесь же: P. 41–42.

122. См. об этом: *Ферлуга J. Ниже војно-административне единице тематског уређење. Прилог изучавању тематског уређења од VIII до X века // Зборник радова. Византолошки институт, № XXXVI. Београд, 1953. С. 61–68.*

123. Для Италии см.: *Diehl Ch. Etudes sur l'administration...* P. 141–156; для Африки: *Idem. L'Afrique Byzantine...* P. 492–499.

124. *Острогорски Г. Равенски екзархат...* С. 140.

125. *Treadgold W. The Military Lands and the Imperial Estates in the Middle Byzantine Empire // Harvard Ukrainian Studies, 7, 1983. P. 619–631; Hendy M. Studies in the Byzantine Monetary Economy. С. 300–450. Cambridge, 1985. P. 634–640.*

126. *Treadgold W. Byzantium and Its Army. 284–1081. Stanford, California, 1995. P. 172.*

127. *Karayannopoulos J. Die Entstehung...* S. 16–23, 59–70. Концепцию Караяннопулоса развивают в последние годы его ученицы М. Григориу-Иоаниду и А. Ставриду-Зафрака. См. *Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παράκληση και πτώση του θεματικού θεσμού. Θεσσαλονίκη, 1985; Stavridou-Zafraka A. Slav invasions and the theme organisation in the Balcan peninsula // Βυζαντινά. Θεσσαλονίκη, τ. 12, 1992.*

128. *Ibidem.* S. P. 88.

129. *Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Меры в защиту крестьянского землевладения // Труды. Т. 4. Л., 1930. С. 289, Прим. I.*

130. *Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI веках. М., 1977. С. 248.*

131. *Pertusi A. Nuova ipotesi...* P. 126–150.

132. *Diehl Ch. Etudes sur l'administration...* P. 300–303, 293–299.

133. *Brown T. S.* Op. cit. P. 108.
134. *Placitum de Rizano...* P. 53–54.
135. *Ibidem.* P. 53.
136. *Benussi B.* Nel Medio Evo. Pagine di storia istriana. Parenzo, 1897. P. 47.
137. «Бесспорно, что в греческой Италии мы не находим ни малейших следов существования воинских наделов («κτῆματα»), предоставляемых императором за военную службу», — отмечал Ш. Диль. *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration... P. 317.
138. *Antoniadis-Bibicou H.* Op. cit. P. 100–113.
139. См. напр.: *Haldon J. F.* Recruitment and Conscription... P. 68, 73, 74, 75 etc.
140. *Diehl Ch.* L'Afrique Byzantine... P. 97–298.
141. *Ibidem.* P. 323–324.
142. *Удальцова З. В.* Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане // *Византийский Временник*, VI, 1953. С. 103.
143. См.: *Дилигенский Г. Г.* Северная Африка в IV–V веках. М., 1961. С. 255 сл.
144. *Удальцова З. В.* Политика византийского правительства в Северной Африке... С. 111.
145. *Darkó E.* Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins // *Byzantion*, 12, 1937. P. 137 sqq.
146. *Stein E.* Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staat // *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher*, I, 1920. S. 50 flg. (особо см.: S. 82–87). Критику обеих концепций см. у Я. Караяннопулоса: *Die Entstehung...* S. 8–9.
147. См. о поздних италийских фемах: *Gay I.* L'Italie Meridionale et l'Empire Byzantine. P., 1904. P. 167–183; о феме Лонгивардия см. особо: *Pertusi A.* Contributi alla storia dei «temi» bizantini dell'Italia Meridionale // *Atti del 3 Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medioevo*, Spoleto, 1959. P. 495–518.
148. *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты в феменном войске Византии в конце IX–X вв. // *Византийские очерки*. 1971. С. 86–97.
149. *Литаврин Г. Г.* Византийское общество... С. 248–250; *Glicatzi-Arweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantine aux IXe–XIe ss. P., 1960. P. 5–20 etc.
150. *Острогорски Г.* Равенски егзархат... С. 133.
151. *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration... P. 312.
152. *Ibidem.* P. 318.
153. *Salvioli G.* Sulla distribuzione della proprietà fondiaria in Italia al tempo dell'Impero Romano. Studi di Storia economica (Studio I) // *Archivio giuridico «Filippo Serafini»*, NS. Vol. III (LXII), fasc. II. P. 502–503.
154. *Rasi P.* Op. cit. P. 124–143.
155. «Восточная империя перестает быть продолжением Римской с VII и, в особенности, с VIII века, она становится с тех пор представительницей византизма», — писал Ф. И. Успенский. (*Успенский Ф. И.* История Византийской империи... Т. I. С. 13).

156. Автор не согласен с мнением Я. Караяннопулоса о том, что таковой не было вообще, т. к. несомненно появление в VII в. целого ряда фем как вполне официальных административных единиц. Правительство должно было, как минимум, легализовать их возникновение.

157. Так считали Г. Острогорский (*Острогорски Г.* Време постанка тематског уређења... // Его же. Сабрана дела. Кн. 3. С. 125–126), В. Эннслин (*Ensslin W.* Kaiser Herakleos und die Themenfassung // *Byzantinische Zeitschrift*, 46, 1953. S. 362–368).

158. *Constantini Porphirogeniti De Thematibus* / Ed. A. Pertusi. Città di Castello, 1952. P. 96.

159. *Ibidem*. P. 69–70.

ГЛАВА 2

1. Здесь и далее дается общепринятая в историографии хронология событий. Вместе с тем некоторые датировки до сих пор спорны. Так, вступление лангобардов в Италию О. Бертолини относит к 20–21 мая 569 г., соответственно передатируя и момент начала похода Альбоина. См.: *Bertolini O.* Il problema cronologico dell' ingresso dei Longobardi in Italia // *Atti del Convegno di Studi Longobardi* (Udine-Cividale, 15–18 maggio 1969). Udine, 1969. P. 29–48; *Idem.* Roma e i longobardi... P. 14.

Новейшие отечественные исследования по социальной и политической истории лангобардов принадлежат перу И. А. Дворецкой. См.: *Дворецкая И. А.* Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI–VIII вв. Спецкурс. М., 1982; *Она же.* Формирование политической идеологии в раннефеодальной Италии VII–VIII вв. Учеб. пособие. М., 1984.

2. *Hodgkin T.* Italy and her Invaders. Vol. V. Oxford, 1891. P. 158. Маршрут движения Альбоина через Альпы выяснен в работе: *Virchow R.* Auf dem Wegen der Langobarden // *Zeitschrift für Ethnologie*, 20. B., 1888. S. 508–532.

3. Paul. Diac., II, 8; *Origo gentis langobardorum* // *Scriptores rerum langobardicarum*... P. 7.

4. Paul. Diac., II, 12.

5. *Ibidem*. II, 9.

6. См.: *Borghi P.* La Riconquista Bizantina e vicende posteriori fino alla distruzione di Modena (573–589). Modena, 1941. P. 7.

7. *Agnellus.* Op. cit. P. 338.

8. Весь рассказ у Павла Диакона: Paul. Diac., II, 28–29.

9. *Ibidem*. II, 31.

10. *Johannis Biclaensis Chronicon*... Col. 865.

11. *Menandri Historiae Excerpta*... P. 328–329.

12. Ср. название монографии: *Borghi P.* La Riconquista Bizantina...

13. Gregorii episcopi Turonensis Historia Francorum. IV, 42 // MGH. Scriptores Rerum Merovingicarum, t. I. Hannoverae, 1884 (Далее — Greg. Tur.); Paul. Diac., III, 13,17.

14. Paul. Diac., III, 18.

15. П. Борги полагает, что Брикселлум был ассигнован Дроктульфу при разделе лангобардами Италии на 36 герцогств после смерти короля Клефа: *Borghi P.* Op. cit. P. 8.

16. См. письма экзархов Равенны королю Хильдеберту: *Troya C.* Codice diplomatico... Т. I, № 45, 46. P. 118–123, 130–134. Традиционно возвращение Византией городов в долине По относилось к 588 г. и не связывалось с действиями Дроктульфа у Брикселлума. Но П. Борги доказал, что основной источник — первое письмо Хильдеберту (*Troya C.* Codice diplomatico... Т. I. № 45. P. 118–123) — написано экзархом Смарагдом в 584 г. Внутренняя логика развития военных действий позволяет считать, что именно Брикселлум стал базой дальнейшего продвижения византийцев в долину По. См.: *Borghi P.* Op. cit. P. 8–13.

17. Paul. Diac., III, 27.

18. Вопрос о том, удерживали ли Классис воины сполетского герцога Фараольда или он был сразу оставлен Фараольдом, а затем вновь завоеван лангобардами, спорен. См. об этом: *Feliciangeli B.* Longobardi e Bizantini... P. 25–36. Логичным выглядит мнение Л. М. Гартманна, что византийцы не заключили бы перемирия 585 г., если бы равеннская гавань находилась в это время в руках лангобардов. Значит, Классис был снова занят варварами незадолго до нападения на него Дроктульфа. См.: *Hartmann L. M.* Untersuchungen... S. 10.

19. Paul. Diac., III, 16.

20. См. об этом обширную переписку между франкским королем и королевой с одной стороны и императором Маврикием, членами его семьи, константинопольским патриархом — с другой. *Troya C.* Codice diplomatico... Т. I. № 24–35. P. 86–100.

21. Paul. Diac., III, 29.

22. Paul. Diac., III, 32; Greg. Magn., Ep. X, 3.

23. Greg. Tur., X, 3.

24. *Troya C.* Codice diplomatico... Т. I. № 46. P. 133.

25. Greg. Magn., Ep., V. 40; Liber Pontificalis... Т. I. P. 357.

26. Paul. Diac., IV, 8; Liber Pontificalis... Т. I. P. 312.

27. *Prosperi Aquitanensis* Continuator Havniensis // MGH, Chronica minora. Saec. IV, V, VI, VII. Vol. I. B., 1892. P. 339.

28. Можно говорить о плодах этих действий для папства и в стратегическом плане. Как правильно отмечал русский историк П. Б. Шаскольский, «именно в силу всех этих забот и заслуг Римской церкви удалось поднять свою власть и влияние на большую высоту». См.: *Шаскольский П. Б.* Роль Римской церкви в обороне Италии в эпоху нашествия Лангобардов // К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса. Сборник статей его учеников. СПб., 1911. С. 343.

29. Greg. Magn., Ep., VI, 30.

30. Greg. Magn., Ep., VI, 51.

31. Greg. Magn., Ep., IX, 98; Paul. Diac., IV, 8, 9. Об обстоятельствах перехода лангобардов от арианства к католицизму см.: *Дворецкая И. А.* Из Паннонии в Италию. (Христианизация завоевателей и генезис варварской государственности в Италии VI–VIII вв.) // *Античность и раннее Средневековье. Социально-политические и этнографические процессы. Межвузовский сборник научных трудов.* Нижний Новгород, 1991. С. 132–136.

32. *Feliciangelli В.* Op. cit. P. 73.

33. Новая стратегическая дорога не вполне совпадала с античной Via Flaminia, часть которой находилась ныне на территории герцогства Сполето. Она пролегла чуть севернее, частично совпадая с древней Via Amerina и проходя через крепости Nere, Galesium, Horta, Ameria, Tuder на Перуджу, а отсюда через Egubium, Luceoli, Callium, Petra Pertusa — в Равенну.

34. Paul. Diac., IV, 20.

35. Paul. Diac., IV, 24.

36. Paul. Diac., IV, 28.

37. Ibidem.

38. Paul. Diac., IV, 35.

39. Именно эту колонну видел в Риме лорд Байрон, упомянувший о ней в IV Песни «Паломничества Чайльд-Гарольда»:

*«Tully was not so eloquent as Thou,
Thou nameless column with the buried base!»*

(«Туллий не был столь красноречив, как ты, // Ты, безымянная колонна с погребенным в земле основанием!») *Byron G. Childe Harold's Pilgrimage // The Works of Lord Byron. Vol. II. L., 1899. P. 410.*

Впрочем, ко времени визита Байрона в Рим (1817 г.) колонна уже не была безымянной. В ходе раскопок 1813 г. был снят грунт с ее основания и прочтена посвятельная надпись: «Лучшему милосерднейшему благочестивому правителю государю Фоке императору вечному Господом увенчанному триумфатору навеки Августу Смарагд экспрепозит священных палат а также патрикий и экзарх Италии преданный Его Милосердию за бесчисленные Благочестия Его милости и за спокойствие данное Италии и сохранение свободы ее златосияющую статую Величества Его на сей высочайшей колонне ради великой Его славы соорудил и Ему посвятил» (Corpus inscriptionum latinarum, VI, 1200).

40. *Prosperi Aquitanensis Continuator Havniensis...* P. 339.

41. *Fredegarus Scholasticus.* Fredegarii et aliorum chronica, IV, 40, 50 // MGH. Scriptorum Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krusch. T. II. Hannoverae, 1888.

42. Ibidem. VI, 51, 67–69.

43. Paul. Diac., V, 42 sqq. О Бертолини считает, что в сражении на р. Парнаро пал экзарх Исаакий, и поэтому датирует описанные события тремя годами позднее (643 г.): *Bertolini O.* Il Patrizio Isacio esarca d'Italia (625–643) //

Atti del II Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medioevo. Spoleto, 1952–1953. P. 117–120. О византийской Лигурии и боевых действиях в этом регионе см.: *Christie N.* Byzantine Liguria: an imperial province against the Lombards, A. D. 568–643 // *Papers of the British School at Rome*, 58 (NS. 45), 1990. P. 229–271.

44. *Hartmann L. M.* Geschichte Italiens... Bd. II. S. 244.

Олимпий поднял в Риме антиимперский мятеж и в течение четырех лет самостоятельно правил в Италии, пока не погиб в Сицилии в ходе войны с сарацинами (*Liber Pontificalis...* Т. I. P. 338). Впрочем, А. Стратос считает, что в это время арабов еще не было в Сицилии, и Олимпий воевал там не с ними, а с византийцами (*Stratos A.* The Exarch Olympius and the Supposed Arab Invasion of Sicily in A. D. 652 // *Idem.* Studies in the 7th Century Byzantine Political History. L., 1983, X. P. 73). Но и в том, и в другом случае Олимпий должен был предварительно нейтрализовать лангобардов.

45. Конкретной целью экспедиции Константа II, по мнению А. Стратоса, было объединение византийских владений на юге Италии. Необходимым условием этого являлся захват герцогства Беневент. См.: *Stratos A. N.* Expédition de l'empereur Constantin III surnomé Constant en Italie // *Bizanzio e l'Italia. Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi.* Milano, 1982. P. 348–357. Впрочем, Константин II рассчитывал со временем полностью вытеснить лангобардов из Италии. С этим стремлением Э. Хрисос связывает факт наречения именем Юстиниана — избавителя Италии от готов — внука Константа II (будущего императора Юстиниана II). См.: *Chrysos E.* Byzantine Diplomacy, A. D. 300–800: Means and Ends // *Byzantine Diplomacy, Papers from the Twenty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies.* Ed. by J. Shepard. S. Frantli, Aldershot, 1992. P. 27.

46. Ныне — Кастальоне. См.: *Pochettino G.* I Longobardi nell'Italia Meridionale (570–1080). Napoli, s. a. P. 143.

47. *Paul. Diac.*, V, 6–10.

48. *Paul. Diac.*, V, 27–28.

49. *Theophanis Chronographia...* Vol. I. P. 356; Vol. II. P. 224.

50. *Liber Diurnus...* № 76. P. 81.

51. Л. М. Гартманн ссылается на упоминание в хронике Э. Дандоло о том, что инициатором подписания договора был римский папа Агафон (678–681). (*Hartmann L. M.* Geschichte Italiens... II. S. 271–272.)

52. Т. Ноубл полагает, что «итальянский мир» («*Pax Italica*») продержался лишь несколько лет и был нарушен в 687 г. императором Юстинианом II, потребовавшим от папы Конона присоединиться к решениям Шестого Вселенского собора (*Noble Th. F. X.* The Republic of St. Peter. The Birth of the Papal State. 680–825. Philadelphia, 1984. P. 15 sqq.). Но даже безотносительно к тому, что военный конфликт папства с Юстинианом II произошел позже (в 692 г.), следует заметить, что любые столкновения Константинополя и Рима были в это время конфликтами внутри Византийской империи и не нарушали мира на межгосударственном уровне.

53. Павел Диакон говорит, что Классис захватил герцог Фароальд, однако вынужден был оставить его по указанию Лиутпранда (VI, 44). Римская «Книга понтификов» сообщает о захвате крепости Лиутпрандом (*Liber Pontificalis...* Т. I. P. 403). О. Бертолини полагает, что Классис был захвачен Фароальдом и передан последним Лиутпранду. См.: *Bertolini O. I papi e le relazioni politiche di Roma con i ducati longobardi di Spoleto e di Benevento. III. Il secolo VIII: da Giovanni VI (701–705) a Gregorio II (715–731) // Rivista di storia della Chiesa in Italia, 9, 1935. P. 10–12.*

54. *Theophanis Chronographia...* P. 556.

55. *Paul. Diac., VI, 49.*

56. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 404–405.

57. Римская «Книга понтификов» отмечает, что римлян и лангобардов связывала «цепь веры» («*scatena fidei*»); что они боролись, «как братья за истинную веру и благополучие христиан». (*Liber Pontificalis...* Т. I. P. 406).

58. Такая последовательность событий кажется наиболее вероятной, хотя Павел Диакон рассказывает о набеге Лиутпранда на Классис до сообщения об экспедиции экзарха Павла в Рим (*Paul. Diac., VI, 49*). Ситуация проанализирована в исследовании американского историка Я. Халленбека: *Hallenbeck J. T. Pavia and Rome. The Lombard Monarchy and the Papacy in the Eighth Century. Philadelphia, 1982. P. 22–24.*

59. *Paul. Diac., VI, 49.*

60. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 407.

61. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 408.

62. Взятие Равенны лангобардами не датировано в источниках с точностью. Отнесение событий к 732–734 гг. в наибольшей степени соответствует общему ходу политической борьбы и принято большинством специалистов. Однако до сих пор захват Равенны датируют иногда и 737-м, и 739-м гг. См. подробнее: *Noble Th. Op. cit. P. 40.*

63. *Paul. Diac., VI, 54.*

64. Обострение было вызвано благожелательным приемом в Риме герцога Сполето Тразимунда, которого Лиутпранд считал мятежником. См. об этом: *Bertolini O. Roma di fronte...* P. 462.

65. См.: *Fredegarii continuatio II / Ed. cit.. P. 178.*

66. *Bertolini O. Roma di fronte...* P. 462.

67. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 429.

68. *Ibidem. I, 430.*

69. (Под страхом смертной казни и конфискации имущества). *Rath. Legg., 9.* Цит. по: *Beyerle F. Die Gesetze der Langobarden. Gotha, 1947. S. 348.* Отметим, что полный корпус лангобардских законов, в том числе и упоминаемых в настоящей монографии, сравнительно недавно был издан на русском языке с высококачественным комментарием. См.: *Шервуд Е. А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992.*

70. Ahist. Legg. I, 6 // Beyerle F. Op. cit. S. 362.
71. Reg. Farf. 23. Дарение в пользу монастыря Фарфа. Опубл.: *Troja C. Codice diplomatico...* Т. IV. № 645. P. 382–384.
72. См. подробнее о событиях этих лет: *Hallenbeck J. T.* Op. cit. P. 52 sqq.
73. PL. Т. 72. Col. 703 (одно из писем папы Пелагия II).
74. *Hartmann L. M. Untersuchungen...* S. 9.
75. *Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantine.* P., 1884. P. 211, 514–515.
76. *Liber Diurnus...* P. 2, 49, 50, 58, 59.
77. *Enciclopedia Italiana.* Т. XXIV. Roma, 1934. P. 276.
78. См.: *Hodgkin T.* Op. cit. Vol. V. P. 49, 59.
79. *Paul. Diac., IV, 25.*
80. *Agnellus.* Op. cit. P. 344.
81. *Ibidem.* P. 348.
82. См.: *Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines...* Vol. II. P. 132–161.
83. См.: *Diehl Ch. Etudes...* P. 146.
84. См.: *Schlumberger G.* Op. cit. P. 211.
85. *Ibidem.* P. 514.
86. *Liber Diurnus...* P. 2–3.
87. *Calisse C.* Op. cit. P. 282–285.
88. См., напр.: *Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire.* Vol. IV. L., 1814. P. 279; *Кудрявцев П. Н. Судьбы Италии.* М., 1850. С. 87.
89. *Theophanis Chronographia...* P. 228.
90. *Johannis Malalae Chronographia.* Bonnae, 1831. P. 486.
91. *Anastasio Bibliothecarii Historia Ecclesiastica // Theophanis Chronographia.* Bonnae, 1841. Vol. II. P. 105.
92. *Landolfi Sagacis additamenta ad Pauli Historiam Romanam // MGH, Auctores Antiquissimi.* Vol. 11. B., 1894. P. 222.
93. *Theophanis Chronographia...* P. 115.
94. *Johannis Malalae Chronographia...* P. 314.
95. *Joannis Scilitzae Synopsis historiarum / Rec. I.* Thurn. B., 1973 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 5). P. 471.
96. *Anne Comnene. Alexiadé (Régne de l'empereur Alexis I Comnene, 1081–1118).* P., 1937. Т. 1. P. 54.
97. *Dvornik F. La vie de S'Grégoire le Decapolite et de slaves macedoniens au IXe siècle // Travaux publiés par l'Institut d'Etudes slaves.* P., 1926. Vol. V. P. 35–36.
98. Слово «экзарх» иногда встречается в этом значении и в современной научной литературе, хотя такое его употребление в новых языках (кроме греческого), разумеется, неправильно. Например, в книге В. Монтгомери Уотта «История мусульманской Испании» известный вестготский ренегат Юлиан, по легенде, призвавший мавров в Испанию, назван «византийским экзархом Сеуты» (см.: *Montgomery Watt W. A History of Islamic Spain.* Edinburgh, 1965. P. 13).

99. *Gregorii Magni Dialogorum libri quattu, IV, 26.*
100. *Marii Aventicensis episcopi Chronicon // MGH, Auctores Antiquissimi. Vol. II. P. 238.*
101. *Agnellus. Op. cit. P. 336,338.*
102. *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, 27 / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967.*
103. *Paul. Diac., II, 3.*
104. *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque, I, 8, 10.*
105. *Proc. Caes. Bell. Goth., IV, 21.*
106. *Ibidem. I, 5.*
107. Сведения о значении термина «автократор» см.: *Острогорски Г. Автократор и самодержац // Острогорски Г. Сабрана дела. Кн. 4. Београд, 1970. С. 281–361; Guillard R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantine. Les termes désignant le commandant en chef des armées byzantines // Revue des études byzantine, 1959. T. 29.*
108. *Const. Pragm. P. 802.*
109. См.: *Proc. Caes. Bell. Goth., II, 13.*
110. *Ibidem. I, 25.*
111. *Paul. Diac., II, 5.*
112. Гипотеза эта нашла свое отражение в его работе «*Historiarum ab inclinitate Romanorum Decades*». См. об этом *Diehl Ch. Etudes sur l'administration... P. 7.*
113. *Rubeus G. Ravennatum historiarum libri XI... P. 176.*
114. *Baronius C. Annales ecclesiastici... Vol. 7. P. 572.*
115. *Muratori L. Annali d'Italia. Venise, 1839, ad ann. 568.*
116. *Dal Corno T. F. Ravenna dominante Sede... P. 113–115.*
117. *Gregorovius F. Geschichte der Stadt Rom... Bd. 2. S. 146.*
118. *Paul. Diac., II, 29.*
119. *Agnellus. Op. cit. P. 338–341.*
120. *Origo gentis langobardorum... P. 5.*
121. Эта точка зрения подвергнута убедительной критике Ш. Дилем. См.: *Diehl Ch. Op. cit. P. 7–12.*
122. *Ibidem. P. 17–18.*
123. *Johannis Biclarensis Chronicon... Col. 865.*
124. *Corippus. In laude Justinii Minoris // MGH, Auctores Antiquissimi. T. 3. Vol. 2. B., 1978. P. 284.*
125. *Theophanis Chronographia... P. 379.*
126. См.: *Paul. Diac., II, 26.*
127. *Hartmann L. M. Untersuchungen... S. 9.*
128. *PL. T. 72. Col. 703.*
129. *Ibidem. Col. 704.*
130. *Paul. Diac., III, 18.*
131. *Кудрявцев П. Н. Указ. соч. С. 121.*

132. Paul. Diac., III, 26.

133. Ibidem.

134. Даже Нарсес при всем своем влиянии в Италии не осмелился применить подобные меры в ходе все той же «Истрийской схизмы». Что же касается известной истории с высылкой из Рима папы Вигилия (547 г.), то она связана с особыми обстоятельствами военного времени и имеет чисто политическую подоплеку.

135. CIL, VI, 1200.

136. О его деятельности в этот период см.: *Hartmann L. M. Untersuchungen...* S. 12–13.

137. См.: *Grizar H. Rundgang durch die Patrimonium des Heiliges Stuhles in das Jahr 600 // Zeitschrift für Katholische Theologie. Innsbruck, 1877. Bd. I. S. 321–360; Spearing E. The Patrimony of the Roman Church in the Time of Pope Gregory the Great. L., 1918; Schneider F. Röm und Römgedanke im Mittelalter. Monaco, 1926.*

138. См. о нем: *Capello G. Gregorio I e il suo pontificato (590–604). Saluzzo, 1904; Dudden H. F. Gregory the Great, his Place in History and Thought. V. I–II. L., 1905; Batiffol P. Saint Gregoire de Grand. P., 1928; Stuhlfath W. Gregor der Grosse. Heidelberg, 1913.*

Вообще же литература о раннесредневековом папстве огромна. Укажем одну из последних обобщающих монографий: *Richards J. The Popes and the Papacy in the Early Middle Ages. 476–752, 1979*; См. хорошо составленную библиографию: *Op. cit. P. 398–409.*

139. О взаимоотношениях равенских епископов и пап в это раннее время (до сер. VI в.) см.: *Luther P. Röm und Ravenna bis zum 9. Jahrhundert...* S. 5–25.

140. См.: *Simonini A. La Chiesa Ravennate...* P. 68.

141. Mansi, IX. Col. 714–718. Тем самым было положено начало «Истрийской схизме» — затяжному конфликту с константинопольским патриархом группы епископов Северной Италии.

142. *Agnellus. Op. cit. P. 324.*

143. *Simonini A. Autocefalia ed Esarcato...* P. 57.

144. Здесь говорится о *plebs*, однако в дальнейшем Максимиан добился, чтобы его приняли в Равенне, подкупив *sacerdotes* и *primates* (*Agnellus. Op. cit. P. 327*). Они, следовательно, и составляли авангард оппозиции. Вероятно, слово «*plebs*» употреблено в тексте в значении «паства».

145. *Simonini A. La Chiesa Ravennate...* P. 31.

146. *Agnellus. Op. cit. P. 326.*

147. *Simonini A. La Chiesa Ravennate...* P. 30 sqq.

148. Подробнее о значении паллиума см.: *Tagliavini C. Storia di parole pagane e cristiane attraverso i tempi. Brescia, 1963. P. 413–421.*

149. *Agnellus. Op. cit. P. 329.*

150. Незадолго до назначения в Равенну Максимиан в самом деле побывал в Константинополе и имел там аудиенцию у Юстиниана I. (*Agnellus. Op. cit.*

Р. 326). О Максимиане из Пола, видном церковном деятеле, см. спец. работы: *Mazzotti M.* Massimiano di Pola // *Pagine istriane*, IV. Trieste, 1950. P. 14–21; *Bovini G.* Massimiano di Pola, arcivescovo di Ravenna // *Felix Ravenna*, LXXIV, Ravenna, 1957. P. 5–27; *Montanari G.* Massimiano arcivescovo di Ravenna (546–556) come committente // *Studi Romagnoli*, XLII. Faenza, 1991. P. 367–416.

151. *Agnellus*. Op. cit. P. 335.

152. *Greg. Magn.*, Ep. II, 54; III, 56; V, II; VI, 61.

153. *Ibidem*. I, 16; II, 46; VI, 30–31; VII, 42.

154. *Ibidem*. IV, 47; V, 18–21; VII, 33.

155. *Agnellus*. Op. cit. P. 113; *Paul. Diac.*, III, 26.

156. *Mansi*, X. Col. 463.

157. *Paul. Diac.*, III, 26.

158. *Greg. Magn.*, Ep. II, 28. Согласно верному наблюдению английского исследователя Дж. Ричардса, усилению Равеннской церкви парадоксальным образом способствовало лангобардское завоевание, так как Рим оказался фактически отрезан от епархий Северо-Восточной Италии. См.: *Richards J.* Op. cit. P. 156.

159. *Paul. Diac.*, III, 26.

160. *Greg. Magn.*, Ep. III, 29–30.

161. *Ibidem*. III, 37; IV, 39.

162. *Ibidem*. V, 48; *Agnellus*. Op. cit. P. 343. Этому Мариниану посвящено знаменитое «Пастырское правило» («*Regula Pastoralis*») Григория Великого.

163. *Greg. Magn.*, Ep. IV, 20, 47.

164. См.: *Simonini A.* Autocefalia ed Esarcato... P. 47.

165. *Liber Diurnus*... P. 55.

166. *Liber Pontificalis*... T. I. P. 332. *Theophanis Chronographia*... P. 331.

167. *PL*. T. 87. Col. 103–106.

168. *Simonini A.* Autocefalia ed Esarcato... P. 77.

169. *Liber Pontificalis*... T. I. P. 338.

170. *Agnellus*. Op. cit. P. 349.

171. *Ibidem*. P. 350.

172. *Ibidem*.

173. *Ughelli F.* Italia Sacra. T. II. Romae, 1717. P. 518.

174. Подложность эдикта была в XVI в. доказана Баронием. См. об этом: *Simonini A.* La Chiesa Ravennate... P. 12–14. Эдикт опубликован — *Marini* 57.

175. См. подробнее: *Zattoni G.* La data della Passio di S. Apollinare // *Atti dell' Accademia Reale delle scienze di Torino*. Torino, XXXIX. P. 364–378; *Idem*. Il valore storico della Passio di S. Apollinare e la fondazione dell'episcopato a Ravenna e in Romagna // *Rivista storico-critica delle scienze teologiche*. T. I. 1905. P. 662–677; T. II. 1906. P. 179–200, 677–691.

176. Свидетельством этого является т. н. «Равеннский свиток». См. подробнее во введении к монографии, с. 47.

177. См.: *Simonini A. Autocefalia ed Esarcato...* P. 70.
178. *Privilegium Constantini ad Maurum...* P. 351.
179. Ibidem. См. подробнее об этом: *Pierpaoli M. Storia di Ravenna. Dalle origini all'anno Mille. Ravenna, 1986. P. 193.*
180. *Simonini A. Autocefalia ed Esarcato...* P. 88.
181. Ibidem. P. 189.
182. См. *Carile A. Bizanzio e Italia bizantina...* P. 203.
183. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 346. Говорится о папе Адеодате (672–676), но это — ошибка. Восстание Мезеция приходилось на годы правления Виталиана I.
184. *Agnellus. Op. cit. P. 351–352.*
185. Ibidem.
186. *Simonini A. Autocefalia ed Esarcato...* P. 101.
187. *Agnellus. Op. cit. P. 353.*
188. Ibidem.
189. В этой связи имеет под собой основания гипотеза Дж. Ричардса, что Мавр сам назначил Репарата своим преемником. См. *Richards J. Op. cit. P. 196.*
190. Об этом свидетельствует мозаика в церкви Сант Аполлинаре ин Класе, где изображен Репарат, получающий из рук императора свиток с надписью: «Privilegium».
191. *Agnellus. Op. cit. P. 354.*
192. См. подробнее в главе III.
193. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 351–354.
194. *Agnellus. Op. cit. P. 359–360.*
195. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 360. См. об этом: *Mazzotti M. L'autocefalia della Chiesa di Ravenna (excursus storico) // Atti di Convegno di Cesena e di Ravenna. Vol. I. Cesena, 1969. P. 391–401; Dupré-Theseider E. La questione dell'autocefalia della Chiesa di Ravenna // Corsi di coltura sull'arte ravennate e bizantina, III, fasc. II. Ravenna-Faenza, 1957. P. 65–66.*
196. *Guillou A. Régionalisme et indépendance.... P. 210.*
197. *Agnellus. Op. cit. P. 367–368.* Образцы cautiones см.: *Liber Diurnus...* № 74. P. 74–78.
198. *Agnellus. Ibidem.*
199. См. комментарий Л. Дюшена к биографии папы Константина: *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 393–394.
200. См. об этом: *Görres F. Justinian II und das Pappstum // Byzantinische Zeitschrift, 17, 1908. S. 452–453.*
201. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 391.
202. *Agnellus. Op. cit. P. 375.*
203. «Непоколебимым антивизантийцем» называет Феликса известный исследователь Романья А. Вазина (*Vasina A. La Autonomie cittadine in Romagna // Idem. Romagna medioevale. Ravenna, 1970. P. 150.*)
204. В тексте ошибочно — «a Leone».

205. *Agnellus*. Op. cit. P. 336.
206. О событиях в Равенском экзархате в этот период подробнее см.: *Cessi R.* La crisi dell'Esarcato Ravennate agli inizi dell'iconoclasta // Atti dell'Istituto Venete di scienze, lettere e arti. Classe di scienze morali e lettere, XCIII, Parte II. Venezia, 1933–1934. P. 1671–1685.
207. *Theophanis Chronographia*... P. 409.
208. *Liber Pontificalis*... T. I. P. 404.
209. *Ibidem*. T. I. P. 405.
210. *Agnellus*. Op. cit. P. 377.
211. *Liber Pontificalis*... T. I. P. 416.
212. *Paul. Diac. Continuatio Tertio*, 14.
213. *Agnellus*. Op. cit. P. 376.
214. *Paul. Diac.*, VI, 54. *Johannis Diaconi Chronicon Venetum* // MGH. *Scriptores*, T. VII. Hannoverae, 1846. P. 12. Об организации этой экспедиции папа Григорий II специально просил аквилейского патриарха Антонина.
215. *Agnellus*. Op. cit. P. 376.
216. *Agnellus*. Op. cit. P. 377–381.
217. *Ibidem*.
218. *Fasoli G.* Il dominio territoriale degli arcivescovi di Ravenna fra l'VIII e l'IX secolo // I poteri temporali dei vescovi in Italia e in Germania nel Medioevo. Ed. G.-G. Mor e H. Schmiedungen. Bologna, 1979. P. 87.
219. *Grizar H.* Una vittima del despotismo bizantino. Papa S. Martino (649–654/655) // *Civiltà cattolica*, T. LVIII. Roma, 1907. P. 272–275, 665–666.
220. *Peitz W. M.* Martin I und Maximus Confessor. *Beitrage zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645–668* // *Historisches Jahrbuch*, Bd. 338. München, 1917; *Michael E.* Wann ist Papst Martin I bei seiner Exilierung nach Konstantinopel gekommen? // *Zeitschrift für katholische Theologie*. Bd. 16. 1892. S. 375–380.
221. О сущности монофелитства и его истории см.: *Сидоров А. И.* «Монофелитская» уния по свидетельству «Повествования о делах армянских» // Историко-филологический журнал. Ереван, Т. 3, 1988. С. 161–165; см. также: *Winkelmann F.* Die östliche Kirche in der Epoche der christologischen Auseinandersetzungen (5. Bis 7. Jahrhundert). В., 1980. Об отношении к императорскому эдикту в Италии см.: *Sciuto F. E.* La «Ectesis» dell'imperatore Eraclio quale simbolo del conflitto teologico-politico tra Roma e Constantinopoli dell VII secolo // *Sicilia e Italia suburbicaria tra IV e VIII secolo*. Atti del Convegno di studi / Ed. S. Prioco, F. Rizzo Nervo, T. Sardella. Catania, 1991. P. 268–282.
222. Традиционно считается, что «τόπος τῆς πίστεως» был объявлен в 648 г. В. Пайтц доказывал, что он появился несколько ранее — в сентябре 647 г. См.: *Peitz W. M.* Op. cit. S. 436.
223. О должности апокрисиария и его функциях см.: *Emerceau A.* Apocrisiares et Apocrisariat: notion de l'apocrisariat: ses variétés à travers l'histoire // *Echos d'Orient*, T. 17, 1914–1915. P. 141–154.

224. Liber Pontificalis... Т. I. P. 336.

225. Поэтому в будущем император Константин II имел определенные основания для того, чтобы именовать Мартина не папой, а всего лишь «бывшим апокрисиарием» («Martinum, qui huc erat apocrisiarius». Liber Pontificalis... Т. I. P. 337).

226. Не в силах справиться с такой оппозицией в своей епархии, один из галльских епископов — Аманд — просил папу сместить его с кафедры. Сохранилось письмо, в котором Мартин I отказывает Аманду в его просьбе и требует незамедлительно навести порядок в диоцезе, прибегнув в случае необходимости к поддержке короля Нейстрии и Бургундии Сигиберта. См.: Ep. II. Mansi, X. Col. 1185–1187; PL. T. 87. Col. 135–138.

227. Liber Pontificalis... Т. I. P. 339. О Латеранском соборе 649 г. см. специальную статью: Caspar E. Die Lateransynod von 649 // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 51. Stuttgart—Gotha, 1932. Акты Латеранского собора опубликованы в изданиях: Mansi, X. Col. 863–1188; Concilium Lateranense a. 649 celebratum / Ed. R. Riedinger (Acta Conciliorum Oecumenicorum. Series secunda. Vol. I). В., 1984.

228. Издатель актов Латеранского собора 649 г. Р. Ридингер считает, что последние были составлены лично Максимом Исповедником: Riedinger R. Die Lateranakten von 649 — ein Werk der Byzantiner um Maximus Homologes // BYZANTINA, 1985. Т. 13. S. 517–534.

229. Mansi, X. Col. 870–882.

230. Ibidem. Col. 1151–1170.

231. Liber Pontificalis... Т. I. P. 336 или Mansi, X. Col. 879 (слова из вступительной речи Мартина I).

232. Liber Pontificalis... Т. I. P. 336; Mansi, X. Col. 879.

233. Liber Pontificalis... Т. I. P. 337.

234. Ibidem.

235. См.: Бородин О. Р. Эволюция войска в византийской Италии... С. 127–128.

236. Liber Pontificalis... Т. I. P. 337.

237. Соответственно: Ep. III. Mansi, X. Col. 789–798; Ep. II. Mansi, X. Col. 1183–1187; Ep. V. Mansi, X. Col. 805–814; Ep. IV. Mansi, X. Col. 797–804; Ep. XI. Mansi, X. Col. 827–831.

238. Ep. XII–XIII. Mansi, X. Col. 1151–1170.

239. Liber Pontificalis... Т. I. P. 337; Mansi, X. Col. 1170–1184; PL. T. 87. Col. 119–136.

240. Llewellyn P. Rome in the Dark Ages. L., 1970. P. 151.

241. Liber Pontificalis... Т. I. P. 338.

242. См. Бородин О. Р. Византийская Италия в борьбе за независимость // Встречи с историей: Научно-популярные очерки. М., 1988. С. 22; Bertolini O. Roma di fronte... P. 342–343.

243. См. примечание 44 к данной главе.

244. Он имел в Италии земельную собственность (Tjäder — 44.).
245. На соборе находились лишь представители Мавра в ранге пресвитеров. См. извинительное письмо равеннского епископа папе Мартину (Mansi, X. Col. 883–886.)
246. Ep. XV. Mansi, X. Col. 851. В этом письме наиболее подробно изложены и последующие события, вплоть до высылки Мартина I из Рима.
247. Ibidem. Col. 852.
248. Ibidem.
249. Ibidem.
250. Ep. XIV. Mansi, X. Col. 849.
251. Ibidem.
252. Ep. XV. Mansi, X. Col. 853.
253. Commemoratio... Mansi, X. Col. 854.
254. Ibidem.
255. Хронология пребывания папы Мартина I в изгнании и ссылке разработана В. Пайтцем. Э. Михаэль предлагал передвинуть пребывание папы Мартина в Константинополе на год назад, так, чтобы его прибытие в столицу приходилось на сентябрь 653 г., а отъезд в ссылку (см. ниже) — на апрель 654 г. (*Michael E. Wann ist Papst Martin I bei seiner Exilierung nach Konstantinopel gekommen?..* S. 375.). Однако В. Пайтц убедительно опроверг выводы Э. Михаэля (*Peitz W. M. Martin I... S. 436–440*). Тем не менее некоторые историки, очевидно, незнакомые с публикацией В. Пайтца, приняли хронологию Э. Михаэля, и потому в современной историографии сосуществуют две хронологические версии последних лет жизни папы Мартина I. Неверных датировок придерживаются, например, П. Ллевеллин (*Llewellyn P. Rome in the Dark Ages... P. 152 sqq.*), О. Бертолини (*Bertolini O. Roma di fronte... P. 344–350*), Р. Хааке (*Haacke R. M. Rom und die Cäsaren: Geschichte des Cäsaropapismus. Düsseldorf, 1947. S. 95*) и др.
256. Commemoratio... Col. 855.
257. Ibidem.
258. Ep. XIV. Mansi, X. Col. 850.
259. Scholion sive Hupomnesticum... Col. 685. Сакелларий в данном случае — хранитель личной императорской казны. Должность известна со времен императора Зенона (474–491). См.: *Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602. Oxford, 1964. Vol. II. P. 567–568.*
260. Commemoratio... Col. 855.
261. Ibidem.
262. Ibidem. Col. 855–856.
263. Патрикий Дорофей за год до этого, по всей вероятности, принял личное участие в высылке папы Мартина из Италии; как мы помним, корабль для отправки папы на Восток дождался его прибытия из Рима в Мессине на Сицилии.
264. Commemoratio... Col. 856.

265. Не вполне понятно, о ком здесь идет речь. Незадолго до описываемых событий в составе высшей имперской знати находился карфагенский экзарх Георгий, чрезвычайно авторитетный в Африке, но он никогда не играл самостоятельной роли в Константинополе. Позволительно высказать предположение, что в текст вкралась описка, и следует читать не «Георгий» («Georgius»), а «Филагрий» («Filagrius»). Комит царских щедрот Филагрий вскоре после смерти императора Ираклия попытался оттеснить от власти его вдову василиссу Мартину. С этой целью он с согласия молодого императора Константина III решил обратиться за помощью к армии и направил на Восток для переговоров со стратигами одного из своих подчиненных — Валентина Аршакуни. Но вскоре Константин III скончался от чахотки, к власти пришла партия Мартины и ее сына Ираклиона, Филагрий был насильственно пострижен в монахи и сослан в крепость Септем на берегу Гибралтара. Тем временем Валентин Аршакуни договорился со стратигами, выступил в поход к Константинополю, сперва остановился с войском в Халкидоне, а затем вступил в столицу, расправился с Мартиной и ее сыновьями и сделался, в сущности, диктатором рядом с несовершеннолетним царем Константом II. Валентин сразу же возвратил из ссылки Филагрия. Таким образом, к последнему вполне подходит странная характеристика «a magistratibus qui erat ex monachis». «Ingressus est huc in urbem a castris» также можно отнести к нему и его покровителю Валентину, пришедшему в Константинополь с войском. Кроме того, папа мог иметь в виду заключение Филагрия в крепости (castrum) Септем. Вполне понятно, что, вернувшись в столицу, Филагрий имел возможность при поддержке Валентина расправиться с их общими противниками в сенате. С предлагаемой версией вполне сочетается и следующая фраза папы Мартина, в которой прямо говорится о Валентине. Сведения об описанных событиях сообщают патриарх Никифор, Себеос, Иоанн Никиусский. См. подробнее: *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. III. Киев, 1915. С. 174–181.

266. Речь идет о попытке захвата императорского трона, предпринятой в 643 г. тем же Валентином Аршакуни. Пытаясь придать узурпации вид легальности, последний, видимо, заставил юного императора Константа II объявить себя соправителем и в самом деле восседал с ним на престоле. Однако в столице произошло восстание, и узурпатор был растерзан толпой. См.: *Кулаковский Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 189.

267. Здесь и далее при описании суда: *Commemoratio...* Col. 856–857.

268. См.: *Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis* // Ed. Du Cange. Т. IV. P., 1845. P. 497 (Psachion); *Ibidem.* Т. II. P., 1842. P. 58–59 (Campagi).

269. *Commemoratio...* Col. 857.

270. *Ibidem.* Col. 858.

271. *Ibidem.*

272. *Ibidem.*

273. Пирр подозревался в отравлении отца Константа II императора Константина III (640–641). См.: *Theophanis Chronographia...* P. 341; см. также: *Кулаковский Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 178.

274. См. об этом, например: *Montmasson E. Chronologie de la vie de saint Maxime le Confesseur (580–662) // Echos d'Orient. T. 82. 1910. P. 153. Протоколы диспута опубликованы: PG. T. 91. Col. 288–353.*

275. *Liber Pontificalis... T. I. P. 332.*

276. *Liber Pontificalis... T. I. P. 332; Theophanis Chronographia... P. 331.*

277. Здесь и далее: *Commemoratio... Col. 858–859.*

278. «...*fideliū servorum ejus*» — аллюзия на папский титул «*servus servorum Dei*».

279. *Кулаковский Ю. Указ. соч. Т. III. С. 216.*

280. *Commemoratio... Col. 859.* Прямое указание на то, что автор «*Commemoratio*» имел возможность использовать подлинные протоколы допросов папы Мартина.

281. *Ер. XVI–XVII. Mansi, X. Col. 861–864.* Следует предположить, что до нас дошли не все письма. Автор «*Commemoratio*» указывает, что папа писал из Крыма о своих невзгодах, причем «не только о страданиях телесных, но и о притеснениях со стороны местных жителей и правителей... видимо, по указанию правящих в Византии». (*Ibidem. Col. 860.*) В сохранившихся письмах папа не высказывает подобных предположений и не жалуется на притеснения властей. Их русский перевод и комментарий, а также сведения о пребывании папы Мартина I в Крыму, его погребении в Херсоне и о посмертном культе папы Мартина как одного из «таврических чудотворцев» см.: *Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (Статья, перевод, комментарий // Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 173–190.*

282. *Burn-Murdoch H. The Development of the Papacy. L., 1955. P. 288.*

283. *PL. T. 87. Col. 205–212.*

284. *Falco G. La Santa Romana Respublica. Profilo storico del Medio Evo. Milano-Napoli, 1954. P. 152.*

285. Автор «*Commemoratio*» отмечает: «Он стал образцом для подражания всех, кто решил и предпочел жить во благе и бороться за него» (*Commemoratio... Col. 861.*) При раскопках церкви *Santa Maria Antiqua* в Риме была выявлена фреска с изображением папы Мартина, написанная в правление Иоанна VII (701–705). См.: *Grizar H. Una vittima del despotismo bizantino... P. 456.* Таким образом, уже спустя несколько десятилетий после смерти он входил в число наиболее популярных и почитаемых римских пап.

286. *Theophanis Chronographia... P. 367–369.*

287. *Agnellus. Op. cit. P. 367.*

288. *Ibidem. P. 357.*

289. *Liber Pontificalis... T. I. P. 373.*

290. *Theophanis Chronographia... P. 373.*

291. *Agnellus. Op. cit. P. 367.* Здесь стратиг не назван по имени. Его имя известно из римской «Книги понтификов»: *Liber Pontificalis... T. I. P. 389.*

292. *Agnellus. Op. cit. P. 368, 371–372; Liber Pontificalis... T. I. P. 389.*

293. *Agnellus. Op. cit. P. 369.*

294. Ibidem. P. 370–371. См. об Иоанниции специальную работу: *Hartmann L. M. Johannicius von Ravenna // Festschrift T. Gomperz. Wien, 1902. S. 319–323.*

295. «...serpentis, qui ex Bizantie ponto hic delatus est». *Agnellus. Op. cit. P. 369.* Если гласная в конце слова «Bizantie» не искажена переписчиками, то перед нами уникальное для раннего Средневековья упоминание не о Византии (городе), но о Византии (стране).

296. О военной реформе в Равенне см. в гл. I (раздел «Вооруженные силы Византийской Италии»). Весь рассказ о равенском восстании — у Агнелла: *Agnellus. Op. cit. P. 369–370.*

297. *Liber Pontificalis... T. I. P. 390.*

298. *Guillou A. Régionalisme et indépendance... P. 215–218.*

299. *Idem. Esarcato e Pentapoli. Regione psicologica... P. 318.*

300. *Agnellus. Op. cit. P. 371–372.*

301. *Simonini A. Autocefalia ed esarcato in Italia... P. 125.*

302. *Theophanis Chronographia... P. 381.*

303. *Liber Pontificalis... T. I. P. 389.*

304. *Liber Pontificalis... T. I. P. 319; Agnellus. Op. cit. P. 348; Paul. Diac., IV, 34.*

305. *Diehl Ch. Etudes sur l'administration... P. 358.*

306. *Guillou A. Régionalisme et indépendance... P. 206.*

307. Возможно, ближе, чем А. Гийу, стоит к истине О. Бертолини, полагающий, что причиной возмущения был тяжелый налоговый гнет империи, а неплата жалованья войскам обострила обстановку. См.: *Bertolini O. Roma di fronte... P. 299.*

308. *Liber Pontificalis... T. I. P. 321; Agnellus. Op. cit. P. 348.*

309. *Liber Pontificalis... T. I. P. 331.*

310. Ibidem. P. 332.

311. *Liber Pontificalis... T. I. P. 337.* Подробно см. выше, в параграфе «Опозиция монофелитству в Италии и “дело” римского папы Мартина I».

312. *Mansi, X. Col. 856.*

313. Ср. воцарение Фоки, Ираклия I, Тиберия-Апсимара, Вардана-Филиппика, Льва III Исавра и других восточных императоров.

314. *Prosperi Aquitanensis Continuator Havniensis... P. 339.*

315. Подобную оценку движениям Олимпия и Элефтерия дал некогда Гартманн (см.: *Hartmann M. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. I. Gotha, 1897. S. 203–228*). Однако эта идея не привлекла внимания других специалистов.

316. *Theophilactus Simocatta, VIII, 11, 7–9.*

317. *Theophanis Chronographia... P. 348.*

318. *Liber Pontificalis... T. I. P. 392.*

319. *Diehl Ch. Etudes sur l'administration... P. 344.*

320. *Liber Pontificalis... T. I. P. 404–405.*

321. *Herrin J.* Constantinople, Rome and the Franks in the seventh and eighth centuries // *Byzantine Diplomacy...* P. 91.

322. *Liber Pontificalis...* T. I. P. 409.

323. *Bertolini O.* Roma di fronte... P. 449.

324. Наиболее полное обобщающее исследование по данному вопросу: *Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz. Die Begründung des Karolingischen Kaisertums. Sigmaringen, 1985.

325. См. характеристику имеющихся в науке разногласий: *Ohnsorge W.* Die Konstantinische Schenkung, Leo III und die Anfänge der kuralien Römischen Kaiseridee // *Idem.* Abendland und Byzanz. Weimar, 1958. S. 79–82.

326. *Lewison W.* Formularbuch von Saint Denis // *Neues Archiv.* T. 41. Dresden, 1919. S. 304.

327. См.: *Gasquet A.* De translatione imperii ab Imperatoribus Byzantinis ad Reges Francorum. Clermont-Ferrand, 1879. P. 35; *Ohnsorge W.* Renovatio regni francorum // *Idem.* Abendland und Byzanz... S. 111–130; *Idem.* Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter. Die Bedeutung des byzantinischen Reiches für die Entwicklung der Staatsidee in Europa. Hildesheim, 1947. S. 20; *Fichtenau H.* Das Karolingische Imperium. Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches. Zürich, 1949. S. 69; *Folz P.* Le Couronnement imperial de Charlemagne. 25 décembre 800. S. b., 1964. P. 174 etc.

328. О генезисе этой идеи см.: *Folz P.* L'idée d'empire en Occident du Ve au XIVe siècle. (Collection historique sous la direction de Paul Lemérle), 1953. P. 18 sqq.

329. *Constitutum Constantini...* P. 93 // *Das Constitutum Constantini* (Konstantinische Schenkung) / Text, hrsg. von H. Führmann / MGH, Fontes juris germanici antiqui. T. X. Weimar, 1968.

330. *Ibidem.* P. 94.

331. «Аркадий... и Гонорий... вместе начали осуществлять императорское правление, разделив лишь резиденции». *Orosii historiarum adversus paganos libri septem*, VII, 36 // *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. Vol. V, ed. C. Zangemeister, Vindobonae, 1882. См. об этом также: *Бицилли П.* Падение Римской империи. Одесса, 1919. С. 5; *Demougeot E.* De l'unité à la division de l'Empire Romain. 395–410. Essai sur le gouvernement imperial. P., 1951. P. 98 sqq.; *Güldenpenning A. und Ifland J.* Der Theodosius der Grosse. Ein Beitrag zur Römischen Kaisergeschichte. Halle, 1878. S. 231.

332. *Malhi rhetoris excerpta* / Ed. J. Becker et G. B. Niehburus. Bonnae, 1829. P. 93–94.

333. *Heldmann K.* Das Kaisertums Karls des Grossen. Theorien und Wirklichkeit. (Quellen und Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter und Neuzeit. Bd. VI, Hft. 2). Weimar, 1928. S. 401 flg.; *Torsten O.* Riche. Eine geschichtliche Studie über die Entwicklung der Reichsidee. München—Berlin, 1943. S. 8; *Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz. Die Begründung des karolingischen Kaisertums // *Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben*. Bd. I. Düsseldorf, 1957. S. 594.

334. Notitia dignitatum et administrationum, tam civilium quam militarium, in partibus Orientis et Occidentis / Rec. E. Böking. T. I–II, 1839, passim.
335. *Malchi*. Op. cit. P. 93–94.
336. *Иордан*. О происхождении и деяниях готов. Getica. М., 1960, С. 169.
337. См.: *Бицилли П.* Указ. соч. С. 6.
338. *Agathiae Myrinaei* Historiarum libri quinque, V, 14.
339. Laterculus imperatorum ad Justinum I // MGH, Auctores Antiquissimi, T. XIII, Parte III, Chronica minora saec. IV. V. VI. VII / Ed. Th. Mommsen. B., 1896. P. 422–423.
340. См. о них в предшествующем разделе книги.
341. *Prosperi Aquitanensis* Continuator Havniensis... P. 37; Liber Pontificalis... T. I. P. 321.
342. *Treitinger O.* Die Oströmische Kaiser-und-Reichsidee nach ihrer Gestaltung in hoffischen Zeremoniell vom Oströmischen Staats-und-Reichsgedanken. Darmstadt, 1956. S. 8 flg.
343. *Sickel W.* Das byzantinische Krönungsrecht bis 10. Jahrhundert // Byzantinische Zeitschrift, VII, 1898. S. 521.
344. *Classen P.* In: Karl der Grosse. Lebenswerk... S. 581.
345. *Sickel W.* Op. cit. S. 520. Подробнее об этом см.: *Бородин О. Р.* «За всех, на чью долю выпал рабский удел» // И живы памятью столетий. Очерки о вождях народных движений в средневековой Европе. Минск, 1987. С. 20–21.
346. См. напр.: *Kleinclausz A.* L'Empire Carolingienne. Ses origines et ses transformations. Thèse, P., 1902. P. 197.
347. *Treitinger O.* Op. cit. S. 19.
348. Ibidem. S. 30.
349. Liber Pontificalis... T. II. P. 7.
350. Einhardi Vita Caroli Magni Imperatoris // MGH, Scriptorum rerum germanicarum / Ed. O. Holder-Egger. T. VI. 1911. P. 32.
351. Annales Maximiani // MGH, Scriptorum. T. XIII / Ed. G. Waitz. Hannoverae, 1881. P. 12.
352. *Erdmann C.* Forschungen zur politischen Ideenwelt des Frühmittelalters. B., 1951. S. 21–26.
353. *Левандовский А. П.* Карл Великий. Через империю к Европе. М., 1995. С. 88.
354. Голландский исследователь Л. Халфен обратил внимание на приказной тон писем Карла Великого Льву III, на обидные для папского достоинства инструкции Карла его послу Ангильберту, который должен был контролировать в Риме действия римского понтифика. Лев III, по словам Л. Халфена, выглядел, по существу, как подданный при государе Карле Великом. (*Halphen L.* Charlemagne and the Carolingian Empire. Amsterdam—New York—Oxford, 1977. P. 86). Папа Лев, конечно, должен был воспринимать такую ситуацию как оскорбительную (пусть в какой-то момент и неизбежную), и это

обстоятельство могло послужить психологическим импульсом для попытки перевернуть ее на 180 градусов: стать самому государем над франкским императором.

355. *Constitutum Constantini*... P. 93.

356. *Sickel W.* Op. cit. S. 521. Исследуя коронацию Карла Великого, А. Классен обратил внимание, что в Константинополе в последний раз до 800 г. император сам короновал своего соправителя в 747 г. (возведение на престол узурпатора Артавазда). Однако дальше в своих рассуждениях немецкий историк не пошел. См.: *Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz. Sigmaringen, 1985. S. 63.

357. Немецкий ученый В. Мор предлагал иную, весьма остроумную, интерпретацию сообщения Эйнгарда. Он полагал, что Карл был недоволен вовсе не короной, а аккламацией, которая, даже состоявшись с опозданием, все-таки свидетельствовала об избрании его Римским императором. В окружении Карла активно разрабатывалась версия происхождения его власти не от Рима, а от царя Давида, активным ее сторонником являлся, в частности, Эйнгард. Библейскую преемственность подчеркивало принятие короны из рук наследника Св. Петра, но ей противоречила языческая по происхождению аккламация. (*Mohr W.* Die Karolingische Reichsidee. Munster, 1962. S. 64–65). Однако с предположением В. Мора трудно согласиться. На протяжении ряда лет Карл Великий неоднократно подчеркивал факт преемственности своей власти от Рима. Еще в 774 г. он принял титул *patricius Romanorum*; именно так систематически именовала его папская канцелярия (см. подробнее: *Classen P.* Ibidem. S. 21). Отказаться от генетической связи с Римской империей и провозгласить себя императором без опоры на единственную известную в Европе имперскую традицию значило сделать собственную коронацию принципиально нелегитимной, не приобретая при этом ничего взамен. Вряд ли Карл Великий мог избрать для себя подобный вариант.

358. *Theophanis Chronographia*... P. 472.

359. *Dölger F.* Europas Gestaltung im Spiegel des frankisch-byzantinischen Auseinandersetzung des 9. Jahrhundert // Vertrag von Verdun. 843 / Herausg. von Th. Mayer. Lpz., 1943. S. 203–273.

360. Тот факт, что римские папы оценивали Карла Великого как властителя именно Запада, ясен из письма Адриана I, адресованного императрице Ирине и посвященного Карлу: «*Omnes Hesperiae Occiduaeque partis barbaras nationes (Carolus) suo subijcens regno adulavit*» («Все варварские народы Гесперийских Западных земель (Карл) областал, подчинив своему правлению»), — *Adriani papae epistolae* // Mansi, XII. P. 1875.

361. *Gasquet A.* Op. cit. P. 38; *Ohnsorge W.* Das Kaisertum der Eirene und die Kaiserkrönung Karls des Grossen // *Seculum*, Bd. 14, Hft. 2, Freiburg im Bresgau, 1963. S. 232; *Idem.* Die Konstantinische Schenkung... S. 84; *Classen P.* In: Karl der Grosse. Lebenswerk... S. 595; *Delperrié de Bayac J.* Charlemagne. P., 1976. P. 227; *Kleinclausz A.* Op. cit. P. 199 etc.

362. *Annales Laureschanienses* // MGH, *Scriptores* / Ed. G. N. Pertz. T. I, *Hannoverae*, 1826. P. 38.
363. *Folz P.* Le Couronnement... P. 165–174.
364. См. противоположные примеры: *Rösch G.* ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zum Offiziellen Gebrauch des Kaisertitel in Spätantiker und frühbyzantinischen Zeit. (*Byzantina Vindobonensia*. Bd. X). Wien, 1978. S. 110–111.
365. *Ohnsorge W.* Das Kaisertum der Eirene... S. 172–173.
366. *Annales S. Petri Coloniensis* // MGH, *Scriptores* / Ed. G. N. Pertz. T. XVI. *Hannoverae*, 1859. P. 730.
367. *Alcuini Epistolae* // MGH, *Epistolae*. T. IV / Ed. E. Dümmler, B., 1895. P. 288.
368. *Ронин В. К.* Византия в системе внешнеполитических представлений раннекаролингских писателей // *Византийский Временник*, 47, 1986. С. 90.
369. См: *Folz P.* Le Couronnement... P. 173.
370. *Alcuini Epistolae*... P. 241, 310.
371. Создание этой версии — часть большой работы, проводившейся членами Каролингской Академии с целью идейного обоснования провозглашения империи Каролингов. (Наряду с трудами Алкуина можно упомянуть, например, составление Петром Пизанским комментария к пророчеству Даниила о четырех империях. См.: *Ullman W.* The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. L., 1969. P. 140.)
372. Полную сводку сведений об использовании Алкуином термина «im-regium» по отношению к государству Карла Великого см. в работе: *Löwe H.* Die Karolingische Reichsgründung und der Südosten. Studien zum Werden des Deutschtums und seiner Auseinandersetzung mit Röm (Forschungen zur Kirschen-und-Geistgeschichte. Bd. 13). Stuttgart, 1937. S. 139–140.
373. *Folz P.* Le Couronnement... P. 165.
374. *Liber Pontificalis*... T. II. P. 7.
375. Немецкий ученый В. Вис, оценивая символическое значение короны Карла Великого папой Львом, резонно заключает: «Мы должны признать, что так же, как Карл был политическим основателем Европы, Лев III стал духовным отцом западной цивилизации». *Wies W.* Karl der Grosse. Kaiser und Heiliger. München, 1986. S. 245.
376. См.: *Schneider F.* Röm und Römgedanke im Mittelalter. Die geistige Grundlagen der Renaissance. München, 1926.
377. Об интенсивных контактах в эти годы римских пап с франками и связанных с ними политических устремлениях римской курии см.: *Fink von Finckenstein A.* Röm zwischen Byzanz und den Franken in der ersten Hälfte des 8. Jahrhunderts // *Festschrift für E. Hlawitschka zum 65. Geburtstag* / Hrsg. K. R. Schnith und R. Pailer. München, 1993. S. 23–36. Эти устремления частично реализовались в 800 г.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 3

1. О природных условиях Восточной Италии в изучаемый период см.: *Guillou A. Régionalisme et indépendance...* P. 43–53; *Ortolani M., Alfieri N. Contributo alle ricerche sull'antica delta padana // Atti del XV Congresso Geografico Italiano. Torino, 1955. P. 855–860.*

2. Polyb. II, 15. Цит по: *Polybius. The Histories / With. engl. transl. W. H. Paton. T. II. Cambridge—L., 1954.*

3. *Сергеевко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958, Гл. 8.*

4. Polyb. II, 15. Ср.: *Plin. H. N. XVIII, 66. Цит. По.: Pliny. Natural History. With. engl. transl. By H. Rackham and others. Vol. I–X. Cambridge—L., 1979–1981.*

5. *Chilver G. E. F. Cisalpine Gaul. Social and Economic History from 49 B. C. to the Death of Trajan. Oxford, 1941. P. 132–134.*

6. *Sirago V. A. L'Italia agraria sotto Trajano. Louvain, 1958. P. 241.*

7. *Varro. De re rustica. I, 2, 7; Colum. 3, 3, 2. Цит. по: Catonis de agriculturis Varronis rerum rusticarum libri. T. I–V. Lipsiae, 1882–1887; Columellae opera quae extant. (Coll. script. vet. Uppsaliens.) Ed. Lundström. Fasc. I–VII. Uppsala—Lipsiae, 1897–1907.*

8. «Ловкий надул меня плут // Трактирщик намедни в Равенне: // Мне, не разбавив водой, // Чистого продал вина» (Пер. Ф. Петровского). *Mart. Ep. III, 57. (Ср. III, 56) Ed.: Marci Valerii Martialis Epigrammaton libri / Rec. W. Gilbert. Lipsiae, 1912.*

9. *Strabo, V. 7. Цит. по: The Geography of Strabo. With. engl. transl. by H. L. Jones. T. 1–8, L., 1949.*

10. *Plin. H. N. XIX, 29.*

11. *Chilver G. E. F. Op. cit. P. 142–144.*

12. О распространении свиноводства свидетельствует существование особого типа ренты — т. н. *glandaticum*. См. ниже, с. 212.

13. *Montanari M. I prodotti ed alimentazione // Storia di Ravenna. T. II, Parte I... P. 95–96.*

14. *Schulten A. Fundus // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften. Bd. VII, Hlbb. I. Stuttgart, 1910. S. 296.*

15. См. подробнее: *Steinwenter A. Fundus cum instrumento. Eine agrar-und rechtsgeschichtliche Studie (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften im Wien. Phil.-hist. Klasse, № 221, Abh. 1). Wien, 1942.*

16. См. напр.: *H. de Arbois de Jubainville. Recherche sur l'origine de propriété foncière et des noms des lieux habités en France (période celtique et période romain). P., 1890; Flechia G. Nomi locali del Napoletano // Atti dell'Accademia delle scienze di Torino. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Vol. IX. 1874–1875. P. 58 sqq.*

17. Cato I, 7; 2, 7. Цит. по: *Catonis de agriculturis Varronis rerum rusticarum Libri*. Т. I–V. Lipsiae, 1882–1887.
18. *Du Cange Ch.-D. Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Т. II. P., 1842. P. 212.
19. (Колумелла считает достаточным иметь 2-х пахарей и 6 иных работников на 200 югеров хлебного поля.) *Columella. De re rustica*. II, 12. 7.
20. Cato, II, 1.
21. Более подробно данное положение обосновано в статье: *Бородин О. Р. Аграрная топография Равеннского экзархата и Пентаполя в раннее Средневековье / Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и Средневековья // Под ред. Т. С. Осиповой. М., 1985. С. 60–78. Топографическая структура экзархата описывается также в работе А. Кастаньети, где, правда, не предпринимается попыток оценить средние размеры fundus. См.: Castagnetti A. Le strutture fondiarie ed agrarie // Storia di Ravenna... Т. II, Parte 2. P. 55–62.*
22. *Chilver G. E. F.* Op. cit. P. 147.
23. *Plin. Sec.*, Ep. III, 19; VII, 18; VIII, 2; IX, 37 *C. Plinii Caecilii Secundi Epistolarum libri novem / Rec. M. Schuster. Lipsiae, 1958.*
24. *Columella...*, III, 3, 8.
25. *Кузищин В. И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976. С. 173–195, 246 сл.
26. *CIL*, XI, 600
27. *Johne K. P., Kohn J., Weber V.* Die Kolonen in Italien und den westlichen Provinzen des Romischen Reiches. Eine Untersuchung der literarischen und epigraphischen Quellen vom 2 Jahrhundert v. u. bis zu den Severern. B., 1983. S. 263–264.
28. *CIL*, XI, 1147.
29. См. подробнее в монографии: *Ruggini L. Economia e società... Parte prima: L'età ambrosiana. P. 19–22.*
30. *Ambr. Med. Ep.*, II // *PL. T. XVI. Col. 920; 925.*
31. *СTh*, XVII, 20.
32. *Notitia Dignitatum et Administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis / Rec. E. Böcking, Bonnae, 1839. P. 52.*
33. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, 1964. P. 781–782.
34. *Simplicii Ep. XIV // Mansi J. Sacrorum conciliorum collectio... Т. VII. Col. 972.*
35. *Удальцова З. В.* Италия и Византия... С. 28–29.
36. Там же, с. 40–53.
37. *Cass. Var.*, I, 26.
38. *Cass. Var.*, V, 18–20.
39. *Proc. Caes. Bell. Goth.* III, 6, 5. *Const. Pragm.*, § 4, 27.
40. *Const. Pragm.*, § 8.
41. *Ibidem.* § 1.

42. Ibidem. § 5.

43. *Удальцова З. В.* Италия и Византия... С. 444.

44. О распространении здесь общинной собственности известий нет. Вопрос о вероятности ее существования в этих областях рассмотрен в главе IV, в параграфе «Эмилия-Романья и варвары».

45. По византийскому законодательству государственные и императорские земли были неотчуждаемы (*inalienabiles*, CJ, VII, 38; XI, 67) и, следовательно, после отвоевания Италии должны были вернуться в казну.

46. Cass. Var., IV, 32; V, 18, 20; VIII, 25.

47. Ibidem. I, 16; III, 10; V, 7; IX, 2, 3, 8.

48. *Удальцова З. В.* Италия и Византия... С. 444.

49. *Placitum de Rizado*... P. 58.

50. Op. cit. P. 54.

51. Op. cit. P. 55.

52. Ibidem.

53. Ibidem.

54. Op. cit. P. 52.

55. На это указывают широта представительства населения домена при разборе петиции (выборные *capitanei* от 172 поселений провинции), посредничество при разборе дела аквилейского патриарха и нескольких епископов, приведенная просителями раскладка арендной платы на землях всей Истрии и т. д.

56. Op. cit. P. 52.

57. Op. cit. P. 52.

58. Op. cit. P. 51.

59. Op. cit. P. 50.

60. Ibidem.

61. Op. cit. P. 51.

62. CTh, X, 3, 10, 15.

63. См.: *Wiar R. Régime des terres du Fisc au Bas-Empire*. P., 1894. Ch. «Classification des terres du Fisc». P. 1–14.

64. См. об этом: *Karayannopulos J. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates*. München, 1958 (*Südosteuropäische Arbeiten*, 52). S. 72–73.

65. Напр., CJ, V, 13. Подробнее см. в книге: *Wiar R. Op. cit.* P. 45–54.

66. CJ, XI, 74, 2.

67. CJ, XI, 74, 2.

68. *Notitia Dignitatum*... P. 52. Это известие, в сочетании с рядом косвенных свидетельств, дало основание Е. Штайну утверждать, что в Италии существовало независимое отдельное ведомство патримония. (См.: *Stein E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaiser Justinus II und Tiberius — Konstantinus*. Stuttgart, 1919. S. 178–180. С возражениями против этой точки зрения выступил И. Караяннопулос, считавший, что в источнике речь идет лишь о местном подразделении центрального ведомства (*Karayannopulos J. Op. cit.* P. 80).) Из-за недостатка данных этот вопрос до сих пор

не поддается окончательному решению, но существование особого *comitatus* для Италии заставляет считать, что аппарат управления императорским доменом был организован здесь все-таки несколько иначе, чем в других областях страны.

69. Cass. Var., VI. 8.

70. *Agnellus*. Op. cit. P. 334.

71. См. подробнее: *Vasina A. Possessi ecclesiastici nella Pentapoli durante il Medioevo* // Studi Romagnoli, a. 18. Faenza, 1967. P. 333–367.

72. Сведения об этом собрала Л. Руджини. См.: *Ruggini L.* Op. cit. P. 412, 413.

73. *Agnellus*. Op. cit. P. 350; *Greg. Magn.*, Ep. XI, 8.

74. В сицилийских владениях архиепископии незадолго до начала византийской эпохи была распространена такая форма аренды, как *locatio-conductio* (Tjäder 1). Она широко практиковалась в Италии в изучаемый период на землях других церковных корпораций (См., напр.: *Greg. Magn.*, Ep. I, 42).

75. *Agnellus*. Op. cit. P. 320.

76. Есть сведения, что в отдельных случаях сами *actores* становились арендаторами земли (Tjäder 45).

77. *Agnellus*. Op. cit. P. 350.

78. *Ibidem*. P. 320.

79. *Greg. Magn.*, Ep. IX, 99

80. *Placitum de Rignano*... P. 52.

81. *Fantuzzi M. Monumenti Ravennati*... Т. 6. Venezia, 1804, Appendice, № 98. P. 263.

82. Die Kanonensammlung des Kardinals Deusdedit / Ed. V. W. Glanwell. Paderborn. Bd. I. 1905. Kanon CXXVI.

83. О размерах и локализации патримониев Римской церкви см.: *Grizar H.* Ein Rundgang durch die Patrimonium des Heiliges Stuhles in das Jahr 600 // *Zeitschrift für Katholische Theologie*. Bd. I, 1877. S. 312–360.

84. *Guillou A. Régionalisme et indépendance*... P. 266–271.

85. *Greg. Magn.*, Ep. IX, 168.

86. *Agnellus*. Op. cit. P. 319–321.

87. Источники сохранили некоторую информацию о мелкой земельной собственности горожан. См. об этом в главе о городе.

88. *Castagnetti A. L'organizzazione del territorio rurale nel medioevo. Circoscrizioni ecclesiastiche e civili nella «Langobardia» e nella «Romania»*. Torino, 1979. P. 209.

89. См.: *Удальцова Э. В.* К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания // *Византийский Временник*, XI. 1956. С. 58.

90. Крайнюю точку зрения на эти явления выразил А. Дорен: «Византийское господство, как бы недолго оно ни продолжалось, было преисполнено глубокого значения, т. к. уничтожило... последние остатки мелкого свободного крестьянства». См.: *Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte. (Handbuch der Wirtschaftsgeschichte / Herausgegeben von Prof. Dr. G. Brodnitz.)* Jena, 1934. Bd. I. S. 37.

91. См.: *Crosara F.* L'enfiteusi della Grecia all'Esarcato // Atti del' VIII Congresso internazionale di studi bizantini. Palermo—Roma, Vol. II. 1953. P. 291—292.
92. См.: *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration... P. 296; *Guillou A.* Régionalisme et indépendance... P. 188.
93. *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati... Т. 6. P. 263.
94. См., напр.: *Левченко М. В.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VII вв // Византийский сборник. М.—Л., 1945. С. 61—62. В дальнейшем условие мелиорации земли (meliorandum) стало обычным и для либеллы. См.: *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв. М., 1967. С. 235 сл.
95. Мнения об идентичности эмфитевсиса и некоторых видов либеллы придерживался такой авторитетный правовед, как С. Пивано. См.: *Pivano S.* Contratti agrari in Italia nell'alto medioevo. Milano—Roma—Napoli, 1904. P. 204—209.
96. Placitum de Rizzano... P. 52.
97. См. о ней: *Котельникова Л. А.* Либеллярии Северной и Средней Италии в VII—X вв. (К вопросу об образовании зависимого итальянского крестьянства) // Средние века, X, 1957. С. 81—100.
98. Византийское законодательство считало эмфитевсис настолько близким к собственности, что даже не расценивало его как аренду, а определяло как особое состояние между собственностью и арендой. См. CJ, IV, 66.
99. См., напр.: *Stein E.* La disparition du Senat de Rome à la fin du VI siècle // Bulletin de la classe des Lettres et des Sciences morale et politiques de l'Académie de Belgique, 5 serie, T. XXV, 1939; *Sundwall J.* Abhandlungen zur Geschichte den ausgehenden Romertums. Helsingfors, 1919. S. 107; *Caspar E.* Geschichte des Papsttums. Bd. II. Tübingen, 1933. S. 339—343; *Удальцова З. В.* Италия и Византия... С. 446—448; *Она же.* Политика византийского правительства... С. 35.
100. Речь идет, конечно, о крупнейшей, преимущественно сенаторской аристократии. Другие прослойки позднеимперской знати еще длительное время продолжали играть значительную роль в социальной жизни страны. Однако для низших слоев господствующего класса владение латифундиями нехарактерно.
101. Отступления от этого правила не меняют общей картины, т. к. даже там, где имение, видимо, сконцентрировано в одном месте, оно обычно слишком мало для латифундии — БК 14, 28, 85 (если исходить из средних размеров fundus и принять за нижнюю границу латифундии, например, рубеж, предлагаемый русским историком В. И. Кузициным — 1000 югеров. См.: *Кузицин В. И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии... С. 7).
102. *Ciccotti E.* Il tramonto della schiavitù nel mondo antico. Udine, 1940. P. 431—439; *Fabrè F.* Les colones de l'Eglise Romanie au VI-siècle // Revue d'histoire et de littérature religieuse. T. I. 1896. P. 74—91; *Palasse M.* Orient et Occident à propos du colonat romain au Bas-Empire. Lyon, 1950; *Удальцова З. В.* Рабство и колонат в византийской Италии... С. 120.
103. Placitum de Rizzano... P. 52.
104. См.: *Удальцова З. В.* Рабство и колонат... С. 117.

105. В соответствии с несколько более ранними (остготскими — Cass. Var., X, 29) ценами на хлеб это равняется 156 модиям зерна; согласно ценам 604 г. (*Liber Pontificalis...* Т. I. P. 315) — 78 модиям зерна.
106. *Du Cange Ch.-D. Glossarium mediae et infimiae latinitatis*. Т. 3. P., 1938. P. 358.
107. *Placitum de Rizano...* P. 54.
108. Трижды указано, что *exenium* вносится «по обычаю» (БК 133, 141, 142).
109. *Placitum de Rizano...* P. 54.
110. Нет оснований предполагать в этом случае какие-либо различия в свойствах «*exenium*» на церковных и государственных землях.
111. Сходные процессы происходили в патримониях Римской церкви (*Greg. Magn., Ep. IX, 69*).
112. *Placitum de Rizano...* P. 53.
113. *Ibidem*.
114. *Ibidem*.
115. См.: *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века. М., 1968. С. 106. В изучаемом регионе в IX в. встречаются еще взносы собственнику в день Св. Аполлинария (один неостриженный баран — БК 134). Возможно, этот побор специфичен для церковного патримония.
116. *Agnellus*. *Op. cit.* P. 370.
117. О происхождении слова «*decumanus*» от «*decem*» (правда, имея в виду другие его значения) говорит Дю Канж: См.: *Du Cange. Ch.-D. Glossarium...* Т. 3. P., 1938. P. 32. Впрочем, итальянский историк Берти производит слово «*decumani*» от «*Dismani*» — названия поля близ Равенны. См.: *Berti G. Antichi porti militari e commerciali...* P. 39. (Это название, в свою очередь, очевидно, происходит от сочетания «*Deis Manibus*» — «Богам-Манам». Здесь находилось, видимо, языческое кладбище.)
118. См. об этом: *Boak A. Manpower Shortage and the Fall of Roman Empire in the West*. London—Oxford, 1955.
119. *Columella...* 11. 12.
120. *Cato XI, I; Varro I, 18*.
121. *Carile A. Introduzione alla storia bizantina*. Bologna, 1988. P. 55.
122. *Удальцова З. В.* Рабство и колонат... С. 115.
123. Там же. С. 106.
124. *Placitum de Rizano...* P. 55.
125. См.: *CJ I, 2, 21; Nov. Just. 7, 120*.
126. *Placitum de Rizano...* P. 54.
127. *Ibidem*.
128. Понятие «*excusati*» и терминологически, и по существу связано с *экскусией*.
129. *Agellarius*, как мы помним, означает «свободный земледелец». См.: *Du Cange Ch.-D. Glossarium...* Т. 1. P., 1937. P. 138.
130. Так можно утверждать потому, что источник (Баварский кодекс) очень четко фиксирует титулатуру. Например, в послевизантийское время в нем упоминаются *vir nobilis* (БК 26), *nobilissima femina* (БК 163).

131. При подсчете в их число включены также арендаторы, указания на статус которых утрачены из-за порчи документов.

132. На это явление обращает внимание и А. Кариле (*Carile A. Bizanzio e l'Italia Bizantina...* P. 250).

133. *Diehl Ch.* Op. cit. P. 292–293.

134. *Placitum de Rizano...* P. 53.

135. Тот факт, что в источниках речь идет об идентичных участках, автор считал установленным, если в документах, относящихся к одному району, совпадали по два или более топонима (в т. ч. — название участка).

136. О клирике, сыне крупного военного, см.: *Guillou A. Régionalisme et indépendance...* P. 266–271.

137. *Placitum de Rizano...* P. 52.

138. Вместе с тем было бы неверно считать эту аренду сложившейся формой отчуждения собственной земли. То, что арендная плата хотя и была невысокой, но не являлась фиктивной, показывают колоссальные доходы от аренд, получавшиеся Равеннской церковью (Tjäder 2).

139. О формировании последней см. ниже, в параграфе «Равеннская церковь и ее familiares».

140. В более позднее время (IX–X вв.) это явление на землях равеннского патримония описано Ф. Крозарой. Итальянский историк выделил особый тип эмфитевсиса — «graziosa», или «beneficiaria». Он относит сюда «эмфитевсисы, данные влиятельным лицам в награду за высокие заслуги или для того, чтобы политически привязать их к себе». В подобных случаях «эмфитевты не только обязывались не нарушать права собственника, но должны были защищать его интересы и способствовать увеличению его имущества и авторитета всеми доступными методами». См.: *Crosara F. La «Concordia inter Clericos et Laicos de Ravenna» negli statuti di Ostasio di Polenta // Studi Romagnoli, III, 1952. P. 38.*

141. Стремление городских ремесленников и купцов к приобретению земли отражает натурализацию хозяйства Византийской Италии в изучаемый период и ее следствие — упадок города. См. подробнее в след. главе.

142. На месте этого слова в тексте документа лакуна.

143. См.: *Karajannopoulos J. Die Finanzwesen...* S. 202–205.

144. *Ibidem.* S. 80–84.

145. *Ibidem.* S. 112–119.

146. Это немногим выше предполагаемой Л. Руджини на основе умозрительных соображений квоты налогов в $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$ всего дохода собственника. См.: *Ruggini L.* Op. cit. P. 446.

147. Подсчеты осуществлялись следующим образом: 1) на сдаваемых в обычную аренду церковных землях: отношение налога государству (35 % дохода) к арендной плате = 1 и $\frac{1}{3}$; арендная плата = 24,75 % дохода (примерно 25 %); 2) на сдаваемых в льготную аренду церковных землях арендная плата равна $\frac{1}{17}$ ($\frac{1}{18}$) дохода fundus, т. е. около 6 %; 3) на сдаваемых в льготную аренду государственных землях арендная плата собственнику составляет 0,5 солида с

1 fundus, т. е. вдвое меньше, чем на церковных землях, или 3 %; 4) арендатору во всех случаях остается разность между всем доходом земельного комплекса и суммой налоговых и арендных выплат.

148. Const. Pragm., § 10, 11.

149. Для этого использовано единственное свидетельство о цене на хлеб в Византийской Италии. В 604 г. в Риме 30 модиев зерна продавались за 1 солид (*Liber Pontificalis...* Т. II. Р. 315).

150. *Columella...* II, 9, 1; III, 3, 4. Урожайность выводится из свидетельств Колумеллы о том, что 1 югер должен засеиваться 5-ю модиями пшеницы и что нормальный для Италии урожай — «сам-четыре».

151. *Хвостова К. В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 123.

152. *Svoronos N.* Remarques sur les structures économiques de l'Empire Byzantine en XI-e siècle // *Travaux et Memoires*, VI. P., 1976. P. 57–59. По мнению Э. Антониадис-Бибику и А. Гийу, такую же часть урожая имел возможность потреблять греческий крестьянин в годы турецкого владычества. См.: *Антониадис-Бибику Э., Гийу А.* Византийская и поствизантийская община // *Византийский Временник*, 42, 1988. С. 38.

153. *Ruggini L.* Op. cit. P. 446.

154. *Agnellus.* Op. cit. P. 319.

155. «Бреве» именовалась вотчинная книга, содержащая перечень и характеристику имуществ того или иного патримония Римской церкви и выдававшаяся на руки его управителю — «актору». См.: *Spearing E.* The Patrimony of the Roman Church... P. 23–24.

156. *Agnellus.* Op. cit. P. 319–321.

157. *Thiel A.* Epistolae Romanorum pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a S. Hilario usque ad Pelagium II. Brunsbergae, 1867. P. 176.

158. *Ibidem.* P. 378.

159. *Ibidem.* P. 381.

160. *Ibidem.* P. 382.

161. *Ibidem.* P. 380.

162. *Liber Diurnus...* P. 6. Отметим, что данное деление доходов Церкви на четыре части считалось правилом, освященным традицией, обычаем, но все же не божественным установлением. Оно повсеместно признавалось в Италии, но галльские и испанские епископии, напротив, подразделяли свои доходы на три части. Это было связано с нормами германского обычного права. См.: *Boyd C. E.* Tithes and Parishes in Medieval Italy: The Historical Roots of Modern Problem. Ithaca—N.-Y., 1965. P. 76.

163. *Spearing E.* Op. cit. P. 27.

164. *Convivium* — трапеза, устраиваемая согласно обычаю при посещении населенного пункта влиятельным светским или духовным лицом; позднее — кормление, предоставляемое в подобных случаях вассалом сюзерену. См.: *Du Cange.* Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis... Т. II. P. 585.

165. *Agnellus*. Op. cit. P. 321.

166. *Ibidem*. P. 356.

167. *Ibidem*. P. 357.

168. *Ibidem*. P. 359.

169. *Ibidem*.

170. *Boyd C. E.* Op. cit. P. 86.

171. Этот вопрос — спорный. См.: *Tjäder J.-O.* Op. cit. Bd. II. S. 291, Komm. 19.

172. От времени самого епископа Феодора эмфитевтических грамот до нас дошло. Укажем, однако, на следующее немаловажное обстоятельство: в правление Дамиана «архив сей Церкви был сожжен огнем, и многие документы тогда сгорели в пламени, а многие дурными людьми были разграблены и спрятаны. Тогда, собрав всех священников... епископ... провозгласил анафему тем из вышеназванных, кто взятые документы не вернет, а тех, кто возвратит, объявил свободными от вины» (*Agnellus*. Op. cit. P. 365–366). Надо полагать, что не были возвращены наиболее актуальные документы последних лет, т. е. грамоты, относящиеся к понтификату самого Дамиана и его предшественника Феодора (тем более что более ранние документы, как мы помним, были по большей части уничтожены самим епископом Феодором). Соккрытие и уничтожение актов землевладения не могло быть делом рук представителей зависимого населения, заинтересованных в облегчении эксплуатации: непосредственные сельские производители не жили в городе. По-видимому, сами городские посессоры прятали чужие документы о правах на земельные участки, предполагая в дальнейшем оспаривать эти права друг у друга. Если данное предположение верно, то речь должна идти о весьма острой конкуренции за обладание землей в Равенском экзархате.

173. «...palaream» — слово, родственное итальянскому «palata» — «лопата».

174. *Agnellus*. Op. cit. P. 376.

175. *Tamassia N.* L'enfiteusi ecclesiastica ravennate e un racconto di Agnello. Nota, Bologna, 1920. P. 5, 8 etc.

176. У Агнелла: «...ut nunquam contra sanctam hanc ecclesiam aut contra hujus sedis pontificem de quacunque causa agas, aut ore mussites» («...чтобы никогда против этой Святой церкви или против сего епископского престола ни по какой причине не действовали и не болтали бы языком»). В арендном договоре Каллиопы: «...Nec aliquando adversus sanctam nostram benefactricem, vestram Ravennatem Ecclesiam cuiquam contra justiciam tractare aut agere per quovis ingenio, aut argumento, nisi pro propria causa, si contigerit per justiciam tantummodo ventilare debeatis». («...И никоим образом против нашей святой благодетельницы, вашей Равеннской церкви никому неправосудно не выступать словесно или действием под влиянием любых подстрекательств или доводов, а если возникнет между нами собственная причина (для конфликта. — О. Б.), то вы обязуетесь ее обсудить исключительно в соответствии с законом»). Последнее условие, очевидно, связано с чрезвычайно высоким статусом арендатора Каллиопы, который имел возможность при защите своих интересов безнаказанно нарушать закон.

177. *Tamassia N.* Op. cit. P. 12.

178. Еще в первой трети VI в. Феликс IV в известном нам предписании равеннскому клиру и епископу отмечал: «Все же церковные документы должны быть переписаны, чтобы каким-нибудь образом не погибли и чтобы не случилось так, что, когда это необходимо Церкви, их невозможно было бы предъявить» (*Agnellus.* Op. cit. P. 320).

179. Архив (*scrinium*) Равеннской церкви вообще содержался в завидном порядке. В IX в. репутация его была настолько высока, что лишь о нем наряду с архивом папской курии специально упоминала римская «Книга понтификов». См.: *Liber Pontificalis...* Т. II. P. 155.

180. *Agenllus.* Op. cit. P. 311–312.

181. *Ibidem.* P. 326–327.

182. Как упоминалось выше, о Максимиане в источнике сказано: «Паства же... не желала его принять» («*Plebs igitur... noluisse eum recipere*»). См.: *Ibidem.* P. 326.

183. *Ibidem.* P. 358.

184. Конкретные причины этого события неясны. Н. Тамассия полагал, что архиепископ Иоанн был изгнан из города «провизантийской партией» (*Tamassia N.* Op. cit. P. 4). Но нам ничего неизвестно об антииконоборческой деятельности Иоанна в эти годы (вплоть до Римского собора 742 г., осудившего иконоклазм), а поддержка, оказанная ему равеннским экзархом, делает крайне маловероятной подобную трактовку конфликта. Добавим к этому, что в разгар иконоборчества именно *exercitus Italiae* представлял собой в основном сепаратистскую по отношению к империи силу, а политическая линия Равеннской церкви ввиду ряда объективных причин была и в то время тесно связана с ориентацией на Константинополь. См. об этом: *Бородин О. Р.* Взаимоотношения равеннских архиепископов и светской власти в «Книге понтификов...» Агнелла из Равенны // Вопросы истории. Межведомственный сборник. Вып. 8. Минск, 1981. С. 126. Более вероятным представляется вариант, зеркально противоположный предлагаемому Н. Тамассией: архиепископ был выслан из Равенны антивизантийски настроенными *familiares ecclesiae* за лояльность к иконоборчеству. Это могло произойти лишь после захвата Равенны лангобардами: в 732–734 гг. Понятно, почему понтифик бежал в Венецию: там находился в это время византийский экзарх Евтихий. См. об упоминаемых событиях: *Hallenbeck J. T.* Pavia and Rome... P. 31–32. Поэтому и восстановление архиепископа в правах происходило как бы дважды. Сначала он благодаря вмешательству экзарха был восстановлен в архиепископском достоинстве, т. е. просто признан в своем прежнем статусе. Затем он «утвердился в материнском лоне своей Церкви» — в равеннской архиепископской резиденции. Естественно, что архиепископ прибыл в Равенну после возвращения города под власть империи. Только используя политическую конъюнктуру, сложившуюся в столице экзархата, он решил подвергнуть наказанию целую социальную группу, обладавшую огромным влиянием в регионе.

185. *Placitum de Ritzano...* P. 52.

ГЛАВА 4

1. *Guillou A.* Esarcato e Pentapoli. Regione psicologica dell'Italia Bizantina // *Idem.* Studies on Byzantine Italy. L., 1970. P. 305–306; *Fasoli G. e Bocchi F.* La città medievale italiana. Firenze, 1973. P. 13; *Dölger F.* Die byzantinische und byzantinisch — beeinflusste Stadt (V–VII Jahrhundert) // Atti del 3 Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medio Evo. Spoleto, 1959. S. 76.

2. См., напр.: *Liebenam W.* Städtverwaltung im Römischen Kaiserreiche. Lpz., 1900. S. 432 flg.

3. См. об этом, напр., в кн.: *Штаерман Е. М.* Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 53–54 и далее.

4. На раннесредневековом материале этот аспект темы рассматривался Л. А. Котельниковой (См.: *Котельникова Л. А.* Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века, 38. М., 1975. С. 100–104). См. также: *Vercauteren F.* Die Spätantike Civitas im frühen Mittelalter // Die Stadt des Mittelalters. Bd. I. Darmstadt, 1972. S. 172 flg.

5. Greg. Magn., Ep. II, 15.

6. Ibidem. II, 9.

7. Ibidem. IX, 58.

8. Ibidem. VIII, 5.

9. CJ — SP, IV, 46, 2.

10. CJ — SP, I, 54.

11. Greg. Magn., Ep. IX, 44; 92; 133; 166.

12. CJ — SP, IV, 1, 15.

13. Ibidem. VII, 9, 3.

14. Ibidem. IV, 9, 8.

15. CJ I, 55, 4; XII, 21, 8.

16. CJ I, 8, 10; 26.

17. *Удальцова З. В.* Италия и Византия... С. 492. Этот абсентеизм был, впрочем, официально узаконен в империи (С Th XII, 2, 15).

18. Nov. Just. C VIII, 116; LXXV; XV, 2.

19. Об их функциях в Италии V–VI вв. см. подробнее: *Lecrivain Ch.* Remarques sur le formules du curator et de defensor civitatis dans Cassiodore // Melanges d'archeologie et d'histoire. T. VI, Fasc. 3–4. Paris—Rome, 1884. P. 133–138.

20. Greg. Magn., Ep. IX, 44.

21. Ibidem. IX, 92; 144.

22. Ibidem. IX, 166.

23. *Coch P.* Die byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaug-Diss. Jena, 1903. S. 58–73; 114–115.

24. *Удальцова З. В.* Италия и Византия... С. 495–496.

25. *Lecrivain Ch.* Op. cit. P. 138.

26. CJ–SP, I, 3, 16; VII, 40, 2.

27. См.: *Mochi-Onory S. Vescovi e città (sec. IV–VI)*. Bologna, 1993. P. 325 sqq. См. также: *Orselli A. M. Il santo patrono cittadino: genesi e sviluppo del patrocinio del vescovo nei secoli VI e VIII // Agiografia altomedioevale / Ed. S. Boesch Cajano*. Bologna, 1976. P. 85–104.

28. *Greg. Magn.*, Ep. II, 37; Ср.: *Greg. Magn.*, Ep. IV, 26.

29. *CJ — SP*, IV, 61, 10.

30. *Ibidem*. V, 32, 1; 34, 5, 6; 46, 1; 75, 2; 3; 5; VII, I, 4; 16, 28.

31. *Greg. Magn.*, Ep. V, 22 (в Равенну); I, 56; IX, 210 (в Римини); IX, 100 (в Озимо); I, 58 (в Перуджу).

32. *Diehl Ch. Etudes sur l'administration...* P. 106.

33. *Greg. Magn.*, Ep. VII, 42.

34. В более мелких городах, чем Равенна, этот процесс должен был протекать еще скорее. Сведений о куриалах, проживавших в них позже VI в., не сохранилось. Д. Верготтини сообщает, что «последнее прямое упоминание о курии в Истрии относится к 571 г. В одной из надписей упомянут «*Laurentius vir illustris*», то есть носитель важного куриального титула» (см.: *Vergottini G. Lineamenti storici della costituzione politica dell'Istria durante il Medio Evo*. Т. I. Roma, 1924. P. 28. Автор в данном вопросе следует за Бенусси: *Benussi B. Nel Medio Evo. Pagine di storia istriana*. Parenzo, 1897. P. 28). Это мнение вызывает возражения. Титул «*illustris*» был широко распространенным позднеримским и византийским титулом и давался не столько куриалам, сколько представителям высшей служилой и senatorской знати (См.: *Coch P. Op. cit.* S. 50). Совершенно не обоснована точка зрения югославского археолога Б. Марушича, что в позднеантичное и византийское время в Истрии «...сложилась единая куриальная аристократия, то есть горожане, обладавшие значительной собственностью и жившие за счет труда колоннов и клиентов, и в этой аристократии первое место занимал епископ» (*Marušić B. Istra v ranom srednjem vijeku. Archeološko-povijšny prikaz*. Pula, 1960. S. 9). В истрийских источниках византийского времени полностью отсутствует информация о куриалах.

35. *Granzin M. Op. cit.* S. 47–53.

36. Причем в сохранившихся отрывках из «*gesta...*» куриальная магистратура упомянута только один раз (Tjäder 6).

37. *Greg. Magn.*, Ep. II, 15; IX, 58.

38. *Hirschfeld B. Die Gesta municipalia in römischen und frühgermanischen Zeit*. Inaug. — Diss. Marburg, 1904. S. 69.

39. *Buzzi G. La Curia arcivescovile e la Curia cittadina di Ravenna dall 850 al 1118 // Bulletin dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. Vol. XXXV. Roma, 1915. P. 7–187.

40. *Mengozzi G. La città italiana nell'alto medio evo. Il periodo longobardo-franco*. Roma, 1914. P. 46.

41. *Ibidem*. P. 51. См. также специальную работу: *Roberti M. Dei beni appartenenti alle città dell'Italia Settentrionale dalla invasioni barbariche al sorgere dei co-*

muni // Archivio giuruduco «Filippo Serafini». Т. LXX (XI), Fasc. I. Modena, 1903. P. 3–59, особо см. P. 4–5.

42. Как «общественный» переводится здесь слово «publicus», которое может означать и «государственный». Однако независимо от официального статуса этого имущества оно фактически находилось в собственности курий, что подчеркивается переводом «общественный».

43. *Agnellus*. Op. cit. P. 362.

44. *Löning E.* Geschichte des deutsches Kirchenrechts. Bd. II. Strassburg, 1878. S. 4–5.

45. С Th XV, 1, 46.

46. *Agnellus*. Op. cit. P. 321.

47. *Ibidem*. P. 359.

48. *Liebenam W.* Op. cit. S. 321.

49. Подобное же явление в городах Лангобардской Италии отмечала Л. А. Котельникова (*Котельникова Л. А.* Итальянский город раннего Средневековья... С. 106).

50. *Agnellus*. Op. cit. P. 285, 311 etc. Однако это была не единственная возможная цель подобных собраний во времена поздней античности. Например, после разрушения готами Модены (472 г) жители города «inierunt consilio de restauranda civitatae»: «сошлись держать совет о восстановлении города». (*Annali Modenesi*. Цит. по: *Borghi P.* La Riconquista Bizantina e vicende posteriori fino alla distruzione di Modena (573–589). Modena, 1941. P. 4).

51. На общетальянском материале этот вопрос рассматривается в кн.: *Magni C.* Ricerche sopra le elezioni episcopali in Italia durante l'Alto Medio Evo. V. 1–2. Roma, 1928–1930. См. также: *Tamassia N.* Chiesa e popolo. Note per la storia dell'Italia precomunale // Archivio giuridico «Filippo Serafini». NS. Vol. XI (LXX), Fasc. I. Modena, 1903. P. 304–306; *Bo V.* Il ruolo dei fedeli nelle elezioni vescovili tra il V e il X secolo // *Idea*. Roma, A. 29, № 2, 1973. P. 33–39.

52. Nov. Theod. XXIII. De locis reipublicae... restituendis.

53. Const. Pragm., 12.

54. Placitum de Rizano... P. 54.

55. *Agnellus*. Op. cit. P. 361–362.

56. *Ibidem*. P. 370.

57. Greg. Magn., Ep. III., 54.

58. *Agnellus*. Op. cit. P. 352.

59. *Ibidem*. P. 362.

60. *Ibidem*. P. 378.

61. CTh VI, 39, 2; VI, 39, 5; VIII, 5, 23.

62. Церковь, естественно, заботилась прежде всего о культовом строительстве. Итальянский исследователь П. Каньони отмечал, что примерно к началу VIII в. практически прекратились работы по мелиорации прилегающих к Равенне территорий (осушение почв, дренаж, проведение каналов и надзор

за ними и т. п. См.: *Cagnoni P.* Le bonifiche della Provincia di Ravenna. Cenno Storico. Ravenna, 1925. P. 32–33). К этому времени пересыхает канал Fossa Augusta, связывавший город с руслом По и бывший многие годы наиболее напряженной водной магистралью в регионе. Названные явления следует также поставить в связь с исчезновением муниципальной собственности на соответствующие земли и сооружения. Церковь не считала нужным беспокоиться об их судьбе.

63. Greg. Magn., Ep. VII; 42.

64. Ibidem. IX, 58.

65. *Agnellus*. Op. cit. P. 321; 381; 370.

66. Stephani II Ep. VI, 77, in: PL. T. 89. Col. 988.

67. Ibidem. Col. 1144.

68. См., например, CJ XI, 31; XI, 69; VII, 12, 2. См. об этом также: *Tamasia N.* Le Associazioni in Italia del periodo precomunale // Archivio giuridico «Filippo Serafini». Vol. II (LXI), Fasc. 5. Modena, 1898. P. 136.

69. См. об этом: *Vasina A.* Le Autonomie cittadine in Romagna // Idem. Romagna medievale. Ravenna, 1970. P. 141.

70. Итальянский историк П. Конти, специально исследовавший вопросы городской обороны раннесредневековой Италии, считает, что таковую все в большей степени обеспечивали жители субурбиев, что приводило к постоянному росту городских предместий. (См.: *Conti P.* Limiti urbani ed organizzazione difensiva nell'Italia tardoantica e altomedievale // Storiografia e Storia. Studi in onore di Eugenio Duprè-Thesider. T. II. Roma, 1974. P. 565). Если это верно, то мысль об изменении форм территориальной организации населения по сравнению с античностью получает новое подтверждение.

71. См.: *Giuliani M. C.* Ravenna: ricerche di geografia urbana // Annali di ricerche e studi di geografia. Genova, 1958. A. 14, № 2. P. 110. Конфигурация стен Равенны, построенных в V в., также несколько отличалась от прежней (старые стены были возведены при Тиберии I). См. об этом: *Savini G.* Mura di Ravenna // Idem. Per i monumenti e per la storia di Ravenna. Note storiche, critiche e polemiche. Ravenna, 1941. P. 244. Нужно иметь в виду, что по сравнению с классическим античным временем Равенна после избрания ее резиденцией императоров (402 г.) в четыре раза увеличила свою площадь: с 33 до 133 гектаров. См.: *Brown T. S.* Gentlemen and Officers... P. 18.

72. *Agnellus*. Op. cit. P. 363.

73. См.: *Boyd C. E.* Tithes and Parishes in Medieval Italy... P. 491 sqq.; *Casagnetti A.* L'organizzazione del territorio rurale nel medioevo. Circostrizioni ecclesiastiche e civili nella «Longobardia» e nella «Romania». Torino, 1979. P. 14 sqq.

74. См.: *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration... P. 6–23; 81–93 etc.

75. См.: *Mengozi G.* Op. cit. P. 145–215.

76. *Passio S.* Appollinariis // Acta Sanctorum, Jul. V. Antwerpen, 1727. P. 349.

77. На основании ретроспективного использования более поздних материалов к сходному выводу пришел итальянский историк А. Вазина, писавший,

что «епископии и главные городские монастыри Романьи не только добивались важного положения в патримониальной сфере, но присваивали себе также политические функции, публичные права и административно-вспомогательные полномочия в городах и на прилегающих территориях ввиду прогрессирующего упадка муниципальных курий, нестабильности германского господства и, наконец, чужеземного характера власти» (См.: *Vasina A. Le Autonomie cittadine in Romagna // Idem. Romagna medioevale. Ravenna, 1970. P. 142.*) На это же обстоятельство в масштабе всей Западной Европы указывала отечественная исследовательница А. Л. Ястребицкая (*Ястребицкая А. Л. Основные проблемы истории средневекового города в освещении современной буржуазной медиэвистики // Средние века. Т. 48. 1980. С. 264.*) Интересную параллель с данным заключением позволяют провести материалы по истории небольшого торгового городка Комакьо в дельте По. В 715 г. при заключении торгового договора между комаккийцами и лангобардами главным представителем местного населения выступал священник (*presbyter* — см.: *Op. cit. S. 123.*) Таким образом, распространение влияния Церкви на различные сферы светской жизни проявлялось в миниатюре в самых мелких городских центрах Восточной Италии.

78. См. подробнее в работе: *Farioli R. Ravenna paleochristiana scomparsa // Felix Ravenna, ser. 3. Т. 32 (83), 1961. P. 5–88.*

79. См.: *Giuliani M. С. Op. cit. P. 125.*

80. *Consularia Italica / Ed. Th. Mommsen // MGH. AA, Т. LX. В., 1892. P. 337; Agnellus. Op. cit. P. 331; Vaccaj G. Pesaro. (Collezione di monografie illustrate. Ser. I a: Italia artistica, 42). Bergamo, 1909. P. 9.*

81. *Greg. Magn., Ep. VI, 45.*

82. *Tonini L. Op. cit. Т. II. P. 174.*

83. *Natallucci M. Ancona attraverso i secoli. Т. I. Città di Castello, 1960. P. 166.*

84. *Ibidem. P. 171.*

85. *Rosetti E. Forlimpopoli e dintorni. Milano, 1900. P. 60.*

86. *Casadei E. La città di Forli e suoi dintorni. Forli, 1928. P. 596.*

87. *Zovatto P. L. Grado antichi monumenti. Bologna, 1971. P. 15–55.*

88. *Ibidem. P. 56–68.*

89. *Ibidem. P. 70–71.*

90. *Tamaro A. Storia di Trieste. Vol. I. Roma, 1924. P. 33.*

91. См.: *Colasanti A. L'arte bizantina in Italia. Milano, 1912. Pl. 52; Caprin G. L'Istria nobilissima. Trieste, 1905, Parte I. P. 40–51.*

92. *Caprin G. Op. cit. P. 51.*

93. *Savini G. Dintorni di Ravenna // Idem. Per i monumenti... P. 269–308.*

94. *Agnellus. Op. cit. P. 324.*

95. *Ibidem. P. 319.*

96. *Ibidem. P. 329–330.*

97. *Ibidem. P. 328.*

98. *Ibidem. P. 289.*

99. Ibidem. P. 387.
100. Ibidem. P. 283.
101. *Savini G.* Fronte della Regia «Ad Calchi» // Idem. Per i monumenti... P. 72.
102. *Cagianò de Azevedo M.* Principal Roman and Byzantine monuments // European Towns. Their Archeology... P. 481–487.
103. *Milli G.* Storia cronologia della città di Perugia. Perugia, 1973. P. 200–201.
104. *Patitucci Uggeri S.* Op. cit. P. 283–291.
105. *Agnellus.* Op. cit. P. 303.
106. Ibidem. P. 337.
107. Ibidem. P. 303.
108. Ibidem. P. 315.
109. Ibidem. P. 387.
110. *Carli F.* Storia del commercio italiano. Il mercato nell'alto Medio Evo. Padova, T. I, 1934. P. 194.
111. Возможно, есть доля истины в предположении Ф. Карли, что некоторый всплеск строительной активности в Италии в VIII в. связан с иммиграцией сюда из Византии ремесленников — противников иконоборчества (см.: *Carli F.* Op. cit. P. 193–194). Иммиграция могла начаться и раньше, вследствие репрессий Юстиниана II (685–695; 705–711). В этом смысле показательно, что мозаики начала VIII в. в молельне папы Иоанна VII в Риме действительно выполнены византийскими мастерами. См.: *Nordhagen I.* Nuovi constatationi sui rapporti artistici fra Roma e Bizanzio sotto il pontificato di Giovanni VII (705–708) // Atti del 3 congresso internazionale de Studi sull'Alto Medio Evo. Spoleto, 1959. P. 445–450.
112. *Ward-Perkins J.* Il commercio dei sarcofagi in marmo fra Grecia e l'Italia Meridionale // Atti di Congresso internazionale di archeologia dell'Italia Settentrionale (Torino, 21–24 giugno, 1961). Torino, 1963. P. 119–124.
113. См.: *Лазарев В. Н.* Равеннские мозаики // Византийская живопись. М., 1971. С. 66.
114. Compositiones ad tingenda... P. 5–6.
115. *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 61–66.
116. *Agnellus.* Op. cit. P. 363.
117. *Ruggini L.* Op. cit. P. 440–441.
118. *Guillou A.* Demography and Culture in the Exarchate of Ravenna // Idem. Studies on Byzantine Italy... P. 210–217.
119. Compositiones ad tingenda... P. 14, 29, 53–54.
120. *Agnellus.* Op. cit. P. 331.
121. *Guillou A.* Demography and Culture... P. 218.
122. Compositiones ad tingenda... P. 21, 24, 26–27, 30.
123. *Agnellus.* Op. cit. P. 331.
124. Compositiones ad tingenda... P. 8
125. *Savini G. S.* Vitale. Scoperta di vetri bizantini // Idem. Per i monumenti... P. 98–99.

126. *Dal Pozzo U.* Storia di Faenza dalle origini a noi. Imola, 1960. P. 13.
127. *Patiticcio Uggeri S.* Op. cit. P. 283–291.
128. *Compositiones ad tingenda...* P. 16, 17, 19, 61, 56
129. *Agnellus.* Op. cit. P. 361, 362, 367, 368.
130. *Ibidem.* P. 369.
131. *Ibidem.* P. 362; Tjäder 8.
132. *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. IV. Lpz., 1887. S. 302–378.
133. *Agnellus.* Op. cit. P. 140.
134. *Agnellus.* Op. cit. P. 370; Tjäder 8; Greg. Magn., Ep. VI, 63.
135. См.: *Ляпустин Б. С.* Ткацкое ремесло в Помпеях // Проблемы истории античности и Средних веков. М., 1980. С. 25–26.
136. *Agnellus.* Op. cit. P. 285.
137. *Ibidem.* P. 326.
138. Greg. Magn., Ep., IX. 113.
139. *Compositiones ad tingenda...* P. 34, 36, 38.
140. *Ibidem.* P. 34.
141. *Agnellus.* Op. cit. P. 362.
142. Greg. Magn., Ep. XI, 21.
143. *Compositiones ad tingenda...* P. 9–13.
144. *Ibidem.* P. 13
145. *Ibidem.*
146. *Ibidem.* P. 3.
147. *Ibidem.* P. 5.
148. *Ibidem.* P. 54.
149. Здесь и далее — *Compositiones ad tingenda...*, passim.
150. *Compositiones ad tingenda...* P. 8.
151. *Ibidem.* P. 16,43.
152. *Ibidem.* P. 63–65.
153. CIL, XI, 317.
154. *Agnellus.* Op. cit. P. 289.
155. *Ibidem.* P. 320.
156. *Ibidem.* P. 391.
157. *Ibidem.* P. 362.
158. *Fantuzzi M.* Monumenti ravennati... T. I. P. 149–150.
159. *Monti G. M.* Le corporazioni nell'evo antico e nell'alto medio evo. Lineamenti storiche. Bari, 1934, Appendice 2. P. 217–219.
160. *Agnellus.* Op. cit. P. 367.
161. *Bovino M.* Archeologia navale // Storia di Ravenna... T. II, Parte 1. P. 27–54.
162. Const. Pragm., 22.
163. Greg. Magn., Ep. XI., 21.
164. *Agnellus.* Op. cit. P. 562.

165. См.: *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1947. Т. 1. С. 59.
166. CJ XII, 40(41), 2, 1. См. подробнее: *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков. Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 1998. С. 73.
167. *Agnellus*. Op. cit. P. 362.
168. *Greg. Magn.*, Ep. XI, 16.
169. *Guillou A.* Régionalisme et indépendance... P. 235–236.
170. *Mauli J.* Le zecche nell'antica Ravenna (402/404–751) // *Felix Ravenna*, 3 ser. 33 (84). 1961. P. 131–143.
171. *Placitum de Rizano*... P. 54.
172. Например, при обработке кож. *Compositiones ad tingenda*... P. 14.
173. *Ibidem*. P. 8, 42, 64.
174. *Cass. Var.*, IX. 3
175. *Giuliani M. C.* Op. cit. P. 120.
176. *Cass. Var.*, XII. 4. Экпортировалось и истрийское вино, — *ibidem*.
177. Как показал Наталуччи, связи Равенны с портами Пентаполя, по существу, исчерпывались поставками зерна в столицу экзархата из пентаполитанских владений архиепископии: *Natalucci M.* Rapporti politici ed economici dell'arcivesovia di Ravenna con alcuni territori dell'antico Pentapoli // *Studia picena*. Vol. 31. Fano, 1963. P. 67.
178. *Const. Pragm.*, 26.
179. *CIL*, II, 1978.
180. *Ibidem*. VI, 1101.
181. *Ibidem*. XI, 3901 etc.
182. *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati... T. I. P. 133–135; 385.
183. *Origo gentis longobardorum*... P. 5.
184. *Agnellus*. Op. cit. P. 294.
185. *Ruggini L.* Op. cit. P. 201, 453.
186. CJ IV, 32, 26.
187. *Greg. Magn.*, Ep. IX, 108.
188. *SP*, VI, 61.
189. *Agnellus*. Op. cit. P. 350.
190. *Placitum de Rizano*... P. 55.
191. Сообщение между Италией и столицей империи могло, в большинстве случаев, осуществляться силами константинопольских корабельщиков, но местные коммуникации, конечно, поддерживались италийцами.
192. В VI в. Равенна отстояла от моря на 6,4 км. См.: *Nissen H.* *Italische Landeskunde*. Bd. II. В., 1902. S. 251.
193. См. о навигации по этому руслу: *Sorranzo G.* *L'antico navigabile Po di Primaro nella vita economica e politica della delta Padano*. Milano, 1964.
194. Археологические материалы см. в работе: *Cagnoni A.* *Il porto di Ravenna*. Ravenna, 1951.
195. Отсюда во время осады Равенны привел свой флот Теодорих Великий.
196. *Natucci M.* *Ancona attraverso i secoli*... T. I.

197. См.: *Pancieria S.* Vita economica di Aquileia in età romana. (Associazione Nazionale per Aquileia, Quaderno 6). Aquileia, 1957.
198. *Agnellus.* Op. cit. 379. См. подробнее: *Berti G.* Antichi porti militari e commerciali... Здесь сделана интересная попытка локализации гаваней, упомянутых у Агнелла (Op. cit. 34–43).
199. *Cagnoni A.* Op. cit. P. 49.
200. *Fabbri P.* Il controllo delle acque fra tecnica ed economia. // Storia di Ravenna... Т. II, Parte 1. P. 21.
201. *Agnellus.* Op. cit. P. 284.
202. *Berti G.* Op. cit. P. 12–13.
203. *Giuliani M. C.* Op. cit. P. 122.
204. *Grillantini C.* Storia di Osimo. Vol. I. Pinerolo, 1957. P. 118.
205. См.: *Hannestad K.* L'évolution des ressources agricoles de l'Italia du 4 au 6 siècle de notre ère (Historiskfilosofiske Meddelelser udgivet af Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. København), Band. 40. №. I. 1962. P. 68.
206. *Agnellus.* Op. cit. P. 362.
207. Ibidem. P. 380.
208. Greg. Magn., Ep. VI, 63.
209. *Agnellus.* Op. cit. P. 350.
210. Ibidem. P. 324.
211. Ibidem.
212. *Compositiones ad tingenda...* P. 4, 20, 21, 9, 11, 12. «Драконова кровь» — род киновари.
213. PG. T. 93. Col. 162. (Этот факт указывает на возможность торговых контактов городов адриатического побережья с портами не только Востока, но и Запада.)
214. *Farioli R.* Chiarificazioni sulla topografia delle necropoli pagane e delle aree cimiteriale cristiane nella zona di Classe (Ravenna) // Atti di I congresso internazionale di archeologia dell'Italia Settehrionale. Torino, 1961. P. 80.
215. *Lehmann H.* Stand-ort — Verlagerung und Funktionswandel der städtischen Zentren an der Po-Ebene // Sitzungsberichte der wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann Wolfgang Goethe-Universität, Frankfurt-am-Main). Bd. 2. Jahrgang 1963. № 3. Wiesbaden, 1963. S. 117.
216. Greg. Magn., Ep. II, 28.
217. *Agnellus.* Op. cit. P. 363–365.
218. *Ruggini L.* Economia e società... P. 465–466.
219. *Agnellus.* Op. cit. P. 350.
220. См.: *Corradi-Cervi M.* Il commercio e l'industria di lane nell'Emilia Occidentale durante l'antichità // Archivio storico per le province Parmensi. Ser. III, Vol. 4. Parma, 1939. P. 45–49.
221. *Pelagii I* Epistolae VI, X, XIV.
222. Cass. Var., III, 10; V, 8; IV, 5, 47.
223. См.: *Ward-Perkins J. B.* Op. cit. P. 119–124.
224. *Agnellus.* Op. cit. P. 294.

225. *Proc. Caes. Historia arcana.*, XXV. 8 // *Procopii Caesariensis Opera Omnia...* Vol. III. P. 154.
226. *Cas. Var.*, II, 4, 26; XII. 22–24, 26. См. подробнее: *Degrassi A. L'esportazione di olive istriane in età romana // Atti e Memorie della Società Istriana di Archeologia e Storia Patria.* Vol. IV, Fasc. 5. Venezia, 1956. P. 104–112.
227. *Hannestad K.* Op. cit. P. 80. См. также: *Herfurth C. Aquileiae commercio. Halis Saxonum*, 1889.
228. *Hannestad K.* Op. cit. P. 80; *Greg. Magn.*, Ep. I, 42.
229. *Ruggini L.* *Economica e società...* P. 413–414.
230. *Agnellus.* Op. cit. P. 345, 362.
231. *Ibidem.* P. 345.
232. *Ibidem.* P. 350.
233. *Ibidem.*
234. *Liber Pontificalis...* T. I, 315
235. *Cass. Var.*, X, 29; XII, 27–28.
236. *Agnellus.* Op. cit. P. 357–358.
237. *Ibidem.* P. 359.
238. Относительно византийского города см.: *Сюзюмов М. Я. Экономика пригородов византийских крупных городов // Византийский Временник*, XI. 1960. С. 55–81; западноевропейского: *Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters.* Göttingen, 1972. S. 36 flg.
239. *Proc. Caes. Bell. Coth.*, I, 14.
240. *Greg. Magn.*, Ep. II, 1.
241. *Agnellus.* Op. cit. P. 358.
242. *Pauli Continuatio tertia.* 48 // *Scriptores rerum longobardicarum...* P. 212.
243. *Agnellus.* Op. cit. P. 383.
244. *Ibidem.* P. 362–362.
245. *Ibidem.* P. 320; *Greg. Magn.*, Ep. VI, 63; *Chronicon patriarhum Gradenisium // Scriptores rerum longobardicarum...* P. 394 etc. О церковной благотворительности во владениях Византии в этот период см.: *Constantelos D. Byzantine Philanthropy and Social Welfare.* New Brunswick, 1968.
246. *Teall. J. L. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330–1025 // Dumbarton Oaks Papers.* Vol. 13, 1959. P. 89–139.
247. *Const. Pragm.*, 22.
248. *Paul. Diac.*, III, 11.
249. *Cass. Var.*, XXVIII, 2.
250. *Ruggini L.* Op. cit. P. 463.
251. *Montanari M. Cereali e legumi nell'Alto Medioevo. Italia del Nord, secoli IX–X // Rivista storica italiana, A. LXXXVI, Fasc. III. Napoli, 1975. P. 444.*
252. *Jones P. J. L'Italia agraria nell'Alto Medioevo: problemi di cronologia e di continuità // Agricoltura e monde rurale in Occidente nell'Alto Medio Evo. Spoleto, 1966. P. 57–92.*
253. *Doren A.* Op. cit. S. 38.

254. *Fasoli G. e Bocchi F.* Op. cit. P. 18.
255. Города Комаккьо в дельте По в V в. взял на себя торговые функции пришедшего в упадок античного города Спина. См.: *Traversi C.* Il volto nuovo di Comacchio // *Universo. Rivista bimestrale dell'Istituto geografico militare.* A. XXXVIII. Firenze, 1958. P. 238.
256. *Hartmann L.* Zur Wirtschaftsgeschichte... S. 123.
257. *Ibidem.* S. 124.
258. *Nov. Just.* XIII, 4.
259. *Liber Pontificalis...* T. I, 315.
260. *Segré A.* Circolazione monetaria e prezzi nel monde antico ed in particolare in Egitto. Roma, 1972. P. 155.
261. *Idem.* Metrologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna, 1928. P. 35–38.
262. *Fasoli G.* Aspetti di vita economica e sociale nell'Italia del secolo VII // *Settimani di studi del Centro Italiano sull'Alto Medio Evo.* T. I. Spoleto, 1958. P. 140.
263. *Carli F.* Op. cit. T. I. P. 206.
264. *Hartmann L. M.* Comacchio und der Po-Handel // *Zur Wirtschaftsgeschichte...* S. 74–75.
265. *Hartmann L. M.* Zur Wirtschaftsgeschichte... S. 123.
266. *Hartmann L. M.* Comacchio und der Po-Handel... S. 74–75.
267. *Luzzatto G.* Storia economica d'Italia. Il Medioevo / (Biblioteca Storica Sansoni, LX), 1963. P. 76. (В русск. пер.: *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. М., 1954. С. 183.)
268. *Ruggini L.* Op. cit. P. 462
269. *Greg. Magn.*, Ep. XI, 21.
270. *Greg. Magn.*, Ep. IV, 4; IX, 66; 67; XIV, 2 etc.
271. *Rivoira G. T.* Le origini della architettura lombarda e delle sue principali derivazioni nei paesi d'oltr'Alpe. Vol. I. Roma, 1902. P. 136. См. также о влиянии Византии на искусство и ремесло лангобардов: *Åberg N.* The Occident and the Orient in the Art of Seventh Century. P. II. Lombard Italy. Stockholm, 1945. P. 44; *Roth H.* Die Ornamentik der Langobarden in Italien. Eine Untersuchung zur Stillentwicklung anhand der Grabfunde (Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur klassischen und provinzial-Römischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums, Bd. 15). Bonn, 1973. S. 128–219; *Monaco G.* Oreficerie longobarde a Parma. Parma, 1935. P. 37; *Schaffran E.* Die Kunst der Langobarden in Italien. Jena, 1941.
272. *Cass. Var.*, XII. 24. См. подробнее: *Bellini L.* Le saline dell'antica delta padana. Ferrara, 1962.
273. См. ниже, раздел «Эмилия-Романья и варвары».
274. *Åberg N.* Goten und langobarden... S. 131, 140.
275. *Ibidem.* S. 131.
276. *Hessen O., von.* Secondo contributo... P. 74, 80, 99, 101.
277. *Idem.* Die langobardische Keramik... S. 27.

278. *Åberg N.* Op. cit. S. 133.
279. *Rigle A.* Spätromische Kunstindustrie. Wien, 1927. S. 290.
280. *Werner J.* Zur Ausfuhr koptischen Bronzugeschirrs ins Abendland während des 6 und 7 Jahrhundert // Vierteljahrschrift für Social-und-Wirtschaftsgechichte. Bd. 42, Heft 4. Wiesbaden, 1955. S. 353–356.
281. *Åberg N.* Op. cit. S. 126, 127; *Hessen O., von.* Primo contributo... P. 44, 67.
282. См.: *Hessen O., von.* Primo contributo... P. 16, 58–77.
283. *Guillou A.* Demography and Culture... P. 210–219.
284. *Åberg N.* Op. cit. S. 64, 83; *Adelson H. L.* Light Weight Solidi and Byzantine Trade during the Sixth and Seventh Centuries. New York, 1957. P. 52–53.
285. *Fournial E.* Histoire monetaire de l'Occident medieval. P., 1970. P. 73.
286. См. фундаментальное исследование: *Werner J.* Die Longobarden in Pannonien. Beiträge zur Kenntnis der langobardischen Bodenfunde vor 568 (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Abhandlungen, Neue Folge, Hft. 55, A-B). Bd. 1–2. München, 1962.
287. Greg. Magn., Ep. V, 38.
288. См.: *Dalton O. M.* Byzantine Art and Archeology. Oxford, 1911. P. 504.
289. *Ruggini L.* Op. cit. P. 462.
290. *Agnellus.* Op. cit. P. 369.
291. Можно согласиться с французским исследователем Ренуаром, который, характеризуя торговлю и финансовую деятельность в Италии, отмечал, что и та и другая «с VI по IX столетие последовательно деградировали». См.: *Renoyard G.* Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age. P., 1968. P. 21.
292. CJ — SP, VI, 61(62)
293. Greg. Magn., Ep. IX, 159.
294. Cass. Var., II, 26.
295. *Agnellus.* Op. cit. P. 328.
296. См.: *Waltzing J. P.* Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origines juss'a la chute de l'Empire d'Occident. T. I. Louvain, 1895. P. 235; *Visconti M.* Il «collegium pistorum» nelle fonti giuridiche romane e medievale // Rendiconti di R. Istituto Lombardo di scienze e lettere, Classe di lettere e scienze morali e storici. Vol. LXIV, 1941. P. 6–10. В надписи остготского времени из Равенны (CIL, XI, 317) упомянут «pater pistorum».
297. *Gregorii Magni* Dialogorum Libri, IV, 54.
298. Greg. Magn., Ep. IX, 113.
299. Greg. Magn., Ep. VI, 12.
300. См.: *Coch P.* Op. cit. S. 5.
301. Это несомненно по отношению к шелкоторговцам, так как торговля шелком в Византии была государственной монополией. См.: *Lopez P. S.* Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum, XX, 1945. P. 1–49.
302. *Conti P. M.* «Devotio» e «viri devoti» in Italia da Diocleziano ai Carolingi. Padova, 1971. P. 129.
303. Ibidem. P. 133.

304. Greg. Magn., Ep. I, 13; Tjäder 23.
305. Inscriptiones Christianae Urbis Romae. Ed. J. B. de Rossi. T. I. Romae, 1857, № 436. P. 189.
306. CIL, X, 1786.
307. Ibidem. I, 234.
308. *Cantu C.* Storia della città e della diocesi di Como. Vol. I. Firenze, 1856. P. 81.
309. *Coch P.* Op. cit. S. 98–99.
310. *Liebenam W.* Zur Geschichte und Organization des römischen Vereinswesens. Lpz., 1890. S. 183–185.
311. *Solmi A.* Le associazioni in Italia avanti le origini del comune. Modena, 1898. P. 29; *Monti G. M.* Op. cit. P. 67–69.
312. *Brown T. S.* Gentlemen and Officers... P. 132.
313. О schola см. ниже. По предположению Я.-О. Чедера, в этом папирусе упоминается schola Classensis (*Tjäder J.-O.* Op. cit. Bd. I. S. 474–475). Тогда речь идет о военных моряках — «классиариях».
314. *Coch P.* Op. cit. S. 8.
315. *Solmi A.* Op. cit. P. 30.
316. Как утверждал итальянский медиевист Е. Родоканакки (правда, имея в виду Рим), «народ делился на две категории: honesti viri — мелкие буржуа, лавочники и коммерсанты и viri humiles — ремесленники, бедняки, plebs» (*Rodocanacchi E.* Les institutions communales de Rome sous le papauté. P., 1901. P. 12), — определение во многом неточное, но правильно ориентированное на то, что viri honesti составляли привилегированную прослойку горожан.
317. В местных памятниках ни разу не встречается и «ars».
318. На этот факт впервые указал Н. Тамассиа. См.: *Tamassia N.* Le associazioni in Italia nel periodo precomunale // Archivio giuridico «Filippo Serafini». Vol. II (LXI), Fasc. 5, Modena, 1898. P. 135.
319. *Jaffé Ph.* Regesta Pontificum Romanorum. Berolini, 1861, Reg. 1644.
320. Сохранился их договор с равенским архиепископом об условиях лова на реке Бадарено (943 г.). Текст издан Г. Монти в приложении к его монографии о ремесленных корпорациях (*Monti G. M.* Op. cit. P. 217–219). В документе есть указания на предшествующий договор такого рода, который издатель относит к середине IX в.
321. *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati... T. I. P. 113–135, 385.
322. Ibidem. P. 228.
323. *Hartmann L. M.* Zur Geschichte der Zünfte im frühen Mittelalter... S. 18–20 // Zur Wirtschaftsgeschichte... S. 16–42.
324. Liber Pontificalis... T. II. P. 6.
325. См. специальную работу: *Tizato R.* Le Scholae peregrinorum fra il secolo ottavo e il secolo nono // Quaderni di «nuova Historia», 5. Verona, s. a.
326. *Monti G. M. M.* Confraternite Medioevali dell'Alta e Media Italia. Vol. I. Venezia, 1927. P. 63–64.

327. *Solmi A.* Le Associazioni in Italia avanti le origini dell comune. Modena, 1898. P. 94. В отечественной историографии данные о «schola» в Италии приводит Л. А. Котельникова. См.: *Котельникова Л. А.* Городская община в Северной и Средней Италии в VIII–X вв.: действительность раннего Средневековья и античные традиции // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Вып. 2. Горький, 1975. С. 61–62.

328. См.: *Waltzing J. P.* Op. cit. Т. I. P. 234. В первом значении термин «schola» употреблялся очень долго. Одно из зданий в Римини называлось «schola» еще в IX в. (БК 67).

329. CIL, III, 37, 830, 1583, 7626, 10997; V, 5272; VI, 29805; X, 3344; XI, 6497.

330. *Monti G. M. M.* Le corporazioni... P. 160.

331. *Solmi A.* Op. cit. P. 90.

332. *Rodocanacci R.* Les corporations ouvrieres a Rome depuis la chute de l'Empire Romain. Т. I. P., 1894. P. X.

333. Nov. Theod. XXII.

334. Scholae насчитывали по 500 человек. На Востоке имелись scholae I и II scutariorum, gentiles seniores, scutarii clibanarii, armaturae juniores, gentiles juniores; на Западе — I, II, III scutariorum, armaturae seniores, gentiles seniores. Подробнее см. в кн.: *Grosse R.* Römische Militärgeschichte... S. 93–96.

335. Так считал Н. Тамассиа. См.: *Tamassia N.* Le associazioni in Italia... P. 135.

336. *Удальцова З. В.* Италия и Византия... С. 479.

337. *Volpe G.* Medio Evo italiano. Firenze, 1928. P. 113, 244–250; *Hartmann L. M.* Zur Geschichte der Zünfte... S. 17–21; *Giuliani M. C.* Op. cit. P. 127.

338. *Monti G. M. M.* Le corporazioni... P. 152–154, 198; *Leicht P. S.* L'origine delle arti nell'Europa Occidentale // Rivista di storia del diritto italiano. Vol. VI, fasc. I, 1933; *Crosara F.* Le «Schole» ravennati dell'alto Medioevo e la Carta piscatoria del 943 // Archivio Giuridico «Filippo Serafini». Vol. CXXXVII, Fasc. I. P. 33–65, fasc. II. Modena, 1949. P. 9–42.

339. *Agnellus.* Op. cit. P. 377

340. Cass. Var., XXVIII, 2; XXX, 3; XXV, 2.

341. Материал собран Зольми (*Solmi A.* Le associazioni... P. 91).

342. См.: *Waltzing J. P.* Op. cit. Т. I.

343. *Monti G. M.* Le corporazioni... P. 218.

344. *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati... Т. I. P. 149–150. P. 228.

345. Cass. Var., X, 28.

346. *Monti G. M.* Le corporazioni... P. 219. См. также специальную работу: *Crosara F.* Le «Schole» ravennati...

347. В тех случаях, когда он опускает понятие «ordo»: Greg. Magn., Ep. VI, 24; IX, 39.

348. Ibidem.

349. Ibidem. II, 60.

350. Ibidem. IX, 138, 140.

351. Ibidem. VI, 24.

352. *Agnellus*. Op. cit. P. 343.
353. *Ibidem*. P. 314, 362.
354. *Ibidem*. P. 326, 382.
355. В частности, в округе Равенны. См.: *Mazzotti M.* Le pievi del territorio ravennate // Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantine. T. IV, Fasc. I. Ravenna—Faenza, 1958. P. 63–83.
356. *Agnellus*. Op. cit. P. 345.
357. *Ibidem*. P. 359.
358. *Greg. Magn.*, Ep. VII, 42.
359. *Agnellus*. Op. cit. P. 337.
360. *Ibidem*. P. 345.
361. *Ibidem*. P. 370.
362. *Ibidem*. P. 366.
363. *Ibidem*.
364. *Ibidem*. P. 356.
365. *Ibidem*. P. 381.
366. *Ibidem*. P. 361.
367. *Agnellus*. Op. cit. P. 345.
368. *Greg. Magn.*, Ep. V, II.
369. *Agnellus*. Op. cit. P. 380.
370. *Coch. P.* Op. cit. S. 99–101.
371. *Agnellus*. Op. cit. P. 361.
372. *Ibidem*.
373. *Ibidem*. P. 368.
374. *Greg. Magn.*, Ep. III, 54.
375. *Agnellus*. Op. cit. P. 319.
376. Такая ситуация имеет параллели в самой Византии, прежде всего — в Константинополе. Как известно, еще А. Шульце включал в состав константинопольской аристократии богатейшее столичное купечество (*Schultze M. V.* Altchristliche Städte und Landschaften. Bd. I. Konstantinopel, Lpz. 1913. S. 235–246). В Константинополе, как и в Византийской Италии, основанием для этого являлись не только имущественное благосостояние, но и юридический статус представителей этой общественной группы.
377. *Agnellus*. Op. cit. P. 319.
378. *Ibidem*. P. 366, 382.
379. *Ibidem*. P. 349.
380. *Greg. Magn.*, Ep. V, 12.
381. О существовании последних в итальянских городах есть прямые свидетельства, например, у Григория Великого (*Greg. Magn.*, Dial. Libri III, 14).
382. *Agnellus*. Op. cit. P. 357.
383. *Ibidem*. P. 303.
384. *Guillou A.* Esarcato e Pentapoli. Regione psicologica dell'Italia Bizantina // *Idem.* Studies on Bizantine Italy... P. 305.

385. *Vasina A.* Le autonomie cittadine in Romagna... P. 149.
386. *Dölger F.* Die byzantinische und byzantinisch-beeinflusste Stadt... P. 76.
387. *Brown T. S.* Gentlemen and Officers... P. 127.
388. Ibidem. P. 128.
389. *Russel J. G.* Late Ancient and Medieval Population. Philadelphia, 1958. P. 93.
390. *Montanelli J. e Gervasso R.* L'Italia dei secoli bui. Il Medio Evo sino al Mille. Milano, 1965. P. 215.
391. *Beloch J.* Bevölkerungsgeschichte Italiens. Bd. I. B., 1939. S. 1. Ю. Белох предполагал, что численности в 35000 чел. население Рима достигло только к XV в.
392. *Oats W.* The Population of Rome // Classical Philology, 29, 1934. P. 116.
393. *Fasoli G. E Bocchi F.* Op. cit. P. 16.
394. *Solari A.* Brixellum // Atheneum, 9, 1931. P. 420–425.
395. *Amelli L.* Compendio della storia di Bologna. Bologna, 1851. P. 78.
396. Равенна — Greg. Magn., Ep. IV, 61; VII, 17, 36; I, 16; V, 11; IX, 149; Paul Diac., IV, 8; *Marii Aventicensis* Chronicon // PL. T. 72. Col. 797. Перуджа — *Pauli Diaconi* Continuatio... P. 198, 200. Имола — Catalogus provinciarum Italiae // Scriptorum rerum longobardicarum... P. 188.
397. Greg. Magn., Ep., I, 16; 41 a; VI, 12 etc.
398. Greg. Magn., Ep. II, 45; XIII, 4.
399. Greg. Magn., Ep. XI, 14.
400. *Agnellus.* Op. cit. P. 18, 348; Ibidem. P. 326; Greg. Magn., Ep. XIV, 6; *Agnellus.* Op. cit. P. 370.
401. *Guillou A.* L'Habitat nell'Italia bizantina. Esarcato, Sicilia, Catepanato (VII–XI sec.) // Idem. Culture e Société en Italie Byzantine (VIe–XIe siècles), L., 1978. P. 178.
402. *Ruggini L.* Op. cit. P. 408.
403. *Russel J. G.* Op. cit. P. 94.
404. Cass. Var., VIII, 31.
405. См. напр.: *Carli F.* Storia del commercio italiano. Il mercato nell'Alto Medioevo. T. I. Padova, 1934. P. 77; *Schneider F.* Die Rechtsverwaltung in Toscana von der Gründung des Langobardenreiches bis zum Ausgang der Staufer (568–1268). Bd. I. 1914. S. 299–346.
406. Некоторые историки определяют подобные casae как «domuscultae» (см. *Ruggini L.* Op. cit. P. 434). Это далеко не всегда правильно. В приведенных ниже случаях ничто не заставляет давать подобный перевод термина. В принципе, domuscultae — особая форма поселений, созданная Церковью в миссионерских целях, — могла существовать и на землях Восточной Италии. В Баварском кодексе есть, например, упоминание о расположенном в сельской местности приюте — casale ruerogum — в районе Синигали (БК 81), из чего следует, что Равеннская церковь, так же как и Римская,

уже приступила к колониционному освоению деревни. Однако если римская епископия располагала к этому времени многочисленными диаконами, приютами, *domuscultae*, наконец, монастырями, расположенными в деревне, то от восточно-итальянских областей известий об этом (кроме приведенного выше) не сохранилось. Вероятно, этот процесс здесь только начинался. О *domuscultae* см.: *Whitehouse D. Sedi medioevali nella campagna romana: la «domuscultae» e il villaggio fortificato // Quaderni storici della Marche, a. 8. Ancona, 1973. P. 861–876.*

407. *Placitum de Rizano...* P. 53.

408. См. *Castagnetti A. Le strutture fondiarie ed agrarie // Storia di Ravenna... T. II, Parte 2. P. 65.*

409. Нужно иметь в виду, что т. н. «*curtes*» в этот период не получили еще распространения и в прилегающих к экзархату районах Лангобардской Италии Они становятся основной формой социальной организации в деревне в X–XI вв. См.: *Fumagali V. Terra e società nell' Italia padana. I secoli IX e X. (Piccola Biblioteca Einaudi. Storia. Geografia. 267), Torino, 1976. P. 25–60 («Curtis e casale»).*

ГЛАВА 5

1. *Guillou A. Régionalisme et indépendance...* P. 79–95.

2. *Brown T. S. Gentlemen and officers...* P. 67–68.

3. *CIL, XI, 1951.*

4. См.: *Hoffmann D. Der «Numerus Equitum Persojustinianorum» auf einer Mosaik-Inschrift von Sant'Eufimìa in Grado // Aquileia Nostra, XXXIV, 1963. P. 81–98.*

5. Впервые упомянут в ходе восстания в Равенне в 710–711 гг. *Agnellus.* *Op. cit.* P. 336.

6. *Paul. Diac., VI, 54.*

7. *Tjäder J.-O. Il nuovo papiro ravennate dell'VIII secolo a Belluno e il papiro Marini CXI // Bulletino dell'Archivio Paleografico italiano, NS, II–III, 1956–1957, Parte 2. P. 350–351.*

8. *Liber Pontificalis...* T. I. P. 403.

9. *Ibidem.* T. I. P. 392.

10. *Chronicon ducum et principum // Monumenta ad Neapolitani ducatus historiam pertinentia...* T. I. P. 7.

11. *Greg. Tur., IV, 44.*

12. *Monumenta ad Neapolitani ducatus historiam pertinentia...* T. I. P. 36–39.

13. *Gregorii Homiliae XL in Evangelia, XXXVI, 13 // PL. T. 76. Col. 1273.*

14. *Greg. Magn., Ep. I, 3.*

15. *CIL, V, 1614.*

16. *CIL, V, 7793.*

17. Greg. Magn., Ep. IX, 99.
18. CIL, XI, 352.
19. CIL, XI, 103.
20. CIL, XI, 103.
21. CIL, XI, 38, 50, 42.
22. CIL, XI, 60.
23. *Laurent V.* Les Sceaux byzantins du Medaillier Vatican. Città di Vaticano, 1962. № 104.
24. Liber Pontificalis... T. I. P. 505.
25. Agathias, I, 18.
26. Greg. Magn., Ep. III, 1, 2, 15.
27. CIL, V, 1606.
28. *Ruggini L. C.* Ebrei e orientali nell'Italia Settentrionale fra il IV e VI secolo d. Ch. // *Studia et Documenta Historiae et Juris.* T. XXV. Roma, 1959. P. 252–254.
29. Не римлянином, быть может, был и другой аргентарий — Павел, подпись которого мы видим под документом, составленным в 540 г. (Tjäder 31).
30. Впрочем, в Риме в конце VII в. жил шелкоторговец (siricarius) с латинским именем Catellus (См.: *Brown T. S.* Op. cit. P. 255).
31. *Ruggini L. C.* Ebrei... P. 215.
32. См.: *Böhmer F.* Petrus Chrisologus als Prediger. Paderborn, 1919. S. 4.
33. *Anonymi Valesiani pars posterior* / Ed. Th. Mommsen // MGH, *Chronica minora.* Saec. IV, V, VI, VII. B., 1892. P. 326.
34. CIL, V, 1587.
35. Greg. Magn., Ep. IX, 104.
36. *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration... P. 251–266. О состоянии греческих монастырей и положении монахов см. специальную работу: *Sansterre J. M.* Monaci e monasteri greci a Ravenna // *Storia di Ravenna.* Vol. II, Parte 2. Dal età bizantina all'età ottoniana. Ecclesiologia, cultura e arte / A cura di A. Carile. Ravenna, 1992. P. 323–329.
37. *Agnellus.* Op. cit. P. 119.
38. Liber Pontificalis... T. I. P. 346, 348 etc.
39. Mansi, X. Col. 903–910.
40. Liber Pontificalis... T. I. P. 418, 464–465; 471, 481.
41. Речь идет о таких памятниках как «Authenticum», Туринская глосса, Перуджийская сумма.
42. Greg. Magn., Ep. IX, 136.
43. Greg. Magn., Ep. XIV, 14.
44. *Photius.* Bibliothèque. T. III, fr. 199 / Ed. P. Henry. P., 1962. P. 97.
45. Греки выделены из списка земельных собственников, приведенного у Т. С. Брауна (*Brown T. S.* Op. cit. P. 101).
46. Впрочем, и говорить по-латыни эти лица, видимо, умели не всегда. Встречающиеся в текстах нелепые буквосочетания вроде «овецки» в смысле

«huic» (Tjäder 20), «εστωρευτις» в смысле «instrumentis» (Tjäder 24) и т. д., заставляют подозревать, что свидетели-греки бездумно воспроизводили под диктовку юридическую формулу, не понимая значения многих слов.

47. *Agnellus*. Op. cit. P. 356–357.

48. *Passio S. Apollinariis*... P. 345.

49. *Guillou A. Régionalisme et indépendance*... P. 226.

50. *Bertolini O. Sergio arcivescovo di Ravenna (744–769) e i papi del suo tempo* // Studi Romagnoli, I. Faenza, 1950. P. 43–88.

51. *Carlton Ch. M. A Linguistic Analysis of a Collection of Late Latin Documents Composed in Ravenna between A. D. 445–700. A Quantitative Approach*. Hague—Paris, 1973. P. 227–228.

52. *Agnellus*. Op. cit. P. 369.

53. *Liber Pontificalis*... T. I. P. 405.

54. См. подробный обзор истории проникновения германских этнических групп в Италию в кн.: *Galanti A. I Tedeschi sul versante meridionale delle Alpi*. Roma, 1885; из работ последнего времени: *Germani in Italia* / A cura di B. e P. Scardili. Roma, 1994. (В этой книге см., в частности: *Marcone A. Dal contenimento all'insediamento. I Germani in Italia da Giuliano a Teodosio Magno* / Op. cit. P. 239–252).

55. *Sestán E. Stato e nazione nell'alto Medio Evo. Ricerche sulle origini nazionali in Francia, Italia, Germania*. Napoli, 1952. P. 196.

56. Автор проводил подсчеты количества германских топонимов разных эпох по справочнику: *Polloni A. Toponomastica Romagnola* («Bibliotheca dell'Archivium Romanicum», fondata di G. Bertoni, ser. II, Linguistica. Vol. 33). Firenze, 1961. Освоенный в современной ономастике топонимический материал по Романье приведен здесь полностью. Доготских германских топонимов нет. Тот же результат дали подсчеты по Эмилии и Марке по изданиям: *Amadio G. Toponomastica dell'Emilia*. Napoli, 1957; *Idem. Toponomastica marchigiana*. T. I–III. Ascoli Piceno, 1954–1957.

57. *Удальцова З. В. Италия и Византия*... С. 44–45.

58. Накануне падения Остготского королевства, а возможно, и в первые недели византийского господства арианские церковные корпорации спешно распродавали имущество, понимая, что скоро оно будет конфисковано. Сохранилось два документа о продаже имущества готской базилики Св. Анастасия в Равенне: Tjäder 34; *Doni J. B. Inscriptiones antiquae... editae... ab Antonio Francisko Gorio*. Florentia, 1731. P. 496–498. Один из них датирован и относится к 551 г. (Tjäder 34). Это — последнее документальное свидетельство пребывания готов-ариан в Равенне.

59. *Const. Pragm.*, § 16.

60. Исследователь Фриуля Дж. Менис считает, что «византийская унификация привела в равнинных районах (Фриуля. — О. Б.) к быстрой ассимиляции готского суперстрата, наложившегося на местное население» (*Menis G. C. Storia del Friule dalle origini alla caduta dello Stato Patriarcale (1420)*. Udine, 1976.

Р. 131). Между тем время господства Византии во Фриуле — всего 15 лет (553–568), в Равенском экзархате — более 200 лет.

61. *Gammilscheg E.* Romania Germanica. Sprach-und-Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des Alten Romer. Bd. II. В.—Lpz., 1935. S. 26.

62. *Carlton M.* Op. cit. P. 228. Речь идет о влиянии готского языка на латинскую лексику. В равенских папирусах есть несколько формул свидетельствования, целиком написанных по-готски (Tjäder 34). Они не имеют здесь в виду.

63. *Pulle E.* L'Italia. Genti e favelli. Disegno antropologico-linguistico. Т. II, Parte II. Torino, 1927. P. 253.

64. *Bonfante G.* Latini e Germani in Italia. Brescia, 1965. P. 31–32.

65. *Gammilscheg E.* Op. cit. S. 26.

66. Paul. Diac., II, 29.

67. Ibidem. IV, 20.

68. Ibidem. IV, 42.

69. Ibidem. IV, 3.

70. *Brown T. S.* Op. cit. P. 73.

71. *Polverari A.* Una Bulgaria nella Pentapoli: Longobardi, Bulgari e Scлавini a Senigallia. Senigallia, 1969. P. 28–30.

72. См. об этом в кн.: *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880. С. 107.

73. *Lot F.* Les invasions germanique. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain. P., 1935. P. 283. Лангобарды, в свою очередь, относились к византийцам крайне негативно. В «Истории беневентских лангобардов» Эрхемберта отмечается, что греки «по своей природе звери и, будучи номинально христианами, по своим нравам не лучше сарацин» (*Erchemperti Historia Langobardorum Beneventanorum // Scriptores rerum langobardicarum...* P. 264). Т. С. Браун привел недавно серьезные аргументы в пользу той точки зрения, что еще в IX–XI вв. присутствие византийцев на юге Италии служило стимулом для этнической консолидации лангобардов Сполето и Беневента, воспринимавших греков как своих непримиримых противников. См.: *Brown T. S.* Ethnic Independence and Cultural Deference: the Attitude of the Lombard Principalities to Byzantium c. 876–1077 // *Byzantinoslavica*, LIV, 1. Praha, 1993. P. 5–12.

74. *Merlo C.* L'Italia odierna e le invasioni barbariche // Idem. Saggi linguistici. Pisa, 1959. P. 193–195.

75. *Cammilscheg E.* Op. cit. Bd. II. S. 125.

76. Ibidem.

77. *Fasoli G.* Tracce dell'occupazione longobarda nell'Esarcato... P. 33–55.

78. *Carile A.* Bisanzio e Italia bizantina... P. 206.

79. См. *Rohlf's G.* Estudios sobre geografia linguistica d'Italia (Colección filologica, IV). Granada, 1952. P. 25–29.

80. *Cammilscheg E.* Op. cit. Bd. II. S. 122, 127.

81. *Tagliavini G.* Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1952. P. 242.
82. *Cammilscheg E.* Op. cit. Bd. II. S. 181.
83. Ibidem.
84. См.: *Devoto G.* The Languages of Italy. Chicago—London, 1978. P. 182–187; *Sestán E.* Op. cit. P. 281.
85. См. *Devoto G.* Op. cit. P. 182.
86. См.: *Schürr H.* L'evoluzione dei dialetti romagnoli // *Idem.* La voce della Romagna. Profilo linguistico-letterario. Ravenna, 1974. P. 24–25.
87. Ibidem. P. 58.
88. Ibidem. P. 23.
89. Ibidem. P. 29.
90. *Devoto G.* Il linguaggio d'Italia. Storia e strutture linguistiche italiane della preistorica e storia politica nell'Italia Meridionale. Firenze, 1960. P. 464.
91. *Parlangeli O.* Storia linguistica e storia politica nell'Italia Meridionale. Firenze, 1960. P. 464.
92. *Devoto G.* The Languages of Italy... P. 182.
93. *Trauzzi A.* Attraverso l'onomastica del Medio Evo in Italia. Rocca S. Casciano, 1916. P. 232.
94. *Pulle F.* Op. cit. P. 254.
95. *Devoto G.* The Languages... P. 181.
96. О болгарских переселениях в Италию см.: *D'Amico V.* Importanza della immigrazione dei Bulgari nella Italia Meridionale al tempo dei Longobardi e dei Bizantini // *Atti del 3 Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medio Evo.* Spoleto, 1959. P. 369–378; *Idem.* I Bulgari transmigrati in Italia nei secoli VI e VII dell'era volgare. Loro speciale diffusione in Sannio. Campobasso, 1933.
97. *Guillou A.* Migration et présence slave en Italie du VIe au XIe siècle // *Idem.* Culture et Société... P. 12.
98. *Polverari A.* Op. cit. P. 10–11.
99. См. об этом: *Ангелов Д.* Образоване на българската народност. София, 1981. С. 189–191.
100. *Guillou A.* Régionalisme et indépendance... P. 108.
101. *Theophanis Chronographia...* P. 357. *Nicephori patriarchae Constantinopolitani Breviarium rerum post Mauricium gestarum* / Ed. J. Bekker. Bonnae, 1837. P. 38.
102. *Бешевлиев В.* Първобългари. История. София, 1984. С. 46–47.
103. В то время как в экзархате известно всего несколько болгарских наименований, применительно к Южной Италии, где, в основном, осели протоболгары Альдека, И. Дуйчев говорит о «многочисленнейших» болгарских топонимах. См.: *Dujcev I.* I rapporti fra la Calabria e la Bulgaria nel Medioevo // *Atti del 4 Congresso storico calabrese.* Napoli, 1969. P. 239.
104. Авары в Италии воевали преимущественно на территории северных лангобардских герцогств. (См. об этом: *Ковачевич Ј.* Аварски каганат. Београд, 1977. С. 86–87.) Ближайшей к Равенне византийской провинцией, подвер-

гавшейся их набегам, была Истрия (см.: *Marušić B. Istra v ranom srednjem vijeku...* 1960.)

105. Paul. Diac., II, 26.

106. *Guillou A. Migration et présence...* P. 12.

107. *Idem. Régionalisme et indépendance...* P. 107.

108. Paul. Diac., IV, 24.

109. *Guillou A. Régionalisme et indépendance...* P. 107.

110. См. подробнее: *Бородин О. П. Славяне в Италии и в Истрии в VI—VIII вв. // Византийский Временник, 44, 1983. С. 48–59.*

111. *Diehl Ch. Etudes sur l'administration...* P. 365.

112. См. об этом, например: *Studien zum 7 Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus (Berliner. Bys. Arb., 47). B., 1976; Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 91.* Автор данной монографии повсеместно использует понятие «феодализм» в традиционном для отечественной историографии смысле, то есть как определение всей системы общественных отношений в средневековом обществе, а не только иерархической структуры его господствующего класса.

113. См.: *Сюзюмов М. Я. Введение к изд. «Византийская книга Эпарха». М., 1962. С. 33–42; Наследова Р. А. Ремесло и торговля в Фессалонике конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты // Византийский Временник, VIII, 1956. С. 61–84.*

114. *Stöckle A. Spätromische und byzantinische Zunft // Klio, Beiheft 9. Lpz., 1911; Zoras G. Le Corporazioni Bizantine. Studio sull'Επαρχικον βίβλιον dell'imperatore Leone VI. Roma, 1931.*

115. Характерно, что византийскому стратигу Сицилии Равенна в начале VIII в. показалась на этом фоне деревней. Хронист передает его слова: «О несчастная и злобная Равенна, коя снаружи выглядит как деревня (“qui tura extrinsecus”), внутри же таит опаснейший яд!». См.: *Agnellus. Op. cit. P. 368.*

116. В Восточной Италии: см. предшествующие главы монографии; в Западной Италии в VI — нач. VII в.: *Spearing E. Op. cit.*; в следующем столетии — *Toubert P. Les structures du Latium médiéval: Le Latium méridional e le Sabine du IX à la fin du XII siècle. Roma, 1973.*

117. *Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium // Dumbarton Oaks Papers, 25, 1975. P. 3–32.*

118. *Runciman S. The Byzantine Theocracy. London—New-York—Melbourn, 1977.*

119. О византийском епископате и его месте в государственной системе см.: *Beck H.-C. Kirche und Klerus im Staatlichen Leben von Byzanz // Revue des études byzantines, 24 (Mélanges V. Grümel. I). P., 1996. S. 1–24; Guillou A. La Civilisation Byzantine (Collection des grandes civilisations, dirigée par R. Bloch). P., 1974. P. 175–184.*

120. *Simonini A. Autocephalia ed esarcato...* P. 35.

121. См. подробнее в кн.: *Hartmann L. M. Untersuchungen...* S. 78–93.
122. *Diehl Ch. Etudes sur l'administration...* P. 355 sqq; *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. М., 1954. С. 161–163.
123. *Greg. Magn., Ep. IX, 124.*
124. *Ibidem. V, 41.*
125. *Greg. Magn., Ep. I, 61.*
126. *Const. Pragm., § 26.*
127. *Liber Pontificalis...* Т. I. P. 344; *Paul. Diac., V, II.*
128. *Agnellus.* Op. cit. P. 354. «*Ripaticum*» — встречающийся также в византийско-лангобардском торговом договоре 715 г. сбор за право причаливания к берегу; «*portaticum*» — сбор за право постановки судна на якорь; «*siliquatio*» — введенный Валентинианом III налог с оборота в размере I силиквы с каждого солида; «*teloneum*» — таможенная пошлина. См. подробнее: *Guillou A. Régionalisme et indépendance...* P. 177. Перед нами — свидетельство значительной торговой активности духовных лиц в Равенне, что неудивительно, т. к. многие из них были собственниками и арендаторами земли.
129. *Mai A. Classici scriptores ex codicibus Vaticanis. Roma. T. V. 1831. P. 362.*
130. *Agnellus.* Op. cit. P. 354.
131. См. *Бородин О. Р.* Взаимоотношения равеннских архиепископов и светской власти... С. 121–128.
132. *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии...; *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956. С. 325–261; *Он же.* От античности к Средневековью // История Италии. Т. I. М., 1970; *Он же.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 71–103, 167–191.
133. *Paul. Diac., II, 32.*
134. *Неусыхин А. И.* От античности к Средневековью... С. 38.
135. *Виноградов П. Г.* Указ. соч. С. 122–128.
136. *Неусыхин А. И.* От античности к Средневековью... С. 59.
137. См., напр., *Tabacco G.* La connessione fra potere e possesso nel regno franco e nel longobardo // I problemi dell' Occidente nel secolo VII. XX Settimana dell' Centro italiano di Studi sull' Alto Medio Evo. Spoleto, 1973. P. 132 sqq.
138. У лангобардов — см.: *Schneider F.* Die Reichsverwaltung in Toscana von der Gründung des Langobardenreichs bis zum Ausgang der Staufer (568–1268), (Bibliothek des Kgl. Preuss. historischen Instituts in Rom. Bd. I. S. 299–346).
139. См.: *Dupré-Théseider E.* Vescovi e città nell' Italia precomunale // Vescovi e diocesi in Italia nel medioevo (sec. IX–XIII). Atti del I Convegno di Storia della chiesa in Italia (Roma, 5–9 sett., 1961). Padova, 1964. P. 55–109; *Mochi-Onory S.* Ricerche sui poteri civili dei vescovi nelle città durante il Medioevo. Bologna, 1930.
140. См.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства... С. 284.
141. См. *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М., 1981. P. 76.

142. *Wickham Ch.* Early Medieval Italy. Central Power and Local Society, 400–1000. L., 1981. P. 76.

143. У лангобардов см.: *Hartmann L. M.* Geschichte Italiens im Mittelalter... Bd. II, Halbb. II. S. 34–39; *Mor C. G.* I gatsaldi con potere ducale nell'ordinamento publico longobardo // Atti di I congresso internazionale di studi longobardici. Spoleto, 1952. P. 409 sqq.

144. *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства... С. 281–285; *Leicht P. S.* Gasindii e Vassalli // Idem. Scritti vari di storia italiano. Milano, 1943. Vol. I. P. 183–197.

145. Церковные вассалы, впрочем, имелись и у лангобардов. См.: *Виноградов П. Г.* Указ. соч. С. 318.

146. См.: *Виноградов П. Г.* Указ. соч. С. 318.

147. См.: *Sestán E.* La composizione etnica della società in rapporto allo svolgimento della civiltà in Italia nel secolo VII // Idem. Italia Medievale. Napoli, 1966. P. 23–24.

148. См.: *Schneider F.* Die Entstehung von Burg und Landgemeinde in Italien. Berlin—Irunswald, 1924. S. 259–326.

149. Невозможно согласиться с мнением Дж. Фазоли, что «в экзархате и во всей Византийской Италии ситуация была статичной, лишенной ферментов обновления и ее (следует) противопоставить положению лангобардской Италии, бесспорно начавшей подниматься из того ничтожества, в которое обратилась». См.: *Fasoli G.* Aspetti di vita economica e sociale nell'Italia del secolo VII // Settimani di studio del Centro italiano sull'Alto Medio Evo. Spoleto, 1958. T. I. P. 159.

150. «Византийская Италия в экономическом отношении, в основном, мало отличалась от лангобардских областей», — отмечает Дж. Луччатто (См.: *Луцчатто Дж.* Указ. соч. С. 188).

151. *Agnellus.* Op. cit. P. 377.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Duces провинции Венето (будущие венецианские дожи) продолжали официально признавать примат империи. См. напр.: *Lentz E.* Das Verhältnis Venedigs zu Byzanz nach dem Falle des Exarchatus bis zum Ausgang 9. Jahrhundert. В., 1891. То же можно сказать об администрации Истрии вплоть до захвата этой провинции франками.

2. *Liber Pontificalis*... Т. I. P. 406.

3. *Marazzi F.* Il conflitto fra Leone III Isaurico e il papato fra il 725 et il 733, e il «definitivo» inizio del medioevo a Roma: un ipotesi in discussione // Papers of the British School at Rome, 59, 1991. P. 231–257.

4. *Люблинская А. Д.* Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века, 31, 1968. С. 9–16; *Кор-*

сунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; *Гутнова Е. В., Удальцова З. В.* Генезис феодализма в странах Европы // XIII Международный конгресс исторических наук (Москва, 16–23 августа 1970 г.). Доклады конгресса. Т. I, Ч. 4. М., 1973. С. 5–33.

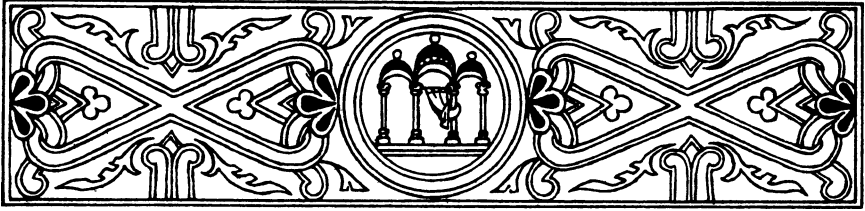
5. *Люблинская А. Д.* Указ. соч. С. 11.

6. *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. С. 208.

7. Эту мысль М. Я. Сюзюмов впервые высказал в дискуссии по цит. докладу А. Д. Люблинской. (см.: Средние века. Т. 31. 1968. С. 20–22), а затем, в более четкой форме, — в заметках по спецкурсу, сохранившихся в его архиве.

8. *Поршнев Б. Ф.* Проблема феодального синтеза // Он же. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 514.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

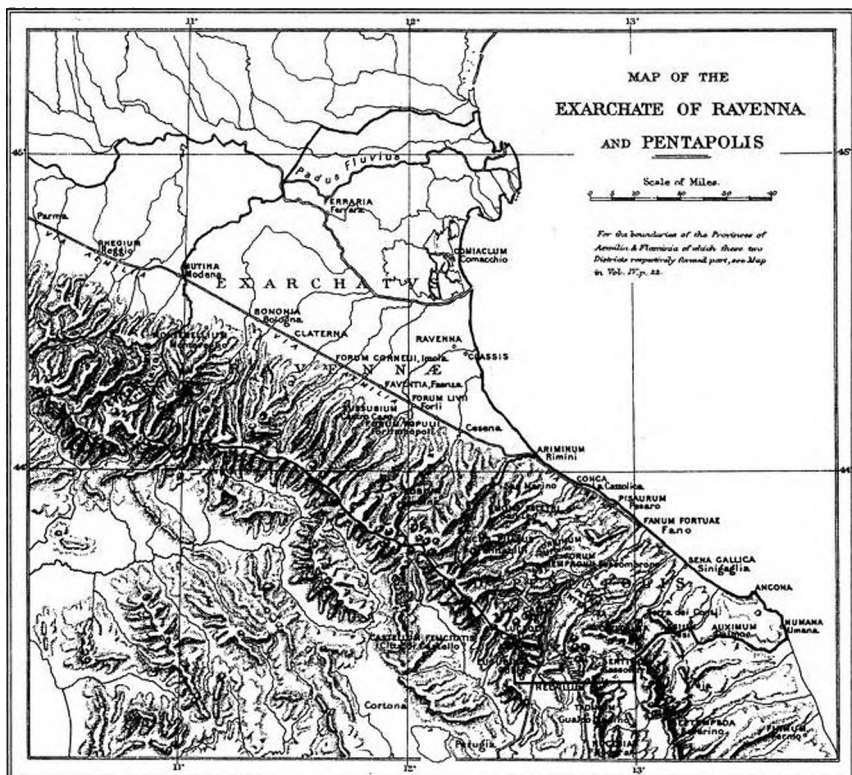
КАРТЫ

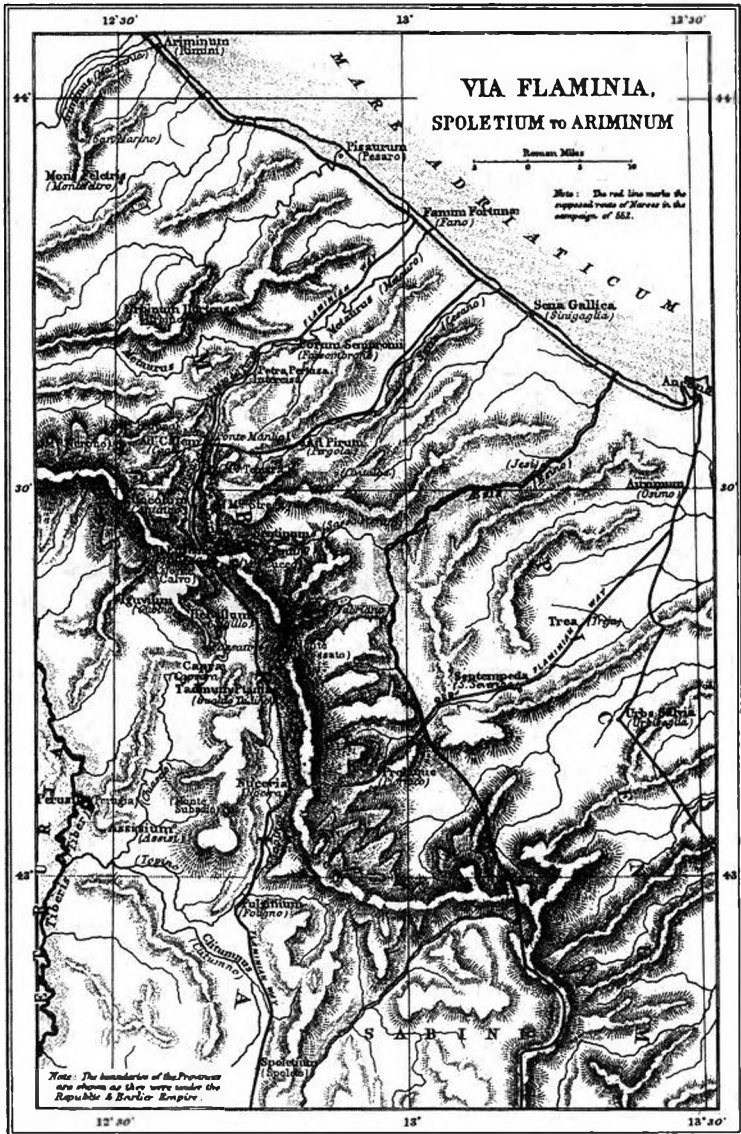
Приводятся по изданию:

Hodgkin Th. Italy and her Invaders. T. V–VII. Oxford, 1891–1895.

- C. 424. Равеннский экзархат, Пентаполь Морской и Пентаполь Внутренний
- C. 425. Римский дукат
- C. 426. Фламиниева дорога (Via Flaminia) от Римини до Сполето*

* Фламиниева дорога от Сполето до Рима показана на карте «Римский дукат».

VIA FLAMINIA,
SPOLETIUM TO ARIMINUM

Roman Miles
0 5 10

Note: The red line marks the
supposed route of Hannibal in the
campaign of 217.

Note: The boundaries of the Provinces
are shown as they were under the
Republic & Early Empire.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Аренда на землях равеннской архиепископии

Источ-ник	Арендатор	Социальный статус	Объект сделки	Время сделки (годы)	Сумма арендной платы
БК 14	Анна	вдова купца	fundus Mille Jugera fundus Quarantula fundus Petronianus 6/12 casale Corilianum	688–705	2 сол.
БК 15	Иоанн и жена его Сергия	логофет священного дворца	4/12 fundus Ponpia 9/12 fundus Preturiolus Maior 9/12 fundus Preturiolus Minor 9/12 Campus Marisci 9/12 fundus Galerianus Maior 9/12 fundus Fanianus campus Stabulis infra fundus Turriclus	688–705	2 сол.
БК 16	Иоаннаций и жена его Бланка	сведений нет	fundus Sticianus и виноградник	688–705	4 сол.
БК 18	Феодосий и жена его Иоания	трибун	fundus Asianus fundus Lanietus fundus Casaliclus	748–771	1 сол.
	Он же		два луга		
БК 21	Феодота	монахиня, вдова Василия	fundus Jenicianus fundus Acianus casale Jovis	668–705	2 сол.
БК 23	Агнелла	вдова magistr'a militum	6/12 fundus Papianus 6/12 fundus Auxinianus 6/12 fundus Musianus cum casalibus; fundus Centum cum ca- sale		2 сол.

Продолжение таблицы 1

Источ-ник	Арендатор	Социальный статус	Объект сделки	Время сделки (годы)	Сумма арендной платы
БК 24	Маврикий и жена его Петрония	magister militum	участок в fundus Flavianus	668–705 748–771	1 сол.
БК 25	Доминик и жена его Хорама	трибун	8/12 fundus Ocrinianus; 8/12 fundus Olianus; 8/12 fundus Musianus с водяной мельницей; casale Galerianum; fundus Maracianus вместе с 20-ю casales	748–771	8 сол.
БК 27	Феодосий и его жена Мария	трибун и dativus	6/12 fundus Augicianus	668–705	1 сол.
БК 28	Герман, сын Леонида	сведений нет	6/12 fundus Popinianus; 6/12 fundus Auxinianus; 6/12 fundus Musanus;	748–771	2 сол.
БК 32	Павел	консул	fundus Alfanus; fundus Serbilianus; fundus Caprilianus; fundus Lanietanus; fundus Casaliclus cum casale; 8/12 fundus Vicianus.		1 сол.
БК 53	Маврикий	magister militum	fundus Fabricus cum 4/12 casale Turiano; fundus Fabriculus cum casale Obliciano	748–771	2 сол.
БК 71	Глориоза Марцелла	дочери magistr'a militum Элефтерия	fundus Catilianus; 6/12 fundus Bugianus; fundus Silianus;		6 сол.

Окончание таблицы 1

Источ-ник	Арендатор	Социальный статус	Объект сделки	Время сделки (годы)	Сумма арендной платы
			fundus S. Albianus; fundus Proclanus; fundus Albianus 6/12 fundus Tunusianus Maior; fundus Tunusianus Minor		
БК 85	Леонтий и жена его Варвара	клирик	6/12 fundus Tunusianus Maior 6/12 fundus Tunusianus Minor	748–771	2 сол.
БК 121	Стефан, жена его Фелицита и Феодосий, их сын	сведений нет	fundus Fibianus; 8/12 fundus Popilianus	748–771	22 сол.
БК 122	Леонтия, вдова Доната	сведений нет	8/12 fundus Gibalsis; 4/12 fundus Fibijanus	688–705	8 сол.
БК 124	Бакавданий	воин	6/12 fundus Lusianus; 6/12 fundus Flavinianus; 6/12 fundus Clusianus	748–771	1 сол.
БК 126	Григорий и жена его Гратерия	сведений нет	fundus Matenanus	748–771	2 сол.
Tjäder 22	Павлацис	сын primicerius numeri	3/12 fundus Terriaticus	639	1 сол.
Tjäder 44	Феодор Каллиопа	prefecturius, будущий экзарх	часть massa Uttiana, еще 2 fundi и имущество в городе	сер. VII в.	7 сол.

Таблица 2

Земельные собственники в византийской Восточной Италии

Источник	Собственник	Социальный статус	Собственность	Время
Tjäder 3	Виктор	священник	болото	565–570 гг.
Tjäder 8	Колликт	вероятно, <i>vir honestus</i> (сын назван в документе « <i>honestis puer</i> »)	6/12 fundus Savilianus; 6/12 fundus Verutianus; 3/24 того же fundus; fundi Ponticellus; Urbicis, Staturianus; fundus Pulatis; 4/12 casale Petroniaum	564 г.
Tjäder 9	Флавий Иоанн	<i>magister militum</i>	ряд fundi (большинство названий не сохранилось)	сер VI в.
Tjäder 13	Ранилона	<i>sublimis femina</i>	6/12 massa Firmidiana; 6/12 massa ...liana	553 г.
Tjäder 14–15	Бон	портной, <i>vir honestus</i>	15/24 fundus Quarantula	572 г.
Tjäder 17	Флавия Ксанטיפа	дочь <i>magister imperialis a secretis</i>	massa Paganicensis (35 fundi); виноградник	нач. VII в.
Tjäder 18–19	Стефан из Неаполя	<i>vir magnificus</i>	более 10 разных fundi	нач. VII в. (?)
Tjäder 20	Сисивера	вольноотпущенница, <i>honesta femina</i>	часть fundus Balonianus	ок. 600 г.
Tjäder 21	Деусдедит	субдиакон, сын <i>magistr'a militum</i>	fundus Carpinianus	625 г.
Tjäder 22	Павлацис	воин, сын <i>primicerius numeri</i>	3/12 fundus Territianus	639 г.
Tjäder 23	Иоанн	<i>primicerius numeri</i>	3/12 fundus Cellula	VI в.

Окончание таблицы 2

Источник	Собственник	Социальный статус	Собственность	Время
Marini 118	Гуделеб	диакон	4/12 fundus Caballarius	540-е гг.
Tjäder 35	Доминик	agellarius	fundus Curtinis; 2/12 casale Bassianum	572 г.
Tjäder 36	Хольдигерн	vir clarissimus	6/12 fundus Genicianus	конец VI в.
Tjäder 37	Рустичана	honesta femina	fundus Caenicianus	591 г.
Marini 124	Мавр	vir reverendus	1/12 fundus Pauninus	сведений нет
БК 50	Феликс	диакон	fundus Guvianus; fundus Priapus	668–705 гг.
БК 163	Валерия	nobilissima femina	6/12 имения (дома) с виноградниками, горами, лесами и пастбищами	610–640 гг.
Гийу I ¹	Иоанн IV	архиепископ	fundus Tregintula; fundus Pittulis	731 г.
Гийу II	Урс	клирик, сын дух'а	25 fundi (полностью или частично)	752 г.

¹ Сокращениями Гийу I и Гийу II обозначены две дарственные, опубликованные А. Гийу в приложении к монографии «Régionalisme et indépendance...», Р. 272–277, Р. 266–271 соответственно.

Таблица 3

**Ренты колонов на церковных землях
по данным папируса Tjäder 3**

Имя колона	Земельный участок	Рента денежная	Рента натуральная (in xeniis)
Максим	saltus Erudianus	3 солида 2 тремисса 3 силиквы	8 кур, 80 яиц, 70 фунтов меда
Вигилий, Иоанн, Басс	colonia...	4 солида 2 тремисса 4 силиквы	2 гуся, 12 кур, 120 яиц, 80 фун- тов меда
Проект	0,5 colonia Novi- ciana	3 солида 1 тремисс 3 силиквы	2 гуся, 12 кур, 120 яиц, 70(?) фунтов меда
Валерий	0,5 colonia Novi- ciana	3 солида 1(?) тремисс 3 силиквы	2 гуся, 12 кур, 120 яиц, 130 фунтов меда
Репарат, Юстин	colonia Simpliciana	4 солида 4 силиквы	2 гуся, 12 кур, 120 яиц, 130 фунтов меда
Репарат, Юстин (те же, что и упомянутые выше)	colonia Candidiana	3 солида 3 силиквы	2 гуся, 6 кур, 60 яиц, ? фун- тов меда
Квинтул, Сабинион	colonia Valeriana	4 солида 2 тремисса 4 силиквы	2 гуся, 12 кур, 120 яиц, ? фун- тов меда
Лев, Ахилл, Викто- урин, Север	colonia Severiana	5 солидов 2 тремисса 6 силикв	2 гуся, 16 кур, 160 яиц, 130 фунтов меда

Таблица 4

**Доля урожая, отдаваемая Равеннской церкви ее арендаторами
в виде арендной платы***

Источ-ник	Социальное положение арендатора	Разме-ры арен-дуемой земли в мо-диях	Арендная плата	Примерная сумма арендной платы в натуральной форме	% урожая, составляющий аренд-ную плату
БК 74	неизвестно	300	10-й модий зерна, 10-й сноп льна, 4-я амфора масла, 13 денариев в качестве herbatium, glandaticum, exenium	$30+16,2 = 46,2$ мод.	15,4
БК 100	agellarii (две супру-ж е с к и е пары)	110	10-й модий зерна, 10-й сноп льна, 4-я амфора масла, 13 денариев в качестве herbatium, glandaticum, exenium + + ореа	$11+16,2 = 27,2$ мод.	23,6
БК 102	agellarius	350	10-й модий зерна, 10-й сноп льна, 4-я амфора масла, 12 денариев в качестве herbatium, glandaticum, exenium + + ореа	$35+15 = 50$ мод.	14,3
БК 104	неизвестно	60	6 денариев	7,5 мод.	12,5
БК 118	диакон из Озимо	230	1 солид	30 мод.	10,3
БК 137	agellarius	150	2 тремисса	20 мод.	13,3

* В Баварском кодексе имеются еще два документа, где также указаны точные размеры аренды и сумма арендной платы (БК 94, 98). Однако в обоих случаях денежный взнос, заменяющий glandaticum, herbatium и exenium, исключительно высок (по Исолиду со 150 и 90 модиев земли соответственно). Так как в византийскую эпоху эти платежи получал арендатор, то вся доля потребляемого им прибавочного продукта была намного выше средней (25 %), и поэтому производить расчет тем способом, который применен в 3-й главе, невозможно.

Ремесленники и торговцы в Восточной Италии

Город	dendrophori плотники	centonarii портные	fabri кузнецы	tinquarii красильщики	aquatores водо­возы	sectores materiarum каменотесы	fabri navales кора­бели	jumentarii погон­щики	pistores булоч­ники	nautae моряки
Ariminum	XI, 377, 6378	XI, 377, 6378, 379, 406, 418	XI, 386, 405							
Altinum	V, 2176	X, 66, 75, 6678								
Aquileia	V, 4341, 4388, 4477, 4418	V, 749, 1012, 1019– 1020	V, 731, 749, 865– 866, 908, 1012, 1020		V, 992, 8307, 8308	V, 815				
Brixia	V, 4333, 4368, 4386, 4396, 4397, 4406, 4408, 4416	V, 4454, 4459, 4477, 4483, 4188	V, 4216, 4448, 4449, 4122, 4489, 4391, 4433	V, 4216					V, 4211, 4294	
Brixellum		XI, 1027								
Fanum	X, 6231, 6235	XI, 6231, 6235	XI, 6231, 5235							

Таблица 5

в эпоху Римской империи и при остготах*

lanarii шерсто- биты	litores камен- щики	opifices худож- ники	vestiarii тор- говцы одеждой	navicu- larii корабель- щики	negoti- atores vini винотор- говцы	farmaco- polae апте- кари	vexilarii носиль- щики	scabil- larii актеры	salina- tores солетор- говцы
					VI, 1001			XI, 4404	XI, 390, 391
	V, 801					V, 4489	V, 5272		
V, 4505, 4504									

* В таблицу включены сведения по некоторым городам, не вошедшим позднее в Равеннский экзархат и Пентаполи. Все ссылки даются на Corpus inscriptionum latinae по обычной формуле: римскими цифрами обозначается том, арабскими — номер надписи.

Город	dendrophori плотники	centonarii портные	fabri кузнецы	tinquarii красильщики	aquatores водо- возы	sectores materi- arum каменотесы	fabri navales кора- белы	jumentarii погон- щики	pistores булоч- ники	nautae моряки
Faventia			XI, 629							XI, 1027
Feltria	V, 207	V, 2071	V, 2071							
Parentium			V, 335, 337							
Pola	V, 56, 81, 82		V, 60, 81, 43							
Pisaurum	XI, 6362	XI, 6379, 6362, 6368	XI, 6335, 6378, 6358, 6362, 6369, 6371							
Ravenna	XI, 124, 125, 133	XI, 126, 132, 124					XI, 139		XI, 317	XI, 135, 138
Senagallica										
Verona	V, 3312	V, 3411, 3439	V, 3387, 4048							

Таблица 6

**Стратификация городского населения Равеннского экзархата
и Пентаполей в терминах источников**

все население				
духовенство	миряне, plebs= populus (1-е значение)			
	maiores = optimates = nobiles (1-е значение)		plebs = populus (2-е значение) = = homines = pusilli = ignobiles	
sacerdotes levites clerici monachi	proceres= illustres= maiores= nobiles (2-е значение)	principes = potestates	mediocres	parvuli

Таблица 7

**Численность жителей в некоторых населенных пунктах
Северной и Средней Италии в VI–VIII вв.***

Назва- ние	Равен- на ¹	Боло- нья ¹	Пьячен- ца ²	Парма ²	Фаэнца ³	Имола ³	Брик- селлум ³	Павия ¹	Милан ²
Кол-во жите- лей	15000	10000	5600	4500	5000	2000	4000	12000	30000– 40000

¹ По подсчетам И. Дж. Рассела. См.: *Russel J. G. Late Ancient and Medieval Population*. Philadelphia, 1958. P. 73, 93.

² По подсчетам К. Белоха. См.: *Beloch K. J. Bevölkerungsgeschichte Italiens*. Bd. II. В., 1961. S. 175.

³ По подсчетам А. Медри. См.: *Medri A. Faenza Romana*. Bologna, 1943. P. 178.

* Для сравнения в таблицу включены сведения о Милане, Павии, Парме, Пьяченце, несмотря на то, что первые два центра с начала лангобардского завоевания, а последние на протяжении значительной части изучаемого периода принадлежали лангобардам.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

РАВЕННСКИЕ ЭКЗАРХИ

Имя	Годы правления
Смарагд	584–589
Роман	589–597
Калиник	597–603
Смарагд (вновь)	603–610
Иоанн I Лемигий	610–616
Элефтерий	616–619
Григорий I	619–625
Исаакий	625–643
Феодор I Каллиопа	643–645?
Платон	645?–648?
Олимпий	649–653
Феодор I Каллиопа (вновь)	653–?
Григорий II	60-е г. — 678?
Феодор II	678?–686
Иоанн II Платин	687–?
Феофилакт	701–705
Иоанн III Ризокоп	705–710
Евтихий	710–713
Схоластиций	713–?
Павел	723?–727
Евтихий (вновь)	728–751

Сохранились печати экзархов, время правления которых неизвестно: Стефана (*Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantine. P., 1884. P. 211*), Анастасия (*Ibidem. P. 514*). Разные ученые включали в число экзархов иных лиц: Бадуария (576 г., Ш. Диль), Деция (584 г., Л. М. Гартманн), Юлиана (589 г., А. Симонини) и др. Однако принадлежность этим людям титула «экзарх» точно не установлена. Я. Ферлуга считает, что Феодор I Каллиопа и Феодор II — одно и то же лицо. (*Storia di Ravenna... T. II. Parte 1. P. 366*). Однако предположение о том, что один человек трижды правил экзархатом на протяжении 43 лет, представляется маловероятным.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

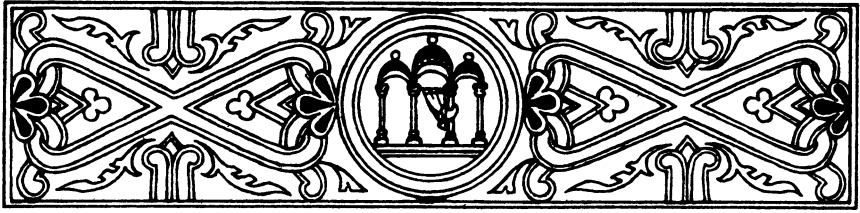
РАВЕННСКИЕ АРХИЕПИСКОПЫ

(от возникновения христианской общины до конца I тыс. н. э.)¹

Имя	Годы понтификата
Аполлинарий	46–74
Адерит	74–100
Элевкадий	101–112
Марциан	112–127
Калогер	127–132
Прокул	132–141
Проб I	141–174
Дат	174–184
Либерий	185–206
Агапит	206–232
Марцеллин	233–283
Север	284–348
Либерий II	348–351
Проб II	351–361
Флоренций	361–374
Либерий III	374–378
Урс	379–396
Петр I	396–425
Экзуперанций	425–430
Иоанн I	430–432
Петр II Хрисолог	432–449
Неон	450–452
Иоанн II	452–477
Иоанн III	477–494
Петр III	494–519
Аврелиан	519–521
Экклесий	521–534
Урсицин	534–538
Виктор	538–546
Максимиан	546–556

¹ Приводится традиционный список, официально принятый в Равеннской церкви. Относительно дат правления ряда епископов в историографии ведутся споры.

Агнелл	556–569
Петр IV	569–574
Иоанн IV	574–595
Мариниан	595–606
Иоанн V	607–613
Иоанн VI	613–630
Бон	631–648
Мавр	648–671
Репарат	671–677
Феодор	677–688
Дамиан	688–705
Феликс	705–723
Иоанн VII	723–748
Сергий	748–769
Лев I	770–777
Иоанн VIII	777–784
Грациоз	784–788
Иоанн IX	788–806
Валерий	806–810
Мартин	810–816
Петронакс	817–834
Георгий	834–846
Деусдедит	846–850
Иоанн X	850–878
Роман	878–888
Доминик	889–898
Иоанн XI	898–906
Петр V (одновременно с предыдущим)	904–905
Иоанн XII (в 914 г. был избран папой под именем Иоанна X)	906–914
Теобальд (низложен)	906–907
Константин (единолично)	914–920
Константин (вместе с Хонестом I)	920–924
Хонест I	920–927
Петр VI (отрекся)	928–971
Хонест II	971–983
Иоанн XIII	983–997
Герберт (в 999 г. избран папой под именем Сильвестра II)	998–999
Лев II (отрекся)	999–1001

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Византийский земельный закон / Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984.
2. *Епифанович С. Л.* Материалы к изучению и творения преп. Максима Исповедника. Киев, 1917.
3. *Иордан.* О происхождении и деяниях готв. *Getica.* М., 1960.
4. *Шервуд Е. А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М., 1992.

* * *

5. *Adnotationes Codicum Domini Justiniani (Summa Perusina)* / Ed. F. Patetta // *Bulletino dell' Istituto di Diritto Romano*, a. XII. Roma, 1900.
6. *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* / Ed. B. Niehburius. B., 1828.
7. *Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis* / Ed. O. Holder-Egger // *Scriptores rerum langobardicarum et italicarum.* Hannoverae, 1878. P. 265–391.
8. *Alcuini Epistolae* / Ed. E. Dümmmler // *MGH. Epistolae.* T. IV. B., 1895.
9. *S. Ambrosii Mediolanensis episcopi Epistolae* // *PL.* T. 16. P., 1880. Col. 914–1342.
10. *Anastasii Bibliothecarii Historia Ecclesiastica* // *Theophanis Chronographia.* Vol. II. Bonnae, 1841.
11. *Annales Laureshanienses* / Ed. G. N. Pertz // *MGH. Scriptores.* T. I. Hannoverae, 1826.
12. *Annales Maximiani* / Ed. G. Waitz // *MGH, Scriptores.* T. XIII. Hannoverae, 1881.
13. *Annales S. Petri Coloniensis* / Ed. G. N. Pertz // *MGH, Scriptores.* T. XVI. Hannoverae, 1859.
14. *Anne Comnène. Alexiade. (Régne de l'empereur Alexis I Comnène (1081–1118)).* T. 1. P., 1937.

15. *Anonymi Valesiani Pars Posterior* / Ed. Th. Mommsen // MGH, *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. T. 2. Berolini, 1892. P. 306–328.
16. *Aratoris subdiaconi de actibus Apostolorum* / Ex recensione Arturi P. McKinlay (*Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*). Vindobonae, 1951.
17. *Authenticum Novellarum constitutionum Justiniani versio vulgata* / Ed. G. E. Heimbach. Vol. I–II. Lpz., 1845–1851.
18. *Anonymi Valesiani Pars Posterior* / Ed. Th. Mommsen // MGH, *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. Berolini, 1892. P. 306–328.
19. *Breviarium ecclesiae Ravennatis (Codice Bavaro)*. Saeculi VIII–X / A cura di G. Rabotti. Roma, 1895.
20. *Carta Piscatorium* // Monti G. M. *Le corporazioni nell'evo antico e nell'alto medio evo*. Lineamenti storiche. Bari, 1934, Appendice 2. P. 217–219.
21. *Cassiodori Senatoris Variae* / Ed. Th. Mommsen // MGH. *Auctores antiquissimi*. T. 12. Lipsiae, 1894.
22. *Catalogus provinciarum Italiae* // *Scriptores rerum langobardicarum...* P. 188–189.
23. *Catonis de agricultura Varronis rerum rusticarum libri*. T. I–V. Lipsiae, 1882–1887.
24. *Chronicon patriarchum Gradensium* // *Scriptores rerum langobardicarum...* P. 394 seqq.
25. *Codex Carolinus* / Ed. Ph. Jaffe. B., 1867.
26. *Codex traditionum ecclesiae Ravennatis nunc Monachii asservatus* / Ed. J. Bernhardt. Mönich, 1810.
27. *Columellae opera quae extant* (Coll. script. vet. Uppsaliens / Ed. Lundström. Fasc. I–VII. Uppsala-Lipsiae, 1897–1907.
28. *Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae*. // Mansi J. D. *Sacrorum conciliorum collectio nova et amplissima...* Parisiis, 1906. T. X. Col. 853–861; *Migne J. Patrologiae cursus completus...* Series latina (далее — PL). T. 87. Parisiis, 1851. Col. 111–120.
29. *Compositiones ad tingenda musiva* / Herausgg. H. Hedfors. Inaug.-Diss. Uppsala, 1932.
30. *Concilium Lateranense a. 649 celebratum* / Ed. R. Riedinger (*Acta Conciliorum Oecumenicorum*. Series secunda. Vol. I). B., 1984.
31. *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967.
32. *Idem. De Thematibus* / Ed. A. Pertusi. Città di Castello, 1952.
33. *Constitutio Pragmatica* // *Corpus juris civilis*. T. III. B., 1899. Col. 798–803.
34. *Das Constitutum Constantini (Konstantinische Schenkung)* / Text, hrsgg. von H. Führmann // MGH, *Fontes juris germanici antiqui*. T. X. Weimar, 1968.
35. *Corippus*. In laude Justinii minoris // MGH, *Auctores Antiquissimi*. T. 3. Vol. 2. Berolini, 1878. P. 283–286.
36. *Corpus inscriptionum latinarum*. Vol. I–XVI. Berolini, 1881–1957.

37. *Corpus juris civilis*. Vol. I–III. Berolini, 1899.
38. *Dvornik F.* La vie de S. Gregoire le Decapolite et de slaves macedoniens au IXe siècle // *Travaux publiés par l'Institut d'études slaves*. Vol. V. P., 1926.
39. *Doni J. B.* *Inscriptiones antiquae... editae... ab Antonio Francisko Gorio*. Florentia, 1731.
40. *Einhardi Vita Caroli Magni Imperatoris* / Ed. O. Holder-Egger // *MGH, Scriptores rerum germanicarum*. T. VI. Hannoverae, 1911.
41. *Erchemperti Historia Langobardorum Beneventanorum* // *Scriptores rerum langobardicarum...* P. 252–264.
42. *Fantuzzi M.* *Monumenti Ravennati di secoli di mezzo*. T. I–VI. Venezia, 1891–1810.
43. Φιλόθεου κλητορολόγιον // *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a revised Text of the Kletorologion of Philotheos (The British Academy. Supplemental papers, I). L., 1911.
44. *Fredegarus Scholasticus*. *Fredegarii et aliorum chronica* / Ed. B. Krusch // *MGH, Scriptores rerum Merovingicarum*. T. II. Hannoverae, 1888.
45. *Georgius Cedrenus*. Σύνοψις Ἱστοριῶν / Ed. J. Bekker. Bonnae, 1838.
46. *Die Gesetze der Langobarden* / Bearb. F. Beyerle. Weimar, 1947.
47. *Gesta episcopum Neapolitanum* // *Scriptores rerum langobardicarum...* P. 396–436.
48. *Gregorii Magni Dialogorum Libri* // *PL*. T. 77. P., 1849. Col. 149–433.
49. *S. Gregorii Magni Opera Omnia* // *PL*. T. 75–78. P. 1849.
50. *Gregorii Magni registrum epistolarum* / Ed. P. Ewald. T. I–II. B., 1891–1899.
51. *Gregorii episcopi Turonensis Historia Francorum* / Ed. W. Arndt // *MGH, Scriptores rerum Merovingicarum*. T. I. Hannoverae, 1884.
52. *Inscriptiones Christianae Urbis Romae* / Ed. J. B. de Rossi. T. I–II. Romae, 1857–1859.
53. *Johannis Biclarenensis Chronicon* // *PL*. T. 72. P., 1849. Col. 863–870.
54. *Johannis Diaconi Chronicon Venetum* // *MGH, Scriptores*, VII. Hannoverae, 1846. P. 1–38.
55. *Johannis Malalae Chronographia* / Rec. L. Dindorfius, Bonnae, 1831.
56. *Johannis Scilitzae Synopsis historiarum* / Rec. J. Turn. B., 1873.
57. *Juliani Epitome latina Novellarum Justiniani* / Ed. G. Haenel. Lpz., 1873.
58. *Jus Graeco-Romanum* / Ed. C. Zachariae a Lingenthal. V. I–III. Lipsiae, 1856–1884.
59. *Die Kannonensammlung des Kardinals Deusdedit* / Ed. V. W. Glanwell. Bd. I. Paderborn, 1905.
60. *Landolfi Sagacis Additamenta ad Pauli Historiam Romanam* // *MGH, Auctores Antiquissimi*. Vol. 11. B., 1894. P. 220–226.
61. *Laterculus imperatorum ad Justinum I* / Ed. Th. Mommsen. B., 1896. P. 422–423.
62. *Laurent V.* Les Sceaux byzantines du Medailler Vatican. Città di Vaticano. 1962.

63. *Leontius Neapolitanus*. Vita S. Iohannis Eleemosynarii // PG. T. 93. P., 1860. Col. 1617–1668.
64. Liber Diurnus Romanorum Pontificum / Ed. Th. E. Ab. Sickel. Vindobonae, 1889.
65. Le Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaire par L. Duchèsne. T. 1–2. P., 1955. = MGH, Gestarum Pontificum Romanorum Libri / Hrsg. von Th. Mommsen. Vol. I. B., 1898.
66. *Mai A.* Classicorum auctorum a Vaticanis codicibus editorum. T. V. Roma, 1831.
67. *Malchi rhetoris excerpta* / Ed. J. Becker et G. B. Niehburus. Bonnae, 1829.
68. *Marci Valerii* Martialis Epigrammaton Libri / Rec. W. Gilbauri. Lipsiae, 1912.
69. *Marii Aventicensis* episcopi Chronicon / PL. T. 72. P., 1849. Col. 791–802. = MGH, Auctores antiquissimi. Vol. 11. B., 1894. P. 235–247.
70. *Marini G.* Papyri diplomatici raccolti ed illustrati dall'abate Gaetano Marini. Roma, 1805.
71. Ex Historia Menandri Protectoris Excerpta // Dexippi, Eunapii, Petri, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt. Bonnae, 1829. P. 279–444.
72. Monumenta ad Neapolitani ducatus historiam pertinentia / Ed. M. Caspasso. T. I. Napoli, 1880.
73. *Muratori L.* De artibus italicorum post inclinationem Romani imperii // Antiquitates Italicae Medii Aevi... T. II. Dissertatio XXIV. Col. 365–388.
74. *Sancti Nicephoro* Patriarchae Constantinopolitani Breviarium rerum post Mauricium gestarum / Ed. J. Bekker. Bonnae, 1837.
75. Notitia Dignitatum et administrationum omnium tam civilium, quam militarium in partibus Orientis et Occidentis / Rec. E. Böcking. T. I. Bonnae, 1839.
76. Octavi saeculi ecclesiastici scriptores maxima ex parte recensentur // PL. T. 89. P., 1850.
77. Origo gentis langobardorum // Scriptores rerum langobardicarum... P. 1–7.
78. *Orosii* historiarum adversus paganos libri septem / Ed. C. Zangemeister // Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, Vindobonae, 1882.
79. *Patrone C. M.* Le iscrizioni bizantini di Ravenna // Atti e memorie della R. Deputazione di Storia Patria per le provincie di Romagna, Ser. 9-e, 1909. P. 366 seqq.
80. *Passio S. Apollinarii* // Acta Sanctorum, Jul. V. Antwerpiae, 1727.
81. *Pauli Diaconi* Historia gentis langobardorum // Scriptores rerum langobardicarum... P. 12–187.
82. *Photius*. Bibliothéque / Ed. P. Henry. T. III. P., 1962.
83. Placitum de Rizzano // Manaresi C. I. Placiti dell «Regnum Italiae» (Istituto storico italiano per il Medio Evo. Fonti per la storia d'Italia, v. I, a. 776–995). Roma, 1955. P. 48–55.
84. *C. Plinii Caecilii Secundi* Epistolarum libri novem / Rec. M. Schuster. Lipsiae, 1958.
85. *Procopii Caesariensis* Opera Omnia / Rec. J. Hauri. Vol. I–IV. Lipsiae, 1963.

86. *Prosperi Aquitanensis Continuator Havniensis* / Ed. Th. Mommsen // MGH, *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. Vol. I. B., 1892. P. 298–339.
87. *Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica* / Ed. M. Pinder, G. Parthey. B., 1962.
88. Der Rotulus von Ravenna, nach seiner Herkunft und seiner Bedeutung für die Liturgiegeschichte, kritisch untersucht von P. Suitbert Benz. (Liturgiegeschichtliche Quellen und Forschungen. Heft. 45). München, 1967.
89. *Rustici Contra Acephalos disputatio* // PL. T. 67. P., 1865. Col. 1167–1254.
90. *Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantine*. P., 1884.
91. *Scriptorum ecclesiasticorum qui in VII saeculi secunda parte floruerunt opera omnia* // PL. T. 87. P., 1851.
92. *Scholion sive Hypomnesticum* // PL. T. 129. P., 1853. Col. 681–690 = PG, T. 90. P., 1860. Col. 193–202.
93. *The Geography of Strabo* / With engl. transl. by H. L. Jones. T. 1–8. L., 1949.
94. *Theodosiani libri XVI constitutionibus...* Vol. 1–2. B., 1905.
95. *Theophanis Chronographia* / Rec. De Boor C. Vol. I–II. Lipsiae, 1883.
96. *Theophylacti Simocattae Historiae* / Ed. De Boor C. Lipsiae, 1887.
97. *Thiel A. Epistolae Romanorum pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a S. Hilario usque ad Pelagium II*. Brunsbergae, 1867.
98. *Tjäder J.-O. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700*. Bd. I. Lund, 1955 — Bd. II. Stockholm, 1982.
99. *Troja C. Codice diplomatico longobardo*. T. I–IV. Napoli, 1852–1854.
100. *Die Turiner Institutionsglosse* / Ed. R. Krüger // *Zeitschrift für Rechtsgeschichte*, Bd. VII. Weimar, 1868. S. 44–78.
101. *Versus Romae* // *Poetae Latini Aevi Carolini*. Rec. L. Traube. T. III. B., 1886. P. 554–556.
102. *Zachariae von Lingenthal K. E. Die griechischen Scholien der rescribirten Handschrift des Codex in der Bibliothek des Domkapitels zu Verona* // *Zachariae von Lingenthal K. E. Kleine Schriften zur Römischen und Byzantinischen Rechtsgeschichte*. Bd. 1. Lpz., 1973, S. 313–355.
103. *Zacos G. and Veglerly A. Byzantine Lead Seals*. T. I. Basel, 1972.
104. Письма римских пап: Пелагия II, Феодора I, Мартина I, Виталиана I, Григория III, Захарии I, Стефана II, Павла I приводятся по изд.: *Mansi J. D. Sacrorum conciliorum collectio nova et amplissima*. T. VII–XII. P., 1901; *Migne J. Patrologiae cursus completus...* Series latina. T. 72, 80, 87, 89. P., 1849–1851.
105. Текст лангобардско-византийского торгового договора 715 г. приводится по изд.: *Hartmann L. M. Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens in frühen Mittelalter*. *Analekten*. Gotha, 1904. S. 74–90.

ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1981.
2. Антониадис-Бибуку Э., Гийу А. Византийская и поствизантийская община // Византийский временник, 1988, Т. 49. С. 24–39.
3. Арутюнова-Фиданян В. А. Административные перемены на Востоке Византии в X–XI вв. (К вопросу о «кризисе» фемного строя) // Византийский временник, 44, 1983. С. 68–80.
4. Она же. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
5. Бешевлиев В. Първобългари. История. София, 1984.
6. Бицилли П. Падение Римской империи. Одесса, 1919.
7. Бородин О. Р. Аграрная топография Равеннского экзархата и Пентаполя в раннее Средневековье // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и Средневековья / Под ред. Т. С. Осиповой. М., 1985. С. 60–78.
8. Он же. Взаимоотношения равенских архиепископов и светской власти в V–IX вв. // Вопросы истории. Межведомственный сборник. Вып. 8. Минск, 1981. С. 121–128.
9. Он же. Византийская Италия в борьбе за независимость // Встречи с историей: Научно-популярные очерки. М., 1988. С. 16–24.
10. Он же. Византийская Италия в VI–VIII веках. (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991.
11. Он же. Греко-восточная диаспора в Равенском экзархате и Пентаполе // Античная древность и Средние века. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. С. 39–50.
12. Он же. Городская курия в Равенне в эпоху раннего Средневековья // Проблемы истории античности и Средних веков / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1980. С. 45–64.
13. Он же. «За всех, на чью долю выпал рабский удел» // И живы памятью столетий. Очерки о вождях народных движений в средневековой Европе. Минск, 1987. С. 11–30.
14. Он же. Инвектива «Против Рима» — памятник средневековой политической поэзии // Средние века. Т. 52. 1989. С. 193–207.
15. Он же. Итальянский историк IX в. Агнелл из Равенны и его мировоззрение // Проблемы истории античности и Средних веков / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1981. С. 49–66.
16. Он же. «Космография» Равеннского Анонима (к вопросу о ее месте в истории географической науки) // Византийский временник. Т. 43. 1982. С. 54–63.
17. Он же. О времени возникновения Равеннского экзархата // Византийские очерки. М., 1982. С. 54–70.
18. Он же. Памятники права в Равенском экзархате // Византийские очерки. М., 1991. С. 45–59.

19. *Он же*. Папская курия в идейно-политической борьбе за восстановление империи на Западе // Идейно-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. С. 69–84.

20. *Он же*. Поэтическая традиция Византийской Италии VI–VII вв. под воздействием социальных процессов // Византийский временник, 58, 1998. С. 15–21.

21. *Он же*. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991. С. 173–190.

22. *Он же*. Славяне в Италии и в Истрии в VI–VIII вв. // Византийский Временник, 44, 1983. С. 48–59.

23. *Он же*. Средневековые «Книги понтификов» — формирование историографического жанра // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 64–71.

24. *Он же*. Солдатское жалованье («руга») в войске Равеннского экзарха // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 18–22.

25. *Он же*. Церковно-политическая борьба в Византии VII в. и «дело» римского папы Мартина I // Византийский Временник, 52, 1991. С. 47–56; 53, 1992. С. 80–88.

26. *Он же*. Эволюция войска в Византийской Италии в VI–VIII вв. (военно-организационный аспект) // Византийский Временник, 46, 1986. С. 124–138.

27. *Он же*. Эволюция муниципального устройства в Северо-Восточной Италии в эпоху византийского господства // Античность и раннее Средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Нижний Новгород, 1991. С. 113–127.

28. *Он же*. Экономические противоречия в среде равеннского духовенства в VI–VIII вв. // Византийский Временник, 56(81), 1996. С. 32–44.

29. *Брун М.* Византийцы в Южной Италии в IX–X вв. Очерки из истории византийской культуры. Одесса, 1883.

30. *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. Меры в защиту крестьянского землевладения // Он же. Труды. Т. 4. Л., 1930. С. 250–331.

31. *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880.

32. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.

33. *Гутнова Е. В., Удальцова З. В.* Генезис феодализма в странах Европы // XIII Международный конгресс исторических наук (Москва, 16–23 августа 1970 г.). Доклады Конгресса. Т. I, Ч. 4. М., 1973. С. 5–33.

34. *Дворецкая И. А.* Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI–VIII веков. Спецкурс. М., 1982.

35. *Она же*. Из Паннонии в Италию. (Христианизация завоевателей и генезис варварской государственности в Италии VI–VIII вв.) // Античность и раннее Средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы... С. 132–136.

36. *Она же.* Формирование политической идеологии в раннефеодальной Италии VII–VIII вв. Учеб. пособие. М., 1984.
37. *Диллигенский Г. Г.* Северная Африка в IV–V веках. М., 1961.
38. *Ковачевич Ж.* Аварски каганат. Београд, 1977.
39. *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования контактных зон в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 158–184.
40. *Корсунский А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
41. *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
42. *Котельникова Л. А.* Городская община в Северной и Средней Италии в VIII–X вв.: действительность раннего Средневековья и античные традиции // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Вып. 2. Горький, 1975.
43. *Она же.* Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века, Т. 38. 1975. С. 100–115.
44. *Она же.* Либеллярии Северной и Средней Италии в VIII–X вв. (К вопросу об образовании зависимого итальянского крестьянства) // Средние века. Т. X. 1957. С. 81–100.
45. *Она же.* Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М., 1987.
46. *Кудрявцев П. Н.* Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до ее восстановления Карлом Великим. М., 1860.
47. *Кувев К.* Към въпроса за титлата «екзарх» в старобългарската литература // Известия за института за история. Т. 14–15. София, 1964. С. 325–346.
48. *Кузицин В. И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии. М., 1976.
49. *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. I–III. Киев, 1910–1915.
50. *Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е.* Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
51. *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии конца IX–X в. // Византийские очерки. М., 1971. С. 87–97.
52. *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. I. М., 1947.
53. *Он же.* Равенские мозаики // Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971.
54. *Левченко М. В.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VII вв. // Византийский сборник. М.–Л., 1945. С. 12–95.
55. *Левандовский А. П.* Карл Великий. Через империю к Европе. М., 1995.
56. *Литавин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI веках. М., 1977.
57. *Луццато Дж.* Экономическая история Италии. М., 1954.
58. *Лыс Д. П.* Рост политической роли римской церкви в период понтификата Григория I (590–604) // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. Сборник трудов. М., 1974. С. 79–121.

59. Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. Т. 31. 1968. С. 9–16.
60. Ляпустин Б. С. Ткацкое ремесло в Помпеях // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1980. С. 15–27.
61. Наследова Р. А. Ремесло и торговля в Фессалонике конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты // Византийский Временник, VIII, 1956. С. 61–84.
62. Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956.
63. Он же. От античности к Средневековью // История Италии. Т. I. М., 1970. С. 9–70.
64. Он же. Собственность и свобода по варварским правдам // Он же. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 35–210.
65. Острогорски Г. Автократор и самодержац // Он же. Сабрана дела. Кн. IV. Београд, 1970.
66. Он же. Время постанка тематског уређења // Он же. Сабрана дела. Кн. III. Београд, 1970. С. 120–129.
67. Он же. Историја Византије. Београд. 1959.
68. Он же. Равенски егзархат и постанак византијских тема // Он же. Сабрана дела. Кн. III. С. 130–140.
69. Ронин В. К. Византия в системе внешнеполитических представлений раннекаролингских писателей // Византийский Временник, 47, 1986. С. 85–94.
70. Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958.
71. Сидоров А. И. «Монофелитская» уния по свидетельству «Повествования о делах армянских» // Историко-филологический журнал. Т. 3. Ереван, 1988. С. 161–165.
72. Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
73. Сюзюмов М. Я. Введение к изд. «Византийская книга епарха». М., 1962.
74. Он же. Роль городов-эмпориев в истории Византии // Византийский Временник, VIII, 1956. С. 26–41.
75. Он же. Экономика пригородов византийских крупных городов // Византийский Временник, XI, 1960. С. 55–81.
76. Сорочан С. Б. Византия IV–X веков. Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 1998.
77. Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
78. Она же. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания // Византийский Временник, XI, 1956. С. 29–54.
79. Она же. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. № 3. 1958. С. 21–57.

80. *Она же*. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане // Византийский Временник, VI, 1953. С. 88–112.
81. *Она же*. Прагматическая Санкция Юстиниана об устройстве Италии // Советская археология, XXVIII. 1957. С. 317–332.
82. *Она же*. Рабство и колонат в византийской Италии во второй половине VI–VII вв. (Преимущественно по данным равенских папирусов) // Византийские очерки. М., 1961. С. 93–120.
83. *Она же*. Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы // Византийский Временник, XIII, 1958. С. 9–27.
84. *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V — середина VII века). М., 1989.
85. *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. 6. София, 1900. С. 154 след.
86. *Он же*. История Византийской империи. Т. I. СПб., Б. г.
87. *Ферлуга J.* Ниже војно-административно единице тематског уређење. Прилог изучавању тематског уређења од VII до X века // Зборник радова. Византолошки институт, XXXVI, 2. Београд, 1953. С. 61–98.
88. *Хвостова К. В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.
89. *Шаскольский П. Б.* Роль римской церкви в обороне Италии в эпоху нашествия Лангобардов // К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса. Сборник статей его учеников. СПб., 1911. С. 341–393.
90. *Шапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1973.
91. *Ястребицкая А. Л.* Основные проблемы средневекового города в освещении современной буржуазной медиэвистики // Средние века. Т. 43. 1980.
- * * *
92. *Åberg N.* Die Goten und Langobarden in Italien. (Arbeiten Utgifna med Understöd af Ekmans Universitetsfond, Uppsala). Uppsala—Haag—Leipzig—Paris, 1923.
93. *Idem.* The Occident and the Orient in the Art of Seventh Century. Т. II. Longobard Italy. Stockholm, 1945.
94. *Adelson H. L.* Light Weight Solidi and Byzantine Trade during the Sixth and Seventh Centuries. New York, 1957.
95. *Alberti A.* Problemi relativi alla Glossa Torinese: la datazione e il luogo d'origine // Rivista di storia dell diritto italiano. Vol. 8. Roma, 1934. P. 33 sqq.
96. *Alberto L.* Discriptio totius Italiae. Basilia, 1556.
97. *Amadio G.* Toponomastica marchigiana. Ascoli Piceno, 1954–1957.
98. *Idem.* Toponomastica dell'Emilia. Napoli, 1957.
99. *Amelii L.* Compendio della storia di Bologna. Bologna, 1851.

100. *Antoniadis-Biblicou M.* Études d'histoire maritime à Byzance. A propos du Thème du Caravásiens. P., 1966.
101. *Arbois de Jubainville H. de.* Recherches sur l'origine de la propriété foncière et des noms des lieux habités en France (période celtique et période romaine). P., 1890.
102. *Baronius C.* Annales ecclesiastici. T. 7–9. Anvers, 1685.
103. *Batiffol P.* Saint Gregoire le Grand. P., 1928.
104. *Baye J., de.* Étude archéologique. Époque des invasions barbares. Industrie longobarde. P., 1888.
105. *Beck H. G.* Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz // Revue des études byzantines, 24 (Mélanges V. Grümel, I). P., 1966. S. 1–24.
106. *Bellini L.* Le saline dell'antica delta padana. Ferrara, 1962.
107. *Beloch K. J.* Bevölkerungsgeschichte Italiens. Bd. I–II. B., 1939.
108. *Benussi B.* Nel Medio Evo. Pagine di storia istriana. Parenzo, 1897.
109. *Berti G.* Antichi porti militari e commerciale, antico andamento del mare e dei fiumi e minori porti ed approdi nel circondario di Ravenna. Roma, 1879.
110. *Bertolini O.* I papi e le relazioni politiche di Roma con i ducati longobardi di Spoleto e di Benevento. III. Il secolo VIII: da Giovanni VI (701–705) a Gregorio II (715–731) // Rivista di storia della Chiesa in Italia, 9, 1935. P. 10–12.
111. *Idem.* Il Patrizio Isacio esarca d'Italia (625–643) // Atti del II Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medioevo. Spoleto 1952–1953. P. 117–120.
112. *Idem.* Il problema cronologico dell'ingresso dei Longobardi in Italia // Atti del Convegno di Studi Longobardi (Udine-Cividale, 15–18 maggio 1969). Udine, 1969. P. 29–48.
113. *Idem.* Roma di fronte a Bizanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941.
114. *Idem.* Roma e i longobardi. Città di Castello, 1972.
115. *Idem.* Sergio arcivescovo di Ravenna (744–769) e i papi del suo tempo // Studi Romagnoli, I. Faenza, 1950. P. 43–88.
116. *Blondii Flavii Forlivensis Historiarum ab inclinitate Romanorum Decades. Venetiis, 1484.*
117. *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. I–IV. Lpz., 1874–1887.
118. *Bo V.* Il ruolo dei fedeli nelle elezioni vescovili tra il VI e il X secolo // Idea. A. 29, № 2. Roma, 1973. P. 33–39.
119. *Boak A. E. R.* Manpower Shortage and the Fall of Roman Empire in the West. London—Oxford, 1955.
120. *Böhmer F.* Petrus Chrisologus als Prediger. Paderborn, 1919.
121. *Bonfante G.* Latini e Germani in Italia. Brescia, 1965.
122. *Borghesi P.* La Riconquista Bizantina e vicende posteriori fino alla distruzione di Modena (573–589). Modena, 1941.
123. *Borsari S.* Il monachesimo bizantino nella Sicilia e nell'Italia meridionale prenormana. Napoli, 1963.
124. *Bovini G.* Giuliano l'argentario il munifico fondatore di chiese ravennati // Felix Ravenna. 4 ser (CI), 1970. P. 125–150.

125. *Idem.* Massimiano di Pola, archivescovo di Ravenna // Felix Ravenna, LXXIV, 1957. P. 5–27.
126. *Boyd C. E.* Tithes and Parishes in Medieval Italy. The Historical Roots of a Modern Problem. Ithaca, New York, 1965.
127. *Brennan B.* Venantius Fortunatus: Byzantine Agent? // Byzantion, 65, 1995. P. 7–16.
128. *Brill J.* Der «Liber Pontificalis» des Agnellus. Diss. phil. Münster, 1974.
129. *Brown T. S.* Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. A. D. 554–800. Rome, 1984.
130. *Idem.* Ethnic Independence and Cultural Deference: the Attitude of the Lombard Principalities to Byzantium c. 876–1077 // Byzantinoslavica, LIV, 1. Praha, 1993. P. 5–12.
131. *Burn-Murdoch H.* The Development of the Papacy. L., 1955.
132. *Buzzi G.* La Curia arcivescovile e la Curia cittadina di Ravenna dall 850 al 1118 // Bulletino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano. Vol. XXXV. Roma, 1915. P. 7–187.
133. Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies. Ed. by J. Shepard, S. Franklin. Aldershot, 1992.
134. *Cagiano de Azevedo M.* Note sul «limes greco» verso i longobardi // Vetera Christianorum, a. 10. Bari, 1973. P. 351–360.
135. *Idem.* Principal Roman and Byzantine Monuments // European Towns. Their Archeology and Early History. London—New-York—San-Francisco, 1977. P. 481–487.
136. *Cagnoni A.* Il porto di Ravenna. Ravenna, 1951.
137. *Cagnoni P.* Le bonifiche della provincia di Ravenna. Cenno storico. Ravenna, 1925.
138. *Calasso F.* Medio Evo del Diritto. Vol. 1. Le fonti. Milano, 1954.
139. *Calisse C.* Il governo dei Bizantini in Italia. Roma, 1885.
140. *Cantu C.* Storia della città e della diocesi di Como. Vol. I. Firenze, 1856.
141. *Cappello G.* Gregorio I e il suo pontificato (590–604). Saluzzo, 1904.
142. *Caprin G.* L'Istria nobilissima. Parte I. Trieste, 1905.
143. *Carile A.* L'area alto-adriatica nella politica bizantina fra VII e IX secolo // La civiltà comacchiese e pomposiana dalle origini preistoriche al tardo medioevo. Atti del Convegno Nazionale di studi storici Comacchio 1984. Bologna, 1986. P. 377–400.
144. *Idem.* Continuità e mutamento nei ceti dirigenti dell'Esarcato fra VIII e IX secolo // Atti del Convegno «Istituzioni e società nell'alto medioevo marchigiano». Ancona, 1983. P. 115–145.
145. *Idem.* Dall V all'VIII secolo // Storia dell' Emilia-Romagna. A cura di A. Berselli. Bologna, 1976. P. 333–363.
146. *Idem.* L'iconoclasmo fra Bisanzio e l'Italia // Culto dei immagini e crisi iconoclasto. Palermo, 1986. P. 13–54.
147. *Idem.* Introduzione alla storia bizantina. Bologna, 1988.
148. *Idem.* Materiali di storia bizantina. Bologna, 1994.

149. *Idem*. La presenza bizantina nell'alto Adriatico fra VII e IX secolo // *Antichità Altoadriatiche*, 27, 1985, Studi Iesolani. P. 107–109.
150. *Idem*. Terre militari, funzioni e titoli bizantini nel «Breviarum» // *Ricerche e studi sul «Breviarum Ecclesiae Ravennatis»* (Codice Bavano). Istituto storico Italiano per il Medio Evo. Studi storici, fasc. 148–149. Roma, 1985. P. 81–94.
151. *Carile A., Fedalto G.* Le origini di Venezia. Bologna, 1978.
152. *Carli F.* Storia del commercio italiano. Il mercato nell'alto medio evo. T. I. Padova, 1934.
153. *Carlton Ch. M.* A Linguistic Analysis of a Collection of Late Latin Documents Composed in Ravenna between A. D. 445–700. A Quantitative Approach. Hague—Paris, 1973.
154. *Casadei E.* La città di Forlì e i suoi dintorni. Forlì, 1928.
155. *Caspar E.* Geschichte des Papsttums. Bd. I–II. Tübingen, 1933.
156. *Idem*. Die Lateransynod von 649 // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. Bd. 51. Stuttgart—Gotha, 1932. S. 24–53.
157. *Castagnetti A.* L'organizzazione del territorio rurale nel medioevo. Circoscrizioni ecclesiastiche e civili nella «Longobardia» e nella «Romania». Torino, 1979.
158. *Cessi R.* La crisi dell'Esarcato Ravennate agli inizi dell'iconoclasta // *Atti dell'Istituto Veneto di scienze, lettere e arti, classe di scienze morali e lettere*, XCIII, Parte II. Venezia, 1933–1934. P. 1671–1685.
159. *Chiaromonti S.* Caesena historia. Cesena, 1640.
160. *Chilver G. E. F.* Cisalpine Gaul. Social and Economic History from 49 B. C. to the Death of Trajan. Oxford, 1941.
161. *Christie N.* Byzantine Liguria: an imperial province against the lombards. A. D. 568–643 // *Papers of the British School at Rome*, 58 (NS. 45), 1990. P. 229–271.
162. *Christou K. P.* Byzanz und die Langobarden. Von der Ansiedlung in Pannonien bis zur endgültigen Anerkennung (500–680). Athen, 1991.
163. *Ciccotti E.* Il tramonto della schiavitù nel mondo antico. Udine, 1940.
164. *Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz. Die Begründung des karolingischen Kaisertums. Sigmaringen, 1985.
165. *Coelestin Vivell P.* Vom Musik-Traktate Gregor's des Grossen. Eine Untersuchung über Gregor's Autorschaft und über den Inhalt der Schrift. Lpz., 1911.
166. *Cohn H.* Die Stellung der byzantinischen Statthalter in Ober-und-Mittel-Italien (540–751). B., 1889.
167. *Colossanti A.* L'arte bizantina in Italia. Milano, 1912.
168. *Conrat M.* Geschichte der Quellen und Literatur des Römischen Rechts im früheren Mittelalters. Bd. I. Lpz., 1891.
169. *Conti P. M.* «Devotio» e «viri devoti» in Italia da Diocleziano ai Carolingi. Padova, 1971.
170. *Idem*. Limiti urbani ed organizzazione difensiva nell'Italia tardo-antica e altomedievale // *Storiografia e Storia*. Studi in onore di Eugenio Duprè-Theseider. T. II. Roma, 1974. P. 561–572.

171. *Constantelos D.* Byzantine Philantropy and Social Welfare. New Brunswick, 1968.
172. *Corradi-Cervi M.* Il commercio e l'industria di lane nell'Emilia Occidentale durante l'antichità // Archivio storico per la province Parmensi, Ser. III. Vol. 4. Parma, 1939. P. 45-49.
173. *Cosentino S.* L'iscrizione ravennate dell'esarca Isacio e le guerre di Rotari // Deputazione di storia patria per le antiche province Modenesi. Atti e memorie, Ser. XI. Vol. 11. 1993. P. 23-43.
174. *Croce W.* Die Adventsliurgie im Lichte ihrer geschichtlichen Entwicklung // Zeitschrift für katholische Theologie. Bd. 76. 1954. S. 268 flg.
175. *Crosara F.* La «Concordia inter Clericos et Laicos de Ravenna» negli Statuti di Ostasio di Polenta // Studi Romagnoli. Vol. III. 1952. P. 34-61.
176. *Idem.* L'enfituesi della Grecia all'Esarcato // Atti dell'VIII Congresso internazionale di studi bizantini. Vol. II. Palermo-Roma, 1951-1953. P. 291-292.
177. *Idem.* Le «scole» ravennate dell'alto Medioevo e la Carta piscatoria del 943 // Archivio giuridico «Filippo Serafini». T. CXXXVII. fasc. I. Modena, 1949. P. 33-65; fasc. II. P. 9-42.
178. *D'Amico V.* Bulgari transmigrati in Italia nei secoli VI e VII dell'era volgare. Loro speciale diffusione nel Sannio. Campobasso, 1933.
179. *Idem.* Importanza della immigrazione dei Bulgari nella Italia Meridionale al tempo dei Longobardi e Bizantini // Atti del 3 Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medio Evo. Spoleto, 1959. P. 369-378.
180. *Dal Corno T. F.* Ravenna dominante Sede d'Imperatori, Re et Esarchi. Ravenna, 1715.
181. *Dal Pozzo U.* Storia di Faenza dalle orgini a noi. Imola, 1916.
182. *Dalton O. M.* Byzantine Art and Archeology. Oxford, 1911.
183. *Darkó E.* Influènces touraniènnes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins // Byzantion, 10, 1935. P. 443-469 e 12, 1937. P. 119-147.
184. *Idem.* La militarizzazione dell'Imperio Bizantino // Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini, I. Roma, 1939. P. 88-99.
185. *Degrassi A.* L'esportazione di olive istriane in età romana // Atti e Memorie della Società Istriana di archeologia e storia patria. Vol IV, fasc. 5. Venezia, 1956. P. 104-112.
186. *Delogu P., Guillou A., Ortalli G.* Longobardi e Bizantini. (Storia d'Italia, diretta da G. Galasso. Vol. 1). Torino, 1980.
187. *Delperrière de Bayac J.* Charlemagne. P., 1976.
188. *Demougeot E.* De l'unité à la division de l'Empire Romain. 395-410. Essai sur le gouvernement imperial. P., 1951.
189. *Devoto G.* Il linguaggio d'Italia. Storia e strutture linguistiche italiane dalla preistoria ai nostri giorni. Milano, 1974.
190. *Idem.* The Languages of Italy. Chicago and London, 1978.
191. *Diehl Ch.* L'Afrique Byzantine. Histoire de la Domination Byzantine en Afrique (533-709). Vol. 1-2. N.-Y., 1952.

192. *Idem*. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568-751). P., 1888.
193. *Idem*. La republique de Venice. P., 1967.
194. *Diehls H.-J.* Feudale Elemente im Byzantinischen Italien // Studien des Feudalismus (Berliner Byzantinische Arbeiten, Bd. 47). B., 1976. S. 43-49.
195. *Dölger F.* Die byzantinische und byzantinisch beeinflusste Städte (V-VII Jahrhundert) // Atti del 3 Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medioevo. Spoleto, 1959. P. 65-100.
196. *Dölger F.* Europas Gestaltung im Spiegel des frankisch-bizantinischen Auseinandersetzung des 9. Jahrhundert // Vertrag von Verdun. 843 / Herausg. von Th. Mayer. Lpz., 1943.
197. *Doren A.* Italianische Wirtschaftsgeschichte (Handbuch der Wirtschaftsge-
schichte / Herausgegeben von G. Brodnitz). Bd. I. Jena, 1934.
198. *Dublèd H.* Mancipium au Moyen Age // Revue du Moyen Age Latin, Strassbourg, 1949. T. 5. P. 51-56.
199. *Dudden H. F.* Gregory the Great, his Place in History and Thought. Vol. I-II. L., 1905.
200. *Dujcev I.* I rapporti fra la Calabria e la Bulgaria nel Medioevo // Atti del 4 Congresso storico calabrese. Napoli, 1969. P. 235-250.
201. *Duprè-Thesieder E.* La questione dell'autocefalia della Chiesa di Ravenna // Corsi di coltura sull'arte ravennate e bizantina, II, fasc. II. Ravenna-Faenza, 1957. P. 65-66.
202. *Idem*. Vescovi e città nell'Italia precomunale // Vescovi e diocesi in Italia nel Medioevo (sec. IX-XIII). Atti del II Convegno di Storia della Chiesa in Italia (Roma, 5-9 sett. 1961), Padova, 1964. P. 55-109.
203. *Duranti E.* Lo statuto municipale di Ravenna in età romana // Felix Ravenna, Ser. 3, Fasc. 39(90), 1964. P. 49-83.
204. *Ennen E.* Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1972.
205. *Emerceau A.* Apocrisiaries et Apocrisariat: notion de l'apocrisariat: ses variétés à travers l'histoire // Echos d'Orient. T. 17. 1914-1915. P. 141-154.
206. *Ensslin W.* Der Kaiser Herakleios und die Themenverfassung // Byzanti-
nische Zeitschrift, 46 (1953). S. 362-368.
207. *Erdmann C.* Forschungen zum politischen Ideenwelt des Frühmittelalters. B., 1951.
208. *Fabri D.* Le sagre memorie di Ravenna antica. Venetia, 1664.
209. *Falco G.* La Santa Romana Respublica. Profilo storico del Medio Evo. Napoli, 1954.
210. *Farbe F.* Les colonies l'Eglise Romaine au VI siècle // Revue d'histoire et de litterature religieuse. Vol. I. 1896. P. 74-91.
211. *Farioli R.* Ravenna paleochristiana scomparsa // Felix Ravenna, Ser. 3. T. 32(83), 1961. P. 5-88.
212. *Eadem.* Chiarificazioni sulla topografia delle necropoli pagane e delle aree cimiteriale cristiane nella zona di Classe (Ravenna) // Atti di I Congres-

so internazionale di archeologia dell'Italia Settentrionale. Vol. I. Torino, 1961. P. 79-92.

213. *Fasoli G.* Aspetti di vita economica e sociale nell'Italia del secolo VII // Settimani di studio del Centro Italiano sull'Alto Medio Evo. T. I. Spoleto, 1958. P. 103-159.

214. *Eadem.* Il dominio territoriale degli arcivescovi di Ravenna fra l'VIII e l'IX secolo // I poteri temporali dei vescovi in Italia e in Germania del Medio Evo / Ed. G.-G. Mor e H. Schmiedungen. Bologna, 1979. P. 87-140.

215. *Eadem.* I Longobardi in Italia. Bologna, 1956.

216. *Eadem.* Trace dell'occupazione longobarda nell'Esarcato // Atti e Memorie dell'Deputazione di Storia Patria per le province di Romagna, NS, III. Bologna, 1951-53. P. 33-55.

217. *Fasoli G. e Bocchi F.* La città medievale italiana. Firenze, 1973.

218. *Feliciangelli B.* Longobardi e Bizantini lungo la Via Flaminia appunti di corographia storica. Camerino, 1908.

219. *Ferrai L.* Agnello Ravennate e il Pontificale Ambrosiano // Archivio storico lombardo, Ser. III. Vol. III. Milano, 1895. P. 277-302.

220. *Ferrini C.* Della origini della Parafrasi Greca delle Istituzioni // Archivio Giuridico «Filippo Serafini», XXXVII. Pisa, 1886, P. 353-414.

221. *Fichtenau H.* Das Karolingische Imperium. Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches. Zürich, 1949.

222. *Fink von Finkenstein A.* Röm zwischen Byzanz und den Franken in der ersten Hälfte des 8. Jahrhundert // Festschrift für E. Hlawitschka zum 65. Geburtstag / Hrsg. K. R. Schnitz und R. Pauler. München, 1993, S. 23-36.

223. *Flechia G.* Nomi locali del Napoletano // Atti dell' Accademia delle scienze di Torino. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Vol. X, 1974-1975. P. 58 seqq.

224. *Folz P.* L'idée d'empire en Occident du Ve du XIVe siècle. (Collection historique sous la direction de Paul Lemérle). P., 1953.

225. *Idem.* Le Couronnement imperial de Charlemagne. 25 décembre 800. S. l., 1964.

226. *Fournial E.* Histoire monétaire de l'Occident médiéval. P., 1970.

227. *Fumagali V.* Terra e società nell'Italia padana. I secoli IX e X (Piccola biblioteca Einaudi. Storia, Geografia, 267). Torino, 1976.

228. *Galanti A.* I Tedeschi sul versante meridionale delle Alpi. Roma, 1885.

229. *Gammilscheg E.* Romania Germanica. Sprach-und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des Alten Römerreichs. Bd. I-II. B.—Lpz., 1936.

230. *Gasquet A.* De translatione imperii ab Imperatoribus Byzantinis ad Reges Francorum. Clermont-Ferrand, 1879.

231. *Gatti Crosara G.* Tesori ravennati al estero: Il Liber traditionum detto «Codice Bavaro» // Felix Ravenna, fasc. 3, 1950. P. 43-53.

232. *Gay L.* L'Italie Meridionale et l'Empire Byzantine (Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome, 40). P., 1904.

233. *Gelzer G.* Genesis der byzantinischen Themenordnung // Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XVIII. Lpz., 1899.

234. *Gerland E.* Die Grundlagen der byzantinischen Geschichtsschreibung // Bizantion, T. VIII. Bruxelles, 1933.

235. *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. IV–VI. L., 1814.

236. *Glycatzi-Arweiler H.* Byzance et la mer: la marine de guerre, la politique et les institution maritimes aux VI–XV siècles. P., 1966.

237. *Eadem.* Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantine au IX–XIe ss. P., 1960.

238. *Görres F.* Justitian II and das römische Pappstum // Byzantinische Zeitschrift, 17, 1906. S. 432–454.

239. *Granzin M.* Die Arengen. Einleitungsformel des frühmittelalterlichen Urkunde. Studien zu ihrer Entstehung, Verwendung und kunstmässigen Behandlung. Inaug.-Diss. Torgau, 1930.

240. *Gregorovius F.* Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Stuttgart, 1859. S. 171–172.

241. *Idem.* Die Grabdenkmäler der Papste. Marksteine der Geschichte des Pappstums. Lpz., 1881.

242. *Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ.* Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Θεσσαλονίκη, 1985.

243. *Grillantini G.* Storia di Osimo. Vol. I–II. Pinerolo, 1957.

244. *Grizar H.* Rundgang durch die Patrimonium des Heiliges Stuhles in das Jahr 600 // Zeitschrift für Katholische Theologie. Bd. I. Innsbruck, 1877. S. 321–360.

245. *Idem.* Una vittima del despotismo bizantino. Papa S. Martino I (649–654/655) // Civiltà cattolica, LVIII. Roma, 1907. P. 272–275, 656–666.

246. *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinische Themenverfassung. B., 1920.

247. *Gründmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter: Gattungen-Epochen-Eigenart. Göttingen, 1978.

248. *Guilland R.* Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantine. Les termes désignant le commandant en chef des armées byzantines // Revue des études byzantines, 29, 1959.

249. *Idem.* Recherches sur l'administrations byzantines. Vol. I–II. Berlin—Amsterdam, 1967.

250. *Guillou A.* La Civilisation Byzantine (Collection des grandes civilisations, dirigée par R. Bloch). P., 1974.

251. *Idem.* Demography and Culture in the Exarchate of Ravenna // idem. Studies on Byzantine Italy. L., 1970, III. P. 210–217.

252. *Idem.* Des collectivité rurales à la collectivité urbain en Italie Meridionale Byzantine (VI–XI ss.) // Idem. Culture et Société en Italie Bizantine (VI–XIe siècles). L., 1978, XIV. P. 315–325.

253. *Idem.* L'école dans l'Italie Byzantine // *Idem.* Culture et Société... P. 291–311.
254. *Idem.* Esarcato e Pentapoli. Regione psicologica dell'Italia Bizantina // *Idem.* Studies on Byzantine Italy... II. P. 297–319.
255. *Idem.* L'évêque dans la société méditerranéenne du VIe–VIIe siècles. Un Modèle // *Idem.* Culture et société... P. 5–19.
256. *Idem.* L'Habitat nell'Italia bizantina. Esarcato, Sicilia, Catepanato (VII–XI sec.) // *Idem.* Culture e Società... V. P. 169–183.
257. *Idem.* Régionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantine au VIIe siècle. L'exemple de l'exarchat et de la Pentapole d'Italie. (Istituto storico italiano per Alto Medio Evo. Studi storici. Fasc. 75–76). Roma, 1972.
258. *Idem.* Migration et présence slaves en Italie du VIe en XIe siècle // *Idem.* Culture et Société... IV. P. 11–16.
259. *Guldenchrone D., de.* Italie Byzantine. Études sur le Haut Moyen Age. P., 1914.
260. *Guldenpenning A. und Ifland J.* Der Theodosius der Grosse. Ein Beitrag zur Römischen Kaiser Geschichte. Halle, 1878.
261. *Haacke R. M.* Röm und die Cäsaren. Geschichte des Cäsaropapismus. Düsseldorf, 1947.
262. *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. An Administrative Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984.
263. *Idem.* Recruitment and Conscription in Byzantine Army. 550–950. A Study on the Origins of Stratotica Ktemata. Wien, 1979.
264. *Halphen L.* Charlemagne and the Carolingian Empire. Amsterdam—New-York—Oxford, 1977.
265. *Hallenbeck J. T.* Pavia and Rome. The Lombard Monarchy and the Papacy in the Eighth Century. Philadelphia, 1982.
266. *Hannestad K.* L'évolution des ressources agricoles de l'Italie du 4 au 5 siècle de notre ère. København, 1962.
267. *Hartmann L. M.* Bemerkungen zum Codex Bavarus // *Idem.* Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens in frühen Mittelalter. Analekten, Gotha, 1904, S. 1–15.
268. *Idem.* Comacchio und der Po-Handel // *Idem.* Zur Wirtschaftsgeschichte... S. 74–90.
269. *Idem.* The Early Medieval State. Byzantium, Italy and the West. L., 1949.
270. *Idem.* Geschichte Italiens in Mittelalter. Bd. I–II. Gotha, 1897–1900.
271. *Idem.* Johannicius von Ravenna // Festschrift T. Gomperz. Wien, 1902, S. 319–323.
272. *Idem.* Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540–751). Lpz., 1889.
273. *Idem.* Zur Geschichte der Zünfte im frühen Mittelalter // *Idem.* Zur Wirtschaftsgeschichte... S. 16–42.
274. *Heldmann K.* Das Kaisertums Karls des Grossen. Theorien und Wirklichkeit. Weimar, 1928.

275. *Hendy M.* Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450. Cambridge, 1985.
276. *Herfurth C.* Aquileiae commercio. Halis Saxonum, 1889.
277. *Hessen O., von.* I ritrovamenti barbariche nelle collezioni civiche veronesi di Castelvecchio. Verona, 1968.
278. *Idem.* Die langobardische Keramik aus Italien. (Deutsche Archeologisches Institut, Röm.). Röm, 1970.
279. *Idem.* Primo contributo alla archeologia longobarda in Toscana. Le necropoli. Firenze, 1971.
280. *Idem.* Secondo contributo alla archeologia longobarda in Toscana. Reperti isolati e di provenienza incerta (Associazione Toscana di scienze e lettere «La Colombaria», Studi XLI). Firenze 1975.
281. *Hirschfeld B.* Die Gesta municipalia in römischen und frühgermanischen Zeit. Inaug.-Diss. Marburg, 1904.
282. *Hodgkin Th.* Italy and her Invaders. T. IV–VII. Oxford, 1891–95.
283. *Hoffmann D.* Der «Numerus Equitum Persojustinianorum» auf einer Mosaik-Inschrift von Sant'Eufimie in Grado // Aquileia Nostra, XXXIV, 1963. P. 81–98.
284. *Jaffe Ph.* Regesta Pontificum Romanorum. B., 1861.
285. *Jarut I.* Rezension: Christou K. P. Byzanz und die Langobarden. Von der Ansiedlung in Pannonien bis zur endgültigen Anerkennung (500–680). Athen, 1991 // Byzantinische Zeitschrift, Bd. 84–85, Heft. 2, 1991–1992. S. 531–532.
286. *Johne K.-P., Köhn J., Weber V.* Die Kolonen in Italien und den westlichen Provinzen des Römischen Reiches. Eine Untersuchung der literarischen und epigraphischen Quellen vom 2. Jahrhundert v. u. Z. bis zu Severen. B., 1983.
287. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. I–III. Oxford, 1964.
288. *Jones P. J.* L'Italia agraria nell'Alto Medioevo: problemi di cronologia e di continuità // Agricoltura e monde rurale in Occidente nell'Alto Medio Evo. Spoleto, 1966. P. 57–92.
289. *Jungmann J. K.* Kritische Geschichte des Exarchatus und Herzogthums Röm. Frankfurt, 1791.
290. *Kaegi W.* Byzantine Military Unrest. 471–843. An Interpretation. Amsterdam, 1981.
291. *Idem.* Some Reconsiderations on the Themes (Seventh-Ninth Centuries) // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft, XVI. Graz—Köln, 1967. P. 39–53.
292. *Karajannopulos J.* Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. (Südosteuropäische Arbeiten, 52). München, 1958.
293. *Idem.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959.
294. *Karl der Grosse.* Lebenswerk und Nachleben. Bd. I–II. Düsseldorf, 1957.
295. *Köbner R.* Venantius Fortunatus, seine Persönlichkeit und seine Stellung in der geistige Kultur des Merovinger-Reiches. Lpz., 1915;

296. *Lecrivain Ch.* Remarques sur les formules du Curator et de Defensor civitatis dans Cassiodore // Mélanges d'archéologie et d'histoire. P., a. IV, Fasc. 3-4, 1884. P. 133-138.
297. *Lehmann H.* Stand-Ort-Verlagerung und Funktionswandel der städtischen Zentren an der Po-Ebene // Sitzungsberichte der wissenschaftlichen Gesellschaft and der Johann Wolfgang Goethe-Universität, Frankfurt-am-Main. Bd. 2, № 3. Wiesbaden, 1963. S. 71-131.
298. *Leicht P. S.* Corporazioni romane e arti mediaveali (Saggi, IV). Torino, 1937.
299. *Idem.* Gasindii e Vassalli // Idem. Scritti vari di storia del diritto italiano. Vol. I. Milano, 1943. P. 183-197.
300. *Idem.* L'Origine delle Arti nell'Europa Occidentale // Rivista di storia e diritto italiano. T. VI. № 1, 1933.
301. *Idem.* Storia del diritto italiano. Milano, 1947.
302. *Lelewel J.* Geographie du Moyen Age. T. I. Bruxelles, 1852.
303. *Lemerle P.* Esquisse pour une histoire agraire de Byzance // Revue Historique, 219, 1958. P. 48-70.
304. *Lentz E.* Das Verhältnis Venedigs zu Byzanz nach dem Falle des Exarchatus bis zum Ausgang des 9. Jahrhunderts. B. 1891.
305. *Lewis W.* Formularbuch von Saint Denis // Neues Archiv. T. 41. Dresden, 1919, S. 300-312.
306. *Liebanam W.* Städteverwaltung im Römischen Kaiserreiche. Lpz., 1900.
307. *Idem.* Zur Geschichte und Organization des römischen Vereinswesens. Lpz., 1890.
308. *Llewellyn P.* Rome in the Dark Ages. L., 1970.
309. *Lo Bianco F. G.* Storia dei collegi artigiani dell'Impero. Bologna, 1934.
310. *Löning E.* Geschichte des deutschen Kirchenrechts. Bd. II. Strassburg, 1878.
311. *Lopez P. S.* Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. Bd. XX. 1945. P. 1-49.
312. *Löwe H.* Die Karolingische Reichsgründung und der Südosten. Studien zum Werden des Deutschtums und seiner Auseinandersetzung mit Röm. Stuttgart, 1937.
313. *Lot F.* Les invasions germanique. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain. P., 1935.
314. *Lüther P.* Röm und Ravenna bis zum 9. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Papstgeschichte, B., 1889.
315. *Magni C.* Ricerche sopra le elezioni episcopali in Italia durante l'Alto Medio Evo. Vol. 1-2, Roma, 1928-1930.
316. *Manitius M.* Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. I-III. München, 1964-1965.
317. *Mannoni T. e Poleggi E.* The Condition and Study of Historic Town Centres in North Italy // European Towns. Their Archeology and Early History. London-New York-San-Francisco, 1977. P. 219-241.
318. *Marazzi F.* Il conflitto fra Leone III Isaurico e il papato fra il 725 et il 733, e il «definitivo» inizio del medioevo a Roma: un ipotesi in discussione // Papers of the British School at Rome, 59, 1991. P. 231-257.

319. *Marcone A.* Dal contenimento all'insediamento. I Germani in Italia da Giuliano a Theodosio Magno // Germani in Italia / A cura di B. e P. Scardili. Roma, 1994. P. 239–252.
320. *Marquardt I.* Römische Staatsverwaltung. Bd. I–III. Darmstadt, 1957.
321. *Marušić B.* Istra v ranom srednjem vijeku. Arheološko-povijesni prikaz. Pula, 1960.
322. *Mazzotti M.* L'attività edilizia di Massimiano di Pola // Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina. T. II. Ravenna—Faenza, 1956. P. 75–79.
323. *Idem.* L'autocefalia della Chiesa di Ravenna (excursus storico) // Atti dei Convegni di Cesena a Ravenna. Vol. I. Cesena, 1969. P. 391–401.
324. *Idem.* Massimiano di Pola // Pagine Istriane, I, fasc. IV, 1950. P. 14–21.
325. *Idem.* Le pievi del territorio ravennate // Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina, T. IV, Fasc. I. Ravenna—Faenza, 1958, P. 63–83.
326. *Mauli J.* Le zecche nell'antica Ravenna (402/404–751) // Felix Ravenna, 3 ser., 33(84), 1961. P. 79–134.
327. *Medri A.* Faneza Romana. Bologna, 1943.
328. *Mengozzi G.* La città italiana nell'alto medio evo. Il periodo longobardo-franco. Roma, 1914.
329. *Menis G. C.* Storia del Friuli dalle origini alla caduta dello stato patriarcale (1420). Udine, 1976.
330. *Merlo F.* L'Italia odierna e le invasioni barbariche // Idem. Saggi Linguistici. Pisa, 1959. P. 189–202.
331. *Michael E.* Wann ist Papst Martin I bei seiner Exilierung nach Konstantinopel gekommen? // Zeitschrift für katholische Theologie. Bd. 16. 1892. S. 375–380.
332. *Miller K. J.* Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. Stuttgart, 1916.
333. *Milli G.* Storia cronologia della città di Perugia. Perugia, 1973.
334. *Mochi-Onory S.* Ricerche sui poteri civili dei vescovi nelle città Umbre durante il Medioevo. Bologna, 1933.
335. *Idem.* Vescovi e città (sec. IV–VI). Bologna, 1930.
336. *Mohr W.* Die Karolingische Reichsidee. Münster, 1962.
337. *Monaco G.* Oreficerie longobarde a Parma. Parma, 1935.
338. *Montanari G.* Massimiano arcivescovo di Ravenna (546–556) come committente // Studi Romagnoli, XLII. Faenza, 1991. P. 367–416.
339. *Montanaro M.* Cereali e legumi nell'Alto Medio Evo. Italia del Nord, secoli IX–X // Rivista storica italiana, a. LXXXVII, fasc. Napoli, 1975, III. P. 439–492.
340. *Montanelli I. e Gervasso R.* L'Italia dei secoli bui. Il Medio Evo sino al mille. Milano, 1965.
341. *Monti G. M.* Le confraternite medioevali dell'alta e media Italia. V. I–II. Venezia, 1927.
342. *Idem.* Le corporazioni nell'evo antico e nell'alto medio evo. Lineamenti storiche. Bari, 1934.

343. *Montmasson E.* Chronologie de la vie de saint Maxime le Confesseur (580–662) // *Echos d'Orient*. T. 82. 1910. P. 150–164.
344. *Mor C. G.* I gastaldi con potere ducale nell'ordinamento publico longobardo // *Atti di I Congresso internazionale di studi longobardici*. Spoleto, 1952.
345. *Muratori L.* *Annali d'Italia*. Venise, 1839.
346. *Natalucci N.* Ancona attraverso i secoli. T. I. Città di Castello, 1960.
347. *Idem.* Rapporti politici ed economici dell'arcivescovia di Ravenna con alcuni territori dell'antico Pentapoli // *Studia picena*. Vol. 31. Fano, 1963. P. 67–87.
348. *Nauerth C.* Agnellus von Ravenna. Untersuchungen zur archaeologischen Methode des ravennatischen Chronisten (Beitrage zur Medievistik und Renaissance — Forschung, 15). München, 1974.
349. *Nissen H.* *Italische Landeskunde*. Bd. I–II. B., 1902.
350. *Noailles P.* Les collections de Nouvelles de l'empereur Justinien. Origine et formation sous Justinien. P., 1912.
351. *Noble Th. F. X.* The Republic of St. Peter. The Birth of the Papal State, 680–825. Philadelphia, 1984.
352. *Nordhagen I.* Nuovi constatazioni sui rapporti artistici fra Roma e Bizanzio sotto il pontificato di Giovanni VII (705–708) // *Atti del 3 Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medio Evo*. Spoleto, 1959. P. 445–452.
353. *Oats W.* The Population of Rome // *Classical Philology*. Vol. 29. 1934. P. 101–116.
354. *Ohnsorge W.* L'Idea d'Impero nel secolo nono e l'Italia Meridionale // *Atti del 3 Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medio Evo*. Spoleto, 1959. P. 255–272.
355. *Idem.* Die Konstantinische Schenkung, Leo III und die Anfänge der kirchlichen Römischen Kaiseridee // *Idem.* *Abendland und Byzanz*. Weimar, 1958. S. 79–82.
356. *Idem.* Renovatio regni francorum // *Idem.* *Abendland und Byzanz...* S. 111–130.
357. *Idem.* Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter. Die Bedeutung des byzantinischen Reiches für die Entwicklung der Staatsidee in Europa. Hildesheim, 1947.
358. *Orselli A. M.* Il santo patrono cittadino: genesi e sviluppo del patrocinio del vescovo nei secoli VI e VIII // *Agiografia altomedioevale* / Ed. S. Boesch Gajano. Bolgna, 1976. P. 85–104.
359. *Ortolani M., Alfieri N.* Contributo alle ricerche sull'antica delta padana // *Atti del XV Congresso geografico italiano*. Torino, 1955. P. 855–860.
360. *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*, 25, 1975. P. 3–32.
361. *Otranto G.* Italia Meridionale e Puglia paleocristiane. Saggi storici. (Scavi e ricerche, 5). Bari, 1991.
362. *Palasse M.* Orient et Occident à propos du colonat romain au Bas-Empire. Lyon, 1950.

363. *Palmieri A.* Un probabile confine dell'Esarcato di Ravenna nell'Appennino Bolognese (Montovolo-Vimignano) // Atti e Memorie della Deputazione di Storia Patria per le province di Romagna, Ser. 4a, IV. Bologna, 1913-1914. P. 38-87.

364. *Panciera S.* Vita economica di Aquileia in età romana. (Associazione Nazionale per Aquileia, Quderno 6). Aquileia, 1957.

365. *Parlangeli O.* Storia linguistica e storia politica nell'Italia Meridionale. Firenze, 1960.

366. *Patitucci Uggeri S.* Testimonianze archeologiche dell'«Castrum Comiaculum». Relazione praeliminare degli scavi 1975 // Archeologia Medievale, III. 1976. P. 283-291.

367. *Patlagéan E.* L'impôt pagé par les soldats au VIe siècle // Armeés et fiscalités dans le Monde antique. P., 1977. P. 303-309.

368. *Peitz W. M.* Liber Diurnus. Beitrage zur Kenntnis der ältesten päpstlichen Kanzlei vor Gregor dem Grossen. Wien, 1918.

369. *Idem.* Martin I und Maximus Confessor: Beitrage zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645-667 // Historisches Jahrbuch, Bd. 38, Heft. 2-3. München, 1917. S. 456-457.

370. *Perugi G. L.* Aratore. Venezia, 1909.

371. *Pinzi G.* De nummis ravennatibus dissertatio singularis. Venezia, 1750.

372. *Pertusi A.* Contributi alla storia dei «temi» bizantini dell'Italia Meridionale // Atti de 3 Congresso internazionale di Studi sull'Alto Medio Evo. Spoleto, 1959. P. 495-518.

373. *Idem.* Nuova ipotesi sull'origini dei «temi» bizantini // Aevum, 28. Milano, 1954. P. 126-150.

374. *Idem.* Ordinamenti militari, guerre in Occidente e teorie di guerra dei Bizantini // Settimane di Studi del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medio Evo, XV, T. II. 1968. P. 631-700.

375. *Peruzzi A.* Storia d'Ancona dalla sua fondazione all'anno 1802. Vol. I. Pesaro, 1885.

376. *Pierpaoli M.* Storia di Ravenna. Dalle origini all'anno Mille. Ravenna, 1986.

377. *Pinzi G.* De nummis ravennatibus dissertatio singularis. Venezia, 1750.

378. *Pivano S.* Contratti agrari in Italia nell'alto medioevo. Milano—Roma—Napoli, 1904.

379. *Pochettino G.* I Longobardi nell'Italia Meridionale (570-1080). Napoli, s. a.

380. *Polverari A.* Una Bulgaria nella Pentapoli: Longobardi, Bulgari e Scлавini a Senigallia. Senigallia, 1969.

381. *Polloni A.* Toponomastica Romagnola (Biblioteca dell'Archivium Romanicum», fondata da G. Bertoni, Ser. II. Linguistica. Vol. 33). Firenze, 1966.

382. *Pullè E.* Italia. Genti e favelle. T. I-II. Torino, 1927.

383. *Raby F. G. E.* A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. I. Oxford, 1934.

384. *Rasi P.* «Exercitus Italicus» e milizie cittadine nell'alto medioevo (R. Università di Padova. Pubblicazioni dell'Istituto di diritto romano. Storia del diritto e diritto ecclesiastico, v. II). Padova, 1937.

385. *Renoyard G.* Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age. P., 1968.
386. *Richards J.* The Popes and the Papacy in the Early Middle Ages. 476–752. L., 1979.
387. Recherche e studi sull «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) // Istituto Storico Italiano per il Medio Evo. Studi Storici, fasc. 148–149. Roma, 1985.
388. *Riedinger R.* Die Lateranakten von 649 — ein Werk der Byzantiner um Maximos Homologetes // Byzantina. T. 13, 1, 1985. S. 517–534.
389. *Rigle A.* Spätromische Kunstindustrie. Wien, 1927.
390. *Rivoira G. T.* Le origini della architettura lombarda e delle sue principali derivazioni nei paesi d'oltr'Alpe. Vol. I. Roma, 1902.
391. *Roberti M.* Dei beni appartenenti alle città dell'Italia Settentrionale dalla invasioni barbariche al sorgere dei comuni // Archivio giuridico «Filippo Serafini». Vol. LXX (XI), fasc. I. Modena, 1903. P. 3–59.
392. *Rodocanacchi E.* Les corporations ouvrières à Rome depuis la chute de l'Empire Romain. T. I–II. P., 1894–1900.
393. *Idem.* Les institutions communales de Rome sous le papauté. P., 1901.
394. *Rohlf G.* Estudios sobre geografía lingüística in Italia. Granada, 1952.
395. *Rösch G.* ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zum offiziellen Gebrauch des Kaisertitel in Spätantiker und frühbyzantinischen Zeit. Wien, 1978.
396. *Rosenfeld F.* Über die Composition des Liber Pontificalis bis zu Papst Constantin. Marburg, 1896.
397. *Rosetti E.* Forlimpopoli e dintorni. Milano, 1900.
398. *Roth H.* Die Ornamentik der Langobarden in Italien. Eine Untersuchung zur Stillentwicklung anhand der Grabfunde (Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur klassischen und provinzial-römischen Archäologie und zur Geschichte des Alterthums. Bd. 15). Bonn, 1973.
399. *Rubeus G.* Historiarum Ravennatum libri decem. Ravenna, 1580.
400. *Ruggini L.* Ebrei e orientali nell'Italia Settentrionale fra il IV e VI secolo d. Ch // Studia et Documenta Historiae et Juris, XXV, Roma, 1959. P. 186–308.
401. *Eadem.* Economia e Società nell'Italia Annonaria. Rapporti fra agricoltura e commercio dal IV al VI secolo d. Cr. (Fondazione G. Castelli, 30). Milano, 1961.
402. *Runciman S.* The Byzantine Theocracy. Cambridge—London—New-York—Melburne, 1977.
403. *Russel J. G.* Late Ancient and Medieval Population (Transactions of the American Philological Society. NS. 5. Vol. 48, Part 3). Philadelphia, 1958.
404. *Salvioli G.* Sulla distribuzione della proprietà fondiaria in Italia al tempo dell'Impero Romano. Studi di storia economica (Studio 1) // Archivio Giuridico «Filippo Serafini», NS. Vol. III, (LXII), fasc. III. Modena, 1899. P. 499–539.
405. *Sanstierre J. M.* Monaci e monasteri greci a Ravenna // Storia di Ravenna. Vol. II, Parte 2. Dal età bizantina all'età ottoniana. Ecclesiologia, cultura e arte / A cura di A. Carile. Ravenna, 1992. P. 323–329.
406. *Savini G.* Per i monumenti e per la storia di Ravenna. Note storiche critiche e polemiche. Ravenna, 1914.

407. *Schaffran E.* Kunst der Langobarden in Italien. Jena, 1941.
408. *Schetter W.* Studien zur Überlieferung und Kritik des Elegikers Maximian. Wiesbaden, 1970.
409. *Schmale F.-J.* Funktion und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung. Eine Einführung. Darmstadt, 1985.
410. *Schneider F.* Die Entstehung von Burg und Landgemeinde in Italien. Berlin—Irunswald, 1924.
411. *Idem.* Die Reichsverwaltung in Toscana von der Staufer (569–1268). (Bibliothek des Kgl. Preuss. historischen Instituts in Rom. Bd. XI). Bd. I. Rom, 1914.
412. *Idem.* Röm und Römgedanke im Mittelalter. Die geistige Grundlagen der Renaissance. München, 1926.
413. *Schnetz J.* Untersuchungen über die Quellen der Cosmographie des Anonymen Geographus von Ravenna. München, 1942.
414. *Schulten A.* Fundus // Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaften. Bd. VII, Hlbb. I. Stuttgart, 1910. S. 296–301.
415. *Schulze M. V.* Altchristliche Städte und Landschaften. Bd. I. Konstantinopol—Lpz., 1913.
416. *Schürr H.* L'evoluzione dei dialetti romagnoli // *Idem.* Le voce della Romagna. Profilo linguistico-letterario. Ravenna, 1974. P. 21–59.
417. *Sciuto F. E.* La «Ectesis» dell'imperatore Eraclio quale simbolo del conflitto teologico-politico tra Roma e Constantinopoli nel VII secolo // Sicilia e Italia suburbicaria tra IV e VIII secolo. Atti del Convegno di studi / Ed. S. Pricoco, F. Rizzo Nervo, T. Sardella. Catania, 1991. P. 268–282.
418. *Segre A.* Metrologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna, 1928.
419. *Idem.* Circolazione monetaria e prezzi nel mondo antico ed in particolare in Egitto. Roma, 1972.
420. *Sestàn E.* La composizione antica della società in rapporto allo svolgimento della civiltà in Italia nel secolo VII // *Idem.* Italia Medievale. Napoli, 1966. P. 23–24.
421. *Sestàn E.* Stato e nazione nell' Alto Medioevo. Ricerche sulle origini nazionali in Francia, Italia, Germania. Napoli, 1952.
422. *Siena L.* Storia della città di Sinigallia. Sinigallia, 1764.
423. *Simonini A.* Autocefalia ed esarcato in Italia. Ravenna, 1969.
424. *Idem.* La Chiesa Ravennate. Splendore e tramonto du una metropoli. Ravenna, 1964.
425. *Sirago V. A.* L'Italia agraria sotto Trajano. Louvain, 1958.
426. *Smalley B.* Historians in the Middle Ages. N.-Y., 1974.
427. *Solari A.* Brixellum // Athenaeum, T. 9, 1931. P. 420–425.
428. *Solmi W.* Le associazioni in Italia avanti le origini del comune. Modena, 1898.
429. *Idem.* Le arti nell'Alto Medio Evo // *Bulletino di Arte*, a. XXVI, N 2. Roma, 1933. P. 49–55.
430. *Sorranzo G.* L'Antico navigabile Po di Primaro nella economica e politica della delta Padano. Milano, 1964.

431. *Spearing E.* The Patrimony of the Roman Church in the Time of Pope Gregory the Great. L., 1918.
432. *Spreti D.* Della grandezza, della ruina e della restaurazione di Ravenna. Pesaro, 1574.
433. *Stavridou-Zafraka A.* Slav invasions and the thème organisation in the Balkan peninsula // *Βυζαντινά. Θεσσαλονίκη*, τ. 12, 1992.
434. *Stein E.* La disparition du Senat de Rome à la fine du VI siècle // *Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morale et politiques de l'Academie de Belgique*, 5 ser. T. XXV. 1939.
435. *Idem.* Introduction a l'histoire et aux institutions byzantines // *Traditio*, 7(1949/51). P. 95–168.
436. *Idem.* Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staat // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher*, I. 1920. S. 50–89.
437. *Idem.* Studien zur Geschichte des Byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius-Konstantinus. Stuttgart, 1919.
438. *Steinwenter A.* Fundus cum instrumento. Eine agrar — und rechtsgeschichtliche Studie. (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften im Wien. Phil-hist. Klasse, 221. Abh. I). Wien, 1942.
439. *Stökle A.* Spätromische und byzantinische Zünfte. (Klio, Beiheft 9). Lpz., 1911.
440. *Storia di Ravenna. T. II. Dall'età Bizantina all'età Ottoniana.* A cura di A. Carile. 1. Territorio, economia e società. 2. Ecclesiologia, cultura e arte. Ravenna, 1991.
441. *Stratos A.* The Exarch Olympius and the Supposed Arab Invasion of Sicily in A. D. 652 // *Idem.* Studies in 7th Century Byzantine Political History. L., X, 1983.
442. *Idem.* Expedition de l'empereur Constantin III surnome Constant en Italie // *Bizanzio e l'Italia. Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi.* Milano, 1982. P. 348–357.
443. Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. (Berliner. Byz. Arb. 47). B., 1976.
444. *Stuhlfath W.* Gregor der Grosse. Heidelberg, 1913.
445. *Svoronos N.* Remarques sur les structures économiques de l'Empire Byzantine an XI siècle // *Travaux et Memories*, T. VI. P., 1976. P. 49–67.
446. *Sundwall I.* Andhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919.
447. *Susini G.* Gli argentari di Ravenna // *Atti e Memorie della Deputazione di Storia Patria per le province di Romagna.* Bologna. Vol. II. 1959–1960. P. 153–158.
448. *Tabacco G.* La concessione fra potere e possesso nel regno franco e nel regno longobardo // *I problemi dell'Occidente nel secolo VIII. (XX Settimana di Centro italiano di Studi sull'Alto Medio Evo).* Spoleto, 1973. P. 133–168.

449. *Tabanelli M.* La Romagna Romana. Ravenna, 1980.
450. *Tagliavini G.* Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1952.
451. *Idem.* Storia di parole pagane e cristiane attraverso i tempi. Brescia, 1963.
452. *Tamara A.* Storia di Trieste. Vol. I. Roma, 1924.
453. *Tamassia G.* Bologna e scuole imperiali di diritto // Archivio giuridico «Filippo Serafini», 40, fasc. 3-4. Pisa, 1888. P. 241-284.
454. *Tamassia N.* Le Associazioni in Italia nel periodo precomunale // Archivio giuridico «Filippo Serafini». Vol. II (LXI), fasc. 5. Modena, 1898.
455. *Idem.* Chiesa e popolo. Note per la storia della Italia precomunale // Archivio giuridico «Filippo Serafini». Vol. XI (LXI), fasc. I. Modena, 1903.
456. *Idem.* L'enfiteusi ecclesiastici ravennate e an racconto di Agnello. (Nota). Bologna, 1920.
457. *Idem.* Per la storia dell'Authentico // Atti dell'istituto Veneto di scienze, lettere et arti. Ser. VII. T. IX, Venezia, 1897-1898. P. 58 sqq.
458. *Tardi D.* Fortunat. Étude sur un dernier représentant de la poésie latin en Gaul Meroving. P., 1927.
459. *Teall J. K.* The Barbarians in Justinian's Army // Speculum, XL, 2, 1965. P. 294-322.
460. *Idem.* The Grain supply of the Byzantine Empire, 330-1025 // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 13. 1959. P. 89-139.
461. *Thomai T.* Historia di Ravenna. Pesaro, 1574.
462. *Tizato R.* Le Scholae peregrinorum fra il secolo ottavo e il secolo nono (Quaderni di «Nuova historia», 5). Verona, s. a.
463. *Tjäder J.-O.* Il nuovo papiro ravennate dell'VIII secolo a Belluno e il papiro Marini CXI // Bulletin dell'Archivio paleografico italiano. Vol. II-III, Parte 2, 1956-1957. P. 342-356.
464. *Tonini A.* Storia civile e sacra Riminese. T. II. Rimini, 1856.
465. *Torsten O.* Riche. Eine geschichtliche Studie über die Entwicklung der Reichsidee. München—Berlin, 1943.
466. *Toubert P.* Les structures du Latium médiéval: Le Latium meridional e le Sabine du IX à la fin du XII siècle. Roma, 1973.
467. *Traversi C.* Il volto nuovo di Comacchio // Universo. Rivista bimestrale dell'Istituto geografico militare. a. XXXVIII. Firenze, 1958. P. 231-246.
468. *Trauzzi A.* Attraverso l'onomastica del Medio Evo in Italia. Rocca S. Casciano, 1916.
469. *Treadgold W.* Byzantium and It's Army. 284-1081. Stanford, California, 1995.
470. *Idem.* The Military Lands and the Imperial Estates in the Middle Byzantine Empire // Harvard Ukranian Studies, 7, 1983. P. 619-631.
471. *Vaccaj G.* Pesaro (Collezione di monografie illustrate. Ser. I a. Italia artistica, 41). Bergamo, 1909.
472. *Vasina A.* Le autonomie cittadine in Romagna // Idem. Romagna medioevale. Ravenna, 1970. P. 137-200.

473. *Idem*. Cento anni di studi sulla Romagna. 1861–1961. Bibliografia storica. V. 1–2. Faenza, 1962.
474. *Idem*. Possessi ecclesiastici ravennati nella Pentapoli durante il Medioevo // Studi Romagnoli, a. 18. Faenza, 1967. P. 333–367.
475. *Vasina A., Vazard B.* Ricerche e studi sul Breviarium ecclesiae Ravennatis (Codice Bavaro). Roma, 1985.
476. *Vecchiazzani H.* Historia di Forlimpopoli. Rimini, 1647.
477. *Vercauteren F.* Die spätantike Civitas im frühen Mittelalter // Die Stadt des Mittelalters. Bd. I. Darmstadt, 1972, S. 122–138.
478. *Vergottini G.* Lineamenti storici della costituzione politica dell'Istria durante il Medio Evo. T. I–II. Roma, 1924.
479. *Virchow R.* Auf dem Wegen der Langobarden // Zeitschrift für Ethnologie, 20, B., 1888, S. 508–532.
480. *Visconti M.* Il collegium pistorum nelle fonti giuridiche romane e medioevale // Rendiconti di R. Istituto Lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere e scienze morale e storiche. T. LXIV. 1931. P. 6–10.
481. *Ughelli F.* Italia Sacra. T. II. Roma, 1717.
482. *Waltzing J. P.* Etude historique sur les corporations professionnelles chez les romains depuis les origines jusqu'à la chute de L'Empire d'Occident. T. I–IV. Louvain, 1895–1896.
483. *Ward-Perkins I.* Il commercio dei sarcofagi in marmo fra Grecia e l'Italia Meridionale // Atti di Congresso internazionale di archeologia dell'Italia Settentrionale (Torino 21–24 giugno 1961). Torino, 1963. P. 119–124.
484. *Ullmann W.* The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. L., 1969.
485. *Weber L.* Hauptfrage der Moraltheologie Gregors des Grossen. Ein Bild Altchristlicher Lebensführung. Freiburg in der Schweiz, 1947.
486. *Werner J.* Die Langobarden in Pannonien. Beiträge zur Kenntnis der langobardischen Bodenfunde von 568 (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Phil-Hist. Klasse. Abhandlungen. Neue Folge. Hft. 55. A-B.). Bd. 1–2. München, 1962.
487. *Idem.* Zur Ausführ koptischen Bronzugeschirrs ins Abendland während des 6 und 7. Jahrhundert // Vierteljahrschrift für Sozial-und-Wirtschaftsgeschichte. Bd. 42, Heft 4. Wiesbaden, 1955. S. 353–356.
488. *Whitehouse D.* Sedi medioevali nella campagna romana: la «domuscul-ta» e il villaggio fortificato // Quaderni storici della Marche. a. 8, Ancona, 1973. P. 861–876.
489. *Wiat R.* Régime de terres du fisc an Bas-Empire. P., 1894.
490. *Wickham Ch.* Early Medieval Italy. Central Power and Local Society. 400–1000. L., 1981.
491. *Wies W.* Karl der Grosse. Kaiser und Heiliger. München, 1986.
492. *Winkelmann F.* Die Östliche Kirche in der Epoche der christologischen Auseinandersetzungen (5. bis 7. Jahrhundert). B., 1980.

493. *Zachariae von Lingenthal K. E.* Zur Geschichte des Authenticum und der Epitome Novellarum des Antecessor Julianus // *Idem. Kleine Schriften...* 1973. S. 120.

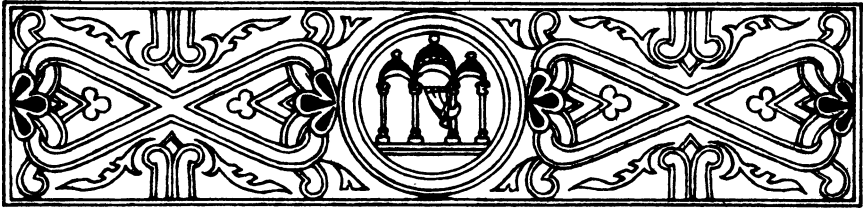
494. *Zattoni G.* La data della Passio di S. Apollinare // *Atti dell'Accademia Reale dello scienze di Torino, XXXIX, 1904.* P. 364–378.

495. *Idem.* Il valore storico della Passio di S. Apollinare e la fondazione dell'episcopato a Ravenna e in Romagna // *Rivista storico-critico delle scienze teologiche, I. 1905.* P. 662–677, II. 1906. P. 179–200; 677–691.

496. *Zoras G.* Le Corporazioni Bizantini. Studie sull 'Επαρχικον βιβλιον dell'imperatore Leone VI. Roma, 1931.

497. *Zovatto P. L.* Grado antichi monumenti. Bologna, 1971.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БК — Баварский кодекс (Codex traditionum ecclesiae Ravennatis).
Agathias — *Agathiae Myrinaei* Historiarum libri quinque.
Agnellus — *Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis*.
Const. Pragm. — Constitutio Pragmatica.
Cosm. — *Ravennatis Anonymi* Cosmographia.
Ep. — Epistola.
CIL — Corpus inscriptionum latinarum.
CJ — Codex Justiniani.
CJC — Corpus juris civilis.
C Th — Theodosiani libri XVI constitutionibus.
Greg. Magn. — Gregorius Magnus.
Greg. Tur. — *Gregorii episcopi Turonensis* Historia Francorum.
Mansi — *Mansi J. D.* Sacrorum conciliorum collectio nova et amplissima.
Marini — *Marini G.* Papyri diplomatici raccolti ed illustrati dall'abate Gaetano Marini. Roma, 1805.
MGH — Monumenta Germaniae Historica.
Paul. Diac. — *Pauli Diaconi* Historia gentis langobardorum.
PG — *Migne J.* Patrologiae cursus completus... Series graeca.
PL — *Migne J.* Patrologiae cursus completus... Series latina.
Proc. Caes. Bell. Goth. — *Procopii Caesariensis* De Bello Gothico.
SP — Adnotationes Codicum Domini Justiniani (Summa Perusina).
Tjäder — *Tjäder J.-O.* Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700. Bd. I. Lund, 1955 — Bd. II. Stockholm, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
<i>Введение</i>	7
Предмет и задачи исследования	7
Историография	12
Источники. Письменная традиция Византийской Италии	22

Часть I

Византийская Италия: проблемы административной и социально-политической эволюции

<i>Глава 1. Развитие административных структур</i>	69
Византийская администрация в Италии	70
Вооруженные силы Византийской Италии	77
Экзархат и фема	87
<i>Глава 2. Политические процессы</i>	101
Внешнеполитическая история Византийской Италии (втор. пол. VI — сер. VIII в.). Ее периодизация	102
Возникновение Равеннского экзархата	119
Римские папы и равеннские епископы	130
Оппозиция монофелитству в Италии и «дело» папы Мартина I	142
Равеннское восстание 710–711 гг.	161
Итало-византийские узурпаторы	167
Последняя узурпация. Восстановление империи на Западе	175

Часть II

Северо-Восточная Италия: равеннский феномен

<i>Глава 3. Аграрные отношения</i>	189
Природные условия. Аграрная топография Равеннского экзархата и Пентаполей. Социально-экономическое развитие региона в довизантийское время	190

Структура земельной собственности. Управление сельскохозяйственным производством	198
Производственные отношения. Положение непосредственных производителей	210
Экономические взаимоотношения внутри слоя земельных собственников. Распределение прибавочного продукта	217
Примерный уровень эксплуатации непосредственных производителей	225
Равеннская церковь и ее familiares	228
<i>Глава 4. Город и торговля</i>	244
Судьбы муниципального устройства	245
Развитие ремесла и торговая деятельность	257
Социальная стратификация городского населения	293
Городские и сельские поселения в Равенском экзархате и Пентаполях	303
<i>Глава 5. Этнические процессы в Восточной Италии. Специфика равеннского феномена</i>	309
Греки и выходцы с востока империи в Восточной Италии	309
Эмилия-Романья и варвары	321
Проблема «равеннского сепаратизма»	331
<i>Заключение</i>	341
<i>Примечания</i>	347
<i>Приложения</i>	
Приложение I. Карты	423
Приложение II. Таблицы	427
Приложение III. Равеннские экзархи	439
Приложение IV. Равеннские архиепископы	440
<i>Библиография</i>	
Источники	442
Исследования	447
<i>Список сокращений</i>	471

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

В. С. Кучукбаев

Редактор:

Л. А. Абышко

Корректор:

Т. А. Брылева

Оригинал макет:

А. Б. Левкина

ИД № 04372 от 26. 03. 2001 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 10.05.2000. Подписано в печать 20.07.2001.

Формат 60x88/16. 30 п. л. Тираж 900 экз. Заказ № 4276

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН.
Качество соответствует предоставленным оригиналам.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12**

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алетейя» означает «истина», «правдивость», «открытость») и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие известными книжные серии: «Античная библиотека» (издается с 1993 г.), «Византийская библиотека» (издается с 1996 г.); «Памятники религиозно-философской мысли» (издается с 1993 г.); «Исследования по истории русской мысли» (издается с 1996 г.), «Российские социологи» (издается с 1996 г.), французская серия «Gallicinium» (издается с 1998 г.); «Античное христианство» (издается с 1998 г.), «Российские психологи. Петербургская научная школа» (издается с 1998 г.), «Классики русской философии права» (издается с 1999 г.), мемуарная «Петербургская серия» (издается с 1999 г.) и некоторые другие. Всего, включая многочисленные внесерийные издания, «Алетейя» выпустила в свет уже более 500 названий книг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ» СЕГОДНЯ — ЭТО:

- высококачественные переводы классических и современных философских, научных и т. д. текстов на русский язык с основных древних и любых современных языков;
- академическая подготовка публикуемых текстов (научный комментарий, сопроводительные статьи, справочный аппарат), осуществляемая лучшими специалистами в своей области;
- высокое качество полиграфического исполнения и художественного оформления изданий (лучшие материалы и лучшие типографии города) при сжатых сроках прохождения заказа;
- возможность размещения и сопровождения малотиражных полиграфических заказов (книги в твердых переплетах, тиснение фольгой) на самых льготных условиях;
- эффективная технология оптовой торговли специальной, научной литературой, удачный опыт представления лучших образцов отечественного научного книгоиздания на крупнейших книжных ярмарках России и Европы (во Франкфурте, Лондоне, Париже, Лейпциге, Барселоне, Варшаве и др.).

Среди книжных новинок издательства особенно хочется отметить наши новые переводы, первые издания на русском языке:

- «Древнегреческая элегия»;
- Гигин «Мифы», «Об астрономии»;
- Нонн Панополитанский «Подвиги (Деяния) Диониса»;
- М. Нильссон «Греческая народная религия»;
- Евагрий Схоластик «Церковная история»;
- А. Мацейна «Великий инквизитор», «Тайна беззакония»;
- Ж. де Местр «Санкт-Петербургские вечера»;
- Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои»;
- Н. Аббаньяно «Мудрость жизни», «Мудрость философии», «Введение в экзистенциализм»;
- Дж. Беркли «Алкифрон, или Мелкий философ»;
- Дитрих фон Гильдебранд «Что такое философия?», «Новая Вавилонская башня», «Сущность христианства», «Сущность любви», «Этика»;
- К. Барт «Очерк догматики»;
- Ж.-П. Сартр «Идиот в семье»;
- Симона де Бовуар «Второй пол» и многие другие.

К бесспорным успехам издательства можно отнести трехтомную «Историю Византии» выдающегося русского историка-византиста Юлиана Кулаковского, «Алексиаду» Анны Комниной, новое русское издание Павсания «Описание Эллады» (в 2-х томах), издание итоговой книги размышлений об истоках и судьбах русской литературы Дмитрия Лихачева «Историческая поэтика русской литературы», а также возвращение из небытия книги знаменитого русского мыслителя Алексея Лосева «Имя», собранной на основе материалов, переданных его семье из архивов ФСБ, авторскую версию «Основ средневековой религиозности» Л. П. Карсавина, сборник исторических свидетельств «Суд над Сократом», сочинения в двух томах основателя русской социологии М. М. Ковалевского («Социология», «Современные социологи»), книги серии «Античное христианство» с параллельными текстами и многие другие издания.

Издательство «Алетейя» (Санкт-Петербург)

в серии «АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА» выпустило в свет

В разделе «Литература»:

- Марк Валерий Марциал «Эпиграммы» (1994 г.);
- Ювенал «Сатиры» (1994 г.);
- «Античные поэты об искусстве» (1996 г.);
- Гигин «Поэтическая астрономия» (1997 г.);

- Катулл «Избранная лирика» (в новых переводах с параллельными текстами) (1997 г.; издание 2-е, исправленное — 1999 г.);
- «Древнегреческая элегия» (1997 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Аттические сказки»;
- Лукиан «Сочинения» в 2-х томах (2000 г.);
- Арат «Явления» (2000 г.).

В разделе «История»:

- Ксенофонт «Греческая история» (1993 г.) (вышло три издания);
- Арриан Флавий «Поход Александра» (1993 г.);
- Геродиан «История императорской власти» (1995 г.);
- Аммиан Марцеллин «Римская история» (1994 г.) (вышло три издания);
- Аппиан «Римские войны» (1995 г.);
- Секст Юлий Фронтин «Военные хитрости» (1996 г.);
- «Греческие полиоркеттики. Вегеций: Краткое изложение военного дела» (1996 г.);
- Павсаний «Описание Эллады» в 2-х томах (1996 г.);
- Гигин «Мифы» (1997 г.);
- «Суд над Сократом» (сборник исторических свидетельств) (1997 г.);
- Нонн Панополитанский «Деяния Диониса» (1997 г.);
- Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои» (с параллельными текстами) (1998 г.);
- Гай Светоний Транквилл «О жизни цезарей. О блистательных мужах» (1998 г.);
- «Первый Ватиканский мифограф» (1999 г.);
- Евтропий «Бревиарий от основания Города» (2001 г.).

В разделе «Философия»:

- Ксенофонт «Сократические сочинения» (1993 г.);
- Плотин «Сочинения» (1995 г.).
- А. Ф. Лосев «Античная философия истории» (2000 г.);
- Сенека «Философские трактаты» (2001 г.);
- Ямвлих Халкидский «Комментарии на диалоги Платона» (2000 г.).

В разделе «Исследования»:

- Вяч. Иванов «Дионис и прадионисийство» (1994 г.);
- В. С. Дуров «Нерон, или Актер на троне» (1994 г.);
- Е. В. Герцман «Музыка Древней Греции и Рима» (1995 г.);
- П. Гиро «Частная и общественная жизнь греков» (1995 г.);
- П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян» (1995 г.);
- А. С. Степанова «Философия древней Стои» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Из жизни идей» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Соперники христианства» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Возрожденцы» (1997 г., 2-е издание — 1999 г.);

- Ф. Ф. Зелинский «Древний мир и мы» (1997 г.);
- В. В. Латышев «Греческие древности». Часть 1 — «Государственные и военные древности», часть 2 — «Богослужебные и сценические древности» (1997 г.);
- М. Нильссон «Народная греческая религия» (1999 г.);
- М. В. Скржинская «Скифия глазами эллинов» (1999 г.);
- М. В. Скржинская «Будни и праздники древней Ольвии» (2000 г.);
- Т. Гомперц «Греческие мыслители» (в 2-х томах) (1999 г.);
- Р. Пёльман «Очерк греческой истории и историографии» (1999 г.);
- А. А. Тахо-Годи, А. Ф. Лосев «Греческая культура в мифах, символах и терминах» (1999 г.);
- «Ранняя греческая лирика» (1999 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Римская империя» (пер. с польского) (1999 г.);
- Д. О. Торшилов «Античная мифография: мифы и единство действия» (1999 г.);
- Э. Р. Доддс «Греки и иррациональное» (2000 г.);
- А.-Ж. Фестюжьер «Личная религия греков» (2000 г.);
- Ю. В. Шанин «Олимпия. История античного атлетизма» (2001 г.);
- В. Н. Парфенов «Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика» (2001 г.);
- Н. С. Гринбаум «Микенологические этюды» (2001 г.);
- А. В. Ситников «Философия Плотина и традиция христианской патристики» (2001 г.).

*В серии «ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА»
вышли следующие книги:*

В разделе «Источники»:

- Анна Комнина «Алексиада» (1996 г.);
- Иордан «О происхождении и деяниях гетов (Гетика)» (1997 г.);
- «Византийский медицинский трактат XI–XIV вв.» (1997 г.);
- Прокопий Кесарийский «Война с вандалами. Война с персами. Тайная история» (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное) (1999 г.);
- Евагрий Схоластик «Церковная история» в трех томах (2000–2002 гг.);
- Олимпиодор Фиванский «История» (с греческим текстом).
- Преподобный Симеон Новый Богослов «Прииди, Свет истинный. Избранные гимны» (2000 г.);
- Павел Орозий «История против язычников. Книги I–III» (2001 г.);
- Дионисий Ареопагит «О церковной иерархии. Послания» (с параллельным греческим текстом) (2001 г.).
- «Житие Андрея Юродивого» (с греческим текстом) (2001 г.).

В разделе «Исследования»:

- Ю. А. Кулаковский «История Византии» в 3-х томах (1996 г., готовится новое издание);
- Е. В. Герцман «В поисках песнопений греческой Церкви. Преподобный Порфирий Успенский и его коллекция греческих музыкальных рукописей»;
- А. П. Рудаков «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии»;
- И. П. Медведев «Византийский гуманизм»;
- Г. Г. Литаврин «Как жили византийцы»;
- А. А. Чекалова «Константинополь в VI в. Восстание Ника»;
- А. П. Каждан «Византийская культура»;
- М. В. Бибиков «Византийская историческая проза»;
- И. В. Кривушин «Ранневизантийская церковная историография»;
- А. П. Лебедев «Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века»;
- А. П. Лебедев «Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках»;
- А. П. Лебедев «Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века (От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г.)»;
- А. П. Лебедев «История разделения Церквей»;
- А. П. Лебедев «Церковная историография...»;
- А. П. Лебедев «История Константинопольских соборов IX века»;
- О. Р. Бородин, С. Н. Гукова «История географической мысли в Византии»;
- А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин «Византия и южные славяне»;
- А. А. Васильев «История Византийской империи» в 2-х томах;
- Я. Н. Любарский «Византийские историки и писатели»;
- Г. Г. Литаврин «Византия и славяне»;
- С. П. Карпов «Латинская Романия»;
- «Византия между Востоком и Западом»;
- В. П. Буданова «Готы в эпоху Великого переселения народов»;
- Е. Ч. Скржинская «Византия, Италия, Древняя Русь»;
- О. Р. Тафт «Византийский церковный обряд»;
- свящ. О. Климов «Опыт безмолвия. Человек в мирозерцании византийских исихастов» (2001 г.);
- игумен Иларион (Алфеев) «Жизнь и учение св. Григория Богослова» (2001 г.);
- игумен Иларион (Алфеев) «Преподобный Симеон Новый Богослов и Православное Предание» (2001 г.);
- игумен Иларион (Алфеев) «Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции» (2001 г.);

- Л. А. Беляев «Христианские древности. Введение в сравнительное изучение» (2000 г.).
- В. В. Кучма «Военная организация Византийской империи» (2001 г.);
- Я. Н. Любарский, П. В. Безобразов «Две книги о Михаиле Пселле» (2001 г.);
- «Византийские очерки» (Труды российской делегации к XX Международному Конгрессу византинистов) (2001 г.);
- И. П. Медведев «Правовая культура Византийской империи» (2001 г.).

Издание «Византийской библиотеки» на сегодня является приоритетной задачей издательства, поэтому и планы выпуска новых книг здесь наиболее обширны. В наших ближайших планах выпуск в свет следующих уже подготовленных для печати книг:

- Михаил Пселл «Хронография. Малые исторические сочинения»;
 - «Советы и рассказы Кекавмена»;
 - Константин Багрянородный «Об управлении империей»;
 - М. В. Бибиков «Византийские источники по истории Древней Руси»;
 - Прокопий Кесарийский «Война с готами» (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное)
- и многие другие книги.

Из внесерийных изданий наиболее заслуживают внимания: первое издание на русском языке сочинений великого французского мыслителя Жозефа де Местра в 3-х томах («Размышления о Франции», «О папе», «Санкт-Петербургские вечера»); полное собрание сочинений Г. Адамовича; «Курс русской истории» в 4-х книгах замечательного русского историка Е. Ф. Шмурло; первая публикация на русском языке итоговой книги Ж.-П. Сартра «Идиот в семье» и многие, многие другие книги.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, РЕДАКТОРОВ

Телефон редакции: (812) 567–2239.

fax: (812) 567–2253

E-mail: aietheia@spb.cityline.ru

Пишите нам по адресу: Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны. 13,
издательство «Алетейя»

ITALY

AT THE END OF THE
SIXTH CENTURY

PART 1.

Fragments of the Empire
Lombard possessions
The figure following the name of a City indicates
the year of its final conquest by the Lombards.
Modern names shown thus (Trieste)

English Miles

ITALY

AT THE END OF THE
SIXTH CENTURY

PART 2.

Fragments of the Empire
Lombard possessions
The figure following the name of a City indicates
the year of its final conquest by the Lombards.
Modern names shown thus (Syracuse)

English Miles

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

О. Р. БОРОДИН

РАВЕННСКИЙ
ЭКЗАРХАТ

ВИЗАНТИЙЦЫ В ИТАЛИИ

ВБ

РАВЕННСКИЙ ЭКЗАРХАТ
ВИЗАНТИЙЦЫ В ИТАЛИИ

О. Р. БОРОДИН

